45.

801-12
1836

E 65.
104

МАЛЬТУСЪ.

ОПЫТЪ
О
ЗАКОНѢ НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ

ИЛИ

ИЗЛОЖЕНІЕ

ПРОШЕДШАГО И НАСТОЯЩАГО ДѢЙСТВІЯ ЭТОГО ЗАКОНА НА БЛАГОДЕНСТВІЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО РОДА,
СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ НѢСКОЛЬКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ О НАДЕЖДѢ НА ОТСТРАНЕНІЕ ИЛИ СМЯГЧЕНІЕ ПРИЧИНЯЕМАГО ИМЪ ЗЛА.

ПЕРЕВЕЛЪ
П. А. БИБИКОВЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ И СО СТАТЬЕЙ ПЕРЕВОДЧИКА
ЖИЗНЬ И ТРУДЫ МАЛЬТУСА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И. ГЛАЗУНОВА, Б. МѢЩАНСКАЯ, № 8.
1868.

21229-0
2007338997

БИБЛІОТЕКА

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ МАЛЬТУСА.

Политическая экономія есть одна изъ вѣтвей политическихъ наукъ, предметъ которой есть богатство народовъ. Уже само выраженіе *богатство народовъ* представляетъ два отдѣльныя понятія: понятіе о богатствѣ и понятіе о народѣ. Очевидно, стало быть, что предметъ политической экономіи разбивается какъ бы на два отдѣла: одинъ, которому подлежатъ законы, управляющіе богатствомъ, и другой, которому подлежатъ законы, управляющіе народонаселеніемъ. Первый отдѣлъ, или первая часть политико-экономической науки, былъ впервые разработанъ въ великомъ сочиненіи Адама Смита *Изслѣдованія о Богатствѣ народовъ* съ такою полнотой, глубиной и оригинальностью; законы, управляющіе скопленіемъ, распредѣленіемъ и потребленіемъ богатствъ, установлены были великимъ шотландскимъ философомъ такъ прочно и такъ основательно, что писатель этотъ, по всей справедливости, называется отцомъ политической экономіи, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что и до него многіе писатели пытались положить прочныя основанія для этой науки, и оказали ей болѣе или менѣе важныя услуги. Выработанные имъ принципы были до такой степени поразительны и убѣдительны, что защитники всѣхъ возможныхъ политическихъ ученій, люди, считающіе своимъ долгомъ поддерживать эгоистическіе, узкіе интересы отдѣльныхъ привилегированныхъ классовъ общества, какъ и люди, самоотверженно преданные благостоянію всего народа, одинаково опирались и продолжаютъ опираться съ большею или меньшею добросовѣстностью, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, на основанія, установленныя Адамомъ Смитомъ.

Что касается до втораго отдѣла политико-экономической науки, то есть, до законовъ, управляющихъ народонаселеніемъ,

то, говоря строго, важный вопросъ этотъ не разработанъ до послѣдняго времени съ такою же полнотой и всесторонностью, какихъ онъ заслуживаетъ по первостепенному своему значенію, и какими отличаются изслѣдованія о законахъ скопленія, распредѣленія и потребленія богатствъ. Тѣмъ не менѣе, защитники существующихъ политико-экономическихъ условій, или такъ называемые *экономисты*, провозгласили книгу Мальтуса *Опытъ о законѣ народонаселенія*, какъ сочиненіе, установившее такое же прочное и незыблемое основаніе относительно законовъ народонаселенія, исчерпывающее этотъ предметъ такъ же полно и всесторонне, какъ великое сочиненіе Адама Смита исчерпываетъ предметъ о народномъ богатствѣ. На немъ опиралось до сихъ поръ и продолжаетъ опираться большинство ученыхъ, писателей и государственныхъ людей въ вопросахъ, касающихся размноженія населенія, какъ опирается на сочиненіе Адама Смита по вопросамъ о народномъ богатствѣ. Къ тому же, вѣрно ли главное положеніе Мальтуса, или подлежитъ оспариванію, сочиненіе его, тѣмъ не менѣе, поставило на очередь одинъ великій законъ и проливаетъ свѣтъ на множество другихъ, и уже по одному вліянію своему на развитіе политико-экономической науки заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Вотъ причины, побудившія меня помѣстить книгу Мальтуса въ число классическихъ сочиненій конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, избранныхъ мною для изданія въ русскомъ переводѣ. Я полагаю, что изданіе такой знаменитой книги на русскомъ языкѣ будетъ весьма небезполезно для людей, желающихъ основательно ознакомиться съ понятіями, господствующими въ политической экономіи въ настоящее время.

I. Біографическія и библіографическія свѣдѣнія о Мальтусѣ.

Томасъ-Робертъ Мальтусъ, членъ Лондонскаго Королевскаго Общества, профессоръ исторіи и политической экономіи въ Коллегіи Остъ-Индской Компаніи и одинъ изъ пяти иностранныхъ членовъ Парижской Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, родился 14 февраля 1766 года въ Рукери,

близъ Доркинга, въ одной изъ прелестныхъ мѣстностей Суррейскаго графства. Отецъ его, Даніель Мальтусъ, одинъ изъ ревностнѣйшихъ сторонниковъ философіи и политическихъ теорій восемнадцатаго вѣка, былъ владѣльцемъ Рукери, въ которомъ гостепріимно принималъ многихъ знаменитостей тогдашней эпохи, между прочимъ Давида Юма и Жанъ-Жака Руссо*.

Такъ какъ у Даніеля Мальтуса былъ уже сынъ, которому, по обычаямъ страны, онъ долженъ былъ оставить въ наслѣдство свое помѣстье, то меньшаго своего сына онъ предназначилъ къ духовному поприщу. Желая внушить сыну одновременно любовь къ религіи и отвращеніе къ религіознымъ распрямъ, отецъ поручилъ первоначальную заботу о его воспитаніи Ричарду Гравесу, автору *Духовнаго Донъ-Кихота*. Потомъ молодой Мальтусъ былъ отосланъ въ Варингтонскую академію въ Ланкаширѣ; но такъ какъ заведеніе это вскорѣ было закрыто, то онъ окончилъ первоначальное обученіе подъ руководствомъ Жильберта Вакефильда, пользовавшагося въ Англіи громкой педагогической извѣстностью.

Восемнадцати лѣтъ молодой Мальтусъ поступилъ въ кол-

---

* Матерьялами для настоящей статьи послужили:

Статья Гарнье *(Avant-propos)*, приложенная къ французскому переводу Прево (изъ Женевы) сочиненія Мальтуса: *Essai sur le principe de population*, изд. Гильомена, 1852 г.

Notice sur la vie et les travaux de Malthus, par Ch. Comte, тамъ же.

Introduction къ тому же сочиненію знаменитаго печальною своей судьбой Росси, профессора исторіи и политической экономіи сначала въ Женевѣ, потомъ въ Collège de France и въ École de droit, пера, французскаго посланника въ Римѣ и наконецъ министра Пія IX въ 1848.

Рѣчь Минье, *Notice sur Malthus*, читанная въ Académie des Sciences morales.

Основанія Политической Экономіи Джона Стюарта Милля въ 2 т. въ переводѣ Н. Чернышевскаго.

Примѣчанія переводчика къ этому сочиненію, помѣщенныя въ Современникѣ 1860 г.

Исторія цивилизаціи въ Англіи Бокля, изд. Н. Тиблена.

О происхожденіи видовъ Дарвина, въ переводѣ С. Рачинскаго.

Proudhon, *Contradictions économiques*.

Его же, *De la Justice dans la révolution*, 3-e étude.

легію Іисуса въ Кембриджѣ. Онъ получилъ ученую степень въ 1788 и былъ избранъ членомъ Общества. Въ слѣдующемъ году онъ поступилъ въ духовное званіе и возвратился въ свое семейство. Здѣсь онъ исполнялъ должность священника въ одномъ изъ сосѣднихъ приходовъ.

Самые геніальные даже люди непремѣнно испытываютъ вліяніе окружающихъ ихъ условій. Мальтусъ не избѣгъ общей участи: первая мысль о знаменитомъ сочиненіи, прославившемъ его имя, была внушена ему событіями, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, и мнѣніями, господствовавшими въ то время, когда онъ вступилъ на ученое поприще.

Сочиненія великихъ мыслителей второй половины восемнадцаго вѣка, отложеніе сѣверо-американскихъ колоній и образованіе изъ нихъ независимыхъ республикъ на началахъ, выработанныхъ философіей, наконецъ, событія, подготовившія французскую революцію, отразились въ самой Англіи, возбудили множество головъ и разрушили господствующую вѣру въ существовавшія до этого политическія ученія. Основная мысль всего движенія состояла въ ученіи о безпредѣльной усовершаемости человѣческой породы и въ такомъ же безпредѣльномъ могуществѣ человѣка надъ природой и надъ собственной своей участью: (большинство свѣтлѣйшихъ умовъ признавало, что всѣ почти бѣдствія, угнетавшія людей, не имѣли другой причины кромѣ дурнаго общественнаго устройства, такъ что достаточно однихъ политическихъ преобразованій для полнаго упроченія на землѣ счастія человѣка.)

Достойнѣйшимъ представителемъ такихъ воззрѣній въ Англіи былъ Вильямъ Годвинъ. Подъ сильнымъ вліяніемъ Руссо, Гельвеціуса и барона Гольбаха, онъ началъ свою публицистическую дѣятельность, и вскорѣ увидѣлъ необходимость привести политическія науки въ согласіе съ совершившимся переворотомъ въ общественномъ сознаніи. Мысль эта, родившаяся въ маѣ 1791, была приведена въ исполненіе въ 1793 обнародованіемъ сочиненія *О политической Справедливости**.

* *An inquiry concerning political justice*, 2 t. London, 1793. Сочиненіе это вышло третьимъ изданіемъ уже въ 1797.

Главная задача Годвина состояла въ томъ, чтобы показать, что физическія, какъ и нравственныя бѣдствія, испытываемыя человѣкомъ, происходятъ главнымъ образомъ отъ дурнаго общественнаго устройства и отъ злоупотребленій правительствъ, и что отъ самого человѣка зависитъ прекратить эти бѣдствія устраненіемъ порождающихъ ихъ причинъ. Затѣмъ, онъ предлагаетъ систему равенства, въ духѣ Кондорсе, которая предохранила бы людей отъ пагубнаго дѣйствія дурныхъ политическихъ учрежденій. Въ своей системѣ онъ смотритъ на богатыхъ, какъ на людей, которымъ поручено распоряженіе общественнымъ имуществомъ, а потому, эгоистическое пользованіе имъ во вредъ для всего общества должно считаться несправедливостью.

Кровавыя событія, случившіяся во Франціи въ эпоху появленія въ свѣтъ сочиненія Годвина, произвели переломъ въ общественномъ мнѣніи всей Европы, а въ томъ числѣ и въ Англіи; они внушили опасенія значительной части англійскаго общества. Философскія системы, которымъ приписаны были всѣ эти безпорядки, сдѣлались предметомъ отвращенія и ужаса для людей, которые, до этого, считали ихъ невинной забавой и игрушкой для празднаго воображенія. Впрочемъ, какъ ни силенъ былъ переломъ въ общественномъ мнѣніи и поворотъ къ давнопрошедшимъ теоріямъ, онъ не могъ охватить собой всѣхъ. Люди, вѣровавшіе въ идеалы, созданные великимъ философскимъ движеніемъ вѣка, были все еще довольно многочисленны, даже въ англійскомъ лицемѣрномъ обществѣ. Къ числу ихъ принадлежалъ Даніель Мальтусъ.

Но сынъ его, Томасъ, дѣлалъ изъ исторіи и политической экономіи иные выводы: онъ видѣлъ, что если правительства и виновны въ порочности и въ бѣдствіяхъ общества, то невѣжество и испорченность общества, въ свою очередь, принимали участіе, какъ въ установленіи, такъ и въ поддержаніи сквернаго политическаго устройства, и вовсе не раздѣлялъ пламенныхъ надеждъ на благодѣтельные результаты политическихъ преобразованій.

Понятно, какія столкновенія должно было вызывать между

отцомъ и сыномъ такое несходство въ политическихъ убѣжденіяхъ. Столкновенія эти только поддерживали и питали упрямую настойчивость молодаго Мальтуса, и побуждали его искать все болѣе и болѣе сильныхъ доводовъ въ защиту своихъ воззрѣній. Прямымъ образомъ защищать обычаи и учрежденія, невыгодныя для человѣческаго благостоянія, казалось ему невозможнымъ. Какъ человѣкъ сильнаго логическаго ума, онъ понялъ, что противъ тогдашнихъ демократическихъ теорій не годятся прежніе аргументы консерваторовъ. Онъ старался отыскать новые, болѣе вѣскіе и рѣшительныя. Плодомъ этой настойчивости и явилась книга, прославившая имя его нетолько въ его странѣ, но и между всѣми просвѣщенными народами.

Обнародованный Годвиномъ въ одномъ изъ англійскихъ журналовъ *Опытъ о скупости и расточительности*, и споръ Мальтуса съ однимъ изъ друзей своихъ по поводу этого сочиненія были побудительной причиной, вызвавшей знаменитый *Опытъ о законѣ народонаселенія*, какъ это можно видѣть изъ предисловія Мальтуса къ своему сочиненію, въ которомъ самъ онъ разсказываетъ о происхожденіи своего сочиненія и приводитъ писателей, которыми онъ руководствовался.

Первое изданіе *Опыта о законѣ народонаселенія* явилось безъ имени автора. На него слѣдуетъ, впрочемъ, смотрѣть, скорѣе какъ на отдѣльное сочиненіе, или какъ на планъ будущаго, болѣе обширнаго изслѣдованія, которое, дѣйствительно, явилось пять лѣтъ спустя подъ тѣмъ же заглавіемъ. Первое же его изданіе было весьма необъемисто, и составляло небольшой томъ in—8°. Оно написано было подъ вліяніемъ минуты, какъ бы въ одинъ присѣстъ, при содѣйствіи небольшаго количества матерьяловъ, какими могъ воспользоваться авторъ въ своей деревнѣ. Легшій въ основаніе его принципъ почерпнутъ былъ изъ сочиненій Юма, Валласа, Адама Смита и Прайса. Цѣль Мальтуса состояла вначалѣ въ оцѣнкѣ, на основаніи этого принципа, справедливости теорій объ усовершаемости человѣка и общества, на которой сосредоточено было вниманіе общества.

Въ 1797 году появился въ Англіи *Сборникъ* (*The Enquirer*),

состоявшій изъ ряда опытовъ Годвина по вопросамъ о воспитаніи, о нравственности и о литературѣ. Это было въ пору самой громкой извѣстности Годвина (род. 1756), только что женившагося тогда на мистрисъ Вольстонкрафтъ, сочиненія и приключенія которой еще болѣе содѣйствовали его извѣстности.

Творцы всѣхъ этихъ теорій находили препятствіе для усовершенствованія человѣка только въ политическихъ учрежденіяхъ, и въ злоупотребленіяхъ правительствъ. Они не обращали вниманія на естественное стремленіе каждаго народа увеличить свое населеніе быстрѣе, чѣмъ возрастаютъ средства для его существованія, или видѣли въ немъ только неважное и, по крайней мѣрѣ, весьма отдаленное неудобство.

Мальтусъ, напротивъ того, въ стремленіи этомъ, общемъ для всѣхъ живыхъ существъ, нашелъ главную причину страданій и бѣдности, выпадающихъ на долю низшихъ классовъ между всѣми народами. Мало того: онъ увидѣлъ въ немъ причину, которая во всѣ времена и во всѣхъ странахъ служила единственной помѣхой для попытокъ прочихъ классовъ общества помочь имъ. Слѣдя за постояннымъ ходомъ размноженія низшихъ классовъ общества, онъ нашелъ, что они встрѣчали всегда только два дѣйствительныя препятствія для своего размноженія: порокъ и нищету.

Поборники безграничной усовершаемости человѣка и общественныхъ учрежденій находили въ политическомъ устройствѣ страны единственную причину всѣхъ пороковъ и нищеты. Мальтусъ, напротивъ того, сравнивая бѣдствія, причиняемыя странѣ дурнымъ правительствомъ, съ бѣдствіями, производимыми человѣческими страстями, находитъ первыя до такой степени ничтожными, что не слѣдуетъ даже принимать ихъ въ разсчетъ въ такого рода изслѣдованіяхъ.

Системы равенства, проповѣдовавшіяся тогдашними политическими писателями, привели ихъ къ воззрѣнію на богатства вообще, какъ на общій фондъ, предназначенный для удовлетворенія потребностей всего общества, на который каждый человѣкъ имѣлъ почти одинакія права; собственность, въ особенности пріобрѣтенная путемъ наслѣдства, считалась,

по мнѣнію многихъ, не болѣе какъ премiей за праздность, какъ родъ пенсіи, ежегодно выдаваемой немногимъ лицамъ, ради поддержанія рода человѣческаго въ состояніи невѣжества и варварства. Мальтусъ смѣло возсталъ противъ этихъ теорій; онъ доказывалъ, напротивъ того, что человѣкъ, неполучившій отъ родителей никакого наслѣдства, строго говоря, не имѣетъ даже права на средства существованія, доставляемыя ему трудомъ; ибо признаніе этого права равно приговору о погибели всего общества; а потому, равенство, проповѣдуемое его противниками, если только оно когда либо осуществится, не только не сдѣлаетъ людей счастливѣе, но увеличитъ пороки и нищету. Вотъ собственныя слова его: «Человѣкъ, пришедшій въ занятый уже міръ, если родители не въ состояніи прокормить его, или если общество не въ состояніи воспользоваться его трудомъ, не имѣетъ ни малѣйшаго права требовать какого бы то ни было пропитанія, и въ дѣйствительности онъ лишній на землѣ. — На великомъ жизненномъ пиру нѣтъ для него мѣста. — Природа повелѣваетъ ему удалиться, и не замедлитъ сама привести въ исполненіе свой приговоръ.»

Сочиненіе, имѣвшее цѣлью разсѣять иллюзіи, бывшія въ полномъ ходу, опрокидывавшее всѣ системы, придуманныя для благополучія рода человѣческаго писателями, отличавшимися великими дарованіями, сочиненіе, разрушавшее, такъ сказать, нетолько всѣ будущія утопіи, но и надежды, должно было произвесть и дѣйствительно произвело глубокое впечатлѣніе. Появленіе его въ свѣтъ встрѣчено было, съ одной стороны, безпримѣрнымъ негодованіемъ, а съ другой — горячимъ энтузіазмомъ. Люди, видѣвшіе счастіе человѣческихъ обществъ въ осуществленіи своихъ теорій, старавшіеся убѣдить англійское общество, что всѣ его бѣдствія вытекали изъ дурныхъ учрежденій и что отъ него самого зависитъ собственное благосостояніе, поднялись противъ сочиненія, принимавшаго за химеры проповѣдуемыя ими надежды. Напротивъ того, всѣ тѣ, которые опасались, чтобы революція не лишила ихъ собственности и выгодъ, доставляемыхъ имъ политическими учрежденіями страны, приняли безъ разсуж-

деній мысли писателя, обезпечивавшаго за ними самую безусловную свободу въ распоряженіи своею собственностью, указывавшаго источникъ пороковъ и нищеты низшихъ слоевъ народа не въ политическихъ учрежденіяхъ, а въ иной причинѣ.

Ни несправедливыя нападки, ни чрезмѣрныя похвалы не остановили Мальтуса. Онъ подвергнулъ новому изслѣдованію принципъ, положенный имъ въ основаніе своей теоріи, и чѣмъ болѣе онъ размышлялъ, тѣмъ большее значеніе пріобрѣталъ этотъ принципъ въ его глазахъ. Сначала онъ воспользовался имъ для оцѣнки политическихъ ученій писателей, которыхъ онъ желалъ опровергнуть; затѣмъ, ему захотѣлось узнать вліяніе этого принципа на народы въ различныя историческія эпохи. Изслѣдовавъ дѣйствіе его на древніе народы и на самыя варварскія племена, говоритъ его біографъ, онъ считалъ необходимымъ представить читателю данныя изъ дѣйствительности, и къ знанію прошедшаго присоединить животрепещущіе уроки настоящаго. Онъ рѣшился сдѣлать личныя наблюденія надъ вліяніемъ открытаго имъ закона на нѣкоторые европейскіе народы, чтобы точнѣе опредѣлить послѣдствія его въ дѣйствительной жизни.

Весною 1799 онъ отправился изъ Англіи съ цѣлью посѣтить сѣверные народы, съ тремя друзьями, подобно ему, членами коллегіи Іисуса въ Кембриджѣ.

Въ числѣ путешественниковъ находился Эдуардъ Кларкъ, уже извѣстный своими путешествіями въ различныя страны Европы, Азіи и Африки. Четверо друзей проѣхали вмѣстѣ Данію, Швецію, Норвегію и часть Россіи. Журналъ, въ который Мальтусъ вносилъ факты и замѣчанія по предмету своихъ изслѣдованій, послужилъ Кларку матерьяломъ для описанія этой части своихъ путешествій *. Позже Мальтусъ посѣтилъ Швейцарію и Савою съ тою же цѣлью, которая была причиной его поѣздки и въ сѣверныя страны.

Результатомъ его путешествій и размышленій было второе

---

* *Edvard-Daniel Clarke's travels in various countries of Europe, Asia and Africa;* preface to the 3 part.

изданіе, 1803 года, *Опыта о законѣ народонаселенія* *. Я уже упомянулъ, что изданіе это до такой степени отличалось отъ перваго, что авторъ смѣло могъ бы выдать его за совершенно новое произведеніе, еслибы ему не пришлось въ такомъ случаѣ сдѣлать множество ссылокъ на нѣкоторыя части перваго изданія, которыя онъ хотѣлъ сохранить и которыя, поэтому, вошли цѣликомъ во второе. На этотъ разъ Мальтусъ не захотѣлъ скрыть своего имени, а потому, и нападки на него сдѣлалась еще жестче.

Ниже, я изложу съ возможной полнотой всѣ опроверженія, какія были вызваны Мальтусовой теоремой; въ настоящемъ же мѣстѣ, чтобы не прерывать историческихъ и біографическихъ указаній, замѣчу только, что мнѣнія, легшія въ основаніе знаменитаго *Опыта о законѣ народонаселенія*, перешли въ сочиненія всѣхъ извѣстныхъ экономистовъ; ихъ нетрудно отыскать въ распоряженіяхъ и въ законодательствахъ многихъ правительствъ; въ нѣкоторыхъ странахъ онѣ провозглашаются даже съ церковныхъ кафедръ.

Тѣмъ неменѣе, Мальтусъ никогда не думалъ присвоивать себѣ чести открытія закона, послужившаго основаніемъ для его ученія. Законъ этотъ задолго до него указанъ былъ Монтескье, Франклиномъ, Валласомъ и другими писателями, въ особенности же Тоунзендомъ, которому чаще всего приписывалась противниками Мальтуса честь открытія закона народонаселенія въ духѣ Мальтусовой теоріи. Обстоятельству этому безспорно придавалось слишкомъ большое значеніе; однако же, тѣмъ неменѣе, Тоунзендъ долженъ считаться предшественникомъ Мальтуса для людей, интересующихся родословною идей **.

* Изданіе это состояло изъ одного тома in-4°. Въ помѣщаемомъ ниже предисловіи къ этому изданію Мальтусъ указываетъ всѣ перемѣны, сдѣланныя имъ въ первомъ своемъ трудѣ. Прочія изданія состояли изъ двухъ или трехъ томовъ. Годвинъ и бо́льшая часть противниковъ Мальтуса обратили главныя свои нападки на приведенныя выше два параграфа изданія 1803. Мальтусъ удержалъ одинъ изъ нихъ, но другой выпущенъ имъ въ послѣдующихъ изданіяхъ.

** Эта преемственность весьма интересна. Поэтому, я привожу

Замѣчательно, что по этому вопросу, какъ и по множеству другихъ, забыто, или пропущено безъ вниманія, имя, заслуживающее быть упомянутымъ прежде другихъ. Вольтеръ первый указалъ на важное различіе въ возрастаніи населенія и средствъ продовольствія, хотя и впалъ въ этомъ отношеніи въ нѣкоторыя ошибки. Но онъ стоялъ безконечно выше прочихъ писателей, говорившихъ объ этомъ предметѣ, ибо въ борьбѣ съ невѣжественными предразсудками своего времени, утверждавшими, что должно всѣми силами стараться объ увеличеніи народонаселенія, онъ указалъ со свойственной ему трезвостью взгляда на главную и единственную задачу такого рода изслѣдованій. «Главное дѣло, говоритъ онъ, не въ избыткѣ числа людей, а въ томъ, чтобы сдѣлать то количество людей, какое имѣется, возможно менѣе несчастнымъ.» Только этотъ вопросъ и можетъ быть предметомъ нашихъ благоразумныхъ стремленій; увеличеніе же населенія будетъ естественнымъ его послѣдствіемъ, до котораго въ дѣйствительности намъ мало дѣла. Вотъ сущность его превосходныхъ замѣчаній *о Народонаселеніи* *.

Годъ спустя послѣ обнародованія втораго изданія своего *Опыта*, Мальтусъ назначенъ былъ профессоромъ исторіи и политической экономіи въ училище Остъ-Индской компаніи въ Альсбюри. Здѣсь, впродолженіи тридцати лѣтъ исполнялъ онъ одновременно обязанности, какъ профессора, такъ и служителя церкви.

Въ преподаваніи политической экономіи Мальтусъ придерживался почти неуклонно мнѣніямъ Адама Смита; онъ раздѣлялъ убѣжденіе великаго писателя, что лучшее средство для достиженія народнаго благосостоянія состоитъ въ предоставленіи людямъ наибольшей свободы въ промышленности и торговлѣ, хотя онъ и не видѣлъ возможности для прави-

въ Приложеніяхъ ко 2-му тому этого сочиненія замѣчательнѣйшія мѣста, относящіяся къ этому вопросу изъ его Путешествія по Испаніи: Townsend's *Journey through Spain*.

* Въ статьѣ *Dict. Philos.—Population*, sec. 2; въ *Oeuvres*, т. XLI, стр. 466. См. также объ этомъ у Бокля въ *Исторіи Цивилизаціи въ Англіи*, изд. Тиблена, т. I, стр. 604.

тельства предоставить экономическія условія естественному ихъ теченію. Все же онъ смѣло утверждалъ, что излишнее вмѣшательство правительства причиняетъ большій вредъ, чѣмъ пассивное его отношеніе къ естественному ходу дѣлъ, и служитъ несомнѣннымъ признакомъ невѣжества и безразсудства. Самые искусные врачи должны, по его мнѣнію, какъ можно рѣже прибѣгать къ лекарствамъ и какъ можно чаще довѣряться благотворнымъ силамъ природы.

Онъ твердо вѣрилъ, что политико-экономическіе опыты, сдѣланные со времени французской революціи, должны принести большую пользу для науки, но онъ, тѣмъ неменѣе, находилъ, что со времени Адама Смита полученные успѣхи были слишкомъ незначительны, чтобы на нихъ можно было строить новую теорію. Ему желательно было, чтобы политико-экономическія изслѣдованія ограничены были собираніемъ и распредѣленіемъ новыхъ фактовъ и разработкой отдѣльныхъ вопросовъ, раздѣлявшихъ экономистовъ. Онъ находилъ, что писатели его эпохи слишкомъ пристрастны къ обобщеніямъ и къ приведенію къ одному условію явленій, вызываемыхъ многими причинами. Вотъ почему, со времени *Опыта о законѣ народонаселенія* до появленія *Основаній политической экономіи*, то есть, въ двадцатидвухлѣтній періодъ, всѣ обнародованныя имъ сочиненія имѣли предметомъ разъясненіе только нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ.

Мальтусъ былъ глубоко убѣжденъ, что въ политической экономіи безспорно существуетъ много несомнѣнныхъ истинъ; но что, тѣмъ неменѣе, нельзя ихъ принимать безусловно, и всѣ онѣ должны быть заключены въ извѣстныя границы. Главныя трудности этой науки состояли, по его мнѣнію, въ сочетаніи сложныхъ условій, въ дѣйствіи и противудѣйствіи другъ другу слѣдствій и причинъ, и въ необходимости ограничивать или не принимать въ разсчетъ множества положеній, оказывающихъ весьма важное вліяніе.

Мальтуса интересовали въ особенности вопросы о созданіи богатствъ, по которымъ расходились лучшіе экономисты его времени. Полемика его отличалась, впрочемъ, нерѣшительностью и излишними подробностями. Уваженіе его къ нѣкоторымъ экономистамъ, мнѣнія которыхъ онъ не раздѣлялъ, въ особенности къ Давиду Рикардо, часто вызывало его на мелочныя изслѣдованія, польза которыхъ невсегда очевидна. Вѣрность его взглядовъ нерѣдко заставляетъ сожалѣть о томъ, что онъ отказывался отъ изслѣдованія вопросовъ, имѣющихъ практическое значеніе, и отъ освѣщенія ихъ истинами, добытыми наукой.

Въ послѣднемъ сочиненіи онъ опровергаетъ нѣкоторыя положенія Сэя. Сэй отвѣчалъ ему въ письмахъ, обнародованныхъ въ 1820 *. Впрочемъ, полемика эта нисколько не ослабила взаимнаго уваженія другъ ко другу представителей однихъ и тѣхъ же принциповъ политико-экономической науки во Франціи и въ Англіи.

Мальтусу хорошо было извѣстно, что бо́льшая часть споровъ, возникавшихъ между экономистами, какъ и между прочими учеными, вытекала изъ того, что они придаютъ различный смыслъ одному и тому же слову или термину. Заключивъ весьма основательно, что неточность въ выраженіяхъ была главнѣйшимъ препятствіемъ для распространенія здравыхъ понятій, онъ обнародовалъ въ 1827 сочиненіе объ *Опредѣленіяхъ въ политической экономіи*. Начертавъ правила для опредѣленія и для приложенія терминовъ этой науки, и указавъ на неточность нѣкоторыхъ опредѣленій, сдѣланныхъ различными писателями, онъ принялъ тѣ изъ нихъ, которыя казались ему болѣе точны, и старался исправить другія **.

---

* Подъ заглавіемъ *Lettres à Malthus sur différents sujets d'économie politique*. Переписка эта перепечатана въ *Oeuvres diverses de J. B. Say*, составляющихъ XII томъ *Collection des principaux économistes*.

** Вотъ списокъ всѣхъ сочиненій Мальтуса.

1) *Опытъ о законѣ народонаселенія*. Сочиненіе это при жизни автора (то есть, до 1834) выдержало пять изданій.

2) *Основанія политической экономіи съ точки зрѣнія практическаго ихъ примѣненія*. 1819.—2-е изданіе 1822, I т. in 8°.—Переведено на французскій языкъ Констанціо съ примѣчаніями, 1820. Переводъ этотъ былъ пересмотрѣнъ Морицомъ Монжаномъ и перепечатанъ въ VIII томѣ Collection des principaux économistes вслѣдъ за первымъ сочиненіемъ. Къ нему было присоединено:

Въ эпоху появленія *Опыта о законѣ народонаселенія*, сказалъ я, всѣ лучшіе люди, охваченные великими идеями великаго вѣка и безчисленными открытіями по всѣмъ отраслямъ наукъ, мечтали о болѣе совершенной оранизаціи человѣческихъ обществъ и предлагали множество теорій для такой организаціи, нисколько не сомнѣваясь въ возможности ихъ осуществленія. Искренно ли, по свойствамъ своего темперамента, или изъ упрямства, вслѣдствіе столкновеній съ отцомъ, Мальтусъ не поддался всеобщему увлеченію, и старался опровергнуть господствовавшія вокругъ него убѣжденія: какъ человѣкъ, одаренный необыкновенными умственными способностями, онъ открылъ въ пользу своихъ мнѣній доводы весьма полновѣсные, которые тѣмъ труднѣе было опровергнуть, что они опирались на такія отрасли науки экономической и статистической, которыя не были еще обработаны, и едва зарождались; затѣмъ, настойчивое преслѣдованіе цѣли изъ за упрямаго желанія отстоять собственный авторитетъ, на основаніи законовъ привычки, необходимо должно было обратиться въ болѣе или менѣе глубокое и искреннее убѣжденіе. Такое воззрѣніе на Мальтуса оказывается тѣмъ естественнѣе, чѣмъ необыкновеннѣе оказываются его способности при ближайшемъ знакомствѣ съ знаменитымъ его сочиненіемъ. При такой силѣ мысли, не могъ же онъ не видѣть парадоксальности своего послѣдняго вывода и утопичности своихъ совѣтовъ?

3) *Объ опредѣленіяхъ въ политической экономіи*. Переведено на французскій языкъ А. Фонтеро, съ примѣчаніями того же Монжана.

4) *An investigation on the cause of the present high price of provisions*. 1800. Безъ имени автора.

5) *A letter to Mr Withbread on his proposed bill for the amendement of the poor laws*. 1817.

6) *Observations on the effects of corn Laws*, 1814, in-8°.

7) *Grounds of an opinion on the policy of restraining the importacion of foreing corn, intended as an appendice to observations on the corn Laws*. 1815.

8) *An inquiry into the nature and progress of rent and the principles by wich it is regulated*. 1815.

9) *Statement respecting the East India college, with an appeal to facts, etc.* 1817.

10) *Measure of value stated and illustrated*. 1823.

Свойства его ума и привычки его мысли необходимо должны были отразиться и на всемъ его характерѣ. Они укрѣпляли его упрямство и настойчивость, которыя и взяли рѣшительный перевѣсъ надъ прочими его страстями, побуждали его къ болѣе и болѣе широкому изслѣдованію занимавшаго его вопроса и придавали ему бодрость для безстрашнаго нападенія на благороднѣйшія и пользовавшіяся всеобщимъ сочувствіемъ убѣжденія лучшихъ людей его эпохи, убѣжденія, которыя, искренно или неискренно, онъ считалъ закоренѣлыми предразсудками.

Всѣ эти нравственныя условія развили и воспитали въ немъ соотвѣтствующія имъ добродѣтели: твердость, благоразуміе, умѣренность, скромность. Мальтусъ обладалъ такимъ покойнымъ и мягкимъ характеромъ, такимъ самообладаніемъ и такою снисходительностью къ людямъ, что лица, знавшія его почти пятдесятъ лѣтъ, увѣряютъ, что ни разу не видѣли, чтобы онъ смутился, вышелъ изъ себя подъ вліяніемъ гнѣва, увлекся, или палъ бы духомъ. Съ его устъ не сорвалось ни одного неласковаго слова, ни одного жосткаго выраженія. Быть можетъ, ни на одного писателя его времени, да и никакой другой эпохи, не было сдѣлано такихъ жестокихъ нападеній, ни противъ одного не было высказано такихъ оскорбительныхъ обвиненій; но онъ рѣдко жаловался на такія нападенія, и никогда не прибѣгалъ къ оружію, за которое должно сознаться, нерѣдко брались его противники. Всякому извѣстно, что до настоящаго времени *мальтузіанецъ*—прозвище, составленное изъ его фамиліи, считается самымъ жосткимъ и оскорбительнымъ укоромъ человѣку, придерживающемуся основнаго положенія его ученія. Онъ показывалъ крайнюю отзывчивость на одобреніе людей, которыхъ онъ признавалъ умными и просвѣщенными, но на незаслуженныя оскорбленія онъ мало обращалъ вниманія—до такой степени онъ былъ, повидимому, убѣжденъ въ справедливости своихъ убѣжденій и въ чистотѣ своихъ намѣреній, до такой степени онъ зналъ впередъ, что ученіе его вызоветъ нетолько возраженія, но даже отвращеніе въ извѣстномъ кружкѣ людей.

Разговоръ его естественно вертѣлся на вопросахъ, касав-

шихся благостоянія общества и бывшихъ предметомъ его особеннаго изученія. Тогда онъ былъ внимателенъ, серьезенъ, воспріимчивъ; мнѣніе свое онъ выражалъ съ такою ясностью, съ такою вразумительностью, что нетрудно было понять, что оно было плодомъ глубокихъ размышленій. Впрочемъ, онъ былъ вообще веселаго, открытаго нрава, и такъ же охотно принималъ участіе въ невинныхъ забавахъ юности, какъ и въ поощреніи и въ направленіи ея занятій.

Мальтусъ принадлежалъ къ числу самыхъ ревностныхъ сторонниковъ парламентской реформы, и желалъ, чтобы правительство вступило на путь прогреса; но онъ, тѣмъ неменѣе, привязанъ былъ къ формамъ національныхъ учрежденій, и боялся преждевременныхъ нововведеній и легкомысленныхъ опытовъ. Онъ принадлежалъ къ той партіи англійскаго общества, которая извѣстна подъ именемъ *вигов*ъ и которой Англія обязана всѣми великими своими преобразованіями.

Вѣрный своимъ политическимъ убѣжденіямъ, когда они не доставляли никакой выгоды, онъ не гордился ими, когда они одержали верхъ; ему чужда была мысль обратить науку въ орудіе честолюбія. Когда принципы его приняты были въ основаніе для преобразованія законодательства о бѣдныхъ, то враги реформы, принадлежавшіе уже не къ тѣмъ противникамъ, которые постоянно нападали на него, осыпали его клеветами и оскорбленіями. Они старались взвалить на него отвѣтственность за ошибки, сдѣланныя при введеніи новыхъ мѣръ правительствомъ. Сторонники этихъ мѣръ, напротивъ того, расточались предъ нимъ въ похвалахъ среди преній, происходившихъ по этому случаю въ парламентѣ. Но этимъ и ограничивалось, какъ расположеніе къ нему его политическихъ друзей, такъ и признательность народа, какъ замѣчаетъ его біографъ.

Самъ Мальтусъ былъ женатъ—онъ женился въ 1804. До семидесятилѣтняго возраста сохранилъ онъ всѣ свои способности, и пользовался, повидимому, прекраснымъ здоровьемъ. Въ серединѣ декабря 1834 онъ отправился изъ Лондона въ Батъ, провести святки съ своими дѣтьми въ семействѣ своего тестя, Джона Эйрзальта. Пріѣхавъ на мѣсто, онъ почувствовалъ себя нездоровымъ: у него обнаружилась болѣзнь сердца, отъ которой онъ и умеръ 29 того же мѣсяца. Онъ оставилъ жену и двухъ дѣтей, сына и дочь.

II. Изслѣдованіе основнаго положенія Мальтусовой теоремы.

Въ безчисленныхъ спорахъ, поднятыхъ книгой Мальтуса, защитники и сторонники ея не высказали ничего замѣчательнаго, чего не было бы изложено въ самомъ *Опытѣ о законѣ народонаселенія*, только съ большей вразумительностью, глубиною и всесторонностью. Поэтому, говоря о полемикѣ, поднятой сочиненіемъ Мальтуса, совершенно безполезно приводить тощую и многословную аргументацію экономистовъ, принявшихъ его подъ свою защиту и основавшихъ на предложенныхъ имъ принципахъ свои политико-экономическія системы. Доводы ихъ безжизненны и вялы, сравнительно съ аргументами учителя; послѣдніе читатель найдетъ безъ труда въ самомъ сочиненіи Мальтуса, являющемся предъ нимъ въ русскомъ переводѣ.

Что же касается до возраженій его противниковъ, то они заслуживаютъ полнаго вниманія, ибо только при взвѣшеніи и при сравненіи ихъ съ положеніями самого Мальтуса, можетъ быть открыта истина или разсѣяно заблужденіе.

Замѣчу, прежде всего, что основное положеніе Мальтуса до сихъ поръ всѣми принималось на вѣру, и въ сущности никогда никѣмъ не опровергалось. Отчего это происходило — рѣшительно нельзя понять. Трудно же представить, чтобы никому не приходило въ голову, что поставленное знаменитымъ экономистомъ основное положеніе есть не болѣе какъ гипотеза, а построенная на ней теорема, въ томъ видѣ, какъ предлагаетъ ее Мальтусъ, есть чистѣйшій софизмъ, затемнившій всеобщее пониманіе. А между тѣмъ — это оказывается такъ, ибо, я долженъ сознаться, что ни у одного изъ противниковъ Мальтуса я не встрѣчалъ изслѣдованія сущности его основнаго предложенія. Прудонъ, заклятый врагъ ученія Мальтуса, тѣмъ неменѣе, называетъ безплоднымъ пустословіемъ всякую попытку, направленную противъ вѣрно-

сти основнаго его положенія. Талантливѣйшій, безспорно лучшій и остроумнѣйшій изъ противниковъ Мальтуса, Чернышевскій, подробно разобравшій его теорію въ примѣчаніяхъ къ *Основаніямъ политической экономіи Джона Стюарта Милля*, приступаетъ прямо къ критической оцѣнкѣ обѣихъ прогрессій Мальтусовой теоремы, блистательно опровергаетъ ихъ, но ничего не говоритъ противъ основнаго положенія, то есть, принимаетъ его, какъ несомнѣнное. Въ многочисленныхъ сочиненіяхъ, направленныхъ противъ той же теоремы, я не встрѣчалъ попытки стать на ту точку зрѣнія, которая для меня до такой степени очевидна.

Вотъ первый рядъ посылокъ, послужившихъ основаніемъ для теоріи Мальтуса. Всѣ одушевленныя существа, какъ и растительные организмы, стремятся къ безграничному размноженію, которое въ дѣйствительности не имѣло бы предѣловъ, еслибы они не встрѣчали препятствія въ недостаткѣ мѣста и пропитанія. Люди подчинены тѣмъ же законамъ (съ небольшимъ, но существеннымъ различіемъ, какъ это будетъ показано ниже), и вообще одарены тѣмъ же стремленіемъ, какъ и прочія животныя породы. Достаточно было бы самаго немногочисленнаго племени, чтобы вполнѣ населить землю въ извѣстное число вѣковъ, еслибы земля не имѣла другихъ жителей. Для этого не потребовалось бы даже особенно продолжительнаго срока, еслибы средства существованія могли возрастать такъ же быстро, какъ можетъ возрастать населеніе.

Стремленіе всѣхъ живыхъ существъ плодиться до безконечности съ давнихъ временъ было замѣчено естествоиспытателями и философами, но никто до Мальтуса не обращалъ вниманія, ни на вліяніе его на судьбу народовъ, ни на указаніе особенныхъ условій, ограничивающихъ народонаселеніе средствами для его существованія, ни на опредѣленіе отношенія между умноженіемъ населенія и приращеніемъ средствъ существованія, ни, наконецъ, на изслѣдованіе практическихъ результатовъ этихъ явленій.

Слѣдя за ходомъ увеличенія народонаселенія въ бывшихъ англо-американскихъ владѣніяхъ, Мальтусъ нашелъ, что впродолженіи полутора столѣтій оно удвоивалось каждыя двадцать пять лѣтъ. Вслѣдствіе этого, онъ принялъ за основаніе, что человѣческая порода обладаетъ способностью размножаться въ *геометрической прогрессіи* и удвоивать свое населеніе каждыя двадцать пять лѣтъ; что въ дѣйствительности увеличеніе ея числительности шло бы въ такой прогрессіи, еслибы она не встрѣчала недостатка въ мѣстѣ и въ продовольствіи.

Должно согласиться, что эти положенія въ высшей степени просты; вотъ почему они и показались всѣмъ до такой степени очевидными, что не требовали доказательствъ. Попробуемъ однако поближе подойти къ нимъ. Дарвинъ, котораго можно считать самымъ сильнымъ защитникомъ и остроумнѣйшимъ изслѣдователемъ этого естественнаго закона, выражаетъ эту мысль слѣдующимъ образомъ: «Борьба за существованіе необходимо вытекаетъ изъ быстрой прогрессіи, въ которой стремятся размножиться всѣ органическія существа. Всякій организмъ, производящій въ теченіи своей жизни много яицъ или сѣмянъ, долженъ подвергаться истребленію въ извѣстные возрасты или въ извѣстныя времена года, не то, въ силу геометрической прогрессіи, число его потомковъ быстро возрастало бы такъ безмѣрно, что никакая страна въ мірѣ не была бы въ силахъ ихъ пропитать. Слѣдовательно, такъ какъ родится болѣе особей, чѣмъ сколько можетъ ихъ выжить, во всякомъ случаѣ должна происходить борьба за существованіе либо съ особями того же вида, либо съ особями другаго вида, либо съ физическими условіями жизни*.» Положеніе, выраженное въ такомъ видѣ, очевидно, есть положеніе идеальное, гипотетическое; оно говоритъ, что еслибы организмы не встрѣчали никакихъ препятствій для своего размноженія, то имъ не достало бы пищи, и недостатокъ ея прекратилъ бы въ такомъ случаѣ ихъ размноженіе; затѣмъ, оно говоритъ, что, не достигая предѣла размноженія, допускаемаго количествомъ пищи, организмы ведутъ борьбу 1) между собою, 2) съ организмами другихъ видовъ и 3) съ естественными условіями жизни. Напримѣръ: омела, паразитное

* Дарвинъ, *О происхожденіи видовъ*, Изд. Глазунова, ст. 51—52.

растеніе, живущее на яблони, кромѣ борьбы съ климатомъ и съ естественными условіями для своего существованія, борется съ яблонями, ибо, при развитіи большаго количества омелъ на одномъ деревѣ, послѣднее чахнетъ и умираетъ, но нѣсколько сѣянокъ омелы, всходящихъ одна около другой на одной древесной вѣткѣ, борятся еще и между собою. Очевидно, стало быть, я не имѣю права сказать, что омелы борятся исключительно между собой изъ за пищи, и что только эта борьба останавливаетъ ихъ размноженіе; я не смѣю забыть, что омелы ведутъ еще борьбу съ организмами другихъ видовъ, напримѣръ, съ яблонями, которыя, впрочемъ, представляются не единственнымъ органическимъ видомъ, съ которымъ ведутъ борьбу омелы, ни забыть про естественныя условія, тоже препятствующія размноженію омелъ. А между тѣмъ, именно такъ поступлено при постановкѣ Мальтусовой теоремы.

Теорема эта принимаетъ одно только условіе, останавливающее размноженіе породы, между тѣмъ какъ условій этихъ сотни, какое сотни—тысячи, десятки тысячъ, но всѣ они отстраняются ею. Говорятъ, что глубокомысленная и остроумнѣйшая теорія, обнародованная въ послѣднее время Дарвиномъ, послужила для сторонниковъ Мальтуса, повидимому, весьма полновѣснымъ подтвержденіемъ его теоріи. Это правда, но только повидимому.

Не входя въ неумѣстныя въ настоящемъ случаѣ подробности, возьмемъ изъ нея только то, что̀ намъ нужно. Организмы ведутъ на землѣ борьбу за существованіе двоякаго рода: обусловливаемую конкуренцію, и нисколько отъ нея независимую. Объяснимъ это примѣромъ мышей и кошекъ. Между мышами происходитъ борьба, вызываемая конкуренціей; точно то же происходитъ и между кошками; но мыши и кошки ведутъ между собою борьбу, совершенно независимую отъ конкуренціи. Это первый аргументъ, — я полагаю, что онъ до такой степени очевиденъ, что не требуетъ дальнѣйшихъ разъясненій.

Чѣмъ сильнѣе борьба, независящая отъ конкуренціи, тѣмъ слабѣе борьба, вызываемая конкуренціей, такъ что сильная

конкуренція всегда можетъ служить признакомъ слабой борьбы, независящей отъ конкуренціи — это второй аргументъ. Поясню его тѣмъ же примѣромъ. Мыши тѣмъ сильнѣйшую ведутъ между собою борьбу за существованіе, чѣмъ слабѣе на нихъ нападаютъ кошки, и чѣмъ больше ихъ погибаетъ отъ кошекъ, тѣмъ слабѣе между ними война за средства существованія. Это понятно: въ данной мѣстности природа предоставляетъ имъ опредѣленное количество пищи. Чѣмъ больше размножается мышей въ этой мѣстности, тѣмъ сильнѣе онѣ ведутъ войну изъ за пропитанія; чѣмъ большее ихъ число погибаетъ отъ кошекъ, тѣмъ менѣе имъ причинъ вести борьбу между собой за пищу.

Принимая въ разсчетъ одну только пищу, я получаю положеніе Мальтуса: животныя размножаются въ размѣрахъ имѣющагося для нихъ продовольствія. Но имѣю ли я право исключить изъ моихъ соображеній борьбу мышей съ кошками? Ни подъ какимъ видомъ, ибо въ такомъ случаѣ выводы мои будутъ не только односторонни и ошибочны, они могутъ оказаться просто нелѣпыми. Но вѣдь кошки вовсе не единственное условіе, останавливающее размноженіе мышей: такихъ условій тысячи; намъ извѣстны только немногія изъ нихъ. Въ городскихъ амбарахъ и магазинахъ сложено огромное количество пищи, пригодной для мышей; мыши чрезвычайно плодовиты — въ шесть и восемь разъ плодовитѣе кошекъ, охраняющихъ амбары и магазины. Будетъ ли вѣрно заключеніе, мое, что размноженіе мышей останавливается недостаткомъ хлѣба? Это будетъ нелѣпо, ибо размноженіе мышей въ дѣйствительности останавливается не недостаткомъ пищи, а кошками и множествомъ другихъ условій, оказывающихся въ этомъ разѣ благопріятными для человѣка. Итакъ, если я имѣю въ виду опредѣлить отношеніе между размноженіемъ мышей и количествомъ пищи, то долженъ сказать: мыши стремятся размножиться до числительности, допускаемой количествомъ имѣющейся для нихъ пищи, но этому препятствуютъ ихъ враги и другія неблагопріятныя условія. Условій этихъ безчисленное множество, и обыкновенно, по мѣрѣ ослабленія одного, усиливается другое; но ни въ какомъ случаѣ нельзя себѣ представить,

что бы всѣ условія, неблагопріятныя для размноженія мышей, исчезли совершенно, такъ чтобы между мышами происходила бы исключительно только борьба, обусловливаемая конкуренціей. Поэтому, положеніе, о которомъ идетъ рѣчь, должно быть выражено такимъ образомъ: *организмы стремятся къ размноженію до числа, допускаемаго количествомъ продовольствія, но никогда не могутъ достигнуть его по причинѣ другихъ, неблагопріятныхъ для ихъ размноженія условій.* Положеніе это, кажется, не можетъ быть опрокинуто иначе, какъ если будетъ доказано, что не существуетъ ни одного другаго препятствія для размноженія организмовъ.

Препятствіе, обусловленное враждой кошекъ, можетъ быть принято за примѣръ слишкомъ грубый, и, по грубости своей, исключительный. Поэтому, я приведу нѣсколько другихъ, не для того чтобы исчерпать этотъ вопросъ, а чтобы показать его безконечное разнообразіе.

По Бразиліи и южнымъ странамъ Америки стелятся необозримыя равнины, покрытыя роскошной травой, представляющей превосходную пищу для насущихся на нихъ быковъ. Какъ ни многочисленны стада послѣднихъ, все же они ничтожны, сравнительно съ тѣмъ, что̀ можетъ быть прокормлено этими необозримыми равнинами. Въ южной Америкѣ нѣтъ хищника, опаснаго для быка — ягуаръ не можетъ совладать съ нимъ. Человѣкъ истребляетъ быковъ въ огромномъ количествѣ, но это капля въ морѣ, сравнительно съ ихъ многочисленностью. Что же мѣшаетъ этому млекопитающему размножиться до чрезвычайности, допускаемой обильными средствами существованія? Вѣроятно условій этихъ множество, но одно изъ нихъ удалось замѣтить человѣку: это — небольшая муха, страшно кусающая быковъ въ роскошныхъ равнинахъ, приводящая ихъ въ изступленное, бѣшенное состояніе, подъ вліяніемъ котораго они мчатся изъ благословенныхъ мѣстъ въ пустыни, лишенныя растительности.

Еще одинъ, самый свѣжій и въ особенности для насъ интересный примѣръ. Южная Россія нѣсколько лѣтъ сряду опустошалась мильонами сусликовъ. Что съ ними ни дѣлали, какія мѣры ни предпринимались для ихъ истребленія, количество ихъ все возрастало; но какъ бы велико оно ни было, безъ сомнѣнія, оно далеко не достигало до того числа, какое могло содержаться южно-русскими нивами, такъ какъ послѣднія продолжали давать жатву, хотя и менѣе обильную, чѣмъ до сусликовъ. Вдругъ они стали исчезать. И что же оказалось? Ихъ погубилъ глистъ, заводившійся въ ихъ внутренности, хотя и неизвѣстно еще, какимъ путемъ онъ попадалъ въ нихъ, (вѣроятно водой).

Такихъ примѣровъ можно привести безчисленное множество. Почему осетръ и стерлядь исчезаютъ въ европейскихъ рѣкахъ, почему пересталъ размножаться зубръ, котораго окружили самыми благопріятными для его размноженія условіями? Мы такъ мало еще знаемъ природу, что ничего не можемъ сказать утвердительнаго на тысячи подобныхъ вопросовъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что существуетъ великое множество условій, недопускающихъ размноженія организмовъ до числительности, обусловливаемой количествомъ готовой для нихъ пищи. Условія мѣстности, климата, образа жизни, склонность къ повадкѣ, пріобрѣтенныя привычки, болѣзни, причиняемыя безчисленными, разнообразными условіями, вновь пріобрѣтаемыя, наслѣдственныя или такъ называемыя прирожденныя — все это оказываетъ вліяніе на благосостояніе и на судьбу породы. Я укажу еще на одно изъ такихъ условій, по всѣмъ признакамъ весьма важное для рѣшенія занимлющаго насъ вопроса, но, къ сожалѣнію, вовсе неизслѣдованное: это — отношеніе числа самцовъ къ числу самокъ. Первостепенное его значеніе въ дѣлѣ размноженія породы очевидно само собой. Нетрудно себѣ также представить возможность болѣе частой погибели самцовъ или самокъ, погибели, нарушающей нормальное отношеніе между числомъ тѣхъ и другихъ. Итакъ, общій законъ природы не подлежитъ сомнѣнію: всѣ животныя стремятся размножиться до уровня, допускаемаго количествомъ пищи, но никогда не достигаютъ его, вслѣдствіе условій, задерживающихъ ихъ размноженіе.

Законъ, общій для всей природы, не можетъ допустить исключенія для человѣка. Разсмотримъ его въ приложеніи къ нему. Если человѣкъ, по всей справедливости, называется

*

царемъ и господиномъ вселенной, то это вовсе не означаетъ, чтобы онъ не встрѣчалъ, или встрѣчалъ въ меньшей степени, сравнительно съ другими организмами, враждебныя условія для своего размноженія и распространенія. Напротивъ того, по болѣе нѣжнымъ и болѣе сложнымъ свойствамъ своей организаціи, человѣческая порода необходимо должна встрѣчать несравненно больше препятствій для своего благополучія, чѣмъ какая бы то ни была другая порода. Если у него нѣтъ, или если у него мало, такъ сказать, видимыхъ враговъ, которымъ онъ служилъ бы пищей и которые останавливали бы размноженіе его породы, то у него безчисленное множество враговъ невидимыхъ, нетолько между животными и растеніями, но главнымъ образомъ между условіями, окружающими его существованіе и недопускающими его размноженія до числительности, обусловливаемой существующимъ или могущимъ существовать количествомъ пищи. Въ справедливости этого, полагаю, нельзя сомнѣваться. Достаточно припомнить качества и количество болѣзней, которымъ подверженъ человѣческій организмъ, сравнительно съ болѣзнями, замѣчаемыми нами между прочими животными и растительными породами, чтобы представить себѣ ту неимовѣрно сложную и несмѣтную массу условій, ограничивающихъ жизнь человѣка.

Но я замѣтилъ выше, что относительно своего размноженія, сравнительно съ средствами для своего существованія, человѣкъ отличается отъ прочихъ животныхъ небольшимъ различіемъ, имѣющимъ, тѣмъ неменѣе, существенное значеніе. Различіе это состоитъ въ томъ, что по выходѣ изъ естественнаго или дикаго состоянія, человѣкъ самъ производитъ себѣ пищу, пользуясь дѣйствіемъ силъ природы, между тѣмъ какъ въ дикомъ состояніи онъ беретъ или отыскиваетъ пищу, приготовленную природой, безъ всякаго съ его стороны участія въ ея производствѣ. Поэтому, дикій и вышедшій изъ дикаго состоянія человѣкъ существенно различаются другъ отъ друга относительно своего обезпеченія въ средствахъ существованія.

Мальтусъ, разсматривая положеніе дикарей въ различныхъ частяхъ свѣта, утверждаетъ, что всюду размноженіе ихъ останавливается недостаткомъ пищи. Мы знаемъ уже теперь, что если существуетъ гдѣ либо такая мѣстность, то она представляетъ самыя благопріятныя условія для счастія человѣка, ибо допустить ея существованіе можно только при предположеніи, что всѣ остальныя неблагопріятныя условія для размноженія племени исчезли: что физическія условія климата, растительные и животные организмы, образъ жизни, привычки, нравы племени, его страсти, его болѣзни, страданія, горести, наслажденія, отношенія членовъ другъ ко другу нетолько не убиваютъ ни одного изъ нихъ, но и не сокращаютъ жизни ни одного человѣка; такъ что между племенемъ существуетъ только одна борьба за средства существованія, обусловливаемая соперничествомъ. Но существуетъ ли, можетъ ли существовать подобная благословенная страна? Очевидно, нѣтъ. Истина эта не требовала бы и доказательства, еслибы общераспространенные предразсудки, пораженные невѣрною постановкою вопроса самимъ Мальтусомъ, не затемнили того, что̀ очевидно само собой. Это снова побуждаетъ меня подтвердить мои слова нѣсколькими самыми осязательными примѣрами.

Въ дикомъ состояніи человѣкъ живетъ растительной или животной пищей, или тою и другою вмѣстѣ. Дикарь живетъ изо дня на день; онъ неразвитъ и безпеченъ. Озеро или рѣка, доставляющая ему рыбу, лѣсъ и равнина, доставляющіе ему дичь, представляютъ обильный источникъ для его существованія, но средства его для охоты и рыбной ловли крайне ограничены; мало того, воды и лѣса доставили бы ему болѣе чѣмъ достаточный запасъ пищи, даже при этихъ средствахъ, но онъ не можетъ или не хочетъ позаботиться о заготовленіи пищи въ прокъ, о сохраненіи ея; онъ бросаетъ лишнее, какъ негодное въ настоящую минуту, хотя оно будетъ крайне необходимо завтра, черезъ мѣсяцъ, черезъ два, до новой ловли, до новой охоты. То же и съ растительной пищей: съ орѣхами, каштанами, кокосами, хлѣбными плодами, бананами и т. д. Вслѣдствіе неразвитости своей и безпечности, по временамъ дикарь продовольствуется изобильно, по временамъ же находится въ крайней нуждѣ, и умираетъ съ

голоду. Но какое же право имѣемъ мы сказать, что размноженіе его останавливается естественнымъ, обусловленнымъ законами самой природы недостаткомъ пищи, какъ говоритъ Мальтусъ? Не имѣемъ ли мы гораздо больше основанія сказать, что размноженію его препятствуетъ неразвитость и безпечность? Но кромѣ неразвитости и безпечности, которыя до послѣдней степени очевидности препятствуютъ размноженію дикихъ племенъ, существуютъ тысячи другихъ условій, оказывающихъ то же дѣйствіе. Чтобы показать, каково можетъ быть качество и сила такихъ условій, укажемъ на острова Товарищества, этотъ рай земной, изобилующій всевозможными плодами, на пустыни западныхъ штатовъ Америки, въ которыя оттѣснены индейскіе дикари. Населеніе тѣхъ и другихъ таетъ съ каждымъ поколѣніемъ, вслѣдствіе столкновенія съ европейской цивилизаціей, при явной достаточности средствъ существованія.

По выходѣ человѣка изъ дикаго состоянія, повторяется то же явленіе; оно оказывается только сложнѣе, и требуетъ уже нѣкоторой прозорливости для своего обнаруженія. Посмотрите на любое кочевое племя, находящееся въ варварскомъ періодѣ существованія—оно дѣйствительно подвергается по временамъ голодной смерти, такъ что для человѣка, непривыкшаго къ соображенію, въ самомъ дѣлѣ кажется, что размноженіе племени сдерживается недостаткомъ средствъ существованія. Но сосчитайте стада, доставляющія этому племени продовольствіе, вычислите, какое число людей могло бы кормиться ими при самомъ широкомъ разсчетѣ, вы увидите, что при имѣющемся на лицо, то есть, при существующемъ уже количествѣ продовольствія, племя могло бы быть несравненно многочисленнѣе. Что же за причина такой слабой численности племени? Дѣло въ томъ, что ежегодно значительное число стадъ погибаетъ зимою отъ холода. Какое же, послѣ этого, право имѣемъ мы сказать, вмѣстѣ съ Мальтусомъ, что размноженію племени препятствуетъ естественный недостатотъ въ пищѣ, и взвалить всю вину на природу, когда этому мѣшаетъ неумѣніе племени оберегать свои стада отъ зимней стужи, и что будь это умѣніе, племя непремѣнно подошло бы ближе къ числительности, допускаемой уже существующими въ его распоряженіи средствами продовольствія.

Чѣмъ шире становится развитіе человѣческаго общества, тѣмъ непосредственнѣе пропитаніе его зависитъ отъ собственной его дѣятельности и отъ знакомства съ законами природы; такъ что при идеальномъ развитіи общества, человѣкъ долженъ получать такія произведенія земли, какія пожелаетъ, и въ такомъ количествѣ, въ какомъ потребуется. Въ цивилизованномъ обществѣ не для чего каждому человѣку заботиться о произведеніи потребнаго для него количества пищи: дѣломъ этимъ могутъ заняться и другіе люди, если онъ займется въ свою очередь приготовленіемъ для нихъ, напримѣръ, нетолько обуви, но даже шелковыхъ тканей и бронзовыхъ бездѣлушекъ. Положимъ теперь, что мы встрѣчаемъ цивилизованную страну, по временамъ страшно страдающую отъ голода, въ которой люди дѣйствительно гибнутъ отъ недостатка продовольствія. При ближайшемъ знакомствѣ со страной оказывается, что только третья часть населенія занята земледѣліемъ и производствомъ пищи, другая треть занята приготовленіемъ жилищъ, одежды и обуви, и наконецъ послѣдняя, цѣлая третья часть населенія занята приготовленіемъ предметовъ роскоши и бронзовыхъ бездѣлушекъ.

Но можетъ быть такое распредѣленіе занятій всего народа вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ его земли обработаны, и обрабатываются такъ хорошо, какъ только можетъ быть допущено состояніемъ въ немъ агрономической науки, и вообще свѣдѣній, касающихся воздѣлыванія земли. Но если по изслѣдованіи и этого вопроса, я нахожу, что только третья часть всѣхъ его земель воздѣлывается, а изъ этой третьей части воздѣлываемыхъ земель только пятая часть обрабатывается, какъ слѣдуетъ и соотвѣтственно съ требованіями агрономическихъ свѣдѣній, существующихъ между этимъ народомъ, да, кромѣ того, значительныя пространства обрабатываемой земли заняты воспитаніемъ скаковыхъ, породистыхъ лошадей, то какое же имѣю я право сказать, вмѣстѣ съ Мальтусомъ, что размноженіе этого народа останавливается естествен-

нымъ, роковымъ недостаткомъ продовольствія? Не очевидно ли, что приращенію народонаселенія въ такой странѣ препятствуетъ не недостатокъ средствъ существованія, а неразумное распредѣленіе занятій, вслѣдствіе котораго обработывается недостаточное количество земель, а обработывающіяся земли воздѣлываются неудовлетворительно? Можно ли сомнѣваться въ вѣрности всѣхъ этихъ выводовъ? Можно ли отыскать хоть одинъ примѣръ, который бы подрывалъ справедливость такого ряда разсужденій?

Изъ разсужденій этихъ вытекаетъ такое слѣдствіе: всякое улучшеніе, всякій успѣхъ, напримѣръ, въ распредѣленіи занятій въ какой либо странѣ, необходимо долженъ сопровождаться размноженіемъ народонаселенія. Подтверждается ли это опытомъ? Подтверждается безусловно, не допуская ни одного исключенія: дѣйствительно, всякое улучшеніе въ распредѣленіи занятій между людьми всегда и вездѣ сопровождалось увеличеніемъ населенія. Замѣчательно, что самъ Мальтусъ неоднократно подтверждаетъ то же самое при всякомъ увеличеніи населенія, въ какой бы странѣ ни происходило это явленіе, въ Норвегіи, Швейцаріи, Англіи, и т. д.

Но неразумное распредѣленіе занятій представляетъ не единственную помѣху для размноженія населенія; неблагопріятныхъ условій для приращенія числа жителей великое множество; они дѣйствуютъ еще весьма сильно между самыми просвѣщенными даже народами, и удерживаютъ стремленіе ихъ достигнуть уровня, допускаемаго количествомъ возможнаго для нихъ продовольствія, хотя размноженіе это и приближается все болѣе и болѣе къ этому уровню; каждое отстраненіе преграды, останавливающей движеніе народонаселенія, неизмѣнно сопровождается ростомъ его къ предѣлу, допускаемому средствами существованія, но предѣлъ этотъ, тѣмъ не менѣе, остается идеальнымъ, и народонаселеніе можетъ достигнуть его неиначе, какъ отстраненіемъ *всѣхъ* условій, неблагопріятныхъ для размноженія, что̀ очевидно немыслимо, ибо, въ какомъ бы совершенномъ состояніи мы ни вообразили общество, всегда можно предложить новое улучшеніе.

Говоря о причинахъ, задерживающихъ размноженіе человѣческой природы при различныхъ состояніяхъ общественнаго быта, я ни разу не упоминалъ, ни объ открытіяхъ, ни о такихъ усовершенствованіяхъ, которыя, такъ сказать, мгновенно усиливаютъ власть человѣка надъ природой, и передаютъ въ его распоряженіе неожиданныя средства. Я сдѣлалъ это съ намѣреніемъ, чтобы показать нагляднѣе ошибочность положеній Мальтуса, въ томъ видѣ, по крайней мѣрѣ, въ которомъ они высказаны. Если вполнѣ отъ человѣка зависитъ, въ какомъ бы періодѣ развитія онъ ни находился, поставить себя внѣ нужды при находящихся у него подъ рукою средствахъ существованія, то во сколько послѣднія умножились бы при допущеніи какого либо одного открытія или изобрѣтенія?

Еслибы дикарь рѣшился дѣлать запасъ изъ добычи, доставляемой охотой и рыбной ловлей, еслибы онъ придумалъ какое нибудь улучшеніе въ своемъ промыслѣ, то во сколько разъ онъ увеличилъ бы количество своего продовольствія? Еслибы племя, питающееся бананами, вздумало воздѣлывать почву подъ ними, то воображеніе мутится при мысли, какое количество пищи могло бы дать это растеніе, которое требуетъ въ 45 разъ меньше земли, чѣмъ картофель, и въ 150 разъ меньше, чѣмъ пшеница, для прокормленія даннаго населенія?

Насколько поднялось бы сразу благосостояніе кочеваго племени, еслибы оно позаботилось объ охраненіи своихъ стадъ отъ зимней стужи, или еслибы приложило рачительный уходъ за скотомъ?

Какое богатство разлилось бы по цивилизованной странѣ при одномъ только замѣщеніи трехпольной системы земледѣлія плодоперемѣнной?

Итакъ, еще ни разу, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ міръ, ни одна животная или растительная порода не находилась въ такихъ условіяхъ, чтобы размноженіе ея было остановлено исключительно однимъ только недостаткомъ пищи, то есть, чтобы она достигла этого предѣла вслѣдствіе благопріятнаго прекращенія дѣйствія всѣхъ остальныхъ условій, препятствующихъ ея размноженію, или, другими словами, ни одна жи-

вотная или растительная порода еще не была предоставлена на произволъ одной только конкуренціи изъ за средствъ существованія. Поэтому, что касается до размноженія человѣка, то этой конкуренціи нетолько нечего опасаться, но усиленіе ея служило бы вѣрнѣйшимъ признакомъ ослабленія тѣхъ силъ и условій, которыя болѣе всего задерживаютъ распространеніе и благосостояніе человѣка. Ложная постановка вопроса о борьбѣ за существованіе, обусловливаемой конкуренціей, и о борьбѣ, совершенно независимой отъ соперничества, затемнила множество несомнѣнныхъ политико-экономическихъ истинъ. Съ одной стороны, оказывалось, что конкуренція есть несомнѣнное ручательство роста, движенія къ благосостоянію; съ другой стороны — она оказывалась причиной всѣхъ бѣдствій, вызываемыхъ экономическими условіями страны, то есть, нищеты. Такъ какъ уничтожить этого противурѣчія было невозможно, то большинство людей, самымъ великодушнымъ образомъ настроенныхъ въ пользу ближнихъ, обратилось противъ соперничества, по мнѣнію ихъ, очевидно вызывавшаго всю неурядицу современныхъ политико-экономическихъ отношеній. Вражду между собственникомъ и неимущимъ, между работникомъ и капиталистомъ, начали объяснять, какъ результатъ соперничества, между тѣмъ какъ оба явленія рѣшительно не имѣли и не имѣютъ ничего общаго, никакой непосредственной связи, кромѣ указанной нами: то есть, чѣмъ сильнѣе борьба, независящая отъ соперничества, (въ настоящемъ случаѣ — гнетъ собственника и капиталиста), тѣмъ слабѣе должна быть борьба, обусловливаемая конкуренціей между работниками и неимущими; и обратно, чѣмъ слабѣе первая, то есть, гнетъ собственниковъ и капиталистовъ, тѣмъ сильнѣе должно быть соперничество между вторыми. То же самое происходитъ между собственниками и капиталистами: чѣмъ сильнѣе гнетъ условій, уничтожающихъ и пожирающихъ капиталы, будутъ ли это политическія и общественныя учрежденія, или качества, воспитываемыя между капиталистами тѣми или другими обстоятельствами, какъ роскошь тщеславіе, расточительность, честолюбіе, алчность, тѣмъ слабѣе будетъ соревнованіе между ними для накопленія богатствъ,

и обратно, чѣмъ слабѣе будетъ гнетъ, уничтожающій капиталы, тѣмъ сильнѣйшая разовьется въ этомъ классѣ конкуренція.

Опытъ всѣхъ временъ и народовъ вполнѣ подтверждаетъ эти положенія: исторія показываетъ намъ, что чѣмъ меньшій гнетъ испытывали неимущіе и рабочіе классы общества со стороны собственниковъ и капиталистовъ, тѣмъ сильнѣе развивалось соперничество между ними, и тѣмъ большимъ пользовались они благосостояніемъ; и обратно, по мѣрѣ усиленія этого гнета, ослаблялась между ними конкуренція, и уменьшалось ихъ благосостояніе. Такимъ же точно образомъ, чѣмъ сильнѣе дѣйствовали условія, уничтожавшія и пожиравшіе капиталы, тѣмъ слабѣе было соперничество между ними и тѣмъ медленнѣе они накоплялись; обратно, чѣмъ слабѣе было вліяніе разрушительныхъ условій для капиталовъ: политическихъ учрежденій, роскоши, тщеславія, расточительности, честолюбія, алчности, тѣмъ сильнѣйшая водворялась конкуренція между ними и тѣмъ быстрѣе совершалось накопленіе богатствъ.

Вліяніе ослабѣвающей или усиливающейся конкуренціи между капиталами, разумѣется, оказывало косвенное дѣйствіе на соперничество между работниками: чѣмъ легче скоплялись капиталы, тѣмъ легче было работнику; чѣмъ сильнѣе они расточались, тѣмъ труднѣе было работнику; тѣмъ не менѣе, вліяніе это постоянно отличалось тѣмъ же характеромъ, какимъ отличаются всѣ вообще условія, задерживающія распространеніе породы, независимыя отъ борьбы за существованіе, обусловливаемой соперничествомъ. Припомнимъ вышеприведенный примѣръ мышей и кошекъ. Первымъ, безъ сомнѣнія, легче оказывалось размножаться при ослабленіи нападеній со стороны вторыхъ, но характеръ условія, препятствующаго ихъ размноженію, представляемаго борьбою съ кошками, тѣмъ неменѣе, останется навсегда непзмѣннымъ. Условіе это, доколѣ оно будетъ существовать, не допуститъ размноженія породы до предѣла, допускаемаго средствами существованія.

Итакъ, оба закона, которыми разрѣшается основное положеніе Мальтуса, оказываются въ высшей степени ясны, точны и очевидны: они вытекаютъ изъ естественныхъ законовъ

природы, и безусловно подтверждаются политико-экономическими явленіями въ человѣческихъ обществахъ. Они до такой степени важны для разсѣянія заблужденій, порожденныхъ ошибочной постановкой закона народонаселенія, что я еще разъ повторю ихъ. Первый законъ: *Всѣ животныя и растительныя породы ведутъ двоякаго рода борьбу: обусловливаемую конкуренціей и нисколько отъ нея независящую.* Второй законъ: *Чѣмъ сильнѣе борьба между ними, независящая отъ конкуренціи, тѣмъ слабѣе борьба, вызываемая конкуренціей,* такъ что сильная конкуренція всегда можетъ служить признакомъ слабой борьбы, независящей отъ нея. Положеніе же Мальтуса: *Всѣ животныя породы стремятся къ безграничному размноженію, останавливаемому только недостаткомъ пищи,* обращается въ слѣдующее: *Всѣ животныя, какъ и растительныя породы стремятся къ размноженію до числа, допускаемаго количествомъ пищи, но никогда не могутъ достигнуть его по причинѣ другихъ, неблагопріятныхъ для ихъ размноженія условій.*

Что касается до прогрессіи, въ которой происходитъ это размноженіе, или, вѣрнѣе, въ которой оно могло бы происходить, то мы разсмотримъ ее ниже, а теперь, чтобы не прерывать главной нити нашего изслѣдованія, обращаемся ко второму ряду аргументовъ, или ко второй посылкѣ Мальтусовой теоремы.

Изслѣдовавъ прогрессію, въ которой народъ можетъ, при содѣйствіи наилучшей обработки земли, умножать средства своего существованія, Мальтусъ пришелъ къ убѣжденію, что при возможномъ усиленіи труда человѣческаго, они едва могутъ возрастать въ арифметической прогрессіи въ тотъ же двадцатипятилѣтній періодъ, принятый имъ для удвоенія населенія, и что необходимо должно наступить время, когда всякое увеличеніе продовольствія станетъ невозможно. А изъ этого онъ вывелъ заключеніе, что народъ, непринимающій никакой благоразумной мѣры противъ чрезмѣрнаго своего размноженія, постоянно будетъ приводиться силою самихъ вещей къ числительности, обусловливаемой размѣрами его естественныхъ средствъ.

Положеніе это подтверждается въ Мальтусовой теоремѣ слѣдующими соображеніями. Если не подлежитъ сомнѣнію, что родъ человѣческій имѣетъ стремленіе размножаться до безконечности, то всякое размноженіе его за предѣлы, допускаемые средствами существованія, всегда останавливалось нищетой или опасеніями сопровождающихъ ее бѣдствій. На всѣхъ ступеняхъ варварства и цивилизаціи, во всѣхъ климатахъ и при всѣхъ формахъ правительства, между всѣми народами происходятъ одни и тѣ же явленія: часть населенія, стремившаяся къ скорѣйшему размноженію, чѣмъ какое допускается увеличеніемъ средствъ для ея существованія, постоянно скашивалась недостаткомъ пищи, одежды, помѣщенія, болѣзнями и пороками, порождаемыми нищетой, и войнами. Мальтуса поразило въ особенности то обстоятельство, что если какое либо великое бѣдствіе, чума напримѣръ, погубитъ въ какой либо странѣ значительное число ея жителей, не касаясь источника богатствъ, то, по прекращеніи бѣдствія, населеніе ея быстро достигаетъ первоначальнаго своего уровня, и нерѣдко даже переходитъ за него.

Вотъ въ чемъ состоитъ второй рядъ аргументовъ, или вторая посылка Мальтусовой теоремы. Точная, хотя и теоретическая, но тѣмъ неменѣе основанная на естественно-историческихъ явленіяхъ постановка закона народонаселенія, мы уже видѣли, прямо отстраняетъ всякую зависимость размноженія народонаселенія отъ средствъ существованія до наступленія самой широкой борьбы за существованіе, обусловливаемой соперничествомъ, или, другими словами, до полнаго отстраненія условій, противудѣйствующихъ размноженію независимо отъ соперничества. Я неоднократно повторялъ, что условій этихъ великое множество, и что только немногія изъ нихъ открыты человѣческой наблюдательностью. Поэтому, мы не имѣемъ никакого основательнаго повода безпокоиться, что размноженіе нашей породы можетъ быть остановлено недостаткомъ продовольствія, и должны обратить все свое вниманіе на открытіе и отстраненіе условій, препятствующихъ водворенію въ обществѣ конкуренціи, или, что то же, останавливающихъ размноженіе людей. Открытіе этихъ условій

составляетъ всю цѣль и все содержаніе человѣческой науки; отстраненіе ихъ есть вся цѣль и все содержаніе человѣческой дѣятельности.

Итакъ, вторая посылка Мальтусовой теоремы, собственно говоря, не заслуживаетъ даже изслѣдованія, ибо она оказывается утопіей, такъ какъ мы не можетъ себѣ представить человѣческаго общества, размноженіе котораго останавливалось бы естественнымъ недостаткомъ продовольствія, или отказомъ природы поддержать ею же самою вызванную жизнь. Для человѣка, вполнѣ усвоившаго себѣ то, что было сказано до сихъ поръ, мнѣ кажется, вовсе нѣтъ необходимости подтверждать, что изслѣдованіе второй посылки Мальтусовой теоремы совершенно безплодно. Но мнѣніе, пущенное въ ходъ этой теоремой о непосредственной зависимости размноженія населенія отъ средствъ существованія, до такой степени распространено, оно пустило такіе глубокіе корни во всеобщемъ сознаніи, что я считаю необходимымъ и на этотъ счетъ войти въ нѣкоторыя подробности.

Обращаюсь къ примѣру очевиднѣйшему и простѣйшему, который былъ уже приведенъ выше. Какая польза для размноженія мышей изъ того, наполняется ли амбаръ хлѣбомъ обильно или менѣе обильно, если размноженіе это останавливается кошками? Въ амбарѣ всегда имѣется достаточное количество хлѣба для безграничнаго размноженія мышей. Размноженіе это могло бы быть остановлено недостаткомъ пищи въ такомъ только случаѣ, когда прекратились бы нападенія со стороны кошекъ, и когда мыши дѣйствительно расплодились бы до такой степени, что размноженіе ихъ стало бы сдерживаться однимъ только соперничествомъ между ними изъ за пищи. Такъ какъ нельзя себѣ представить прекращенія нападшій на нихъ со стороны кошекъ, то оказывается совершенно безполезнымъ принимать въ разсчетъ, до верху или до половины наполнены закромы хлѣбомъ въ амбарѣ. Но, какъ ничтожна зависимость размноженія мышей отъ обильнаго запаса хлѣба въ амбарѣ, такъ велика эта зависимость отъ бдительности, хищности или сытости кошекъ. Какъ только бдительность кошекъ уменьшится — мыши размножатся; какъ только она усилится — мышиное населеніе понизится. Ясно ли?

Какая польза для дикаря, кормящагося рыбой, дичью или кокосами, изъ того, кишитъ ли озеро рыбой, а лѣсъ дичью, и сколько кокосовъ созрѣваетъ на пальмѣ, если онъ не имѣетъ охоты, не можетъ, не умѣетъ, или если ему не приходитъ даже въ голову улучшить свой промыселъ или заготовлять запасы пищи на тѣ мѣсяцы, въ которые онъ не можетъ пользоваться этими дарами природы и которые останавливаютъ размноженіе его племени? Размноженіе это могло бы быть остановлено естественнымъ недостаткомъ продовольствія въ такомъ только случаѣ, когда бы дикарь улучшилъ способъ охоты, воздѣлалъ землю подъ кокосомъ, или сталъ бы сохранять всю добычу охоты, рыбной ловли и всѣ собраные кокосы, то есть, когда племя его дѣйствительно расплодилось бы до того, что размноженіе его сдерживалось бы однимъ только соперничествомъ изъ за пищи. Но этого вѣдь не бываетъ; поэтому, судьба племени зависитъ не отъ изобилія дичи, рыбы и кокосовъ, а отъ улучшенія его промысла и усиленія его предусмотрительности. И дѣйствительно, какъ только является это улучшеніе и эта предусмотрительность, вслѣдствіе какихъ либо благопріятныхъ обстоятельствъ, то они непремѣнно сопровождаются размноженіемъ племени, какъ это можно видѣть изъ книги самого Мальтуса.

Такимъ же образомъ, какая польза для кочеваго племени, живущаго скотоводствомъ, отъ чрезмѣрной многочисленности его стадъ, когда послѣднія, какъ бы сильно ни размножались они, постоянно гибнутъ отъ зимней стужи, а племя не хочетъ, не умѣетъ или не заботится предохранить ихъ отъ нея? Какое право имѣемъ мы сказать, что размноженіе этого племени останавливается роковымъ недостаткомъ продовольствія, когда оно останавливается его невѣжествомъ и безпечностью? Оно было бы остановлено недостаткомъ пищи въ такомъ только случаѣ, когда племя оберегло бы свои стада отъ стужи и когда оно размножилось бы до такой степени, что дальнѣйшее приращеніе его сдерживалось бы однимъ только соперничествомъ изъ за пищи. Но представлялось ли это когда

нибудь въ дѣйствительности? Поэтому, мы скажемъ съ полнымъ основаніемъ, что благосостояніе этого племени зависитъ не отъ плодовитости его стадъ, а отъ уменьшенія въ немъ невѣжества и безпечности. И дѣйствительно, всякое уменьшеніе невѣжества и безпечности тотчасъ же вызываетъ размноженіе въ немъ населенія, и природа ни разу еще не оказалась настолько скудною въ естественныхъ своихъ средствахъ, чтобы задержать роковымъ образомъ размноженіе племени, выступившаго на путь прогреса.

Наконецъ, переходя къ состоянію цивилизованныхъ обществъ, въ которыхъ тѣ же явленія перепутаны самыми сложными обстоятельствами, припомнимъ то, что̀ было сказано нами о различіи этой формы существованія отъ варварской и дикой жизни. Въ послѣдней человѣкъ находится въ болѣе непосредственной зависимостиотъ отъ природы, между тѣмъ какъ въ первомъ случаѣ онъ болѣе зависитъ отъ себя самого, отъ собственнаго знанія, отъ власти своей надъ окружающими его условіями. Въ одномъ случаѣ онъ беретъ, такъ сказать, готовую пищу, предлагаемую ему природой безъ его содѣйствія; въ другомъ—онъ не довольствуется такими щедротами природы, и, такъ сказать, заставляетъ ее своею волей производить то, что̀ ему нужно, и въ такомъ количествѣ, какое онъ желаетъ получить. При изслѣдованіи обстоятельствъ, останавливающихъ размноженіе населенія въ цивилизованной странѣ, излишекъ продовольствія представляется, поэтому, какъ бы скрытымъ, но онъ является немедленно, какъ захочетъ этого цивилизованный человѣкъ. Эта скрытая власть человѣка надъ природой, невыражающаяся очевидными запасами продовольствія, и была причиной того легковѣрія, съ которымъ встрѣчено было ученіе Мальтуса о скаредности природы.

Возьмемъ теперь для примѣра какую нибудь цивилизованную страну, положимъ, Англію, и приложимъ къ ней наши разсужденія. Я выбираю Англію, во первыхъ, потому, что земледѣліе въ ней находится въ лучшемъ состояніи, чѣмъ гдѣ либо, а во вторыхъ, потому, что она нетолько была отечествомъ ученія о роковой скупости природы, заставляющей человѣка умирать съ голода, но это нелѣпое ученіе, по мнѣнію его защитниковъ, не одной страной не доказывается до такой степени очевидности, какъ Англіей, достигшей самаго густаго населенія, какое только можетъ быть допущено производительностью почвы.

Итакъ, что̀ же представляетъ намъ Англія? Въ Великобританіи съ Ирландіей считается до $61\frac{1}{2}$ мильоновъ акровъ (около 25 мил. гектаровъ) земли, удобной для земледѣлія*. Изъ этого числа воздѣлывается около трехъ четвертей; около половины всей обработывающейся земли воздѣлывается плодоперемѣннымъ хозяйствомъ. Уже этихъ свѣдѣній достаточно для доказательства нелѣпости мнѣнія, что размноженіе населенія въ этой странѣ останавливается недостаткомъ продовольствія. Но взглянемъ мелькомъ, какъ рѣшаетъ этотъ вопросъ современная агрономическая наука. Порядочное устройство плодоперемѣнной системы продовольствуетъ на 100 гектарахъ земли 931 человѣкъ**; поэтому, Великобританія съ Ирландіей могла бы прокормить болѣе 230 мил. населенія, между тѣмъ какъ населеніе этихъ странъ въ настоящее время не превышаетъ 29 мильоновъ. Какое же право имѣемъ мы сказать, вмѣстѣ съ Мальтусомъ, что народонаселеніе этихъ странъ задерживается естественнымъ недостаткомъ продовольствія, когда вполнѣ отъ человѣка зависитъ принять плодоперемѣнную систему для всей страны, и тѣмъ доставить средства существованія для 230 мильоновъ населенія? Не имѣемъ ли мы безусловное право сказать, что размноженіе населенія въ Англіи останавливается обстоятельствами, недопускающими распространенія по всей странѣ болѣе раціональной и всѣмъ уже извѣстной плодоперемѣнной системы хозяйства, то есть, представить объясненіе, діаметрально противоположное духу Мальтусовой теоріи?

Сверхъ того, мы знаемъ уже, что существуетъ не одно, а великое множество условій, препятствующихъ населенію

---

* Кольбъ, *Руководство къ Сравнительной статистикѣ*, изд. Тиблена, т. I, стр. 6.

** Гаспаренъ, *Cours d'Agriculture*, т. V, стр. 231.

достигнуть размѣровъ, допускаемыхъ количествомъ продовольствія; условія эти въ высшей степени разнообразны, и далеко еще не всѣ открыты и изслѣдованы человѣкомъ; тѣ изъ нихъ, которыя находятся въ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи къ скопленію, распредѣленію и потребленію богатствъ, и составляютъ собственно предметъ политико-экономической науки. Всѣ они отличаются характеромъ, противуположнымъ Мальтусовой теоріи. Улучшеніе земледѣлія, болѣе раціональное отношеніе между количествомъ полей и количествомъ луговъ, раздѣленіе большихъ участковъ на небольшія фермы, общая обработка, введеніе новыхъ питальныхъ веществъ, разумное отношеніе между числительностью городскаго и сельскаго населенія, между производительнымъ и непроизводительнымъ трудомъ, благопріятныя перемѣны въ распредѣленіи богатствъ, улучшеніе сообщеній, успѣхи промышленности и торговли, преобразованія законодательства о наслѣдствахъ, о пополненіи арміи и проч., и проч.,—каждый шагъ впередъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ неизбѣжно сопровождался во всѣ времена и между всѣми народами немедленнымъ увеличеніемъ населенія; такъ что нельзя привести ни одного примѣра въ подтвержденіе прекращенія размноженія населенія недостаткомъ продовольствія и безсилія благодѣтельныхъ экономическихъ преобразованій; ни разу нельзя упрекнуть природу въ скаредности, если только человѣкъ разумно обращался къ ея содѣйствію ради умноженія средствъ для своего существованія.

Очевидно, что не принимать въ разсчетъ всѣхъ этихъ условій, препятствующихъ населенію достигнуть уровня, допускаемаго возможнымъ количествомъ продовольствія, какъ это сдѣлано Мальтусомъ, есть явная нелѣпость; теорія, построенная на отстраненіи этихъ условій и на одномъ только идеальномъ, гипотетическомъ препятствіи размноженію населенія недостаткомъ пищи, есть очевидная утопія, несравненно болѣе мечтательная, чѣмъ системы, созданныя тѣми противниками Мальтусовой теоремы, противъ которыхъ она выставлена.

Но если допустить возможность такого исключенія, если представить себѣ, что размноженіе населенія можетъ быть задержано однимъ только недостаткомъ продовольствія, если

вообразить, что немыслимо ни одно улучшеніе, уничтожающее или ослабляющее вліяніе дѣйствительныхъ препятствій для распространенія благосостоянія между человѣческими обществами, словомъ, если принять современное ихъ состояніе за неизмѣнное, то въ такомъ случаѣ, выводы Мальтуса оказываются дѣйствительно вѣрными и очевидными. Вотъ и причина ихъ необыкновеннаго успѣха.

Представимъ себѣ пружину, удерживаемую въ извѣстномъ положеніи множествомъ различныхъ условій. Въ ослабленіи этихъ условій собственно и состоитъ развитіе и размноженіе человѣческой породы, или стремленіе ея достигнуть предѣла, допускаемаго естественными законами природы. Представимъ теперь, что условія эти неизмѣнны. Очевидно, что всякое постороннее, случайное обстоятельство можетъ измѣнить первоначальное положеніе пружины, но какъ только дѣйствіе его прекратится, то пружина, послѣ нѣсколькихъ колебаній въ ту и другую сторону, немедленно придетъ въ прежнее свое положеніе. Положимъ, что въ разбираемомъ случаѣ это будетъ война или чума, значительно ослабившая населеніе страны. Очевидно, что по прекращеніи этого бѣдствія, народонаселеніе страны, выведенное изъ предѣловъ своего обычнаго уровня, послѣ нѣсколькихъ колебаній въ ту и другую сторону, вскорѣ не замедлитъ прійти въ прежнее свое положеніе. Это-то явленіе въ особенности поразило Мальтуса, и послужило ему подтвержденіемъ вѣрности его положеній. Но это явленіе очевидно не имѣетъ никакого отношенія къ условіямъ, сдерживающимъ пружину въ первоначальномъ положеніи. Если количество населенія страны обусловливается, напримѣръ, отношеніемъ земледѣльческаго населенія къ фабричному, то какое же можетъ имѣть вліяніе чума, если, по прекращеніи произведенныхъ ею опустошеній, отношеніе это не измѣнится? Но заключенія Мальтуса вполнѣ справедливы и основательны при предположеніи неизмѣнности этого отношенія.

Итакъ, теорія Мальтуса представляетъ въ данномъ случаѣ соображенія, вполнѣ полезныя для обществъ, недвигающихся впередъ. Но предлагаемыя имъ мѣры оказываются неболѣе,

какъ паліативными средствами, для обществъ, развивающихся. Для Китая, напримѣръ, теорія Мальтуса оказала бы неоцѣненную услугу; но Европа никогда не приметъ ее, такъ какъ она не можетъ остановиться, несмотря ни на какія усилія людей, для которыхъ это было бы выгодно, и которымъ сохраненіе существующаго порядка было бы болѣе всего желательно.

Воззрѣнія Мальтуса въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія. Я приведу нѣкоторые изъ важнѣйшихъ его выводовъ.

Бѣдствія, пораждаемыя нищетой, вызываемой несоразмѣрнымъ увеличеніемъ населенія, сравнительно съ средствами существованія, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть отстранены системой правильно-организованныхъ, безвозмездныхъ вспомоществованій, ибо бѣдные распложаются въ такомъ случаѣ въ прямомъ отношеніи съ количествомъ оказываемыхъ имъ вспомоществованій. Всюду, гдѣ нищіе имѣютъ освященное закономъ право на постоянныя пособія, число неимущихъ растетъ быстрѣе, чѣмъ выдаваемыя имъ пособія. Лекарство становится источникомъ болѣзни, такъ что если не будетъ прекращена безвозмездная раздача пособій, то непремѣнно должна наступить минута, когда всего годоваго производства не достанетъ на это, и весь народъ обратится въ нищихъ.

Всѣ такъ называемыя благотворительныя заведенія и филантропическія мѣры, воспитательные дома, богадѣльни, больницы, рабочіе дома, производятъ добро, ничтожное сравнительно съ пораждаемымъ ими зломъ. Всякое вспомоществованіе оказывается премiей въ пользу безпечности, лѣности и невоздержности, то есть, въ пользу всѣхъ порочныхъ склонностей, пораждаемыхъ бѣдностью. Такъ какъ, по мнѣнію Мальтуса, человѣкъ поставленъ самою природой между лишеніями, вмѣняемыми добродѣтелью, и бѣдствіями, сопровождающими порокъ, то все ученіе его запечатлѣно такою суровостью и и мрачностью, которыя могутъ служить вѣрнымъ ручательствомъ, что оно никогда не будетъ принято народными массами.

Всѣ политическія теоріи, стремившіяся къ распространенію между людьми равенства и братства, безсильны для водворенія на землѣ изобилія. Поэтому, онъ считаетъ теорію Годвина о равенствѣ и теорію Кондорсе о безконечной усовершаемости человѣка за безумныя утопіи, отклоняющія любознательность людей отъ настоящихъ путей для распространенія благоденствія между людьми и отъ дѣйствительнаго усовершенствованія общества. Я уже показалъ, что съ этой точки зрѣнія теорія Мальтуса представляется такой же, если не большей утопіей; что же касается до нравственнаго ея значенія для человѣка, то этотъ вопросъ будетъ разобранъ со всею заслуживающею имъ полнотой ниже, въ IV главѣ этого этюда.

Принятый Мальтусомъ основной законъ народонаселенія доставилъ ему средство и указалъ путь для опредѣленія различныхъ занятій, болѣе всего выгодныхъ для благосостоянія народа, выгоды и неудобства ввоза хлѣба, страны, которымъ слѣдовало бы отдать предпочтеніе въ такой торговлѣ. Такъ какъ внезапное повышеніе цѣнъ на продовольствіе постоянно обрушивается бѣдствіемъ на самые бѣдные классы общества, то онъ указалъ, что это бѣдствіе менѣе и рѣже всего испытывается тѣми странами, которыя сами производятъ все необходимое для своего потребленія. Онъ въ особенности настаиваетъ на необходимости, для благосостоянія и могущества народа, соблюденія строгаго равновѣсія между его промышленною и земледѣльческою дѣятельностью.

Такъ какъ при настоящемъ порядкѣ вещей заработная плата опредѣляется, подобно всѣмъ дѣнамъ, существующими отношеніями между спросомъ и предложеніемъ, то Мальтусъ думалъ поднять и прочно установить ее уменьшеніемъ числа рабочихъ на рынкѣ. Такъ какъ вопросъ этотъ находится въ тѣсной зависимости отъ вывода, сдѣланнаго имъ изъ двухъ посылокъ, которыя составляютъ предметъ настоящей главы, то я изслѣдую его ниже, когда буду разбирать этотъ выводъ. Въ настоящемъ же мѣстѣ я ограничусь указаніемъ, что единственное средство для повышенія заработной платы находитъ Мальтусъ въ осмотрительномъ заключеніи брачныхъ союзовъ. Онъ полагаетъ, что если соперничество между работниками понижаетъ ихъ заработную плату, и несмотря на это, они все таки рискуютъ остаться безъ работы, то сама необходи-

мость побуждаетъ ихъ согласиться довольствоваться крайне необходимымъ.

Мальтусъ желаетъ, чтобы рабочіе классы сдѣлали привычку потреблять пищу хорошихъ качествъ; чтобы они питались пшеничнымъ хлѣбомъ, а не картофелемъ или какимъ либо другимъ дешевымъ продуктомъ. Онъ замѣтилъ, что народъ, обыкновенно питающійся хорошею и дорогою пищей, въ случаѣ неурожая, находитъ подспорье въ продуктахъ низшаго достоинства, между тѣмъ какъ народъ, довольствующійся дешевой и крайне необходимой пищей, подвергается всѣмъ бѣдствіямъ голода при первомъ неурожаѣ. Поэтому, онъ благосклонно относится къ открытіямъ, имѣющимъ цѣлью предоставить въ распоряженіе низшихъ классовъ самые дешевые продукты, но только какъ подспорье на случай голода, и не одобряетъ употребленіе ихъ въ обыкновенное время.

Отъ Мальтуса не скрылось, что высокая цѣна заработной платы, которая будетъ результатомъ благоразумія рабочихъ, должна поднять цѣну мануфактурныхъ произведеній, и потому, вызоветъ опасность отъ соперничества иностранныхъ произведеній, но онъ не придаетъ этому обстоятельству особеннаго значенія. Онъ наивно и, повидимому, искренно замѣчаетъ, что если богатые люди не желаютъ подчиниться нѣкоторому неудобству, неизбѣжному при достиженіи ими предположенной цѣли, то громкія человѣколюбивыя заявленія ихъ въ пользу бѣдныхъ суть неболѣе какъ лицемѣріе и игрушка, затѣянныя ими для забавы, изъ желанія скрыть отъ низшихъ классовъ настоящія свои чувства подъ лицемѣрной маской состраданія къ нимъ. Такъ какъ экономисты не сомнѣвались, что дешевая пища, на которую по неволѣ соглашались рабочіе классы, должна понизить заработную плату, то онъ писалъ, что на подобную систему можетъ согласиться развѣ какой нибудь бездушный политикъ изъ пустаго желанія продавать мануфактурныя произведенія страны дешевле прочихъ европейскихъ народовъ, и далеко не раздѣлялъ чувствъ, порождающихъ подобныя воззрѣнія. «Я не знаю, говоритъ онъ, болѣе гнусной мысли, какъ сознательное осужденіе рабочихъ классовъ на рубище, вмѣсто одежды, и на грязныя лачуги,

вмѣсто помѣщенія, ради того, чтобы продать иностранцамъ нѣсколько больше матерій и коленкоровъ»....

То же пристрастіе къ объясненію всѣхъ человѣческихъ страданій одною причиной — чрезмѣрнымъ размноженіемъ населенія, вызвало еще одинъ афоризмъ Мальтуса, который, впрочемъ, онъ не подтверждаетъ фактическими доказательствами, но который, онъ часто приводитъ, какъ безспорный; а именно — что чрезмѣрное населеніе есть единственная причина войнъ и тираніи. Онъ полагаетъ, что честолюбивые государи не имѣли бы въ своемъ распоряженіи орудій разрушенія, еслибы нищета не влекла подъ ихъ знамена низшіе классы народа. Народъ, постоянно возбуждаемый страданіями, безпрестанно подвергающійся голоду, по его мнѣнію, можетъ быть сдержанъ только самымъ суровымъ деспотизмомъ. Поэтому, главное препятствіе для прогреса онъ видѣлъ въ людяхъ, старавшихся поднять низшіе классы народа, чтобы обратить ихъ въ орудіе для достиженія своихъ цѣлей. Стремленія демагоговъ, по его мнѣнію, только сосредоточиваютъ вокругъ существующей власти довольные классы общества, привилегированному положенію которыхъ грозятъ новыя теоріи, и только порождаютъ дурные законы и поддерживаютъ злоупотребленія. Онъ не понимаетъ, какимъ образомъ народъ, обладающій здравымъ смысломъ, могъ бы сносить дурныя учрежденія и позволилъ бы грабить себя правительству, еслибы ему не угрожали еще большія бѣдствія со стороны невѣжественнаго и голоднаго населенія.

Я уже неоднократно упоминалъ, что условій, останавливающихъ размноженіе населенія и недопускающихъ его до числительности, возможной при существующихъ средствахъ продовольствія, великое множество, и было бы крайне ошибочно объяснять это явленіе какою либо одною причиной. Еслибы даже и справедливо было, что въ каждой странѣ населеніе возрастаетъ по мѣрѣ умноженія средствъ для его существованія, то неменѣе справедливо и то, что населеніе понижается по мѣрѣ уменьшенія этихъ средствъ. Нищета и бѣдствія, порождаемыя уменьшеніемъ средствъ существованія, имѣютъ даже несравненно большее значеніе, чѣмъ послѣд-

ствія чрезмѣрно быстраго размноженія населенія. Если страна кормила уже извѣстное населеніе, то не можетъ быть сомнѣнія, даже съ точки зрѣнія Мальтусовой теоріи, что по естественнымъ законамъ природы; она способна производить опредѣленное количество продовольствія. Есть, стало быть, какая нибудь причина, что страна перестала производить это количество продовольствія, вслѣдъ за чѣмъ послѣдовало и уменьшеніе населенія. Уже одного такого факта, безчисленное множество разъ повторявшагося въ исторіи, достаточно для опроверженія теоріи, построенной на одной зависимости количества населенія отъ количества имѣющагося продовольствія.

Для примѣра, возьмемъ снова какое нибудь одинокое условіе, которыхъ, повторяю еще разъ, всегда великое множество. Очевидно, что гдѣ существуетъ сила, поглощающая богатства, созданныя трудомъ, по мѣрѣ ихъ накопленія, тамъ самое строгое благоразуміе при заключеніи браковъ не можетъ служить для рабочихъ классовъ ручательствомъ, что оно предохранитъ ихъ отъ нищеты. Одинъ изъ простѣйшихъ видовъ такого поглощенія богатствъ, созданныхъ трудомъ — рабство и крѣпостное состояніе. Какъ бы предусмотрительны ни были браки между рабами и крѣпостными, они нисколько не предохранили бы нараждающагося населенія отъ такой же нищеты, какою отличались предшествовавшія поколѣнія. Народъ, находящійся въ такихъ условіяхъ, долженъ вѣчно состоять изъ населенія нищихъ.

Вслѣдствіе такого пристрастнаго и односторонняго взгляда, сами защитники Мальтуса, согласные съ его ученіемъ и отдававшіе справедливость его намѣреніямъ, упрекаютъ его въ томъ, что онъ нетолько ставилъ ни во что злоупотребленія правительствъ, но преднамѣренно скрывалъ ихъ, относя всѣ страданія человѣческихъ обществъ къ чрезмѣрному размноженію населенія. Нѣкоторые изъ нихъ стараются, впрочемъ, оправдать его тѣмъ, что онъ вовсе не имѣлъ въ виду показать всѣ причины этихъ страданій, но хотѣлъ показать всѣ послѣдствія только одной; и какъ писатели, съ теоріями которыхъ онъ боролся, находили источникъ всѣхъ страданій человѣка въ политическихъ учрежденіяхъ, такъ

онъ видѣлъ его только въ чрезмѣрномъ населеніи. Но Мальтусова теорія вовсе не имѣетъ такого характера. Она не временно отстраняетъ остальныя причины бѣдствій, испытываемыхъ человѣкомъ, ради того, чтобы ей удобнѣе и легче было справиться съ одной, на которой она сосредоточиваетъ свое изслѣдованіе, какъ это дѣлалось великими изслѣдователями природы, прибѣгавшими къ такому пріему и отстранявшими *временно* одну силу, чтобы имъ удобнѣе было наблюдать дѣйствіе другой. Она доказываетъ, напротивъ, что ихъ нѣтъ вовсе, что онѣ выдуманы злонамѣренными и опасными людьми.

Должно, впрочемъ, согласиться, что самъ онъ сознавался, что нѣсколько преувеличилъ послѣдствія основнаго принципа своего ученія: «Весьма возможно, отвѣчалъ онъ одному изъ своихъ противниковъ, что найдя лукъ слишкомъ согнутымъ въ одну сторону, я слишкомъ перегнулъ его въ противуположную, имѣя желаніе его выпрямить; но я всегда готовъ исключить изъ моего сочиненія то, что̀ найдено будетъ безпристрастными судьями необходимымъ для выправленія лука и для разоблаченія истины*».

Въ заключеніе этой части моего изслѣдованія, считаю нелишнимъ привести тотъ фактъ, что *Опытъ о законѣ народонаселенія*, тотчасъ при своемъ появленіи, ясно обнаружилъ нелѣпость нѣкоторыхъ англійскихъ учрежденій, которыя никогда не были оцѣнены, какъ слѣдуетъ. Вскорѣ по его обнародованіи одинъ изъ горячихъ англійскихъ патріотовъ и краснорѣчивѣйшій ораторъ палаты общинъ, Самуель Витбридъ, предложилъ преобразованіе законодательства о бѣдныхъ. Но господствовавшіе въ англійскомъ обществѣ предразсудки были такъ еще сильны, что о нихъ разбилось его предложеніе, которое повторено было съ такою же неудачей нѣсколько лѣтъ позже (1821) ученымъ законовѣдомъ Скарлетомъ. Наконецъ, въ 1834, послѣ опытовъ, подтвердившихъ бо̀льшую часть того, что̀ было сказано по этому поводу Мальтусомъ, зако-

* См. Его объявленіе въ Приложеніяхъ ко 2-му тому этого сочиненія.

нодательство о бѣдныхъ подверглось коренному преобразованію.

Наконецъ, французскій біографъ Мальтуса ставитъ ему въ заслугу, что онъ содѣйствовалъ воспрепятствованію введенія такого же законодательства между прочими народами, въ особенности же, во Франціи. Въ первые годы французской революціи народный конвентъ принялъ было законы, сходные съ тѣми, которые въ Англіи привели къ налогу о бѣдныхъ *. По особымъ обстоятельствамъ они не могли быть тотчасъ приведены въ исполненіе, и если были забыты впослѣдствіи, то забвеніе это слѣдуетъ приписать вліянію книги Мальтуса.

III. Изслѣдованіе прогрессій Мальтусовой теоремы.

Въ предъидущей главѣ я показалъ, что основное положеніе Мальтуса, въ томъ по крайней мѣрѣ видѣ, въ какомъ оно выражено, не можетъ быть принято, ибо оно нетолько не согласно съ естественными законами природы, но находится въ прямомъ противурѣчіи съ ними, то есть, размноженіе населенія, говоря строго, вовсе не находится, да и никогда не будетъ находиться въ зависимости отъ умноженія количества продовольствія? Тѣмъ не менѣе, при изданіи сочиненія Мальтуса въ русскомъ переводѣ, я считаю необходимымъ изложить главныя основанія, на которыхъ изслѣдованы были противниками Мальтуса обѣ прогрессіи его теоремы, независимо отъ справедливости или ошибочности его основнаго положенія, разобраннаго мною въ предъидущей главѣ.

Итакъ, положимъ, что человѣческая порода имѣетъ стремленіе къ безграничному размноженію и что стремленіе это сдерживается исключительно одною только причиной — недостаткомъ продовольствія. Мы увидимъ, что и при такомъ предположеніи, желаніе Мальтуса доказать во что бы то ни стало свою любимую мысль ввело его въ весьма важныя ошибки при вычисленіи элементовъ своей теоремы.

* Декреты 28 іюня и 8 іюля 1793 и 22 и 27 флореаля II года (14 и 19 мая 1794).

На чемъ же Мальтусъ основалъ свое мнѣніе, что населеніе можетъ удваиваться въ 25 лѣтъ? а на томъ, что оно очень долго удваивалось по такимъ срокамъ въ Сѣверо-американскихъ штатахъ. Замѣчательно, что при вычисленіи этого періода Мальтусомъ опущено было вліяніе на величину его переселеній въ Америку людей изъ Европы. Какъ бы ничтожны ни были, по словамъ его защитниковъ, ошибки, вслѣдствіе такого, въ сущности, важнаго упущенія, противники его имѣли полное основаніе видѣть въ немъ подтвержденіе преднамѣреннаго желанія Мальтуса защитить нынѣшній экономическій порядокъ отъ упрековъ, дѣлавшихся ему реформаторами, вмѣсто того, чтобы опредѣлить наименьшій періодъ удвоенія населенія при наибольшемъ количествѣ рожденій, къ какому только способна человѣческая природа.

Онъ принялъ, прежде всего, слова Франклина, что всѣ растительные и животные организмы способны размножаться въ геометрической прогрессіи; то есть, еслибы всѣ сѣмена какого либо растенія всходили, или все потомство какого либо животнаго избѣгало преждевременной смерти, то растеніе вскорѣ покрыло бы всю землю, и перестало бы размножаться только по недостатку мѣста, а животное перестало бы размножаться только по недостатку пищи. Тому же закону подчиненъ и человѣкъ. Затѣмъ, онъ взялъ таблицы доктора Прайса, составленныя для вычисленія сложныхъ процентовъ, показывающія, что число, возрастающее по геометрической прогрессіи, увеличивается съ быстротой, непостижимой для людей, не вникавшихъ въ формулу геометрической прогрессіи. Прайсъ доказывалъ этими таблицами возможность погашенія государственнаго долга Англіи въ самое непродолжительное время; такъ, одинъ мильонъ фун. стер., который получилъ бы такое назначеніе (считая по 3% и при періодѣ удвоенія въ 25 лѣтъ), можетъ погасить такимъ образомъ 1,000 мильоновъ фунтовъ въ 275 лѣтъ, а капиталъ въ 10 мильоновъ погасилъ бы въ 200 лѣтъ 1,280 мильоновъ фунтовъ. Нечего и говорить, что приложеніе этого вычисленія, математически вѣрнаго, на практикѣ оказывается нелѣпымъ, ибо капиталъ для погашенія, хотя бы онъ состоялъ изъ

*

чистаго дохода, не можетъ дѣйствовать сложнымъ процентомъ *.

Въ третьихъ, Мальтусъ воспользовался книгой Зюсмильха, прямо говорившей объ этомъ предметѣ. Зюсмильху составилъ Эйлеръ таблицы возрастанія населенія при всевозможныхъ пропорціяхъ рожденій и смертностей: при однихъ періодъ удвоенія выходилъ въ 600 и болѣе лѣтъ, при другихъ — съ небольшимъ въ 7 лѣтъ. Очевидно, что вычисленія эти вовсе не были основаны на приращеніи, допускаемомъ самимъ устройствомъ человѣческаго организма, а только съ послѣдней точки зрѣнія они и могли имѣть нѣкоторый вѣсъ для опредѣленія естественнаго періода удвоенія населенія. Эйлеру не было до этого никакого дѣла. Онъ рѣшалъ одну изъ задачъ, какія часто встрѣчаются въ математикѣ, какъ напр.: во сколько времени достигнетъ до солнца ядро, летящее съ быстрой первой секунды полета? Отвѣтъ на подобныя задачи весьма правиленъ и точенъ; при этомъ вовсе не требуется доказывать существованіе такой пушки и такого ядра.

Мальтусъ, занятый одною только мыслью — опрокинуть доводы Годвина, принялъ такого же рода отвѣты буквально, и вообразилъ, что населеніе дѣйствительно можетъ удваиваться въ 25, 20, 15, 10 лѣтъ, и даже еще быстрѣе, какъ видно изъ таблицъ Эйлера и Зюсмильха, а авторитетъ Эйлера ручался за вѣрность вычисленій. Статистическія данныя подтверждали его предположенія. Въ нихъ онъ встрѣчалъ, что въ одномъ округѣ населеніе удвоилось въ 15 лѣтъ, въ другомъ оно утроилось или учетверилось въ 20, въ третьемъ оно возросло въ семь разъ въ 30 лѣтъ; какой бы краткій періодъ удвоенія ни бралъ Мальтусъ, статистическія таблицы показывали, что онъ возможенъ, а изъ этого Мальтусъ заключилъ, что онъ допускается естественными законами человѣческаго организма.

Переписи числа жителей въ Сѣверо-американскихъ штатахъ показывали періодъ удвоенія этой страны въ 25 лѣтъ. Такой

* См. Ад. Смитъ, *Богатство народовъ*, т. III, кн. V, стр. 319 и слѣд. рус. изд.

важный и всѣмъ извѣстный фактъ отстранялъ всякое сомнѣніе, которое могло бы быть порождено фактами менѣе извѣстными и мелкими. На немъ и рѣшилъ Мальтусъ опереть свою аргументацію, такъ какъ такое размноженіе населенія въ этой странѣ казалось ему неоспоримымъ и недопускавшимъ никакихъ опроверженій; къ тому же, оно всѣмъ было извѣстно. Но, принявъ періодъ удвоенія въ 25 лѣтъ, онъ постоянно повторяетъ о возможности размноженія гораздо болѣе быстраго, и періода несравненно кратчайшаго, лѣтъ въ 15, 12 и даже меньше.

Я уже упоминалъ, что при составленіи своей теоріи, Мальтусъ совершенно упустилъ изъ виду переселеніе въ Америку европейцевъ, и приписалъ все увеличеніе числа жителей въ Соединенныхъ штатахъ одному естественному размноженію. Но такъ какъ въ новыхъ колоніяхъ населеніе возрастаетъ гораздо больше отъ прилива переселенцевъ, чѣмъ отъ естественнаго размноженія, да и въ Соединенныхъ штатахъ переселеніе постоянно содѣйствовало увеличенію числа народа, то противники Мальтуса, изъ подробнаго разбора таблицъ сѣверо-американскаго населенія, заключали, что вся прибыль населенія этой страны вызывалась иммиграціей, и что если можно сдѣлать какое либо заключеніе о способности людей къ размноженію на основаніи сѣверо-американскихъ переписей, то должно принять, что способность эта весьма слаба и почти незамѣтна. Защитники Мальтуса возражали на это, что если учитель ихъ сдѣлалъ ошибку, упустивъ изъ виду вліяніе переселенія, то вліяніе это все таки не велико, сравнительно съ силою размноженія, которая удваиваетъ въ такомъ случаѣ населеніе въ 29 лѣтъ.

Такіе крайне противуположные выводы объясняются тѣмъ обстоятельствомъ, что никакихъ статистическихъ данныхъ для вычисленія количества переселенцевъ въ Сѣверо-американскихъ штатахъ не имѣется. До 1820 года не велось никакихъ списковъ переселенцевъ; слѣдовательно, до этой эпохи нечего и пытаться измѣрять вліяніе переселенія на размноженіе населенія въ странѣ; ибо предположенія объ этомъ вліяніи можно гнуть въ какую угодно сторону. Да и съ 1820 изъ списковъ

этихъ нельзя сдѣлать никакихъ прочныхъ выводовъ, потому, во первыхъ, что они весьма не полны, а во вторыхъ, потому, что они ведутся только на восточной границѣ, въ портахъ Атлантическаго океана. Главный приливъ переселенцевъ безспорно идетъ чрезъ эту границу, но несомнѣнно существуетъ переселеніе и съ юга чрезъ Мексику, и съ сѣвера чрезъ Канаду, а въ новѣйшее время и съ запада чрезъ Великій океанъ; но этихъ переселенцевъ никогда никто не записывалъ. Что же можно заключить на основаніи такихъ несовершенныхъ данныхъ?

Существуетъ еще одно обстоятельство, съ виду пустое, но въ сущности имѣющее огромное значеніе. Бо̀льшая или меньшая способность людей къ размноженію безспорно зависитъ отъ отношенія ко всему населенію числа женщинъ, способныхъ по своимъ лѣтамъ имѣть дѣтей. При неизвѣстности общаго числа переселенцевъ, еще менѣе можетъ быть извѣстно точное отношеніе къ нему числа женщинъ отъ 15 до 40 лѣтъ; но, по даннымъ, собраннымъ за одинъ годъ, оказывается, что отношеніе это составляетъ большій процентъ (28%), чѣмъ какой существуетъ въ Сѣверо-американскихъ штатахъ (20%), то есть, по способности къ размноженію, 10 переселенцевъ равняются 14 человѣкамъ туземнаго населенія. Мы не можемъ сказать, всегда ли существовало такое отношеніе, но если оно было постоянно, то оцѣнка вліянія переселенцевъ на размноженіе населенія страны, не имѣла бы прочнаго основанія, еслибы намъ даже извѣстно было точное число всѣхъ переселенцевъ. Присоединимъ къ этому еще одно обстоятельство: по тѣмъ же спискамъ, число молодыхъ женщинъ (отъ 20 до 25 лѣтъ), сравнительно съ женщинами среднихъ лѣтъ (отъ 35—40 лѣтъ), гораздо значительнѣе между переселенцами, чѣмъ между туземнымъ населеніемъ Сѣверо-американскихъ штатовъ; а потому, приведенное отношеніе 14 къ 10 должно еще увеличиться.

Далѣе — населеніе этой страны состоитъ, какъ извѣстно, кромѣ бѣлыхъ, еще изъ негровъ. До сихъ поръ рѣчь шла только о переселенцахъ бѣлой расы. Поэтому, для опредѣленія естественнаго приращенія населенія, за вычетомъ участія переселенцевъ, должно имѣть въ виду только бѣлое населеніе Соединенныхъ штатовъ. Но на этотъ вопросъ не обращалось вниманія: при рѣшеніи его, брали обыкновенно общую цифру населенія, бѣлаго и чернаго вмѣстѣ. Поэтому, и явленіе переселенія оказывается меньшимъ, чѣмъ какое оказалось бы при сравненіи его съ однимъ только бѣлымъ населеніемъ. У негровъ же были свои собственные переселенцы, тоже привозившіеся въ огромномъ числѣ.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что нельзя опредѣлить даже приблизительно вліянія переселенія на естественное размноженіе населенія въ Соединенныхъ штатахъ, хотя и не подлежитъ сомнѣнію, что оно было гораздо значительнѣе, чѣмъ это предполагалось; такъ что принятый Мальтусомъ 25 лѣтній періодъ удвоенія долженъ быть длиннѣе 29 лѣтъ, принятыхъ защитниками его теоріи, хотя онъ и не можетъ быть опредѣленъ по неудовлетворительности статистическихъ свѣдѣній. На это можно, правда, сдѣлать возраженіе, что каковъ бы ни былъ періодъ удвоенія населенія въ Соединенныхъ штатахъ, онъ не можетъ считаться періодомъ возможно быстраго удвоенія, такъ какъ и въ этой странѣ много погибаетъ людей отъ бѣдности и ея послѣдствій, хотя и меньше, чѣмъ въ европейскихъ государствахъ. Поэтому, единственное разъясненіе этого вопроса возможно только изъ опредѣленія наибыстрѣйшаго размноженія и кратчайшаго періода удвоенія населенія на основаніи естественныхъ законовъ человѣческаго организма.

Ни естественныя науки, ни состояніе статистическихъ свѣдѣній не доставляютъ прочной опоры для рѣшенія этого важнаго вопроса и для успокоенія людей, запуганныхъ страхами, вызванными Мальтусомъ и его теоріей; тѣмъ неменѣе, мы можемъ составить себѣ приблизительное понятіе о плодовитости человѣческой породы. Вотъ результаты выводовъ упомянутаго выше, талантливѣйшаго и остроумнѣйшаго изъ противниковъ Мальтуса.

Замѣтимъ прежде всего, что при рѣшеніи этого вопроса главная задача состоитъ въ опредѣленіи наименьшей, по самимъ органическимъ условіямъ, смертности въ обществѣ,

избавленномъ отъ нужды и всѣхъ ея послѣдствій. Приращеніе населенія, или процентъ размноженія составляетъ, какъ извѣстно, разность между числомъ раждающихся и числомъ умирающихъ.

Какъ же можетъ быть велико число раждающихся по самому устройству человѣческаго организма? Наибольшее число женщинъ, способныхъ раждать дѣтей (отъ 15 до 45 лѣтъ), бываетъ при самомъ слабомъ движеніи народанаселенія, и составляетъ пятую часть населенія. Періодъ беременности и кормленія грудью продолжается около двухъ лѣтъ. Дѣти слѣдуютъ одно за другимъ быстрѣе въ такихъ только семействахъ, въ которыхъ мать или не кормитъ сама дѣтей, или, вслѣдствіе бѣдности, принуждена отнимать ихъ отъ груди раньше срока. Итакъ, на 100 душъ населенія 20 женщинъ способны раждать дѣтей, и каждый младенецъ занимаетъ у матери два года; слѣдовательно, число рожденій, по физическимъ условіямъ организма, не можетъ превышать 10%.

Какъ бы заботливъ ни былъ уходъ за младенцами, все таки значительное число ихъ не можетъ быть спасено отъ смерти въ первые годы: число это составляетъ въ настоящее время болѣе четверти всего числа раждающихся до пятилѣтняго возраста въ обществѣ, отличающемся наименьшею смертностью дѣтей. По изслѣдованіямъ Чедуика, между дѣтьми англійскихъ землевладѣльцевъ, находящихся въ самыхъ благопріятныхъ гигіеническихъ условіяхъ въ своихъ сельскихъ домахъ, въ первыя пять лѣтъ умираетъ 20%. Поэтому, вышеприведенные 10% обращаются въ 8%.

Но эти 8% возможны только при условіи, чтобы всѣ женщины, безъ исключенія, отъ 15 до 45 лѣтъ постоянно находились бы въ состояніи беременности или кормленія грудью. Но такъ какъ люди все таки будутъ умирать, какимъ бы благосостояніемъ они ни пользовались, то часть раждающихся не пойдетъ на увеличеніе числа населенія, а пойдетъ на пополненіе его естественной убыли. Изъ всего этого мы должны заключить, что естественное приращеніе должно быть гораздо менѣе 8%, ибо такое приращеніе возможно въ такомъ только случаѣ, когда каждая женщина въ обществѣ произвела бы на

свѣтъ неменѣе 15 дѣтей, и когда не умиралъ бы ни одинъ человѣкъ.

Число женщинъ отъ 15 до 45 лѣтъ составляетъ пятую часть всего населенія только въ обществѣ слабо размножающемся; отношеніе это значительно уменьшается при движеніи народонаселенія. Возьмемъ для примѣра общество, удваивающее свое населеніе въ 15 лѣтъ. Средняя продолжительность жизни въ такомъ обществѣ должна быть гораздо болѣе 45 лѣтъ; но положимъ, что только половина всего населенія будетъ имѣть 45 и болѣе лѣтъ. Въ остальной половинѣ, имѣющей менѣе 45 лѣтъ, женщины составляютъ половину, то есть 25%. Половина всего числа женщинъ моложе 45 лѣтъ должна имѣть менѣе 15 лѣтъ*, а потому, женщинъ отъ 15 до 45 лѣтъ будетъ менѣе 12½%. Стало быть, число раждающихся, по органической необходимости, должно быть менѣе 6¼%; изъ нихъ, при полнѣйшемъ благосостояніи, умретъ одна пятая, а для размноженія и пополненія убыли, производимой смертностью между людьми старше 5 лѣтъ, остается только 5%. Но для удвоенія населенія въ 15 лѣтъ требуется приращеніе въ 4,73%, а потому, для пополненія убыли отъ смертности между людьми, перешедшими за 5 лѣтній возрастъ, остается всего 0,27%. Это—явная нелѣпость. При такихъ данныхъ, средняя продолжительность жизни должна быть 135 лѣтъ, то есть, лишь немногіе люди должны умирать ранѣе 100 лѣтъ, а довольно многіе будутъ доживать до 170 лѣтъ. Очевидно, что 15 лѣтній періодъ удвоенія немыслимъ по самому физическому устройству организма.

Какой же наибольшій процентъ размноженія и какой періодъ удвоенія можетъ быть допущенъ физической организаціей человѣка? Для рѣшенія этой задачи не забудемъ, что число женщинъ, способныхъ имѣть дѣтей, становится все меньшимъ, по мѣрѣ увеличенія процента приращенія, и что число рожденій, возможное въ неразмножающемся обществѣ, становится невозможнымъ въ обществѣ быстро размножающемся.

---

* По свойству геометрической прогрессіи съ знаменателемъ 2, ибо послѣдній членъ ея всегда болѣе суммы всѣхъ прочихъ.

Припомнимъ, что дѣло идетъ не о числѣ дѣтей, какое можетъ родиться въ условіяхъ, неблагопріятныхъ для размноженія, а о числѣ возможныхъ рожденій въ обществѣ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для его размноженія. Женскій организмъ можетъ быть принуждаемъ къ рожденію количества дѣтей, превышающаго его силы, но изнуренная мать будетъ раждать дѣтей неспособныхъ къ жизни, подобно тому, какъ работникъ можетъ быть принужденъ работать 18 часовъ, хотя въ 18 часовъ онъ сработаетъ меньше, чѣмъ въ 10. Важнѣйшими препятствіями для размноженія населенія въ существующихъ нынѣ обществахъ служатъ грубость нравовъ и нужда. Правда, многіе фабричные работники западныхъ странъ удерживаются нуждой отъ вступленія въ бракъ; многіе люди средняго сословія тоже удерживаются отъ него, а по заключеніи брака — отъ рожденія столькихъ дѣтей, скольких могли бы имѣть, еслибы не тяготились ихъ многочисленностью. Но эти факты ничтожны по своему числу относительно всего населенія, которое, говоря вообще, побуждается нуждой къ ранновременнымъ бракамъ, такъ какъ жена есть лишняя работница въ домѣ. Вслѣдствіе грубости нравовъ, между всѣми слоями общества жены продолжаютъ раждать дѣтей и тогда, когда бы, по изнуренію силъ, онѣ отказались бы отъ этого; фактъ этотъ замѣчается въ сельскомъ населеніи даже Англіи. Поэтому, если въ нѣкоторыхъ случаяхъ обстоятельства, неблагопріятныя для размноженія населенія, уменьшаютъ число рожденій, то въ несравненно большемъ числѣ случаевъ тѣ же обстоятельства, напротивъ того, даютъ количество рожденій, какого они никогда бы не достигли при большемъ благосостояніи и меньшей грубости нравовъ, при существованіи естественныхъ влеченій и при отстраненіи изнуренія женскаго организма. Въ большей части случаевъ такое насильственное число рожденій составляетъ 3,5%—4%, или 35 и 40 рожденій на 1000 человѣкъ населенія; только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ оно достигало 45, и нѣтъ ни одного достовѣрнаго случая, когда число рожденій достигало бы 50 на 1000 душъ населенія.

Если припомнить, при какихъ условіяхъ приращеніе можетъ

быть въ 10%, то и 5% представляются едвали возможными, по физическимъ свойствамъ организма, ибо въ такомъ случаѣ каждая женщина, безъ исключенія, должна имѣть не менѣе 7 человѣкъ дѣтей; такъ что самая большая цифра, какую только можно допустить благоразумно, будетъ 6 человѣкъ дѣтей на каждую женщину безъ исключенія, а это составитъ приращеніе въ 40 рожденій на 1000 душъ населенія.

Обратимся теперь къ числу умирающихъ. Наименьшая естественная смертность между дѣтьми, недостигшими 5 лѣтняго возраста, по вычисленію Чедуика *, составляетъ 20%. Какова же можетъ быть естественная, независимая отъ бѣдности смертность между людьми, перешедшими за этотъ критическій возрастъ? Изъ таблицъ смертности во Франціи Гильяра **, заслуживающихъ наибольшаго довѣрія, мы видимъ, что на 1,000 дѣтей, раждающихся во Франціи, въ первыя 5 лѣтъ умираетъ 274. Слѣдовательно, смерть 74 надобно считать слѣдствіемъ нужды, а 200 умерло бы и тогда, когда все населеніе Франціи пользовалось бы такимъ же благосостояніемъ и вело бы такой же здоровый образъ жизни, какъ англійскіе землевладѣльцы.

Отношеніе излишка умирающихъ по причинѣ бѣдности между людьми, перешедшими за 5 лѣтній возрасть, не можетъ быть больше такого же отношенія между дѣтьми; напротивъ того, оно должно быть значительно меньше. Положимъ, что ребенокъ всего только вдвое слабѣе взрослаго человѣка предъ вліяніемъ дурной матерьяльной обстановки; при такомъ предположеніи, наименьшая смертность для людей, имѣющихъ болѣе 5 лѣтъ, составитъ, по всей вѣроятности, не меньше 1,47% ***.

---

* Кольбъ, *Руководство къ Сравнительной статистикѣ*, т. II, стр. 288.

** *Annuaire de l'Économie Politique* pour 1854, стр. 462.

*** Вотъ это вычисленіе. (См. Милль, *Осн. Политич. эк.* стр. 388).

По таблицамъ Гильяра (стр. 456), среднее населеніе Франціи (1840—1849) ..... 34,964,500.
Среднее число родившихся ..... 997,896.
Среднее число умершихъ ..... 842,919.

Мы имѣемъ, такимъ образомъ, крайній предѣлъ для наибольшаго числа рожденій 4,5%—4%, а крайній предѣлъ для наименьшаго числа смертей 1,24%—1,47% въ обществѣ, въ которомъ бѣдность не вызывала бы ни одной смерти и не останавливала бы ни одного рожденія. На основаніи этихъ данныхъ, процентъ размноженія и періодъ удвоенія населенія оказываются *:

% рожденій.	% умирающихъ до 5 л.	% умирающихъ послѣ 5 лѣтъ.	Перевѣсъ рожденій или % приращен.	Число лѣтъ въ періодѣ удвоенія.
5,0	1,00	1,47	2,53	27,77
4,5	0,90		2,13	32,93
4,0	0,80		1,73	40,47
3,5	0,70		1,33	52,56

Итакъ, мы получаемъ періодъ удвоенія въ 28 почти лѣтъ, при предположеніи такого числа рожденій, какого не даетъ ни одна статистическая таблица, заслуживающая довѣрія. При 40 рожденіяхъ на 1,000 человѣкъ населенія, то есть, безспорно превышающихъ нормальныя силы женскаго организма

Въ этомъ числѣ дѣтей, умершихъ ранѣе 5 лѣтъ было 34%, или..... 247,735.
Число умершихъ старше 5 лѣтъ..... 595,184.

Но если изъ 274 умирающихъ младенцевъ погибаетъ отъ нищеты 74, а 200 умираетъ независимо отъ нея, то, полагая дѣйствіе нужды одинаковымъ, какъ на младенцевъ, такъ и на взрослыхъ, мы получимъ что изъ 595,184 смертей 160,743 слѣдуетъ приписать бѣдности, а 434,441 смертей представляютъ результатъ естественныхъ законовъ человѣческаго организма.

Или на 1,000,000 населенія, всѣхъ умирающихъ выше 5 лѣт. возраста..... 17,022 чел., или 1, 7%
Въ томъ числѣ, вслѣдствіе естественной смерти..... 12,425 » или 1,24%
Вслѣдствіе бѣдности..... 4,597
Если нужда дѣйствуетъ на взрослыхъ вдвое слабѣе чѣмъ на дѣтей..... 2,298
Вычтя эту цифру изъ всего числа смертей, получимъ естественную смертность между людьми старше 5 лѣтъ..... 14,724 чел., или 1,47%

* Тамъ же, стр. 390.

и возможныхъ только въ обществахъ, размноженіе которыхъ задерживается нуждой, періодъ удвоенія населенія составляетъ уже слишкомъ 40 лѣтъ. Каждое улучшеніе въ положеніи женщины должно имѣть результатомъ уменьшеніе числа рожденій; такъ что 35 рожденій на 1,000 душъ населенія можно считать наивышимъ предѣломъ при самомъ незначительномъ улучшеніи положенія женщины, то есть, если въ массѣ народа прекратится хотя то грубое насиліе, которое уже брошено въ высшихъ слояхъ общества. Но вѣроятно никто не скажетъ, что обычаи въ этихъ слояхъ общества представляютъ высшій образецъ совершенства. Будущее рѣшитъ, сохранятся ли въ обществѣ обычаи и понятія, при которыхъ число раждающихся хотя сколько нибудь можетъ превышать, при полномъ матерьяльномъ довольствѣ, число умирающихъ, и не окажется ли справедливымъ положеніе Вольтера, приведенное въ 1-ой главѣ этого этюда. Мы нашли, что періоды удвоенія въ 15 или 12 лѣтъ—чистая химера, а періодъ удвоенія въ 25 лѣтъ, казавшійся Мальтусу самымъ продолжительнымъ, напротивъ того, неправдоподобно кратокъ.

Разсмотримъ теперь вліяніе эмиграціи на полученныя нами цифры. Если принять періодъ удвоенія въ 20 или 15 лѣтъ, то защитники Мальтуса совершенно правы, когда доказываютъ, что выселеніе не можетъ спасти народъ отъ бѣдствій, порождаемыхъ недостаткомъ продовольствія. При удвоеніи населенія, напримѣръ, въ 20 лѣтъ, приращеніе составляетъ 3,6%; если при такомъ размноженіи будетъ выселяться ежегодно 1,5% населенія, то за этимъ приращеніе составитъ все же 2,1%, при которомъ населеніе удваиванвается въ 33 года. Но если періоды удвоенія длиннѣе, то мы получаемъ совсѣмъ иные результаты. Мы знаемъ уже, что наименьшій періодъ удвоенія, при нынѣшнемъ положеніи женщины, составляетъ неменѣе 35 лѣтъ, а при нѣкоторомъ улучшеніи ея положенія — около 52 лѣтъ. Переселенія въ 0,5% не встрѣчаютъ никакого затрудненія при существующихъ средствахъ сообщенія; легко совершаются переселенія и въ 1%; наконецъ, мы знаемъ примѣры выселенія въ 1,25% безъ особеннаго экономическаго затрудненія для страны. Вотъ какія цифры

получаемъ мы, при предположеніи переселенія отъ 0,5% до 1,5% всего населенія*.

% Приращенія	% Эмиграціи	% Приращенія остающагося населенія	Періодъ его удвоенія
При удвоеніи населенія, безъ эмиграціи, въ			35,8 лѣтъ
1,96	0,5	1,46	49,90 лѣтъ
	1,0	0,96	72,74
	1,5	0,71	98,32
При удвоеніи населенія, безъ эмиграціи, въ			52,6 года.
1,33	0,5	0,83	91,68
	1,0	0,33	212,00
	1,5	0,08	894,80

То есть, если положеніе женщины не улучшается, то при эмиграціи періодъ удвоенія удлиняется съ 35 до 98 лѣтъ; при улучшеніи же положенія женщины онъ растягивается съ 52 до 894 лѣтъ. Цифры эти говорятъ сами за себя, и способны разсѣять всѣ мрачныя опасенія, возбужденныя основными положеніями Мальтуса, въ томъ видѣ, въ какомъ они высказаны.

Обратимся теперь къ земледѣльческому продукту, или къ возрастанію количества продовольствія, допускаемаго естественными законами природы. Повторю еще разъ, что послѣ того, что было доказано до очевидности во второй главѣ этюда, такое изслѣдованіе было бы совершенно излишне, еслибы опасенія, возбужденныя Мальтусомъ и защищаемыя огромнымъ большинствомъ экономистовъ, не были до такой степени распространены, что всякая попытка къ ихъ разсѣянію должна считаться дѣломъ полезнымъ.

Главныя основанія изслѣдованія и по тому вопросу я изложу по указаніямъ того же остроумнаго комментатора *Основаній политической экономіи* Милля.

Люди, говоритъ Мальтусова теорія, имѣютъ способность размножаться по геометрической прогрессіи, а земледѣльческій продуктъ не можетъ возрастать быстрѣе, какъ по ариѳметической. Такимъ образомъ, мы получаемъ двѣ строки:

Для размноженія людей . .	1	2	4	8	16	32	64
Для увеличенія продукта . .	1	2	3	4	5	6	7

На этихъ цифрахъ Мальтусъ доказываетъ, что земледѣльческія усовершенствованія не въ силахъ уравновѣсить дефицита въ продуктѣ, являющагося отъ ослабленія производительности земледѣльческаго труда, по мѣрѣ возрастанія самого труда.

Это требуетъ поясненія. Когда въ странѣ возникаетъ земледѣліе, то понятно, что первоначально распахиваются самыя лучшія и плодородныя земли. Когда населеніе увеличится, и потребуетъ большаго количества хлѣба, чѣмъ какое получается съ воздѣлывающихся уже участковъ, то существуетъ только два средства для удовлетворенія этого требованія: подвергнуть обработкѣ новые, менѣе плодородные участки, или улучшить уже воздѣлываемыя земли. Но очевидно, то и другое средство менѣе прибыльно, чѣмъ обработка занятыхъ уже участковъ, такъ какъ вновь занимаемыя земли худшаго достоинства, а еслибы можно было получить съ воздѣлывающихся земель, при удвоенномъ трудѣ, двойное же количество произведеній, то не для чего было бы занимать подъ пашни новыя мѣста. Вотъ смыслъ выраженія, что производительность земледѣльческаго труда уменьшается по мѣрѣ возрастанія этого труда.

Величина дефицита представляется въ теоріи Мальтуса громадною, непобѣдимою. Замѣтимъ, что сами защитники этой теоріи считаютъ эти цифры преувеличенными. А если это такъ, и если будетъ доказано, что и при такихъ цифрахъ вовсе не приходится опасаться дефицита, то при цифрахъ, менѣе преувеличенныхъ, борьба съ этимъ дефицитомъ становится тѣмъ менѣе затруднительной.

Въ каждый 25 лѣтній періодъ производительная сила новыхъ работниковъ уменьшается вдвое, ибо въ два раза увеличивается количество населенія; такъ что, если въ первый періодъ каждый работникъ производилъ 4 четверти хлѣба,

* См. тамъ же стр. 394.

то во второмъ періодѣ новые работники произведутъ всего 2 четверти, а тѣ и другіе 6 четвертей, вмѣсто требующихся 8 четвертей для поддержанія прежняго довольства между жителями: недостатокъ будетъ состоять въ 2 четвертяхъ, который и вызоветъ, по теоріи Мальтуса, болѣзни, пороки и преступленія. Для предотвращенія этого дефицита съ его гибельными послѣдствіями необходимо сдѣлать впродолженіи 25 лѣтъ земледѣльческія улучшенія. Но въ какомъ же размѣрѣ? А въ такомъ, чтобы поднять производство хлѣба съ 6 четвертей до 8, или, принимая производительность предъидущаго періода за 1, производительность втораго періода должна быть $^4/_3$, то есть, земледѣліе должно улучшиться въ теченіи 25 лѣтъ на цѣлую треть. Такой размѣръ улучшеній дѣйствительно очень великъ, и хотя многія фермы Англіи производятъ даже не въ три, а въ пять и въ шесть разъ больше хлѣба, чѣмъ производили 100 лѣтъ тому назадъ, все же невѣроятно предположить такое улучшеніе, громадность котораго обнаруживается еще очевиднѣе не въ одномъ, а въ цѣломъ рядѣ 25 лѣтнихъ періодовъ геометрическаго возрастанія требуемой производительности труда:

1 $(^4/_3)^1=1{,}33$ $(^4/_3)^2=1{,}77$ $(^4/_3)^3=2{,}37$ $(^4/_3)^4=3{,}16$, и т. д.

Вотъ на этомъ основаніи Мальтусъ и его защитники считаютъ невѣроятнымъ, чтобы улучшеніе въ земледѣліи могло предупреждать недостатокъ въ продовольствіи, происходящій отъ размноженія людей, еслибы послѣднее происходило съ полной быстротой. Поэтому, если размноженіе не будетъ задержано волею самого человѣка, то оно будетъ остановлено, какъ это было всегда и всюду, болѣзнями, пороками и преступленіями, пораждаемыми нищетой, которая вызывается дефицитомъ въ земледѣльческомъ продуктѣ.

Все это было бы вполнѣ справедливо, еслибы приведенная сейчасъ прогрессія была неоспорима. Но тутъ то Мальтусомъ и сдѣлана была, а послѣдователями его не замѣчена огромная ошибка, которая повторялась на вѣру всѣми экономистами и честь разоблаченія которой принадлежитъ русскому коментатору Милля.

Геометрическая прогрессія есть прогрессія сложныхъ процентовъ. Если я занялъ 100 руб. по 5%, то очевидно я долженъ платить кредитору ежегодно 5 руб. Мальтусъ, по непонятной ошибкѣ, забывъ свойства геометрической прогрессіи, говоритъ, что я долженъ платить гораздо больше. А именно, на капиталъ въ 100 руб., считая по 5%, наростаетъ въ 25 лѣтъ 238 р. 64 к.; онъ дѣлитъ это число на 25, и получаетъ 9 р. 55 к. Мало того: тотъ же капиталъ въ 50 лѣтъ даетъ 1046 р. 70 к. процентовъ; онъ дѣлитъ это число на 50, и говоритъ, что должникъ, взявшій 100 р. по 5%; обязанъ платить 20 р. 93 к. въ годъ.

Такого рода разсужденія онъ приложилъ и къ закону возрастанія земледѣльческаго продукта. Но вѣдь населеніе не удваивается разомъ въ какомъ нибудь году, а растетъ постепенно каждый годъ; значитъ, не вдругъ потребуется и удвоеніе продукта. Въ каждый годъ количество работниковъ только немного увеличивается, сравнительно съ прошлымъ годомъ: собираемая жатва должна прокормить не удвоившееся, а лишь немного возросшее населеніе, сравнительно съ прошлымъ годомъ. Прослѣдимъ же изъ году въ годъ требующееся возрастаніе земледѣльческаго продукта, вмѣсто того чтобы перепрыгивать чрезъ 25 лѣтніе періоды.

Положимъ, что населеніе возрастаетъ ежегодно на 3% (нѣсколько даже больше противъ того, при которомъ, по вычисленію Мальтуса, народонаселеніе удваивается въ 25 лѣтъ), т. е. вмѣсто 100 человѣкъ, мы будемъ имѣть въ слѣдующемъ году 103. Чтобы народъ не чувствовалъ нужды, производство его должно возрасти то же со 100 до 103. Но, по теоріи Мальтуса, производительность трехъ прибывшихъ работниковъ уменьшится противъ производительности прежнихъ въ размѣрѣ увеличенія числа всѣхъ работниковъ, то есть, производительность новаго труда къ производительности стараго должна относиться, какъ 100 къ 103, а производительность каждаго новаго работника, вмѣсто одного, напримѣръ, воза хлѣба, производимаго старымъ работникомъ, доставитъ $^{100}/_{103}$ или 0,97087, или, 3 новыхъ работника, вмѣсто 3 возовъ хлѣба, произведутъ $3 \times 0{,}97087$, то есть, всего 2,91261 воза. Такимъ

образомъ, уменьшившаяся производительность труда вызоветъ дефицитъ въ 0,08739, такъ какъ вмѣсто требующихся 103 возовъ, доставлено будетъ 102,91261.

Но чтобы вмѣсто 102,91261 возовъ хлѣба получить 103 воза, для этого необходимо, чтобы производительность труда прежнихъ работниковъ поднялась въ слѣдующемъ году настолько, насколько требуемая жатва, 103 воза, выше жатвы въ 102,91261 воза, получаемыхъ безъ усовершенствованій,

$$\text{или } X : 1 = 103 : 102{,}91261$$
$$\text{откуда } X = 1{,}000849 *$$

Итакъ, какъ велико должно быть усовершенствованіе, или въ устройствѣ орудій, или въ способѣ пользованія ими, или въ качествѣ удобренія, или въ качествѣ посѣва, чтобы недочета не оказалось, чтобы относительное довольство страны не уменьшилось, несмотря на увеличеніе населенія?

При 3%-номъ возрастаніи населенія, то есть, при болѣе быстромъ приращеніи, чѣмъ какое принимаетъ Мальтусъ, необходимо ежегодное усовершенствованіе земледѣлія на 0,000849. Какъ же велика эта величина? Она составляетъ въ пудѣ съ небольшимъ $3^1/_4$ золотника, въ возѣ хлѣба въ 25 пудовъ она равна $81^1/_2$ золотникамъ. Въ четверть вѣка она составитъ $2^1/_7$ %! Это уже не улучшеніе земледѣлія, а полный застой его, ибо съ самаго конца среднихъ вѣковъ не было такого безотраднаго, такого гнуснаго періода въ исторіи человѣчества, въ который земледѣліе не дѣлало бы такихъ успѣховъ, въ который улучшенія въ немъ не двигались бы все таки быстрѣе, чѣмъ это требовалось для покрытія дефицита въ продовольствіи при размноженіи населенія, удваивающемъ его въ 25 лѣтній періодъ.

---

* См. Милль, *Основанія политической экономіи*, Примѣчанія, стр. 365. Предлагаемый мною разсчетъ приведенъ въ болѣе сокращенный и общій видъ. Общая, болѣе подробная математическая формула дальнѣйшаго анализа приведена мною въ Приложеніяхъ ко 2-му тому, такъ какъ она должна имѣть важное значеніе, какъ при изученіи и изслѣдованіи Мальтусовой теоремы, такъ и при рѣшеніи, независимо отъ нея, вопроса о возрастаніи земледѣльческаго продукта.

Огромное различіе, вытекающее изъ ошибочнаго вычисленія Мальтуса, обнаруживается опять таки еще сильнѣе въ цѣломъ рядѣ періодовъ:

Требуемая высота земледѣлія	1860	1885	1910	1935	1960
По ошибочному счету.	1,00	1,3333	1,7777	2,3702	3,1602
По правильному счету.	1,00	1,0214	1,0434	1,0657	1,0886

Но если это дѣйствительно такъ, если размноженіе людей не можетъ быть остановлено недостаткомъ продовольствія, то какою же причиной объяснить упорное существованіе нищеты, продолжающей пожирать людей, несмотря на земледѣльческія улучшенія? Я уже неоднократно упоминалъ, что причинъ этихъ безчисленное множество, и что изслѣдованіе ихъ и составляетъ главнымъ образомъ предметъ политико-экономической науки. Въ настоящемъ же мѣстѣ я имѣлъ въ виду представить только разборъ обѣихъ прогрессій Мальтусовой теоремы, и указать на громадные періоды, какъ дѣйствительнаго удвоенія населенія, такъ и отстрочки земледѣльческаго дефицита на основаніи изслѣдованій русскаго коментатора Милля, словами котораго я и заключу эту часть моего этюда.

«Цифры эти, говоритъ онъ, явно смѣются надъ нами и своею огромностью, превышающей всякій разсчетъ экономическихъ вѣроятностей, и своею нелѣпою претензіей на точность; эти цифры говорятъ намъ: не бойтесь; кто хочетъ запугать васъ, противъ того выставьте вы насъ, — опровергнуть насъ нельзя; но мы построены на нынѣшнихъ вашихъ обычаяхъ и понятіяхъ, — неужели вы думаете мѣрить далекое будущее вашими обычаями, понятіями, средствами производства? Неужели вы полагаете, что ваши праправнуки будутъ такими же, какъ вы? Не бойтесь, они будутъ умнѣе васъ. Думайте о томъ, какъ вамъ устроить вашу жизнь, а заботу о судьбѣ праправнуковъ оставьте праправнукамъ. Вы можете видѣть, что нетолько вы можете, что и ваши дѣти и внуки могутъ уже обезпечить себя отъ нищеты, — ну, пусть этого и будетъ довольно съ васъ; черезъ 200 лѣтъ люди

будутъ смѣяться надъ вашими надеждами на будущее, какъ надеждами слишкомъ мелкими, надъ вашими опасеніями за будущее, какъ опасеніями, проистекавшими только изъ вашей дикости.»

IV. Изслѣдованіе «самообузданія».

Такъ какъ возрастаніе населенія въ геометрической прогрессіи, говоритъ теорема Мальтуса, есть естественный законъ природы; такъ какъ возрастаніе продовольствія въ арифметической прогрессіи есть тоже естественный законъ природы, то неизбѣжнымъ, роковымъ слѣдствіемъ ихъ является излишнее количество населенія, которое должно гибнуть отъ нищеты и порождаемыхъ ею страданій, пороковъ и преступленій. Единственное средство для человѣка бороться противъ этихъ роковыхъ бѣдствій состоитъ въ предупрежденіи излишняго населенія путемъ благоразумія, предусмотрительности, воздержанія отъ физической любви, вообще, путемъ *самообузданія*.

Мы уже знаемъ теперь, что всѣ эти бѣдствія, будто бы зависящія отъ чрезмѣрнаго населенія, являющагося результатомъ естественныхъ законовъ природы, — чистая химера. Безчисленное множество причинъ, препятствующихъ человѣку достигнуть такого размноженія, которое сдерживалось бы наконецъ однимъ только недостаткомъ продовольствія, никогда не можетъ быть и не будетъ отстранено. Предлагать мѣры противъ зла, имѣющаго свой источникъ совсѣмъ въ другомъ ряду явленій, есть совершенная утопія. Что можемъ мы сказать объ условіяхъ, которыя никогда не существовали ни для одной породы организмовъ и которыхъ представить себѣ мы даже не въ состояніи? Все, что мы скажемъ, будетъ гадательно. Тѣмъ неменѣе, я считаю нужнымъ указать на важнѣйшія изъ такихъ опроверженій для полноты моего очерка и для всесторонней характеристики Мальтусова ученія.

Фурье указываетъ на четыре физическія препятствія, останавливающія излишнее размноженіе населенія, упущенныя изъ виду экономистами: укрѣпленіе женскаго организма, гармоническое развитіе всѣхъ физическихъ способностей человѣка путемъ упражненія, радикальныя измѣненія въ пищѣ и такія же измѣненія въ половыхъ отношеніяхъ между двумя половинами человѣческаго рода. Свойственная этому реформатору странная манера изложенія, постоянное стремленіе его проникнуть въ отдаленное будущее и желаніе нарисовать картину его нравовъ и обычаевъ были причиною, что противники его, вмѣсто изслѣдованія его положеній, придирались къ словамъ и поднимали на смѣхъ изображаемые имъ новые нравы и отношенія. Я не стану входить въ дальнѣйшія подробности: достаточно сказать, что одно изъ препятствій названо имъ *кухонною мудростью (gastrosophie)*, а нравы — *явнобрачными (phanérogames)*, чтобы читатель представилъ себѣ характеръ возбужденной имъ полемики.

Одинъ изъ противниковъ его, принадлежащій, впрочемъ, къ той же школѣ, Пьеръ Леру, рѣшаетъ вопросъ населенія круговоротомъ между производствомъ и потребленіемъ, выражающимся тѣмъ, что каждый потребитель доставляетъ достаточно удобренія для производства потребляемаго, при содѣйствіи собственнаго труда. Подобное же мнѣніе высказываетъ и Прудонъ, хотя ни тотъ, ни другой не представляютъ болѣе подробнаго развитія этой мысли. У Прудона она выражается формулой: «Человѣкъ представляетъ одновременно силу производительную, силу потребительную и силу, размножающую его породу. Онъ создаетъ богатства и потребляетъ ихъ; кромѣ того, производя и потребляя, онъ размножается.»

Два противника Мальтуса, докторъ Лаудонъ и Дубльде, обратились за аргументами противъ него къ естественной исторіи и физіологіи. Такъ, докторъ Лаудонъ нашелъ рѣшеніе вопроса о народонаселеніи и продовольствіи въ теоріи трехлѣтняго кормленія грудью и въ антипатіи между отправленіями грудей и матки. Онъ разсчитываетъ, что при такомъ продолжительномъ кормленіи женщина можетъ имѣть никакъ неболѣе трехъ или четырехъ дѣтей*. Защитники Мальтуса

---

* *Solution du problème de la population et des subsistances*, par Ch. Loudon.

возражаютъ на это, что и принявъ выводы Лаудона, несомнѣнно, впрочемъ, подлежащіе оспариванію, все же выходитъ, что даже съ однимъ только ребенкомъ въ каждые три года, семейства могутъ быть все еще весьма многочисленны. Отъ 15 до 45 лѣтъ, по этому разсчету, женщина все еще можетъ имѣть десять человѣкъ дѣтей.

Дубльде воспользовался или, вѣрнѣе, развилъ мысль, впервые высказанную Фурье. Онъ утверждаетъ, что плодородіе человѣка, какъ и всѣхъ живыхъ существъ, обратно пропорціонально количеству потребляемой ими пищи; что тучность и богатство крови, являющіяся результатомъ обильнаго питанія, ослабляютъ оплодотворяющую способность, и влекутъ меньшее число рожденій. Сословія, пользующіяся довольствомъ, такъ неплодородны, что рѣдко могутъ поддерживать свою численность безъ прилива новыхъ людей изъ болѣе бѣдныхъ сословій *. Эта теорія, безспорно опирающаяся на аналогіи органической жизни, опровергалась послѣдователями Мальтуса, приводившими противъ нея тотъ, всѣмъ извѣстный фактъ, что въ Англіи, гдѣ богатые классы, обезпеченные правомъ имѣть сына, которому они передаютъ все свое имущество, и правомъ предоставлять всѣхъ остальныхъ дѣтей на попеченіе государства, не стѣсняющіеся, поэтому, въ супружескомъ отношеніи, нерѣдко представляютъ семейства въ 7, 8 и 10 дѣтей; а между тѣмъ, кто же скажетъ, чтобы они отказывали себѣ въ обильной и здоровой пищѣ?

Странно, что Милль соглашается съ этими доводами. Онъ говоритъ **: «Безспорно, положительный излишекъ питанія и у животныхъ, и у фруктовыхъ деревьевъ неблагопріятенъ воспроизведенію, и очень можетъ быть (хотя еще вовсе не доказано), что физіологическія условія плодородія имѣютъ высочайшую силу тогда, когда количество пищи нѣсколько недостаточно. Но если и принять это за фактъ, надобно только попросить просмотрѣть *Списокъ англійскихъ перовъ* того, кто вздумалъ бы выводить изъ такого факта заключенія, несогласныя съ принципомъ Мальтуса: пусть онъ посмотритъ, какія громадныя семейства почти во всѣхъ фамиліяхъ этого сословія; или пусть онъ вспомнитъ о томъ, какъ велики семейства англійскаго духовенства и вообще среднихъ сословій въ Англіи. Если есть предѣлъ размноженію людей въ богатыхъ сословіяхъ Великобританіи, предѣломъ этимъ навѣрное не служитъ малочисленность дѣтей.»

Такое непосредственное приложеніе закона, подмѣченнаго Дубльде, по меньшей мѣрѣ слишкомъ преждевременно. Если плодородіе ослабѣваетъ въ органическихъ породахъ по причинѣ чрезмѣрнаго питанія, то явленіе это можетъ быть результатомъ только глубокихъ физіологическихъ измѣненій въ энергіи весьма существенныхъ процесовъ, вслѣдствіе которыхъ уменьшается количество и оплодотворяющая способность мужскаго сѣмени, или плодотворящая воспріимчивость женскаго организма. Такая важная перемѣна безспорно требуетъ значительнаго времени, и для нея вѣроятно необходимъ рядъ многихъ поколѣній. Если, какъ всѣмъ извѣстно, породистыя отмѣтки человѣческаго организма, какъ аристократическія черты лица, меленькія руки и ноги, тонкія кости и проч., становятся замѣтны нераньше какъ чрезъ нѣсколько поколѣній въ людяхъ, попавшихъ въ знатность изъ простонародія, а на дѣтяхъ и на внукахъ вовсе не замѣчается этихъ отмѣтокъ, то измѣненія въ болѣе существенныхъ отправленіяхъ должны случиться гораздо позже. Между фамиліями англійскихъ перовъ очень немного находится такихъ, знатность которыхъ простиралась бы на семь или на восемь поколѣній: огромное большинство ихъ пользуется знатностью лѣтъ 150, много 200. Поэтому, если въ нихъ и сохраняется еще плодородіе, то этимъ еще не опровергается теорія, Дубльде, въ пользу которой стоитъ такое огромное число полновѣсныхъ фактовъ. Плодородіе это легко объясняется остаткомъ плодородія недавнихъ еще, небогатыхъ предковъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о многочисленности семействъ англійскаго духовенства и средняго сословія, еще недавно вышедшихъ изъ простонародья.

Генеалогическія таблицы, напротивъ того, представляютъ

---

* Th. Doubleday, *The true law of population.*

** Милль, *Основанія политической экономіи*, т. I, стр. 307.

скорѣе подтвержденіе, чѣмъ опроверженіе теоріи Дубльде. Общая черта всѣхъ генеалогій во всѣхъ странахъ состоитъ въ томъ, что новая знатная фамилія въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній (обыкновенно пяти или шести) быстро размножается, затѣмъ держится два или три поколѣнія въ той же многочисленности, и наконецъ, начинаетъ уменьшаться такъ же быстро, какъ увеличивалась; черезъ 12—15 поколѣній родъ обыкновенно угасаетъ или продолжается чрезъ какую нибудь боковую вѣтвь, которая впала въ незначительность, и имѣла случай возобновить свое плодородіе бѣдностью. Странно, что̀ такая общая и характеристическая черта генеалогій не была замѣчена Миллемъ.

Впрочемъ, я счелъ любопытнымъ только указать на эту, во всякомъ случаѣ интересную теорію, выставленную противъ обвиненія природы Мальтусомъ въ непослѣдовательности, и скаредности, ложащейся такимъ роковымъ проклятіемъ на судьбу человѣческихъ обществъ. Такъ какъ отдаленный результатъ, указываемый Дубльде, собственно говоря, можетъ быть вызванъ только чрезмѣрнымъ довольствомъ, уменьшающимъ плодородіе, а чрезмѣрное довольство на первое время должно усилить количество населенія, то эта теорія и не можетъ служить непосредственнымъ опроверженіемъ противъ Мальтуса.

Перехожу теперь къ нравственной оцѣнкѣ Мальтусовой теоремы.

Замѣчу, прежде всего, что эта то сторона Мальтусова ученія и породила самую жестокую бурю. Оно и понятно: экономическіе вопросы, болѣе или менѣе запутанные и сложные, оказывающіе болѣе или менѣе косвенное дѣйствіе на благосостояніе массъ, несравненно менѣе доступны общему пониманію; дѣло другое—вопросы нравственные, непосредственно касающіеся каждаго человѣка и всякому доступные. Однако же, эта часть ученія Мальтуса изложена съ наименьшею ясностью, и облечена въ самыя неопредѣленныя, смутныя формы. Защитники его придерживались той же неопредѣленности, и ограничивались иносказаніями и болѣе или менѣе прозрачными намеками, вмѣсто того, чтобы высказаться ясно и общепонятно. Точный смыслъ ученія былъ разоблаченъ ихъ противниками. Но каждое рѣзкое заявленіе, каждое безцеремонное указаніе дѣйствительнаго содержанія предлагавшагося ученія, тѣмъ неменѣе, вызывало самыя энергическія отрицанія и отреченія со стороны его защитниковъ, снова запутывавшихся въ цѣломудренныя и сентиментальныя фразы, обращая на своихъ противниковъ весь цинизмъ разоблаченія. Стюартъ Милль выражается такимъ образомъ объ этой полемикѣ: «Народъ и не подозрѣваетъ, во что̀ ему обходится такое щепетильное отношеніе къ разбираемому вопросу. Общественныя болѣзни, какъ и болѣзни физическія, могутъ предупреждаться и излечиваться въ такомъ только случаѣ, когда о нихъ будетъ говориться ясно.... Къ несчастію, всѣ изслѣдованія такого рода отличаются больше сантиментальностью, чѣмъ здравымъ смысломъ.»

Какъ бы то ни было, честь разоблаченія сокровеннаго смысла Мальтусовой теоріи несомнѣнно принадлежитъ его противникамъ, какіе бы упреки ни дѣлали имъ люди, въ сущности подразумѣвавшіе несравненно болѣе циническія вещи, чѣмъ высказываемыя противъ нихъ опроверженія. Нельзя также не согласиться и съ тѣмъ, что нѣкоторые изъ послѣдователей Мальтусовыхъ мыслей, пошли дальше, чѣмъ желалъ учитель, и компрометировали его теорію, совершенно, впрочемъ, противъ своей воли, такъ какъ къ выводамъ своимъ они были привлечены самыми роковыми доводами логики. Вотъ какія мѣры противъ чрезмѣрнаго населенія предлагали нѣкоторые изъ нихъ.

Одинъ изъ нѣмецкихъ защитниковъ Мальтуса, совѣтникъ Вейнгольдъ, ради предупрежденія чрезмѣрнаго населенія, предлагалъ самымъ серьезнымъ образомъ средство, употребляющееся до настоящаго времени католическою церковью въ Италіи для сохраненія теноровыхъ голосовъ, и находящееся въ полномъ ходу въ Турціи и на востокѣ для доставленія безвредныхъ охранителей гаремовъ *.

Другой писатель, по словамъ Росси, знаменитый англича-

* *De l'excès de population dans l'Europe centrale.* Halle, 1827.

нинъ, имени котораго онъ, впрочемъ, не приводитъ, и который такъ и скрылся подъ псевдонимомъ Маркуса, написалъ брошюру, въ которой, для достиженія той же цѣли, предлагаетъ подвергать новорожденныхъ *безболѣзненному удушенію* (*painless extinction*) углекислымъ газомъ. Сочиненіе написано самымъ серьезнымъ тономъ; поэтому, оно возбудило споры: было ли оно плодомъ умопомѣшательства, или написано съ цѣлью пародировать книгу Мальтуса, чему подавало поводъ созвучіе избраннаго псевдонима, ***Маркуса***, съ фамиліей прославившагося экономиста*.

Какой то докторъ Г... предложилъ «извлеченіе и искорененіе зародышей» еслибы, паче чаянія, они зараждались противъ воли родителей. Наконецъ, многіе другіе предлагали такія средства, которыя, изъ благопристойности, отказывается назвать Гарнье, непостыдившійся, впрочемъ, прописать всѣми буквами вышеприведенныя. Прудонъ не задумался назвать однимъ родовымъ именемъ всѣ эти мѣры, и громко заявилъ, что они согласны съ ученіемъ Мальтуса, и представляютъ неизбѣжное, логическое его послѣдствіе... **.

Такіе выводы, такія обвиненія требовали серьезныхъ опроверженій. Защитники Мальтуса постоянно твердили и продолжаютъ твердить, что Мальтусъ оклеветанъ, что Мальтуса нетолько не изучаютъ, нетолько не знаютъ его, но въ общественномъ сознаніи сложилось понятіе о Мальтусѣ, какого никогда не существовало, о фантастическомъ Мальтусѣ, которому приписываютъ самыя дикія положенія, на голову котораго посылаютъ самыя грубыя и незаслуженныя проклятія; что странное это явленіе объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что большая часть людей, говорившихъ о Мальтусѣ, не читала его. Вотъ причина, породившая о немъ самое нелѣпое понятіе; вотъ почему приписаны были ему идеи, какихъ онъ

* Сочиненіе это переведено на французскій языкъ. Въ номерѣ *Réforme* отъ 23 ноября 1844 Жофруа Кавеньякъ помѣстилъ разборъ его, взваливая отвѣтственность происхожденія брошюры на Мальтуса.

** Между приложеніями ко второму тому этого сочиненія я помѣщаю разборъ теоріи Мальтуса, сдѣланный этимъ знаменитымъ публицистомъ и критикомъ экономическихъ теорій.

никогда не имѣлъ; вотъ какимъ образомъ искренняго друга человѣчества и защитника бѣдныхъ обратили въ скрытаго сторонника аристократіи, преувеличивали слова его и взвалили на него отвѣтственность за чувства и заблужденія его противниковъ и за нелѣпые выводы, сдѣланные изъ его ученія недобросовѣстными или болѣзненными умами.

Чѣмъ же объяснить это странное явленіе? Насколько справедливы, съ одной стороны, обвиненія и упреки, насколько искренни, съ другой стороны, оправданія или отреченія? Въ самомъ сочиненіи знаменитаго экономиста, дѣйствительно, нельзя отыскать нетолько прямыхъ, но даже косвенныхъ оправданій выводовъ, дѣлаемыхъ изъ него его противниками; но тѣмъ неменѣе, нельзя не признать, что противники Мальтусовой теоріи были весьма логичны и послѣдовательны, когда требовали отъ нея отвѣтовъ на вопросы, которые прямо вытекали изъ нея.

Единственное средство, предлагаемое Мальтусомъ человѣку для борьбы противъ неизбѣжныхъ бѣдствій, пораждаемыхъ открытымъ имъ закономъ народонаселенія, состоитъ въ ***нравственномъ обузданіи*** (*moral restraint*). Онъ строго опредѣляетъ его, называетъ чувствомъ безусловно ***свободнымъ***, и рѣшительно освобождаетъ его отъ всякаго внѣшняго, посторонняго насилія. Но, увлекаемый главною цѣлью, которую онъ не упускалъ изъ виду ни на минуту, онъ вскорѣ начинаетъ смотрѣть на чувство это, сначала общее и неограниченное, какъ на воздержаніе отъ физической любви, такъ что рекомендуемое имъ благоразуміе и предусмотрительность получаютъ частный и, такъ сказать, исключительный характеръ. Далѣе, онъ опредѣляетъ это благоразуміе, эту предусмотрительность еще точнѣе: они требуютъ уже отъ холостаго человѣка воздержанія отъ вступленія въ бракъ, пока онъ не пріобрѣтетъ средствъ для содержанія семьи; отъ женатаго— воздержанія отъ рожденія такого числа дѣтей, какое онъ не можетъ прокормить. Впрочемъ, такого рода благоразуміе и предусмотрительность попрежнему характеризуются имъ двумя чертами: во первыхъ, они должны быть свободны и добровольны, а во вторыхъ, они должны быть нравственны.

*

До сихъ поръ очевидно, что самовоздержаніе, предлагаемое Мальтусомъ, какъ средство противъ роковыхъ слѣдствій закона народонаселенія, вовсе не представляетъ повода къ выводамъ, какіе сдѣланы были изъ него его противниками, а защитники его, опираясь на эти опредѣленія, имѣли право утверждать, что Мальтусъ оклеветанъ, что онъ вовсе не имѣлъ въ въ виду того, что̀ было ему приписано.

И дѣйствительно, если можно было возражать на такія положенія, то развѣ только противурѣчіемъ ихъ съ законами природы и съ естественными требованіями человѣческаго организма. Можно ли теперь предположить, что Мальтусу были неизвѣстны, ни эти законы природы, ни эти естественныя требованія всякаго животнаго организма; что положиться въ этомъ отношеніи на безусловную свободу человѣка, на его добрую волю невозможно и что онѣ должны быть обузданы какими либо внѣшними, насильственными мѣрами? Прямаго отвѣта на эти вопросы не встрѣчается въ книгѣ Мальтуса; но онъ не могъ миновать косвенныхъ отвѣтовъ и намековъ, которые дѣйствительно въ сочиненіи его встрѣчаются на каждомъ шагу. Такъ напримѣръ, онъ относится всегда съ явною и громкою похвалою къ учрежденіямъ и законамъ, замедляющимъ и вовсе запрещающимъ заключеніе брачныхъ союзовъ, пока гражданинъ не достигнетъ опредѣленнаго возраста (не естественнаго, а болѣе поздняго, и чѣмъ болѣе поздняго, тѣмъ лучше), пока онъ не представитъ залога или ручательства, что можетъ содержать семью, пока не пріобрѣтетъ фермы или собственнаго помѣщенія, даже пока не представитъ свидѣтельства о своемъ благонадежномъ поведеніи, и проч. Наконецъ, въ одномъ мѣстѣ онъ даже говоритъ прямо, что человѣкъ, несмотря на всѣ предостереженія, все таки рѣшающійся вступить въ бракъ, тѣмъ самымъ лишается всякаго права на вспомоществованіе, и самъ виноватъ во всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ: общество имѣетъ полное право сказать такому человѣку, что ему нѣтъ до него никакого дѣла. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ еще рѣшительнѣе: «Пока мракъ не будетъ разсѣянъ, и бѣдный не пойметъ причины своихъ страданій; пока ему не будетъ внушено, что онъ долженъ винить въ нихъ самого себя, до тѣхъ поръ мы не имѣемъ права утверждать, что каждый человѣкъ долженъ пользоваться безграничной свободой въ дѣлѣ супружества». Но такія косвенныя указанія явно обнаруживали тайную мысль автора, и подрывали въ читателѣ кредитъ къ его увѣреніямъ, что рекомендуемое имъ самообузданіе должно быть вполѣ добровольно и не стѣсняться никакими насильственными мѣрами. Очевидно, поэтому, что противники его получали право уличить ученіе въ лицемѣріи, и разоблачить, что свободное самообузданіе есть только личина, прикрывающая насиліе и вмѣшательство въ такія интимныя стороны жизни, которыя остаются свободными отъ какой бы то ни было регламентаціи даже среди обществъ, менѣе всего пользующихся свободой. Вотъ почему и ученіе, проповѣдывавшее возможную и всестороннюю свободу во всѣхъ экономическихъ отношеніяхъ общества, ученіе, обошедшее весь міръ со знаменемъ, на которомъ написано: *laissez faire*, *laissez passer*, въ одномъ только случаѣ оказывается отъ невмѣшательства, а именно, въ дѣлѣ размноженія работниковъ, умноженія, угрожающаго прочности современнаго порядка вещей.

Что̀ я сказалъ о свободной сторонѣ самовоздержанія, то слѣдуетъ сказать и о нравственной его сторонѣ. Я уже упоминалъ, что трудно предположить, чтобы Мальтусу неизвѣстны были ни характеръ, ни сила естественныхъ законовъ, непосредственно управляющихъ размноженіемъ всѣхъ органическихъ породъ, ни послѣдствія насильственнаго, хотя бы и добровольнаго лишенія человѣка двухъ главнѣйшихъ потребностей его организма, ибо кто же, мало мальски знакомый съ естественными науками, рѣшится опровергать, что *голодъ* и *любовь* стоятъ во главѣ побужденій, управляющихъ всѣми отправленіями органической жизни; что они не подчиняются ни отсрочкѣ, ни тѣмъ менѣе упраздненію? О неудовлетвореніи голода нечего и говорить: за нимъ непосредственно слѣдуетъ смерть. Если неудовлетвореніе любви и не сопровождается такимъ же непосредственнымъ искаженіемъ органической жизни, то не подлежитъ сомнѣнію, что оно все таки искажаетъ всѣ важнѣйшія животныя отправленія. Стѣсненіемъ

ея слѣдуетъ объяснять множество чудовищныхъ, безпутныхъ и гибельныхъ явленій въ жизни человѣческихъ обществъ. Писателю конца восемнадцатаго вѣка менѣе всего приходится оправдываться незнаніемъ такихъ явленій, противъ которыхъ громче всего ратовала современная литература.

Мальтусъ чувствовалъ, что такой афоризмъ, какъ безусловное самовоздержаніе въ любви, нетолько не встрѣтитъ сочувствія со стороны общества, которому хорошо было извѣстно первостепенное значеніе двухъ верховныхъ побужденій всякой жизни, но вызоветъ насмѣшку, какъ такой же совѣтъ, обращенный къ обузданію голода. Какъ было обратиться къ людямъ, привыкшимъ съ тѣхъ поръ, какъ они помнятъ себя, радостно встрѣчать появленіе въ семьѣ своей новаго члена и принимать его за особенное благословеніе неба, и объявить имъ, что такое событіе есть страшное горе, безпощадное проклятіе, ведущее родъ человѣческій къ неизбѣжнымъ бѣдствіямъ и страданіямъ? Въ одномъ мѣстѣ онъ рекомендуетъ дѣвушкамъ вступать въ супружество по достиженіи 29 или 30 лѣтняго возраста; поэтому, мужчинамъ слѣдовало бы жениться около 40 лѣтъ. Не могъ же онъ упустить изъ виду сверхъестественныхъ усилій надъ организмомъ, необходимыхъ въ такомъ случаѣ для сохраненія въ обществѣ цѣломудрія и чистоты нравовъ? Внутренно онъ понималъ, что эти усилія невозможны, и потому, предъ нимъ оказывалась дилема: или размноженіе населенія, или ослабленіе нравственности. Что же избрать? Слѣдовало ли отдать предпочтеніе размноженію населенія или ослабленію добродѣтели? Вѣрный своему принципу, онъ рѣшаетъ вопросъ въ пользу перваго положенія. Но какъ же быть съ нравственностью? Онъ рѣшается сдѣлать уступку, и намекаетъ, что нравственность находится въ меньшей зависимости отъ свободныхъ отношеній между полами, чѣмъ это принимается.

Мысль свою онъ заволакиваетъ, впрочемъ, по обыкновенію, въ неопредѣленныя выраженія, и не говоритъ ничего яснаго и точнаго. Напримѣръ, онъ выражается въ одномъ мѣстѣ *

* Книга IV, глава IV.

такимъ образомъ: «Мнѣ было бы крайне прискорбно, еслибы я высказалъ что̀ либо, что̀ могло бы быть перетолковано, прямо или косвенно, въ смыслѣ неблагопріятномъ для добродѣтели. Но я не думаю, чтобы проступки, о которыхъ идетъ рѣчь, могли бы разбираться только въ нравственномъ отношеніи, ни даже чтобы они были самыми важными проступками. Правда, они постоянно, или по крайней мѣрѣ, въ большемъ числѣ случаевъ, влекутъ за собой несчастія, и потому, должны строго сдерживаться; но существуютъ пороки, послѣдствія которыхъ еще болѣе пагубны, и вызываются положенія еще болѣе печальныя. Крайняя бѣдность предрасполагаетъ къ искушеніямъ еще болѣе сильнымъ....»

Какъ ни запутана основная мысль этого параграфа, для людей, приведенныхъ логикой къ необходимости найти въ самой книгѣ Мальтуса подтвержденіе выводовъ, неизбѣжно вытекающихъ изъ главныхъ положеній теоріи знаменитаго экономиста, мѣста, подобныя приведенному, должны были послужить подтвержденіемъ ихъ предположеній и оправданіемъ для ихъ возмущенной совѣсти. Они подошли къ «теоріи самообузданія» съ рѣзкими вопросами такого рода: Вы проповѣдуете въ вопросѣ о народонаселеніи, погибающемъ отъ нищеты, строгую нравственность и добродѣтель. Хорошо, мы принимаемъ это, и соглашаемся съ вами. Вы проповѣдуете далѣе такое же строгое самовоздержаніе въ физической любви. Хорошо, мы согласились бы и съ этимъ, но если это окажется невозможнымъ по направленію цивилизаціи, по индивидуальному характеру и темпераменту, по свойствамъ человѣческаго организма, какъ тутъ быть, что̀ важнѣе: обременить ли общество лишнимъ членомъ, котораго прокормить оно не въ состояніи, или нарушить требованія добродѣтели и нравственности? Покажите намъ выходъ изъ этой дилемы? Ученіе, проповѣдующее дѣятельную, живую любовь къ ближнимъ, предписываетъ человѣку, неспособному къ такой любви, законъ противъ котораго не смѣетъ возстать ни одна совѣсть; если первая заповѣдь ученія говоритъ: люби ближняго, какъ самого себя, то вторая заповѣдь повелѣваетъ не причинять ему вреда, не дѣлать ему того, чего не желаешь,

чтобы онъ дѣлалъ тебѣ. Подойдя съ такими требованіями къ доктринѣ самообузданія, при несомнѣнной законности этихъ требованій, ничего нѣтъ удивительнаго, что они нашли рѣшеніе проблемы въ правилѣ: поступай какъ хочешь, только не обременяй своею слабостью общества.

Нельзя также не согласиться, что малѣйшая уступка въ безусловныхъ требованіяхъ нравственности, малѣйшій намекъ на возможность еще бо́льшаго проступка относительно общества, роковымъ образомъ оправдывали даже то спеціальное обвиненіе, которое направлялось противъ Мальтусовой теоріи Прудономъ. Вотъ рядъ неопровержимыхъ логическихъ соображеній. Нѣтъ никакой основательной причины думать, чтобы внѣбрачное сожительство было менѣе плодовито, чѣмъ супружество, если не предположить не проступковъ уже, а чудовищныхъ преступленій, вызываемыхъ позоромъ, которымъ общественное мнѣніе преслѣдуетъ незаконныя связи. Если по количеству дѣтей, предоставляемыхъ на попеченіе общества, сожительство и супружество оказываются въ одинакихъ условіяхъ предъ судомъ общества, то очевидно, что обществу нѣтъ никакого дѣла, одинаково ли они нравственны или нѣтъ: безнравственно собственно рожденіе дѣтей, — а изъ этого слѣдуетъ, что нравственность требуетъ только, чтобы дѣтей не было, какими бы это средствами ни достигалось. Выводъ и обвиненіе Прудона не только оправдываются въ такомъ случаѣ, но и не допускаютъ возраженій.

Итакъ, для поддержанія своего ученія, мальтузіанцамъ слѣдовало бы безусловно не дѣлать никакихъ уступокъ, и требовать строжайшаго самовоздержанія въ физической любви. Это было бы и нравственнѣе, и полезнѣе, ибо въ такомъ случаѣ вопросъ нисколько не касался бы нравственности, и ограничился бы полемикой на естественно-исторической почвѣ. Въ такомъ случаѣ пришлось бы доказывать или опровергать, что безусловное самовоздержаніе невозможно, что оно противурѣчитъ естественнымъ законамъ природы и, стало быть, здравому смыслу. Но поклонники Мальтуса, кажется, всегда чувствовали, что на этомъ поприщѣ они не могли удержать за собой мѣста, и не сомнѣнно будутъ разбиты. Самая же полемика могла быть только смѣшна, ибо предметомъ ея были бы такія очевидныя и простыя истины, которыя не допускаютъ никакихъ возраженій.

Слабые или своекорыстные люди, встрѣчаясь со зломъ, съ которымъ они не въ силахъ бороться, обыкновенно взваливаютъ его на законы природы, и утверждаютъ, что зло это выше власти человѣка. Физическая любовь вовсе не находится въ зависимости отъ человѣческихъ отношеній; она принадлежитъ не къ общественному быту, а къ органическимъ отправленіямъ, какъ питаніе кровообращеніе, отдѣленіе желчи, слюны. Проповѣдывать воздержаніе въ физической любви — то же, что проповѣдывать воздержаніе въ пищѣ. Разумѣется, можно совѣтовать человѣку, чтобы онъ не предавался обжорству, но все, что̀ мы можемъ требовать или ожидать въ этомъ отношеніи отъ его благоразумія, состоитъ въ томъ, чтобы онъ не предавался излишеству, и ограничивался бы требованіями своего организма. Но ожидать, что̀бы человѣкъ сталъ менѣе употреблять пищи, чѣмъ сколько требуется его природой, изъ за соображеній объ общественномъ благѣ, значитъ ожидать невозможнаго. Требованіе этого насильственными средствами не можетъ сопровождаться никакой вѣроятностью, чтобы жестокія мѣры привели къ какому нибудь результату, ибо люди никогда не согласятся держать себя добровольно въ голодномъ состояніи. Политическая экономія учитъ насъ, что насильственныя мѣры никогда не бываютъ полезны: хорошіе результаты достигаются только добровольною и самопроизвольною дѣятельностью. Къ тому же, въ такомъ случаѣ, то есть, при предоставленіи человѣку полной свободы дѣйствія, какъ совѣтуетъ и Мальтусъ, конечные результаты діаметрально противуположны ожиданіямъ этого экономиста. Если человѣкъ станетъ употреблять такое только количество пищи, какое требуется гигіеническими условіями, то въ концѣ концовъ онъ сохранитъ хорошій желудокъ, хорошее здоровье и, въ общемъ итогѣ, впродолженіи всей своей жизни, съѣстъ гораздо больше пищи, чѣмъ еслибы предавался обжорству, разстроивалъ свой желудокъ и сокращалъ бы свою жизнь.

То же самое, безъ всякой оговорки, слѣдуетъ сказать

зической любви. Воздержность и отстраненіе вреднаго для здоровья излишества въ этомъ отношеніи весьма желательны, и не подлежитъ сомнѣнію, что человѣкъ становится все лучшимъ и съ этой стороны, по мѣрѣ развитія его образованности. Но въ результатѣ, и здѣсь получится не уменьшеніе, а увеличеніе итога явленій, называемыхъ физическою любовью, или числа рожденій, то есть, результатомъ «самообузданія» окажутся факты, отстраненіе которыхъ было болѣе всего желательно съ точки зрѣнія Мальтусова ученія. Еслибы, напримѣръ, задача «самовоздержанія» состояла въ отстраненіи преждевременной физической любви, то подобная цѣль заслуживаетъ полной похвалы, и можно надѣяться, что по мѣрѣ распространенія просвѣщенія между людьми, воспитаніе не будетъ ранѣе естественнаго срока раздражать воображеніе мальчика или дѣвочки, и раждать въ нихъ представленія, несвойственныя еще ихъ организму. Но въ такомъ случаѣ человѣкъ сохранитъ только лучше себя, когда прійдетъ въ нормальный возрастъ для любви, и дольше удержитъ свои силы для нея. Если взрослый человѣкъ будетъ воздерживаться отъ излишества въ физической любви, то онъ только сохранитъ энергію ея отправленій, и опять таки въ общей сложности такой человѣкъ дастъ большее число рожденій, наперекоръ ожиданіямъ Мальтуса.

Совсѣмъ иное представляется «самообузданіемъ», имѣющимъ цѣлью уменьшить вообще значеніе этихъ отправленій, въ чемъ собственно и состоитъ требованіе Мальтусовой теоріи. Теорія эта имѣетъ въ виду не то, чтобы человѣкъ охранялъ свое здоровье и естественныя силы размноженія, а чтобы онъ насиловалъ одно изъ важнѣйшихъ природныхъ отправленій своего организма; чтобы онъ, такъ сказать, голодалъ когда здоровый желудокъ требуетъ пищи. Можно ли серьезно ожидать, чтобы люди исполняли вообще подобные совѣты? Разумѣется, всегда найдется нѣсколько человѣкъ, которые согласятся исполнить и дѣйствительно исполнятъ подобное требованіе, но во всякомъ случаѣ это будутъ люди исключительнаго характера и темперамента. Какой же процентъ будутъ составлять такія исключенія въ цѣломъ народѣ? Какое вліяніе можетъ оказать на всю массу наслажденія физической любовью въ обществѣ, или на приращеніе всего населенія, нѣсколько человѣкъ? А между тѣмъ, на нихъ то Мальтусъ и строитъ свою систему благосостоянія человѣческихъ обществъ. Поэтому, если увѣренность, какъ его, такъ и честнѣйшихъ изъ его послѣдователей, въ благодѣтельныхъ результатахъ и необходимости безусловнаго «самовоздержанія» была искренна, то главныя основанія его ученія оказываются такою же утопіей, нѣтъ, еще большею утопіей, чѣмъ тѣ великодушныя теоріи, съ которыми онъ считалъ за честь и доброе дѣло бороться. Вотъ почему искренніе послѣдователи Мальтуса, хотя и утописты въ томъ смыслѣ, что желали доставить благоденствіе человѣческимъ обществамъ невозможными и неудобоисполнимыми средствами, вмѣсто того, чтобы стяжать себѣ репутацію друзей человѣчества и защитниковъ бѣдныхъ и угнетенныхъ классовъ, призываютъ на свою голову съ каждымъ новымъ поколѣніемъ недоброжелательство и безславіе, такъ что достаточно обозвать человѣка *мальтузіанцемъ*, чтобы уличить въ немъ защитника лицемѣрныхъ и эгоистическихъ воззрѣній въ политической экономіи.

Благосостояніе, обѣщаемое теоріей Мальтуса, основано на поголовномъ и безусловномъ благоразуміи, граничащемъ съ мудростью стоика, и на предусмотрительности, свойственной дальновидному политику. И такія качества, такія добродѣтели требуются главнымъ образомъ отъ кого же? Не отъ людей, дѣйствительно болѣе всего развитыхъ и болѣе всего добродѣтельныхъ, вслѣдствіе своей развитости, ибо такіе люди, при современномъ общественномъ порядкѣ, вовсе не находятся въ томъ жалкомъ положеніи, имъ вовсе не грозитъ именно та нищета, противъ которой борется главнымъ образомъ Мальтусъ. Нѣтъ, такія качества, такія добродѣтели требуются преимущественно отъ низшихъ классовъ общества, почти во всѣхъ еще странахъ находящихся въ непробудномъ невѣжествѣ. Говоря строго, требованія Мальтуса, насколько они возможны, и теперь исполняются въ любомъ обществѣ, ибо въ послѣднемъ всегда найдется достаточное число благоразумныхъ и воздержныхъ людей, заботящихся болѣе о

будущемъ, чѣмъ о настоящемъ. На этомъ собственно и основана возможность скопленія богатствъ; но, къ сожалѣнію, возможность скопленія не исключаетъ возможности нищеты и сопровождающихъ ее бѣдствій. Къ тому же, если припомнить, что всѣ великія добродѣтели, въ родѣ рекомендуемаго Мальтусомъ «самовоздержанія», проповѣдовались человѣку испоконъ вѣку, то при рѣшеніи великаго уравненія общественныхъ отношеній, природу человѣческую слѣдуетъ принимать за величину постоянную и неизмѣнную, а за перемѣнныя величины слѣдуетъ принять окружающія ее условія, соблюдая при этомъ правило, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ переходить за предѣлы конечнаго (какъ, напримѣръ, гипотеза о переполненіи населеніемъ страны и даже всего земнаго шара), чѣмъ болѣе всего грѣшитъ теорія Мальтуса, какъ это мы видѣли изъ 2-ой главы настоящаго этюда.

Послѣдній мой параграфъ относится, впрочемъ, къ чистосердечнымъ послѣдователямъ Мальтусовой теоріи, которыхъ можно обвинить только въ наивности. Но нельзя не согласиться, что такихъ людей весьма немного между ними. Большинство ихъ прекрасно сознаетъ, что всѣ разглагольствованія ихъ о добровольной воздержности—пустыя слова, и что воздержаніемъ отъ физической любви размноженіе населенія можетъ быть остановлено или замедлено въ такомъ только случаѣ, когда «нравственное самообузданіе» обратится въ воздержаніе, налагаемое насильственными мѣрами, то есть, въ принужденіе, все равно, будетъ ли послѣднее вмѣнено положительнымъ законодательствомъ или обычаями, удерживающими людей отъ супружества, пока они не достигнутъ извѣстнаго возраста или извѣстнаго, обезпеченнаго положенія въ обществѣ. Но на обычаи плохая надежда въ этомъ отношеніи защитникамъ Мальтусоваго ученія; поэтому, внутренно они возлагаютъ свое упованіе на положительное законодательство.

Но какое же дѣйствіе оказываетъ законодательство на обычаи какого бы то ни было рода? Законодательство, освятившее обычай, существующій съ давнихъ временъ, освящаетъ и новый обычай, какъ только распространеніе его сдѣлается всеобщимъ. Если мы встрѣчаемъ страны, въ которыхъ, какъ напримѣръ, въ Норвегіи, въ южной Франціи, поселяне женятся не прежде, какъ найдутъ для себя ферму, и потому, вступаютъ въ супружество не въ первой молодости, то можно указать на другія страны, въ которыхъ, какъ напримѣръ, въ сѣверной Франціи и въ Россіи, молодые люди женятся какъ можно раньше; но мы не можемъ сказать, чтобы вслѣдствіе такого обычая, въ тѣхъ или другихъ странахъ было болѣе разврата. Къ тому же, успѣхи просвѣщенія вовсе не развиваютъ и не сохраняютъ безотвѣтной покорности обычаю. Городское населеніе, съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе многочисленное, мыслитъ уже самостоятельно, и самостоятельность эта проникаетъ въ села. То и другое начинаютъ сознавать, что можно слѣдовать обычаю по разсчету, но не хотятъ подчиняться ему, если находятъ его стѣснительнымъ для себя. Извѣстно, какую жизнь ведутъ тѣ люди изъ городскаго населенія, которые не могутъ вступить въ бракъ. Они предаются физической любви никакъ неменѣе, чѣмъ женатые люди; только правильныя отношенія замѣняются у нихъ другими. Внѣбрачное сожительство производитъ меньшее число дѣтей въ такомъ только случаѣ, когда оно считается постыднымъ въ мнѣніи большинства людей, то есть, пока оно не распространится въ массѣ населенія; но если оно становится дѣломъ обычнымъ, то люди перестаютъ стыдиться его, и оно начинаетъ производить такое же число дѣтей, какъ и законныя супружества. Поэтому, если для благосостоянія человѣческихъ обществъ необходимо возможно меньшее число рожденій, то цѣль эта никакъ не можетъ быть достигнута проповѣдями о «самовоздержаніи» въ физической любви, которыя всегда будутъ безсильны, ни стѣсненіями для вступленія въ бракъ, которыя приводятъ только къ внѣбрачному сожительству, дающему такое же число рожденій, какъ и законныя супружества.

Итакъ, сдѣлаемъ теперь общее заключеніе изъ всесторонняго разсмотрѣнія Мальтусова ученія. Знаменитый экономистъ оказалъ наукѣ великую услугу, рѣзко выставивъ тотъ фактъ, что на данномъ количествѣ земли, при одномъ и томъ же состояніи общественныхъ отношеній и земледѣльческаго иску-

ства, то есть, при равенствѣ всѣхъ условій, производительность труда находится въ обратномъ отношеніи съ числомъ земледѣльческихъ работниковъ, или, чѣмъ меньше работниковъ, тѣмъ бо́льшая бываетъ производительность, и наоборотъ, производительность труда уменьшается съ увеличеніемъ числа работниковъ.

Но, принявшись за изслѣдованіе съ реакціонной цѣлью, Мальтусъ остановилъ свои изысканія, какъ только замѣтилъ, что они достаточто подтвердили мысль, имѣвшуюся имъ въ виду, и доставили ему аргументъ противъ радикальныхъ теорій. Вслѣдствіе этого, вопросъ остался недостаточно изслѣдованнымъ, а основные выводы Мальтуса, несмотря на разъясненіе множества весьма важныхъ политико-экономическихъ вопросовъ, разработанныхъ имъ по дорогѣ и оказавшихъ безспорныя услуги наукѣ, оказываются опрометчивыми и несогласными съ истиной.

Задавшись мыслью опровергнуть теорію безпредѣльной усовершаемости человѣка, Мальтусъ, по необходимости, пришелъ къ выводамъ, опровергающимъ дѣйствительную силу и значеніе прогреса. Есть люди, говоритъ его ученіе, приписывающіе нищету и другія бѣдствія неудовлетворительности человѣческихъ отношеній. Это несправедливо: зло, вытекающее отъ дурныхъ отношеній между людьми, только второстепенное, ничтожное, отстраненіе котораго нисколько не улучшило бы судьбы человѣка. Коренная причина бѣдствій и страданій человѣческихъ обществъ лежитъ въ самой природѣ, истребляющей всѣхъ лишнихъ людей, которыхъ не успѣваетъ погубить зло, вытекающее изъ человѣческихъ отношеній; ослабленіемъ послѣдняго зла мы только предоставимъ на произволъ естественныхъ бѣдствій большее число нашихъ ближнихъ. Но разсуждать такимъ образомъ не значитъ ли нетолько отвергать всѣ будущіе успѣхи и будущее совершенствованіе человѣка и человѣческихъ обществъ, но не призвавать этихъ успѣховъ и совершенствованія въ прошедшемъ. Но, какъ ни печально для истинныхъ друзей человѣчества положеніе человѣка въ настоящую минуту, какъ ни ничтожны сдѣланные имъ успѣхи и завоеванія, сравнительно съ желаніями и упованіями лучшихъ его представителей, сравнительно съ идеалами матерьяльнаго благоденствія и нравственнаго счастія, лежащими въ ихъ сознаніи, достаточно одного бѣглаго взгляда на прошлое, чтобы заручиться вѣрою въ будущее.

Кто же возьметъ на себя смѣлость указать на границы естественныхъ силъ, обусловливающихъ производство; кто можетъ указать на результаты всѣхъ измѣненій, совершающихся въ ихъ разпредѣленіи? Представьте себя на мѣстѣ экономиста временъ Аристотеля или Цицерона. Могла ли прійти ему въ голову мысль, напримѣръ, объ улучшеніяхъ въ средствахъ сообщенія, объ открытіи и о подчиненіи подъ власть человѣка цѣлыхъ двухъ новыхъ міровъ? Могъ ли онъ представить себѣ, что открыты будутъ такія новыя питательныя вещества, какъ картофель, или что галлы будутъ употреблять въ пищу сахаръ съ Антильскихъ острововъ и рисъ изъ Каролины? Наши потомки, быть можетъ, такъ же легко будутъ переноситься въ Новую Зеландію, какъ мы переѣзжаемъ изъ одного города въ другой, лежащій съ нимъ по сосѣдству. Земледѣльческое искуство находится еще въ младенческомъ состояніи. Гдѣ его границы? Разработка естественныхъ наукъ только что начинается. Къ чему приведетъ она? Послушайте химиковъ, какія надежды имѣютъ они на результаты дальнѣйшаго развитія своей науки—вы убѣдитесь, что нынѣшніе способы добыванія пищи скоро будутъ казаться такими же грубыми, какъ способъ пряденія ручнымъ веретеномъ или перевозка вьючными караванами.

Съ другой стороны, если дѣятельность человѣка всюду еще стѣсняется различными преградами и затрудненіями, если въ настоящее время только еще загорѣлась заря свободы, если такъ много еще предстоитъ сдѣлать для водворенія равноправныхъ отношеній въ человѣческихъ обществахъ, то достаточно перенестись мыслью только за столѣтіе назадъ, когда въ одномъ и томъ же государствѣ внутреннія таможни раздѣляли одну провинцію отъ другой, когда, за отсутствіемъ средствъ сообщенія, одна мѣстность опустошалась голодомъ, между тѣмъ какъ другая, лежащая нерѣдко въ самомъ близ-

комъ разстояніи отъ нея, душилась собственнымъ изобиліемъ, тщетно искавшимъ вывоза и обмѣна.

Если отношенія между работниками и капиталистами еще многое оставляютъ желать относительно справедливости и благоразумія; если законодательство оставляетъ эти отношенія на произволъ эгоизма или каприза; если оно подчиняетъ ихъ общему праву, и отказываетъ однимъ въ томъ, что́ предоставляетъ другимъ, то достаточно припомнить только феодальные порядки, чтобы не упасть духомъ, не отчаиваться, и не потерять вѣру истинному другу человѣчества.

Предположимъ, наконецъ, что Мальтусъ правъ, что зло, причиняемое человѣческимъ обществамъ закономъ народонаселенія, неизбѣжно и неотразимо; предположимъ, что съ настоящей минуты не можетъ прибавиться на всемъ земномъ шарѣ ни одного лишняго человѣка, появленіе котораго не было бы въ ущербъ для благосостоянія уже существующихъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? Цѣль и стремленіе друзей человѣчества, государственныхъ людей, общественныхъ дѣятелей нисколько не измѣняются. Я уже упоминалъ слова Вольтера которому такое предположеніе казалось правдоподобнымъ: «Главное дѣло состоитъ не въ избыткѣ людей, а въ томъ, чтобы сдѣлать то количество людей, какое имѣется, возможно менѣе несчастнымъ.» Въ чемъ же должна состоять задача и стремленіе друзей человѣчества, государственныхъ людей, общественныхъ дѣятелей, правительствъ, даже въ такомъ исключительномъ и, какъ мы видѣли, невозможномъ случаѣ? «Все, что́ въ состояніи сдѣлать правительства, вооружившись просвѣщеніемъ, и усилія промышленности, руководствуясь самыми мудрыми указаніями, это — поступать такимъ образомъ, чтобы неизбѣжныя препятствія, останавливающія населеніе, дѣйствовали какъ можно равномѣрнѣе на всѣхъ, и чтобы они причиняли такое только зло, избѣгнуть котораго невозможно.» Слова эти принадлежатъ не неблагонамѣренному какому нибудь человѣку, по мнѣнію разобраннаго мною безотраднаго ученія, а самому Мальтусу, который заключаетъ ими третью книгу своего прославившагося *Опыта*.

ПРЕДИСЛОВІЯ АВТОРА

КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ

(1803).

Первое изданіе этого сочиненія появилось въ 1798. Оно было вызвано небольшимъ сочиненіемъ Годвина*, какъ я и объяснилъ тогда въ моемъ предисловіи. Я увлекся впечатлѣніемъ минуты, и воспользовался матерьялами, находившимися у меня подъ рукою, въ деревнѣ, въ которой я жилъ. Юмъ, Валласъ, Адамъ Смитъ, Прайсъ были моими руководителями. Только ихъ сочиненіями я могъ воспользоваться при развитіи заинтересовавшаго меня закона. Я имѣлъ въ виду приложить его къ разъясненію нѣкоторыхъ теорій относительно усовершаемости человѣка и общества, теорій на которыхъ сосредоточивалось въ то время общественное вниманіе.

Разъясненіе это привело меня къ изслѣдованію вліянія того же закона на состояніе общества, какимъ оно существуетъ въ дѣйствительности. Мнѣ показалось, что большею частью той же причинѣ слѣдуетъ приписать, какъ нищету и бѣдствія низшихъ классовъ народа во всякой странѣ, такъ и безплодность усилій, употреблявшихся до сихъ поръ высшими клас-

* Помѣщено въ его *Inquirer* подъ заглавіемъ: *Опытъ о скупости и расточительности*. Позже, въ 1820, Годвинъ опровергалъ Мальтуса, и обнародовалъ свои *Изслѣдованія о народонаселеніи*. Констанцію перевелъ ихъ на французскій языкъ (2 тома). Сочиненіе это написано съ жаромъ и проникнуто насмѣшкой. Замѣчательно, что первое опроверженіе ученія Мальтуса сдѣлано было двадцать лѣтъ спустя и тѣмъ же публицистомъ, мнѣнія котораго вызвали его. Еще позже появились *Новыя мысли о народонаселеніи* Эверетта съ замѣчаніями на теоріи Мальтуса и Годвина. Гарнье.

сами для облегченія этихъ бѣдствій. Чѣмъ болѣе изслѣдовалъ я свой предметъ съ этой точки зрѣнія, тѣмъ большее получалъ онъ значеніе въ моихъ глазахъ. Такое мнѣніе, а также вниманіе, оказанное публикой къ моему Опыту, побудили меня сдѣлать нѣсколько историческихъ изслѣдованій, чтобы убѣдиться во вліяніи закона народонаселенія на прошедшее и настоящее состояніе общества. Бросивъ такимъ образомъ новый свѣтъ на избранный мною предметъ, подвергнувъ его всестороннему обсужденію, руководствуясь въ моихъ изслѣдованіяхъ наблюденіемъ, я надѣялся получить болѣе полезные выводы и укрѣпить впечатлѣніе, производимое подобными истинами.

Взявшись за такое изслѣдованіе, я замѣтилъ, что по этому вопросу сдѣлано было гораздо болѣе, чѣмъ я воображалъ въ то время, какъ я обнародовалъ первое изданіе моего Опыта. Нищета и бѣдствія, производимыя чрезмѣрно быстрымъ увеличеніемъ населенія, были явственно замѣчены, а жестокія средства противъ нихъ были указаны со временъ Платона и Аристотеля. Въ самое послѣднее время вопросъ этотъ разбирался нѣсколькими французскими экономистами, случайно говоритъ о немъ Монтескье, а между англійскими писателями — Франклинъ, Стевартъ, Артуръ Юнгъ и Тоунзендъ. Писатели эти говорили о немъ съ такой ясностью, что трудно объяснить, почему имъ не удалось обратить на него всеобщее вниманіе.

Тѣмъ не менѣе, многое оставалось еще сдѣлать. Не говоря уже о сравненіи увеличенія народонаселенія съ увеличеніемъ продовольствія, которое не было изложено съ достаточною силою и точностью, нѣкоторыя части предмета, принадлежащія къ числу самыхъ важныхъ и любопытныхъ, или были совершенно опущены, или изложены весьма поверхностно. Весьма ясно говорилось, что народонаселеніе должно находиться на одномъ уровнѣ со средствами существованія, но мало обращалось вниманія на то, какими мѣрами поддержать его на такомъ уровнѣ. Къ тому же, никому не приходило въ голову прослѣдить подробно за всѣми результатами закона, въ особенности за практическими его слѣдствіями,

ибо не имѣлось въ виду тщательнаго изслѣдованія его вліянія на всю жизнь общества.

На это вліяніе обращено особенное вниманіе въ настоящемъ Опытѣ. Вслѣдствіе приданной ему формы, онъ представляется новымъ сочиненіемъ. Вѣроятно я и издалъ бы его въ такомъ видѣ, безъ нѣсколькихъ главъ перваго изданія, которыя цѣликомъ повторяются въ немъ, еслибы я не имѣлъ въ виду соединить въ одно цѣлое всѣ мои соображенія, и избавить читателя отъ необходимости безпрестанно обращаться къ первому изданію.

Люди, хорошо знакомые съ предметомъ, или внимательно прочитавшіе первое изданіе этого Опыта, быть можетъ, найдутъ, что я вошелъ въ излишнія подробности по нѣкоторымъ вопросамъ, и что я дѣлаю безполезныя повторенія. Я признаю за собою такую вину отчасти потому, что я не умѣлъ, а отчасти и потому, что я не хотѣлъ избѣгнуть ея. Когда я разсматривалъ состояніе общества въ различныхъ странахъ, и когда изъ подобнаго разсмотрѣнія я выводилъ все одни и тѣ же слѣдствія, то трудно было мнѣ избѣжать повторенія при ихъ вычисленіи. А въ той части моихъ изслѣдованій, въ которой я приходилъ къ выводамъ, совершенно несходнымъ съ общераспространенными ходячими мнѣніями, мнѣ казалось необходимымъ, для переубѣжденія, или хоть для малѣйшей надежды на него, неоднократно повторять читателю эти выводы, обращаясь къ нимъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Что касается до внѣшнихъ достоинствъ моего сочиненія, то я охотно отказываюся отъ всякихъ авторскихъ притязаній. Я безъ сожалѣнія жертвую этими выгодами ради надежды произвесть какое нибудь впечатлѣніе на большее число читателей.

Поставленный мною общій законъ до такой степени не подлежитъ сомнѣнію, что еслибы я ограничился отвлеченнымъ его изложеніемъ и нѣсколькими общими соображеніями, то я оградилъ бы себя отъ всякихъ нападеній, а сочиненіе мое, въ такомъ видѣ, заслужило бы больше уваженія. Но, хотя общіе взляды и весьма полезны для успѣховъ истины, они рѣдко оказываютъ значительное вліяніе на жизнь. Поэто-

му, мнѣ казалось, что я тогда только успѣю изложить мой предметъ какъ слѣдуетъ, когда прослѣжу за всѣми результатами моихъ принциповъ, и покажу ихъ во всей наготѣ, каковы бы они ни были. Я не скрывалъ отъ себя, что такой пріемъ подаетъ поводъ ко множеству возраженій и подвергнетъ меня нападеніямъ. Но я утѣшаю себя мыслью, что даже сдѣланныя мною ошибки принесутъ пользу и, при содѣйствіи направленныхъ противъ нихъ опроверженій, послужатъ къ распространенію истины, такъ тѣсно связанной съ благосостояніемъ общества.

Въ этомъ новомъ изданіи я указываю на препятствіе для размноженія населенія, на препятствіе, которое не можетъ быть отнесено ни къ пороку, ни къ несчастію. Я смягчилъ также нѣсколько словъ перваго изданія. Я сдѣлалъ это по соображеніямъ, показавшимся мнѣ основательными и справедливыми. Что же касается до того, что̀ я говорю о будущихъ успѣхахъ общества, то надѣюсь, что слова мои не будутъ опровергнуты опытомъ прошлаго. Если найдутся люди, которые будутъ настаивать, что всякое препятствіе для размноженія населенія представляетъ большее зло, чѣмъ тѣ бѣдствія, отъ которыхъ оно спасаетъ, то они несомнѣнно примутъ, во всей силѣ, всѣ послѣдствія, представленныя мною въ первомъ изданіи этого опыта. Если принять это мнѣніе, то на нищету и бѣдствія низшихъ классовъ народа нельзя смотрѣть иначе, какъ на неисправимое зло.

Я старался избѣгнуть ошибокъ въ фактахъ и вычисленіяхъ. Но если и найдется ихъ нѣсколько, то онѣ не могутъ значительно измѣнить сущности моихъ соображеній.

Вслѣдствіе изобилія матерьяловъ, представившихся мнѣ при изложеніи первой части моего предмета, я не смѣю надѣяться, чтобы мнѣ постоянно удавалось дѣлать лучшій выборъ, ни избирать лучшій порядокъ изложенія. Я надѣюсь, что мои читатели, интересующіеся нравственными и политическими вопросами, извинятъ недостатки моего труда новостью и важнымъ значеніемъ самого предмета.

КЪ ПЯТОМУ ИЗДАНІЮ.

(1817).

Опытъ этотъ обнародованъ былъ впервые въ такое время, когда, несмотря на широко распространившуюся войну, иностранная торговля, вслѣдствіе чрезвычайныхъ обстоятельствъ, находилась на высшей степени процвѣтанія.

Онъ появился, слѣдовательно, въ такую эпоху, когда существовало чрезвычайное требованіе на людей и когда весьма трудно было предположить, чтобы чрезмѣрное населеніе могло вызвать какое либо затрудненіе. Успѣхъ, сопровождавшій его, несмотря на такіе неблагопріятныя условія, превзошелъ все, на что̀ можно было благоразумно расчитывать; такъ что можно надѣяться, что сочиненіе это возбудитъ неменьшій интересъ въ совершенно иную эпоху, столь благопріятную для разъясненія его основаній и подтвержденія его выводовъ.

Вслѣдствіе этого, важное значеніе предмета и вниманіе, которое, по всей вѣроятности, должно быть возбуждено имъ, наложили на меня обязанность исправить вкравшіяся въ это сочиненіе ошибки, обнаруженныя послѣдующею опытностью и новыми изысканіями; я долженъ былъ сдѣлать приложенія къ нему и измѣненія, которыя улучшили бы его и сдѣлали болѣе полезнымъ.

Мнѣ не трудно было бы увеличить число историческихъ примѣровъ въ первой части сочиненія; но я не имѣлъ въ своемъ распоряженіи достаточно точныхъ и подробныхъ свѣдѣній, которыя указали бы мнѣ то важное значеніе, о которомъ я говорю въ другомъ мѣстѣ; я имѣю въ виду естественную силу размноженія, уничтожаемую каждымъ отдѣльнымъ неблагопріятнымъ условіемъ; поэтому, я не видѣлъ особенной пользы въ присоединеніи новыхъ фактовъ къ тѣмъ, которые были уже собраны для подтвержденія сдѣланнаго мною вывода.

Вотъ почему единственное прибавленіе, сдѣланное мною къ первымъ двумъ книгамъ этого изданія, состоитъ въ од-

ной новой главѣ о Франціи и Англіи относительно событій, случившихся послѣ послѣдняго изданія этого сочиненія.

Въ третью книгу я включилъ добавочную главу о законодательствѣ о бѣдныхъ. Кромѣ того, пересматривая главы, разбирающія земледѣльческую и торговую системы и вліяніе скопленія богатствъ на судьбу бѣдныхъ, я нашелъ, что онѣ могутъ быть изложены въ лучшемъ порядкѣ и такимъ образомъ, чтобы ихъ можно было немедленно приложить къ главному предмету сочиненія; а такъ какъ, сверхъ того, мнѣ приходилось сдѣлать нѣсколько измѣненій въ главѣ о поощреніи вывоза и нѣсколько прибавленій о стѣсненіяхъ ввоза, то я передѣлалъ и написалъ заново 8, 9, 10, 11, 12 и 13 главы третьей книги настоящаго изданія. Кромѣ того, я измѣнилъ заглавіе 14 главы и включилъ въ нее два или три новыхъ параграфа.

Въ четвертой книгѣ я прибавилъ главу къ той, въ которой говорится *о вліяніи на гражданскую свободу знанія главнсй причины бѣдности*, и главу, въ которой я разбираю *различныя теоріи, предложенныя для улучшенія судьбы бѣдныхъ*. Въ концѣ сочиненія я помѣстилъ значительное Приложеніе въ отвѣтъ на сочиненія, вызванныя *Закономъ народонаселенія* послѣ обнародованія послѣдяго моего изданія.

Этимъ и ограничиваются главныя прибавленія и измѣненія, сдѣланныя въ настоящемъ, пятомъ изданіи. Они состоятъ главнымъ образомъ въ примѣненіи основныхъ положеній этого Опыта къ существующему порядку вещей.

ОПЫТЪ
О
ЗАКОНѢ НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

О ПРЕПЯТСТВІЯХЪ ДЛЯ РАЗМНОЖЕНІЯ НАСЕЛЕНІЯ ВЪ МЕНѢЕ ВСЕГО ЦИВИЛИЗОВАННЫХЪ СТРАНАХЪ ЗЕМНАГО ШАРА И ВЪ ДРЕВНІЯ ВРЕМЕНА.

ГЛАВА I. — Изложеніе предмета. — Отношеніе между размноженіемъ населенія и приращеніемъ количества продовольствія.

Человѣку, который захотѣлъ бы узнать, каково будетъ развитіе общества въ будущемъ, естественно предстоитъ изслѣдовать два вопроса:

1) Какія причины останавливали до сихъ поръ успѣхи человѣка или развитіе его благосостоянія?

2) Какъ велика вѣроятность отстранить, вполнѣ или отчасти, причины, задерживавшія наше развитіе?

Такое изслѣдованіе слишкомъ обширно и не по силамъ одному человѣку. Предметъ настоящаго Опыта состоитъ главнымъ образомъ въ изслѣдованіи дѣйствій великаго закона, тѣсно связаннаго съ человѣческой природой, закона, неизмѣнно и могущественно дѣйствовавшаго съ самаго происхожденія обществъ и тѣмъ неменѣе мало обращавшаго на себя вниманія тѣхъ людей, которые занимались вопросами, имѣвшими ближайшее къ нему отношеніе. Въ сущности, нерѣдко признавались и подтверждались факты, доказывавшіе дѣйствіе этого закона, но не замѣчалось естественной и необходимой связи между нимъ и нѣкоторыми важнѣйшими его

послѣдствіями, хотя въ числѣ послѣднихъ должны были обратить на себя вниманіе пороки, несчастія и то, слишкомъ неравномѣрное разпредѣленіе благодѣяній природы, исправленіе которыхъ составляло во всѣ времена задачу людей просвѣщенныхъ и великодушныхъ.

Законъ, о которомъ идетъ рѣчь, состоитъ въ постоянномъ стремленіи, свойственномъ всѣмъ живымъ существамъ, распложаться быстрѣе, чѣмъ это допускается находящимся въ ихъ распоряженіи количествомъ пищи.

Еще докторомъ Франклиномъ замѣчено было, что воспроизводительная способность растеній и животныхъ не имѣетъ границъ, и сдерживается только тѣмъ, что, размножаясь, они отнимаютъ другъ у друга пищу. Если бы, говоритъ онъ, земля лишилась всѣхъ своихъ растеній, то одной породы, напримѣръ укропа, было бы достаточно, чтобы покрыть ее зеленью; и если бы она не имѣла жителей, то достаточно было бы одного народа, напримѣръ англійскаго, чтобы въ нѣсколько вѣковъ заселить ее *.

И это совершенно справедливо. Природа щедрою рукою разсыпала зародыши жизни въ обоихъ царствахъ, но она бережлива, что касается до мѣста и пищи. Безъ такой предосторожности, въ нѣсколько десятковъ тысячъ лѣтъ мильоны міровъ могли бы быть населены одною землей; но крайняя необходимость сдерживаетъ такое плодовитое размноженіе, и человѣкъ подчиненъ этому закону наравнѣ съ прочими живыми существами.

Растенія и животныя повинуются своему инстинкту, не заботясь о томъ, какая судьба постигнетъ ихъ потомство. Недостатокъ мѣста и пищи уничтожаетъ въ обоихъ царствахъ то, что выступаетъ за предѣлы, указанные природой для каждой породы.

Тѣ же препятствія оказываются для человѣка гораздо болѣе сложными. Побуждаемый тѣмъ же инстинктомъ, онъ останавливается голосомъ разума, внушающимъ ему опасеніе, что у него будутъ дѣти, потребностямъ которыхъ онъ будетъ не

* *Franklin's Miscellanies*, стр. 9.

въ состояніи удовлетворить. Если онъ уступитъ этому справедливому опасенію, то нерѣдко это будетъ въ ущербъ для добродѣтели. Если же, напротивъ того, одержитъ верхъ инстинктъ, то населеніе станетъ возрастать быстрѣе, чѣмъ средства существованія. Но какъ только оно перейдетъ за извѣстный предѣлъ, то необходимо должно уменьшиться. Поэтому, затрудненіе въ доставленіи себѣ пищи представляется постояннымъ препятствіемъ для размноженія человѣческой породы: препятствіе это должно обнаруживаться всюду, гдѣ скопляются люди, и безпрерывно представляться въ разнообразныхъ формахъ нищеты и вызываемаго ею справедливаго ужаса.

Чтобы убѣдиться въ этомъ постоянномъ стремленіи населенія къ размноженію, превышающему средства существованія, и въ препятствіи, противупоставляемомъ ему послѣдними, достаточно прослѣдить съ такой точки зрѣнія различные періоды общественнаго существованія. Но прежде чѣмъ мы приступимъ къ подобному труду, попытаемся опредѣлить, съ одной стороны, съ какою быстротою пойдетъ естественное размноженіе населенія, еслибы оно не встрѣчало никакой помѣхи, а съ другой стороны, какъ сильно можетъ быть возрастаніе произведеній земли при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для производительнаго труда.

Нетрудно согласиться, что нѣтъ ни одной извѣстной страны, которая представляла бы такія обильныя средства существованія, и такіе простые и чистые нравы, что затрудненіе удовлетворить потребностямъ семейства никогда не препятствовало или не задерживало бы въ ней заключеніе браковъ; что пороки многолюдныхъ городовъ, вредныя для здоровья ремесла или чрезмѣрный трудъ не сокращали бы въ ней продолжительности жизни. Поэтому, мы не знаемъ ни одной страны, населеніе которой возрастало бы безпрепятственно.

Мы можемъ сказать, независимо отъ законовъ, установившихъ бракъ, что природа и нравственность одинаково предписываютъ человѣку съ ранняго возраста привязанность исключительно къ одной только женщинѣ; и что еслибы ничто не препятствовало неразрывному союзу, который былъ бы слѣдствіемъ такой привязанности, или, еслибы не слѣдовало за

нимъ условій, уменьшающихъ населеніе, то послѣднее, мы имѣемъ право предположить, перешло бы за тѣ предѣлы, которыхъ оно когда либо достигало.

Въ государствахъ сѣверной Америки, въ которыхъ не встрѣчается недостатка въ средствахъ существованія, въ которыхъ господствуетъ чистота нравовъ и въ которыхъ преждевременныя супружества возможнѣе, чѣмъ въ Европѣ, найдено было, что населеніе, впродолженіи болѣе полутора столѣтія, удваивалось быстрѣе, чѣмъ каждые двадцать пять лѣтъ *. И тѣмъ неменѣе, въ тотъ же промежутокъ времени замѣчено было, что въ нѣкоторыхъ городахъ число умершихъ превышало число родившихся **, такъ что остальная страна необходимо должна была постоянно пополнять ихъ населеніе: а это ясно показываетъ, что размноженіе можетъ идти быстрѣе, чѣмъ представляющая его средняя цифра.

Въ поселеніяхъ внутри страны, въ которыхъ земледѣліе составляло единственное занятіе колонистовъ, въ которыхъ неизвѣстны были ни пороки, ни нездоровыя городскія ремесла, найдено было, что населеніе удваивалось каждые пятнадцать лѣтъ ***. Приращеніе это, какъ бы оно велико ни было, безъ сомнѣнія, могло быть еще значительнѣе, еслибы размноженіе не встрѣчало никакихъ препятствій. Разработка новыхъ земель нерѣдко требуетъ чрезвычайныхъ усилій, и не всегда сопровождается благопріятными для здоровья условіями: сверхъ того, туземные дикари мѣшали иногда такому предпріятію набѣгами, уменьшали количество произведеній трудолюбиваго земледѣльца и лишали даже жизни нѣкоторыхъ членовъ его семейства.

По таблицѣ смертности Эйлера, вычисленной по 1 умершему на 36, при отношеніи числа родившихся къ числу умершихъ, какъ 3 къ 1, періодъ для удвоенія населенія составляетъ всего

* Нѣкоторыя соображенія и новѣйшія вычисленія доказываютъ, что со времени перваго заселенія Америки до 1800 года, періодъ, впродолженіи котораго удваивалось населеніе, былъ нѣсколько болѣе двадцати лѣтъ. См. прим. объ увеличеніи населенія въ Америкѣ въ кн. II, гл. XIII. (с. 461) Прим. автора.

** *Pric's Observ. on Revers. Pay*, т. I, стр. 274, изд. in-4°.

*** *Pric's Obs.*, т. I, стр. 282.

$12^4/_5$ года *. И это будетъ не предположеніе только, ибо такой фактъ неоднократно повторялся въ короткіе промежутки времени.

Сэръ В. Петти полагаетъ, что при содѣйствіи особенныхъ благопріятныхъ условій населеніе можетъ удваиваться каждыя десять лѣтъ **.

Но, во избѣжаніе всякаго рода преувеличенія, мы примемъ за основаніе для нашихъ разсужденій менѣе всего быстрое размноженіе, размноженіе, доказанное многими свидѣтельствами, и производимое одними только рожденіями.

Мы можемъ, слѣдовательно, считать несомнѣннымъ, что если размноженіе населенія не встрѣчаетъ никакого препятствія, то оно удвоивается каждыя двадцать пять лѣтъ, и возрастаетъ въ геометрической прогрессіи.

Гораздо труднѣе опредѣлить размѣръ возрастанія произведеній земли. Тѣмъ неменѣе, мы можемъ быть увѣрены, что размѣръ этотъ вовсе не походитъ на размѣръ возрастанія населенія. Тысяча мильоновъ людей, по закону народонаселенія, должна удвоиться въ двадцать лѣтъ, какъ и тысяча человѣкъ. Но нельзя получить съ тою же легкостью пищу, необходимую для пропитанія сильнѣе возрастающаго населенія. Человѣкъ стѣсненъ ограниченнымъ пространствомъ. Если мало по малу, десятина за десятиной, обработана будетъ вся плодородная земля, то увеличеніе количества пищи будетъ зависѣть отъ улучшенія уже обрабатываемыхъ земель. По свойствамъ каждаго рода почвы, улучшеніе это не можетъ сопровождаться постоянно возрастающимъ успѣхомъ; послѣдній, напротивъ того, будетъ все болѣе и болѣе уменьшаться, между тѣмъ какъ населеніе, если оно находитъ средства существованія, возрастаетъ безгранично, и каждое возрастаніе становится дѣятельной причиной новаго приращенія.

То, что мы знаемъ о Китаѣ и Японіи, даетъ намъ право сомнѣваться, чтобы, при всевозможномъ усиліи труда человѣческаго, почва могла производить двойное количество произведеній, принимая даже возможно длинный періодъ вре-

* См. эту таблицу въ концѣ гл. XI, кн. II.

** *Polit. Arithm.*, стр. 14.

мени. Правда, что на земномъ шарѣ много еще есть земель необработанныхъ и почти незаселенныхъ; но можно оспоривать право на истребленіе разсѣянныхъ по нимъ племенъ или на принужденіе ихъ скопиться въ отдаленнѣйшей части своихъ земель, недостаточной для ихъ пропитанія. Если же прибѣгнуть къ распространенію между ними цивилизаціи и къ лучшему направленію ихъ труда, то для этого потребовалось бы много времени; а какъ впродолженіи этого времени населеніе увеличится въ размѣрахъ увеличенія продовольствія, то рѣдко можетъ случиться, чтобы значительное количество освободившихся плодородныхъ земель могло поступить разомъ въ распоряженіе народовъ просвѣщенныхъ и промышленныхъ. Наконецъ, еслибы и возможно было такое дѣло, какъ это случается при заведеніи новыхъ колоній, то населеніе послѣднихъ, быстро возрастая въ геометрической прогрессіи, вскорѣ придетъ къ наивысшему своему уровню. Если Америка будетъ увеличивать свое населеніе, что̀ не подлежитъ сомнѣнію, хотя и съ меньшею быстротой, чѣмъ въ періодъ заведенія въ ней колоній, то туземцы будутъ оттѣснены все болѣе и болѣе внутрь страны, пока наконецъ раса ихъ не исчезнетъ совершенно.

Замѣчанія эти можно до нѣкоторой степени приложить ко всѣмъ частямъ земнаго шара, которыя дурно воздѣлываются. Но ни на одну минуту нельзя допустить въ голову мысль объ уничтоженіи и истребленіи большей части жителей Азіи и Африки. Цивилизовать же различныя племена татаръ и негровъ, и руководить ихъ трудомъ, безъ сомнѣнія, представляется дѣломъ долгимъ и труднымъ, успѣхъ котораго, къ тому же, измѣнчивъ и сомнителенъ.

Европа тоже не заселена еще такъ густо, какъ это могло бы быть. Только въ ней можно надѣяться на лучшее приложеніе труда. Въ Англіи и Шотландіи много занимались изученіемъ земледѣлія, но и въ этихъ странахъ много еще есть невоздѣланныхъ земель. Разсмотримъ, до какой степени можетъ быть увеличено плодородіе этого острова при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, какія только можно себѣ представить.

Если мы предположимъ, что при возможно хорошемъ правленіи и при самомъ сильномъ поощреніи земледѣлія, произведенія почвы могутъ удвоиться на этомъ островѣ въ первые двадцать пять лѣтъ, то вѣроятно мы перейдемъ за предѣлы возможнаго; такое предположеніе скорѣе превыситъ мѣру возрастанія количества произведеній, на какое мы могли бы благоразумно расчитывать.

Въ слѣдующіе двадцать пять лѣтъ рѣшительно нельзя надѣяться, чтобы производительность земли возрасла по тому же закону, и чтобы по истеченіи этого втораго періода плодородіе учетверилось: допустить это значило бы перевернуть вверхъ дномъ всѣ наши понятія о производительности земли. Улучшеніе безплодныхъ участковъ требуетъ много труда и времени. Для человѣка, сколько нибудь знакомаго съ этимъ предметомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что, по мѣрѣ разширенія обработки, ежегодное приращеніе средняго производства постоянно уменьшается съ нѣкотораго рода правильностью. Для сравненія съ возрастаніемъ населенія сдѣлаемъ теперь предположеніе, которое, какъ бы оно неточно ни было, тѣмъ неменѣе, безъ всякаго сомнѣнія, значительно преувеличиваетъ производительность почвы, сравнительно съ тѣмъ, что̀ представляетъ дѣйствительность.

Вообразимъ, что ежегодное приращеніе средняго производства не уменьшается, а остается то же, такъ что въ каждый двадцатипятилѣтній періодъ къ годовому производству Великобританіи присоединяется количество произведеній, равное такому же годовому доходу. Вѣроятно, никакое горячее воображеніе не рѣшится сдѣлать болѣе широкаго предположенія, ибо и этого довольно, чтобы въ нѣсколько столѣтій обратить всю почву острова въ одинъ роскошный садъ.

Примѣнимъ это предположеніе ко всей землѣ, то есть, что въ каждый двадцатипятилѣтній періодъ все количество произведеній, доставляемыхъ поверхностью земнаго шара, присоединяется къ тому, что̀ доставлялось ею въ началѣ того же періода. Это, безъ сомнѣнія все, что̀ только мы имѣемъ право ожидать отъ усилій труда человѣка, возможно лучше направленныхъ.

Итакъ, основываясь на настоящемъ положеніи занятыхъ

уже земель, мы можемъ сказать, что *средства существованія, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для труда, ни въ какомъ случаѣ не могутъ возрастать быстрѣе, чѣмъ въ ариѳметической прогрессіи.*

Сравненіе двухъ этихъ законовъ возрастанія даетъ поразительные результаты. Положимъ, что населеніе Великобританіи состоитъ изъ одинадцати мильоновъ, и что дѣйствительная производительность ея почвы достаточна для поддержанія такого населенія. Черезъ двадцать пять лѣтъ населеніе возрастетъ до двадцати двухъ мильоновъ, а продовольствіе, которое тоже удвоится, будетъ достаточно для ихъ прокормленія. Въ слѣдующій двадцатипятилѣтній періодъ населеніе достигнетъ сорока четырехъ мильоновъ, а продовольствія достанетъ только на тридцать три. Еще въ слѣдующій періодъ населеніе, увеличившееся до восьмидесяти восьми мильоновъ, будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи средства существованія только для половины всего числа жителей. Къ концу перваго столѣтія народонаселеніе достигнетъ ста семидесяти шести мильоновъ, а средствъ существованія хватитъ только для пятидесяти пяти; такъ что остальные сто двадцать одинъ мильонъ народу должны будутъ умереть съ голоду.

Замѣнимъ избранный нами для примѣра островъ поверхностью всего земнаго шара. Замѣтимъ прежде всего, что въ такомъ случаѣ нельзя будетъ избѣгнуть голода путемъ выселеній. Примемъ населеніе земнаго шара въ настоящее время въ тысячу мильоновъ: человѣческая порода размножалась бы какъ 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64, 128, 256, между тѣмъ какъ средства существованія возрастали бы какъ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 Черезъ два столѣтія народонаселеніе относилось бы къ средствамъ существованія, какъ 256 къ 9; черезъ три столѣтія, какъ 4,096 къ 13, а по прошествіи двухъ тысячъ лѣтъ отношеніе это было бы безпредѣльно и неизчислимо.

При нашихъ предположеніяхъ мы не положили границъ для производительности земли. Мы приняли, что она можетъ возрастать неопредѣленно, и перейти за всякую данную величину. Но и при такомъ даже предположеніи законъ періодическаго возрастанія населенія до такой степени превышаетъ

законъ возрастанія средствъ существованія, что для сохраненія равновѣсія, то-есть, для того, чтобы существующее населеніе имѣло соотвѣтствующее ему продовольствіе, необходимо, чтобы размноженіе постоянно задерживалось какимъ нибудь высшимъ закономъ, чтобы оно подчинялось суровой необходимости, словомъ, чтобы тотъ изъ двухъ противоположныхъ законовъ, на сторонѣ котораго оказывается такой перевѣсъ, сдерживался бы въ опредѣленныхъ границахъ *.

ГЛАВА II. — Объ общихъ препятствіяхъ для размноженія населенія и о способѣ ихъ дѣйствія.

Изъ сказаннаго нами слѣдуетъ заключить, что въ результатѣ главное препятствіе для размноженія населенія состоитъ въ недостаткѣ пищи, вытекающемъ изъ различія въ отношеніи, въ которомъ возрастаютъ обѣ упомянутыя прогрессіи. Но это главное и окончательное препятствіе, къ которому приводятся прочія, оказываетъ свое прямое дѣйствіе только въ случаѣ бѣдствій, производимыхъ голодомъ.

Косвенныя препятствія состоятъ изъ всѣхъ злоупотребленій и изъ всѣхъ страданій, какія могутъ быть вызваны недостаточными средствами существованія; къ нимъ слѣдуетъ присоединить всѣ физическія и нравственныя причины, независимыя отъ нихъ, но тоже причиняющія преждевременную смерть.

Эти препятствія для размноженія населенія, дѣйствующія постоянно и съ большею или меньшею силою во всѣхъ человѣческихъ обществахъ и поддерживающія число жителей на

* Глава эта служитъ основаніемъ для всего сочиненія. Противъ нея направлены были главнымъ образомъ всѣ опроверженія противниковъ Мальтуса. Защитники послѣдняго не безъ основанія возражаютъ на опроверженіе сроковъ удвоенія населенія, что и раздвинувъ ихъ хоть на 100 лѣтъ, отношеніе между прогрессіями не измѣнится. А это подтверждаетъ то, что было сказано мной во 2-ой главѣ моего этюда о Мальтусѣ, то есть, что главная ошибка всей теоріи лежитъ въ постановкѣ основнаго положенія, по сущности своей гипотетическаго и въ дѣйствительности никогда не существовавшаго ни для одной органической породы. Рус. перев.

уровнѣ имѣющихся для нихъ средствъ существованія, могутъ быть приведены къ двумъ разрядамъ. Одни дѣйствуютъ, предупреждая размноженіе населенія, а другія — уничтожая его по мѣрѣ чрезмѣрнаго его возрастанія. Первыя можно назвать *препятствіями предупредительными*, а вторыя—*препятствіями разрушительными.*

Предупредительныя препятствія, если они добровольны, составляютъ свойство человѣческой породы, вытекающее изъ способности, которою человѣкъ отличается отъ животныхъ, а именно, изъ способности, предвидѣть отдаленныя послѣдствія и взвѣшивать ихъ. Всѣ препятствія для безграничнаго размноженія растеній и животныхъ, лишенныхъ разума, принадлежатъ къ числу разрушительныхъ; если же они оказываются предупредительными, то въ нихъ нѣтъ ничего добровольнаго. Человѣкъ же, какъ только онъ броситъ взглядъ вокругъ себя, немедленно замѣтитъ несчастія, такъ часто постигающія многочисленныя семейства. Сравнивъ свои средства существованія, непревышающія его собственныхъ потребностей, съ числомъ лицъ, съ которыми пришлось бы ему раздѣлить ихъ (а число это легко можетъ достигнуть семи или восьми человѣкъ, между тѣмъ какъ средства его останутся почти тѣ же), онъ проникается справедливыми опасеніями, что не будетъ въ состояніи содержать своихъ дѣтей. Такого же рода безпокойство онъ долженъ испытывать и въ обществѣ, основанномъ на равенствѣ, если только возможно такое общество. При настоящемъ порядкѣ вещей, у него являются другаго рода соображенія. Не рискуетъ ли онъ утратить свое положеніе и отказаться отъ дорогихъ привычекъ? На какое занятіе или на какое мѣсто можетъ онъ расчитывать? Не потребуется ли отъ него болѣе тяжелаго труда или необходимости взяться за дѣла болѣе трудныя, сравнительно съ настоящимъ его положеніемъ? Будетъ ли онъ въ состояніи доставить своимъ дѣтямъ такое же воспитаніе, какимъ онъ самъ воспользовался? Увѣренъ ли онъ, что при незначительномъ ихъ числѣ онъ будетъ въ состояніи предохранить ихъ отъ нищеты и отъ сопровождающаго ее презрѣнія? Наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, не придется ли ему отказаться отъ независимости, которою онъ гордится, и прибѣгнуть къ посторонней помощи, всегда недостаточной?

Такія соображенія дѣлаются для предупрежденія и дѣйствительно предупреждаютъ во всякомъ цивилизованномъ обществѣ множество супружествъ. Они останавливаютъ большое число ранновременныхъ браковъ и противудѣйствуютъ въ этомъ отношеніи естественнымъ побужденіямъ.

Если за этимъ не слѣдуетъ порока, то это меньшее изъ золъ, пораждаемыхъ закономъ народонаселенія. Обузданіе, налагаемое на наши побужденія, въ особенности же, на такія, которыя оказываютъ на насъ самое сильное дѣйствіе, безъ сомнѣнія, вызываетъ временное тягостное чувство. Но это зло очевидно весьма ничтожно, сравнительно съ бѣдствіями, производимыми прочими препятствіями, останавливающими населеніе. Это такое же лишеніе, какъ и множество другихъ, которыя должны предписываться нравственнымъ чувствомъ.

Воздержаніе, пораждающее пороки, вызываетъ нравы, которые всѣмъ бросаются въ глаза. Развращеніе нравовъ, доведенное до такой степени, что оно препятствуетъ рожденію дѣтей, унижаетъ человѣческую природу и оскорбляетъ ея достоинство. Оно производитъ гибельное дѣйствіе на мужчинъ и еще болѣе унижаетъ женщину; оно искажаетъ самыя привлекательныя свойства ея природы. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что изъ всѣхъ несчастныхъ созданій, быть можетъ, ни одно не подвергается такимъ ужаснымъ страданіямъ и не впадаетъ въ такую крайнюю бѣдность, какъ несчастныя жертвы разврата, наполняющія большіе города.

Когда испорченность становится общею, и распространяется на всѣ классы общества, то она неизбѣжно отравляетъ самый источникъ семейнаго счастія, ослабляетъ узы, связывающія супруговъ и родителей съ дѣтьми, обязанными имъ своимъ существованіемъ, и наконецъ, подрываетъ воспитаніе послѣднихъ. Дѣйствіе такихъ причинъ, безъ сомнѣнія, уменьшаетъ счастіе общества и наноситъ значительный вредъ добродѣтели. Бѣдствія эти въ особенности вызываются обманомъ, необходимымъ для веденія интриги и для сохраненія

въ тайнѣ ея послѣдствій, ибо нѣтъ порока, который не могъ бы быть вызванъ такими тайными сношеніями.

Разрушительныя препятствія для размноженія населенія бываютъ весьма разнообразны. Къ нимъ относятся всѣ причины, клонящіяся какимъ бы то ни было образомъ сократить естественную продолжительность человѣческой жизни посредствомъ порока или несчастія. Поэтому, къ этому разряду можно отнести всѣ вредныя для здоровья занятія, всякій трудъ грубый, чрезмѣрный и подвергающій человѣка опасностямъ непогоды, крайнюю бѣдность, скверное содержаніе дѣтей, нездоровыя условія жизни въ большихъ городахъ, всякаго рода излишества, болѣзни, эпидеміи, войну, чуму, голодъ.

Если изслѣдовать всѣ препятствія для размноженія населенія, раздѣленныя мною на два разряда подъ именемъ предупредительныхъ и разрушительныхъ, то легко увидѣть, что они могутъ быть приведены къ тремъ слѣдующимъ видамъ: нравственному обузданію, пороку и страданіямъ.

Въ числѣ предупредительныхъ препятствій воздержаніе отъ супружества, съ присоединеніемъ къ нему цѣломудрія, составляетъ то, что̀ я называю *нравственнымъ обузданіемъ* (*moral restraint*) *.

* Я употребляю въ настоящемъ случаѣ слово *нравственный* въ ограниченномъ смыслѣ. Подъ нравственнымъ обузданіемъ я разумѣю воздержаніе, налагаемое на себя человѣкомъ по отношенію къ вступленію въ супружество, вслѣдствіе благоразумныхъ побужденій, и сопровождаемое строго нравственнымъ поведеніемъ. Я старался ни разу не удаляться отъ такого смысла этихъ словъ впродолженіи всего этого сочиненія. Когда же мнѣ приходилось говорить о воздержаніи, налагаемомъ на себя относительно супружества и несопровождающимся никакими послѣдствіями, то я называлъ его то благоразумнымъ обузданіемъ, то однимъ изъ предупредительныхъ препятствій, между которыми ему безспорно принадлежитъ первое мѣсто.

Мнѣ замѣтили, что разбирая различные періоды общества, я недостаточно оцѣнилъ важное значеніе предупредительнаго дѣйствія нравственнаго обузданія и вліяніе послѣдняго на предохраненіе общества отъ чрезмѣрнаго населенія. Но если принять во вниманіе вышеупомянутый ограниченный смыслъ этихъ словъ, то мнѣ кажется, что я имѣлъ полное право приписать этой причинѣ то ничтожное дѣйствіе, какое замѣчено мною. Я былъ счастливъ, еслибы ошибся въ этомъ отношеніи. Прим. автора.

Распутная жизнь, противуестественныя страсти, осквернéніе супружескаго ложа, а также тѣ ухищренія, къ которымъ прибѣгаютъ для сохраненія въ тайнѣ послѣдствій преступной и противузаконной связи, суть препятствія предупредительныя, очевидно относящіяся къ разряду пороковъ *.

Разрушительныя препятствія, оказывающіяся неизбѣжнымъ слѣдствіемъ законовъ природы, составляютъ исключительно тотъ разрядъ, который обозначенъ мной словомъ *несчастіе* (*misery*) **. Напротивъ того, тѣ изъ нихъ, которыя очевидно зависятъ отъ насъ самихъ, какъ войны, всякаго рода излишества и многія другія неизбѣжныя бѣдствія, суть смѣшанной природы. Они порождаются порокомъ, и влекутъ за собою несчастія.

Совокупность всѣхъ предупредительныхъ, какъ и разру-

* Слѣдуетъ помнить, что это слово можетъ быть замѣнено несчастіемъ и что оно соотвѣтствуетъ употребляемому Мальтусомъ слову *misery*. Гарнье.

** Такъ какъ несчастіе составляетъ вообще слѣдствіе порока, и такъ какъ именно по причинѣ такого слѣдствія, извѣстный поступокъ получаетъ названіе порочнаго, то можно было бы подумать, что въ настоящемъ случаѣ достаточно одного слова, несчастія, и что новое слово безполезно. Но еслибы мы уничтожили слово порокъ, то этимъ породили бы крайнюю смутность въ языкѣ и въ понятіяхъ. Намъ необходимо слово, которое обозначало бы такого рода поступки, которые въ результатѣ производили бы несчастіе, но непосредственное дѣйствіе которыхъ сопровождается иногда противуположными послѣдствіями: удовлетвореніе страсти, что̀ касается до непосреднственнаго его дѣйствія, состоитъ въ доставленіи себѣ счастія, а не несчастія. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ отдаленныя слѣдствія такихъ поступковъ невсегда бываютъ несчастны для сдѣлавшаго ихъ человѣка, по крайней мѣрѣ въ настоящей жизни. Вѣроятно существовали такія непозволительныя дѣйствія, которыя доставили счастіе совершившимъ ихъ людямъ и которыя не имѣли пагубныхъ для нихъ послѣдствій на землѣ. Нельзя, поэтому, отнести такихъ дѣйствій къ разряду несчастій. Но они очевидно порочны, ибо такъ называются поступки, результатъ которыхъ составляетъ вообще несчастіе, каковы бы ни были личныя ихъ послѣдствія въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ. Итакъ, никто не станетъ отрицать, что результатъ непозволительныхъ дѣйствій состоитъ въ уменьшеніи счастія для человѣческихъ обществъ. Прим. автора.

шительныхъ препятствій составляетъ то, что я называю *непосредственнымъ препятствіемъ* для размноженія народонаселенія.* Въ странѣ, въ которой населеніе не можетъ возрастать безгранично, предупредительныя препятствія и разрушительныя должны находиться въ обратномъ отношеніи другъ ко другу, то есть, въ нездоровой странѣ, или подвергнутой большой смертности отъ какихъ бы то ни было причинъ, предупредительныя препятствія будутъ имѣть ничтожное вліяніе. Напротивъ того, въ странахъ, отличающихся особеннымъ здоровьемъ, въ которыхъ предупредительныя препятствія дѣйствуютъ съ большою силой, разрушительныя препятствія будутъ слабы, и смертность будетъ весьма незначительна.

Въ каждой странѣ какое либо изъ исчисленныхъ нами препятствій дѣйствуетъ съ большей или меньшей силой, но съ неизмѣннымъ постоянствомъ; но, несмотря на такое непрерывное дѣйствіе, въ немногихъ только странахъ не замѣчается такого же непрерывнаго стремленія народа къ размноженію, превышающему средства существованія. Это непрерывное стремленіе постоянно ввергаетъ въ бѣдствія низшіе классы общества и противится всякому улучшенію ихъ участи.

Способъ дѣйствія этихъ препятствій, при настоящемъ состояніи общества, заслуживаетъ съ нашей стороны нѣкотораго вниманія. Представимъ себѣ страну, въ которой средства существованія въ точности соотвѣтствуютъ ея населенію. Постоянное стремленіе послѣдняго къ размноженію, непрерывающееся въ самомъ несчастномъ даже обществѣ, не замедлитъ увеличить число людей скорѣе, чѣмъ возрастаютъ средства существованія. Количество продовольствія, достаточное напримѣръ, для одинадцати мильоновъ, должно будетъ теперь

* Это слѣдуетъ принимать не въ точномъ математическомъ, а въ общемъ смыслѣ, какъ это и объясняется въ слѣдующихъ за симъ непосредственно словахъ автора. Если смотрѣть на общее препятствіе, какъ на величину, состоящую изъ двухъ чиселъ, то очевидно, что чѣмъ больше будетъ одно, тѣмъ меньше должно быть другое. Сверхъ того, гдѣ смерть очищаетъ много мѣстъ для остающихся въ живыхъ, тамъ менѣе стѣсняются относительно заключенія браковъ.
Фран. перев.

распредѣлиться между одинадцатью съ половиною мильонами. Бѣдняку немедленно станетъ труднѣе жить, и многіе должны будутъ терпѣть крайнюю нужду. Сверхъ того, такъ какъ число работниковъ увеличилось значительнѣе, чѣмъ количество работъ, то заработная плата должна упасть непремѣнно; а такъ какъ цѣна продовольствія въ то же время подымется, то для того чтобы вести прежнюю жизнь, работнику придется больше работать. Во времена такой нужды браки дѣлаются до того затруднительными и до того становится тяжело содержать семью, что населеніе останавливается и дѣлается неподвижнымъ. Въ то же самое время низкая цѣна за трудъ, изобиліе работниковъ и необходимость, побуждающая ихъ работать больше, даютъ возможность приложить къ землѣ большее противъ прежняго количество труда, воздѣлать незанятые участки, удобрить и улучшить воздѣлываемыя земли, пока средства существованія не придутъ къ тому уровню, на которомъ находились въ то время, отъ котораго мы начали свои разсужденія. Тогда положеніе работника становится менѣе тягостнымъ, и препятствіе, задерживающее населеніе, снова прекращается. Но послѣ незначительнаго періода снова повторяется то же движеніе впередъ или назадъ.

Такія колебанія, вѣроятно, не бросятся въ глаза обыкновенному наблюдателю; самому внимательному человѣку, быть можетъ, не легко замѣтить ихъ и разсчитать періоды ихъ возвращенія. Тѣмъ не менѣе, обративъ на этотъ вопросъ серьезное вниманіе, можно убѣдиться, что во всѣхъ старыхъ государствахъ встрѣчается нѣчто подобное такимъ возвращеніямъ довольства и нужды, хотя, по правдѣ, несравненно менѣе правильное, чѣмъ это представлено мною.

Одна изъ главнѣйшихъ причинъ, почему не были замѣчены такія колебанія, состоитъ въ томъ, что историки обращаютъ вниманіе только на самые высшіе слои общества. Мы имѣемъ весьма незначительное число сочиненій, въ которыхъ бы изображены были вѣрно обычаи и образъ жизни низшихъ классовъ народа. Но между этими то классами и замѣчаются болѣе всего колебанія, о которыхъ идетъ рѣчь. Чтобы написать удовлетворительную съ такой точки зрѣнія исторію

народа за какой нибудь опредѣленный періодъ, потребовался бы трудъ многихъ людей, которые посвятили бы свои усилія постоянному и внимательному собиранію самыхъ подробныхъ фактовъ, какъ общихъ, такъ частныхъ и мѣстныхъ, относительно положенія низшихъ классовъ и причинъ ихъ благосостоянія или бѣдствій. Затѣмъ, чтобы вывести изъ такихъ фактовъ вѣрныя заключенія и приложить ихъ къ нашему предмету, потребовался бы цѣлый рядъ историческихъ трудовъ, написанныхъ на основаніи такого принципа и охватывавшихъ многія столѣтія. Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ странахъ начали обработывать эту отрасль статистики*; такія непрерывныя изслѣдованія, безъ сомнѣнія, распространятъ со временемъ свѣтъ на внутреннее устройство общественнаго организма. Но въ настоящую минуту можно сказать, что эта наука находится еще въ младенческомъ состояніи, и по многимъ важнымъ вопросамъ она не представляетъ никакихъ свѣдѣній, или представляетъ свѣдѣнія неудовлетворительныя. Какъ велико число супружествъ, сравнительно съ числомъ взрослыхъ людей? До какой степени затрудненіе браковъ поощряетъ пороки? Въ какомъ отношеніи находится смертность дѣтей между богатыми и бѣдными? Какъ велики колебанія дѣйствительной заработной платы? Что мы знаемъ о степени довольства и счастія низшихъ классовъ общества

* Разумные вопросы, предложенные Синклеромъ въ Шотландіи, и факты, собранные имъ въ этой части Великобританіи, дѣлаютъ честь его трудолюбію и просвѣщенію. Сочиненіе его представляетъ, сверхъ того, памятникъ, свидѣтельствующій о дарованіяхъ и образованіи духовенства въ этой странѣ. Жаль только, что въ немъ не соединены смежные приходы, что дало бы точное понятіе о состояніи каждаго округа, и облегчило бы память. Что же касается до встрѣчающихся въ немъ повтореній и даже противурѣчій, то они не затемняютъ дѣла, и даже служатъ къ укрѣпленію довѣрія читателя. Въ такомъ видѣ, или съ небольшими измѣненіями, еслибы сочиненіе заключало полные и точные списки за 150 послѣднихъ лѣтъ, оно представило бы драгоцѣнный сборникъ, изображающій болѣе вѣрную картину внутренняго состоянія страны, чѣмъ какое бы то ни было другое сочиненіе по этому предмету. Но для достиженія такой цѣли трудолюбивой дѣятельности одного человѣка недостаточно. Прим. автора.

въ различные періоды? Имѣемъ ли мы наконецъ точные списки родившихся, умершихъ и вступившихъ въ бракъ? Послѣдній вопросъ имѣетъ особенно важное значеніе въ занимающемъ насъ предметѣ*.

Вѣрная исторія человѣческаго рода, въ которой рѣшались бы такіе вопросы, пролила бы значительный свѣтъ на образъ дѣйствія постоянныхъ препятствій, останавливающихъ народонаселеніе. Въ ней вѣроятно были бы замѣчены вышеупомянутые мною ретроградныя и прогрессивныя движенія, хотя продолжительность этихъ колебаній, по различнымъ обстоятельствамъ, должна быть крайне неправильна. Эти обстоятельства, нарушающія правильное движеніе, весьма разнообразны: таковы заведеніе или паденіе фабрикъ, расположеніе или равнодушіе къ земледѣльческимъ предпріятіямъ, урожайные или голодные года, войны, болѣзни, законы о бѣдныхъ, выселенія и проч.

Еще одну изъ причинъ, нерѣдко скрывающую эти колебанія, представляетъ различіе между дѣйствительною и нарицательною заработной платой. Послѣдняя рѣдко падаетъ разомъ во всей странѣ; но извѣстно также, что нерѣдко она остается тою же, между тѣмъ какъ нарицательная цѣна продовольствія постепенно возвышается. Обыкновенно это можетъ случиться тогда, когда торговля и промышленность настолько возрастаютъ, что могутъ доставить работу новымъ работникамъ, появляющимся на рынкѣ, и предупредить усиленное предложеніе, которое должно вызвать пониженіе денежной величины заработной платы**. Но увеличеніе числа работни-

* Статистика начала уже доставлять матерьялы, впервые потребованные Мальтусомъ. Но бо́льшая часть историковъ слишкомъ проникнута еще классическими, университетскими и всякими другими предразсудками, чтобы обратиться къ политической экономіи для оцѣнки явленій, большая часть которыхъ, проходитъ такимъ образомъ незамѣченной. Гарнье.

** Если вновь прибывающіе ежегодно на рынокъ работники не найдутъ занятій въ земледѣліи, то соперничество ихъ можетъ до такой степени понизить денежную цѣну за трудъ, что увеличившееся населеніе не вызоветъ никакого новаго дѣйствительнаго спроса на хлѣбъ. Другими словами, если поземельные собственники и фермеры

ковъ, получающихъ ту же заработную плату на деньги, вслѣдствіе усиленнаго спроса на хлѣбъ, необходимо должно поднять денежную цѣну хлѣба. Въ сущности, дѣйствительная величина заработной платы понизится. Во все время такой постепенной дороговизны состояніе низшихъ классовъ не можетъ постепенно же не ухудшаться. Фермеры и капиталисты, напротивъ того, должны обогащаться вслѣдствіе понизившейся цѣны на трудъ. Капиталы ихъ станутъ возрастать, и дадутъ имъ возможность употребить въ дѣло большее число работниковъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что такъ какъ затрудненіе прокормить семью увеличилось, то оно должно необходимо нѣсколько повліять на количество населенія. Такъ что, спустя нѣкоторое время, спросъ на трудъ долженъ пересилить предложеніе. Поэтому, и дѣйствительная цѣна заработной платы подымется, если ничто не приведетъ ее къ прежнему уровню. Такимъ образомъ, заработная плата, а съ нею и благосостояніе низшихъ классовъ испытаютъ то повышеніе, то пониженіе, то движеніе впередъ, то движеніе назадъ, хотя нарицательная цѣна труда останется неизмѣнной.

Дикари, между которыми трудъ не имѣетъ правильной цѣны, тѣмъ неменѣе, несомнѣнно переживаютъ такія же колебанія. Когда населеніе ихъ достигнетъ уровня, за который оно перейти не можетъ, то всѣ препятствія, какъ предупреждающія, такъ и разрушающія размноженіе его, дѣйствуютъ съ особенной силой. Порочныя склонности увеличиваются, дѣти рѣже оставляются на произволъ судьбы, войны и эпидеміи вѣроятно становятся болѣе часты и болѣе свирѣпы. Причины эти очевидно будутъ дѣйствовать пока населеніе не придетъ къ уровню средствъ существованія. Въ такомъ случаѣ, возвращеніе, хотя бы относительнаго довольства вызоветъ новое увеличеніе въ населеніи, и спустя нѣкоторое время увеличеніе это снова будетъ остановлено дѣйствіемъ тѣхъ же, исчисленныхъ мною причинъ *.

получатъ только добавочное количество земледѣльческаго труда за соотвѣтствующее ему добавочное количество произведеній, то они и не принялись бы за доставленіе послѣдняго. Прим. автора.

* Джемсъ Стевартъ сравниваетъ производительную силу съ пружиной, на которую дѣйствуетъ перемѣнная тяжесть (*Écon. polit.*, отд. I, кн. I, гл. IV), вслѣдствіе чего должны оказаться тѣ колебанія, которыя мною описаны. Писатель этотъ изложилъ весьма удовлетворительно въ первой книгѣ своего *Трактата о политической экономіи* многіе вопросы относительно народонаселенія. Прим. автора.

Я вовсе не имѣю въ виду прослѣдить въ различныхъ странахъ за этими прогрессивными и ретроградными колебаніями. Для этого необходимо было бы, чтобы исторія доставила весьма подробныя свѣдѣнія о такихъ предметахъ, на которые до сихъ поръ она вовсе не обращала вниманія. Сверхъ того, нетрудно замѣтить, что самые успѣхи цивилизаціи естественно стремятся сдѣлать эти колебанія менѣе чувствительными. Поэтому, я ограничусь установленіемъ слѣдующихъ положеній:

1. *Народонаселеніе неизбѣжно ограничивается средствами существованія.*

2. *Народонаселеніе неизмѣнно размножается всюду, гдѣ возрастаютъ средства существованія, если только не будетъ остановлено какими либо чрезвычайными и явными препятствіями* *.

3. *Эти исключительныя препятствія и всѣ тѣ, которыя, останавливая силу размноженія, возвращаютъ народонаселеніе къ уровню средствъ существованія, могутъ быть приведены къ слѣдующимъ тремъ видамъ: нравственному обузданію, пороку и несчастію.*

Я не думаю, чтобы первое положеніе нуждалось въ доказательствахъ. Два другія будутъ результатомъ нашихъ изслѣдованій съ этой точки зрѣнія состоянія древнихъ и новыхъ народовъ.

Это и составитъ предметъ слѣдующихъ главъ.

* Я выражаюсь въ настоящемъ случаѣ съ особенной осторожностью, ибо я думаю, что существуютъ немногіе случаи, какъ напримѣръ негры въ Вестъ-Индіи и еще одинъ или два подобныхъ примѣра, когда населеніе не достигаетъ уровня средствъ существованія. Но это исключенія крайне рѣдкія. Говоря же вообще, тѣ же положенія можно выразить безъ ограниченія, и сказать:

1. Народонаселеніе размножается всюду, гдѣ возрастаютъ средства существованія.

2. Препятствія, останавливающія силу размноженія и приводящія населеніе къ уровню средствъ существованія, могутъ быть приведены къ слѣдующимъ тремъ видамъ: нравственному обузданію, пороку и несчастію. Прим. автора.

ГЛАВА III. — О препятствіяхъ для размноженія населенія при менѣе всего развитомъ состояніи человѣческаго общества.

Всѣ путешественники единогласно представляютъ намъ жителей Огненной земли на самой низкой степени общественнаго быта. Но нравы и домашняя жизнь ихъ намъ неизвѣстны. Безплодная страна, занимаемая ими, и несчастное ихъ состояніе не дозволяли завести съ ними торговыхъ сношеній, которыя доставили бы намъ необходимыя свѣдѣнія о ихъ бытѣ и образѣ жизни. Впрочемъ, нетрудно догадаться, какія препятствія могутъ останавливать размноженіе дикаго племени, нищета котораго сразу бросается въ глаза, племени, которое умираетъ отъ холода и голода, которое покрыто грязью и нечистотами, которое живетъ въ холодномъ климатѣ и не имѣетъ никакихъ средствъ смягчить его жестокаго дѣйствія *.

Туземцы Ванъ-Дименовой земли находятся среди такихъ же неблагопріятныхъ условій, и намъ представляютъ ихъ почти въ такомъ же безпомощномъ состояніи. Жители Андаманскихъ острововъ, лежащихъ болѣе на востокѣ, оказываются еще ниже тѣхъ и другихъ. Нѣсколько новѣйшихъ извѣстій свидѣтельствуютъ, что все свое время они употребляютъ на отысканіе себѣ пищи: такъ какъ лѣса не доставляютъ имъ почти никакого животнаго и только ничтожное число растеній, годныхъ въ пищу, то они вынуждены карабкаться по скаламъ или бродить по берегу моря, не найдутъ ли на немъ какой нибудь выкинутой рыбы, — средство, крайне ненадежное, а въ бурную погоду и вовсе невозможное. Ростомъ они не превышаютъ пяти футовъ, имѣютъ выдавшійся животъ и высоко поднятыя плечи, огромную голову и конечности тонкія и слабыя. Внѣшній видъ ихъ свидѣтельствуетъ о крайней степени ихъ развитія и о самой ужасной смѣси

* Для избѣжанія постоянныхъ ссылокъ и выносокъ, указываемъ, что матерьялами для этой главы послужили автору: Кука, *Первое и Второе Путешествіе*. — Ванкувера, *Путешествіе*. — Сеймса, *Посольство въ Аву*. — *Азіатскія Изслѣдованія*. — Коллинса, *Описаніе южнаго Новаго Валиса*.

звѣрства и несчастія. Многихъ изъ нихъ находили на берегу въ страшныхъ мукахъ голода и въ послѣднемъ періодѣ самаго жалкаго существованія.

Жители Новой Голландіи стоятъ, повидимому, нѣсколько выше этихъ жалкихъ племенъ. Намъ знакома хоть часть этихъ дикарей изъ описанія одного путешественника, долго жившаго въ Портъ-Джаксонѣ и приводящаго факты, которыхъ онъ былъ очевидцемъ. Редакторъ перваго путешествія Кука, упомянувъ о малочисленности туземцевъ, замѣченныхъ на восточномъ берегу Новой Голландіи, что̀ онъ объясняетъ безплодностью этой печальной страны, прибавляетъ: «Трудно сказать, какимъ образомъ населеніе уменьшилось до такого числа, какое только можетъ быть прокормлено страной. Новые путешественники, быть можетъ, объяснятъ, уничтожаютъ ли они сами другъ друга, подобно новозеландскимъ дикарямъ, изъ за пищи, гибнутъ ли они отъ голода, или какая либо другая причина препятствуетъ размноженію ихъ породы.»

То, что̀ приводитъ Коллинсъ объ этихъ дикаряхъ, мнѣ кажется, даетъ удовлетворительный отвѣтъ на эти вопросы. Онъ говоритъ, что они малы ростомъ и дурно сложены. Ихъ руки и нижнія конечности очень худы, что̀ объясняется недостаточнымъ питаніемъ. Живущіе по берегамъ, питаются рыбой и случайно — толстыми червями или личинками, находимыми ими въ малорослыхъ камедныхъ деревьяхъ. Лѣса до такой степени бѣдны животными, проникнуть въ нихъ до того трудно, что дикари, живущіе внутри страны, пользуются не лучшимъ довольствомъ. Все свое время они проводятъ въ лазаніи на болѣе высокія деревья за медомъ или въ погонѣ за небольшими четвероногими, бѣлками или двуутробками. Если дерево высоко и лишено вѣтвей, что̀ чаще всего встрѣчается въ ихъ непроходимыхъ лѣсахъ, то такого рода охота сопряжена съ большой усталостью. Имъ приходится вырубать своими топорами или каменными ножами зарубки или выемки, попеременно для каждой ноги, крѣпко охвативъ въ это же самое время дерево лѣвой рукой. Нерѣдко встрѣчали деревья съ такими нарѣзами на восьмидесяти футахъ отъ земли: вотъ на какую высоту приходится забираться голодному дикарю,

чтобы достичь первой вѣтви и чтобы получить хоть небольшое вознагражденіе за свой трудъ.

Лѣса мало что могутъ доставить, кромѣ этихъ немногихъ животныхъ: нѣсколько ягодъ, ямсъ, папоротниковый корень, цвѣты различныхъ протеевидныхъ породъ, вотъ все, что можетъ получить въ нихъ дикарь.

Одинъ изъ туземцевъ, вмѣстѣ съ ребенкомъ былъ застигнутъ нѣсколькими поселенцами на берегу рѣки Гауксбюри. Онъ бросился въ свой челнокъ, и въ поспѣшномъ бѣгствѣ оставилъ позади себя приготовленное уже кушанье, которымъ онъ собирался полакомиться. Это былъ толстый червь, только что вытащенный имъ изъ выброшеннаго волной и источеннаго куска дерева; часть червя была уже съѣдена. Вонь отъ насѣкомаго и его жилища была невыносима. Червь этотъ называется на языкѣ туземцевъ *ка-бро*, а внутри страны существуетъ племя, называющееся *ка-бро-галь*, главную пищу котораго составляетъ это отвратительное блюдо. Жители лѣсовъ приготовляютъ изъ папоротниковаго корня, въ смѣшеніи съ муравьями большихъ и малыхъ породъ, родъ съѣдобнаго тѣста, къ которому они прибавляютъ, смотря по времени года, яица или куколки тѣхъ же насѣкомыхъ.

Гдѣ людямъ приходится прибѣгать къ подобнымъ средствамъ существованія, гдѣ такъ рѣдко встрѣчается, какъ животная, такъ и растительная пища, и гдѣ необходимо столько усилій, чтобы добыть ее, тамъ очевидно населеніе должно быть слабо и разсѣяно. Уровень, до котораго оно можетъ достигнуть, долженъ быть весьма невысокъ. Но если мы примемъ въ соображеніе дикіе и варварскіе обычаи этихъ народовъ, ихъ жестокое обращеніе съ женщинами, и невозможность воспитывать при такомъ состояніи дѣтей, то нетолько не найдемъ ничего удивительнаго въ крайней малочисленности настоящаго ихъ населенія, но убѣдимся, что средства существованія, предлагаемыя этой страной, какъ бы они малы ни были, должны еще превышать потребности ничтожнаго числа жителей, избѣжавшихъ столькихъ гибельныхъ для жизни условій.

Любовь выражается между этими народами насиліемъ и

звѣрствомъ. Молодой дикарь выбираетъ для этой цѣли женщину изъ враждебнаго племени. Онъ сторожитъ минуту, когда избранная имъ женщина будетъ одна, лишенная своихъ естественныхъ защитниковъ; онъ подкрадывается къ ней незамѣтно, оглушаетъ ее ударомъ дубины, бьетъ ее по головѣ, по спинѣ, по плечамъ такъ крѣпко, что каждый ударъ вызываетъ потоки крови. Затѣмъ, онъ хватаетъ ее въ охабку и бѣжитъ въ лѣсъ, нисколько не обращая вниманія на камни и на сучья, которыми усыпана дорога, спѣша со своей добычей къ мѣсту, занимаемому его племенемъ. Здѣсь, еще послѣ нѣсколькихъ звѣрскихъ побоевъ, женшина эта признается его собственностью, и съ этой минуты она рѣдко покидаетъ своего властителя. Такое оскорбленіе не вызываетъ со стороны родныхъ женщины, никакой мести, которая ограничивается при случаѣ развѣ только такимъ же похищеніемъ женщинъ изъ враждебнаго племени.

Совокупленіе между полами совершается преждевременно; поселенцы видѣли безстыдные примѣры насилія со стороны дикарей надъ самыми молоденькими дѣвочками.

Обращеніе мужей съ женами предъ нѣжностями самое звѣрское. Всѣ женщины носятъ на своей головѣ очевидные признаки своего подчиненія; а такъ какъ супружества всегда бываютъ преждевременны, то можно сказать, что мужья начинаютъ бить ихъ, какъ только пріобрѣтутъ для этого достаточно силы. Случалось встрѣчать несчастныхъ, на стриженой головѣ которыхъ виднѣлось столько ранъ, что трудно было сосчитать ихъ. Коллинсъ говоритъ при этомъ подъ вліяніемъ чувства состраданія: «Положеніе этихъ женщинъ до того жалко, что встрѣтивъ дѣвочку, таскаемую матерью за своими плечами, заглянувъ въ ея будущее и предвидя ожидающія ея бѣдствія, мнѣ нерѣдко приходило въ голову, что было бы дѣломъ человѣколюбія немедленно избавить ее отъ такой ужасной жизни.» Въ другомъ мѣстѣ, разсказывая о дикарѣ Бенилонгѣ, онъ говоритъ: «Я нахожу въ этомъ мѣстѣ моего дневника, что Бенилонгъ, не знаю за что, жестоко побилъ свою жену за минуту предъ ея родами.»

Такое звѣрское обращеніе должно часто вызывать несчаст-

ные роды. Ранновременное совокупленіе между полами вѣроятно вредитъ плодородію. Чаще встрѣчается, что дикари эти имѣютъ нѣсколькихъ женъ, чѣмъ одну; но странно, что Коллинсъ не помнитъ, чтобы онъ видѣлъ дикаря, который имѣлъ бы дѣтей болѣе чѣмъ отъ одной матери. Онъ слышалъ отъ туземцовъ, что только первая жена имѣетъ исключительное право на любовь мужа, а вторая не болѣе какъ рабыня, обязанная прислуживать первой и ея мужу.

Трудно повѣрить въ существованіе такого исключительнаго права; но, можетъ быть, вторая жена не имѣетъ права воспитывать своихъ дѣтей. Какъ бы то ни было, если фактъ вѣренъ, то онъ доказываетъ только, что большое число женщинъ вовсе не имѣетъ дѣтей. Такое явленіе можетъ быть объяснено только дурнымъ обращеніемъ съ ними, или какимъ нибудь особеннымъ обычаемъ, ускользнувшимъ отъ вниманія Коллинса.

Если женщина умираетъ во время кормленія грудью, то отецъ кладетъ на мертвое тѣло жены ребенка, полнаго жизни, и наваливаетъ на него тяжелый камень, а его друзья помогаютъ ему засыпать могилу. Это ужасная церемонія совершена была Ко-ле-бе, однимъ изъ туземцевъ, котораго хорошо знали колонисты; а когда его упрекали, то онъ оправдывался, говоря, что невозможно найти женщины, которая согласилась бы замѣстить мать въ качествѣ кормилицы, и что лучше, стало быть, прекратить разомъ страданія ребенка, лишивъ его жизни. Коллинсъ замѣчаетъ, что этотъ общераспространенный обычай можетъ до нѣкоторой степени объяснить слабое населеніе этихъ странъ.

Хотя самъ по себѣ обычай этотъ, быть можетъ, и не оказываетъ большаго вліянія въ этомъ отношеніи, тѣмъ неменѣе, онъ даетъ точное понятіе о затрудненіи воспитывать дѣтей въ положеніи, въ которомъ находятся эти дикари. Женщина, образъ жизни которой требуетъ постояннаго перемѣщенія, которая находится подъ гнетомъ непрерывнаго и чрезвычайнаго труда, очевидно, не можетъ воспитывать разомъ нѣсколькихъ дѣтей почти одного и того же возраста. Если у нея родится ребенокъ, когда другой требуетъ еще

ея заботъ и не въ состояніи еще слѣдовать за ней, то одинъ изъ нихъ непремѣнно долженъ погибнуть. Попеченіе о вскормленіи ребенка до такой степени безпокойно и затруднительно при жалкой, бродячей жизни, что ничего нѣтъ удивительнаго, что нельзя отыскать женщины, которая приняла бы такую заботу на себя, если она не побуждается къ тому всепобѣждающимъ материнскимъ инстинктомъ.

Къ условіямъ, останавливающимъ размноженіе населенія, слѣдуетъ присоединить условія, уничтожающія его по мѣрѣ его возрастанія. Таковы частыя войны и безпрерывная вражда между ними; наклонность къ мести, побуждающая ихъ къ постояннымъ кровопролитіямъ; неопрятность ихъ жилищъ; дурная пища и всѣ причиняемыя ею болѣзни, въ особенности накожныя, и особый родъ оспы, производящій между ними страшныя опустошенія.

Такая эпидемія обнаружилась въ 1789 г. Трудно себѣ представить положеніе, въ которое она привела эти несчастныя племена. Нельзя было встрѣтить ни одного живаго человѣка на берегахъ болѣе всего населенныхъ заливовъ и бухтъ; на морскомъ пескѣ не видно было ни одного человѣческаго слѣда. Они оставили мертвыхъ хоронить мертвыхъ. Пещеры наполнены были гніющими трупами, а тропинки во многихъ мѣстахъ были покрыты скелетами.

Коллинсъ разсказываетъ, что племя Ко-ле-бе, то самое, о которомъ я упоминалъ выше, уничтожено было этимъ страшнымъ бичемъ все, за исключеніемъ трехъ человѣкъ, которые присоединились къ другому племени, чтобы спастись отъ смерти.

Подъ вліяніемъ столькихъ причинъ обезлюденья, естественно предположить, что произведеній почвы, какъ животнаго, такъ и растительнаго царства, съ присоединеніемъ рыбы, выброшенной на берегъ, болѣе чѣмъ достаточно для поддержанія жизни немногихъ остатковъ разбитыхъ племенъ, занимающихъ такое обширное пространство земли. А между тѣмъ оказывается, напротивъ того, что населеніе находится, повидимому, такъ близко къ среднему уровню средствъ существованія, что малѣйшій недостатокъ въ послѣднихъ,

вслѣдствіе неблагопріятной погоды или какой либо иной причины, повергаетъ эти жалкія племена въ самыя ужасныя бѣдствія. Мы имѣемъ свѣдѣнія о частыхъ возвращеніяхъ подобныхъ несчастныхъ періодовъ, въ которые встрѣчали туземцевъ въ состояніи такой худобы, что они казались просто скелетами, еле движущимися отъ голода.

ГЛАВА IV.—О препятствіяхъ для размноженія населенія между туземными племенами Америки.

Взглянемъ теперь на различныя страны Америки. Въ эпоху ея открытія бо́льшая часть этого обширнаго материка была населена небольшими племенами дикарей, независимыми одно отъ другаго и жившими, подобно племенамъ Новой Голландіи, естественными произведеніями почвы. Покрывавшіе его лѣса не изобиловали, подобно лѣсамъ острововъ Южнаго моря, питательными плодами и растеніями. Ничтожное земледѣліе, существовавшее между нѣкоторыми охотничьими племенами, мало что прибавляло къ ихъ средствамъ существованія. Поэтому, населеніе этой части свѣта жило главнымъ образомъ охотой и рыбною ловлей*. Но нетрудно понять, какъ ограниченны и ненадежны такія средства существованія. Рыбная ловля могла кормить только людей, живущихъ въ сосѣдствѣ озеръ, рѣкъ или моря. Вслѣдствіе невѣжества и безпечности дикарей, вслѣдствіе отличающей ихъ непредусмотрительности, они часто лишаютъ себя выгодъ, достаевляемыхъ сохраненіемъ на будущее время продовольствія, превышающаго требованія настоящаго. Уже давно было замѣчено, что охотничій народъ долженъ широко раздвинуть границы

*. Матерьялами для этой главы послужили: Робертсона, *Исторія Америки.*—Бурка, *Америка.*—Шарльвуа, *Исторія Новой Франціи.*—Лафито, *Нравы дикарей.*—*Путешествіе къ источникамъ Нила.*—*Путешествіе во внутреннюю Африку.*—*Назидательныя письма.*—Ганненена, *Нравы дикарей.*—Лаперуза, *Путешествіе.*—Роджерса, *Сѣверная Америка.*—Крейксіуса, *Исторія Канады.*—Реналя, *Исторія Индіи.*—Эллиса, *Путешествіе.*—Уллоа, *Путешествіе.*—Кука, *Третье Путешествіе.*—Мираса, *Путешествіе.*

своей территоріи, чтобы имѣть достаточное количество пищи*. Если сравнить число дикихъ звѣрей, какое можетъ встрѣтиться въ нихъ, съ числомъ звѣрей, достающихся въ руки человѣка при содѣйствіи всѣхъ, имѣющихся въ его распоряженіи средствъ, то легко убѣдиться, что людямъ невозможно значительно размножиться въ нихъ. Охотничьи народы, подобно хищнымъ звѣрямъ, съ которыми они сходны способами добыванія себѣ пищи, требуютъ широкаго распространенія. Племена ихъ разсѣяны по всей поверхности земли. Имъ необходимо избѣгать другъ друга или вести войны. Вотъ почему они и находятся въ постоянной враждѣ между собой.

Итакъ, слабое населеніе Америки, разсѣянное по ея обширной поверхности, служитъ только подтвержденіемъ несомнѣнной истины, что люди могутъ размножаться только соотвѣтственно увеличенію средствъ существованія. Но самая интересная сторона предпринятаго нами изслѣдованія, на которую я болѣе всего желаю обратить вниманіе читателя, состоитъ въ разысканіи средствъ, которыми населеніе держится на уровнѣ имѣющагося въ его распоряженіи количества пищи. Легко понять, что недостаточность средствъ существованія обнаруживается между народомъ не исключительно подъ видомъ одного только голода. Она принимаетъ другія, болѣе постоянныя формы, оказывающіяся такими же бѣдственными и разрушительными бичами, и порождаетъ обычаи, оказывающіе нерѣдко болѣе сильное дѣйствіе на замедленіе наростающаго народонаселенія, чѣмъ на уничтоженіе его, когда оно достигнетъ зрѣлости.

Вообще замѣчено, что американскія женщины не отличаются плодородіемъ. Это безплодіе приписывалось равнодушію къ нимъ мужчинъ, равнодушію, составляющему замѣчательную черту американскихъ дикарей. Но эта черта принадлежитъ не одной только этой породѣ людей. Всѣ дикіе народы отличаются такимъ равнодушіемъ въ большей или меньшей степени, всѣ тѣ по крайней мѣрѣ, которые не имѣютъ достаточныхъ средствъ существованія и которые живутъ въ

** Franklin, *Miscellanies*, стр. 2.

постоянномъ страхѣ между непріятелемъ и голодомъ. Замѣчаніе это не укрылось отъ Брюса при описаніи Галласовъ и Шангалласовъ, дикихъ народовъ, живущихъ на границахъ Абиссиніи, а Вальянъ смотритъ на флегматическій темпераментъ Готентотовъ, какъ на главную причину ихъ слабаго населенія. Такое расположеніе слѣдуетъ, повидимому, приписать опасностямъ и утомленію дикой жизни. Подобная жизнь поглощаетъ всѣ силы и не даетъ досуга сосредоточиться на нѣжныхъ чувствахъ. Въ этомъ состоитъ, безъ сомнѣнія, главная причина холодности американцевъ, и было бы несправедливо приписывать ее какому нибудь недостатку въ ихъ организаціи, ибо, по мѣрѣ того какъ уменьшаются между этими народами труды и опасности, любовь входитъ у нихъ въ свои права. Это и замѣчается въ мѣстностяхъ болѣе благопріятныхъ, населеніе которыхъ менѣе подвергается безпокойствамъ дикой жизни. Нѣкоторыя племена, поселившіяся вдоль рѣкъ, изобилующихъ рыбой, въ мѣстностяхъ, богатыхъ дичью, или принявшіеся за воздѣлываніе земли, вовсе не раздѣляютъ общей безчувственности; а какъ страсти ихъ ничѣмъ не обуздываются, то между ними господствуютъ самые развратные нравы.

Если справедливо, что эта апатія американцевъ является не естественнымъ ихъ недостаткомъ, а результатомъ жизни, неблагопріятной для проявленія въ нихъ страстныхъ порывовъ, то мы не рѣшимся приписать этой причинѣ безплодіе ихъ супружествъ. Мы скорѣе объяснимъ его образомъ жизни женщинъ и установившимися обычаями относительно ихъ между этими дикими народами.

«Нерѣдко раздавался вопросъ, улучшили ли положеніе человѣка искуства и цивилизація? и среди безплодныхъ преній философы выразили сомнѣніе по этому поводу. Но что цивилизація улучшила положеніе женщины — это истина, недопускающая никакого возраженія». Такъ выражается Робертсонъ, и замѣчаніе его подтверждается исторіей всѣхъ дикихъ народовъ. Презрѣніе къ женщинѣ и ея уничиженіе представляютъ самую характеристическую черту такой эпохи общественнаго развитія. Положеніе ея между нѣкоторыми американскими племенами до того жалко, что слово рабство недостаточно для выраженія ея уничиженія и несчастной участи. Она представляетъ у нихъ, собственно говоря, не болѣе какъ рабочее животное. Между тѣмъ какъ жизнь мужчины проходитъ въ лѣни и удовольствіяхъ, жена его обременена самыми тяжкими работами, которыя слѣдуютъ безостановочно одна за другою. На нее взваливаются всѣ заботы безъ всякаго состраданія къ ея слабости. Услуги ея принимаются безъ благодарности и безъ вознагражденія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, отличающихся крайнимъ униженіемъ женщины, встрѣчались матери, до того проникнутыя отвращеніемъ къ своему положенію, что онѣ умерщвляли своихъ дочерей тотчасъ послѣ ихъ рожденія, чтобы однимъ разомъ избавить ихъ отъ горькой участи.

Такое безвыходное положеніе и подчиненіе жестокому труду, съ присоединеніемъ суровой жизни дикаго состоянія, должны быть крайне вредны для беременности замужнихъ женщинъ; развратная же жизнь, которую онѣ вели до этого, а также средства, къ которымъ онѣ прибѣгали для выкидыша, необходимо должны произвести впослѣдствіи пагубное дѣйствіе на ихъ плодородіе. Говоря объ обыкновеніи, существующемъ между Натчезами мѣнять своихъ женъ, одинъ миссіонеръ замѣчаетъ, что обычай этотъ примѣняется только къ женщинамъ, непринесшимъ дѣтей своему мужу. Это даетъ намъ право заключить, что супружества оказываются между ними вообще безплодными, и, сверхъ того, что это составляетъ слѣдствіе развратной жизни женщинъ до замужества, жизни, которую и описываетъ такою тотъ же писатель.

Шарльвуа объясняетъ безплодіе американокъ продолжительнымъ кормленіемъ грудью своихъ дѣтей, во время котораго онѣ не живутъ съ мужьями, что продолжается обыкновенно нѣсколько лѣтъ, непомѣрными и непрекращающимися трудами, въ какомъ бы положеніи онѣ ни находились, и, наконецъ, обычаями многихъ племенъ, допускающими проституцію. Присоедините къ этому, говоритъ онъ, крайнюю нищету, въ которой живутъ эти народы и которая уничтожаетъ

*

въ нихъ желаніе имѣть дѣтей*. Между дикарями, находящимися на самой низкой степени развитія, считается за неизмѣнное правило, что не слѣдуетъ обременять себя воспитаніемъ болѣе чѣмъ двухъ дѣтей. Если раждаются двойни, то одного изъ нихъ бросаютъ, ибо мать не въ состояніи выкормить обоихъ. Если мать умираетъ во время кормленія грудью, то отчаиваются въ сохраненіи ребенка, и какъ въ Новой-Голландіи, его погребаютъ на той груди, которая кормила его.

Такъ какъ родителямъ нерѣдко случается испытывать такую нужду, что они не въ силахъ прокормить своихъ дѣтей, то они оставляютъ ихъ на произволъ судьбы. Покидаютъ обыкновенно уродливыхъ дѣтей, а нѣкоторыя южныя племена подвергаютъ такой же участи и дѣтей, которыя стоили матери большихъ страданій во время беременности ея и родовъ, изъ боязни, чтобы они не наслѣдовали слабости матери.

Вотъ причина замѣчательнаго отсутствія безобразія между американскими дикарями. Но еслибы и нашлась между ними мать, которая бы захотѣла воспитать безразлично всѣхъ своихъ дѣтей, то смерть похищаетъ такое огромное число послѣднихъ, вслѣдствіе дурнаго обращенія, что невозможно предположить, чтобы тѣ изъ нихъ, которыя одарены нѣжнымъ сложеніемъ, могли бы достичь зрѣлаго возраста. Въ испанскихъ колоніяхъ, въ которыхъ жизнь туземцевъ менѣе тягостна и въ которыхъ имъ не позволяютъ губить дѣтей, встрѣчается множество людей безобразныхъ, малорослыхъ, калекъ, слѣпыхъ и глухихъ.

* Что касается до внѣшней формы, мы можемъ похвалиться прогрессомъ. Дѣти поступаютъ у насъ въ воспитательные дома; но результатъ одинъ и тотъ же, ибо смерть ихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Въ донесеніи Ватвиля министру внутреннихъ дѣлъ мы находимъ, что во Франціи, при сравненіи смертности подкидышей, какъ съ общею числительностью родившихся, такъ и съ числомъ подкинутыхъ дѣтей, умираетъ ежегодно 1 изъ 7 въ періодъ отъ одного года до двѣнадцати лѣтъ, или 78 процентовъ, и что смертность этихъ дѣтей составляетъ 50 процентовъ въ первый годъ ихъ жизни. См. *Annuaire de l'Écon. polit. et de la statist. pour 1851*, стр. 177. Гарнье.

Многоженство, повидимому, дозволено было во всѣ времена между американскими дикарями; но правомъ этимъ пользовались только ихъ начальники или кацики; впрочемъ, иногда встрѣчались примѣры его и между простыми людьми въ болѣе богатыхъ южныхъ провинціяхъ, изобилующихъ продовольствіемъ. Затрудненіе въ добываніи пищи вообще принуждаетъ ихъ довольствоваться одною только женой. Затрудненіе это такъ хорошо чувствовалось, что отецъ, предъ тѣмъ какъ отдать свою дочь въ супружество, непремѣнно требовалъ отъ будущаго мужа несомнѣнныхъ доказательствъ его ловкости въ дѣлѣ охоты и, стало быть, въ средствахъ для содержанія своего семейства. Американскія женщины выходятъ замужъ не рано, что объясняется свободнымъ образомъ ихъ жизни до замужества.

Обычаи, вызванные опасеніемъ обременить себя семействомъ, и смертность между дѣтьми, вслѣдствіе трудовъ дикой жизни, должны оказывать могущественное вліяніе на задержку размноженія раждающагося поколѣнія*.

Когда молодой дикарь миновалъ всѣ опасности дѣтскаго возраста, то ему грозятъ новыя въ зрѣломъ. Болѣзни этого періода человѣческой жизни болѣе рѣдки, но за то болѣе разрушительны. А какъ непредусмотрительность дикарей не имѣетъ границъ, и какъ всѣ средства ихъ существованія весьма ненадежны, то между ними быстро смѣняются, смотря по удачной охотѣ или по времени года, самыя ужасныя бѣдствія голода и излишества, пораждаемыя изобиліемъ. Своей прожорливостью они вознаграждаютъ себя въ такомъ случаѣ за строгое воздержаніе, и какъ первая, такъ и второе причиняютъ имъ одинаковый вредъ. Слѣдующія за тѣмъ болѣзни губятъ людей совершенно здоровыхъ. Къ тому же, множество ихъ погибаетъ отъ сухотки, воспаленій, водяныхъ, паралича, и вообще отъ болѣзней, причиняемыхъ трудностями охоты, войны и непогоды, которыя имъ приходится постоянно переносить.

* Крейксіусъ приводитъ, что едва 1 человѣкъ изъ 30 достигаетъ зрѣлаго возраста. *Истор. Канад.*; стр. 57: но это, безъ сомнѣнія, уже слишкомъ преувеличено. Прим. автора.

Миссіонеры говорятъ о постоянныхъ болѣзняхъ, которымъ подвержены туземцы южной Америки, о болѣзняхъ, противъ которыхъ они не имѣютъ никакого лекарства. Не зная самыхъ обыкновенныхъ средствъ, не имѣя возможности измѣнить свою грубую, нездоровую пищу, они гибнутъ въ огромномъ числѣ. Іезуитъ Фокъ приводитъ, что въ многочисленныхъ его поѣздкахъ едва ли ему удалось встрѣтить хоть одного старика. Робертсонъ полагаетъ, что продолжительность жизни гораздо короче между дикарями, чѣмъ между цивилизованными народами. Реналь, несмотря на свое пристрастіе къ этимъ народамъ, говоритъ почти то же самое при описаніи туземцевъ Канады. Наблюденія Кука и Лаперуза подтверждаютъ эти замѣчанія.

Въ необозримыхъ южныхъ равнинахъ, вслѣдъ за прекращеніемъ дождей, солнце, нагрѣвая жгучими лучами своими затопленную землю, порождаетъ самыя жестокія эпидеміи. Миссіонеры упоминаютъ о частыхъ заразахъ между туземцами, вызывающихъ по деревнямъ страшную смертность. Оспа въ особенности производитъ жестокія опустошенія между ними, то по причинѣ недостаточнаго присмотра, то по причинѣ тѣсныхъ помѣщеній, въ которыхъ скопляются больные; только немногіе избѣгаютъ смерти. Несмотря на заботливость іезуитовъ, туземцы Парагуая страшно терпѣли отъ этого бича. Оспа и злокачественныя лихорадки, свирѣпствующія въ этихъ странахъ подъ названіемъ чумы, опустошали самыя цвѣтущія поселенія, устроенныя миссіонерами. Этой причинѣ приписываетъ Уллоа медленные ихъ успѣхи среди того глубокаго мира, которымъ они пользуются.

Сѣверные народы тоже не щадятся этими эпидеміями. Послѣднія случаются между ними столь же часто, и извѣстіе, сообщаемое Ванкувером, служитъ поразительнымъ ихъ подтвержденіемъ. Начиная съ Нью-Дунгенеса, въ сѣверо-западной Америкѣ, по всему протяженію берега на полтораста миль, онъ не встрѣтилъ и полутораста человѣкъ. Онъ видѣлъ много пустыхъ поселеній, изъ которыхъ каждое могло бы помѣстить въ себѣ всѣхъ разсѣянныхъ людей, которыхъ онъ встрѣтилъ на всемъ протяженіи этой страны. При поѣздкахъ

внутрь страны, въ особенности въ Портъ-Дисковри, онъ всюду встрѣчалъ разбросанныя человѣческія кости и черепа. Но на тѣлѣ живыхъ туземцевъ онъ не замѣтилъ никакихъ рубцовъ или ранъ; они не обнаруживали ни страха, ни недовѣрія. Поэтому, путешественникъ не могъ остановиться ни на какомъ другомъ предположеніи, кромѣ какой нибудь повальной болѣзни. Къ тому же, по этому берегу проходила оспа, и оставила свои слѣды на лицахъ туземцевъ, изъ которыхъ многіе лишены были одного глаза этой болѣзнью.

По невѣжеству и неопрятности*, дикари не извлекаютъ никакой выгоды, для предохраненія себя отъ заразы, изъ своего рѣдкаго населенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Америки строится одно помѣщеніе для нѣсколькихъ семействъ, такъ что подъ одной кровлей живетъ иногда отъ восьмидесяти до ста человѣкъ. Но и тамъ, гдѣ каждая семья живетъ отдѣльно, лачуги строятся маленькія, тѣсныя, грязныя, безъ оконъ, и съ такими низенькими дверями, что проникнуть въ нихъ можно только на четверенькахъ. Въ сѣверо-западной части страны жилища строятся обширныя: Миресъ описываетъ одно изъ нихъ, принадлежащее начальнику племени у прохода Нутки, въ которомъ жили, обѣдали и спали восемсотъ человѣкъ. Путешественники единогласно подтверждаютъ, что ничто не можетъ сравниться съ грязью этихъ помѣщеній и съ нечистоплотностью живущихъ въ нихъ людей. Капитанъ Кукъ говоритъ, что они кишатъ насѣкомыми, которыхъ они ловятъ и пожираютъ. Онъ прибавляетъ, что нѣтъ силъ перенести вони, отличающей ихъ жилища, а также господствующаго въ нихъ шума и хаоса. Лаперузъ утверждаетъ, что никакая пещера, служащая убѣжищемъ дикимъ звѣрямъ, не можетъ произвесть такого непріятнаго дѣйствія на обоняніе.

Можно представить себѣ опустошенія, производимыя эпидеміей въ такихъ помѣщеніяхъ. Вѣроятно даже, что такая

---

* Шарльвуа выражается объ этомъ довольно энергично: «Нельзя посѣтить ихъ лачуги, и не заразиться». Нечистота ихъ пищи *вызываетъ отвращеніе*. Т. III, стр. 338.

нечистота можетъ зараждать подобныя болѣзни; нельзя себѣ представить такого грязнаго города, который бы настоятельнѣе требовалъ очищенія воздуха.

Спасшись отъ смертности дѣтскаго возраста и отъ опустошеній, производимыхъ болѣзнями, дикарь подвергается еще всѣмъ опасностямъ войны: такъ какъ несмотря на крайнюю осторожность американцевъ въ военныхъ предпріятіяхъ, они почти не знаютъ мира, то должны нести весьма значительныя потери людей. Эти народы, самые дикіе даже между ними, очень хорошо сознаютъ права свои на занимаемую ими территорію; и такъ какъ для нихъ весьма важно не допускать, чтобы кто другой пользовался ихъ дичью, то они ревниво охраняютъ ее. Это порождаетъ безчисленныя распри. Сосѣдніе народы постоянно находятся между собою во враждебныхъ отношеніяхъ. Одно уже увеличеніе племени принимается сосѣдями за дѣйствительное нападеніе, уже потому только, что для него потребуется расширеніе территоріи. Война, порождаемая такою причиной, можетъ окончиться въ такомъ только случаѣ, когда, вслѣдствіе многочисленныхъ потерь, возстановится равновѣсіе въ народонаселеніи, или когда слабѣйшая сторона будетъ поголовно истреблена. Непріятельское нашествіе, опустошившее ихъ поля или принудившее ихъ оставить мѣста охоты, приводитъ ихъ въ крайне бѣдственное состояніе, ибо рѣдко случается, чтобы у нихъ оказались какіе либо запасы, которые они могли бы взять съ собой. Нерѣдко всѣ жители захваченной страны ищутъ спасенія въ лѣсахъ и горахъ, въ которыхъ бо́льшая часть погибаетъ отъ голода. Въ такомъ случаѣ каждый заботится только о своемъ спасеніи. Дѣти отстаютъ отъ своихъ родителей, которые не обращаютъ на это вниманія. Всѣ связи разрываются. Отецъ продаетъ сына за ножъ или топоръ. Голодъ и всякаго рода бѣдствія губятъ тѣхъ, кого пощадила война, такъ что нерѣдко погибаетъ такимъ образомъ цѣлое племя.

Такое положеніе вещей поддерживаетъ звѣрскіе военные обычаи, вообще отличающіе дикарей, въ особенности американскихъ. Они сражаются не для одержанія побѣды, а для

уничтоженія непріятеля. Только смертью врага побѣдитель обезпечиваетъ собственную жизнь. При видѣ остервененія, съ которымъ онъ его преслѣдуетъ, и его ужасной мести, кажется, что онъ испытываетъ всѣ муки, которыя предназначались ему самому. Ирокезцы выражаютъ рѣшеніе идти войной немногими словами: «Пойдемъ, съѣдимъ это племя». Когда они обращаются за помощью къ союзнику, то приглашаютъ его отвѣдать крови и мяса своихъ непріятелей. Между Абенаками существуетъ обычай дѣлить воиновъ на нѣсколько отрядовъ при вступленіи въ непріятельскую страну. Главный вождь говоритъ каждому изъ нихъ: «Вамъ я отдаю на съѣденіе вотъ эту хижину, вамъ — эту деревню, и проч.»; и такая рѣчь употребляется между нѣкоторыми племенами, отказавшимися отъ обычая съѣдать своихъ плѣнниковъ. Обычай этотъ, безъ сомнѣнія, существовалъ между многими народами этого материка; и я полагаю, наперекоръ Робертсону, что онъ вызванъ былъ нуждой, хотя впослѣдствіи поддерживался или возобновлялся побужденіями другаго рода. Мнѣ кажется, что объяснять гнусный обычай скорѣе злыми страстями, чѣмъ неумолимымъ дѣйствіемъ нужды, нерѣдко подчиняющей прочія чувства даже между цивилизованными народами, значитъ относиться несправедливо къ природѣ человѣка вообще, и въ особенности человѣка, находящагося въ дикомъ состояніи. Когда же разъ установился обычай подъ вліяніемъ такой причины, то опасеніе сдѣлаться добычей хищнаго врага могло возбудить въ дикарѣ такую месть, что затѣмъ одной этой страсти, независимо отъ голода, достаточно было для побужденія его съѣдать плѣнныхъ, попадавшихъ въ его руки.

Миссіонеры упоминаютъ о многихъ народахъ, употребляющихъ въ пищу человѣческое мясо, если только они могутъ достать его. Быть можетъ, разсказы ихъ нѣсколько и преувеличены. Однако же, они подтверждаются послѣдними путешествіями въ сѣверозападную Америку и описаніемъ К[illegible]ка острова Новой Зеландіи *. Народы, живущіе у про[illegible]ва

* Несмотря на крайнюю осторожность во всѣхъ своихъ повѣствованіяхъ, путешественникъ этотъ выражается такимъ образомъ

Нутки, кажется, людоѣды; говорятъ, что начальникъ округа Макина до того былъ пристрастенъ къ такого рода пиршествамъ, что ежемѣсячно убивалъ одного раба, чтобы удовлетворить своей противуестественной склонности.

Любовь къ жизни присоединяется въ сердцѣ дикаря къ любви къ общинѣ, къ которой онъ принадлежитъ. Безопасность и могущество его племени представляются ему единственнымъ обезпеченіемъ его собственнаго существованія, и обратно, свою безопасность онъ считаетъ какъ бы связанною съ безопасностью всѣхъ. Бѣжать отъ врага, готоваго дать отпоръ, избѣгать битвы, когда жизнь его подвергается опасности, составляетъ часть законовъ чести, которымъ долженъ повиноваться американскій дикарь. Чтобы онъ рѣшился напасть на врага, готоваго къ оборонѣ, для этого необходимо, чтобы онъ убѣжденъ былъ въ вѣрной побѣдѣ: и въ такомъ даже случаѣ каждый боится броситься первый. Главная задача воина состоитъ въ ослабленіи или уничтоженіи непріятельскаго племени съ возможно меньшею потерей для своего собственнаго; онъ и старается достигнуть этой цѣли коварствомъ, неожиданностью и всѣми ухищреніями, какія только въ состояніи придумать. Напасть на непріятеля съ равными силами считается дѣломъ безумнымъ. Погибель въ битвѣ не только не считается славнымъ подвигомъ, но безславіемъ, чернящимъ репутацію воина, ибо она подвергаетъ его упреку въ торопливости и неосмотрительности. Напротивъ того, терпѣливо выжидать свою жертву, выбрать минуту, когда она считаетъ себя въ безопасности или не можетъ оказать сопротивленія, броситься на нее подъ защитой темной ночи,

об этихъ островитянахъ: «Не подлежитъ сомнѣнію, что они пристрастны къ такого рода пищѣ». *Второе Путешествіе*, т. 1, стр. 246. А въ послѣднемъ своемъ путешествіи, говоря о непрерывныхъ войнахъ между ними, онъ прибавляетъ: «Вѣроятно, желаніе хорошенько покушать оказываетъ немалое вліяніе на побужденіе ихъ къ нападенію». Т. I, стр. 137. Прим. автора.

Существованіе этихъ ужасныхъ пиршествъ въ настоящее время не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ описаніяхъ новѣйшихъ путешественниковъ можно найти возмутительныя подробности о людоѣдахъ Южнаго моря. Гарнье.

поджечъ жилище врага, избить живущихъ въ немъ, нагихъ, безоружныхъ и беззащитныхъ—вотъ славные подвиги, вѣчно живущіе въ памяти, о которыхъ каждое племя заботливо сохраняетъ благодарное воспоминаніе.

Легко понять, что такой образъ веденія войны обязанъ своимъ происхожденіемъ затрудненію воспитывать, среди опасностей дикой жизни, гражданъ, способныхъ защищать свою общину. Разрушительныя условія могутъ по временамъ дѣйствовать съ такою силой, что числительность населенія можетъ оказаться ниже уровня, допускаемаго средствами существованія. Но опасеніе американскихъ дикарей, чтобы племя ихъ не ослабѣло, постоянное стремленіе ихъ усилить его служатъ достаточнымъ ручательствомъ, что чаще встрѣчается обратный случай. Еслибы пришлось удовлетворить этому стремленію, то, по всей вѣроятности, страна оказалась бы тѣсной. Но племя, возрастающее въ силѣ, разсчитываетъ на слабость противниковъ, и поддерживаетъ свое размноженіе ихъ уничтоженіемъ. И обратно, уменьшеніе населенія не только не доставляетъ бо́льшаго довольства остающимся въ живыхъ, но подвергаетъ ихъ вторженію сосѣдей, а вслѣдствіе этого — разоренію и голоду.

Хиригуаны составляли первоначально только незначительную отрасль племени Гуарановъ. Они оставили свое отечество, Парагуай, и удалились въ горы Перу. Найдя здѣсь обильныя средства существованія, они быстро размножились, напали на своихъ сосѣдей, и то своею хитростью, то счастіемъ успѣли ихъ уничтожить, захватить ихъ земли и разлиться по огромному пространству. Въ небольшое число лѣтъ числительность ихъ съ трехъ или четырехъ тысячъ возрасла до тридцати тысячъ, между тѣмъ какъ окружавшія ихъ племена все уменьшались голодомъ и войной.

Такіе примѣры служатъ достаточнымъ доказательствомъ быстраго возрастанія населенія, даже между американскими дикарями, при сколько нибудь благопріятныхъ условіяхъ. Они объясняютъ опасеніе каждаго племени, чтобы не уменьшилась его числительность, и нерѣдко замѣчаемое между ними стремленіе увеличить свою силу, для чего вовсе нѣтъ

необходимости прибѣгать къ предположенію о чрезмѣрномъ изобиліи продовольствія.

Нетрудно убѣдиться, что исчисленныя мною причины *, обусловливающія населеніе Америки, зависятъ отъ изобилія или недостаточности средствъ существованія. Это ясно доказывается бо́льшимъ числомъ племенъ и большею ихъ многочисленностью всюду, гдѣ сосѣдство озера или рѣки, плодородіе почвы или лучшая обработка ея доставляютъ болѣе обильную пищу. Внутри провинцій, лежащихъ на берегу Ориноко, можно проѣхать страну по различнымъ направленіямъ и сдѣлать нѣсколько сотъ миль, не встрѣтивъ хижины, не увидѣвъ слѣда человѣческаго. Въ нѣкоторыхъ частяхъ сѣверной Америки, отличающихся болѣе суровымъ климатомъ и менѣе плодородной почвой, пустынныя пространства еще обширнѣе. Здѣсь неоднократно случалось проѣзжать сотни миль по равнинамъ и лѣсамъ совершенно лишеннымъ населенія. Миссіонеры говорятъ о путешествіи въ двѣнадцать дней, не встрѣчая ни одной живой души, и объ огромныхъ пространствахъ, на которыхъ можно встрѣтить не болѣе трехъ или четырехъ разбросанныхъ деревень. Одни изъ этихъ пустынь совсѣмъ лишены дичи, и потому совершенно оставлены. Другія, менѣе бѣдныя ею, посѣщались въ извѣстное время года различными племенами, кочевавшими по нимъ болѣе или менѣе продолжительное время, смотря по успѣшной охотѣ; такъ что эти мѣстности дѣйствительно были населены соотвѣтственно съ количествомъ продовольствія, какое могло быть доставлено ими.

Другія мѣстности Америки представляются болѣе густо заселенными, сравнительно съ тѣми, которыя описаны нами.

* Этихъ причинъ, быть можетъ, было бы слишкомъ достаточно для поддержанія населенія на уровнѣ средствъ существованія. Такъ дѣйствительно и было бы, еслибы то, что́ говорилось о безплодіи туземныхъ женщинъ, было фактомъ повсемѣстнымъ или преобладающимъ. Вѣроятно, что нѣкоторые изъ разсказовъ въ этомъ отношеніи преувеличены. Но и отбрасывая то, что́ можно подозрѣвать въ преувеличеніи, не подлежитъ сомнѣнію, что остается достаточно достовѣрныхъ свидѣтельствъ для несомнѣннаго подтвержденія общаго положенія. Прим. автора.

Таковы берега большихъ сѣверныхъ озеръ, берега Миссисипи, Луизіана и многія провинціи южной Америки. Встрѣчаемыя въ нихъ деревни, по величинѣ и по близкому разстоянію одна отъ другой, соотвѣтствуютъ большему количеству дичи и рыбы, доставляемой территоріей, и успѣхамъ населенія въ земледѣліи. Жители Мексики и Перу, двухъ обширныхъ и многолюдныхъ государствъ, несомнѣнно были одного происхожденія съ окружавшими ихъ дикими народами, и первоначально вели одинакую съ ними жизнь. Но какъ только, вслѣдствіе благопріятныхъ обстоятельствъ, они успѣли сдѣлать нѣкоторые успѣхи въ земледѣліи и распространить его, то населеніе ихъ быстро возросло, несмотря на холодность мужчинъ и на пагубное поведеніе женщинъ. Послѣднее несомнѣнно было улучшено измѣнившимся состояніемъ этихъ народовъ. Болѣе удобная, осѣдлая жизнь должна была усилить ихъ плодородіе и дать имъ возможность воспитывать болѣе многочисленное семейство.

Судя по описаніямъ путешественниковъ, весь американскій материкъ, вообще на всемъ своемъ протяженіи, представляетъ населеніе, разсѣянное по его поверхности въ размѣрахъ количества пищи, какое можетъ оно себѣ добыть при дѣйствительномъ состояніи его способовъ для этого. За немногими исключеніями, населеніе это всюду находится въ границахъ, перейти за которыя оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ. Это доказывается частымъ возвращеніемъ голода и крайнимъ недостаткомъ продовольствія въ разныхъ странахъ этой части земнаго шара.

Робертсонъ представляетъ поразительные примѣры такого рода бѣдствій между дикими народами. Этотъ историкъ приводитъ между прочимъ по этому поводу свидѣтельство Альвара Нунеца Кабесы де-Вака, испанскаго путешественника, жившаго около девяти лѣтъ между дикарями Флориды. Вовсе не зная земледѣлія, они питаются корнями нѣкоторыхъ растеній, которые добываются ими съ большимъ трудомъ. Они пользуются иногда рыбой и дичью, но въ такомъ маломъ количествѣ, что часто испытываютъ голодъ, такъ что принуждены удовлетворять его пауками, муравьиными яицами,

червями, ящерицами, змѣями, а иногда даже особеннаго рода жирной глиной *. Путешественникъ этотъ прибавляетъ: «Я увѣренъ, что еслибы земля ихъ изобиловала камнями, то они глотали бы и ихъ». Они откладываютъ и сохраняютъ кости, которыя затѣмъ толкутъ и ѣдятъ. Единственное время года, когда они не голодаютъ, есть то, когда созрѣваетъ плодъ, похожій на смокву или на родъ колючей груши. Но, отправляясь за нею, имъ приходится далеко удаляться отъ своихъ жилищъ. Въ другомъ мѣстѣ писатель этотъ говоритъ, что народы эти часто остаются совершенно безъ пищи впродолженіи двухъ или трехъ дней.

Эллисъ, въ своемъ путешествіи къ Гудзонову заливу, трогательно изображаетъ страданія, причиняемыя туземцамъ голодомъ. Описавъ суровый климатъ страны, онъ говоритъ: «Но какъ бы ни были велики страданія жителей отъ холода, мы имѣемъ полное право сказать, что страданія эти гораздо менѣе жестоки, чѣмъ тѣ, которыя причиняются имъ недостаткомъ пищи или затрудненіями добыть ее. Въ факторіяхъ разсказываютъ случаи, неподлежащіе сомнѣнію, которые могутъ дать понятіе объ ихъ бѣдствіи и вызвать въ чувствительномъ человѣкѣ глубокое состраданіе». Онъ разсказываетъ затѣмъ жизнь одного несчастнаго туземца и его жены, которые, по окончаніи періода охоты, съѣли сначала всѣ кожи, служившія имъ одеждой, а затѣмъ, вынужденные жестокой крайностью, рѣшились питаться мясомъ собственныхъ дѣтей; дѣйствительно, они привели свое намѣреніе въ исполненіе, и двухъ изъ нихъ съѣли. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Случалось иногда, что туземцы, приходившіе лѣтомъ торговать съ факторіями, обманутые тѣми, которые взялись прокормить ихъ во время пути, принуждены были снять мѣхъ съ нѣсколькихъ тысячъ бобровыхъ шкуръ, чтобы употребить въ пищу ихъ кожу».

* Въ настоящее время извѣстно нѣсколько мѣстностей, въ которыхъ встрѣчается подобная съѣдобная глина. Подъ микроскопомъ въ ней оказывается безчисленное множество мелкихъ животныхъ, называемыхъ инфузоріями, которыя и дѣлаютъ ее питательной. Гарнье.

Аббатъ Реналь, который, сравнивая жизнь дикаря съ жизнью цивилизованной, постоянно говоритъ самыя непослѣдовательныя вещи, нерѣдко утверждаетъ, что дикари нисколько не тревожатся опасеніями, что могутъ встрѣтить недостатокъ въ средствахъ существованія; а при описаніи канадскихъ народовъ, онъ упоминаетъ, что хотя они и живутъ въ странѣ, богатой дичью и рыбой, тѣмъ неменѣе, они лишены ихъ въ извѣстное время года, иногда впродолженіи даже нѣсколькихъ лѣтъ, и въ такомъ случаѣ голодъ производитъ страшныя опустошенія между этими разъединенными племенами, слишкомъ удаленными одно отъ другаго, чтобы они могли оказать другъ другу помощь.

Шарльвуа, говоря о трудахъ и лишеніяхъ миссіонеровъ, замѣчаетъ, что часто они блѣднѣютъ предъ болѣе жестокимъ зломъ, въ сравненіи съ которымъ всѣ бѣдствія ихъ почти ничтожны. Зло это—голодъ. Дикари, могутъ, правда, говоритъ онъ, переносить голодъ съ такимъ же терпѣніемъ, какое нерадѣніе и непредусмотрительность выказываютъ для его предупрежденія; тѣмъ не менѣе, они доводятся имъ иногда до такой крайности, которая превышаетъ ихъ силы.

Между американскими племенами, не исключая и тѣхъ, которыя сдѣлали нѣкоторые успѣхи въ земледѣліи, существуетъ общераспространенный обычай, расходиться въ извѣстное время года по лѣсамъ и кормиться впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ охотой, которая такимъ образомъ становится для нихъ важной частью ихъ доходовъ и средствъ для существованія. Оставаясь по деревнямъ, они неизбѣжно подверглись бы голоду, но и расходясь по лѣсамъ, они не могутъ быть увѣрены, что избѣгнутъ этого бича. Самые ловкіе охотники остаются иногда безъ дичи, хотя бы послѣдней и довольно было въ лѣсахъ; а въ такомъ случаѣ охотникъ или путешественникъ подвергаются всѣмъ ужасамъ голода. Во время своей охоты туземцы остаются иногда по три и по четыре дня безъ всякой пищи.

Одинъ миссіонеръ разсказываетъ о нѣсколькихъ Ирокезцахъ, которые въ такомъ случаѣ, послѣ того какъ просуществовали нѣкоторое время кожами, служившими имъ одеждой,

башмаками и древесной корой, тѣмъ не менѣе приведены были наконецъ въ отчаянное положеніе, и должны были принести въ жертву нѣсколькихъ человѣкъ, чтобы спасти остальныхъ. Изъ одинадцати человѣкъ спаслось такимъ образомъ только пять.

Туземцы многихъ мѣстностей южной Америки часто испытываютъ нужду, и нерѣдко гибнутъ отъ голода. Американскіе острова, несмотря на богатство своихъ естественныхъ произведеній, не доставляютъ большее количество пищи, чѣмъ сколько необходимо для ихъ народонаселенія. Небольшое число испанцевъ, по прибытіи въ какую нибудь мѣстность, немедленно вызывало въ ней недостатокъ продовольствія. Цвѣтущая мексиканская имперія была снабжена не лучше: Кортесъ часто встрѣчалъ затрудненіе для продовольствованія своего небольшаго отряда. Миссіонерскія заведенія въ Парагуаѣ, подъ предусмотрительнымъ управленіемъ іезуитовъ, несмотря на частыя эпидеміи, уменьшавшія ихъ населеніе, невсегда находились внѣ нужды. Говорятъ, что въ заведеніи св. Михаила, туземное населеніе размножилось до такой степени, что обработываемыя земли не доставляли и половины хлѣба, необходимаго для его продовольствія. Продолжительныя засухи нерѣдко губили въ немъ, скотъ и уничтожали жатвы. Вслѣдствіе такихъ обстоятельствахъ, нѣкоторыя изъ этихъ миссіонерскихъ колоній приведены были въ крайнюю нищету, и неизбѣжно погибли бы отъ голода, еслибы къ нимъ не поспѣшили съ помощью сосѣднія заведенія.

Послѣднія путешествія на сѣверозападные берега Америки подтверждаютъ въ этомъ отношеніи прежнія извѣстія, и въ особенности показываютъ, до какой степени рыбная ловля, представляющая, повидимому, неистощимый запасъ продовольствія, оказывается источникомъ ненадежнымъ. На берегахъ Нутки море почти никогда не покрывается льдомъ совершенно. Но по заботѣ о заготовленіи продовольствія на зиму, можно судить, что въ морѣ ощущается въ извѣстное время года недостатокъ въ рыбѣ, и что тогда болѣе всего грозитъ голодъ. Это и случилось въ зиму съ 1786 на 1787 годъ во время пребыванія тамъ Макая. Продолжительная

суровая зима вызвала настоящій голодъ. Запасъ сушеной рыбы весь истощился, и не было никакого средства добыть свѣжей провизіи. Продовольствіе стали выдавать жителямъ по порціямъ. Начальники ежедневно распредѣляли и между англичанами приходившуюся на ихъ долю порцію, состоявшую изъ семи штукъ сельдей. Миресъ говоритъ, что подробное описаніе ихъ страданій, помѣщенное въ журналѣ этого мореплавателя, привело бы человѣчество въ ужасъ.

Капитанъ Ванкуверъ упоминаетъ о нѣсколькихъ народахъ къ сѣверу отъ Нутки, питающихся раковинами и особеннаго рода тѣстомъ изъ сосновой коры. Тѣмъ неменѣе, нѣсколько человѣкъ изъ его экипажа встрѣтили однажды небольшую толпу туземцевъ, имѣвшихъ съ собою запасъ плоскушки*. Но дикари ни за что не соглашались уступить хоть небольшое ея количество. Путешественникъ замѣчаетъ, что подобный отказъ, несмотря ни на какія предложенія со стороны европейцевъ, почти невстрѣчающійся между дикарями, можетъ служить доказательствомъ, какъ рѣдко и трудно добывается такого рода продовольствіе. Въ 1794, по свидѣтельству того же путешественника, въ проливѣ Нуткѣ былъ большой недостатокъ въ рыбѣ, которая продавалась по чрезвычайно высокой цѣнѣ. Зимняго запаса ея не хватило по нерадѣнію или по дурному улову.

Лаперузъ, описывая туземцевъ въ окрестностяхъ Французскаго порта, говоритъ, что лѣтомъ они живутъ въ изобиліи рыбной ловлей, а зимой подвергаются голодной смерти.

Нельзя, поэтому, повѣрить лорду Кайму, что американскія племена еще недостаточно размножились, чтобы почувствовать охоту къ жизни пастушеской или земледѣльческой. Какія нибудь особенныя условія препятствуютъ имъ воспользоваться, какъ слѣдуетъ, такими вѣрными средствами для добыванія себѣ пищи, а вслѣдствіе этого, и увеличить свое населеніе. Еслибы достаточно было одного голода для побужденія американскихъ дикарей измѣнить свой образъ жизни,

* Особенная порода рыбы, въ родѣ камбалы, водящаяся въ особенности въ сѣверныхъ моряхъ.

то я не могу понять, какимъ образомъ могло бы остаться на материкѣ хоть одно охотничье или рыболовное племя. Но чтобы вызвать такую перемѣну, очевидно, что, кромѣ такого могущественнаго побужденія, необходимъ еще рядъ особенно благопріятныхъ обстоятельствъ. Вѣроятно, искуство добывать себѣ продовольствіе обработкою земли появилось и усовершенствовалось сначала въ странахъ, болѣе всего удобныхъ для земледѣлія, положеніе и плодородіе которыхъ допускало скопленіе значительнаго числа людей, ибо при такихъ только условіяхъ и возможно было развитіе изобрѣтательности.

Между нѣкоторыми американскими народами господствуетъ полное равенство имуществъ, такъ что всѣ бѣдствія дикой жизни распредѣляются между ними равномѣрно, въ особенности бѣдствія, причиняемыя голодомъ. Но между нѣкоторыми, болѣе южными племенами, въ Боготѣ и между Натчезами, въ особенности въ Мексикѣ и Перу, стало уже водворяться неравенство имуществъ. Несомнѣнно, поэтому, что въ случаѣ недостатка продовольствія, низшіе классы, находящіеся въ совершенномъ рабствѣ, страдаютъ всего болѣе: на нихъ главнымъ образомъ обрушивается этотъ страшный бичъ.

Необыкновенное уменьшеніе народонаселенія между туземными народами Америки со времени ея открытія, быть можетъ, представится на первый взглядъ какъ бы опроверженіемъ того, что было сказано нами объ энергіи закона народонаселенія. Но, поразмысливъ, нетрудно убѣдиться, что это явленіе зависитъ отъ трехъ указанныхъ нами великихъ причинъ. Препятствія, оказывающія противудѣйствіе размноженію населенія, то разрушеніемъ, то предупрежденіемъ этого размноженія, могутъ дѣйствовать съ такою силой, что дадутъ ему ретроградное движеніе.

Уже на одну страсть этихъ народовъ къ спиртнымъ напиткамъ, для изображенія которой Шарльвуа не находитъ словъ, можно смотрѣть, какъ на порокъ, достаточный для объясненія замѣченнаго обезлюденія; ибо страсть эта нетолько дѣйствуетъ, какъ ядъ, разслабляющій и убивающій ихъ, но и непосредственно подтачиваетъ источники возпроизведенія, и вызываетъ ссоры и драки, имѣющія почти всегда пагубный исходъ. Къ этому слѣдуетъ присоединить, что столкновеніе съ европейцами всюду почти понизило мужество туземцевъ, придало ихъ дѣятельности ложное направленіе, и тѣмъ самымъ уменьшило средства для ихъ существованія. На Санъ-Доминго туземцы съ умысломъ пренебрегали обработкой своихъ земель, чтобы заморить голодомъ своихъ жестокихъ притѣснителей. Въ Перу и Чили туземцевъ принудили рыться въ нѣдрахъ земли, вмѣсто того чтобы оплодотворять ея поверхность. Между сѣверными племенами страсть къ водкѣ направила всю ихъ дѣятельность къ добыванію мѣховъ; а это отклонило ихъ вниманіе отъ увеличенія средствъ для своего существованія, и привело къ быстрому уничтоженію пушнаго звѣря. Въ самомъ дѣлѣ, весьма вѣроятно, что во всѣхъ частяхъ Америки, въ которыя только проникли европейцы, дикія животныя уменьшились въ своемъ числѣ почти въ такихъ же размѣрахъ, какъ и люди*. Любовь къ земледѣлію всюду скорѣе ослабѣла, чѣмъ усилилась, между тѣмъ какъ можно было бы расчитывать на противуположные результаты отъ сношеній, завязавшихся между дикарями и земледѣльческими народами. Но нигдѣ въ Америкѣ, ни на сѣверѣ, ни на югѣ, не слышно, чтобы вслѣдствіе уменьшенія населенія жизнь стала бы легче, а средства для существованія обильнѣе.

---

* Всеобщее распространеніе между туземцами огнестрѣльнаго оружія вѣроятно не мало содѣйствовало уменьшенію числа дикихъ животныхъ въ Америкѣ. Прим. автора.

Глава эта подтверждаетъ тѣ мысли, которыя высказаны мною въ статьѣ о Мальтусѣ. Что американскіе дикари гибнутъ отъ голода и недостатка пищи—это не подлежитъ сомнѣнію: но ничто во всей этой главѣ не доказываетъ, чтобы недостатокъ этотъ обусловливался естественными законами и скаредностью природы. По основному воззрѣнію Мальтуса, дикарю слѣдуетъ уменьшить свою воспроизводительную способность, и подчиниться суровымъ велѣніямъ судьбы. Изъ моихъ же воззрѣній вытекаетъ, что главное дѣло тутъ въ развитіи дикаря: каждый шагъ его впередъ въ этомъ отношеніи непремѣнно будетъ сопровождаться, какъ расширеніемъ средствъ существованія, такъ и размноженіемъ населенія—то есть, діаметрально наперекоръ воззрѣнію Мальтуса. Рус. перев.

Итакъ, мы имѣемъ право сдѣлать заключеніе, даже изъ той неполной картины, какая представлена нами, что, несмотря на столько разрушительныхъ условій, дѣйствующихъ на этомъ обширномъ материкѣ, населеніе занимающихъ его различныхъ народовъ, за весьма немногими исключеніями, находится на уровнѣ тѣхъ средствъ существованія, какія, при настоящемъ состояніи промышленности, могутъ быть добыты этими народами.

ГЛАВА V. — О препятствіяхъ для размноженія народонаселенія на островахъ Южнаго моря.

Говоря о древнемъ состояніи Британскихъ острововъ и объ островитянахъ вообще, аббатъ Реналь выражается такимъ образомъ: «Здѣсь возникло множество странныхъ обычаевъ, представляющихъ препятствіе для размноженія народонаселенія: людоѣдство, оскопленіе мужчинъ, изуродованіе женщинъ, супружества въ преклонномъ возрастѣ, обѣты цѣломудрія, уженіе къ безбрачной жизни, страшныя наказанія дѣвушекъ, поспѣшившихъ сдѣлаться матерями*.

Отсюда, говоритъ этотъ писатель, обычаи эти, вызванные чрезмѣрнымъ населеніемъ, распространились по материкамъ, на которыхъ еще и до настоящаго времени наблюдатели занимаются изслѣдованіями о ихъ происхожденіи. Онъ не замѣтилъ, что любое племя дикарей на американскомъ материкѣ, окруженное непріязненными племенами или цивилизованнымъ и многолюднымъ народомъ, сдерживаемое со всѣхъ сторонъ сосѣдями, во всемъ сходными съ нимъ, находится во многихъ отношеніяхъ въ такомъ же положеніи, какъ эти островитяне. Хотя препятствія, останавливающія его народонаселеніе, менѣе бросаются въ глаза и менѣе опредѣленны,

* Матерьялами для этой главы послужили: Реналя, *Исторія Индіи.*—Кука, *Путешествія.*—*Исторія морскихъ путешествій въ южныя страны.*—*Путешествіе миссіонеровъ.*—Бугенвиля, *Путешествіе вокругъ свѣта.*—Ванкувера, *Путешествіе.*—Ла-Перуза, *Путешествіе.*—Гарриса, *Собраніе путешествій.*—*Путешествіе за Лаперузомъ.*

хотя имъ легче ускользнуть отъ наблюденія на материкѣ, чѣмъ на островахъ, тѣмъ неменѣе, они столь же дѣйствительны и неодолимы. Человѣкъ, вслѣдствіе нужды оставляющій на материкѣ народъ, къ которому онъ принадлежитъ, нисколько не можетъ быть увѣренъ, что найдетъ большее обезпеченіе между другимъ народомъ. Безъ сомнѣнія, нѣтъ между островами ни одного, произведенія котораго не могли бы быть увеличены. То же самое можно сказать и о всемъ земномъ шарѣ. Каждый островъ, подобно всей остальной землѣ, содержитъ ровно столько населенія, сколько въ состояніи прокормить его дѣйствительныя произведенія. Но такъ какъ на островахъ, въ особенности на маленькихъ, ограниченное число жителей прямо бросается въ глаза, и такъ какъ количество населенія не можетъ быть неизвѣстно, то изслѣдованіе препятствій, останавливающихъ на нихъ размноженіе людей, можетъ принести нѣкоторую пользу, если мы изберемъ для примѣра такіе острова, о которыхъ мы имѣемъ ясныя и достовѣрныя извѣстія. Въ первомъ путешествіи Кука мы находимъ такой вопросъ относительно рѣдкаго населенія Новой Голландіи: «Какимъ образомъ, спрашиваетъ онъ, племена этой страны доведены были до того числа, какое только можетъ быть прокормлено ею?» Мы имѣемъ право сдѣлать такой же вопросъ относительно многолюдныхъ острововъ Южнаго моря и самыхъ населенныхъ странъ Европы и Азіи. Вопросъ этотъ, съ общей точки зрѣнія, кажется мнѣ весьма любопытнымъ, и можетъ пролить свѣтъ на нѣкоторыя темныя, но въ высшей степени интересныя условія общественной жизни. Разъясненіе этого вопроса и составляетъ главный предметъ историческихъ изслѣдованій, содержащихся въ первой части этого сочиненія.

Мы мало имѣемъ свѣдѣній о большихъ островахъ Новой Гвинеи, Новой Британіи, Новой Каледоніи, Новыхъ Гебридовъ. Вѣроятно общество находится на нихъ на такой же степени развитія, какъ и между американскими дикарями. Они населены, повидимому, различными племенами, находящимися въ вѣчной войнѣ между собою. Начальники ихъ не пользуются большою властью; а какъ собственность не имѣетъ между

ними никакого обезпеченія, то кажется, что они и не собираютъ большихъ запасовъ продовольствія. Намъ извѣстенъ нѣсколько лучше большой островъ Новой Зеландіи. Но то, что мы знаемъ, не даетъ выгоднаго понятія о степени развитія, до которой достигло на немъ общество. Кукъ представляетъ его въ трехъ своихъ путешествіяхъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Постоянная вражда между племенами, населяющими этотъ островъ, отличается еще болѣе дикимъ характеромъ, чѣмъ войны между американскими дикарями. Господствующій между этими племенами обычай употреблять въ пищу человѣческое мясо, даже пристрастіе ихъ къ этой отвратительной пищѣ, подтверждается самыми несомнѣнными свидѣтельствами. Кукъ, вовсе не отличающійся преувеличеніемъ пороковъ дикихъ племенъ, говоря о туземцахъ, живущихъ у пролива Королевы Шарлоты, замѣчаетъ: «Еслибы я послѣдовалъ совѣту всѣхъ нашихъ самозванныхъ друзей, мнѣ пришлось бы истребить все племя этихъ островитянъ; ибо каждая деревня, каждая хижина поочередно обращались ко мнѣ съ просьбой разрушить какое нибудь сосѣднее поселеніе. Я никогда не повѣрилъ бы, чтобы вражда, разъединяющая эти племена, могла простираться до такой степени». Въ той же главѣ мы находимъ: «На основаніи собственныхъ моихъ наблюденій и свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ Тавейгарооа, я полагаю, что туземцы Новой Зеландіи живутъ среди постояннаго страха, что будутъ уничтожены своими сосѣдями. Нѣтъ ни одного почти племени, которое не считало бы себя обиженнымъ и оскорбленнымъ со стороны другаго племени, и потому, каждое только и занято планами объ отмщеніи. Весьма возможно также, что надежда на пиршество еще болѣе возбуждаетъ эту ненависть... Способъ приведенія въ исполненіе ихъ мрачныхъ замысловъ всегда одинъ и тотъ же: они нападаютъ на своего врага ночью. Если они захватятъ его врасплохъ, что случается, я полагаю, рѣдко, то они убиваютъ всѣхъ, не различая ни возраста, ни пола. По окончаніи убійствъ, они празднуютъ свою побѣду на полѣ битвы, и обжираются добытой обильной пищей. Иногда же они уносятъ тѣла убитыхъ, чтобы съѣсть ихъ на досугѣ въ собственныхъ жилищахъ, и

въ сопровожденіи такого дикаго звѣрства, отъ описанія котораго отказывается перо... Они не знаютъ обычая ни давать пощаду, ни брать въ плѣнъ: бѣгство есть единственное средство спасенія для побѣжденнаго. Эти непрерывныя войны и способъ веденія ихъ развиваютъ въ населеніи такую осторожность, что день и ночь каждый держитъ себя на сторожѣ».

Всѣ эти замѣчанія приведены Кукомъ въ описаніи третьяго его путешествія, въ которомъ не могли остаться неисправленными ошибки предшествовавшихъ путешествій. Они доказываютъ, что въ Новой Зеландіи война есть главное препятствіе для размноженія населенія. Мы не знаемъ, существуютъ ли между туземными женщинами обычаи, которые оказывали бы такое же дѣйствіе. Если они существуютъ, то могутъ быть вызываны только недостаткомъ пищи, ибо каждое племя естественно должно желать увеличенія числа своихъ членовъ, чтобы усилить средства для нападенія и обороны. Мы можемъ только сказать, что бродячая жизнь, которую ведутъ жители этихъ южныхъ острововъ, и постоянная тревога, вынуждающая ихъ ни на минуту не покидать оружія, представляютъ крайне неблагопріятныя условія для беременныхъ женщинъ, недозволяющія послѣднимъ имѣть большое число дѣтей.

Но какъ бы могущественны ни были эти препятствія для размноженія населенія, частыя появленія голода доказываютъ, что они все еще недостаточны для приведенія числа жителей къ уровню, допускаемому средствами существованія. «Въ существованіи періодическаго голода, говоритъ Кукъ, насъ убѣдили самымъ несомнѣннымъ образомъ наши наблюденія». Главную пищу дикарей составляетъ рыба: но такъ какъ ее можно добывать только на берегу моря и только въ извѣстное время года, то она не представляетъ надежнаго средства. При постоянной тревогѣ, отличающей ихъ жизнь, сушить ее и заготовлять впрокъ значительное ея количество должно быть крайне затруднительно, въ особенности, если болѣе всего изобилующіе рыбой заливы и бухты, составляютъ, какъ мы должны предположить, самый естественный поводъ къ ссорамъ, и если завладѣніе ими сопряжено съ тѣми неистовствами, которыми отличаются всѣ предпріятія этихъ племенъ, только

и помышляющихъ о томъ, чтобы не умереть съ голоду. Изъ растеній они употребляютъ въ пищу папоротниковый корень, ямсъ, *клямъ* *, и пататы. Послѣднія три породы требуютъ воздѣлыванія, и потому, встрѣчаются въ небольшомъ только количествѣ на островахъ этой части Южнаго океана, на которыхъ почти вовсе не имѣютъ понятія о земледѣліи. Если, вслѣдствіе неблагопріятной погоды, изчезаютъ эти скудныя средства, то можно себѣ представить то ужасное бѣдствіе, которое постигаетъ эти жалкія племена. При такихъ условіяхъ не подлежитъ сомнѣнію, что желаніе заглушить голодъ должно усиливать ихъ обыкновенную привычку къ мщенію; такъ что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что «они только и заняты уничтоженіемъ другъ друга, какъ единственнымъ средствомъ спастись отъ голодной смерти».

Если мы перенесемся съ безлюдныхъ береговъ Новой Зеландіи на населенный Отаити и на прочіе острова Товарищества, то увидимъ другую картину. Здѣсь невозможны никакія опасенія голода. Путешественники, говоря объ этихъ странахъ, называютъ ихъ земнымъ раемъ, и не нахвалятся ихъ плодородіемъ. Но достаточно одной минуты размышленія, чтобы измѣнить это мнѣніе. Довольство и счастіе всегда принимаются за самыя вѣрныя средства для размноженія населенія. Въ благословенномъ климатѣ, незнающемъ никакихъ болѣзней, гдѣ женщина не обременена чрезмѣрными трудами, средства эти должны дѣйствовать съ большей энергіей, чѣмъ въ странѣ, находящейся въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ. А если это такъ, то какимъ образомъ племя, ограниченное небольшой территоріей, можетъ не быть стѣснено въ своемъ населеніи? Кукъ былъ пораженъ, узнавъ, что на Отаити, имѣющемъ неболѣе полутораста верстъ въ окружности, находилось по его разсчету болѣе двухсотъ тысячъ жителей. Но какимъ же образомъ могло бы помѣститься на немъ болѣе трехъ мильоновъ, число, до котораго достигло бы населеніе только черезъ столѣтіе, при предположеніи, что

* По англійски *clam*. Намъ не извѣстно, что это за растеніе. Пататы, въ настоящемъ случаѣ, есть какой нибудь видъ картофеля.

оно будетъ удвоиваться каждые двадцать пять лѣтъ *? Такіе же вопросы мы можемъ сдѣлать и относительно прочихъ острововъ архипелага. Переѣхать съ одного острова на другой значило бы только перемѣнить мѣсто, не улучшая этимъ своего положенія. Дѣйствительное же выселеніе, какъ и ввозъ чужеземныхъ произведеній, невозможны по самой природѣ этихъ острововъ и по состоянію ихъ мореплаванія.

Затрудненіе сводится въ настоящемъ случаѣ въ самыя тѣсныя рамки; оно до такой степени очевидно, точно и неодолимо, что не допускаетъ никакихъ сомнѣній. Противъ него нельзя возражать, какъ это обыкновенно дѣлается, неопредѣленными и неосновательными доводами о выселеніи и улучшеніи земледѣлія. Первое невозможно, а второе очевидно недостаточно. Поэтому, мы смѣло можемъ предположить, что населеніе на этомъ архипелагѣ не можетъ удваиваться каждыя двадцать пять лѣтъ. Не входя даже въ какія либо изслѣдованія о настоящемъ состояніи на немъ общества, мы впередъ увѣрены, что найдемъ въ образѣ жизни этого племени, если только по какому либо чуду, женщины не утратили на немъ своего плодородія, какое нибудь могущественное противудѣйствіе размноженію населенія.

Всѣ извѣстія объ Отаити и объ окружающихъ его островахъ говорятъ о существованіи на нихъ общества, извѣстнаго подъ именемъ Эареи, возбудившаго справедливое удивленіе цивилизованныхъ народовъ. Общество это такъ часто описывалось, что въ настоящемъ случаѣ достаточно упомянуть, что дѣтоубійство и проституція составляютъ основные его законы. Оно составляется исключительно изъ лицъ, принадлежащихъ къ высшимъ сословіямъ, и, по словамъ Андерсона **, такая развратная жизнь

* Я не сомнѣваюсь, что періодъ удвоенія населенія долженъ быть короче, при предположеніи, что будутъ отстранены всѣ препятствія, нарушающія естественный порядокъ вещей. Еслибы населеніе Отаити состояло изъ ста мущинъ и ста женщинъ, и еслибы введено было на немъ строгое одноженство, то, при настоящемъ его плодородіи, я полагаю, что въ пять или шесть такихъ періодовъ населеніе его превзошло бы нынѣ существующее, и что оно удваивалось бы каждые пятнадцать лѣтъ. Прим: автора.

** Андерсонъ участвовалъ въ послѣднемъ путешествіи Кука въ ка-

до того согласуется съ ихъ склонностями и привычками, что лица обоихъ половъ, замѣчательнѣйшія по своей красотѣ, во время своей молодости ведутъ такую жизнь, которая вызвала бы презрѣніе между самыми дикими племенами. Если женщина, принадлежащая къ Эареѣ, родитъ, то ко рту и къ носу новорожденнаго прикладываютъ кусокъ смоченной матеріи, который тотчасъ же задушаетъ его. На это Кукъ замѣчаетъ: «Не подлежитъ сомнѣнію, что эти общества въ значительной степени предупреждаютъ размноженіе населенія между высшими классами народа.» Справедливость этого замѣчанія не подлежитъ сомнѣнію.

Между низшими классами народа не было замѣчено такихъ учрежденій. Но пороки, допускаемые въ высшихъ слояхъ, обыкновенно находятся въ большомъ распространеніи и между простымъ народомъ. Дѣтоубійство свойственно не однимъ Эареямъ. Оно одинаково дозволено всѣмъ: и какъ по обычаямъ высшихъ классовъ, преступленіе это, какъ мѣра, вынужденная бѣдностью, не сопровождается никакимъ позоромъ, то къ нему прибѣгаютъ скорѣе по обычаю, чѣмъ изъ крайности. Вотъ почему дѣтоубійство находится во всеобщемъ распространеніи на этихъ островахъ, и ничѣмъ не стѣсняется, какъ самый обыкновенный и всѣми принятый обычай.

Юмъ весьма справедливо замѣчаетъ *, что дозволеніе дѣтоубійства вообще содѣйствуетъ размноженію населенія. Уничтоженіемъ опасенія многочисленной семьи, оно поощряетъ браки, а вслѣдствіе естественной материнской любви, къ такой печальной мѣрѣ прибѣгаютъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Учрежденіе обществъ Эареи на Отаити и на сосѣднихъ островахъ вѣроятно представляетъ исключеніе изъ общаго правила, и произвело противуположное дѣйствіе.

Между низшими классами общества господствуетъ проституція и развратъ. Хотя разсказы путешественниковъ, быть

честьѣ хирурга и естествоиспытателя. Кукъ и всѣ офицеры экспедиціи высоко цѣнили его дарованія и добросовѣстность; такъ что слова его не могутъ подлежать, сомнѣнію. Прим. автора.

* Юмъ, *Опыты*, т. I, стр. 431, из. 1784.

можетъ, и преувеличены въ этомъ отношеніи, тѣмъ неменѣе, нельзя отвергнуть совершенно ихъ свидѣтельства *. Кукъ, стараясь извинить отаитскихъ женщинъ, и оградить ихъ отъ поголовнаго обвиненія въ развратной жизни, все таки признаетъ, что число безпорядочныхъ женщинъ гораздо значительнѣе здѣсь, чѣмъ гдѣ либо. При этомъ случаѣ онъ дѣлаетъ характеристическое замѣчаніе: что женщины, ведущія безпорядочную жизнь, нисколько не теряютъ своего положенія въ обществѣ, и пользуются одинаковымъ уваженіемъ съ женщинами безупречнаго поведенія **.

Бракъ заключается въ Отаити безъ всякихъ церемоній, кромѣ подарка со стороны жениха родителямъ невѣсты. Для послѣднихъ это скорѣе родъ платы за позволеніе начать связь съ нхъ дочерью, чѣмъ брачный договоръ. Если отецъ полагаетъ, что ему недовольно заплатили за дочь, то онъ не задумываясь приказываетъ ей оставить мужа, и отдаетъ ее другому, болѣе щедрому. Мужъ пользуется полнымъ правомъ выбрать себѣ новую жену. Если жена его станетъ матерью,

* Луи Рейбо, въ сочиненіи своемъ *Voyages et Marines*, на стр. 128, такимъ образомъ описываетъ времяпрепровожденіе экипажа Артемизы въ 1839, во время починки корабля: «Островъ, названный Бугенвилемъ новою Цитерой, вполнѣ оправдалъ свое имя. Пребываніе на Таити было длиннымъ рядомъ мимолетныхъ чувственныхъ любовныхъ удовольствій. Папе-нти представлялъ настоящій сераль, за исключеніемъ господствующаго въ послѣднемъ насилія. Съ наступленіемъ вечера каждое дерево на берегу охраняло влюбленную пару, а ручей служилъ убѣжищемъ цѣлому рою бронзовыхъ наядъ, являвшихся для забавъ съ гардемаринами фрегата. Сколько мгновенно завязывавшихся и столь же быстро разрывавшихся связей! Сколько странныхъ сдѣлокъ, въ которыхъ принимали участіе отцы, братья, мужья, и съ которыхъ взимали родъ десятины сами миссіонеры подъ видомъ штрафа! Гарнье.

** Вотъ убѣдительныя подробности о дворѣ царствующей королевы изъ вышеприведеннаго сочиненія: «Овдовѣвъ девятнадцати лѣтъ, королева (Помаре) вышла замужъ за пятнадцатилѣтняго молодаго человѣка, и собрала вокругъ себя все развратное населеніе мужчинъ на Таити. Снова водарились самые разжигающія пляски, самыя возбудительныя церемоніи, самыя сладострастныя пѣсни.» И все это на глазахъ лютеранскихъ миссіонеровъ, и несмотря на принятіе христіанства. Гарнье.

*

онъ можетъ погубить ребенка и продолжать жить съ нею, или, если ему забрагоразсудится, бросить ее. Только въ случаѣ усыновленія имъ ребенка, которому онъ согласился оставить жизнь, мужъ и жена считаются связанными брачными узами. Но это не лишаетъ мужа права избрать вторую жену, болѣе молодую. Обыкновенно, впрочемъ, просто расходятся и перемѣняютъ связь; такое явленіе есть дѣло до того обыкновенное, что оно проходитъ незамѣченнымъ. Свободная жизнь до супружества нисколько не вредитъ брачному союзу.

Уже однихъ такихъ нравовъ достаточно для уничтоженія вліянія благодатнаго климата и самой плодородной почвы. Но существуютъ и другія препятствія. Между населеніемъ различныхъ острововъ происходятъ частыя войны; нерѣдко также подымаются и внутреннія распри. Тѣ и другія дѣйствуютъ самымъ опустошительнымъ образомъ. Кромѣ погибшихъ въ сраженіяхъ людей, должно принять въ разсчетъ и опустошенія, производимыя побѣдителемъ на территоріи своихъ непріятелей. Онъ забираетъ свиней и живность, и уничтожаетъ всѣ средства существованія. Въ 1767 и 1768 островъ Отаити изобилованъ свиньями и птицей, а въ 1773 животныя эти были такъ рѣдки, что не знали, какъ уговорить продать ихъ тѣхъ, у кого они еще оставались. Кукъ приписываетъ эту скудость войнѣ, которая разорила страну въ этотъ промежутокъ времени. Когда Ванкуверъ возвратился въ Отаити въ 1791, то не засталъ въ живыхъ многихъ изъ своихъ друзей, оставленныхъ имъ въ 1777. Въ этотъ промежутокъ времени произошло нѣсколько войнъ; начальники западныхъ округовъ присоединились къ непріятелю; король былъ разбитъ на голову, а государство его окончательно разорено. Большая часть животныхъ, растеній и овощей, оставленныхъ Кукомъ, была уничтожена во время этого разоренія *.

Существующія на Отаити человѣческія жертвоприношенія ясно свидѣтельствуютъ о варварскомъ состояніи общества; но вѣроятно они никогда не бываютъ на столько многочисленны, чтобы могли дѣйствовать на уменьшеніе народонаселенія. Болѣзни, которымъ подвергались жители до прибытія европейцевъ, вообще не отличались злокачественнымъ характеромъ; и даже съ тѣхъ поръ какъ европейцы познакомили ихъ съ болѣе тяжкими страданіями, послѣднія никогда не дѣйствовали съ особенной энергіей.

* Съ 1814 власть захватили миссіонеры, и содѣйствовали введенію на островахъ большей цивилизаціи. Гарнье.

Главныя препятствія, останавливающія между ними размноженіе населенія, повидимому, суть проституція, дѣтоубійство и война, и каждое изъ нихъ дѣйствуетъ съ неодолимой силой. Но съ какой бы энергіей ни дѣйствовали причины предупреждающія или уничтожающія населеніе, все же онѣ всегда были безсильны для приведенія числа жителей къ уровню, допускаемому средствами существованія. «Несмотря на плодородіе * острова, говоритъ Андерсонъ, на немъ часто случается голодъ, который, какъ увѣряютъ, губитъ много людей. Но вызывается ли онъ войной, неурожаемъ или чрезмѣрнымъ населеніемъ, я не могъ опредѣлить этого явленія, которое, тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію. Справедливость моего замѣчанія доказывается запасами продовольствія, заготовляемаго населеніемъ даже во времена изобилія.» Обѣдая у начальника Уликтеа, Кукъ замѣтилъ, что какъ только обѣдавшіе встали, то многіе изъ простаго народа немедленно бросились подбирать упавшія на землю крошки, и заботливо отыскивали ихъ между листьями. На суда ежедневно приходили люди, предлагавшіе поварамъ свои услуги за внутренности убитыхъ свиней. Кажется, что они вообще не знали лучшаго блюда. «Должно согласиться, говоритъ Кукъ, что они обращаются съ особенной заботливостью съ питательными веществами, и не теряютъ ничего изъ того, что можетъ служить пищею для человѣка, въ особенности же изъ мяса или рыбы.

По словамъ Андерсона, низшіе классы народа употребляютъ, повидимому, весьма незначительное количество жи-

* Пандановое или хлѣбное дерево покрываетъ островъ огромными лѣсами, а плодъ его, говорятъ, принадлежитъ къ самымъ вкуснымъ. Растительная природа острова вообще чрезвычайно роскошна, и не требуетъ никакихъ попеченій. Гарнье.

вотной пищи, и то только рыбы, икры и нѣкоторыхъ другихъ произведеній океана. Что касается до свинины, то ее употребляютъ чрезвычайно рѣдко. Только король или главный начальникъ острова имѣетъ средства употреблять ее ежедневно — такая это роскошь. Второстепенные начальники, смотря по своему богатству, ѣдятъ ее разъ въ недѣлю, въ двѣ недѣли или въ мѣсяцъ. Когда свиньи и птица становятся рѣдки, вслѣдствіе войны или чрезмѣрнаго ихъ потребленія, то запрещается употребленіе ихъ въ пищу. Такое запрещеніе длится нѣсколько мѣсяцевъ, а иногда годъ или два, впродолженіе которыхъ животныя эти плодятся и размножаются. Обыкновенная же пища, даже Эареевъ, то-есть, знатнѣйшихъ людей острова, на девять десятыхъ растительная. Но такъ какъ на островѣ существуетъ рѣзкое различіе между сословіями, а жизнь и собственность низшихъ классовъ находится въ распоряженіи высшихъ, то нетрудно понять, что между тѣмъ какъ послѣдніе находятся въ изобиліи, первые испытываютъ нужду.

Судя по послѣднимъ извѣстіямъ объ Отаити, помѣщеннымъ въ *Путешествіи миссіонеровъ*, со времени послѣдняго путешествія Кука вышеозначенныя причины обезлюденія дѣйствовали, повидимому, съ необыкновенной силой. Ванкуверъ, посѣтившій островъ въ промежуточную эпоху между ними, говоритъ о разорительныхъ войнахъ, быстро слѣдовавшихъ одна за другою. Миссіонеры замѣтили, что число женщинъ на этихъ островахъ несравненно менѣе числа мужчинъ, такъ что можно предположить, что уничтожено было гораздо болѣе дѣтей этого пола, чѣмъ это дѣлалось прежде. Обстоятельство это могло только усилить проституцію, которая, при содѣйствіи болѣзней, занесенныхъ европейцами, заразила самый источникъ, пополняющій населеніе.

Быть можетъ, Кукомъ была преувеличена числительность населенія, а миссіонеры уменьшили ее. Но я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что въ двѣ различныя эпохи наблюденій произошло дѣйствительное и значительное уменьшеніе въ населеніи. Это доказывается перемѣнами въ привычкахъ этого народа относительно бережливости продовольствія. Кукъ,

согласно съ Андерсономъ, представляетъ это племя крайне бережливымъ относительно всякаго рода пищи; а Андерсонъ, обращавшій, повидимому, особенное вниманіе на разъясненіе этого вопроса, говоритъ о частомъ возвращеніи голода. Миссіонеры же, пораженные бѣдствіями, испытываемыми въ этомъ отношеніи на островахъ Дружбы и Маркизскихъ, говоря объ Отаити, разсказываютъ, напротивъ того, о чрезвычайномъ его изобиліи: они замѣчаютъ, что несмотря на неумѣренныя пиршества и на страшную расточительность общества Эареевъ, на островахъ рѣдко обнаруживается нужда.

Изъ этого мы можемъ заключить, что въ настоящее время населеніе Отаити находится ниже уровня средствъ существованія*. Но несправедливо было бы предположить, что оно останется въ такомъ положеніи долгое время. Перемѣны, замѣченныя Кукомъ на этомъ островѣ въ различныя его посѣщенія, доказываютъ, что благосостояніе и населеніе его подвержены весьма рѣзкимъ колебаніямъ. А этого то мы и должны были ожидать на основаніи теоретическихъ соображеній. Населеніе этихъ острововъ ни въ какую эпоху не было неподвижнымъ; оно никогда не увеличивалось правильнымъ и медленнымъ ростомъ. Оно необходимо должно подвергаться значительнымъ колебаніямъ. Размноженіе населенія между всѣми дикими народами пробуждаетъ воинственныя склонности. Нападеніе вызываетъ месть, сопровождающуюся опустошеніями, продолжающимися и распространяющимися долгое время по миновеніи вызвавшей ихъ причины. Бѣдствія, причиненныя нѣсколькими неурожаями, постигающими чрезмѣрное населеніе, уже ограничившее свои потребности крайне необходимымъ, естественно должны дѣйствовать сильнѣе въ обществѣ, находящемся на низшей степени развитія, и вызвать въ немъ дѣтоубійство и проституцію**. А эти причины

---

* Со времени Мальтуса и на перекоръ ему, населеніе всѣхъ острововъ Тихаго моря постоянно падаетъ и продолжаетъ падать, хотя ни климатъ, ни плодородіе ихъ нисколько не измѣнились.
Рус. перев.

** Когда я указываю на причины, естественно полагающія границы чрезмѣрному населенію, то полагаю, никто не заподозритъ мо-

обезлюденія должны были дѣйствовать еще съ большей силой спустя нѣкоторое время по минованіи породившаго ихъ бѣдствія. Постепенное измѣненіе привычекъ, соотвѣтствующее послѣдовательному измѣненію окружающихъ условій, естественно должно быстро приводить населеніе къ прежнему уровню, такъ что размноженіе можетъ быть остановлено съ трудомъ и только насильственными мѣрами. Какое дѣйствіе произведутъ сношенія Отаити съ европейцами на населенность этого острова — это можетъ показать только опытъ. Если въ результатѣ окажется, что сношенія эти удержатъ народонаселеніе въ теперешнихъ границахъ, то я нисколько не сомнѣваюсь, что изслѣдовавъ образъ дѣйствія ихъ на предупрежденіе размноженія, мы найдемъ, что это достигается усиліемъ порока и нищеты*.

Намъ менѣе извѣстны прочіе острова Тихаго океана; но то, что мы знаемъ о нихъ, показываетъ намъ, что на важнѣйшихъ архипелагахъ состояніе общества весьма сходно съ тѣмъ, что замѣчается на Отаити. На островахъ Дружбы и Сандвичевыхъ мы встрѣчаемъ тѣ же феодальные порядки, тѣ же смуты, тотъ же деспотизмъ начальниковъ, то же уничиженіе подданныхъ и почти тѣ же склонности къ разврату и проституціи.

На островахъ Дружбы, хотя король и пользуется съ виду безусловной властью, хотя и говорятъ, что жизнь и собствен-

---

ихъ намѣреній, и не подумаетъ, что я имѣю хоть малѣйшее желаніе оправдать подобныя явленія тѣмъ, что указываю на ихъ послѣдствія. Извѣстное явленіе можетъ предупредить какое нибудь частное зло, и въ то же самое время быть, безъ всякаго сравненія, еще бо́льшимъ зломъ, чѣмъ то, отъ котораго оно избавило.

Прим. автора.

* Примѣръ этого острова нисколько не подтвердилъ предсказаній Мальтуса. Населеніе Отаити не превышаетъ въ настоящее время 7,000 душъ, когда прежнее населеніе этого острова простиралось до 200,000. Это доказываетъ, что помимо продовольствія, и даже совершенно независимо отъ него, существуетъ множество условій, управляющихъ законами народонаселенія. Условія эти вовсе намъ неизвѣстны; къ нимъ принадлежитъ и приводимый нами примѣръ.

Рус. перев.

ность его подданныхъ находятся въ полномъ его распоряженіи, но и мелкіе владѣтели пользуются такою же неограниченной властью, противудѣйствуютъ видамъ короля и причиняютъ ему много хлопотъ. «Но какъ бы велика ни была независимость вельможъ, говоритъ Кукъ, рабство народа не подлежитъ сомнѣнію: низшіе классы пользуются собственностью и безопасностью только насколько дозволяетъ каждому человѣку господинъ, которому онъ принадлежитъ.» Начальники бьютъ людей простаго народа немилосердно: когда послѣднихъ ловили въ воровствѣ на корабляхъ, то господа ихъ не только не ходатайствовали за нихъ, но нерѣдко совѣтывали предать ихъ смерти. Но какъ и сами господа нисколько не гнушаются воровствомъ, то изъ этого можно заключить, что они не придаютъ никакой цѣны жизни своихъ подданныхъ.

Въ первое свое путешествіе на Сандвичевы острова Кукъ сдѣлалъ справедливое предположеніе, что вѣроятно на нихъ часто происходили внѣшнія войны и внутреннія смятенія. Ванкуверъ, посѣтившій ихъ въ болѣе позднее время, видѣлъ слѣды опустошеній, оставленные войной. Внутреннія смуты ниспровергли правительство, существовавшее во время путешествія Кука. Изъ всѣхъ начальниковъ, знакомыхъ Куку, одинъ только оставался въ живыхъ: изъ собранныхъ свѣдѣній Ванкуверъ узналъ, что весьма немногіе изъ нихъ умерли естественною смертью; наибольшая же часть ихъ погибла во время этихъ пагубныхъ раздоровъ. Власть начальниковъ надъ низшими классами народа на Сандвичевыхъ островахъ, повидимому, безгранична. Народъ находится въ рабской отъ нихъ зависимости, и такое униженное состояніе оказываетъ явное вліяніе на внѣшній ихъ видъ и на умственныя способности. Различіе сословій выражается между ними еще болѣе рѣзко, чѣмъ на прочихъ островахъ: высшіе начальники обращаются съ подчиненными самымъ высокомѣрнымъ и притѣснительнымъ образомъ.

Намъ неизвѣстно, прибѣгаютъ ли на островахъ Дружбы и Сандвичевыхъ къ дѣтоубійству, и существуютъ ли на нихъ учрежденія въ родъ Эарейскихъ обществъ Отаити; но мы

имѣемъ несомнѣнныя свидѣтельства о проституціи женщинъ, а уже одна проституція представляетъ важное препятствіе для размноженія населенія. Весьма вѣроятно, что *Tyty* или рабы, постоянно сопровождающіе своего господина, рѣдко женятся. А многоженство, дозволенное въ высшихъ классахъ, можетъ только содѣйствовать распространенію и усилить проституцію между низшими классами народа.

Примемъ за фактъ, неподлежащій сомнѣнію, что на благодатнѣйшихъ островахъ этого океана рѣдко ощущается нужда. Такъ какъ мы не можемъ предположить, чтобы самообузданіе и добродѣтель господствовали между дикарями, въ особенности въ такомъ климатѣ, то, по сущности вещей, мы должны признать, что однихъ пороковъ, вмѣстѣ съ войнами, достаточно для удержанія размноженія на нихъ населенія. Всѣ извѣстія подтверждаютъ такое предположеніе. Въ трехъ главныхъ архипелагахъ, о которыхъ мы говорили, пороки составляютъ главное препятствіе. На островѣ Пасхи замѣчена большая несоразмѣрность въ числѣ жителей того и другаго пола. Это даетъ намъ право предположить о существованіи дѣтоубійства, хотя мы и не имѣемъ на это другихъ доказательствъ. Лаперузъ полагаетъ, что женщины принадлежатъ всѣмъ вообще въ томъ округѣ, въ которомъ онѣ живутъ. Но число встрѣченныхъ имъ дѣтей, повидимому, противурѣчитъ этому мнѣнію. На этомъ островѣ должны были происходить большія колебанія въ населеніи со времени открытія его Роггевеномъ въ 1722, хотя сношенія его съ европейцами не могли имѣть особеннаго вліянія въ этомъ отношеніи. Когда Лаперузъ посѣтилъ его, то нашелъ, что населеніе его возвратило понесенныя потери, отъ чего бы послѣднія ни происходили, отъ засухи ли, внутреннихъ междуусобій, дѣтоубійства или проституціи. Кукъ, во второмъ своемъ путешествіи, принимаетъ его въ шестьсотъ или семсотъ душъ; Лаперузъ считаетъ его въ двѣ тысячи, а по большому числу видѣнныхъ имъ дѣтей и по количеству вновь строющихся хижинъ онъ заключилъ, что населеніе на островѣ возрастаетъ.

На Маріанскихъ островахъ, по словамъ Гобьена, *огромное число молодыхъ людей* не женится, и ведетъ жизнь подобно членамъ общества Эареевъ на Отаити, и даже называется совершенно такимъ же именемъ. Говорятъ, что на островѣ Формозѣ не допускаютъ, чтобы женщина была матерью до тридцатипятилѣтняго возраста. Если она забеременѣетъ ранѣе, то жрицы вытравляютъ ребенка. Пока мужъ не достигнетъ сорокалѣтняго возраста, жена его живетъ у своихъ родителей и видится съ нимъ только украдкой *.

Кратковременныя посѣщенія прочихъ острововъ и неудовлетворительныя свѣдѣнія о нихъ, находящіяся въ нашемъ распоряженіи, не позволяютъ намъ войти въ особенныя подробности о господствующихъ на нихъ обычаяхъ. Но полное сходство между тѣми, которые уже описаны нами, ясно показываетъ, что хотя на нихъ и не было замѣчено безусловно однихъ и тѣхъ обычаевъ, тѣмъ неменѣе, войнѣ и порокамъ, относящимся къ сношеніямъ между обоими полами, слѣдуетъ приписать главнымъ образомъ уменьшеніе народонаселенія, предупреждающее безграничное размноженіе человѣческой породы на этихъ островахъ.

Замѣтимъ, сверхъ того, что не слѣдуетъ слишкомъ довѣряться свѣтлымъ картинамъ, рисуемымъ нашимъ воображеніемъ о счастіи и изобиліи, будто бы господствующихъ на

* Извѣстіе это принадлежитъ Альберту Мандельслоэ, нѣмецкому путешественнику, пользующемуся довѣріемъ. Но я полагаю, что онъ опирается въ этомъ случаѣ на извѣстія голландскихъ писателей, на которыхъ ссылается и Монтескье (*Esprit des lois*, кн. 23, гл. XVII). Быть можетъ, этого авторитета недостаточно для подтвержденія такого страннаго обычая: но, признаюсь, я не нахожу его безусловно неправдоподобнымъ. Тотъ же путешественникъ говоритъ, что между этими племенами не существуетъ различія сословій, и что войны ихъ до такой степени некровопролитны, что кончаются обыкновенно однимъ убитымъ. При весьма здоровомъ климатѣ, при условіяхъ, благопріятныхъ для размноженія населенія, при общности имуществъ, такъ какъ никто не боится *личной бѣдности*, то правительство нашло себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ непосредственнымъ мѣрамъ, чтобы точнымъ закономъ предупредить чрезмѣрное населеніе. Но такъ какъ подобныя мѣры представляютъ несомнѣнное насиліе надъ естественными побужденіями, то онѣ могутъ служить сильнѣйшимъ доводомъ противъ общности имуществъ. Прим. автора.

островахъ Южнаго моря. На самомъ Отаити нерѣдко случается голодъ. Это было уже замѣчено Кукомъ въ его послѣднее путешествіе; а недавнее путешествіе миссіонеровъ показываетъ намъ, что въ извѣстное время года, когда не бываетъ плодовъ, нужда чувствуется всюду. На Огейтабу, одномъ изъ Маркизскихъ, нужда эта доходила до голода и губила даже животныхъ. На Тонгатабу, значительнѣйшемъ изъ острововъ Дружбы, чтобы не вызвать нужды, начальники перемѣняютъ свое мѣстопребываніе, и удаляются на другіе острова. Туземцы часто испытываютъ на нихъ недостатокъ въ продовольствіи. Сандвичевы острова нерѣдко подвергаются продолжительной засухѣ. Свиньи и ямсъ становятся рѣдки, а путешественники встрѣчаются на нихъ съ холодностью, весьма непохожей на гостепріимство отаитянъ. На Новой Каледоніи туземцы питаются пауками, и нерѣдко вынуждаются прибѣгать къ жирной глинѣ, чтобы успокоить мучающій ихъ голодъ.

Факты эти служатъ достаточнымъ доказательствомъ, что какъ бы велико ни было господствующее на этихъ островахъ въ извѣстное время года изобиліе, и какія бы препятствія ни оказывали невѣжество, война и другія условія для размноженія населенія, послѣднее, тѣмъ неменѣе, вообще весьма близко къ уровню, допускаемому средствами существованія. При состояніи общества, въ которомъ жизнь подданныхъ считается ни за что ихъ господами, мы можемъ впасть въ большія ошибки при сужденіи вообще о ихъ довольствѣ. Богатые люди могутъ искать сбыта своихъ свиней и овощей за европейскіе товары, между тѣмъ какъ подданные и рабы ихъ могутъ испытывать крайнюю нужду въ продовольствіи.

Я не хочу оставить этого вопроса, не сдѣлавъ замѣчанія, что дикая жизнь имѣетъ одно только преимущество предъ жизнью цивилизованной: что народъ пользуется въ ней большимъ досугомъ. У него меньше дѣла, а потому онъ меньше и работаетъ. Если поразмыслить о тяжкомъ трудѣ, которымъ обременены низшіе классы въ цивилизованномъ обществѣ, то нельзя не согласиться, что дикія племена вызываютъ въ этомъ отношеніи менѣе состраданія; но эта невыгода въ значительной степени пересиливается множествомъ другихъ удобствъ цивилизованной жизни. Въ мѣстностяхъ, изобилующихъ средствами для существованія, господствуетъ между дикарями самая жестокая тиранія. Побои и насиліе надъ собственностью представляютъ самое обыкновенное явленіе, и поддерживаются обычаями, имѣющими силу закона. Низшіе классы находятся тамъ въ такомъ уничиженіи и притѣсненіи, о которомъ понятія не имѣютъ въ цивилизованномъ обществѣ. У дикарей, между которыми установлено полное равенство состояній, трудность добыть себѣ пропитаніе и постоянныя войны подвергаютъ человѣка неменѣе тягостному труду, чѣмъ тотъ, которымъ обременены низшіе классы общества между цивилизованными народами, хотя трудъ этотъ распредѣленъ у дикарей несравненно равномѣрнѣе.

Но если можно сравнить трудъ между обоими классами людей, то нельзя сказать того же объ ихъ лишеніяхъ и страданіяхъ. Ничто не даетъ такого понятія о справедливости этой истины, какъ воспитаніе американскихъ дикарей. Все, что только можетъ содѣйствовать укрѣпленію терпѣнія среди самыхъ жестокихъ страданій, все, что только можетъ очерствить сердце и заглушить состраданіе, тщательно прилагается къ воспитанію. Цивилизованный человѣкъ, напротивъ того, если и старается развить въ дѣтскомъ возрастѣ силы, необходимыя для перенесенія страданій, которыя по временамъ выпадаютъ на долю каждаго, то онъ не требуетъ, чтобы жизнь проходила въ ожиданіи ихъ. Онъ считаетъ необходимымъ присоединить другія добродѣтели къ мужеству и къ силѣ душевной. Онъ научается сочувствовать страданію ближняго, даже своего врага, пробуждаетъ въ себѣ всѣ общественныя склонности и разширяетъ для себя область пріятныхъ ощущеній и чувствованій. Изъ обоихъ родовъ воспитанія, противуположныхъ, какъ по цѣли, такъ и по средствамъ для ея достиженія, можно сдѣлать заключеніе, что цивилизованный человѣкъ ожидаетъ отъ жизни удовольствій, между тѣмъ какъ дикарь готовится къ однимъ только страданіямъ.

Странная система исправленія, принятая спартанцами, искорененіе всѣхъ естественныхъ склонностей, вызывавшее такое

незаслуженное удивленіе, могли существовать только между народомъ, который постоянно подвергается трудамъ и лишеніямъ военной жизни и которому грозятъ непрерывныя бѣдствія. Такое воспитаніе, по моему мнѣнію, вовсе не говоритъ въ пользу особенной естественной душевной силы или дѣйствительнаго патріотизма. Оно доказываетъ скорѣе жалкое состояніе и варварскіе нравы, и служитъ доказательствомъ, что Спарта, какъ и вся древняя Греція, вовсе не достигали до высокой степени развитія. Дикія добродѣтели, подобно предметамъ мѣны, встрѣчаются въ большемъ изобиліи тамъ, гдѣ въ нихъ больше нуждаются и гдѣ существуетъ на нихъ большій спросъ. Когда внушаются съ такою заботливостью терпѣніе, равнодушіе съ страданіямъ и лишеніямъ, и самыя чудовищныя пожертвованія, то мы имѣемъ право составить себѣ невыгодное мнѣніе о благосостояніи народа и о безопасности государства.

ГЛАВА VI. — О препятствіяхъ для размноженія населенія между древними обитателями сѣверной Европы.

Исторія первыхъ выселеній и первыхъ колонизацій, какъ и вызвавшихъ ихъ обстоятельствъ, пролила бы большой свѣтъ на предметъ нашего изслѣдованія, и показала бы самымъ наглядным образомъ постоянное стремленіе нашей породы къ болѣе быстрому размноженію, чѣмъ это допускается средствами существованія. Еслибы стремленія этого не существовало, то трудно было бы понять, какимъ образомъ могла вообще заселиться земля. Кромѣ того, естественное стремленіе человѣка состоитъ не въ дѣятельности, а въ безпечности и въ покоѣ. Чтобы извлечь его изъ такого состоянія, для этого необходимы были неотступныя побужденія нужды, хотя впослѣдствіи новыя сочетанія представленій должны были поддержать въ немъ духъ предпріимчивости, и къ склонности къ войнѣ присоединить страсть къ славѣ.

Мы знаемъ, что Авраамъ и Лотъ владѣли такими стадами, что земля, которую они занимали, не могла уже болѣе прокормить ихъ. Между пастухами ихъ начали возникать ссоры.

Авраамъ предложилъ Лоту разойтись и сказалъ ему: «Развѣ предъ тобой не открыта вся страна? Если ты пойдешь на лѣво, я пойду направо, а если ты пойдешь направо, то я пойду налѣво *».

Это простое предложеніе представляетъ ясный примѣръ дѣйствія закона, стремящагося распространить населеніе по всей поверхности земли, и впослѣдствіи побуждающаго менѣе счастливыхъ ея обитателей искать въ жгучихъ пустыняхъ Азіи и Африки или въ ледяныхъ странахъ Сибири и сѣверной Америки тѣхъ жалкихъ средствъ существованія, которыхъ имъ не доставало дома. Первыя выселенія не встрѣчали никакихъ препятствій, кромѣ тѣхъ, которыя могла противупоставить имъ природа вновь занимаемой страны. Но когда бо̀льшая часть земли заселилась, то хотя населеніе всюду было слабо, тѣмъ неменѣе, тѣ, которымъ ранѣе удалось захватить земли, не соглашались уступить ихъ добровольно вновь прибывающимъ, а тѣ, которые занимали центральныя части, принуждены были силой гнать ихъ или требовать отъ нихъ прохода, что̀ и служило источникомъ непрерывныхъ ссоръ и войнъ.

Среднія широты Европы и Азіи, кажется, заняты были съ самыхъ древнихъ временъ кочевыми народами. По мнѣнію Фукидида, цивилизованныя государства Европы его времени не могли бы устоять противъ соединенныхъ силъ скифовъ. Однако же, нельзя предположить, чтобы страна, вся состоящая изъ пастбищъ, могла прокормить такое же количество населенія, какъ и воздѣлываемыя земли. Чѣмъ же объяснить неодолимую силу кочевыхъ народовъ? Ничѣмъ инымъ, какъ способностью ихъ двигаться массами и необходимостью часто предпринимать такое движеніе для перемѣны пастбищъ. Племя, богатое стадами, не можетъ встрѣтить недостатка въ продовольствіи, ибо, въ случаѣ надобности, съѣвъ приплодъ, оно

* Матерьялами для этой главы послужили: Тацита, *De moribus Germanorum.* — Гиббона, *Исторія паденія римской имперіи.* — Робертсона, *Исторія Карла V.* — Ю. Цезаря, *De bello Gallico.* — Монтескьё, *Considerations sur les causes de la grandeur et de la décadence des Romains.* — Малле, *Введеніе въ исторію Даніи.*

можетъ кормиться старыми животными, представляющими его капиталъ. Женщины пользуются между кочевыми народами лучшимъ положеніемъ, и потому, онѣ отличаются бо́льшимъ плодородіемъ. Мужчины, увѣренные въ своей силѣ, основанной на взаимной помощи, и обезпеченные въ средствахъ существованія во время передвиженія, мало безпокоятся о томъ, что семья можетъ обременить ихъ. Совокупное дѣйствіе этихъ условій не можетъ не вызвать значительнаго увеличенія населенія. Поэтому, между кочевыми народами въ особенности легко возникаетъ потребность выйти за предѣлы своей страны и необходимость частыхъ выселеній. Народы эти разливаются на огромныя пространства. Побуждаемые необходимостью, они выселяются мало по малу къ окружающія ихъ пустыни. Оживленные новыми силами, они вскорѣ нападаютъ на мирные народы и вытѣсняютъ ихъ. Подъ вліяніемъ голода, угрожающаго имъ вслѣдствіе чрезмѣрнаго населенія, одушевляемые надеждой на добычу, пристрастные ко всякаго рода опасностямъ, эти отважные искатели приключеній должны распространять ужасъ между земледѣльческими народами, которые, живя на одномъ и томъ же мѣстѣ, должны были развить въ себѣ совершенно противуположныя склонности и привычки. Если же между кочевыми племенами возникаетъ внутреннее столкновеніе изъ за обладанія уже занятыми мѣстами, то оно обращается въ вопросъ о существованіи, и столкновеніе обращается въ истребительную войну.

Вѣроятно такимъ образомъ погибло не одно племя; многія изъ нихъ уничтожены были голодомъ или опасностями, сопровождающими вышеупомянутыя предпріятія. Другія, болѣе счастливыя, успѣли завести новыя поселенія, которыя обратились въ средоточія, изъ которыхъ вышли новыя орды. Впродолженіи нѣкотораго времени эти колоніи, безъ сомнѣнія, были вѣрны своей метрополіи; но впослѣдствіи связи съ ней ослабѣли, и, смотря по выгодамъ и обстоятельствамъ, онѣ обратились въ дружественные или непріязненные для нея народы.

Громадная потеря людей, производимая такой борьбой, вызывавшейся недостаткомъ мѣста и продовольствія, болѣе чѣмъ

вознаграждалась силою закона народонаселенія, который, при помощи постоянныхъ выселеній, могъ дѣйствовать съ необыкновенной силой. Желаніе улучшить свое положеніе, надежда на грабежъ и возможность въ крайнемъ случаѣ продать въ рабство своихъ дѣтей присоединялись къ естественной беззаботности народа, едва еще вышедшаго изъ дикаго состоянія, чтобы содѣйствовать размноженію его населенія, которое снова приводилось въ естественныя границы войной и голодомъ.

Племена, захватившія плодородныя земли, хотя они могли владѣть ими и держаться въ нихъ только постоянными войнами, тѣмъ неменѣе размножались, по мѣрѣ возрастанія средствъ существованія: дѣло шло такимъ образомъ, пока вся часть земнаго шара, простирающаяся отъ крайнихъ предѣловъ Китая, до береговъ Балтійскаго моря, не была наконецъ заселена той породой варваровъ, храбрыхъ, крѣпкихъ, предпріимчивыхъ, закаленныхъ въ самыхъ суровыхъ трудахъ, для которой война составляла всю прелесть жизни*. Пока различныя государства, установившіяся въ Европѣ и Азіи, могуществомъ и искуствомъ своимъ были въ состояніи останавливать эти разрушительныя орды, до тѣхъ поръ послѣднія вынуждены были губить въ междоусобицахъ нараждавшійся излишекъ въ своемъ населеніи. Но какъ только измѣнялись эти отношенія, вслѣдствіе слабости осѣдлыхъ государствъ, или вслѣдствіе болѣе крѣпкаго соединенія кочующихъ ордъ, то послѣднія обрушивались, подобно грозѣ, на прекраснѣйшія страны земнаго шара. Китай, Персія, Египетъ и Италія потоплялись въ различныя эпохи потоками этихъ варваровъ.

* Различныя разнѣтвленія, подраздѣленія и войны этого великаго татарскаго народа тщательно изложены въ *Генеалогической исторіи татаръ* Абулгази-хана (переведенной на англійскій языкъ съ французскаго). Въ этой исторіи, какъ и во множествѣ другихъ, мы встрѣчаемъ нерѣдко самыя подробныя извѣстія о причинахъ, побудившихъ какого либо государя или военоначальника къ честолюбивымъ предпріятіямъ, но, къ сожалѣнію, не находимъ ни слова о причинахъ, побудившихъ столькихъ людей слѣдовать за ними, и добровольно спѣшить подъ ихъ знамена. Прим. автора.

Сочиненіе это переведено на русскій языкъ Саблуковымъ, подъ названіемъ *Исторія Турокъ*. Казань, 1852. Рус. перев.

Паденіе римской имперіи представляетъ всѣмъ извѣстный примѣръ, подтверждающій и разъясняющій все, сказанное нами. Долгое время кочевые народы сѣверной Европы сдерживались силой оружія и страхомъ римскаго имени. Страшное вторженіе кимвровъ, памятное уничтоженіемъ пяти консульскихъ армій, было наконецъ остановлено Маріемъ; совершеннымъ уничтоженіемъ этой орды остановлена была дерзость варваровъ. Имена Юлія Цезаря, Друза, Тиберія, Германика, вписанныя въ нихъ памяти кровавыми буквами, держали ихъ въ страхѣ; они не смѣли перешагнуть за границу, отдѣлявшую ихъ отъ территоріи римскаго государства. Но Римъ одержалъ надъ ними побѣду, а не покорилъ ихъ. Полчища ихъ были разсѣяны, ихъ поселенія были разорены, а сами они были прогнаны домой, но сила германцевъ вовсе не была этимъ ослаблена, и этотъ неукротимый народъ всегда былъ готовъ выставить полчища для новыхъ предпріятій. Слабое царствованіе Деція, Галла, Эмилія, Валеріана и Галліена открыло варварамъ доступъ въ имперію. Готы, распространившіеся, какъ полагаютъ, въ самое короткое время отъ Скандинавіи до береговъ Эвксинскаго понта, обольщенные прелестью ежегодной дани, согласились, правда, вывести свои побѣдоносныя войска; но какъ только распространилась молва о слабости и о богатствѣ римлянъ, то новыя орды бросились съ сѣвера опустошать границы имперіи, и распространили ужасъ до воротъ самого Рима. Франки, алеманы, готы и другія менѣе значительныя племена, подъ тѣми же названіями, хлынули, подобно потоку, и разлились по различнымъ направленіямъ. Хищничество и грабительство ихъ уничтожили жатвы этого года и посѣвы на будущій годъ. За общимъ и продолжительнымъ голодомъ послѣдовала чума, которая пятнадцать лѣтъ опустошала римскіе города и провинціи. Если судить по обезлюдѣнію нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностей, то можно подумать, что цѣлая половина человѣческаго рода была погублена соединенными усиліями трехъ бичей: войны, голода и заразы. Тѣмъ неменѣе, новые потоки варваровъ продолжали разливаться на истощенныя уже провинціи, а доблестнымъ преемникамъ вышеупомянутыхъ слабыхъ императоровъ необходимы были усилія, подобныя усиліямъ Геркулеса, чтобы дать отпоръ страшнымъ ордамъ и отсрочить паденіе имперіи. Въ 250 и въ слѣдующіе за нимъ годы готы возобновили свои нападенія моремъ и сухимъ путемъ, съ перемѣннымъ успѣхомъ, пока не потеряли почти всѣхъ своихъ отважныхъ армій: но это не помѣшало имъ въ 269 выслать изъ среды себя цѣлый народъ выселенцевъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, искавшихъ мѣста для своего поселенія. Эта громадная орда, состоявшая сначала изъ 320 т. варваровъ, была окончательно уничтожена и разсѣяна благоразуміемъ и мужествомъ Клавдія. Наслѣдникъ послѣдняго, Авреліанъ, остановилъ и разбилъ новыя полчища того же имени, вышедшія изъ теперешней Украйны. Онъ заключилъ съ ними миръ, по одному изъ условій котораго онъ обязывался вывести римскіе легіоны изъ Дакіи, и уступить эту обширную провинцію готамъ и вандаламъ. Немного лѣтъ спустя, новое вторженіе алемановъ грозило самой столицѣ міра. Авреліану необходимо было одержать три великія и кровопролитныя побѣды, чтобы освободить Италію и истребить этихъ варваровъ.

Твердость Авреліана сдерживала эти вторженія, грозившія со всѣхъ сторонъ. Послѣ его смерти они возобновились съ большею еще силою, но встрѣтили отпоръ со стороны Проба. Для спасенія одной Галліи отъ хлынувшихъ на нее германцевъ, увѣряютъ, что ему пришлось погубить болѣе четырехсотъ тысячъ варваровъ. Пользуясь своими успѣхами, побѣдоносный императоръ проникъ въ Германію. Начальники этой страны, удивленные его присутствіемъ, павшіе духомъ и истощенные печальнымъ исходомъ своего предпріятія, подчинились всѣмъ требованіямъ императора. Тотъ же императоръ, а за нимъ Діоклеціанъ обратились къ системѣ заселенія обезлюдѣвшихъ провинціей имперіи, уступая земли варварамъ, плѣннымъ или бѣглецамъ; они отводили такимъ образомъ избытокъ населенія въ такія мѣста, въ которыхъ онъ не могъ причинить вреда. Но подобныя колоніи были недостаточны для помѣщенія излишняго населенія сѣверныхъ народовъ. Неукротимые варвары неоднократно сбрасывали съ себя иго, и рѣдко соглашались подчиниться мирнымъ земледѣль-

ческимъ занятіямъ. Доблестное царствованіе Діоклеціана сдерживало, впрочемъ, эти народы, и заставляло ихъ уважать границы имперіи. Стѣсненные въ собственныхъ своихъ предѣлахъ готы, вандалы, гепиды, бургунды и алеманы обратили свои силы другъ противъ друга, и находились въ постоянной войнѣ между собою, предоставивъ римскія провинціи продолжительному покою и представивъ имъ зрѣлище вражды, исходъ которой въ чью бы то ни было пользу тѣмъ неменѣе освобождалъ ихъ отъ страшнаго врага.

Въ царствованіе Константина готы стали снова вызывать опасенія. Продолжительный миръ возобновилъ ихъ силы, а молодое поколѣніе забыло пораженія, понесенныя старымъ. Двѣ войны, одна за другою, погубили ихъ великое множество. Побѣжденные всюду, они бросились въ горы. Полагаютъ, что впродолженіи одного похода, отъ холода и голода погибло ихъ болѣе ста тысячъ. Константинъ слѣдовалъ плану, принятому Пробомъ и его преемниками. Онъ отдавалъ земли варварамъ, изгнаннымъ своими земляками и униженно просившимъ мѣста для поселеній. Къ концу своего царствованія онъ отвелъ въ провинціяхъ Панноніи, Фракіи, Македоніи и Италіи такое количество земель, на которомъ помѣстились и которое могло доставить средства существованія тремъ стамъ тысячамъ сарматовъ.

Новыя толпы франковъ и алемановъ вызвали мужественный отпоръ со стороны Юліана. Народы эти воспользовались гражданскими войнами, смутившими царствованіе Константина, и хлынули изъ германскихъ лѣсовъ, чтобы разлиться по Галліи, въ которой опустошенія ихъ распространились на большее разстояніе, чѣмъ ихъ побѣды. Разбитые или отраженные на всѣхъ пунктахъ, они были прогнаны до своего отечества, въ пяти кампаніяхъ, слѣдовавшихъ одна за другою. Одно появленіе Юліана обращало ихъ въ бѣгство. Въ Германіи, въ самомъ средоточіи того улея, изъ котораго безчисленные рои съ давнихъ временъ несли опустошеніе по всему міру, главныя препятствія, встрѣченныя имъ, состояли въ непроходимыхъ дорогахъ и обширныхъ безлюдныхъ лѣсахъ.

Хотя гидра эта была побѣждена и усмирена побѣдоноснымъ

оруженіемъ Юліана, но черезъ нѣсколько уже лѣтъ у нея выросли новыя головы. Необходима была доблесть, мужество и бдительность Валентиніана, чтобы оградить подчиненные ему народы отъ вторженій алемановъ, бургундовъ, саксовъ, готовъ, квадовъ и сарматовъ.

Наконецъ, судьба Рима была рѣшена самымъ страшнымъ вторженіемъ гуновъ, хлынувшихъ съ востока и съ сѣвера и обрушившихъ на имперію всю массу готовъ. Это ужасное вторженіе, придавившее всею своею тяжестью германскіе народы, кажется, побудило ихъ уступить свои лѣса и низменности сарматскимъ выселенцамъ, или, по меньшей мѣрѣ, излить излишнее свое населеніе на римскія провинціи. Четырестатысячная орда вышла изъ тѣхъ же балтійскихъ лѣсовъ, выславшихъ во времена республики безчисленныя полчища кимвровъ и тевтоновъ, которыя чуть было не сломили ее. Когда толпа этихъ искателей приключеній погублена была войной и голодомъ, то за нею слѣдовали другія. Свевы, вандалы, аланы, бургунды уже безвозвратно перешли за Рейнъ. Шедшіе впереди тѣснились или истреблялись слѣдовавшими за ними. Повидимому, цѣлыя тучи варваровъ столпились въ сѣверной части нашего полушарія. Предшествуемыя мракомъ и ужасомъ, онѣ разразились подъ прекраснымъ небомъ Италіи, и погрузили весь западъ въ непробудный мракъ.

Два вѣка спустя послѣ того, какъ готы перешли за Дунай, варвары различныхъ наименованій захватили и разграбили Фракію, Паннонію, Галлію, Британію, Испанію, Африку и Италію. Самое ужасное разореніе и неимовѣрное уничтоженіе человѣческой породы сопровождали эти быстрыя завоеванія. Голодъ и чума, составляющіе обыкновенно слѣдствіе кровопролитныхъ войнъ, опустошили всю Европу. Современные историки, бывшіе свидѣтелями этихъ ужасовъ и разоренія, не находятъ словъ для ихъ изображенія. За неимѣніемъ свидѣтельствъ слова, мы можемъ составить себѣ понятіе о нихъ по фактамъ и перемѣнамъ, происшедшимъ въ этой части земнаго шара. Эта трагическая судьба, эти безпредѣльныя и неизобразимыя страданія прекраснѣйшей въ мірѣ страны, всѣ эти катастрофы и громадныя явленія, поражающія наше во-

ображеніе, могутъ быть объяснены одной только причиной, весьма простой, преобладаніемъ закона народонаселенія надъ средствами существованія.

Вначалѣ своей *Исторіи Флоренціи* Макіавель выражается такимъ образомъ: «Народы, живущіе въ сѣверныхъ странахъ между Рейномъ и Дунаемъ, пользующихся климатомъ здоровымъ и благопріятнымъ для размноженія людей, нерѣдко увеличиваются въ своемъ населеніи до такой степени, что принуждаютъ многочисленныя толпы оставлять свои родныя земли, и искать себѣ новыхъ мѣстъ для поселенія. Когда какая либо изъ этихъ странъ переполнится населеніемъ, и рѣшается облегчить свое положеніе, то дѣло происходитъ такимъ образомъ. Весь народъ раздѣляется на три части, между которыми поровну распредѣляютъ благородныхъ и простыхъ людей, богатыхъ и бѣдныхъ. Затѣмъ кидаютъ жребій, и часть, на которую онъ выпадетъ, выходитъ изъ страны, и отправляется отыскивать себѣ счастіе, предоставивъ двумъ остальнымъ болѣе мѣста и удобства для пользованія жизнью дома. Эти то выселенія и были причиной паденія римской имперіи.» Гиббонъ полагаетъ, что Макіавель представляетъ эти выселенія болѣе правильными, чѣмъ они были въ дѣйствительности*; но я

* Павелъ-Діаконъ, у котораго, полагаютъ, что Макіавель заимствовалъ это описаніе, выражается такимъ образомъ: «Чѣмъ болѣе удалена сѣверная страна отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и чѣмъ она холоднѣе, тѣмъ здоровѣе она для людей и тѣмъ болѣе способствуетъ ихъ размноженію. Напротивъ того, всякая южная страна, чѣмъ болѣе подвергается она дѣйствію солнца, тѣмъ болѣе подчинена болѣзнямъ и тѣмъ менѣе благопріятна для жизни людей. Изъ первой вышли многія племена, такъ какъ она съ трудомъ можетъ прокормить то населеніе, какое производитъ. Племена эти заняли нетолько части Азіи, но и наводнили сосѣднюю имъ Европу.» (*De gestis Longobardorum*, lib. I, cap. I).

«Такимъ образомъ, когда народы расплодятся въ такой странѣ до такой степени, что уже не могутъ жить вмѣстѣ, то, раздѣливъ населеніе (какъ говорятъ) на три части, бросаютъ жребій, какой изъ нихъ должно оставить отечество, и искать новаго мѣста для поселенія. Такимъ образомъ, часть, которой выпалъ жребій оставить родную страну и удалиться на чужбину, избравъ двухъ вождей, Ибора и Агіона, родомъ германцевъ, находившихся въ цвѣтущей юности и

думаю, что это описаніе довольно вѣрно. Я полагаю, что этими правильными распоряженіями слѣдуетъ объяснять господствовавшій между германцами законъ, о которомъ упоминаютъ и Цезарь, и Тацитъ, которымъ строго запрещалось оставлять обработывающіяся земли во владѣніи одного и того же лица болѣе одного года. Побужденія, вызвавшія такой законъ, приводимыя Цезаремъ, кажутся мнѣ недостаточными; но если присоединить къ нимъ тѣ, о которыхъ идетъ рѣчь, то есть, сознаніе о предстоящемъ выселеніи, какъ его описываетъ Макіавель, то законъ получаетъ полное оправданіе, а одно изъ побужденій, приводимыхъ Цезаремъ, пріобрѣтаетъ еще бо́льшую силу. Побужденіе, это состояло въ опасеніи этихъ народовъ, чтобы не нашлось между ними людей, которые, долго оставаясь на одномъ и томъ же мѣстѣ, не перемѣнили бы военнаго ремесла на мирныя земледѣльческія занятія.

Гиббонъ, согласно съ Юмомъ и Робертсономъ, весьма основательно отвергаетъ невѣроятное предположеніе, что населеніе сѣверной Европы въ прежнія времена было значительнѣе теперешняго; но онъ считаетъ въ то же время необходимымъ отрицать и особенную плодовитость сѣверныхъ народовъ, какъ будто оба эти явленія должны быть въ неизбѣжной зависимости одно отъ другаго. А между тѣмъ, слѣдовало бы постоянно рачительно различать чрезмѣрное населеніе отъ просто многочисленнаго населенія. Шотландскія горы вѣроятно неменѣе обремены чрезмѣрнымъ населеніемъ, чѣмъ какая бы то ни было другая часть Великобританіи. Было бы очевидною нелѣпостью утверждать, что сѣверная Европа, покрытая въ то время безконечными лѣсами, населенная кочевыми племенами, питавшимися произведеніями своихъ стадъ, могла быть населеннѣе, чѣмъ въ томъ состояніи, до котораго она достигла въ настоящее время. Какъ бы то ни было, но подробно изложенные факты въ *Исторіи паденія римской имперіи* и даже представленный мною, краткій очеркъ несо-

отличившихся впередъ прочими, для отысканія земли, гдѣ можно было бы поселиться, простившись со своими и съ отечествомъ, поспѣшно выступила въ походъ.» (Cap. II).

мнѣнно доказываютъ, какъ очевидное стремленіе этихъ народовъ къ размноженію, такъ и удивительную способность ихъ возстановлять потери, понесенныя ихъ населеніемъ.

Со времени перваго вторженія кимвровъ до окончательнаго разрушенія западной имперіи, усилія германскихъ народовъ основать свои поселенія и производимыя ими опустошенія не прекращались ни на минуту*. Число людей, погибшихъ за все это время отъ войны и голода, почти невозможно вычислить, и до такой степени велико, что невозможно понять, какимъ образомъ немноголюдный народъ могъ вынести подобныя потери, еслибы послѣднія не возстановлялись какою нибудь особенной силой.

Гиббонъ описываетъ заботы Валентина объ обезпеченіи границъ Галліи со стороны германцевъ. Германцы, говоритъ онъ, представляли врага, силы котораго постоянно поддерживались потоками безстрашныхъ удальцевъ, притекавшихъ изъ самыхъ отдаленныхъ сѣверныхъ странъ. Безпрепятственное принятіе иностранцевъ, прибавляетъ онъ, вѣроятно было обыкновеннымъ средствомъ, къ которому прибѣгали нѣкоторые германскіе народы, для быстраго пополненія своихъ рядовъ послѣ кровопролитныхъ пораженій. Но такое объясненіе только отодвигаетъ затрудненіе. Оно говоритъ, что земля стоитъ на черепахѣ, но не говоритъ, на чемъ же стоитъ сама черепаха. Мы тѣмъ неменѣе можемъ спросить, что̀ же это былъ за неизсякаемый сѣверный источникъ, который изливалъ постоянные потоки неустрашимыхъ удальцевъ? Мнѣ кажется, что нельзя принять рѣшенія, предлагаемаго Монтескье для разъясненія этого первостепеннаго вопроса. «Эти толпы варваровъ, говоритъ онъ, выходившіе нѣкогда съ сѣвера, не показываются болѣе въ настоящее время». И вотъ какъ онъ объясняетъ причину этого. «Жестокости римлянъ заставили южные народы удалиться въ сѣверныя страны: пока сдерживавшая ихъ сила существовала, они оставались въ этихъ

* Цезарь встрѣтилъ въ Галліи многочисленныя поселенія, вождемъ которыхъ былъ Аріовистъ: онъ замѣтилъ также всюду распространенныя въ ней опасенія, что въ скоромъ времени всѣ германцы перейдутъ черезъ Рейнъ. *De bello Gal.*, I, 31.

странахъ, но какъ только она ослабѣла, то они разлились всюду».

«То же самое повторилось нѣсколько вѣковъ послѣ. Побѣды и насилія Карла Великаго заставили южные народы во второй разъ удалиться на сѣверъ. Но какъ только имперія его ослабѣла, то они во второй разъ бросились на южныя страны. И еслибы какой либо государь началъ въ Европѣ подобныя же притѣсненія, то народы, оттѣсненные на сѣверъ, *къ крайнимъ предѣламъ земли*, крѣпко держались бы въ нихъ до того времени, пока не завоевали бы Европу въ третій разъ». Въ примѣчаніи авторъ замѣчаетъ, «что легко понять, къ чему приводитъ пресловутый вопросъ: *Почему сѣверъ менѣе населенъ, чѣмъ въ прежнее время*»?

Если вопросъ или, вѣрнѣе, отвѣтъ, сводится къ такому рѣшенію, то онъ представляетъ просто чудо. Ибо, если не предположить какихъ либо сверхъестественныхъ средствъ существованія, то какимъ же это образомъ народы, столпившіеся въ безплодныхъ странахъ, могли прожить въ нихъ впродолженіи того времени, какъ существовала римская имперія? Понять это довольно трудно. Нельзя даже не улыбнуться при мысли, что цѣлыя толпы народа гордо останавливаются на предѣлахъ міра, и живутъ въ нихъ (вѣроятно воздухомъ и льдомъ) впродолженіи многихъ столѣтій, пока имъ не позволено будетъ возвратиться на свои прежнія мѣста, гдѣ они найдутъ болѣе существенную пищу.

Но все затрудненіе изчезаетъ, если мы примѣнимъ къ народамъ древней Германіи фактъ, хорошо изслѣдованный въ Америкѣ, и вообще неподлежащій сомнѣнію; я хочу сказать, если мы предположимъ, что въ случаѣ отсутствія препятствій, противупоставляемыхъ войной и голодомъ, народы ея размножались до того, что удваивались въ числѣ каждыя двадцать пять или тридцать лѣтъ. Умѣстность и даже необходимость такого примѣненія вытекаютъ изъ картины германскихъ нравовъ нарисованной Тацитомъ. Историкъ этотъ говоритъ, что народы эти не имѣли городовъ и что поселенія ихъ были разсѣяны не на близкомъ разстояніи одно отъ другаго. Каждый человѣкъ окружалъ свое жилище пу-

стымъ пространствомъ. Подобная мѣра не только спасала отъ пожаровъ, но и предохраняла отъ опустошеній, производимыхъ эпидеміями. Германецъ имѣлъ одну только жену: обычай этотъ допускалъ весьма немногія исключенія. Супружескія узы строго уважались: нравы въ этомъ отношеніи были чисты, и заслуживали всякой похвалы. Цѣломудріе, которымъ они гордились, не подвергалось соблазну, вызываемому зрѣлищами и пиршествами. Измѣна встрѣчалась весьма рѣдко, а проституція вовсе не допускалась. Стыдъ, причиняемый послѣдней, не искупался ни красотой, ни богатствомъ, ибо между ними порокъ не встрѣчался улыбкой, а искуство обольщать не прикрывалось названіемъ моднаго обычая.

Подкидывать своихъ дѣтей, или оставлять ихъ на произволъ смерти считалось у нихъ дѣломъ безчестнымъ; а обычаи имѣли между этими народами большую силу, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ законы. Каждая мать сама выкармливала своихъ дѣтей, а не отдавала ихъ на попеченіе кормилицѣ или рабыни. Молодые люди того и другаго пола, выроставшіе въ безмятежной невинности, не разслаблялись и не изнѣживались безстыдными удовольствіями. Достигнувъ возраста, въ которомъ разрѣшено супружество, они производили на свѣтъ такихъ же крѣпкихъ и здоровыхъ дѣтей, какъ они сами. Чѣмъ многочисленнѣе было потомство, тѣмъ счастливѣе была ихъ старость. Не имѣть дѣтей для нихъ было просто невыгодно.

Такіе благопріятные для размноженія населенія нравы, вмѣстѣ съ духомъ предпріимчивости и съ готовностью къ выселенію, отстраняющей опасенія нужды, служатъ доказательствомъ, что общество ихъ было одарено несокрушимою силой для своего размноженія. Они и служили неизсякаемымъ источникомъ тѣхъ полчищъ и выселеній, подъ ударами которыхъ пала римская имперія. Трудно повѣрить, чтобы населенію Германіи случилось когда нибудь удвоить свое число два раза сряду и даже одинъ только разъ въ двадцатипятилѣтній періодъ. Безпрерывныя войны этихъ народовъ, низкое состояніе у нихъ земледѣлія, въ особенности странный обычай, принятый многими племенами, окружать себя пустырями, оказывали безусловное препятствіе для подобнаго размноженія. Не подлежитъ сомнѣнію, что страна никогда не была населена, какъ слѣдуетъ, хотя нерѣдко она была переполнена излишнимъ его количествомъ. Безграничные лѣса предоставлены были имъ для охоты; освобожденныя изъ подъ лѣсовъ земли обращены были въ пастбища, и только незначительные участки кое какъ обработывались; а когда возвращеніе голода указывало имъ на недостаточность ихъ средствъ существованія, то они обвиняли въ безплодіи свою страну, которая не была въ состояніи прокормить всего своего населенія. Но, вмѣсто того чтобы стараться о расчисткѣ лѣсовъ, объ осушеніи болотъ, о приведеніи земли въ такое состояніе, чтобы она могла прокормить возрастающее населеніе, по воинственнымъ своимъ привычкамъ и по нетерпѣнію, они охотнѣе отправлялись въ чужія страны искать себѣ пропитанія, грабежа и славы. Иногда такія толпы искателей приключеній, проникнувъ силою въ страну, которая не въ состояніи была сопротивляться имъ, заводили въ ней свои поселенія; иногда же сами онѣ подвергались истребленію. Случалось, что римляне принимали ихъ въ ряды своихъ армій или селили на своихъ земляхъ; но случалось также, что послѣ продолжительнаго отсутствія они возвращались въ свои земли, нагруженные добычей, и, пополнивъ свои ряды новобранцами, снова готовы были броситься на новыя приключенія. Поколѣніе, кажется, чрезвычайно быстро слѣдовало за поколѣніемъ между этими народами. Какъ только одно поколѣніе выбывало вслѣдствіе выселенія, или гибло отъ войны и голода, то за нимъ немедленно слѣдовало другое, готовое занять его мѣсто.

При такихъ обстоятельствахъ, понятно, что сѣверныя страны не могли истощить своего населенія. Поэтому, когда Робертсонъ, описывая бѣдствія, причиняемыя вторженіями варваровъ, говоритъ, что они продолжались непрерывно до тѣхъ поръ, пока сѣверъ, посылая толпу за толпою, истощился наконецъ до того, что не могъ поставлять новыхъ орудій разрушенія, то онъ впадаетъ именно въ ту же самую ошибку, которую онъ только что самъ опровергнулъ, то есть, онъ считаетъ, что сѣверныя страны обладали дѣйствительно весьма значи-

тельнымъ населеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ же судить иначе, если въ извѣстную эпоху онѣ могли нетолько пополнить свое населеніе, уничтоженное войнами, но и населить еще Фракію, Панноніо, Галлію, Испанію, Африку, Италію, до такой степени, что не оставили почти никакого слѣда прежнихъ обитателей въ нѣкоторыхъ изъ этихъ странъ? Но этотъ же историкъ предполагаетъ, что страны эти были заселены впродолженіи двухъ столѣтій. Очевидно, что въ этотъ промежутокъ времени выростали новыя поколѣнія, которыя пополняли всѣ потери, производимыя непрерывавшимися выселеніями.

Дѣйствитвительная причина, остановившая ихъ, состояла въ невозможности проникнуть въ страны, въ которыхъ они пытались поселиться. Лучшія страны Европы были уже заняты потомками самыхъ храбрыхъ и предпріимчивыхъ германскихъ племенъ. Нельзя предположить, чтобы въ такой незначительный промежутокъ времени, со времени ихъ выселенія, они могли до такой степени выродиться, и утратить доблести своихъ отцевъ, чтобы согласиться подчиниться толпамъ, менѣе многочисленнымъ и менѣе искуснымъ въ военномъ дѣлѣ, хотя, можетъ быть, и болѣе смѣлымъ и болѣе дикимъ.

Остановленные мужествомъ и самою бѣдностью своихъ сосѣдей, жители Скандинавіи обратились къ морскимъ экспедиціямъ, которыя открыли новое поприще для ихъ предпріимчивости и новое средство избавиться отъ избытка населенія. До царствованія Карла Великаго народы эти всюду наводили ужасъ, и этому государю только съ большимъ трудомъ удалось удержать ихъ. Но какъ только государство его раздѣлено было между его слабыми преемниками, то тѣ же народы, подобно пламени, все уничтожающему на пути своемъ, разлились по нижней Саксоніи, Фрисландіи, Голландіи и по обоимъ берегамъ Рейна до Маинца.

Опустошая впродолженіи многихъ лѣтъ морскіе берега, они проникли въ самое сердце Франціи, разграбили и сожгли ея лучшіе города, налагали на ея королей огромную дань, и получили наконецъ по особенному договору одну изъ лучшихъ ея провинцій. Они распространили ужасъ до самой

Испаніи, Италіи и Греціи, и всюду несли разореніе. Иногда народы эти обращали свое оружіе другъ противъ друга и, повидимому, готовы были безжалостно губить самихъ себя.

Иногда они заводили также поселенія въ мѣстностяхъ неизвѣстныхъ и ненаселенныхъ, какъ бы вознаграждая за потерю людей, причиненную ихъ ужасными грабежами и непрерывными разбоями.

Междоусобныя войны и дурное управленіе саксонскихъ королей въ Англіи вызвали такія же слѣдствія, какъ слабость королей во Франціи; впродолженіи двухъ столѣтій Британскіе острова были постоянно опустошаемы, а часть ихъ нерѣдко попадала во власть этихъ сѣверныхъ удальцевъ. Въ теченіи VIII, IX и X вѣка всѣ европейскія моря покрыты были ихъ судами; а народы, стоящіе въ настоящее время на высшей степени развитія въ военномъ и промышленномъ отношеніи, не имѣли спасенія отъ ихъ непрекращавшихся грабежей. Но мало по малу силы ихъ окрѣпли, и имъ удалось прекратить на будущее время набѣги сѣверныхъ варваровъ*. Послѣдніе нескоро и неохотно подчинились необходимости, но принуждены были держаться въ собственныхъ границахъ. Мало по малу они перемѣнили свою кочевую жизнь, а также склонности къ разбою и къ приключеніямъ на мирныя торговыя и земледѣльческія занятія, которыя въ свою очередь, пріучивъ ихъ къ менѣе быстрой наживѣ, незамѣтно измѣнили ихъ нравы и обычаи.

Между скандинавами, въ періодъ ихъ войнъ и постоянныхъ набѣговъ, вѣроятно ни одинъ человѣкъ не удерживался отъ вступленія въ бракъ опасеніемъ, что ему нечѣмъ будетъ содержать семью. Но безъ сомнѣнія, совершенно иное представляютъ намъ скандинавы новѣйшаго времени: опасеніе это, справедливое и вполнѣ основательное, составляетъ

---

* Цивилизованные народы, быть можетъ, не смѣли считать себя внѣ опасности отъ новыхъ вторженій варваровъ съ сѣвера и востока до той эпохи, въ которую произошелъ полный переворотъ въ военномъ искуствѣ, вслѣдствіе изобрѣтенія пороха и огнестрѣльнаго оружія, которое дало несомнѣнный перевѣсъ искуству и просвѣщенію надъ физической силой. Прим. автора.

у нихъ, какъ и всюду, постоянное препятствіе для безграничнаго числа супружествъ. Въ особенности слѣдуетъ это сказать о Норвегіи, какъ я буду имѣть случай замѣтить въ другомъ мѣстѣ. Но и во всей Европѣ препятствіе это дѣйствуетъ съ большою силой. Къ счастію, болѣе мирное состояніе новѣйшаго міра и не требуетъ быстрой смѣны одного поколѣнія другимъ.

Малле, въ превосходномъ историческомъ очеркѣ сѣверныхъ народовъ, открывающемъ его *Исторію Даніи*, замѣчаетъ, что ничто не доказываетъ, чтобы выселенія ихъ вызывались недостаткомъ мѣста въ ихъ собственной странѣ. Въ подтвержденіе этого замѣчанія онъ говоритъ между прочимъ, что послѣ значительныхъ выселеній страна нерѣдко оставалась совершенно пустынной и безлюдной. Не подлежитъ сомнѣнію, что это могло случаться, но я полагаю, что это бывало только въ немногихъ, рѣдкихъ случаяхъ. Духъ предпріимчивости и всегдашняя готовность къ выселенію могли поднять все населеніе страны, и побудить его искать новаго, лучшаго отечества. Въ такомъ случаѣ территорія его, безъ сомнѣнія, оставалась незанятой и на нѣкоторое время лишенной населенія. Если же почва или положеніе страны представляли какія либо неудобства, что́ и подтверждается подобнымъ рѣшеніемъ оставить ее, то нетрудно понять и то, что сосѣднія племена охотнѣе рѣшались силою завоевать себѣ новыя земли въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ занять эту оставленную территорію. Это нисколько, повидимому, не противурѣчитъ духу варварскихъ народовъ. Такія поголовныя выселенія доказываютъ только, что общество не желало раздѣлиться, но они вовсе не говорятъ о недостаткѣ мѣста или продовольствія.

Другое объясненіе, предлагаемое Малле, состоитъ въ томъ, что въ Саксоніи, какъ и въ Сандинавіи, обширныя пространства земли лежали въ первобытномъ видѣ, невоздѣланными и нерасчищенными, и что по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ о состояніи Даніи въ эту отдаленную эпоху, повидимому, населены были одни только берега ея, а внутренность страны была покрыта непроходимыми лѣсами. Но очевидно, что историкъ впадаетъ на этотъ разъ въ общую ошибку, и что онъ смѣшиваетъ избыточное населеніе съ густымъ населеніемъ вообще*. Нравы кочевыхъ народовъ, привычка ихъ къ войнѣ и набѣгамъ не дозволяли имъ заняться разработкой и воздѣлываніемъ земли**; а самые лѣса, окружавшіе ихъ, ограничивая ихъ средства существованія, содѣйствовали появленію между ними излишняго населенія, то есть, нарушали равновѣсіе между постоянно возраставшею ихъ числительностью и находившимися въ ихъ распоряженіи слабыми средствами продовольствія.

Существуетъ еще одна причина, на которую рѣдко обращаютъ вниманіе, а именно: страны бѣдныя, холодныя и малолюдныя, вообще отличаются стремленіемъ къ избыточному

---

* Различіе, приводимое Мальтусомъ, между *избыточнымъ* и просто *густымъ* населеніемъ постоянно опускается изъ виду. Противъ опасеній, возбуждаемыхъ избыточнымъ населеніемъ, приводятъ возраженіе, что территорія различныхъ государствъ, а затѣмъ и весь земной шаръ далеко не переполнены еще населеніемъ, и забываютъ, что для того, чтобы перемѣститься съ пользой, и не захватить съ собой пороковъ и нищеты изъ своего отечества, необходимо содѣйствіе капиталовъ. Однако же, я надѣюсь, согласятся съ нами, что если населеніе уходитъ изъ родной страны, то вѣроятно эмиграція вызывается не избыткомъ капиталовъ. Статистика выселеній могла бы принести большую пользу. По этому вопросу распространены самыя нелѣпыя заблужденія. Т. III, гл. IV, *Объ эмиграціяхъ*. Гарнье.

** «Не такъ легко убѣдить ихъ пахать землю или ждать цѣлый годъ, вмѣсто того, чтобы искать враговъ и ранъ. Мало того, имъ кажется лѣнью и малодушіемъ добывать въ потѣ лица то, что́ можно пріобрѣсть силою оружія», говоритъ Тацитъ, *De morib. german.* Въ самомъ дѣлѣ, ничего не можетъ быть очевиднѣе чрезвычайнаго затрудненія для народа измѣнить свои привычки: поэтому, крайне ошибочно заключеніе, что народъ не терпитъ особенной нужды изъ того обстоятельства, что онъ не разработываетъ своихъ земель.

Прим. автора.

Такъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ заключать и о безусловномъ и неизбѣжномъ недостаткѣ пищи, вытекающемъ изъ естественныхъ законовъ природы. Какъ ни трудно человѣку измѣнить свои склонности и привычки, тѣмъ неменѣе, справедливо, что увеличеніе количества земныхъ произведеній всегда зависитъ отъ человѣка, наперекоръ духу Мальтусова ученія. Рус. перев.

населенію и побужденіемъ народа къ выселенію. Въ жаркихъ и густонаселенныхъ странахъ, въ особенности въ такихъ, въ которыхъ существуетъ много городовъ и фабрикъ, рѣдко случается, чтобы голодъ, какъ бы онъ ни былъ непродолжителенъ, не вызвалъ какой нибудь эпидеміи, то въ видѣ жестокой и чумной заразы, то въ видѣ другой какой либо, менѣе жестокой, но болѣе продолжительной болѣзни. Въ странахъ бѣдныхъ и холодныхъ, съ рѣдкимъ населеніемъ, напротивъ того, вслѣдствіе противудѣйствія воздуха заразамъ, бѣдствія, причиненныя голодомъ или дурною пищей, могутъ длиться весьма продолжительное время, не вызывая такихъ послѣдствій; поэтому, въ такихъ странахъ потребность въ выселеніи ощущается съ большей силой и болѣе продолжительное время *.

Тѣмъ неменѣе, я вовсе не имѣю намѣренія утверждать, что всѣ сѣверные набѣги вызывались недостаткомъ мѣста и продовольствія. Малле говоритъ, основываясь, повидимому, на хорошихъ источникахъ, что между этими народами существовалъ обычай сзывать каждую весну собраніе, на которомъ рѣшалось, въ какую сторону идти войной. Народъ, до такой степени склонный къ войнѣ, которому сила казалась божественнымъ правомъ, не могъ встрѣчать недостатка въ поводахъ для удовлетворенія своей страсти. Но и помимо этого естественнаго и безкорыстнаго пристрастія къ войнѣ и къ приключеніямъ, выселенія могли вызываться и внутренними несогласіями, вліяніемъ превосходнаго врага, желаніемъ болѣе пріятнаго климата и многими другими причинами. Но если взглянуть на дѣло съ общей точки зрѣнія, то нельзя не ви-

* Эпидеміи возвращаются рѣже или чаще, смотря по свойствамъ почвы, воздуха, мѣстоположенія, и проч. По этой причинѣ, нѣкоторыя страны посѣщаются ими ежегодно, какъ Египетъ и Константинополь; другія—разъ въ каждые четыре или пять лѣтъ, какъ окрестности Алепо и Триполи; третьи посѣщаются ими чрезъ десять, двѣнадцать или тринадцать лѣтъ, какъ Англія; наконецъ, есть и такія, которыя посѣщаются ими не чаще, какъ разъ въ двадцать лѣтъ, какъ Норвегія и сѣверныя острова. Шортъ, *Hystory of air seasons*, т. II, стр. 344. Прим. автора.

дѣть въ разсматриваемомъ нами историческомъ періодѣ примѣра въ подтвержденіе закона народонаселенія. Законъ этотъ, по моему мнѣнію, далъ первый толчокъ, доставилъ средства и создалъ поводы, какъ для тѣхъ вторженій и выселеній, которыя вызвали паденіе римской имперіи, такъ и для тѣхъ, которыя, исходя изъ такихъ малонаселенныхъ странъ, какъ Норвегія и Данія, впродолженіе двухъ столѣтій опустошали бо́льшую часть Европы. Если отвергнуть предположеніе, что народы эти обладали почти такою же способностью къ размноженію, какая замѣчена была въ Америкѣ, то я не вижу никакой возможности объяснить эти явленія *. Напротивъ того, допустивъ это предположеніе, объясненіе препятствій, останавливавшихъ между ними размноженіе народонаселенія, не встрѣчаетъ никакого затрудненія. Для этого достаточно прочитать возмутительныя подробности о ихъ безконечныхъ войнахъ, и припомнить, какъ легко отнималась у человѣка жизнь въ эти варварскія времена.

Не подлежитъ сомнѣнію, что дѣйствовали и другія причины; тѣмъ неменѣе, мы имѣемъ полное право сказать, что между кочевыми народами сѣверной Европы война и голодъ были главными препятствіями, удерживавшими ихъ населеніе на уровнѣ слабыхъ средствъ существованія.

ГЛАВА VII.—О препятствіяхъ для размноженія населенія между кочующими племенами настоящаго времени.

Такъ какъ различныя племена кочующихъ народовъ Азіи живутъ обыкновенно въ шатрахъ или переносныхъ палаткахъ, а не въ прочно построенныхъ жилищахъ, то они еще менѣе

* Гиббонъ, Робертсонъ и Малле, всѣ находятъ, повидимому, выраженіе Іорнанда *vagina nationum* неправильнымъ и преувеличеннымъ; что касается до меня, я нахожу его вполнѣ умѣстнымъ, но другое его выраженіе *officina gentium* (магазинъ, фабрика, лабораторія народовъ), быть можетъ, и не совсѣмъ точно. Прим. автора.

«Итакъ, изъ острова Скандіи, какъ бы изъ *мастерской народовъ* (*officina gentium*), или какъ бы изъ *матки народовъ* (*vagina nationum*), вышли и т. д.» Іорнандъ, *De rebus Geticis*, стр. 83.

привязаны къ мѣстамъ, которыя занимаютъ, чѣмъ древніе кочевники сѣверной Европы. Отечество татарина уже не почва, а таборъ. Когда подножный кормъ весь вытравленъ въ извѣстной мѣстности, то племя отправляется на новыя пастбища. Лѣтомъ оно отправляется къ сѣверу, а зимою возвращается на югъ. Такимъ образомъ, среди глубочайшаго мира оно пріобрѣтаетъ привычку и способность къ одной изъ труднѣйшихъ сторонъ военной жизни. Такой образъ жизни сильно развиваетъ между кочевыми народами стремленіе къ завоеваніямъ и къ набѣгамъ. Жажды добычи, боязни сильнаго сосѣда или неудобствъ, представляемыхъ плохими пастбищами, всегда было достаточно, чтобы побудить скифскія орды къ вторженію въ незнакомую имъ страну, въ надеждѣ найти въ ней болѣе обильное продовольствіе или менѣе опасныхъ враговъ *.

При всѣхъ вторженіяхъ скифовъ, въ особенности же направленныхъ противъ цивилизованныхъ государствъ юга, народы эти постоянно отличались дикимъ звѣрствомъ и безпощаднымъ грабительствомъ. Когда монголы завоевали сѣверныя провинціи Китая, то они совѣщались о поголовномъ истребленіи всѣхъ жителей этой населенной страны и объ обращеніи ея въ пастбища для своихъ стадъ. Только твердостью одного китайскаго мандарина предупреждено было приведеніе въ исполненіе такой ужасной мѣры. Но уже одно подобное предложеніе служитъ очевиднымъ доказательствомъ нетолько безчеловѣчнаго пользованія этими народами правомъ завоеванія, но и силу ихъ привычки къ кочевой жизни и неимовѣрную трудность для нихъ обратиться къ жизни земледѣльческой.

Потребовалось бы слишкомъ много времени прослѣдить, даже въ бѣгломъ очеркѣ, ихъ набѣги и завоеванія въ Азіи, быстрое возвышеніе нѣкоторыхъ племенъ и поголовное истребленіе другихъ. Въ періодъ ужасныхъ вторженій гуновъ, далекихъ нашествій монголовъ, кровавыхъ завоеваній Тамерлана и Аврангзейба и распаденія ихъ имперій, причины, истреблявшія ихъ народонаселеніе, сами бросаются въ глаза. Читая исторію ихъ опустошеній, во время которыхъ достаточно было самаго ничтожнаго повода, одного каприза даже, для поголовнаго истребленія цѣлаго народа, намъ нетолько не приходится отыскивать препятствій, останавливавшихъ движеніе ихъ народонаселенія, но мы поражены удивленіемъ, какъ послѣднее доставляло поколѣніе за поколѣніемъ для истребленія завоевателямъ. Гораздо полезнѣе будетъ заняться настоящимъ состояніемъ татарскихъ народовъ и изслѣдованіемъ обыкновенныхъ условій, предупреждающихъ ихъ размноженіе.

Обширныя страны, населенныя въ настоящее время потомками монголовъ и татаръ, сохранившихъ обычаи своихъ предковъ, занимаютъ весь почти умѣренный поясъ Азіи, и отличаются пріятнымъ и здоровымъ климатомъ. Почва этихъ странъ, по природѣ своей, весьма плодородна: въ нихъ весьма немного настоящихъ пустынь. Названіе пустыни придается иногда обширнымъ, безлѣснымъ, лишеннымъ даже кустарниковъ равнинамъ, которыя русскіе называютъ степями. Но эти равнины, покрытыя густою травой, представляютъ превосходныя пастбища. Главное неудобство ихъ состоитъ въ недостаткѣ воды; но увѣряютъ, что земли, въ которыхъ не чувствуется въ ней недостатка, еслибы онѣ были обработаны какъ слѣдуетъ, могли бы прокормить въ четыре раза большее населеніе, чѣмъ то, которое существуетъ въ настоящее время на всемъ протяженіи этихъ степей. Каждое племя или орда занимаетъ отдѣльный участокъ земли, составляющій его собственность и заключающій его зимнія и лѣтнія пастбища: можно предположить, что населеніе всей территоріи, занимаемой различными племенами, распредѣлено по этимъ участкамъ почти соотвѣтственно плодородію послѣднихъ.

Вольней подробно описываетъ это распредѣленіе, говоря о сирійскихъ бедуинахъ. «Въ безплодныхъ частяхъ, то есть, бѣдныхъ растеніями, племена немногочисленны и разсѣяны

Что касается до фактовъ, приводимыхъ въ этой главѣ, см.: Гиббона, *Исторія паденія Римской имперіи.—Генеалогическая исторія татаръ.*—Вольней, *Путешествіе въ Египетъ и Сирію.—Открытія русскихъ.*—Тукъ, *View of the Russian empire.*—Рубруквисъ, *Путешествіе.*—Собраніе Гарриса, *Путешествіе Шардена.*

далеко одно отъ другаго: такова пустыня Суэзская, Краснаго моря и внутренняя часть великой пустыни, называемая *Наджидъ*. Но если почва болѣе богата, какъ между Дамаскомъ и Евфратомъ, то племена менѣе рѣдки и разбросаны; наконецъ, въ частяхъ, годныхъ для земледѣлія, какъ Алепскій пашалыкъ, Гауранъ и страна Газы, встрѣчаются многолюдныя и болѣе сближенныя кочевья.» Великая Татарія, представляетъ, подобно Скифіи и Аравіи, такое же распредѣленіе, основанное на количествѣ продовольствія, доставляемомъ населенію каждою мѣстностью при настоящемъ состояніи его быта. Такое распредѣленіе, сказать по правдѣ, существуетъ во всѣхъ странахъ земнаго шара, только между цивилизованными народами оно менѣе чувствительно, вслѣдствіе связывающей ихъ торговли.

Татары магометанскаго вѣроисповѣданія, населяющіе западную часть Великой Татаріи, обрабатываютъ часть занимаемыхъ ими земель, но съ такою небрежностью, что получаемыя ими произведенія не составляютъ главнаго источника для удовлетворенія ихъ потребностей. Лѣность и воинственность, свойственныя варварамъ, преобладаютъ между этими народами, и они нелегко соглашаются добывать трудомъ то, что надѣются получить грабежемъ и хищничествомъ. Если въ лѣтописяхъ Татаріи прекращается описаніе войнъ и громкихъ потрясеній, то онѣ наполняются внутренними междоусобицами и взаимными грабежами ради добычи, постоянно возмущающими ихъ спокойствіе и мирныя занятія. Магометанскіе татары описываются намъ, какъ народы, живущіе исключительно однимъ почти грабежомъ и разбоями, какъ во время войны, такъ и во время мира.

Узбеки, владѣтели Хорасана, согласились отдать лучшія пастбища своей страны своимъ данникамъ, сартамъ и туркменамъ, единственно по той причинѣ, что сосѣди ихъ съ этой стороны слишкомъ бѣдны и слишкомъ бдительны, чтобы доставить имъ легкій случай для грабежа. Они живутъ вообще хищничествомъ, и постоянно дѣлаютъ вторженія въ землю персіанъ и узбековъ Большой Бухаріи. Ни миръ, ни перемиріе не въ состояніи удержать ихъ; богатство ихъ состоитъ

въ рабахъ и въ драгоцѣнныхъ предметахъ, полученныхъ грабежемъ. Узбеки и данники ихъ, туркмены, никогда не живутъ въ добромъ согласіи между собою. Взаимная зависть ихъ, нерѣдко подстрекаемая самими владѣтелями, держитъ страну въ постоянномъ возбужденіи. Туркмены находятся въ непрерывной враждѣ съ курдами и арабами, которые дѣлаютъ постоянные на нихъ набѣги, и грабятъ у нихъ стада, женъ и дочерей.

Узбеки Большой Бухаріи считаются самыми цивилизованными изъ всѣхъ магометанскихъ татаръ; но они никому не уступаютъ въ хищничествѣ. Они ведутъ постоянныя войны съ персіянами, и грабятъ богатую равнину Хорасана. Хотя они живутъ въ странѣ, удивительно плодородной, хотя многіе изъ нихъ, происходя отъ древнихъ владѣтелей земли, предаются мирнымъ торговымъ и земледѣльческимъ занятіямъ, тѣмъ неменѣе, ни естественное плодородіе почвы, ни находящійся предъ ихъ глазами примѣръ не въ силахъ заставить ихъ перемѣнить свои привычки. Имъ болѣе нравится грабить, разбойничать и рѣзать своихъ сосѣдей, чѣмъ пользоваться благами, предоставляемыми имъ землей.

Татары Кайсакской орды въ Туркестанѣ живутъ въ постоянной войнѣ съ своими сосѣдями на сѣверѣ и на востокѣ. Зимою они дѣлаютъ набѣги на калмыковъ, которые въ это время вторгаются въ предѣлы большой Бухаріи, и въ земли, лежащія къ югу отъ этой страны. Съ другой стороны, они не перестаютъ безпоконть Яикскихъ казаковъ и ногайскихъ татаръ. Лѣтомъ они переходятъ за Орлиныя горы, и бросаются на Сибирь. Нерѣдко набѣги эти оканчиваются для нихъ самымъ гибельнымъ образомъ; обыкновенно награбленная добыча не превосходитъ того, что они могли бы пріобрѣсть самымъ незначительнымъ трудомъ; но они предпочитаютъ лучше подвергать себя тысячѣ опасностей и всѣмъ неудобствамъ, представляемымъ такимъ образомъ жизни, чѣмъ серьезно заняться земледѣліемъ.

Образъ жизни прочихъ татарскихъ племенъ магометанскаго закона до такой степени сходенъ съ описаннымъ нами, что было бы безполезно на немъ останавливаться; поэтому, я

отсылаю читателя къ *Генеалогической исторіи татаръ* и къ интереснымъ примѣчаніямъ, присоединеннымъ къ ней. Самъ авторъ этой исторіи, бывшій хорасанскимъ ханомъ, собственнымъ своимъ поведеніемъ представляетъ намъ замѣчательный примѣръ жестокостей, сопровождающихъ войну въ этихъ странахъ, возникнетъ ли она изъ политическихъ убѣжденій, изъ мести или алчности. Этотъ ханъ дѣлалъ частые набѣги на Большую Бухарію, постоянно сопровождавшіеся опустошеніемъ провинцій и совершеннымъ разрушеніемъ деревень и городовъ, которые встрѣчались ему на пути. Если множество плѣнныхъ затрудняло движеніе, то онъ нисколько не задумывался приказывалъ ихъ умертвить. Такъ какъ самое пламенное его желаніе состояло въ подчиненіи туркменовъ, бывшихъ его данниками, то онъ пригласилъ на великолѣпное пиршество главнѣйшихъ старшинъ ихъ, и приказалъ умертвить всѣхъ ихъ, числомъ до двухъ тысячъ. Онъ сжегъ и разграбилъ ихъ деревни самымъ безпощаднымъ образомъ, и произвелъ такія опустошенія, что зло обратилось на голову самихъ виновниковъ, ибо побѣдоносная орда много пострадала отъ голода.

Магометанскіе татары вообще ненавидятъ торговлю, и постоянно грабятъ купцевъ, которые попадутся къ нимъ въ руки. Единственная торговля, поощряемая ими, есть торговля рабами. Послѣдніе составляютъ главную часть добычи, доставляемой ихъ набѣгами, и цѣнятся очень высоко. Ихъ держится столько, сколько потребуется въ качествѣ пастуховъ для надзора надъ стадами, или въ качествѣ женъ и наложницъ; остальные продаются. Черкесы и дагестанскіе татары, а также и прочія племена, живущія въ сосѣдствѣ съ Кавказомъ, занимая бѣдныя и гористыя страны, тѣмъ самымъ ограждены отъ вторженій, и потому переполнены населеніемъ. Когда они не могутъ добыть себѣ рабовъ обыкновеннымъ путемъ, то отнимаютъ ихъ другъ у друга, а иногда продаютъ и собственныхъ своихъ женъ и дѣтей. Эта торговля рабами, столь сильно распространенная между магометанскими татарами, быть можетъ, составляетъ одну изъ причинъ постоянныхъ войнъ между ними; ибо, какъ только представится случай для такой торговли, то они забываютъ всякіе союзы и мирные договоры *.

Татары идолопоклонники, калмыки и монголы, не имѣютъ рабовъ. Говорятъ, что они ведутъ жизнь, гораздо болѣе мирную и тихую, и довольствуются произведеніями своихъ стадъ, которыя и составляютъ все ихъ богатство. Они рѣдко предпринимаютъ войну ради добычи, и рѣдко дѣлаютъ набѣги на землю своихъ сосѣдей, развѣ съ цѣлью отмстить за вторженіе въ ихъ владѣнія. Тѣмъ неменѣе, между ними случаются разорительныя войны. Вторженія магометанскихъ татаръ принуждаютъ ихъ къ оборонѣ и къ мести. Между калмыкскими и монгольскими племенами встрѣчается непримиримая ненависть, хотя тѣ и другія происходятъ отъ одной и той же крови. Ненависть эта, подстрекаемая коварной политикой китайскаго императора, пробуждается съ такой силой, что одинъ изъ соперничающихъ народовъ необходимо долженъ погибнуть.

Аравійскіе и сирійскіе бедуины ведутъ такую же тревожную жизнь, какъ и жители Великой Татаріи. Самый бытъ кочевыхъ народовъ, повидимому, доставляетъ поводъ къ безконечнымъ распрямъ. Пастбища, вытравляемыя каждымъ племенемъ въ извѣстное время года, составляютъ только незначительную часть его владѣній. Впродолженіи цѣлаго года оно занимаетъ обширное пространство земли. А такъ какъ все это пространство необходимо для существованія племени, такъ какъ послѣдне, смотритъ на него, вслѣдствіе этого, какъ на исключительную свою собственность, то всякое покушеніе на эту территорію, даже на самую отдаленную часть

* Они оправдываютъ обычай многоженства, говоря, что онъ доставляетъ имъ возможность имѣть много дѣтей, которыхъ они могутъ продать за чистыя деньги, или обмѣнять на самые необходимые предметы. А когда имъ нечѣмъ кормить своихъ дѣтей, то на убійство ихъ при рожденіи они смотрятъ, какъ на дѣло милосердія. Такимъ же образомъ поступаютъ они и съ больными, находящимися, по ихъ мнѣнію, въ безнадежномъ состояніи. Они говорятъ, что освобождаютъ ихъ такимъ образомъ отъ безчисленныхъ страданій. *Путеш. Шардена*, въ *Собраніи Гаррыса*, кн. III, гл. II, стр. 865. Прим. автора.

ея, считается имъ самымъ законнымъ поводомъ къ войнѣ *. Союзы и родственныя отношенія разширяютъ предѣлы войны. Но какъ только будетъ пролита кровь, то она требуетъ возмездія. А какъ такого рода случаи часто повторяются, то большая часть племенъ находится въ постоянныхъ непріязненныхъ отношеніяхъ, и живетъ въ непримиримой враждѣ одно къ другому. Въ эпоху, предшествовавшую Магомету, преданіе насчитываетъ тысячу семсотъ сраженій. Частное перемиріе на два мѣсяца, строго выдержанное, какъ замѣчаетъ Гиббонъ, еще сильнѣе даетъ почувствовать постоянную привычку ихъ къ войнѣ и къ безпорядкамъ.

Потери людей, причиняемой такими нравами, быть можетъ, уже достаточно для удержанія народонаселенія въ опредѣленныхъ границахъ. Но эти нравы вѣроятно ограничиваютъ его еще дѣйствительнѣе, задерживая развитіе промышленности, въ особенности той, которая имѣетъ цѣлью увеличить количество продовольствія. Если предстоитъ даже такое предпріятіе, какъ вырытіе колодца или сооруженіе водохранилища, то для этого необходимо затратить впередъ извѣстный капиталъ и часть труда. Но война можетъ въ одинъ день уничтожить работу нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и погубить источникъ продовольствія на цѣлый годъ. Одно бѣдствіе вызываетъ въ такомъ случаѣ другое. Недостатокъ въ средствахъ существованія породилъ склонность къ грабежу, а привычка къ грабежу уменьшаетъ средства существованія.

Существуютъ племена, которыя, по самой природѣ занимаемой ими страны, какъ бы предназначены къ кочевой жизни. Но и племена, живущія въ мѣстности, способной къ земледѣлію, не могутъ обратиться къ мирнымъ занятіямъ, пока окружены грабителями и разбойниками. Земледѣльческое населеніе провинцій, пограничныхъ съ Сиріей, Персіей и Си-

* Они оспариваютъ владѣніе пустопорожними землями, какъ у насъ спорятъ о наслѣдствахъ. Поэтому, продовольствіе стадъ доставляетъ имъ постоянный поводъ къ войнѣ, и проч...» «Имъ пришлось бы установить столько отношеній на основаніи международнаго права, что гражданскому праву оставалось бы рѣшить весьма немного вопросовъ.» Монтескье, *Духъ законовъ*, кн. XVIII, гл. XII. Прим. автора.

бирью, испытывающихъ безпрерывные набѣги хищныхъ непріятелей, терпитъ нелучшую участь, чѣмъ татары или кочующіе арабы. Нестолько плодородіе почвы, сколько извѣстная степень безопасности можетъ облегчить народу переходъ отъ кочевой жизни къ земледѣльческой. При отсутствіи же ея, осѣдлый земледѣлецъ подвергается бо́льшимъ опасностямъ, чѣмъ бродячій кочевникъ, переносящій съ собою все свое имущество. Подъ управленіемъ турокъ, въ одно и то же время слабымъ и притѣснительнымъ, земледѣльцы нерѣдко оставляютъ свои деревни, и снова обращаются къ кочевой жизни, чтобы избавиться отъ грабительства своихъ властителей и сосѣдей.

Какъ бы то ни было, о кочевыхъ народахъ можно сказать то же, что̀ и объ охотничьихъ, что еслибы одной нужды достаточно было, чтобы заставить ихъ измѣнить свой образъ жизни, то весьма немногіе сохранили бы свои привычки. Несмотря на безпрерывныя войны между бедуинами Аравіи, и на препятствія, противупоставляемыя ихъ размноженію суровою и тягостною жизнью, народонаселеніе ихъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ, допускаемыхъ средствами существованія; вслѣдствіе чего, они вынуждены къ такому воздержанію, которое было бы не по силамъ людямъ, непріученнымъ къ нему съ малолѣтства. По словамъ Вольнея, низшіе классы между арабами живутъ въ постоянной нищетѣ, и часто терпятъ отъ голода. Племена, населяющія пустыню, говорятъ, что законъ Магомета писанъ не для нихъ; ибо, жалуются они, какимъ образомъ совершать намъ омовенія, не имѣя воды; какъ можемъ мы творить милостыню, не имѣя что̀ подать, и для чего предписывать намъ постъ въ мѣсяцъ Рамазана, когда мы постимъ круглый годъ?

Могущество и богатство шейха состоитъ въ многочисленности его племени. Поэтому, онъ старается о его размноженіи, но нисколько не заботится о средствахъ для его существованія. Его значеніе зависитъ отъ числа его дѣтей и родственниковъ. При такомъ состояніи общества, когда средства существованія добываются силою, значеніе и богатство каждаго отдѣльнаго семейства зависятъ отъ его многочисленности.

Такія понятія дѣйствуютъ, какъ премія или награда, поощряющая размноженіе населенія, а при содѣйствіи духа справедливости, порождающаго какъ бы общность имуществъ, они поднимаютъ числительность племени почти до такихъ предѣловъ, до какихъ она только можетъ достигнуть, и всѣмъ вмѣняютъ самое строгое воздержаніе.

Многоженство производитъ, быть можетъ, такое же дѣйствіе въ странѣ, теряющей въ войнахъ множество народа. Нибуръ замѣчаетъ, что многоженство до такой степени размножаетъ семейства, что многія вѣтви его впадаютъ въ самую крайнюю бѣдность *. По всему востоку встрѣчается огромное число потомковъ Магомета, бо́льшая часть которыхъ живетъ въ совершенной нищетѣ. Всякій магометанинъ обязанъ стремиться къ многоженству изъ повиновенія закону пророка, чтобы доставить больше поклонниковъ Богу. Къ счастію, личныя выгоды исправляютъ и въ этомъ случаѣ, какъ во множествѣ другихъ, нелѣпый законъ, и арабъ, противъ воли, долженъ сообразовать повиновеніе закону съ своими скудными средствами. Тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что эти прямыя поощренія побуждаютъ его къ размноженію населенія; и если что либо можетъ показать, до какой степени вредны такія поощренія, такъ это настоящее состояніе этихъ народовъ. Вообще принимается, что послѣдніе не сдѣлались болѣе многочисленны противъ прежняго, а изъ этого мы смѣло можемъ вывести заключеніе, что значительное размноженіе нѣкоторыхъ семействъ причинило исчезновеніе другихъ. Гиббонъ замѣчаетъ, говоря объ Аравіи, «что количество населенія опредѣляется въ ней средствами существованія, и что число жителей всего этого обширнаго полуострова вѣроятно ниже числа жителей одной какой либо плодородной и трудолюбивой провинціи» **. Какъ бы сильны ни

* *Путеш. Нибура* кн. II, гл. V, стр. 207.

** Замѣчательно, что такая важная и несомнѣнная истина, признанная столькими писателями, не обращала ихъ вниманія на свои послѣдствія. Народы погибаютъ не отъ одного только голода. Какимъ же образомъ уравновѣшивается населеніе средствами существованія?
Прим. автора.

были поощренія людей къ супружеству, населенію невозможно перейти за эти предѣлы. Пока арабы не измѣнятъ своихъ обычаевъ, пока воздѣлываніе страны ихъ останется въ теперешнемъ состояніи, до тѣхъ поръ тщетны будутъ всѣ обѣщанія рая человѣку, если у него будетъ десять человѣкъ дѣтей: такими средствами нельзя увеличить населеніе, но можно усилить его поголовную бѣдность и страданія. Прямыя поощренія народонаселенія никакимъ образомъ не могутъ измѣнить нравовъ этихъ народовъ, ни оказать содѣйствія лучшей обработкѣ ихъ земли. Скорѣе они оказываютъ противуположное дѣйствіе; ибо, усиливая бѣдность, они должны увеличивать безпокойство, поддерживать склонность къ грабежу и размножать поводы къ войнѣ *.

Между татарами, живущими въ болѣе плодородной странѣ и обладающими болѣе многочисленными стадами, грабежъ доставляетъ больше пользы, чѣмъ между арабами. Но за то и встрѣчаемый ими отпоръ сильнѣе, вслѣдствіе большей многочисленности племенъ; обычай содержать рабовъ находится во всеобщемъ распространеніи между ними. По всѣмъ этимъ причинамъ, война губитъ у нихъ гораздо больше людей. Съ одной стороны, богатая добыча, а съ другой стороны, уменьшеніе потребителей, ставятъ нѣкоторыя разбойничьи племена въ гораздо болѣе счастливое положеніе, сравнительно съ ихъ сосѣдями, менѣе предпріимчивыми. Профессоръ Палласъ представляетъ подробное описаніе двухъ кочующихъ племенъ изъ числа тѣхъ, которыя находятся въ русскомъ подданствѣ. Одно живетъ почти однимъ только грабежомъ; другое ведетъ такую мирную жизнь, какая только возможна въ сосѣдствѣ хищниковъ. Интересно прослѣдить различныя препятствія, противуполагаемыя размноженію населенія этими различными нравами.

По мнѣнію Палласа **, киргизы живутъ въ довольствѣ,

* Вотъ почему не проходитъ дня безъ воровства или похищенія изъ стада, и такая разбойническая война наполняетъ собою почти всю жизнь арабовъ». Вольней, *Путеш. въ Египетъ и Сирію*, т. I, гл. XXII, стр. 364.
Прим. автора.

** Такъ какъ я не могъ достать сочиненія Палласа объ исторіи

сравнительно съ прочими кочующими племенами, находящимися въ подданствѣ Россіи. Духъ свободы и независимости, господствующій между ними, при содѣйствіи такого количества стадъ, какое требуется для ихъ прокормленія, служитъ причиной, что ни одинъ киргизъ нейдетъ въ услуженіе къ другому. Всѣ они требуютъ одинаковаго обращенія съ ними; вслѣдствіе этого, богатые должны были завести рабовъ. Въ настоящемъ случаѣ можно предложить вопросъ: какія же причины не допускаютъ чрезмѣрнаго размноженія между ними низшихъ классовъ и увеличенію числа бѣдняковъ.

Палласъ не говоритъ, слѣдуетъ ли причислить къ нимъ какія либо порочныя склонности или добровольное самообузданіе относительно вступленія въ супружество, изъ опасенія не обременить себя семьей: но того, что онъ говоритъ о гражданскомъ управленіи этихъ народовъ и о своеволіи, вызываемомъ между ними привычкою къ хищничеству, достаточно для разъясненія занимающаго насъ вопроса. Ханъ управляетъ при содѣйствіи совѣта изъ старѣйшинъ народа; но всѣ его распоряженія нарушаются самымъ безнаказаннымъ образомъ. Такимъ образомъ, хотя по закону они не смѣютъ грабить своихъ сосѣдей, каракалпаковъ, бухарцевъ, персіянъ, туркменовъ, калмыковъ и русскихъ, похищать у нихъ скотъ, товары или людей, но они нисколько не боятся сознаться въ нарушеніи этого закона. Напротивъ того, они хвалятся имъ, какъ славнымъ удальствомъ. Иногда они переходятъ границы попытать счастія въ одиночку, иногда же вторгаются толпой, подъ предводительствомъ начальника, и грабятъ цѣлые караваны. Въ этихъ набѣгахъ множество ихъ частью погибаетъ, частью попадаетъ въ рабство; но остальной народъ нисколько этимъ не тревожится. Частные люди, отправляющіеся на грабежъ на собственный страхъ, пользуются плодами предпріятія, и сохраняютъ въ свою собственность захваченный скотъ и женщинъ. Что же касается до товаровъ и плѣнныхъ

монгольскихъ народовъ, то я пользовался сокращеннымъ очеркомъ сочиненій русскихъ путешественниковъ, изданнымъ въ Берлѣ и Лозаннѣ въ 1781 и 1784, подъ заглавіемъ *Открытія русскихъ*. Прим. автора.

мужчинъ, то они продаютъ ихъ богатымъ киргизамъ или иноземнымъ купцамъ.

Такіе обычаи, вмѣстѣ съ войнами, навлекаемыми на племя его легкомысліемъ и мятежнымъ духомъ, придаютъ такую силу насильственнымъ причинамъ, уничтожающимъ его населеніе, что нетрудно понять слабое дѣйствіе прочихъ. Весьма легко можетъ случиться, что опустошительныя войны, утомительные набѣги, продолжительная засуха или падежъ скота причинятъ между ними голодъ; но въ обыкновенное время приближеніе нужды подаетъ знакъ къ хищническому набѣгу; а отправляющійся на грабежъ киргизъ возвращается изъ него обремененный добычей, или же погибаетъ, если не попадаетъ въ рабство. Человѣкъ, рѣшившійся жить богато или умереть и равнодушный къ средствамъ для достиженія цѣли, не можетъ быть долго въ бѣдности *.

Калмыки, занимавшіе, до своего выселенія въ 1771, плодородныя волжскія степи, вели совершенно иной образъ жизни подъ покровительствомъ Россіи. Между ними рѣдко происходили кровавыя распри; ханъ пользуется у нихъ неограниченной властью, а управленіе у нихъ болѣе правильно, чѣмъ у киргизовъ, и отдѣльные хищники строго преслѣдуются. Калмыкскія женщины весьма плодородны. Бездѣтныя супружества встрѣчаются весьма рѣдко: предъ каждою кибиткой играетъ обыкновенно три или четыре ребенка. Изъ этого можно заключить, говоритъ Палласъ, что они значительно размножились впродолженіи полуторастолѣтней жизни въ мирныхъ волжскихъ степяхъ. Причины, воспрепятствовавшія такому ихъ размноженію, какое можно было ожидать, состояли, по его мнѣнію, въ случайныхъ паденіяхъ съ лошади, въ небольшихъ распряхъ начальниковъ племенъ между собою и съ сосѣдями; но главнымъ образомъ, въ большомъ числѣ умирающихъ между простымъ народомъ отъ голода,

* Такая толпа уничтожаетъ все, что встрѣчаетъ на своемъ пути; она уводитъ съ собой весь скотъ, который не успѣетъ съѣсть, и захватываетъ въ рабство женщинъ, дѣтей и мужчинъ, которые останутся въ живыхъ.» *Откр. русскихъ*, стр. 390.

нищеты и всякаго рода болѣзней, въ особенности убивающихъ дѣтей.

Когда племя это отдалось подъ покровительство Россіи, то, кажется, оно отдѣлилось отъ зюнгаровъ, и было весьма немногочисленно. Обладаніе плодоносными степями и болѣе покойная жизнь скоро размножили его до того, что въ 1662 оно состояло изъ пятидесяти тысячъ семействъ *. Но со времени этой эпохи до своего выселенія въ 1771, кажется, что населеніе увеличивалось крайне медленно. Вѣроятно, количество пастбищъ не дозволяло этому татарскому племени поднять свое населеніе значительно выше того уровня, котораго оно уже достигло; ибо, при выступленіи его, неудовольствіе хана противъ Россіи поддерживалось жалобами народа на недостатокъ пастбищъ для ихъ многочисленныхъ стадъ. Въ это время въ племени считалось пятьдесятъ пять или шестьдесятъ тысячъ семействъ. Судьба, испытанная имъ во время своего выселенія, вѣроятно часто постигаетъ кочующія племена, которыя, по той или другой причинѣ, перемѣняютъ свое мѣстопребываніе. Племя пошло въ путь зимой. Оно потеряло множество народу отъ холода, голода и разныхъ страданій. Бо́льшая часть его была захвачена или погибла отъ киргизовъ. Тѣ же, которымъ удалось достичь до назначеннаго кочевья, сначала были дружественно приняты китайцами, но впослѣдствіи испытали съ ихъ стороны самое суровое обращеніе.

До этого выселенія простые люди между калмыками жили въ нищетѣ. Они питались животными, растеніями и кореньями, какіе только могутъ быть употреблены въ пищу. Эти несчастные люди рѣдко рѣшались убить какую нибудь штуку скота, если она не была больна или украдена. Въ послѣднемъ случаѣ они немедленно съѣдали ее, чтобы не попасться. Искалеченныя или негодныя лошади, скотъ, павшій отъ какой либо болѣзни, только не отъ чумы, составляли для нихъ лакомое блюдо. Бѣднѣйшіе ѣли даже разлагавшуюся уже падаль и даже скотскій пометъ. Дѣти ихъ умирали во множествѣ вслѣдствіе такой скверной пищи. Зимою народъ въ особенности терпѣлъ отъ холода и голода. Третья часть ихъ овецъ гибла обыкновенно зимою, а иногда и бо́льшая часть, несмотря на всѣ заботы объ ихъ сохраненіи: когда же наступали, послѣ дождей и снѣга, сильные морозы, отнимавшіе у скота возможность пастись, то открывался страшный падежъ скота, и бѣдный народъ дѣлался жертвой голода.

* Другой примѣръ быстраго размноженія представляютъ поселенія крещеныхъ калмыковъ, получившихъ отъ Россіи весьма плодородный округъ. Изъ 8,695 душъ въ 1754 число ихъ возросло въ 1771 году до 14,000. Тукъ, т. II, гл. II, стр. 32, 33. Прим. автора.

Злокачественныя лихорадки, причиняемыя главнымъ образомъ испорченною пищей и гнилыми испареніями, а также оспа, которой народы эти боятся хуже чумы, уменьшаютъ въ значительной степени ихъ число. Тѣмъ не менѣе, народонаселеніе ихъ такъ близко приближалось къ уровню, допускаемому средствами существованія, что на нужду и на порождаемыя ею болѣзни можно смотрѣть, какъ на главное препятствіе для размноженія этого племени.

Путешественникъ, проѣзжающій въ лѣтніе мѣсяцы по Татаріи, вѣроятно встрѣтитъ на своемъ пути обширныя, безлюдныя степи; онъ увидитъ траву, погибающую на корню, за отсутствіемъ людей, которые бы скосили, и стадъ, которыя бы потравили ее. Быть можетъ, онъ заключитъ изъ этого, что страна могла бы прокормить гораздо больше людей, даже при предположеніи, что они не оставятъ кочевой жизни. Такое заключеніе было бы слишкомъ поспѣшно. Когда мы говоримъ о силѣ лошади или какого либо рабочаго животнаго, то имѣемъ въ виду извѣстныя части тѣла и взаимныя отношенія ихъ между собой. Если у него слабы ноги, то крѣпость остальныхъ частей тѣла имѣетъ ничтожное значеніе. Если у него нѣтъ силы въ крестцѣ или въ бедрахъ, то оно не можетъ пользоваться сильными ногами. Это же разсужденіе можно приложить и къ землѣ. Блага, расточаемыя ею въ изобиліи въ урожайные годы, не могутъ быть потреблены небольшимъ числомъ людей, прокармливаемыхъ ею въ неурожайные годы. Когда трудомъ человѣка руководитъ и освѣщаетъ ему путь предусмотрительность, то коли-

чество населенія обусловливается среднимъ годовымъ урожаемъ. Но между животными и нецивилизованными народами количество это гораздо ниже средняго. Татарину было бы весьма затруднительно заготовить и забрать съ собой столько сѣна, сколько требуется для прокормленія его стадъ во время зимы. Такой обозъ затруднилъ бы его передвиженіе, и подвергъ бы его нападенію со стороны враговъ. Одинъ несчастный день лишилъ бы его трудовъ цѣлаго лѣта; ибо, въ набѣгахъ ихъ другъ на друга, кажется, они постоянно придерживаются обычая сожигать и уничтожать запасы сѣна и продовольствія, которые нельзя захватить съ собой *. По этой причинѣ, татаринъ запасаетъ на зиму сѣно только для отборной части своихъ стадъ, а остальныхъ животныхъ онъ оставляетъ на произволъ судьбы, какъ они съумѣютъ прокормиться тѣмъ, что̀ осталось на вытравленныхъ поляхъ. Такая дурная пища, при содѣйствіи холода, губитъ бо̀льшую часть ихъ стадъ. Населеніе каждаго племени опредѣляется числительностью его стадъ. Поэтому, среднее число татаръ, подобно среднему числу вольныхъ степныхъ лошадей, до такой степени уменьшается періодическимъ возвращеніемъ зимней стужи и голода, что остающіеся не въ силахъ потребить то обильное количество произведеній, которое доставляется лѣтомъ.

Засуха производитъ такое же дѣйствіе, какъ и неурожайный годъ, если принять въ разсчетъ, что она часто случается. Въ Аравіи и въ большей части Татаріи засуха есть дѣло обыкновенное. При предположеніи, что она случается разъ въ каждыя шесть или восемь лѣтъ, населеніе никогда не можетъ подняться значительно выше уровня, допускаемаго этими дурными годами. Это общій законъ при всякомъ состояніи общества; но состояніе кочеваго народа, повидимому, нахо-

* «Они подожгли всѣ скирды хлѣба и сѣна... Полтораста деревень было сожжено ими». *Записки барона Тота*, т. I, стр. 272. Писатель этотъ дѣлаетъ интересное описаніе положенія одного татарскаго отряда и бѣдствій, перенесенныхъ имъ во время зимняго похода. «Этотъ день стоилъ отряду 3,000 человѣкъ и 30,000 лошадей, погибшихъ отъ холода. Стр. 267. Прим. Автора.

дится въ большей еще зависимости отъ вліянія погоды. Падежъ скота представляетъ зло, отражающееся на болѣе продолжительное время, чѣмъ неурожай хлѣба. А между тѣмъ, Палласъ и другіе русскіе путешественники говорятъ, что скотской падежъ часто случается въ Татаріи.

Такъ какъ между этими народами имѣть семью считается дѣломъ почетнымъ, и такъ какъ женщина можетъ приносить пользу надзоромъ за хозяйствомъ и уходомъ за стадомъ, то нельзя предположить, чтобы опасенія предъ невозможностью прокормить семью часто удерживали ихъ отъ супружества. Но такъ какъ жена пріобрѣтается покупкой у родителей, то бѣдные иногда не въ состояніи имѣть жены. Монахъ Рубруквисъ, говоря объ этомъ обычаѣ, замѣчаетъ, что такъ какъ родители держатъ у себя дочерей, пока имъ не удастся продать ихъ, то послѣднія часто выходятъ замужъ поздно. У магометанскихъ татаръ женъ замѣняютъ плѣнницы; но у татаръ язычниковъ, неимѣющихъ рабовъ, затрудненіе купить жену должно уменьшать число супружествъ между бѣдными людьми, тѣмъ болѣе, что цѣна на женщинъ стоитъ высокая, вслѣдствіе многоженства богатыхъ *.

Говорятъ, что калмыки не ревнивы, а большое число между ними страдающихъ венерическими болѣзнями даетъ право предположить, что имъ извѣстенъ развратъ.

Изъ того, что̀ сказано въ этой главѣ о кочевыхъ народахъ, мнѣ кажется, можно сдѣлать заключеніе, что главныя препятствія, удерживающія ихъ населеніе на уровнѣ средствъ существованія, составляютъ затрудненіе пріобрѣсть себѣ жену, развратные пороки, эпидемическія болѣзни, войны, голодъ и болѣзни, вызываемыя нищетой. Три первыя и послѣдняя причина, кажется, дѣйствовали съ меньшей силой между древними пастушескими народами сѣверной Европы.

* Палласъ замѣчаетъ, что между калмыками менѣе женщинъ, чѣмъ мужчинъ, хотя послѣдніе, по образу своей жизни, подвергаются гораздо большей опасности. *Откр. русс.*, т. III, стр. 320.

ГЛАВА VIII. — О препятствіяхъ для размноженія населенія въ различныхъ странахъ Африки.

Мунго-Паркъ представляетъ намъ посѣщенныя имъ части Африки дурно обработанными и безлюдными. Путешественникъ этотъ встрѣтилъ обширныя и прекрасныя пустыни совершенно лишенныя населенія. Пограничныя части различныхъ странъ, по которымъ онъ проѣхалъ, были либо слабо населены, либо вовсе безлюдны. Болотистые берега Гамбіи, Сенегала и многихъ другихъ рѣкъ, близъ моря, повидимому, вовсе оставлены, по причинѣ ихъ нездороваго климата. Но нельзя этого сказать о другихъ частяхъ страны. Глядя на ихъ удивительное плодородіе, на безчисленныя покрывающія ихъ стада, которыя можно было бы употребить какъ въ работу, такъ и въ пищу; сообразивъ о томъ, какъ бы легко было облегчить въ нихъ сообщенія посредствомъ внутреннихъ водяныхъ путей, нельзя не пожалѣть, говоритъ Мунго-Паркъ, что всѣ эти богатые дары природы остаются безъ употребленія, и что человѣкъ не употребляетъ въ свою пользу богатствъ, расточаемыхъ предъ нимъ этою дикою и дѣвственною природой *.

Нетрудно указать на причины такой небрежности и безпечности. Онѣ лежатъ въ привычкахъ, свойственныхъ негритянскимъ народамъ, о которыхъ мы можемъ составить себѣ понятіе изъ описаній М. Парка. Въ странѣ, раздѣленной на множество маленькихъ государствъ, независимыхъ и ненавидящихъ другъ друга, легко понять, замѣчаетъ этотъ путешественникъ, что войны возникаютъ изъ за самыхъ ничтожныхъ поводовъ, или изъ за самыхъ пустыхъ обидъ. Въ Африкѣ различаютъ два рода войнъ: одну называютъ *килли*, состоящую въ открытой и объявленной войнѣ; другая, *тегріа*, состоитъ въ грабежѣ и хищничествѣ. Послѣдняя распространена всюду, въ особенности вначалѣ сухой погоды, когда убрана жатва и не чувствуется недостатка въ продовольствіи. Эти набѣги, предпринимаемые ради грабежа, вызываютъ немедленное отмщеніе.

Постоянные грабежи, а вслѣдствіе ихъ, непрочное обладаніе собственностью, оказываютъ на трудъ и промышленность самое пагубное дѣйствіе. Отсутствіе населенія въ пограничныхъ областяхъ служитъ тому доказательствомъ. Сверхъ того, самый климатъ не побуждаетъ къ дѣятельности. Наконецъ, избытокъ произведеній не приноситъ никакой выгоды. Нѣтъ, стало быть, ничего удивительнаго, что эти народы обработываютъ только такое количество земли, какое необходимо для ихъ существованія. Причинъ этихъ достаточно для объясненія невоздѣланнаго состоянія Африки.

Въ непрерывныхъ войнахъ и въ набѣгахъ, предпринимаемыхъ ради грабежа, должно погибать огромное число людей. Но и независимо отъ погибели путемъ насилія, М. Паркъ полагаетъ, вмѣстѣ съ Бюфономъ, что долголѣтіе есть рѣдкое явленіе между неграми? Въ сорокъ лѣтъ, говоритъ онъ, они обыкновенно совсѣмъ сѣдѣютъ, а лице ихъ покрывается морщинами. Немногіе только доживаютъ до пятидесяти пяти или шестидесяти лѣтъ. Бюфонъ объясняетъ недолголѣтіе этихъ народовъ злоупотребленіемъ ихъ въ любострастныхъ удовольствіяхъ *. Быть можетъ, есть нѣкоторое преувеличеніе въ томъ, что онъ говоритъ по этому поводу; но и уменьшая вліяніе этой причины, нельзя не согласиться, что такъ какъ жители жаркихъ странъ ранѣе достигаютъ зрѣлаго возраста, то, по всей вѣроятности, и смерть должна для нихъ наступать ранѣе.

По мнѣнію Бюфона, негритянки удивительно плодородны.

---

* Что касается до фактовъ, приводимыхъ въ этой главѣ, см.: Парка, *Путешествіе во внутреннюю Африку.*—Брюса, *Путешествіе къ источникамъ Нила.*—Вольнея, *Путетествіе въ Египетъ и Сирію.*

* «Преждевременныя половыя сношенія, быть можетъ, составляютъ причину ихъ недолголѣтія; дѣти ихъ до того развратны и до того не сдерживаются родителями, что съ самаго нѣжнаго возраста предаются всему, что внушается имъ природой. Ничего не можетъ быть труднѣе, какъ найти между этимъ народомъ дѣвушку, которая бы могла вспомнить, когда она потеряла дѣвственность...» *Естественная исторія человѣка.* т. VI, стр. 255. Прим. автора.

Но М. Паркъ говоритъ, что онѣ имѣютъ обыкновеніе кормить грудью дѣтей своихъ два или три года; а какъ мужья оставляютъ ихъ въ это время, и живутъ съ другими женами, то у каждой изъ нихъ немного дѣтей. Многоженство находится въ общемъ распространеніи между неграми. Поэтому, если не предположить, что женское населеніе значительно превышаетъ число мужчинъ, то многіе изъ послѣднихъ не имѣютъ женъ. Вѣроятно рабы принуждены вести безбрачную жизнь, а число ихъ, по мнѣнію М. Парка, въ три раза болѣе числа свободныхъ людей. Господинъ не имѣетъ права продать раба, находящагося у него въ услуженіи дома, ни родившихся въ немъ, если только онъ не вынуждается къ этому крайней нуждой, то есть, чтобы прокормить себя и свое семейство. Мы можемъ, стало быть, предположить, что выгода его состоитъ въ томъ, чтобы число ихъ не превышало его потребностей. Купленные рабы и взятые въ плѣнъ на войнѣ находятся въ полномъ распоряженіи господина, который нерѣдко обращается съ ними самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Изъ этого можно заключить, что если свободному человѣку, по случаю многоженства, встрѣтится необходимость въ женщинѣ, то онъ незадумаясь возьметъ жену своего раба. Число женщинъ, невступающихъ въ супружество, безъ сомнѣнія, должно быть весьма ограничено; но обстоятельства не допускаютъ, повидимому, чтобы размноженіе населенія было значительно, сравнительно съ числомъ супружествъ.

Африка съ незапамятныхъ временъ была главнымъ рынкомъ невольниковъ. Требованія, обращенныя къ населенію этой части свѣта по предмету этой торговли, всегда были огромны, и никогда не прекращались, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ африканскіе невольники заведены были въ европейскихъ колоніяхъ. Однако же, какъ замѣчаетъ Франклинъ, трудно замѣтить, чтобы населеніе убывало вслѣдствіе вывоза негровъ, которыми впродолженіи болѣе столѣтія снабжались американскія плантаціи *. И дѣйствительно, несмотря на

* Такъ какъ факты, приводимые М. Паркомъ, и факты, на основаніи которыхъ говоритъ Бюфонъ, по всей вѣроятности относятся къ различнымъ племенамъ, и несомнѣнно къ различнымъ эпохамъ, то изъ несогласія ихъ нельзя заключать о ихъ невѣрности: но вовсемъ, что̀ видѣлъ и наблюдалъ Паркъ, онъ заслуживаетъ, повидимому, бо̀льшаго довѣрія, чѣмъ предшествовавшіе ему путешественники.
Прим. автора.

постоянное выселеніе, несмотря на потери, причиняемыя непрерывными войнами, несмотря, наконецъ, на пороки и на всевозможныя препятствія, которыя должны бы были остановить движеніе народонаселенія, оно, повидимому, постоянно превышало средства для его существованія. М. Паркъ говоритъ, что неурожайные и даже голодные годы часто случаются въ Африкѣ. Онъ насчитываетъ четыре главныя причины рабства въ этой части міра, въ числѣ которыхъ, непосредственно вслѣдъ за войнами, онъ помѣщаетъ голодъ. Само дозволеніе продавать домашнихъ рабовъ, допускаемое только въ случаѣ крайней необходимости, служитъ достаточнымъ указаніемъ, что необходимость эта встрѣчается. Во время неурожая, бывшаго три года сряду на берегахъ Гамбіи, множество людей попало въ рабство. Многіе свободные люди предлагали себя въ неволю доктору Ледлею, умоляя его принять ихъ въ число своихъ невольниковъ за одно пропитаніе. Во время пребыванія въ Мандинго, Паркъ видѣлъ бѣдныхъ въ самомъ ужасномъ положеніи. Каждый вечеръ пять или шесть женщинъ приходили къ дому Манзы получить порцію хлѣба. «Посмотрите на этого мальчика, сказалъ Манза путешественнику, показывая ему красиваго пятилѣтняго ребенка; мать продала мнѣ его за то, чтобы я кормилъ ее съ семействомъ впродолженіи сорока дней. За такую же точно плату я пріобрѣлъ еще одного.» Въ маленькой деревнѣ Ялукѣ, въ Суфитѣ, хозяинъ объявилъ М. Парку, что онъ не можетъ доставить ему никакого продовольствія вслѣдствіе голода, господствовавшаго въ странѣ. Онъ сообщилъ ему, что предъ послѣдней жатвой жители Куло двадцать девять дней оставались безъ хлѣба. Впродолженіи всего этого времени они питались стручьями и шелухой одного мимознаго растенія и сѣменами бамбука, которыя въ истолченномъ и приготовленномъ видѣ напоминаютъ нѣсколько рисъ.

Мнѣ возразятъ, быть можетъ, что такъ какъ, по свидѣтельству Парка, много хорошихъ земель остается въ Африкѣ невоздѣланными, то неурожаи должно приписать недостатку населенія. Но если это такъ, то какъ же объяснить такія значительныя ежегодныя выселенія. Главное, чего не достаетъ негрскимъ племенамъ, это—обезпеченія собственности и вызываемаго имъ трудолюбія. А безъ этихъ благъ умноженіе населенія только увеличиваетъ ихъ страданія. Еслибы для населенія этихъ безплодныхъ пустынь установлена была премія за каждаго новорожденнаго ребенка, то вѣроятнымъ слѣдствіемъ этого было бы усиленіе войнъ и торговли невольниками, распространеніе нищеты и всякихъ бѣдствій, безъ увеличенія, или при ничтожномъ увеличеніи народонаселенія *.

Обычаи нѣкоторыхъ народовъ и предразсудки всѣхъ дѣйствуютъ до нѣкоторой степени подобно такой премін. По свидѣтельству Брюса, народъ шангалловъ, окруженный и тѣснимый со всѣхъ сторонъ безпокойными и сильными врагами, ведущій суровый и тягостный образъ жизни, находящійся въ постоянной тревогѣ, не отличается особенною страстью къ женщинамъ. Въ этомъ народѣ женщины, а не мужчины поддерживаютъ обычай многоженства. Ибо, хотя народъ этотъ и состоитъ изъ отдѣльныхъ племенъ, но каждое изъ послѣднихъ подраздѣляется еще на отдѣльные роды, которые ведутъ войны между собою и грабятъ другъ друга; вслѣдствіе этого, матери стараются всѣми силами объ увеличеніи своего семейства, и требуютъ отъ мужей, чтобы они брали новыхъ женъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о галласахъ: вышедшая замужъ женщина сама ухаживаетъ за другою женщиной

* Два великія условія для увеличенія народонаселенія: обезпеченіе собственности и вызываемое имъ трудолюбіе, не могутъ существовать между негрскими племенами, пока торговля невольниками, производимая на морскихъ берегахъ, будетъ постоянно поощрять тѣ хищническіе набѣги, которые описываетъ М. Паркъ. Въ настоящее время, когда можно надѣяться на прекращеніе этой торговли, можно надѣятся и на то, что въ скоромъ времени путешественники будутъ описывать общественное состояніе Африки менѣе мрачными красками, чѣмъ это дѣлаетъ Паркъ. Прим. автора.

отъ имени своего мужа, чтобы она стала его женой. Главный доводъ, приводимый ею, чтобы склонить ее на свое предложеніе, состоитъ въ представленіи, что вмѣстѣ у нихъ будетъ болѣе многочисленная семья, и что имъ легко будетъ справиться съ непріятелями, взростивъ большее число дѣтей. Весьма возможно, что это желаніе имѣть болѣе многочисленное семейство нерѣдко вызываетъ совершенно противуположное дѣйствіе, и что нищета и сопровождающія ее бѣдствія не дозволяютъ взростить до возмужалаго возраста столькихъ дѣтей, сколько можно было бы имѣть ихъ при менѣе многочисленномъ семействѣ.

Брюсъ, вообще расположенный защищать многоженство, приводитъ въ пользу его одинъ только доводъ, заслуживающій вниманія, еслибы только онъ основывался на несомнѣнныхъ фактахъ. Онъ утверждаетъ, что число раждающихся дѣвочекъ относится къ числу раждающихся мальчиковъ, какъ два или три къ одному. Такой необыкновенный фактъ требуетъ для своего подтвержденія менѣе голословныхъ доказательствъ, чѣмъ тѣ, какія приводятся авторомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ этихъ странахъ мужчинъ гораздо меньше, чѣмъ женщинъ. Въ самой Европѣ, въ которой извѣстно, что мальчиковъ раждается больше, чѣмъ дѣвочекъ, замѣчается то же явленіе. Въ странахъ весьма жаркихъ, нездоровыхъ, находящихся въ варварскомъ состояніи, въ которыхъ мужчины подвергаются большимъ опасностямъ, число нхъ тѣмъ болѣе должно быть меньше. Женщины подвергаются въ нихъ менѣе пагубному дѣйствію жгучаго солнца и воздуха, насыщеннаго испареніями. Онѣ болѣе предохранены отъ болѣзней, причиняемыхъ развратомъ и безпорядочною жизнью. Главнымъ же образомъ, ихъ всегда почти минуетъ погибель отъ войны. Въ странахъ, почти незнающихъ, что такое мирная жизнь, достаточно одной этой причины для объясненія различія, замѣчаемаго въ числѣ мужчинъ и женщинъ; въ особенности, если во время набѣговъ, какъ это замѣчено между галласами въ Абиссиніи, убиваются безразлично всѣ лица мужескаго пола, и не трогаются женщины. Несоразмѣрность, вызываемая такими условіями, вѣроятно и была первоначальною при-

чиной введенія многоженства; быть можетъ, та же причина породила и легкомысленное предположеніе, что отношеніе между раждающимися мальчиками и дѣвочками иное въ странахъ жаркихъ, чѣмъ въ умѣренномъ поясѣ.

Подъ вліяніемъ предразсудковъ, господствовавшихъ по этому вопросу, Брюсъ полагаетъ, повидимому, что безбрачное состояніе части женщинъ оказываетъ вредное дѣйствіе на народонаселеніе той страны, въ которой оно допускается. Говоря о городѣ Джиддѣ, онъ замѣчаетъ, что недостатокъ въ продовольствіи, вызываемый наплывомъ множества мужчинъ въ мѣстность, бѣдную средствами существованія, рѣдко дозволяетъ жителямъ воспользоваться правами, даруемыми закономъ Магомета. Поэтому, бо́льшая часть мужчинъ имѣетъ одну только жену. А вслѣдствіе этого, говоритъ онъ, является недостатокъ въ населеніи, и многія женщины ведутъ безбрачную жизнь. Между тѣмъ, слабое населеніе въ этой безплодной странѣ очевидно вызывается недостаткомъ въ средствахъ существованія; и еслибы у каждаго человѣка было по дюжинѣ женъ, то населеніе не могло бы постоянно возрастать вслѣдствіе этой причины.

По мнѣнію того же Брюса, въ счастливой Аравіи, въ которой продовольствіе дешево, въ которой плоды, служащіе пищею человѣку, растутъ сами собою, безъ всякаго труда, содержаніе нѣсколькихъ женъ стоило бы недороже, чѣмъ содержаніе такого же числа невольниковъ или служителей. Тѣ и другіе требуютъ одинаковой пищи и одинаковой одежды, которую составляетъ простая бумажная синяя рубаха. Вслѣдствіе этого, женщины не живутъ внѣбрачною жизнью, а населеніе возрастаетъ посредствомъ многоженства въ четыре раза скорѣе, чѣмъ безъ него. И несмотря на это, кажется, что въ Аравіи оно не очень значительно.

Что многоженство предупреждаетъ безбрачную жизнь женщины — это не подлежитъ сомнѣнію. Но, до какой степени оно усиливаетъ населеніе, это еще вопросъ. Оно можетъ стремиться поднять народонаселеніе до крайняго уровня, допускаемаго средствами существованія; но въ такомъ случаѣ слѣдуетъ замѣтить, что вызываемая имъ крайняя нищета не

можетъ быть благопріятна для труда, а въ нездоровомъ климатѣ она не можетъ не усилить въ значительной степени смертность.

По свидѣтельству Брюса, весь берегъ Краснаго моря, отъ Суеца до Бабъ-ель-Мандеба, крайне нездоровъ, особенно въ части, лежащей между тропиками. Жестокія лихорадки, называемыя *недадъ*, суть болѣзни, которыхъ болѣе всего боятся; обыкновенно онѣ въ три дня убиваютъ человѣка. Иностранцы проникаются ужасомъ при видѣ такой ужасной смертности.

Джидда и всѣ мѣстности Аравіи, лежащія близъ Краснаго моря, пользуются такимъ же нездоровымъ климатомъ.

Въ Гондарѣ, столицѣ Абиссиніи, господствуютъ постоянныя лихорадки. Всѣ жители отличаются мертвеннымъ цвѣтомъ лица.

Въ Сирѣ, прекраснѣйшей странѣ міра, не прекращаются гнилыя, злокачественныя лихорадки. Въ низменностяхъ Абиссиніи жестокія трехдневныя лихорадки губятъ огромное число людей. Оспа свирѣпствуетъ самымъ убійственнымъ образомъ всюду въ этихъ странахъ, въ особенности у народовъ, сосѣднихъ съ Абиссиніей, между которыми она уничтожаетъ иногда цѣлыя племена.

Дурная пища, бѣдность и всегда почти сопровождающая ее нечистоплотность оказываютъ на болѣзни всѣмъ извѣстное дѣйствіе. Брюсъ говоритъ, что жители Чагассы, близъ Гондара, несмотря на свои три жатвы въ годъ, находятся въ крайней бѣдности. Объ Адовѣ, столицѣ Тигре, онъ дѣлаетъ то же замѣчаніе, которое относитъ ко всѣмъ абиссинскимъ поселеніямъ. Земли отдаются ежегодно на откупъ тому, кто больше дастъ за нихъ. Собственникъ доставляетъ вообще сѣмена за извѣстную долю жатвы. Самое снисходительное условіе считается то, по которому хозяинъ взимаетъ добавочную четвертую часть произведеній, въ вознагражденіе за рискъ и дѣлаемыя затраты: за этими вычетами, остатка едва хватаетъ земледѣльцу на самое несчастное содержаніе семьи.

Аговцы, одно изъ многочисленнѣйшихъ племенъ Абиссиніи, живутъ въ крайней нуждѣ и неизобразимой нищетѣ.

Мы встрѣчали, говоритъ Брюсъ, множество женщинъ, сморщенныхъ и сожженныхъ солнцемъ, въ которыхъ нельзя было узнать человѣческаго лица; онѣ бродили подъ палящими лучами съ однимъ или двумя дѣтьми за плечами и собирали сѣмена камыша, изъ которыхъ онѣ приготовляютъ особеннаго рода хлѣбъ. Женщины этого племени раждаютъ дѣтей съ одиннадцатилѣтняго возраста, а потому, и выходятъ замужъ вообще въ эти годы. Между ними не бываетъ безплодныхъ. Въ Диксанѣ, городѣ, лежащемъ на границахъ Абиссиніи, существуетъ одна только торговля—торговля дѣтьми. Пятьсотъ ежегодно вывозится въ Аравію, а въ неурожайный годъ, прибавляетъ Брюсъ, вывозится въ четыре раза больше.

Многоженство не представляетъ въ Абиссиніи правильнаго учрежденія. Брюсъ говоритъ объ этомъ довольно странно. Каковы бы ни были, говоритъ онъ, свѣдѣнія, сообщаемыя іезуитами о бракѣ и многоженствѣ абиссинцевъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что народы эти вовсе не знаютъ брака. Не входя въ разбирательство этого вопроса, тѣмъ не менѣе, можно, повидимому, считать несомнѣннымъ, что въ Абиссиніи весьма немногія женщины живутъ цѣломудренно и внѣ брака; такъ что плодородіе ихъ не встрѣчаетъ никакой помѣхи, кромѣ развратной жизни. Но судя по картинѣ, рисуемой путешественникомъ, сообщающимъ намъ всѣ эти свѣдѣнія, помѣха эта должна оказывать весьма сильное вліяніе.

Война въ этихъ странахъ сдерживаетъ населеніе въ должныхъ границахъ, и представляетъ весьма дѣятельную причину для предотвращенія чрезмѣрнаго многолюдія. Впродолженіи четырехъ послѣднихъ вѣковъ, говоритъ Брюсъ, она безпрерывно разоряла эти несчастныя страны; а жестокость, съ какою она ведется, дѣлаетъ ее въ высшей степени опустошительною. При вступленіи своемъ въ Абиссинію, Брюсъ встрѣчалъ на каждомъ шагу разоренныя и до тла снесенныя деревни. Это были слѣды похода Раса-Михаила на Гондаръ. Въ междоусобныя войны, бывшія на глазахъ этого путешественника, происходило то же самое. «Мятежники, говоритъ онъ, начали тѣмъ, что разорили Дембею; они предали пламени всѣ юговосточныя деревни равнины, обративъ въ пустыню всю страну, отдѣлявшую Михаила отъ Фазиля... Царь часто подымался на одну изъ башенъ дворца, и съ горемъ смотрѣлъ на пламя, пожиравшее его богатыя деревни.» Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается такимъ образомъ: «Вся страна Дегессы была окончательно разорена. Мужчины, женщины, дѣти, все было истреблено, не разбирая ни возраста, ни пола. Домы были снесены, и страна обратилась въ пустыню, какъ будто бы была разрушена потопомъ. Деревни, принадлежавшія царю, тоже не были пощажены. Со всѣхъ сторонъ раздавались плачъ и вопли, но никто не рѣшался предложить какое либо средство для спасенія.» Въ провинціи Майчѣ ему говорили, что если онъ встрѣтитъ какого либо старика, то можетъ быть увѣренъ, что это иностранецъ, потому что всѣ мужчины этой страны погибли отъ меча въ молодомъ возрастѣ.

Если повѣрить тому, что говоритъ объ Абиссиніи Брюсъ, то нельзя не убѣдиться въ законѣ народонаселенія, поднимающемъ послѣднее до уровня, допускаемаго средствами существованія, ибо законъ этотъ оказываетъ свое дѣйствіе, несмотря на препятствія, противуполагаемыя ему войной, чумой и развратомъ, и несмотря на жестокія опустошенія, производимыя этими тремя разрушительными причинами.

Между народами, живущими въ предѣлахъ Абиссиніи, продолжительность жизни весьма незначительна. Шангальская женщина тридцати двухъ лѣтъ болѣе старообразна и болѣе покрыта морщинами, чѣмъ европейская женщина въ шестдесятъ лѣтъ. Поэтому, въ этихъ странахъ, какъ и между бывшими кочевыми народами сѣверныхъ странъ, въ періодъ ихъ непрерывныхъ выселеній, поколѣнія смѣняются, повидимому, съ необыкновенной быстротой. Единственное различіе, существующее въ этомъ отношеніи между этими отдаленными одинъ отъ другаго народами, состоитъ въ томъ, что наши европейскіе предки умирали внѣ своей страны, между тѣмъ какъ африканцы умираютъ у себя дома. Я не сомнѣваюсь, что еслибы въ этихъ странахъ велись правильные списки народонаселенія, то они показали бы ежегодную смертность по крайней мѣрѣ одного человѣка изъ семнадцати или во-

семнадцати, считая и тѣхъ, которые погибаютъ отъ войны, между тѣмъ какъ въ Европѣ вообще умираетъ одинъ изъ тридцати четырехъ или тридцати шести человѣкъ.

То, что говоритъ Брюсъ о нѣкоторыхъ другихъ странахъ, посѣщенныхъ имъ на возвратномъ пути въ Европу, еще ужаснѣе, и еще очевиднѣе подтверждаетъ, какъ мало зависитъ населеніе отъ числа рожденій и, напротивъ того, какъ много оно зависитъ отъ средствъ существованія и отъ всѣхъ естественныхъ и политическихъ условій, оказывающихъ вліяніе на производительность земли.

«Въ шесть съ половиною часовъ, говоритъ Брюсъ, мы прибыли въ Гаригану, деревню, все населеніе которой погибло въ прошломъ году отъ голода. Кости этихъ несчастныхъ не были погребены, и покрывали всю окрестную мѣстность. Мы разбили шатры среди этихъ печальныхъ останковъ, ибо не было свободнаго отъ нихъ мѣста.»

Вотъ что замѣчаетъ тотъ же писатель, говоря объ одномъ городѣ или деревнѣ, встрѣченной имъ на своемъ пути: «Силы Теавы состояли изъ двадцати пяти всадниковъ. Населеніе ея было около тысячи двухсотъ человѣкъ. Это были бѣдные арабы, нагіе, лишенные всѣхъ средствъ существованія, подобно всѣмъ туземцамъ, живущимъ по деревнямъ... Таково было положеніе Теавы. Ничего, поэтому, нѣтъ удивительнаго, что на нее напали арабы Давейны. Въ одну ночь поля были сожжены многочисленными всадниками. Трупы жителей покрыли всю землю, и эта деревня очутилась въ такомъ же положеніи, какъ и Гаригана.

«На пространствѣ между Теавой и Бейлой нѣтъ воды. Въ прежнія времена существовали колодцы, доставлявшіе воду Ингединдемѣ и многимъ другимъ городамъ, вокругъ которыхъ обширныя поля засѣвались маисомъ. Но арабы Давейны, составляющіе бичъ страны, разрушили Ингедидему и всѣ окрестныя деревни, засыпали колодцы, сожгли жатву, и поставили населеніе въ такое положеніе, что оно должно было умереть съ голоду.»

Вскорѣ по выѣздѣ изъ Сеннаара онъ говоритъ: «Здѣсь мы увидѣли впервые слѣды засухи; хлѣба посѣяно было мало,

а тотъ, который мы встрѣтили на своемъ пути, посѣянъ былъ слишкомъ поздно, и потому, только что взошелъ. Много людей занималось собираніемъ травяныхъ сѣмянъ, для употребленія въ пищу. Люди эти были живые скелеты. Ничто не увеличиваетъ до такой степени опасности путешествія и непріязнь къ путешественникамъ, какъ неурожай страны, чрезъ которую приходится проѣжать.

«Мы прибыли въ Эльтикъ, деревню, лежащую въ полумили въ сторонѣ отъ Нила, при началѣ обширной безлѣсной долины, состоящей цѣликомъ изъ пастбищъ, за исключеніемъ береговъ рѣки, покрытыхъ деревьями. Мы вовсе не встрѣтили хлѣбныхъ полей. Несчастные жители занимались, подобно предыдущимъ, собираніемъ травяныхъ зеренъ.»

При такихъ естественныхъ и политическихъ условіяхъ, высшая степень предусмотрительности, трудолюбія и безопасности, разумѣется, могла бы улучшить состояніе народа, и тѣмъ самымъ увеличить его населеніе. Но одно только увеличеніе числа рожденій, безъ содѣйствія другихъ мѣръ, можетъ только увеличить нищету, а населеніе отъ этого ничего не выиграетъ.

То же самое можно сказать и о Египтѣ, нѣкогда столь цвѣтущемъ и населенномъ. Въ этой странѣ измѣнился не законъ размноженія населенія; не ослабленіе этого закона причинило паденіе, которому мы удивляемся: ослабѣло ея трудолюбіе и предусмотрительность. Вотъ какимъ причинамъ, а также отсутствію безопасности и гнету притѣснительнаго правительства слѣдуетъ приписать настоящее положеніе этой знаменитой страны. Законъ размноженія такъ же дѣятеленъ въ Египтѣ, какъ прежде; онъ держитъ народонаселеніе какъ разъ на уровнѣ средствъ существованія. Будь онъ въ десять разъ сильнѣе, онъ не могъ бы сдѣлать ничего больше.

Остатки древнихъ сооруженій, озера, каналы, водопроводы, предназначенные для распредѣленія водъ Нила, для задержанія ихъ, когда онѣ бываютъ низки, и для спуска лишней воды, когда послѣдняя подымается слишкомъ высоко, все это служитъ доказательствомъ, что древніе, при содѣйствіи искусства и труда, были въ состояніи оплодотворить наводненіями рѣки больше земель, чѣмъ теперешніе жители. Тѣ же сооруже-

нія предохраняли, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, отъ бѣдствій, причиняемыхъ неправильными наводненіями. Говорятъ, что правитель Петроній, присоединеніемъ искуства къ благодѣтельнымъ силамъ природы, доставлялъ Египту изобиліе въ такіе годы, когда наводненіе было до того незначительно, что грозило несомнѣннымъ неурожаемъ. Чрезмѣрное наводненіе причиняетъ неменьшій вредъ земледѣльцу. Поэтому, древніе устраивали выходы и спуски, по которымъ лишняя вода разливалась на безплодные пески Ливіи, и способствовала населенію самой пустыни. Всѣ эти сооруженія разрушены: а вслѣдствіе всеобщаго дурнаго управленія, они приносятъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Причина этого запустѣнія, а потому, и уменьшенія производительности почвы, состоитъ очевидно въ невѣжествѣ, въ звѣрскомъ варварствѣ правительства и въ нищетѣ народа, являющейся его результатомъ. Мамелюки, въ рукахъ которыхъ находится главная власть, думаютъ только о собственномъ обогащеніи и избираютъ для достиженія своей цѣли кратчайшую дорогу. Они захватываютъ въ свои руки богатства всюду, гдѣ только встрѣтятъ, отнимая ихъ у законнаго собственника, и безпрерывно налагаютъ новые и произвольные налоги. Невѣжество и недальновидность правителей, а также тревога, среди которой проходитъ ихъ жизнь, мѣшаютъ имъ видѣть, что имъ выгоднѣе было бы дозволить народу обогатиться, чтобы затѣмъ грабить его съ большею выгодой. Отъ такого правительства нельзя, слѣдовательно, ожидать, чтобы оно предприняло какое нибудь общественное сооруженіе; а подъ его гнетомъ ни одинъ частный человѣкъ не осмѣлится затѣять такое улучшеніе, которое потребовало бы затраты капитала; ибо это значило бы навлечь на себя несомнѣнную погибель. При такихъ обстоятельствахъ, нечего удивляться, что древнія сооруженія пришли въ запустѣніе, что земля дурно обработывается и что уменьшаются средства существованія, а слѣдовательно, и само народонаселеніе. Но таково плодородіе Дельты, самимъ существованіемъ своимъ обязанной наводненіямъ Нила, что даже не затрачивая капиталовъ для ея оплодотворенія, не зная никакихъ законовъ о наслѣдствѣ, а стало быть, и безъ права

собственности, страна эта содержитъ весьма значительное населеніе, сравнительно съ ея протяженіемъ. Еслибы собственность получила въ ней лучшее обезпеченіе, еслибы трудъ принялъ болѣе правильное направленіе, то этого плодородія было бы достаточно для постепеннаго улучшенія и распространенія земледѣлія и для возвращенія странѣ прежняго благосостоянія. Объ Египтѣ мы имѣемъ полное право сказать, что не недостаточное населеніе останавливаетъ въ немъ трудъ, а напротивъ того, недостаточный трудъ останавливаетъ населеніе *.

Непосредственныя причины, поддерживающія въ немъ населеніе на уровнѣ до такой степени уменьшившихся средствъ существованія, слишкомъ очевидны. Земледѣлецъ получаетъ въ этой странѣ ровно столько, чтобы не умереть съ голоду. Дурной хлѣбъ изъ *дуры* **, безъ дрожжей и безъ примѣси пшеничной муки, съ водою и лукомъ, составляетъ всю ихъ пищу. Мясо и жиръ, которые они очень любятъ, приходится имъ отвѣдывать въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, и только тѣмъ изъ нихъ, которые отличаются бо́льшимъ довольствомъ. Жилища ихъ состоятъ изъ глиняныхъ мазанокъ, въ которыхъ непривычный человѣкъ можетъ задохнуться отъ жара и дыму, и въ которыхъ болѣзни, пораждаемыя неопрятностью, сыростью и дурною пищей, нерѣдко производятъ страшныя опустошенія. Къ бѣдствіямъ физическимъ присоединяется непрерывная тревога и опасенія набѣговъ со стороны арабовъ, посѣщеній мамелюковъ, мщенія, передающагося изъ рода въ родъ, и всѣхъ ужасовъ общественной неусобицы ***.

---

* Замѣчанія въ высшей степени вѣрныя, хотя и противурѣчатъ основной мысли автора, и подверждаютъ то, что́ постоянно доказывалось защитниками безграничной усовершаемости человѣка: то есть, всегда отъ самого человѣка зависитъ собственное его благополучіе, а не отъ какихъ бы то ни было естественныхъ, враждебныхъ для него законовъ природы. Рус. перев.

** Родъ проса.

*** Описаніе состоянія земледѣльцевъ въ Египтѣ, представляемое Вольнеемъ, повидимому, подтверждается всѣми писателями, говорившими объ этомъ предметѣ. Оно въ особенности вполнѣ согласно съ фактами, приводимыми въ прекрасномъ сочиненіи Ренье, подъ за-

Въ 1783 въ Египтѣ была страшная чума. Въ 1784 и 1785 недостаточное полноводіе Нила причинило жестокій голодъ. Вольней представляетъ эти бѣдствія въ картинѣ, приводящей въ ужасъ: улицы Каира, кишащія обыкновенно нищими, были теперь очищены отъ нихъ бѣгствомъ несчастныхъ или смертью. Спасаясь отъ голода, множество изъ нихъ разсѣялось по окрестнымъ странамъ. Египтянами были полны города Сиріи; улицы и площади ихъ кишали еле двигающимися живыми мертвецами, готовыми испустить послѣднее дыханіе. Люди прибѣгали къ самымъ возмутительныхъ средствамъ для утоленія голода. Самая отвратительная пища пожиралась съ жадностью. Вольней увѣряетъ, что самъ онъ видѣлъ, какъ у входа въ Александрію два голодныхъ бѣдняка сидѣли на трупѣ верблюда и оспаривали у собакъ его разлагающееся мясо. Впродолженіи двухъ лѣтъ полагаютъ, что бичъ этотъ погубилъ шестую часть всего населенія.

ГЛАВА IX.—О препятствіяхъ для размноженія населенія въ сѣверной и южной Сибири.

Жители самыхъ сѣверныхъ частей Азіи живутъ главнымъ образомъ охотой и рыбною ловлей. Изъ этого можно заключить, что относительно препятствій для ихъ размноженія вѣроятно они находятся въ одинаковыхъ условіяхъ съ туземными племенами Америки, съ тѣмъ только различіемъ, что война производитъ между ними меньше опустошеній, но за то тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ голодъ. Лессепсъ, привезшій изъ Камчатки въ Петербургъ бумаги несчастнаго Лаперуза, представляетъ печальную картину бѣдствій, производимыхъ недостаткомъ продовольствія въ этихъ суровыхъ странахъ. При проѣздѣ чрезъ камчатскую деревню, Большерѣцкъ, онъ замѣчаетъ, «что сильные дожди весьма вредны для страны, ибо причиняютъ большія наводненія и прогоняютъ рыбу; вслѣдствіе чего, несчастные камчадалы страдаютъ отъ голода, какъ

главіемъ *Considérations sur l'agriculture de l'Egypte. Mémoires sur l'Egypte*, т. IV, стр. 1. Прим. автора.

это случилось въ прошломъ году по всѣмъ деревнямъ на западномъ берегу полуострова. Несчастіе было повсемѣстное, и принудило жителей оставить свои жилища и переселиться со своими семействами на берега Камчатки, въ надеждѣ найти здѣсь больше продовольствія, такъ какъ рѣка эта особенно богата рыбой. Козловъ, русскій офицеръ, сопровождавшій Лессепса, рѣшился отправиться назадъ по западному берегу, такъ какъ онъ уже проѣхалъ по восточному; но извѣстіе о голодѣ принудило его скорѣе возвратиться назадъ, чѣмъ подвергнуться опасности остановиться на своемъ пути, а можетъ быть и погибнуть на половинѣ дороги, если встрѣтитъ и на западномъ берегу недостатокъ собакъ и продовольствія». Путешественники поѣхали другою дорогой, и тѣмъ неменѣе, впродолженіи недолгаго пути, потеряли почти всѣхъ упряжныхъ собакъ за недостаткомъ продовольствія: какъ только издыхала собака, то ее немедленно пожирали остальныя*.

Въ Охотскѣ, городѣ, ведущемъ значительную торговлю, населеніе ожидаетъ весною съ нетерпѣніемъ голода минуты, когда вскроется рѣка, скованная льдомъ. При проѣздѣ чрезъ него Лессепса, запасъ сушеной рыбы былъ почти истощенъ. Мясо продавалось по цѣнѣ, недоступной для народа. Неводомъ вытащили огромное количество мелкой рыбы. При видѣ ея раздались радостные крики. Сначала удовлетворили болѣе всего голодныхъ. При этомъ Лессепсъ говоритъ съ состраданіемъ: «я не могъ смотрѣть безъ слезъ на жадность этихъ несчастныхъ; цѣлыя семейства оспоривали другъ у друга рыбу, и сырою пожирали ее на нашихъ глазахъ».

Во всей сѣверной Сибири оспа производитъ жестокія опустошенія. Въ Камчаткѣ она уничтожила, по словамъ Лессепса, три четверти туземнаго населенія.

Палласъ подтверждаетъ эти свѣдѣнія: говоря объ обскихъ остякахъ, ведущихъ почти такую же жизнь, онъ замѣчаетъ, что эта болѣзнь губитъ огромное ихъ число, и что она дол-

* См. *Историческій журналъ путешествія Лессепса*. т. I. стр. 145.—Что касается до фактовъ, приводимыхъ въ этой главѣ, то, кромѣ этого сочиненія, см. также: *Путешествіе* Палласа, *Открытія русскихъ* и Тука—*View of the Russian empire*.

жна считаться главнымъ препятствіемъ для ихъ размноженія. Опустошенія, производимыя оспой, объясняются тѣснотой, грязью и зараженнымъ воздухомъ ихъ подземныхъ жилищъ. Три или четыре остяцкихъ семейства скучиваются въ одной *юртѣ;* ничего нельзя себѣ представить отвратительнѣе обстановки ихъ жизни. Они никогда не моютъ своихъ рукъ: остатки испорченной рыбы, дѣтскія испражненія никогда не выметаются. Изъ этого описанія можно составить себѣ понятіе, говоритъ Палласъ, о вони, о зараженномъ воздухѣ и гнили въ ихъ *юртахъ*. У остяковъ немного бываетъ дѣтей. Въ рѣдкомъ семействѣ можно встрѣтить три или четыре ребенка. Палласъ объясняетъ это гибелью огромнаго ихъ числа отъ дурной пищи. Быть можетъ, къ этому слѣдовало бы присоединить жалкое, рабское состояніе у нихъ женщины, на которую взвалены всѣ работы, а это не можетъ не оказывать вліянія на ея плодородіе.

Самоѣды показались Палласу менѣе неопрятными, чѣмъ остяки. Это объясняется тѣмъ, что зимою они чаще выходятъ на охоту. Но положеніе у нихъ женщины еще хуже; такъ что это препятствіе для размноженія должно дѣйствовать еще сильнѣе.

Жители всѣхъ этихъ суровыхъ странъ ведутъ почти одинаковый образъ жизни, и находятся въ одинаково жалкомъ состояніи. Сказаннаго нами достаточно для составленія себѣ понятія о главныхъ причинахъ, поддерживающихъ населеніе на уровнѣ средствъ существованія.

Въ южныхъ частяхъ Сибири и въ областяхъ, лежащихъ въ сосѣдствѣ съ Волгой, существуютъ мѣстности, которыя представляются русскими путешественниками въ высшей степени плодородными. Почву ихъ составляетъ превосходный черноземъ, до того плодородный, что онъ вовсе не нуждается въ удобреніи, которое даже вредно для него. Ибо, если унавозить эту землю, то хлѣбъ оказывается до такой степени густъ, что ложится, и гніетъ недозрѣвши. Единственное средство возвратить землѣ ея плодородіе состоитъ въ оставленіи ее подъ паромъ черезъ два года въ третій. При такой предосторожности, увѣряютъ, что нѣкоторыя части почвы оказываются безусловно неизчерпаемыми. Однако же, несмотря на эту кажущуюся легкость добыть себѣ обильное пропитаніе, многія изъ этихъ богатыхъ областей заселены слабо, и, быть можетъ, ни въ одной изъ нихъ размноженіе не соотвѣтствуетъ плодородію почвы.

Страны эти находятся, повидимому, въ нравственной невозможности улучшить свой бытъ, какъ это доказываетъ Стевартъ*. Если свойства правительства или народные обычаи препятствуютъ заведенію новыхъ хозяйствъ или раздѣленію уже существующихъ, то часть общества должна находиться въ нуждѣ среди кажущагося благосостоянія. Еще недостаточно, чтобы страна легко производила большое количество продовольствія; необходимо еще такое общественное устройство, чтобы продовольствіе это правильно распредѣлялось. Причина, замедляющая въ настоящемъ случаѣ ростъ населенія, состоитъ въ маломъ спросѣ на трудъ. Вслѣдствіе этого, произведенія почвы не распредѣляются такимъ образомъ, чтобы изобиліе разливалось на низшіе слои народа, которые вынуждены оставаться въ своемъ настоящемъ положеніи, пока не измѣнится распредѣленіе земель. Система обработки, принятая въ этой странѣ, такъ проста, что требуетъ мало работниковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ довольствуются тѣмъ, что прямо бросаютъ сѣмена на землю, не подвергая ее никакой предварительной обработкѣ. Воздѣлывается обыкновенно гречиха, и хотя она сѣется весьма негусто, тѣмъ неменѣе, одного посѣва бываетъ достаточно для пяти и шести жатвъ, и каждая жатва даетъ въ двѣнадцать или въ пятнадцать разъ болѣе посѣяннаго. Выпадающихъ зернъ во время уборки хлѣба достаточно для полученія жатвы въ слѣдующемъ году. При этомъ только разъ боронятъ землю, весною. Такимъ образомъ, продолжаютъ поступать до тѣхъ поръ, пока не обнаружится нѣкоторое уменьшеніе въ плодородіи почвы. Весьма основательно замѣчено было, что нѣтъ ни одной породы хлѣба, воздѣлываніе которой подходило бы ближе къ безпечности жителей, населяющихъ сибирскія равнины.

---

* *Политическая Экономія*, кн. I, гл. V.

При такой земледѣльческой системѣ, и при небольшомъ числѣ фабрикъ, или вовсе безъ нихъ, требованія на трудъ должны быть вскорѣ пополнены. Хлѣбъ долженъ продаваться по низкой цѣнѣ, но трудъ долженъ быть еще дешевле. Съемщику земли нетрудно заготовить большіе запасы для прокормленія своего семейства, но заработной платы недостаточно для безбѣднаго существованія семьи работника.

Пораженные слабымъ населеніемъ такой плодородной почвы, предположимъ, что мы нашли средство увеличить число жителей, выдавая награду за каждое новорожденное дитя, и доставляя такимъ образомъ работнику возможность воспитывать большее ихъ число. Какое же будетъ слѣдствіе подобной мѣры? Никто не потребуетъ труда отъ прибывшаго населенія. Хотя бы достаточно было одной копейки для суточнаго содержанія человѣка, никто не дастъ и полушки за рабочій день новаго работника. Съемщикъ дѣлаетъ все, что только пожелаетъ, все, что только находитъ необходимымъ для обработки своихъ земель, при содѣйствіи своего семейства и одного или двухъ работниковъ, которыхъ онъ обыкновенно держитъ. Новые работники рѣшительно ничего не въ силахъ доставить ему болѣе. Нечего, стало быть, надѣяться, что онъ выйдетъ изъ своей безпечности, и возьмется за какія либо предпріятія единственно ради того, чтобы доставить имъ занятіе или чтобы кормить ихъ даромъ. При такомъ положеніи вещей, когда ограниченное требованіе на трудъ удовлетворено вполнѣ, что же остается дѣлать тѣмъ, руки которыхъ не требуются? Въ дѣйствительности они лишены будутъ средствъ существованія, какъ еслибы жили на самой безплодной почвѣ. Имъ остается или искать себѣ работы въ другомъ мѣстѣ, или умереть съ голоду. Если предположить, что они спасутся отъ своей участи помощью какого либо небольшаго случайнаго занятія, которое дастъ имъ возможность просуществовать кое какъ, то очевидно, они не будутъ въ состояніи завестись семействомъ и содѣйствовать размноженію населенія.

Мнѣ возразятъ, что если есть много хорошихъ земель, никѣмъ незанятыхъ, то на нихъ непремѣнно заведены будутъ

поселенія, такъ что излишнее населеніе само создастъ средства для своего существованія, и вызоветъ на нихъ требованія, какъ это происходитъ въ Сѣверо-американскихъ штатахъ.

Это, разумѣется, можетъ случиться при благопріятныхъ обстоятельствахъ: напримѣръ, если, во первыхъ, страна, по природѣ своей, можетъ доставить все необходимое для приложенія капитала, кромѣ хлѣба; во вторыхъ, если эти земли могутъ пріобрѣтаться небольшими участками, и если владѣніе ими обезпечивается свободными учрежденіями; въ третьихъ, если масса народа отличается вообще привычкой къ труду и бережливости. Достаточно отсутствія одного изъ этихъ условій, чтобы затруднить размноженіе населенія или даже совершенно остановить его. Земля, дающая самые обильные урожаи, можетъ быть вовсе непригодна для большихъ поселеній за отсутствіемъ воды или лѣса. Частныя сбереженія медленно и неохотно будутъ употребляться на разработку земли, если пользованіе послѣднею не обезпечено, или сопровождается унизительными условіями; а богатства плодородной земли вовсе не вызовутъ постояннаго размноженія населенія и справедливаго распредѣленія жизненныхъ потребностей подъ вліяніемъ застарѣлыхъ привычекъ къ лѣни и безпечности.

Очевидно, что всѣ эти благопріятныя условія никогда не дѣйствовали въ Сибири одновременно. Но и предположивъ даже безусловное плодородіе почвы, нравственныя и политическія затрудненія для быстраго возрастанія населенія могутъ уступать только медленно самымъ благотворнымъ усиліямъ. Въ Соединенныхъ штатахъ быстрое развитіе земледѣльческаго капитала причиняется главнымъ образомъ высокой заработной платой или высокой цѣной всякаго труда. Считается необходимымъ по меньшей мѣрѣ капиталъ въ 30 или 40 фунтовъ стерлинговъ, чтобы дать трудолюбивому молодому человѣку возможность завести плантацію на собственный страхъ во внутреннихъ поселеніяхъ страны.

Такая сумма можетъ быть скоплена въ Соединенныхъ штатахъ, безъ особеннаго затрудненія, въ нѣсколько лѣтъ, ибо въ нихъ существуетъ большое требованіе на трудъ, и онъ

хорошо оплачивается. Но въ Сибири приведенный мною въ примѣръ лишній работникъ, едва перебиваясь со дня на день, не въ состояніи скопить сумму, чтобы выстроить себѣ домъ, завести рабочія и земледѣльческія орудія и прожить самому, пока земля начнетъ давать доходъ. Даже сыну наемщика затруднительно пріобрѣсть необходимую для этого сумму. При такомъ состояніи общества, когда рынокъ для сбыта хлѣба крайне ограниченъ и когда цѣна его низкая, земледѣлецъ всегда бываетъ бѣденъ. Хотя онъ и будетъ въ состояніи доставить своему семейству обильное продовольствіе, но онъ не можетъ скопить капитала, чтобы раздѣлить его между своими дѣтьми, и такимъ образомъ доставить имъ возможность завести новыя хозяйства. Какъ бы ни была мала такая сумма, съемщику нѣтъ возможности получить ее. Если онъ произведетъ больше хлѣба противъ обыкновеннаго, то не найдетъ покупщика на это излишнее количество *; онъ не можетъ превратить его въ какую либо болѣе прочную собственность для передачи дѣтямъ, за которую они могли бы купить въ будущемъ продовольствіе или нанять трудъ **. По этой причинѣ, чаще всего онъ довольствуется тѣмъ, что необходимо для удовлетворенія потребностей его семейства и того ограниченнаго рынка, который находится въ его распоряженіи. Если же у него многочисленное семейство, то вѣроятно многіе члены его обратятся въ простыхъ поденщиковъ. А въ такомъ случаѣ послѣдніе окажутъ такое же содѣйствіе размноженію населенія, какъ и тѣ бѣдные работники, лишенные средствъ существованія, положеніе которыхъ только что было мною описано.

* «Причина такого незначительнаго сбыта въ этой странѣ состоитъ въ томъ, что всѣ почти жители суть земледѣльцы, которые сами же воспитываютъ и скотъ». Палласъ, *Путешествіе*, т, IV, стр. 4. Прим. автора.

** Къ приведеннымъ причинамъ слѣдуетъ присовокупить еще одну, о которой я узналъ недавно, а именно, огромныя пространства богатыхъ и плодородныхъ земель остаются въ этой странѣ необработанными, главнымъ образомъ потому, что они опустошаются несмѣтными роями саранчи, истребляющей всѣ всходы, такъ что нѣтъ никакого средства избавиться отъ этого бича. Прим. автора.

Поэтому, прямое поощреніе рожденію и воспитанію дѣтей не можетъ поднять населенія этой страны. Это могло бы быть вызвано только усиленіемъ спроса на доставляемыя ею произведенія; а это можетъ быть достигнуто только лучшими средствами для ихъ распредѣленія. Для этого необходимо было бы завести фабрики и возбудить въ населеніи охоту къ нимъ; или же, доставить, этимъ ли земледѣльцамъ или новымъ поселенцамъ, капиталы, которые дали бы имъ средства занять и разработать всѣ хорошія земли, и такимъ образомъ расширить внутренній рынокъ.

Императрица Екатерина II прибѣгала къ обоимъ этимъ средствамъ для увеличенія населенія въ своемъ государствѣ. Она одновременно поощряла, какъ фабрики, такъ и земледѣліе. Она снабжала иностранцевъ, посвятившихъ себя тому или другому занятію, капиталами, не взимая процентовъ впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ *. Такія мѣры, хорошо направленныя, съ присоединеніемъ того, что уже сдѣлано было Петромъ I, произвели, какъ и слѣдовало ожидать, необыкновенное дѣйствіе. Народы, находящіеся подъ властью царей, особенно въ Азіи, числительность которыхъ впродолженіи многихъ вѣковъ оставалась въ неподвижномъ состояніи, въ послѣднее время получили, повидимому, толчекъ, и стали размножаться гораздо быстрѣе. Хотя населеніе лучшихъ областей Сибири не соотвѣтствуетъ ихъ плодородію, тѣмъ неменѣе, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ земледѣліе процвѣтаетъ, и они производятъ большое количество хлѣба. Во время всеобщаго неурожая въ 1769, Исетскій округъ, несмотря на умѣренный урожай, въ состояніи былъ прокормить уральскіе заводы и рудники, и спасти отъ голода сосѣднія провинціи. Въ Кра-

* Тукъ, *View of the Russian empire*, т. II, стр. 242. Главное дѣйствіе этого напыва иностранцевъ, состояло, быть можетъ, въ замѣнѣ трудомъ людей свободныхъ труда рабовъ, и нѣмецкою дѣятельностью русской лѣни. Тѣмъ не менѣе, огромное значеніе имѣло снабженіе ихъ тою частью капитала, которую представляютъ орудія производства. Явившаяся, вслѣдствіе этого, дешевизна фабричныхъ произведеній, немедленно привлекла къ нимъ земледѣльцевъ, и развила въ нихъ охоту къ нимъ. Прим. автора.

сноярскомъ округѣ, на берегахъ Енисея, урожаи таковы, несмотря на безпечность и пьянство жителей, что тамъ еще ни разу не встрѣтилось недостатка въ хлѣбѣ. Палласъ весьма основательно замѣчаетъ, что если припомнить состояніе Сибири менѣе двухъ вѣковъ тому назадъ, если подумать, что она представляла въ то время совершенно неизвѣстную пустыню, менѣе населенную, чѣмъ сѣверныя страны Америки, то нельзя не удивляться теперешнему ея положенію и русскому населенію въ этой обширной странѣ, значительно превышающему число туземцевъ.

Во время пребыванія Палласа въ Сибири продовольствіе было дешево въ плодородныхъ мѣстностяхъ, въ особенности въ окрестностяхъ Красноярска. Пудъ пшеницы стоилъ около пяти французскихъ су; корова стоила шесть или восемь. Такія низкія цѣны, объясняемыя отсутствіемъ сбыта для произведеній почвы, быть можетъ, были главнымъ препятствіемъ для развитія промышленности. Съ тѣхъ поръ цѣны значительно поднялись. Мы имѣемъ, стало быть, право предположить, что цѣль была достигнута, и что населеніе должно быстро возрастать.

Тѣмъ неменѣе, Палласъ жалуется на то, какъ подчиненными лицами приводилась въ исполненіе воля императрицы. Онъ говоритъ, что помѣщики, на которыхъ возложена была эта обязанность, нерѣдко посылали такихъ поселенцевъ, которые, ни по возрасту, ни по здоровью, ни по своимъ привычкамъ, не годились къ той жизни, къ которой они предназначались. Даже нѣмцы, которыхъ поселили на берегахъ Волги, не отличались дѣятельностью и трудолюбіемъ, а это, разумѣется, оказывало большое вліяніе. Мы имѣемъ полное право сказать, что для населенія гораздо важнѣе доставленіе труда, чѣмъ доставленіе людей. Еслибы возможно было разомъ измѣнить привычки всего народа, и управлять трудомъ его по своему усмотрѣнію, то правительству ни въ какомъ случаѣ не потребовалось бы поощрять чужеземныхъ колонистовъ. Но ничего не можетъ быть труднѣе такой перемѣны. Много потребовалось бы времени и много благопріятныхъ условій, чтобы сибирскій крестьянинъ получилъ дѣятельность и трудолюбіе англійскаго поденщика. Русское правительство непрерывно старалось обратить кочевые сибирскіе народы къ земледѣлію, но бо́льшая ихъ часть упрямо отказывается отъ этого, и настойчиво предпочитаетъ неправильный и безпечный образъ жизни.

Многія другія обстоятельства препятствуютъ развитію русскихъ поселеній. Низменныя мѣстности нерѣдко оказываются болотисты, и потому, нездоровы*; скотъ часто подвергается въ нихъ сильному падежу. Какъ бы плодородны ни были страны, лежащія по берегамъ Волги, въ нихъ нерѣдко бываютъ засухи, такъ что изъ трехъ жатвъ рѣдко случается, чтобы удалась одна. Саратовскіе колонисты, нѣсколько лѣтъ послѣ того какъ устроились, принуждены были перемѣнить мѣста своихъ поселеній, а императрица простила имъ около мильона, употребленнаго на постройку ихъ домовъ. Ради удобства и безопасности, всѣ жители строятся въ колоніи другъ подлѣ друга и въ близкомъ разстояніи, а не разсѣеваются по всей окрестной мѣстности отдѣльными фермами. Вслѣдствіе этого, всѣ земли близъ колоніи въ скоромъ времени занимаются, а отдаленные участки лежатъ безъ обработки. Замѣчаніе, сдѣланное Палласомъ о колоніи Кочесной, побудило послѣднюю просить императрицу переселить часть колоніи на другое мѣсто, чтобы просторнѣе было остальной.

* Палласъ *Путеш.*, т. III, стр. 16. Въ странахъ, въ которыхъ законъ народонаселенія никогда не развивается вполнѣ, нездоровое время и эпидемін оказываютъ небольшое вліяніе на среднюю числительность населенія. Совсѣмъ иное бываетъ въ новыхъ поселеніяхъ, развитіе которыхъ замѣтно останавливается такими условіями. Различіе это требуетъ поясненія. Въ странахъ съ неподвижнымъ населеніемъ или съ весьма медленнымъ его ростомъ, при предположеніи, что дѣйствуютъ всѣ, приведенныя препятствія для его непосреднственнаго размноженія, обиліе продовольствія не можетъ значительно увеличить число жителей. Но именно уменьшеніемъ числа непосредственныхъ препятствій изобиліе и можетъ вызвать увеличеніе населенія. Тѣмъ неменѣе, тѣ изъ препятствій, которыхъ нельзя будетъ отстранить, вслѣдствіе ли затрудненія измѣнить старыя привычки, или вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій почвы и климата, будутъ продолжать свое дѣйствіе, и не позволятъ закону народонаселенія выказать всю свою силу. Прим. автора.

Подобная просьба доказываетъ, повидимому, что такое выселеніе не можетъ произойти само собою, и что дѣтямъ колонистовъ невсегда бываетъ легко завестись хозяйствомъ и образовать новыя семьи. Говорятъ, что въ Сарептѣ, цвѣтущей колоніи моравскихъ братьевъ, молодые люди не смѣютъ жениться безъ разрѣшенія пасторовъ, которые даютъ имъ это разрѣшеніе вообще довольно поздно. Слѣдовательно, даже въ новыхъ поселеніяхъ предупреждающее препятствіе уже значительно сдерживаетъ размноженіе населенія. Размноженіе это можетъ быть быстро только тамъ, гдѣ стоитъ высокая дѣйствительная цѣна на трудъ. Это и представляетъ намъ Америка. Но если обратить вниманіе на общественное состояніе въ тѣхъ русскихъ областяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, и на отсутствіе сбыта, являющееся его слѣдствіемъ, то нельзя не согласиться, что дѣйствительная цѣна на трудъ не можетъ въ нихъ значительно подняться. А между тѣмъ, возвышеніе дѣйствительной цѣны труда, какъ условіе, обыкновенно сопровождающее заведеніе новыхъ колоній, и составляетъ настоящую причину возрастанія ихъ населенія *.

* И другія причины, на которыя Палласъ не обратилъ вниманія, могутъ препятствовать размноженію населенія въ Сибири. Что касается до всѣхъ непосредственныхъ препятствій для размноженія населенія, уже приведенныхъ мною или приводимыхъ ниже, то вообще слѣдуетъ замѣтить, что какъ невозможно строго обозначить дѣйствіе каждаго изъ нихъ, и вліяніе каждаго на законъ народонаселенія, который они силятся ограничить, такимъ же образомъ, невозможно и вывести точныхъ слѣдствій о настоящемъ состояніи народонаселенія на основаніи однихъ только соображеній общихъ законовъ, не прибѣгая къ непосредственному наблюденію. Главныя препятствія для населенія могутъ быть, повидимому, одни для двухъ различныхъ народовъ, и тѣмъ не менѣе, производить весьма неодинакое дѣйствіе: это можетъ оказаться въ случаѣ, если они и одни и тѣ же, но различаются по напряженію или по силѣ. Итакъ, все что мы можемъ сдѣлать въ настоящемъ случаѣ—это поступать такъ, какъ это дѣлается въ физическихъ изслѣдованіяхъ, то есть, замѣчать факты, и затѣмъ, стараться объяснить ихъ при содѣйствіи того, что будетъ получено опытомъ.
Прим. автора.

ГЛАВА X. — О препятствіяхъ для размноженія населенія въ Турціи и Персіи.

Обратившись къ путешественникамъ, нетрудно составить себѣ понятіе о причинахъ, уменьшающихъ населеніе въ азіатской части Турецкой имперіи. А какъ обычаи европейской и азіатской части этой имперіи не представляютъ существеннаго различія, то мы и не будемъ въ настоящемъ случаѣ различать ихъ.

Главная причина слабаго населенія Турціи, сравнительно съ ея протяженіемъ, состоитъ безспорно въ свойствахъ ея правительства. Тиранія, безсиліе, скверные законы, еще болѣе дурная администрація, а потому, и необезпеченная собственность, представляютъ такія препятствія для земледѣлія, что оно съ каждымъ годомъ упадаетъ, а съ нимъ уменьшается и населеніе. *Мири* или общій поземельный налогъ, выплачиваемый султану, самъ по себѣ весьма невеликъ; но вслѣдствіе злоупотребленій, присущихъ турецкому управленію, паши и ихъ повѣренные нашли средство обратить эту подать въ разореніе. Хотя имъ и невозможно прямо увеличить установленный налогъ, но они ввели множество косвенныхъ измѣненій въ немъ, которыя произвели то же самое дѣйствіе. По словамъ Вольнея, въ Сиріи бо́льшая часть земель находится въ распоряженіи пашей: при сдачѣ ихъ земледѣльцамъ они обременяютъ послѣднихъ самыми тягостными условіями; они требуютъ у нихъ половины, а иногда и двухъ третей жатвы. Когда жатва убрана, они начинаютъ придирки подъ предлогомъ своихъ мнимыхъ потерь; а такъ какъ въ ихъ рукахъ сосредоточена вся власть, то они берутъ столько, сколько захотятъ. Если жатва не удалась, они требуютъ той же опредѣленной платы, а въ случаѣ отказа, продаютъ все имущество несчастнаго земледѣльца. Къ этимъ постояннымъ притѣсненіямъ присоединяется множество вымогательствъ инаго рода. То налагается контрибуція на цѣлую деревню подъ предлогомъ какого либо вымышленнаго оскорбленія, то требуются подарки вновь прибывшему правителю, забираютъ

*

для его лошадей сѣно, ячмень, солому, разсылаютъ съ умысломъ огромное число солдатъ съ различными порученіями, чтобы они жили на счетъ несчастныхъ земледѣльцевъ, съ которыми солдаты обращаются съ крайнею наглостью*.

Цѣль этихъ притѣсненій состоитъ въ томъ, чтобы отнять у бѣдныхъ жителей возможность платить *мири*, и отдать ихъ на поруки сосѣдямъ, или заставить бѣжать въ городъ. Такъ какъ *мири* отмѣнена быть не можетъ, и тѣмъ или другимъ способомъ должна быть выплачена вполнѣ, то часть, причитающаяся на долю бѣжавшихъ изъ дому, должна быть оплачена остальнымъ населеніемъ. Если случится два года сряду засуха или голодъ, деревня оставляется. Въ такомъ случаѣ подать падаетъ на сосѣднія мѣстности.

Подать съ христіанъ подлежитъ тѣмъ же злоупотребленіямъ. Съ трехъ, пяти и одинадцати піастровъ первоначальной своей величины она возрасла до тридцати шести и до сорока; вслѣдствіе чего, плательщики, доведенные до нищеты, должны бѣжать. Замѣчено, что лихоимство значительно усилилось въ послѣднія сорокъ лѣтъ. Эпоха эта совпадаетъ съ упадкомъ земледѣлія, съ обезлюденіемъ страны и съ исчезновеніемъ звонкой монеты, поглащаемой Константинополемъ.

Пищу крестьянина составляетъ небольшая сухая лепешка изъ ячменя или проса, лукъ, чечевица и вода. Чтобы не потерять ни одного хлѣбнаго зерна, они не отдѣляютъ попавшихъ въ него сорныхъ сѣмянъ, что̀ вызываетъ нерѣдко печальныя послѣдствія. Въ Ливанскихъ и Сирійскихъ горахъ въ неурожайные годы жители питаются вареными или печеными желудями.

Вслѣдствіе такой крайней нищеты, замледѣліе находится въ самомъ жалкомъ состояніи. У земледѣльца нѣтъ почти никакихъ земледѣльческихъ орудій, а если и есть, то самаго дурнаго качества. Плугомъ служитъ ему нерѣдко раздвоенный пень безъ колесъ. Онъ запрягаетъ въ него осла, корову, рѣдко быка, ибо это значило бы обнаружить свое

* Что касается до фактовъ, приводимыхъ въ этой главѣ, см: Вольнея, *Voyage en Egypte et en Syrie.*—Итона, *Turkish Empire.*—Собраніе Гарриса, *Путешествіе Шардена.—Открытія русскихъ.*

богатство. Въ мѣстностяхъ, подверженныхъ набѣгамъ арабовъ, какъ въ Палестинѣ, онъ сѣетъ съ ружьемъ въ рукахъ. Рѣдко даютъ зерну вызрѣть; его срываютъ прежде, чѣмъ оно пожелтѣетъ, и спѣшатъ скрыть куда нибудь. Только небольшое его количество идетъ на обсѣмененіе почвы, ибо крестьянинъ воздѣлываетъ самое небольшое количество земли, необходимое для его прокорленія. Весь трудъ его этимъ и ограничивается. Но чтобы имѣть кусокъ хлѣба, немного луку, плохую синюю рубаху и нижнее платье, немного требуется труда. «Крестьянинъ живетъ, поэтому, въ нищетѣ; этимъ онъ по крайней мѣрѣ не обогащаетъ своихъ притѣснителей, а алчность и деспотизмъ, такимъ образомъ, сами себя наказываютъ.»

То, что̀ говоритъ Вольней о состояніи сирійскихъ крестьянъ, согласно со свѣдѣніями, сообщаемыми прочими путешественниками. По мнѣнію Итона, то же самое слѣдуетъ сказать о положеніи крестьянъ въ большей части турецкихъ владѣній. Всѣ должности отдаются на откупъ, и распредѣляются серальскими интригами, въ которыхъ все зависитъ отъ денегъ. Вслѣдствіе этого, паши, отправляющіеся управлять провинціями, пускаютъ въ ходъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ право свое производить вымогательства. Ихъ превосходятъ въ этомъ отношеніи только второстепенные чиновники, а эти уступаетъ въ томъ же только своимъ подчиненнымъ.

Пашѣ необходимо нетолько уплатить налоги, но и выручить то, что̀ онъ заплатилъ за свое мѣсто, а также поддержать свое достоинство и сдѣлать запасъ на непредвидѣнныя случайности. Такъ какъ онъ представляетъ собою лице султана, и такъ какъ, вслѣдствіе этого, въ его рукахъ сосредоточена вся гражданская и военная власть, то всѣ средства находятся въ его распоряженіи; тѣмъ неменѣе, онъ отдаетъ предпочтеніе самымъ короткимъ. Опасаясь за будущее, онъ смотритъ на свою провинцію, какъ на временное свое владѣніе, и старается въ одинъ день собрать доходы за нѣсколько лѣтъ, нисколько не заботясь о своемъ преемникѣ и о вредѣ, наносимомъ имъ постояннымъ доходамъ страны.

Земледѣлецъ естественно болѣе подверженъ всѣмъ притѣ-

сненіямъ, чѣмъ городской житель. Занятія приковываютъ его къ почвѣ, произведенія которой нелегко могутъ быть скрыты. Условія, на которыхъ онъ владѣетъ ею, и возможность передать ихъ весьма непрочны. По смерти все его имущество отходитъ къ султану, а дѣти умершаго землевладѣльца могутъ получить его собственность не иначе, какъ внеся за нее значительный выкупъ. По этой причинѣ, поземельная собственность весьма слабо цѣнится. Деревни покидаются, а жители бѣгутъ въ города, въ которыхъ менѣе притѣсненій, и въ которыхъ есть надежда пріобрѣсть такое имущество, которое можетъ быть скрыто отъ глазъ хищниковъ.

Для окончательнаго разоренія земледѣлія нерѣдко назначается такса, по которой крестьянинъ обязанъ продавать хлѣбъ въ городѣ. Изъ собственной слабости и изъ боязни народнаго возмущенія, турецкое правительство придерживается правила держать хлѣбъ въ низкой цѣнѣ во всѣхъ большихъ городахъ. Въ случаѣ плохаго урожая, люди, обладающіе хлѣбомъ, обязаны продавать его по назначенной цѣнѣ подъ страхомъ смертной казни; если его не достаетъ въ окрестностяхъ, то налагается контрибуція на сосѣдніе округи. Когда Константинополь ощущаетъ недостатокъ въ продовольствіи, то изъ за него приходится голодать, быть можетъ, десяти провинціямъ. Во время голода въ 1784 въ Дамаскѣ, народъ платилъ за хлѣбъ не дороже шести копескъ за фунтъ, между тѣмъ какъ въ деревняхъ умирали съ голоду.

Нечего и объяснять, какое вліяніе оказываетъ на земледѣліе такая система управленія. Причины, уменьшающія средства существованія, въ этомъ случаѣ слишкомъ очевидны; препятствія, поддерживающія населеніе на уровнѣ понижающихся средствъ, могутъ быть указаны тоже безъ труда. Это— соединеніе всякаго рода пороковъ и бѣдствій.

Въ Турціи вообще замѣчено, что христіанскія семейства имѣютъ больше дѣтей, чѣмъ магометанскія, допускающія многоженство. Фактъ этотъ въ высшей степени замѣчателенъ. Ибо, хотя многоженство неравнымъ распредѣленіемъ женщинъ и содѣйствуетъ уменьшенію населенія всей страны, тѣмъ неменѣе, люди, обладающіе нѣсколькими женами, казалось бы,

должны имѣть больше дѣтей, чѣмъ тѣ, у которыхъ одна только жена. Вольней объясняетъ это явленіе тѣмъ, что многоженство и преждевременное супружество ослабляютъ турокъ въ молодыхъ еще годахъ, вслѣдствіе чего въ тридцать лѣтъ они уже не въ состояніи имѣть дѣтей. Онъ упоминаетъ еще о противуестественномъ порокѣ, нерѣдко встрѣчающемся между этимъ народомъ, и оказывающемъ, по его мнѣнію, вредное дѣйствіе на народонаселеніе. Онъ принимаетъ слѣдующія пять причинъ всеобщаго обезлюденія:

1) Чума, въ сущности, никогда непрекращающая своихъ опустошеній въ этой имперіи.

2) Жестокія болѣзни, всегда почти слѣдующія за нею, по крайней мѣрѣ въ Азіи.

3) Повальныя и мѣстныя болѣзни, производящія въ Азіи такія же опустошенія, какъ и чума, и часто возвращающіяся.

4) Голодъ.

5) Наконецъ, болѣзни, сопровождающія голодъ и причиняющія большую смертность.

Затѣмъ, онъ подробно описываетъ опустошенія, производимыя чумой въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи, и заключаетъ словами, что если число магометанъ уменьшается, то достаточно одной это причины для объясненія этого факта. Онъ утверждаетъ, что если настоящій порядокъ вещей не измѣнится, то турецкое населеніе должно угаснуть неболѣе какъ черезъ столѣтіе. Но это заключеніе и вычисленія, на которыхъ оно основано, безъ сомнѣнія, преувеличены. Размноженіе населенія въ промежуткѣ между эпидеміями вѣроятно значительнѣе, чѣмъ предполагаетъ этотъ писатель. Но съ другой стороны, въ странѣ, въ которой трудъ земледѣльца ограничивается удовлетвореніемъ первыхъ потребностей, въ которой онъ сѣетъ столько, чтобы только не умереть съ голоду; въ которой онъ не можетъ, слѣдовательно, отложить въ запасъ извѣстную часть произведеній, потеря значительнаго числа людей нелегко вознаграждается, ибо потеря эта не такъ чувствительна, какъ въ трудолюбивыхъ странахъ при болѣе обезпеченной собственности.

По ученію Зороастра, законодателя древнихъ персовъ, по-

садить дерево, воздѣлать поле и дать жизнь дѣтямъ представляютъ три главныя похвальныя дѣла. Но, по разсказамъ путешественниковъ, послѣдняго рода доброе дѣло не всегда бываетъ возможно для низшихъ классовъ народа. Въ такомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, личныя выгоды отдѣльныхъ лицъ исправляютъ ошибки законодателя. Шарденъ утверждаетъ, что супружество сопряжено съ такими расходами въ Персіи, что оно доступно только богатымъ людямъ; прочіе боятся, чтобы оно не разорило ихъ. Русскіе путешественники подтверждаютъ это извѣстіе. Они говорятъ, что простому народу приходится долго откладывать супружество, и что только богатые люди женятся въ молодыхъ годахъ.

Потрясенія, испытанныя Персіей впродолженіи многихъ вѣковъ, не могли не нанести жестокаго удара ея земледѣлію. Промежутки мирнаго времени между внѣшними войнами и внутренними смутами были рѣдки и кратковременны. Но и среди самаго глубокаго мира пограничныя области подвержены постояннымъ набѣгамъ со стороны татаръ.

Такой порядокъ вещей произвелъ ожидаемое дѣйствіе. Невоздѣлываемыя земли относятся къ обрабатываемымъ, какъ 10 къ 1. Условія, на которыхъ чиновники шаха и частные собственники отдаютъ свои земли въ наймы земледѣльцамъ, разумѣется, не могутъ оживить земледѣлія. Сверхъ того, жатвы много терпятъ въ этой странѣ отъ града, засухи, саранчи и другихъ насѣкомыхъ. Все это служитъ причиной отстраненія капиталовъ отъ земледѣлія.

Чума мало знакома въ Персіи, но за то оспа, по словамъ русскихъ путешественниковъ, производитъ въ ней страшныя опустошенія.

Мы не находимъ нужнымъ входить въ бо́льшія подробности о препятствіяхъ для размноженія населенія въ Персіи, такъ какъ они почти тѣ же, что̀ и въ Турціи, которыя уже указаны нами. Потери людей, причиняемыя въ послѣдней чумой, вознаграждаются въ Персіи междоусобными войнами, болѣе частыми въ ней и, быть можетъ, неменѣе опустошительными.

ГЛАВА XI. — О препятствіяхъ для размноженія населенія въ Индостанѣ и Тибетѣ.

Законы индейскаго законодателя Мену, которые переведены кавалеромъ Джонесомъ и названы *Уставами индейскаго права*, сильно поощряютъ бракъ, а на наслѣдника мужескаго пола смотрятъ, какъ на пріобрѣтеніе, имѣющее первостепенное значеніе *.

«Посредствомъ сына человѣкъ одерживаетъ побѣду надъ всѣмъ; посредствомъ сына онъ получаетъ безсмертіе; а затѣмъ, посредствомъ сына этого сына, онъ достигаетъ до обители солнца. Такъ какъ сынъ освобождаетъ отца отъ ада, называемаго *Путъ*, то поэтому, онъ и названъ *Путра* самимъ Брамой **.

Мену придаетъ особенное значеніе каждому изъ брачныхъ обрядовъ:

Сынъ браминки или женщины, вѣнчанной первымъ обрядомъ, если онъ будетъ добродѣтеленъ, искупаетъ грѣхи десятерыхъ предковъ, десятерыхъ потомковъ и самого себя, всего двадцать одного человѣка. Сынъ, рожденный отъ женщины, вѣнчанной по обряду *даива*, искупаетъ по семи человѣкъ по восходящей и нисходящей линіи; сынъ жены по обряду *арша* — по три человѣка, а сынъ жены по обряду *прайпатва*—по шести. Глава семейства пользуется необыкновеннымъ почетомъ: «Святые мудрецы, души усопшихъ, боги, духи, гостепріимные люди заботятся о счастіи главы семейства.» Старшій братъ, невступившій въ бракъ, между тѣмъ какъ меньшой уже женатъ, считается человѣкомъ, котораго слѣдуетъ избѣгать.

---

* Что касается до фактовъ, приводимыхъ въ этой главѣ, то см: Джонеса, *Works*. — Реналя, *Histoire des Indes*. — *Назидательныя письма*. — *Asiatic Researches*. — Турнера, *Embassy to Tibet*.

** Говоря объ индейскихъ законахъ, аббатъ Реналь замѣчаетъ: «Содѣйствовать размноженію населенія составляетъ первую заповѣдь, естественный законъ, до того священный, что законъ допускаетъ обманъ, ложь, клятвопреступленіе, когда дѣло идетъ о заключеніи брака.» *Hist. des Indes*, т. I, кн. I, стр. 81. Прим. автора.

Подобныя постановленія заставляютъ смотрѣть на супружество, какъ на религіозную обязанность. Впрочемъ, они имѣютъ въ виду скорѣе наслѣдника мужескаго пола, чѣмъ многочисленное потомство.

«Отецъ, имѣющій сына, расплачивается съ долгомъ относительно своихъ предковъ. Только этого сына, рожденіе котораго покрываетъ долгъ отца, и даетъ отцу безсмертіе, каждый долженъ стараться имѣть изъ чувства обязанности. Всѣ остальные принимаются мудрецомъ, какъ порожденіе любви къ удовольствію.»

Встрѣчаются случаи, когда вдовѣ дозволяется имѣть сына отъ брата мужа, или отъ какого либо близкаго родственника покойнаго: но ни въ какомъ случаѣ не дозволяется ей имѣть втораго сына. «По достиженіи цѣли, братъ мужа съ женою брата должны жить вмѣстѣ, какъ жили бы между собой отецъ съ женою сына.»

Всюду почти въ законахъ Мену чувственность, какого бы то ни было рода, сильно порицается, а цѣломудріе предписывается, какъ религіозная обязанность: «Человѣкъ, отдающійся на волю чувственныхъ наслажденій, грѣшитъ; если же, напротивъ того, онъ одержитъ надъ ними побѣду, то получаетъ небесное блаженство. Будетъ ли, или не будетъ человѣкъ въ состояніи предаваться наслажденію, отреченіе отъ удовольствій похвальнѣе, чѣмъ пользованіе ими.»

Мы имѣемъ право предположить, что подобныя правила могутъ оказать нѣкоторое противудѣйствіе другимъ, уже упомянутымъ нами законамъ. Они могутъ побудить религіозныхъ людей довольствоваться однимъ сыномъ, или переносить безропотно безбрачную жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, законы эти, повидимому, утверждаютъ, что безусловное цѣломудріе освобождаетъ отъ обязанности имѣть потомство: «Безчисленное множество браминовъ съ молодыхъ лѣтъ воздерживалось отъ чувственности, и не оставило послѣ себя потомства. Но это не помѣшало имъ поступить въ рай. Подобно такимъ воздержнымъ людямъ, и добродѣтельная женщина достигаетъ блаженства, хотя бы она и не имѣла дѣтей, но если, потерявъ мужа, она посвятитъ себя благочестивому цѣломудрію.».

Дозволеніе, разрѣшающее брату или близкому родственнику доставить наслѣдника умершему, допускается только по отношенію къ женщинамъ, находящимся въ рабскомъ состояніи. Женщины высшихъ классовъ не должны произносить даже имени другаго мужчины: «Онѣ обязаны до конца своей жизни прощать обиды, вести самый строгій образъ жизни, воздерживаться отъ чувственныхъ удовольствій и неуклонно слѣдовать высокимъ правиламъ добродѣтели.»

Независимо отъ этихъ положительныхъ правилъ, требующихъ обузданія своихъ страстей, и другія обстоятельства могли содѣйствовать предупрежденію слѣдствій, вызываемыхъ законами въ пользу супружества.

Раздѣленіе народа на касты или на отдѣльные классы, и передача своего ремесла изъ рода въ родъ должны были ясно показать каждому человѣку его будущія средства существованія; по заработкамъ отца онъ можетъ судить, можно ли ему будетъ содержать новое семейство на свой собственный заработокъ. Правда, что человѣкъ можетъ перейти въ низшій классъ, если занятія свойственныя его кастѣ, не даютъ ему возможности просуществовать; но этотъ переходъ считается позоромъ, и нельзя предположить, чтобы человѣкъ рѣшился жениться, если ему грозитъ за это несомнѣнное безчестіе.

Сверхъ того, самый выборъ жены представляется дѣломъ, повидимому, крайне затруднительнымъ, такъ что человѣкъ долго проживетъ въ безбрачной жизни, прежде чѣмъ найдетъ себѣ такую подругу, которая удовлетворяла бы требованіямъ законодателя. Во первыхъ, слѣдуетъ избѣгать десяти опредѣленныхъ семействъ, какъ бы они ни были велики и богаты коровами, козами, овцами, хлѣбомъ или золотомъ. Затѣмъ, слѣдуетъ исключить дѣвушекъ, у которыхъ слишкомъ много или слишкомъ мало волосъ, которыя много болтаютъ, которыя обладаютъ некрасивыми глазами или незвучнымъ именемъ, у которыхъ нѣтъ брата, или отецъ которыхъ не пользуется хорошею репутаціей, и т. д. Такимъ образомъ, выборъ естественно оказывается крайне ограниченнымъ, такъ какъ онъ не долженъ выходить изъ предѣловъ, начерченныхъ

слѣдующими правилами: «Дѣвушка должна имѣть безукоризненное лицо, обладать пріятнымъ именемъ, она должна ходить граціозно, какъ гусыня или молодая слониха, она должна имѣть опредѣленное количество волосъ и зубы одинаковой величины, вся особа ея должна дышать кротостью».

Говорятъ, что ни одинъ браминъ или *шатрій* не возьметъ себѣ жены изъ низшей касты, хотя бы онъ встрѣтилъ неодолимое затрудненіе въ выборѣ подходящей невѣсты. А это даетъ право предположить, что это затрудненіе дѣйствительно часто встрѣчается.

Другое препятствіе для заключенія супружествъ вытекаетъ изъ индейскаго обычая, по которому старшій братъ, пока не женится, обязываетъ къ безбрачной жизни меньшихъ братьевъ. Ибо меньшой братъ, женясь ранѣе старшаго, тоже подвергается безчестію, и причисляется законодателемъ къ числу лицъ, которыхъ слѣдуетъ избѣгать.

Картина, въ которой законодатель изображаетъ нравы и характеръ индейскихъ женщинъ, весьма непривлекательна. Между многими строгими замѣчаніями мы находимъ слѣдующее: «Вслѣдствіе страсти ихъ къ мужчинамъ, ихъ непостоянства, недостатка любви, вслѣдствіе развратной природы ихъ, подъ какимъ бы строгимъ присмотромъ онѣ ни находились, онѣ вскорѣ получаютъ ненависть къ своимъ мужьямъ».

Если это изображеніе вѣрно, то пороки эти слѣдуетъ объяснять лишеніемъ женщины всякой свободы и униженіемъ, до котораго доводитъ ее многоженство. Какъ бы то ни было, замѣчанія такого рода показываютъ, что, несмотря на преслѣдованія прелюбодѣянія, противузаконныя отношенія между полами вовсе не рѣдки въ Индіи. Намъ говорятъ, что преслѣдованія эти не простираются на женъ публичныхъ танцоровъ и пѣвцовъ, ни на низшіе классы народа, въ которыхъ мужчины нерѣдко содержатся любовными похожденіями своихъ женъ. Изъ этого можно заключить, что подобная безпорядочность по крайней мѣрѣ терпится. Замѣтимъ еще, что существованіе многоженства между богатыми увеличиваетъ затрудненіе бѣднаго въ пріисканіи себѣ жены, затрудненіе, въ особенности чувствительное между рабами.

Изъ совокупности всѣхъ этихъ условій можно сдѣлать заключеніе, что предупреждающія препятствія оказываютъ свое вліяніе на народонаселеніе Индіи. Однако же, обычаи и нравы этого народа должны поощрять ранновременныя супружества, и побуждать къ браку всякаго человѣка, который хоть сколько нибудь надѣется прокормить семью. Естественнымъ слѣдствіемъ такой силонности было то, что низшіе классы народа впали въ крайнюю бѣдность, и должны довольствоваться самою неразборчивою и скудною пищей. Самообузданіе это еще болѣе увеличилось, и распространилось на высшіе классы народа вслѣдствіе мнѣнія, по которому воздержаніе отнесено въ разрядъ самыхъ высокихъ добродѣтелей. Такимъ образомъ, населеніе ограничило средства существованія, и продовольствіе, доставляемое всею страной, стало постепенно распредѣляться между большею частью народа въ такомъ незначительномъ количествѣ, какое необходимо только, чтобы не умереть съ голоду. При такомъ положеніи вещей, дурной урожай необходимо долженъ сильно отзываться на населеніе, и дѣйствительно, какъ и слѣдовало ожидать, Индія нерѣдко подвергается самому жестокому голоду.

Часть законовъ Мену посвящена исключительно разсужденіямъ о голодномъ времени. Въ ней даются наставленія различнымъ классамъ народа, какъ они должны вести себя въ такія тяжелыя времена. Въ ней часто упоминается о браминахъ, страдавшихъ отъ голода, и о нѣкоторыхъ добродѣтельныхъ мужахъ древности, крайнимъ положеніемъ которыхъ извиняются нѣкоторые нечистые и противузаконные ихъ поступки: «*Аджигарта*, умирая отъ голода, готовъ былъ продать сына, чтобы купить животное; онъ не былъ виноватъ, ибо отыскивалъ средство противъ голода. *Вамадева*, знавшій справедливое и несправедливое, ничѣмъ не осквернилъ себя, хотя къ припадкѣ голода онъ возымѣлъ желаніе поѣсть собачьяго мяса. *Висвамитра*, лучше всѣхъ умѣвшій отличать добро отъ зла, умирая отъ голода, рѣшился съѣсть бедро собаки, полученной отъ *Шодалы*». Такъ какъ такіе знаменитые и добродѣтельные люди, принадлежащіе къ высшимъ слоямъ общества, которымъ каждый готовъ былъ помочь, доведены

были до такого крайняго положенія, то нетрудно представить себѣ, каковы были страданія низшихъ классовъ.

Подобныя упоминанія служатъ очевиднымъ доказательствомъ, что въ эпоху составленія этихъ законовъ бывали случаи жестокаго голода; но есть основаніе думать, что и впослѣдствіи они нерѣдко посѣщали страну. Одинъ іезуитъ разсказываетъ, что онъ не въ состояніи описать подробно страданій, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ во время голода въ 1737 и 1738; но и того, что онъ говоритъ о смертности, причиненной этимъ бѣдствіемъ, достаточно, чтобы привести въ ужасъ. Другой іезуитъ говоритъ въ болѣе общихъ выраженіяхъ: «Мы окрещиваемъ ежегодно около тысячи дѣтей, которыхъ не могутъ прокормить родители, или которыхъ продаютъ намъ еле живыми матери, чтобы освободиться отъ нихъ».

Разрушительныя препятствія, останавливающія населеніе, въ особенности чувствуются въ кастѣ *Судровъ*, а также между еще болѣе несчастными отверженцами всѣхъ кастъ *, которымъ не дозволяютъ даже селиться въ городскихъ стѣнахъ.

Эта часть населенія должна сильно страдать отъ повальныхъ болѣзней, зараждаемыхъ нищетой и дурной пищей; въ особенности должна быть значительна смертность между дѣтьми. Вѣроятно они тысячами уносятся голодомъ, прежде чѣмъ почувствуютъ его средніе классы. Аббатъ Реналь говоритъ, основываясь на какомъ то авторитетѣ, что когда случается неурожай риса, то лачуги этой несчастной касты сожигаются, а жители ихъ перебиваются поземельнымъ собственникомъ, чтобы они не похитили какой либо части жатвы.

Затрудненіе воспитать семейство, даже между средними и высшими классами, и опасеніе быть исключеннымъ изъ касты побуждаютъ жителей нѣкоторыхъ частей Индіи прибѣгать къ самымъ жестокимъ средствамъ. На границахъ Юнапура, округа Бенаресской области, есть племя, между которымъ существовалъ обычай умерщвлять всѣхъ раждающихся дѣвочекъ. Матерей принуждали убивать ихъ голодомъ. Причина, побудившая къ такому обычаю, состояла въ расходахъ, сопряженныхъ съ выдачею дѣвушки замужъ. Одна только деревня округа отказалась отъ этой жестокой мѣры, и въ ней встрѣчается много женщинъ, состарѣвшихся внѣ брачной жизни.

* Паріями и пуліями.

Можно подумать, что такого рода обычай поведетъ къ уничтоженію всего племени, принявшаго его. Но, повидимому, небольшаго числа спасшихся жертвъ, и супружествъ, заключенныхъ съ женщинами сосѣднихъ племенъ, достаточно для поддержанія числительности населенія. Англійская Остъ-Индская компанія принудила это племя отказатся отъ своего гнуснаго обычая.

На Малабарскомъ берегу наиры * не заключаютъ правильныхъ супружествъ. Право наслѣдства принадлежитъ матери брата **, а если ея нѣтъ, то сыну сестры, такъ какъ отецъ постоянно считается сомнительнымъ. Въ браминскихъ семействахъ, при нѣсколькихъ братьяхъ, женится только старшій. Меньшіе живутъ съ женщинами наировъ безъ брака. Если у старшаго брата нѣтъ сына, то женится слѣдующій за нимъ. Между наирами каждая женщина живетъ съ двумя, четырьмя и бо́льше мужчинами. Низшія касты, какъ плотники, кузнецы и другіе, подражаютъ высшимъ, съ тѣмъ различіемъ, что люди, живущіе съ одною женщиной, считаются близкими родственниками, чтобы не измѣнять порядка наслѣдованія.

Монтескье, упоминая объ этомъ обычаѣ малабарскихъ наировъ, объясняетъ его предположеніемъ, что онъ былъ установленъ съ цѣлью ослабить родовой духъ этой касты; то есть, чтобы побудить членовъ ея, такъ какъ по ремеслу наиры—воины, спѣшить туда, куда призывали ихъ обязанности. Я же полагаю, что обычай этотъ порожденъ опасеніемъ обѣднѣнія, сопровождающаго многочисленную семью, тѣмъ болѣе, что ему слѣдуютъ и прочія касты ***.

Въ Тибетѣ, по послѣднимъ извѣстіямъ, сообщеннымъ Турнеромъ, встрѣчается подобный же обычай, всюду почти распространенный. Писатель этотъ, не подтверждая своего пред-

* Могущественная каста, непосредственно слѣдующая за брамінами.

** Не брату ли матери?

*** *Esprit des lois*, кн. XVI, гл. V.

положенія положительнымъ образомъ, тѣмъ неменѣе, думаетъ, что обычай этотъ вызванъ опасеніемъ чрезмѣрнаго населенія въ странѣ, неотличающейся плодородіемъ. Въ странствованіяхъ своихъ по востоку онъ вѣроятно ознакомился съ неизбѣжными слѣдствіями чрезмѣрнаго населенія. Писатель этотъ принадлежитъ, поэтому, къ числу немногихъ, смотрѣвшихъ на этотъ предметъ съ настоящей точки зрѣнія. Онъ выражается по этому случаю чрезвычайно сильно, и дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія на счетъ обычая, о которомъ идетъ рѣчь: «Нѣтъ никакого сомнѣнія, что чрезмѣрное населеніе въ неплодородной странѣ должно быть самымъ ужаснымъ бѣдствіемъ, и вызывать постоянную нужду и вѣчныя распри. Самые дѣятельные и самые трудолюбивые люди бываютъ принуждены оставить свою страну, и искать счастья въ торговыхъ или военныхъ занятіяхъ. Въ противномъ случаѣ, если они останутся въ странѣ, то первый неурожай заставитъ ихъ испытать всѣ муки голода. Соединеніемъ нѣсколькихъ семействъ подъ одно супружеское иго, быть можетъ, достигается замедленіе въ размноженіи населенія, отстраняются опасности, отъ которыхъ не освобождены и болѣе плодородныя страны, и предупреждаются пагубные обычаи, вызываемые ими, и къ сожалѣнію, преобладающіе въ самыхъ богатыхъ, плодородныхъ и населенныхъ мѣстностяхъ земнаго шара. Я въ особенности имѣю въ виду Китай, въ которомъ мать, не зная, какъ прокормить свое семейство, покидаетъ своего ребенка, и сама отдаетъ его на произволъ смерти; страну, въ которой, несмотря всю гнусность этого преступленія, послѣднее тѣмъ неменѣе встрѣчается весьма нерѣдко».

Во всѣхъ почти странахъ земнаго шара отдѣльные люди, изъ личной выгоды, принимаютъ такіе обычаи, которые предупреждаютъ чрезмѣрное населеніе. Но, быть можетъ, существуетъ одна только страна, Тибетъ, правительство которой поощряетъ эти обычаи, и заботится, скорѣе объ уменьшеніи, чѣмъ объ увеличеніи народонаселенія.

Въ первый періодъ своей жизни *Бутеа* можетъ получить отличіе только внѣ брачной жизни; супружество же, напротивъ того, неизбѣжно только помѣшаетъ ему въ достиженіи

почестей и высшихъ должностей. Религія поощряетъ честолюбіе ради предупрежденія чрезмѣрнаго населенія. Высшія сословія, на которыхъ лежатъ религіозныя и общественныя обязанности, возлагаютъ на земледѣльцевъ и поденщиковъ заботу о продолженіи породы.

Вслѣдствіе этого, религіозное затворничество въ большомъ ходу, а число обителей и монастырей весьма значительно, при чемъ мужскіе совершенно отдѣлены отъ женскихъ. Строгія правила не дозволяютъ, чтобы лица того и другаго пола, живущія въ такихъ обителяхъ, проводили хоть одну ночь внѣ своей кельи; злоупотребленія заботливо предупреждаются, и не пренебрегается ничѣмъ, что̀ можетъ служить къ распространенію уваженія къ священнымъ орденамъ того и другаго пола.

Народъ раздѣленъ на два совершенно отдѣльныхъ класса: одинъ преданъ мірскимъ дѣламъ, другой — небеснымъ. Міряне никогда не докучаютъ духовнымъ, занятымъ своими священными обязанностями. Между тѣмъ какъ одни занимаются интересами религіозными, другіе заняты обогащеніемъ государства и поддерживаютъ его населеніе.

Но и сами міряне участвуютъ въ поддержаніи населенія въ опредѣленныхъ границахъ. Всѣ братья одной и той же семьи, не обращая вниманія ни на число, ни на возрастъ, соединяютъ свое имущество, и живутъ съ одною женщиной по выбору старшаго, которая и считается главою дома. Какіе бы заработки ни получались каждымъ изъ нихъ, всѣ они поступаютъ въ общую кассу.

Число мужей, живущихъ такимъ образомъ вмѣстѣ, не ограничено. Иногда бываетъ, что во всей семьѣ одинъ только человѣкъ мужскаго пола; но рѣдко случается, замѣчаетъ Турнеръ, встрѣтить больше братьевъ, чѣмъ сколько жило вмѣстѣ въ одномъ семействѣ, указанномъ путешественнику однимъ почетнымъ лицемъ въ Тиху-Лумбу. Семейство это состояло изъ пяти братьевъ, жившихъ въ полнѣйшемъ согласіи съ одною и тою же женщиной. Такого рода союзы не ограничиваются одними только низшими класса-

ми; они часто встрѣчаются и въ самыхъ богатыхъ семействахъ *.

Понятно, что такой обычай, съ присоединеніемъ къ нему безбрачія многочисленнаго духовнаго сословія, долженъ дѣйствовать, какъ весьма дѣятельное предупреждающее препятствіе. И, несмотря на это, судя по словамъ Турнера, населеніе Тибета, по причинѣ безплодія почвы, достигло уровня, допускаемаго средствами существованія. Это подтверждается и множествомъ нищихъ, встрѣчаемыхъ въ Тиху-Лумбу. По поводу этихъ нищихъ и милостыни, на счетъ которой они живутъ, Турнеръ дѣлаетъ замѣчаніе, неновое, правда, но до такой степени справедливое и важное, что его слѣдуетъ повторять чаще.

«Такимъ образомъ, я узналъ самымъ неожиданнымъ для меня образомъ о существованіи въ странѣ, жизнь которой казалось мнѣ столь тихою и правильною, цѣлой массы бѣдняковъ и лѣнтяевъ, о которыхъ я не имѣлъ понятія. Но я пересталъ удивляться, когда поразмыслилъ, что гдѣ господствуетъ слѣпая благотворительность, тамъ она не можетъ встрѣтить недостатка въ людяхъ, готовыхъ предаться ей, и непремѣнно должна привлечь больше нуждающихся, чѣмъ сколько она въ состояніи удовлетворить. Въ самомъ Тиху-Лумбу невозможно, чтобы нашелся человѣкъ, нуждающійся въ подаяніи. Но стремленіе къ благотворительности привлекаетъ въ этотъ городъ множество людей, даже мусульманъ, вполнѣ здоровыхъ и сильныхъ, которые счастливы тѣмъ, что получаютъ, въ видѣ милостыни, именно столько, сколько нужно имъ, чтобы не умереть съ голоду. Сверхъ того, я узналъ, что неменѣе трехсотъ человѣкъ индусовъ, и другихъ людей, живущихъ въ городѣ, получаютъ свое ежегодное пропитаніе отъ щедротъ Ламы.»

* Замѣчательно, что эти обычаи будто списаны съ теоріи Фурье. Этотъ творецъ *общественной науки* говоритъ, что въ гармоническомъ обществѣ женщина можетъ имѣть «мужа, родителей, (*génitéur* — человѣкъ, отъ котораго она имѣетъ уже одного или двухъ дѣтей), любовниковъ и просто обладателей.» Гарнье.

ГЛАВА XII. — О препятствіяхъ народонаселенію въ Китаѣ и Японіи.

Послѣднія свѣдѣнія о населеніи Китаѣ, сообщаемыя Стаунтономъ, до такой степени необыкновенны, что многіе отказываются имъ вѣрить. Полагаютъ, что въ исчисленіе его попала ошибка, вслѣдствіе двухсмысленнаго значенія какого нибудь слова, или что мандаринъ, отъ котораго онъ получилъ эти свѣдѣнія, хотѣлъ выставить въ преувеличенномъ видѣ могущество своего отечества. Всѣмъ извѣстно, что такого рода народная гордость свойственна всѣмъ странамъ, въ особенности же Китаю. Нельзя, поэтому, отрицать нѣкотораго правдоподобія того и другаго предположенія. Тѣмъ неменѣе, свѣдѣнія, сообщаемыя Стаунтономъ, въ сущности, не расходятся съ другими свидѣтельствами, основанными на хорошихъ авторитетахъ; такъ что они нетолько не противурѣчатъ имъ, но еще подтверждаются извѣстіями, сообщаемыми путешественниками о необыкновенномъ плодородіи этой страны.

По словамъ Дугальда, перепись, произведенная въ началѣ царствованія Кангъ-ги, дала 11,052,872 семейства и 59,788,364 человѣка, способныхъ носить оружіе. Но въ это число не вошли еще князья, придворные чины, мандарины, отставные солдаты, ученые, окончившіе курсъ наукъ, доктора, бонзы *, молодые люди, недостигшіе двадцатилѣтняго возраста, и множество людей, живущихъ на лодкахъ по берегамъ моря и рѣкъ **.

Принимается обыкновенно, что число людей, годныхъ къ военному занятію, относится ко всему населенію, какъ 1 къ 4. Если помножить 59,788,364 на 4, то получимъ 239,153,456. Но при такого рода общемъ вычисленіи въ число людей, спо-

* *Бонзами* называются священники въ Китаѣ и въ Японіи. *Мандарины* — начальники. Такъ назвали ихъ португальцы отъ слова *mandare* — повелѣвать. По китайски они называются, говорятъ, *Ко-ганг* — начальникъ. Гарнье.

** Что касается до фактовъ, приводимыхъ въ этой главѣ, то см: Duhalde, *Histoire de la Chine*.—Staunton, *Embassy to China*.—*Lettres édifiantes*.

собныхъ носить оружіе, помѣщаются молодые люди и моложе двадцати лѣтъ. Поэтому, слѣдовало бы взять большій множитель чѣмъ 4. Сверхъ того, отъ военной службы въ Китаѣ освобождаются, повидимому, всѣ высшіе классы и значительное число низшихъ. Если принять въ разсчетъ всѣ эти соображенія, то вычисленіе Дугальда вовсе нетакъ далеко отъ цифры Стаунтона, который принимаетъ населеніе Китая въ 333 мильона.

Въ разсчетѣ Дугальда все число семействъ кажется слишкомъ мало, сравнительно съ числомъ людей, способныхъ носить оружіе. Но фактъ этотъ объясняется обычаемъ, который, по словамъ Стаунтона, всюду распространенъ въ Китаѣ. Нерѣдко въ одномъ и томъ же жилищѣ живетъ семейство, состоящее изъ трехъ поколѣній, съ женами и дѣтьми. Каждое поколѣніе составляетъ небольшее семейство въ большомъ, и занимаетъ маленькую комнату и кровати, отдѣленныя отъ прочихъ цыновками, прибитыми къ потолку. Но всѣ обѣдаютъ за общимъ столомъ. Сверхъ того, въ Китаѣ существуетъ огромное число рабовъ, естественно приписывающихся къ семейству, которому они принадлежатъ. Два эти обстоятельства разъясняютъ кажущуюся несообразность, о которой идетъ рѣчь.

Для объясненія этого необычайнаго населенія вовсе нѣтъ необходимости въ предположеніи, дѣлаемомъ Монтескье, что климатъ Китая необыкновенно благопріятствуетъ размноженію человѣческаго рода и что китайскія женщины плодороднѣе всѣхъ женщинъ земнаго шара*. Причины, вызвавшія это явленіе, повидимому, заключаются въ слѣдующемъ:

Во первыхъ, въ плодородіи почвы и въ положеніи страны въ самой теплой части умѣреннаго пояса, болѣе всего благопріятнаго для земныхъ произведеній. Дугальдъ посвятилъ отдѣльную главу описанію богатства произведеній въ Китаѣ. Онъ говоритъ, что въ немъ сосредоточено все, что получается прочими странами, и сверхъ того, множество произведеній, нигдѣ не встрѣчающихся. Обиліе это, говоритъ онъ,

* *Esprit des lois*, кн. VIII, гл. XXI.

должно быть приписано глубокому слою чернозема, необыкновенному трудолюбію населенія, и множеству озеръ, рѣкъ, ручьевъ и каналовъ, орошающихъ страну.

Во вторыхъ, въ большомъ поощреніи земледѣлія съ самыхъ незапамятныхъ временъ. Въ Китаѣ постоянно обращено вниманіе на то, чтобы направить народный трудъ къ возможно большему производству предметовъ первой необходимости. Дугальдъ утверждаетъ, что земледѣлецъ ободряетъ себя въ тяжкомъ трудѣ нетолько мыслью о личныхъ выгодахъ, но и глубокимъ уваженіемъ къ своему занятію, уваженіемъ, которое постоянно выказывали къ земледѣлію императоры. Одинъ изъ послѣднихъ, прославившійся болѣе другихъ, вступилъ на престолъ прямо отъ плуга. Другой изобрѣлъ средство осушать низменныя мѣста, отводить воду ихъ въ море и оплодотворять почву каналами. Онъ же написалъ нѣсколько трактатовъ о земледѣліи, объ удобреніи, о паханіи и орошеніи полей. Многіе другіе императоры выказывали особенную заботу о земледѣліи, и поощряли его различными особенными законами. Но никто не прославился такимъ уваженіемъ къ этому искуству, какъ императоръ Венъ-ти, царствовавшій за 179 лѣтъ до Р. Х. Этотъ государь, принявъ управленіе надъ страной, разоренной войною, рѣшился возбудить энергію въ своихъ подданныхъ тѣмъ, что самъ пахалъ землю, и собственными руками воздѣлывалъ часть земель, принадлежавшихъ коронѣ, вслѣдствіе чего всѣ министры и придворные вельможи сочли своимъ долгомъ предаться тому же занятію.

Къ этому то времени, полагаютъ, относится происхожденіе ежегодно чествуемаго въ Китаѣ праздника въ тотъ день, когда солнце вступаетъ въ пятнадцатый градусъ созвѣздія Водолея, эпоху, которую китайцы принимаютъ за начало весны. Въ этотъ день императоръ, съ великою торжественностью, лично проводитъ плугомъ нѣсколько бороздъ, чтобы примѣромъ своимъ воодушевить земледѣльцевъ, а въ каждомъ городѣ та же самая церемонія совершается мандаринами. Принцы императорскаго дома и знатнѣйшіе вельможи ведутъ плугъ вслѣдъ за императоромъ. Церемоніи предшествуетъ

весенняя жертва богу Кангъ-ти, приносимая императоромъ въ качествѣ верховнаго первосвященника съ цѣлью призвать на свой народъ изобиліе.

Императоръ, царствовавшій во время Дугальда, отправлялъ этотъ праздникъ съ необыкновенной торжественностью; но и помимо того, при каждомъ случаѣ онъ выказывалъ свое уваженіе къ земледѣлію. Ради поощренія послѣдняго, онъ повелѣлъ правителямъ всѣхъ городовъ ежегодно представлять изъ каждаго округа земледѣльца, отличившагося болѣе другихъ трудолюбіемъ, хорошимъ поведеніемъ, поддержаніемъ добраго согласія въ своемъ семействѣ, мирными отношеніями къ сосѣдямъ, трезвостью и отвращеніемъ отъ всякаго рода расточительности. По всѣмъ провинціямъ мандарины всенародно награждаютъ трудолюбивыхъ поселянъ, и налагаютъ особеннаго рода наказанія на тѣхъ, участки которыхъ окажутся въ небрежномъ состояніи.

Въ странѣ, управляемой патріархальнымъ правительствомъ, въ которой смотрятъ на императора, какъ на отца народа и его просвѣтителя, такія учрежденія, естественно предположить, должны имѣть большое вліяніе. Они поставили земледѣльца выше купца и фабриканта. Поэтому, все стремленіе низшихъ классовъ направлено къ тому, чтобы пріобрѣсть хоть какой либо клочекъ земли. Число фабрикантовъ незначительно въ Китаѣ, сравнительно съ числомъ земледѣльцевъ, и, за весьма немногими исключеніями, вся поверхность его почвы исключительно предназначена къ производству продовольствія для человѣка. Въ немъ вовсе не встрѣчается луговъ, весьма мало пастбищъ, и поля не засѣваются овсомъ, бобами или рѣпой для корма животнымъ. Отъ земледѣлія отнимается весьма немного земель подъ дороги, постоянно узкія и немногочисленныя, такъ какъ главныя сообщенія производятся водою. Тамъ не знаютъ ни пустопорожнихъ мѣстъ, принадлежащихъ общинамъ, ни земель, лежащихъ впустѣ по нерадѣнію землевладѣльца, по капризу или ради того, чтобы охотиться на нихъ. Нивы никогда не оставляются тамъ подъ паромъ. Вслѣдствіе благодатнаго дѣйствія теплаго климата, почва даетъ обыкновенно двѣ жатвы ежегодно,

ибо въ Китаѣ умѣютъ воздѣлывать всякаго рода почву, и исправлять ее, въ случаѣ надобности, примѣсью различныхъ земель, навоза, орошеніями и всякаго рода приспособленіями. Сами солдаты, за исключеніемъ нѣкоторыхъ карауловъ и немногихъ частей, упражняющихся въ военномъ искуствѣ, почти постоянно занимаются земледѣліемъ. Средства продовольствія усиливаются еще употребленіемъ въ пищу такихъ животныхъ и растеній, которыя нигдѣ не имѣютъ такого назначенія.

Факты, приводимые Стаунтономъ, согласны съ тѣмъ, что сообщали до него Дугальдъ и другіе іезуиты. Всѣ они одинаково говорятъ о необыкновенномъ трудолюбіи китайцевъ и объ искуствѣ ихъ въ дѣлѣ унавоженія, обработки полей и ихъ орошенія. Всѣ они замѣчаютъ, что китайцы достигли того, что получаютъ необыкновенное количество произведеній, предназначающихся для продовольствія человѣка. Понятно, какое дѣйствіе долженъ производить подобный порядокъ на народонаселеніе страны.

Огромное вліяніе имѣло также поощреніе браковъ. Оно было причиной раздѣленія громаднаго производства этой обширной имперіи на самыя мелкія части. А вслѣдствіе этого, Китай сдѣлался, быть можетъ, самой населенной страной земнаго шара, сравнительно съ его средствами существованія.

По мнѣнію китайцевъ, супружество имѣетъ двѣ цѣли: во первыхъ, увѣковѣчить жертвоприношенія въ храмѣ отцевъ, а во вторыхъ, содѣйствовать размноженію породы. Дугальдъ сообщаетъ, что уваженіе и повиновеніе дѣтей, чувства, лежащія въ основѣ всего управленія, продолжаются и по смерти родителей, которымъ воздаются такія же почести, какъ если-бы они продолжали жить. По этимъ причинамъ, всякій отецъ считаетъ за стыдъ, если не переженитъ всѣхъ своихъ дѣтей. Старшій, хотя бы и безъ наслѣдства, спѣшитъ женить меньшихъ, чтобы не угасъ его родъ, а предки не лишились принадлежащихъ имъ почестей.

Стаунтонъ замѣчаетъ: что всѣми совѣтуется и всѣми исполняется, то становится наконецъ священною обязанностью, это и случилось въ Китаѣ съ супружествомъ, отъ котораго никто въ немъ не отказывается, если имѣетъ хоть какую ни-

будь надежду прокормить себя. Но подобная надежда весьма нерѣдко не осуществляется. Въ такомъ случаѣ родители не считаютъ себя обязанными воспитывать дѣтей. Дозволеніе подкидывать младенцевъ поощряетъ супружества, и производитъ такимъ образомъ увеличеніе населенія. Возможность прибѣгнуть къ такому крайнему средству уменьшаетъ опасеніе завестись семьей, а родительская любовь откладываетъ такое жестокое средство до крайней необходимости. Сверхъ того, для бѣдныхъ супружество представляется и благоразумной мѣрой, ибо дѣти, въ особенности сыновья, обязаны содержать своихъ родителей.

Между богатыми поощреніе супружествъ содѣйствуетъ раздѣленію имуществъ, что, уже само по себѣ, сильно способствуетъ размноженію населенія. Въ Китаѣ существуетъ несравненно меньшее неравенство имуществъ, чѣмъ чиновъ. Тамъ не встрѣчается значительной собственности, по той причинѣ, что отцевское имущество распредѣляется поровну между сыновьями. Рѣдко случается, чтобы сынъ наслѣдовалъ все имущество своего отца. А вслѣдствіе общераспространеннаго обычая жениться въ молодыхъ годахъ, наслѣдство рѣдко переходитъ въ боковую линію. Постоянное дѣйствіе этихъ условій уравниваетъ состоянія, такъ что весьма немногіе только люди могутъ жить не трудясь. Китайцы вполнѣ увѣрены, что имущества рѣдко доходятъ до третьяго поколѣнія.

Что касается до бѣдныхъ, то поощреніе супружествъ между ними понизило заработную плату до самой крайней степени и, стало быть, повергло ихъ въ безъисходную нищету. Стаунтонъ замѣчаетъ, что за трудъ платится именно столько, сколько нужно, чтобы работникъ не умеръ съ голоду, и что несмотря на соединеніе нѣсколькихъ семействъ, обѣдающихъ, подобно солдатамъ, за общимъ столомъ, несмотря на вытекающія изъ этого сбереженія и на крайнюю воздержность, народъ принужденъ питаться одною только растительной пищей, и позволяетъ себѣ употребленіе мяса только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ.

Описавъ тяжелый трудъ китайцевъ, ловкость и изобрѣтательность ихъ, чтобы добыть себѣ средства существованія, Дугальдъ замѣчаетъ, что несмотря на свою воздержность и трудолюбіе, вслѣдствіе непомѣрнаго населенія этой страны, значительное число народа гибнетъ отъ голода. Многіе несчастные доводятся до того, что оставляютъ своихъ дѣтей на улицѣ, за рѣшительною невозможностью прокормить ихъ. Это возмутительное явленіе есть дѣло самое обыкновенное въ большихъ городахъ, какъ Пекинъ или Кантонъ.

Іезуитъ Премаръ, въ письмѣ къ своему другу и члену одного съ нимъ общества, выражается такимъ образомъ: «Я скажу вамъ между прочимъ одну вещь, которая покажется вамъ невѣроятной, но справедливость которой не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: Это—что самая богатая и самая цвѣтущая страна міра, съ другой стороны, представляется самой бѣдной и несчастной. Земля, какъ бы обширна и плодородна она ни была, недостаточно для прокормленія всего населенія. Ея потребовалось бы въ четыре раза больше, чтобы оно жило въ довольствѣ. Въ одномъ Кантонѣ, безъ всякаго преувеличенія, болѣе мильона жителей, а въ большомъ селѣ, отстоящемъ отъ него на три или на четыре мили, говорятъ, что жителей еще больше, чѣмъ въ самомъ Кантонѣ. Кто же въ состояніи опредѣлить населеніе всей провинціи? И каково же населеніе всей имперіи, состоящей изъ пятнадцати большихъ провинцій, почти одинаково населенныхъ? До сколькихъ мильоновъ оно достигаетъ? И третья часть этого безчисленнаго населенія считала бы себя счастливой, еслибы имѣла столько рису, сколько необходимо его имѣть, чтобы быть сытымъ.»

«Извѣстно, что крайняя нищета доводитъ человѣка до ужасныхъ поступковъ. Когда находишься въ Китаѣ и познакомишься съ дѣйствительнымъ его положеніемъ, то перестаешь удивляться, что матери убиваютъ или подкидываютъ своихъ дѣтей; что родители за ничто продаютъ своихъ дочерей; что люди думаютъ только о личной выгодѣ, и что въ странѣ много воровъ. Скорѣе еще удивляешься, что не случается чего нибудь худшаго, и что въ неурожайные годы, случающіеся здѣсь не рѣдко, мильоны людей погибаютъ отъ голо-

да, не прибѣгая къ тому крайнему насилію, примѣры котораго такъ часты въ исторіи Европы.

Къ тому же, нельзя упрекнуть китайскихъ бѣдныхъ, какъ бо́льшую часть европейскихъ, въ лѣности, въ томъ, что они могли бы прожить, еслибы хотѣли работать. Трудъ и лишенія этихъ несчастныхъ превышаютъ всякую мѣру. Китаецъ будетъ весь день руками мѣсить землю; нерѣдко онъ работаетъ по колѣни въ водѣ, и считаетъ себя счастливымъ, если получитъ вечеромъ небольшую чашку рису и безвкусной воды, въ которой варился рисъ. Вотъ его обыкновенная пища.»

Бо́льшая часть этихъ фактовъ повторяется Дугальдомъ. Еслибы даже можно было считать ихъ нѣсколько преувеличенными, тѣмъ неменѣе, они доказываютъ, какъ густо населенъ Китай и какъ велика происходящая отъ этого нищета. Населеніе, составляющее естественый результатъ плодородія почвы и поощреній земледѣлія, весьма желательно; но населеніе, вызываемое поощреніемъ браковъ, нетолько обременило страну огромнымъ числомъ нищихъ, но и уничтожило то благосостояніе, которымъ могло бы пользоваться остальное населеніе. Полагаютъ, что пространствомъ Китай въ восемь разъ больше Франціи*. Принявъ населеніе послѣдней въ 26 мильоновъ, и помноживъ это число на 8, мы получимъ 208 мильоновъ. Если обратить, затѣмъ, вниманіе на упомянутыя мною три дѣятельныя причины, содѣйствующія населенію, то ничего не будетъ удивительнаго, что при одинаковомъ пространствѣ населеніе Китая относилось бы къ населенію Франціи, какъ 333 къ 208, те есть, почти какъ 3 къ 2.

* При такомъ же разсчетѣ, на основаніи числа жителей во Франціи настоящаго времени, населеніе Китая, о которомъ идетъ рѣчь, сравнительно съ пространствомъ его, вовсе не значительнѣе населенія Франціи. Ибо, перепись 1846 дала почти 35 съ половиной мильоновъ душъ, которые, помноженные на 8, даютъ цифру въ 284 мильона, на одну только шестую менѣе противъ 333 мильоновъ. Въ послѣдней цифрѣ, представляющей населеніе Китая, нѣтъ, стало быть, ничего удивительнаго. Гарнье.

Стремленіе къ размноженію всюду до такой степени сильно, что вообще не встрѣчается затрудненій въ объясненіи, почему та или другая страна имѣетъ большое населеніе. Главная и трудная задача состоитъ въ указаніи причинъ, останавливающихъ движеніе населенія. Способность къ размноженію удвоивала бы населеніе въ каждые двадцать пять лѣтъ въ Китаѣ, какъ и въ Америкѣ. Но этому очевидно препятствуетъ безсиліе почвы прокормить добавочное число жителей*. Что же становится въ Китаѣ съ этимъ избыточнымъ населеніемъ? Какими преградами, какими средствами разрушенія населеніе поддерживается на уровнѣ средствъ существованія?

Какъ бы велико ни было поощреніе браковъ въ Китаѣ, ошибочно было бы думать, что предупреждающія препятствія для размноженія населенія находятся въ бездѣйствіи. Дугальдъ говоритъ, что число бонзъ простирается свыше мильона. Въ Пекинѣ ихъ болѣе двухъ тысячъ, живущихъ въ безбрачіи, кромѣ трехсотъ пятидесяти тысячъ, приписанныхъ къ храмамъ въ силу императорскихъ указовъ. Тотъ же писатель считаетъ около девяноста тысячъ холостыхъ между учеными людьми.

Хотя бѣдные вступаютъ въ супружество на основаніи самой шаткой надежды, что имъ удастся прокормить семью, хотя дозволеніе дѣтоубійства уменьшаетъ ихъ опасенія въ этомъ отношеніи, тѣмъ неменѣе, вѣроятно они ни въ какомъ случаѣ не взяли бы на себя такого бремени, еслибы имѣли несомнѣнное убѣжденіе, что должны будутъ оставить на произволъ судьбы своихъ дѣтей и сами попадутъ въ каба-

* И въ этомъ случаѣ, какъ во всѣхъ остальныхъ, печальное положеніе низшихъ классовъ народа вовсе не обусловливается безсиліемъ почвы, а безсиліемъ существующаго порядка вещей, вполнѣ зависящаго отъ воли человѣка. Достаточно сравнить густо заселенныя мѣстности Германіи, Бельгіи, Голландіи съ населеніемъ Китая, чтобы убѣдиться въ этомъ, въ особенности, если принять въ разсчетъ прославленное плодородіе Китая и труды какого нибудь голландца отнимающаго землю у моря и обращающаго ее въ луга или нивы.

Рус. перев.

*

лу. Но, судя по бѣдности народа, такой исходъ долженъ часто представляться неизбѣжнымъ. Предупреждающія препятствія въ особенности должны останавливать размноженіе рабовъ. По свидѣтельству Дугальда, между послѣдними дѣйствительно огромное число находится въ поголовной нищетѣ. Несчастный нерѣко продаетъ своего сына, жену и себя самого за самую ничтожную плату. Подобная продажа совершается обыкновенно подъ видомъ залога самого себя съ правомъ выкупа. Въ домахъ часто можно встрѣтить слугъ обоего пола, связанныхъ такого рода договорами *. Говоря о рабствѣ, существовавшемъ между древними, Юмъ весьма справедливо замѣчаетъ, что вообще дешевле обойдется купить взрослаго уже раба, чѣмъ воспитывать его съ дѣтства. Замѣчаніе это въ особенности можетъ быть приложено къ китайцамъ. Всѣ писатели согласны въ томъ, что въ Китаѣ часто бываютъ неурожаи. Во времена дороговизны вѣроятно легко найти продающихся рабовъ исключительно за одно только ихъ прокормленіе. Господину никогда, слѣдовательно, не можетъ быть выгодно поощрять размноженіе между своими рабами. А потому, мы имѣемъ полное право предположить, что въ Китаѣ, какъ и въ Европѣ, бо́льшая часть прислуги живетъ въ безбрачной жизни.

Препятствіе, противупоставляемое населенію развратными отношеніями между полами, повидимому, незначительно въ Китаѣ. Китайскія женщины, говорятъ, скромны и осторожны; прелюбодѣяніе встрѣчается рѣдко. Однако, наложничество распространено всюду, а въ большихъ городахъ ведутся списки публичныхъ женщинъ. Число ихъ, впрочемъ, невелико. Оно соотвѣтствуетъ, говоритъ Стаунтонъ, числу холостыхъ людей и женатыхъ, живущихъ врозь съ своимъ семействомъ. Разрушительное препятствіе, представляемое болѣзнями, безъ сомнѣнія, значительно, но менѣе однако же, чѣмъ можно было бы ожидать. Китай пользуется вообще здоровымъ климатомъ.

* «Нищета и чрезмѣрное населеніе служатъ причиною, вызывающею въ этой имперіи такое огромное число рабовъ: вся почти прислуга въ домѣ, какъ мужская, такъ и женская, состоитъ изъ рабовъ.» *Lett. édif.*, т. XIX, стр. 145.

Одинъ изъ миссіонеровъ утверждаетъ, что чума или повальныя болѣзни бываютъ тамъ не чаще, какъ разъ въ столѣтіе. Но это очевидно несправедливо, ибо другіе говорятъ, что онѣ случаются чаще. Въ наставленіяхъ нѣкоторыхъ мандариновъ, относительно погребенія бѣдныхъ, вообще неимѣющихъ постоянныхъ кладбищъ, говорится, что во времена повальныхъ болѣзней дороги загромождаются трупами до того, что они заражаютъ воздухъ; а немного далѣе упоминается о годахъ заразительныхъ болѣзней въ такихъ выраженіяхъ, которыя даютъ поводъ подозрѣвать, что онѣ случаются довольно часто. Первое и пятнадцатое число каждаго мѣсяца собираютъ народъ, и обращаются къ нему съ отеческою рѣчью. Въ одной изъ такихъ рѣчей, передаваемой Дугальдомъ, совѣтуется обращать вниманіе на эти годы, возвращающіеся по временамъ въ сопровожденіи повальныхъ болѣзней и дороговизны хлѣба. Въ такіе несчастные годы, говоритъ мандаринъ, «долгъ вашъ состоитъ въ состраданіи къ ближнимъ и въ удѣленіи имъ того, что̀ только есть у васъ лишняго.»

Вѣроятно, что повальныя болѣзни, какъ это всегда почти бываетъ, губятъ преимущественно дѣтей. Одинъ іезуитъ, говоря о дѣтяхъ, умирающихъ тотчасъ по рожденіи, выражается такимъ образомъ: «Въ нѣсколько лѣтъ однѣ только наши пекинскія церкви окрестили пять или шесть тысячъ такихъ умиравшихъ дѣтей: число это болѣе или менѣе значительно, сравнительно съ числомъ священнослужителей, которое мы можемъ содержать. Еслибы мы имѣли ихъ больше, то попеченіе ихъ не ограничивалось бы умирающими подкидышами; они имѣли бы возможность выказать свою ревность особенно въ извѣстное время года, когда оспа и разныя болѣзни уносятъ несмѣтное число дѣтей.» И дѣйствительно, не подлежитъ сомнѣнію, что крайняя нищета между низшими классами народа вызываетъ болѣзни, которыя губятъ огромное число дѣтей у родителей, нерѣшившихся бросить ихъ, несмотря на свое отчаянное положеніе.

Что касается до подкидышей, то трудно опредѣлить число ихъ даже приблизительно; сами китайскіе писатели говорятъ,

что обычай подбрасывать дѣтей распространенъ всюду. Всѣ усилія правительства искоренить его были тщетны. Въ вышеупомянутомъ наставленіи, написанномъ мандариномъ, прославившимся своею мудростью и человѣколюбіемъ, предлагается основать заведеніе для подкинутыхъ младенцевъ, и упоминается о какомъ то древнемъ учрежденіи такого рода, которое мало по малу было забыто. Авторъ говоритъ въ немъ о большомъ числѣ подкидываемыхъ дѣтей и о страшной нищетѣ, вынуждающей къ этому. «Мы видимъ, говоритъ онъ, такихъ бѣдныхъ родителей, которые не въ состояніи вскормить своихъ дѣтей. Вотъ почему они подкидываютъ ихъ въ такомъ огромномъ числѣ. Число ихъ особенно значительно въ столицѣ и въ большихъ провинціальныхъ и торговыхъ городахъ. Но много дѣтей подбрасывается также и въ менѣе населенныхъ мѣстностяхъ, даже по деревнямъ. Такъ какъ въ городахъ дома болѣе сближены между собою, то обычай этотъ болѣе бросается въ глаза. Но всюду эти несчастныя дѣти нуждаются въ нашей помощи.»

Въ томъ же сочиненіи приводится отрывокъ изъ указа, запрещающаго топить дѣтей: «Если безжалостно бросаютъ въ воду безсильнаго, только что родившагося ребенка, то можно ли сказать, что ему дали и что онъ получилъ жизнь, когда онъ теряетъ ее прежде, чѣмъ начнетъ пользоваться ею? Причиною такого жестокаго поступка служитъ бѣдность родителей, которые не въ состояніи прокормить самихъ себя, нетолько нанять кормилицу и сдѣлать другіе расходы, необходимые для содержанія своихъ дѣтей. Это ставитъ ихъ въ безвыходное положеніе. Не рѣшаясь погубить двухъ человѣкъ, чтобы спасти жизнь одного, мать, ради сохраненія мужа, соглашается погубить своего ребенка. Это совершается, разумѣется, не безъ борьбы съ ихъ естественнымъ чувствомъ, но тѣмъ неменѣе, кончается тѣмъ, что они прибѣгаютъ къ этой мѣрѣ, и воображаютъ, что имѣютъ право располагать жизнью своихъ дѣтей ради сохраненія собственной. Еслибы они оставили ребенка въ какомъ нибудь скрытомъ мѣстѣ, то крикъ его разодралъ бы на части ихъ душу. Что же имъ дѣлать? Они бросаютъ несчастнаго въ рѣку, чтобы

тотчасъ же потерять его изъ виду, и въ одно мгновеніе отнять у него возможность жизни.»

Подобныя свидѣтельства не оставляютъ сомнѣнія, что дѣтоубійство сильно распространено въ Китаѣ. Основываясь на лучшихъ свѣдѣніяхъ, какія только можно было собрать, Стаунтонъ полагаетъ, что въ Пекинѣ подкидывается ежегодно около двухъ тысячъ дѣтей. Но число это вѣроятно далеко не одинаково въ различные годы, и находится въ тѣсной зависимости отъ хорошаго или дурнаго урожая. Послѣ повальной болѣзни или жестокаго голода, число подкинутыхъ дѣтей вѣроятно бываетъ невелико; но оно увеличивается по мѣрѣ того, какъ населеніе возрастаетъ и становится гуще. Наконецъ, оно достигаетъ наибольшей величины въ неурожайные годы, въ которые средней жатвы недостаточно для прокормленія наличнаго числа жителей.

Такіе неурожайные годы встрѣчаются нерѣдко, а слѣдующій за ними голодъ представляетъ, быть можетъ, самое могущественное разрушительное препятствіе, уменьшающее населеніе Китая, хотя и война тоже нерѣдко производитъ въ немъ опустошенія. Въ *Лѣтописи китайскихъ императоровъ* часто упоминается о голодныхъ годахъ. Нельзя предположить, чтобы они помѣщены были въ число главныхъ событій имперіи, еслибы они не отличались своимъ разрушительнымъ дѣйствіемъ.

Одинъ іезуитъ замѣчаетъ, что мандарины стараются выказать особенную заботливость о народѣ въ годы, въ которые опасаются неурожая, вслѣдствіе ли засухи, чрезмѣрныхъ дождей, саранчи, цѣлыми тучами налетающей на нѣкоторыя провинціи, или вслѣдствіе какой либо иной причины. Вѣроятно, примѣры, приводимые этимъ писателемъ, часто повторяются въ Китаѣ, и вызываютъ больше всего опасеній.

Миресъ говоритъ объ ураганахъ, уничтожающихъ жатвы и причиняющихъ голодъ. Въ 1787 ураганъ, при содѣйствіи жестокой засухи, произвелъ голодъ во всѣхъ южныхъ провинціяхъ Китая, вызвавшій страшную смертность. Въ Кантонѣ нерѣдко можно было встрѣтить несчастныхъ, умиравшихъ съ голоду. Матери умерщвляли своихъ младенцевъ.

Молодые люди убивали стариковъ, чтобы избавить ихъ отъ медленной и мучительной смерти*.

Іезуитъ Паренинъ писалъ одному члену академіи наукъ: «Другая вещь, которой трудно вамъ будетъ повѣрить, состоитъ въ томъ, что въ Китаѣ часто бываютъ неурожаи.» И заключаетъ замѣчаніемъ, что еслибы голодъ не уменьшалъ по временамъ населеніе, то спокойствіе страны было бы невозможно. Онъ старается указать на причины этого частаго голода, и весьма основательно замѣчаетъ, что въ случаѣ неурожая Китай не можетъ получить помощи отъ сосѣдей; все, потребляемое имъ, онъ долженъ получить изъ собственныхъ провинцій. Затѣмъ, онъ описываетъ уловки и проволочки, которыми нерѣдко обходятся благотворныя намѣренія императора открыть общественные запасы для облегченія наиболѣе страдающихъ провинцій. Когда въ какой либо провинціи жатва уничтожается засухой или внезапнымъ наводненіемъ, то главные мандарины обращаются къ общественнымъ запасамъ; но нерѣдко они оказываются пустыми, вслѣдствіе злоупотребленій завѣдывающихъ ими низшихъ мандариновъ. Тогда начинается слѣдствіе, но ведется оно такимъ образомъ, чтобы до двора не дошло извѣстіе о такомъ непріятномъ происшествіи. Наконецъ составляется докладъ и, переходя изъ рукъ въ руки, доходитъ до императора по прошествіи уже значительнаго времени. Тогда собираются высшіе сановники государства и начинаютъ разсуждать о средствахъ, какъ помочь народу. По всей имперіи обнародываются воззванія къ чувству благотворительности. Рѣшеніе верховнаго совѣта наконецъ объявляется; но для приведенія его въ исполненіе требуются новыя церемоніи, а несчастные успѣютъ умереть отъ голода прежде, чѣмъ пособіе дойдетъ до нихъ. Тѣ изъ нихъ, которые не въ состояніи переждать, переселяются, какъ съумѣютъ, въ другія области, въ которыхъ надѣются какъ нибудь перебиться, но бо́льшая ихъ часть погибаетъ въ дорогѣ.

Если во время голода дворъ не предприметъ какихъ нибудь мѣръ для облегченія народа, то образуются шайки грабителей, число которыхъ постепенно возрастаетъ и которыя нарушаютъ спокойствіе провинцій. Для предупрежденія этого зла, всюду разсылается приказаніе за приказаніемъ, и все приводится въ дѣятельность, чтобы занять вниманіе народа; а такъ какъ такія мѣры вызываются не столько состраданіемъ, сколько политическимъ благоразуміемъ, то нельзя предположить, чтобы прибѣгали къ нимъ своевременно, и дѣйствительно имѣли въ виду прекратить бѣдствіе.

Послѣдняя и самая дѣйствительная изъ приводимыхъ причинъ голода состоитъ въ обращеніи огромнаго количества хлѣба въ спиртъ и водку. Но это большая ошибка, повторяемая абатомъ Грозье въ его *Общей исторіи Китая*. Причина эта оказываетъ совершенно противоположное дѣйствіе. Потребленіе хлѣба на иные предметы, кромѣ питанія, удерживаетъ размноженіе населенія ниже уровня, допускаемаго средствами существованія. А какъ въ голодный годъ можно извлечь хлѣбъ изъ такого употребленія, то послѣдній представляется запасомъ, безъ сомнѣнія, болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ всевозможные общественные магазины. Подобное потребленіе, правильное и непрерывное, производитъ точь въ точь такое же дѣйствіе, какое вызывалось бы, еслибы вдругъ исчезла какая нибудь часть территоріи со всѣмъ ея населеніемъ. При среднемъ урожаѣ, остальное населеніе находилось бы въ своемъ обычномъ состояніи; оно не испытывало бы отъ этого ни пользы, ни вреда. Но въ случаѣ неурожая, произведенія этой исчезнувшей части земель возвращались бы въ видѣ продовольствія, только безъ необходимости дѣлить ихъ съ населеніемъ этой территоріи. При отсутствіи винокуренныхъ заводовъ, Китай несомнѣнно имѣлъ бы еще болѣе густое населеніе; но въ случаѣ неурожая, онъ находился бы въ болѣе затруднительномъ положеніи, чѣмъ въ настоящее время. Поэтому, причина эта дѣлаетъ голодъ явленіемъ болѣе рѣдкимъ и менѣе жестокимъ.

Состояніе Японіи до такой степени сходно съ состояніемъ Китая, что еслибы мы стали подробно его описывать, то намъ пришлось бы только повторить часть всего, уже ска-

* Meares, *Voyage*, гл. VII, стр. 92.

званнаго нами. Монтескье приписываетъ огромное населеніе Японіи значительному преобладанію въ ней числа женщинъ *. Но главная причина такого густаго населенія въ Китаѣ, какъ и въ Японіи, состоитъ, безъ всякаго сомнѣнія, въ необыкновенномъ трудолюбіи и неусыпной дѣятельности населенія этихъ странъ, главное занятіе которыхъ, къ тому же, состоитъ въ земледѣліи.

Прочитавъ предисловіе къ сочиненію Тунберга о Японіи, кажется дѣломъ въ высшей степени затруднительнымъ указать на препятствія, останавливающія возрастаніе населенія въ странѣ, пользующейся такимъ довольствомъ. Но само сочиненіе противурѣчитъ предисловію; заслуживающая всякаго уваженія *Исторія Японіи* Кемпфера обнаруживаетъ эти препятствія до очевидности. Въ его извлеченіи изъ двухъ историческихъ хроникъ, опубликованныхъ въ Японіи, встрѣчается весьма любопытная замѣтка о различнаго рода смертности, о чумѣ, голодѣ, кровопролитныхъ и опустошительныхъ войнахъ, случившихся съ того времени, которымъ начинаются эти хроники. Характеромъ своимъ японцы отличаются отъ китайцевъ, ибо они болѣе воинственны, болѣе мятежны, менѣе воздержны и болѣе честолюбивы. Основываясь на описаніи Кемпфера, можно сдѣлать заключеніе, что дѣтоубійство, представляющее препятствіе для размноженія населенія въ Китаѣ, возмѣщается въ Японіи развратомъ, войнами и внутренними смутами. Что же касается до разрушительнаго препятствія, представляемаго болѣзнями и голодомъ, то обѣ страны находятся въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ.

ГЛАВА XIII. — О препятствіяхъ для размноженія населенія между древними греками.

Всѣми признается и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что греки и римляне, въ первый періодъ ихъ существованія, на-

* Кн. XXIII, гл. XII. Странно встрѣтить такое замѣчаніе у писателя, отличающагося большею частью весьма здравыми понятіями по вопросу о народонаселеніи. Прим. автора.

ходились въ весьма благопріятныхъ условіяхъ для размноженія населенія. Собственность распредѣлялась у нихъ довольно равномѣрно, а трудъ направленъ былъ главнымъ образомъ къ земледѣлію. Земледѣліе нетолько, какъ говоритъ Юмъ *, представляетъ занятіе, самое необходимое для существованія многочисленнаго народа; но оно представляется и единственнымъ занятіемъ, которымъ можетъ существовать многочисленный народъ. Искуства и ремесла, дающія въ новѣйшія времена средства существованія такому значительному числу людей, не оказываютъ ни малѣйшаго вліянія на народонаселеніе, за исключеніемъ развѣ случая, когда они имѣютъ цѣлью увеличить количество произведеній, доставляемыхъ земледѣліемъ, или облегчить ихъ распредѣленіе **.

Въ странѣ, въ которой, по какимъ либо причинамъ, почва раздѣлена на значительные участки, искуства и ремесла безусловно необходимы для возрастанія населенія. Безъ этихъ искуствъ Европа обезлюдѣла бы. Но тамъ, гдѣ поземельная собственность раздѣлена на мелкіе участки, искуства и ремесла не въ такой степени необходимы. Одного раздѣленія ея уже достаточно для немедленнаго достиженія весьма важнаго результата — распредѣленія. Если въ такомъ случаѣ требованіе людей для войны и для защиты страны остается неизмѣннымъ, то этого обстоятельства, вмѣстѣ съ любовью къ своему семейству, уже достаточно для побужденія каждаго собственника обработывать какъ можно лучше принадлежащій ему участокъ земли, чтобы прокормить многочисленное потомство.

Раздѣленіе народа на множество небольшихъ государствъ

* *Essai* XI, стр. 467.

** Разсужденіе это справедливо, если смотрѣть на всю землю съ одной общей точки зрѣнія, или при предположеніи, что сосѣднія государства производятъ только такое количество продовольствія, какое необходимо для ихъ населенія. Но какъ только окажется на какомъ либо пунктѣ земнаго шара избытокъ продовольствія, то является возможность получить этотъ избытокъ посредствомъ мѣны, то есть, увеличить свое населеніе посредствомъ промышленности и торговли, или инымъ путемъ, кромѣ земледѣлія. Гарнье.

въ первое время существованія грековъ и римлянъ, придавало этому обстоятельству особенную силу. Въ государствѣ, имѣвшемъ не болѣе десяти или двадцати тысячъ свободныхъ гражданъ, каждый видѣлъ важное значеніе личнаго труда для всего общества. Зная, что государство его окружено завистливыми сосѣдями и что для своей обороны оно можетъ разсчитывать только на собственныя силы, каждый видѣлъ, что онъ не исполнилъ бы своего долга, какъ гражданинъ, еслибы небрежно воздѣлывалъ свое поле. Вслѣдствіе этого, на земледѣліе обращено было все вниманіе, и для поощренія его не требовалось никакихъ искуственныхъ мѣръ, употребляемыхъ въ наше время. Народонаселеніе возрастало по мѣрѣ увеличенія количества произведеній, доставляемыхъ почвой, и даже быстрѣе; если избытокъ его не поглощался войной, то онъ разливался изъ страны, и создавалъ многочисленныя колоніи. Необходимость прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, при незначительномъ пространствѣ государствъ, вслѣдствіе чего всякій здравомыслящій человѣкъ ясно сознавалъ дѣло, вскорѣ побудила законодателей и философовъ признать, что населеніе имѣетъ свойство возрастать быстрѣе, чѣмъ средства существованія. Они не упускали изъ виду, какъ это дѣлаютъ весьма нерѣдко новѣйшіе политики, предмета, такъ тѣсно связаннаго съ спокойствіемъ и благосостояніемъ общества. Какъ бы ни были отвратительны предлагавшіяся ими средства, нельзя не согласиться, что они обладали большою проницательностью, и вполнѣ сознавали, что размноженіе населенія, если его не сдерживать, вскорѣ опрокинуло бы ихъ благоденствіе и республиканское равенство.

Средства, представляемыя выселеніемъ, по необходимости, ограничены. Спустя извѣстное время становится весьма затруднительно и даже невозможно найти порожнія земли, за исключеніемъ особенныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Поэтому, приходилось искать какого либо инаго средства.

Обычай дѣтоубійства вѣроятно находился во всеобщемъ распространеніи въ древней Греціи. Въ тѣхъ частяхъ Америки, въ которыхъ его встрѣтили, онъ вызванъ былъ, повидимому, затрудненіемъ взростить нѣсколькихъ дѣтей среди

дикой и бродячей жизни, преисполненной постоянными войнами и всякаго рода лишеніями. Можно предположить, что такое же происхожденіе его было и между древними обитателями Греціи; такъ что, допустивъ подкидываніе дѣтей, Солонъ только узаконилъ существовавшій обычай.

Законодатель имѣлъ при этомъ въ виду двѣ цѣли. Первая, болѣе всего бросающаяся въ глаза, состояла въ томъ, чтобы предупредить чрезмѣрное населеніе, вызывающее бѣдность и повсемѣстное неудовольствіе. Вторая состояла въ размноженіи народонаселенія до числительности, допускаемой средствами существованія страны, удаленіемъ опасенія, что обременишь себя многочисленнымъ семействомъ, опасенія, представляющаго главное препятствіе для заключенія супружествъ. Дѣйствіе этого обычая въ Китаѣ показываетъ, что онъ вѣрнѣе достигаетъ второй цѣли, чѣмъ первой. Но если законодателю неизвѣстна была эта истина, или, если по укоренившейся привычкѣ, родители предпочитали лучше умерщвлять своихъ дѣтей, чѣмъ самимъ испытывать лишенія, то такой обычай долженъ былъ казаться пригоднымъ для одновременнаго достиженія обѣихъ цѣлей, имѣвшихся въ виду— поддерживать, во первыхъ, вполнѣ, а во вторыхъ, постоянно точное соотвѣтствіе между продовольствіемъ и потребителями.

Важное значеніе этого соотвѣтствія и послѣдствій, вызываемыхъ недостаточнымъ или избыточнымъ населеніемъ, то есть, слабость или бѣдность страны, глубоко сознавались политическими людьми древней Греціи, которые предлагали различные планы для поддержанія строгаго равновѣсія въ этомъ отношеніи.

Въ *Книгѣ о законахъ* Платонъ выражаетъ желаніе, чтобы число свободныхъ гражданъ или число жилищъ не превышало бы пяти тысячъ сорока. Для поддержанія этого числа, каждый глава семейства долженъ избирать себѣ наслѣдника между своими сыновьями, которому и передаетъ принадлежащій ему участокъ земли. Онъ выдаетъ своихъ дочерей замужъ согласно съ законами. Что же касается до прочихъ сыновей, то онъ отдаетъ ихъ въ усыновленіе гражданамъ, неимѣющимъ дѣтей. Если въ странѣ раждается слишкомъ много или слиш-

комъ мало дѣтей, то обязанность правительства состоитъ въ томъ, чтобы позаботиться, чтобы количество семействъ ни въ какомъ случаѣ не удалялось отъ опредѣленнаго имъ числа. Для достиженія этой цѣли, въ его распоряженіи будетъ множество средствъ. Число рожденій можетъ быть увеличено или уменьшено, смотря по надобности, поощреніями, стѣсненіями или увѣщаніями, обращенными къ гражданамъ *.

Въ *Идеальной Республикѣ* онъ входитъ въ бо́льшія подробности. Онъ предлагаетъ предоставить лучшимъ гражданамъ лучшихъ женщинъ, гражданамъ низшаго достоинства и женщинъ низшаго достоинства, и воспитывать только дѣтей первыхъ. Въ извѣстные праздничные дни, опредѣленные закономъ, женихи и невѣсты должны быть собраны и соединены брачными узами съ большою торжественностью. Число браковъ будетъ, впрочемъ, опредѣлено правительствомъ, которое, принявъ во вниманіе потери, произведенныя войной, болѣзнями и другими причинами, опредѣлитъ число гражданъ соотвѣтственно съ средствами и съ потребностями государства. Дѣти, рожденныя отъ лучшихъ гражданъ, будутъ поручены кормилицамъ, которыя помѣстятся въ отдѣльномъ кварталѣ; остальныя же и всѣ, отличающіяся уродливостью и дурнымъ тѣлосложеніемъ, будутъ погребены въ какомъ либо темномъ и неизвѣстномъ мѣстѣ.

Затѣмъ, онъ переходитъ къ опредѣленію возраста, въ который можно вступать въ бракъ, и назначаетъ его въ двадцать лѣтъ для женщинъ и въ тридцать для мужчинъ. Женщина можетъ приносить гражданъ государству отъ двадцати до сорокалѣтняго возраста, мужчина — отъ тридцати до пятидесятилѣтняго. Если же они будутъ имѣть дѣтей ранѣе или позже этого возраста, то это будетъ преступленіе, равносильное съ прижитіемъ дѣтей внѣ брачной жизни и съ предосудительнымъ невоздержаніемъ. Лица, имѣющія законное число лѣтъ, но прижившіе дѣтей, безъ соблюденія предписанныхъ закономъ обрядовъ, совершаютъ такое же преступленіе, а дѣти ихъ, какъ незаконнорожденныя, не признаются государствомъ, и будутъ считаться плодомъ порока и кровосмѣшенія. Внѣ предписаннаго возраста Платонъ допускаетъ полную свободу въ отношеніяхъ между полами, лишь бы только плодомъ такой свободы не были дѣти, ибо въ такомъ случаѣ они испытаютъ одну участь съ подкидышами, несмотря ни на сопротивленіе, ни на положеніе родителей *.

* Платонъ, *Законы*, кн. V.

Эти подробности доказываютъ, что Платону было вполнѣ извѣстно свойство народонаселенія размножаться сильнѣе, чѣмъ возрастаютъ средства существованія. Мѣры, предлагаемыя имъ для его ограниченія, безъ сомнѣнія, отвратительны, но эти мѣры, вмѣстѣ съ широкимъ ихъ приложеніемъ, доказываютъ, что онъ хорошо сознавалъ неимовѣрныя затрудненія, которыя предстояло преодолѣть. Онъ не могъ не знать опустошеній, какія можетъ причинить война, ибо предъ его глазами была весьма небольшая республика. А между тѣмъ, онъ предлагаетъ уничтожать дѣтей всѣхъ второстепенныхъ, по своимъ достоинствамъ, гражданъ, всѣхъ дѣтей, приживаемыхъ внѣ законнаго возраста и предписанныхъ обрядовъ, опредѣляетъ возрастъ для вступленіе въ бракъ, и, несмотря на всѣ эти предосторожности, желаетъ еще, чтобы правительство опредѣляло число супружествъ. Должно полагать, что наблюденіе и собственныя размышленія глубоко убѣдили его въ необыкновенной энергіи распложенія и въ необходимости сдерживать его.

Аристотель сознавалъ, повидимому, еще яснѣе эту необходимость. Онъ опредѣляетъ возрастъ для вступленія въ супружество въ тридцать семь лѣтъ для мужчинъ и въ восемнадцать для женщинъ: но такимъ образомъ большое число женщинъ обрекалось на безбрачную жизнь. Несмотря на весьма поздній супружескій возрастъ для мужчинъ, онъ тѣмъ неменѣе опасается, чтобы не раждалось слишкомъ много дѣтей, и предлагаетъ опредѣлять число ихъ для каждаго семейства. Съ этою цѣлью, онъ предлагаетъ, въ случаѣ, если забеременѣетъ женщина, имѣющая уже опредѣленное чи-

* Платонъ, *Республика*, кн. V.

сло дѣтей, вытравлять ребенка прежде, чѣмъ онъ появится на свѣтъ.

Возрастъ, послѣ котораго не должно имѣть дѣтей, назначается имъ для мужчинъ въ пятьдесятъ четыре или въ пятьдесятъ пять лѣтъ, потому что дѣти стариковъ, какъ и слишкомъ молодыхъ людей, отличаются физическими и нравственными несовершенствами. Внѣ предписаннаго возраста, лица обоихъ половъ пользуются полной свободой, но, какъ и въ республикѣ Платона, ни одинъ ребенокъ, раждающійся отъ такихъ отношеній, не имѣетъ права на жизнь *.

Разбирая достоинства республики, предлагаемой Платономъ въ *Трактатѣ о законахъ*, Аристотель замѣчаетъ, что философъ этотъ не обратилъ должнаго вниманія на вопросъ о населеніи. Онъ упрекаетъ его въ непослѣдовательности на томъ основаніи, что тотъ устанавливаетъ равенство имуществъ, и не ограничиваетъ числа дѣтей. Необходимо, говоритъ онъ весьма основательно, чтобы законы отличались особенной точностью тамъ, гдѣ установлено равенство имуществъ. При обыкновенномъ правительствѣ, увеличеніе населенія не вызываетъ никакихъ послѣдствій, кромѣ раздробленія поземельной собственности. Но въ республикѣ, основанной на равенствѣ имуществъ, все чрезмѣрное населеніе отдается на произволъ судьбы, ибо земли, раздѣленныя на равные участки, составляющіе нераздѣльныя единицы, не могутъ быть раздроблены на части.

Тотъ же писатель замѣчаетъ затѣмъ, что число дѣтей должно быть ограничено во всякомъ случаѣ. Опредѣливъ это число, слѣдуетъ обратить вниманіе на умирающихъ и на причины безплодія. А если каждому предоставить право, какъ это обыкновенно случается, имѣть столько дѣтей, сколько ему заблагоразсудится, то за этимъ должна непремѣнно послѣдовать нищета. А это бѣдствіе вызываетъ преступленія и мятежи. Эти то соображенія и побудили Федона Коринфскаго, одного изъ древнѣйшихъ политическихъ писателей, предложить законъ, прямо противуположный закону Платона. Онъ ограничивалъ населеніе, но не уравнивалъ имуществъ.

* Аристотель, *Республика*, кн. VII, гл. XVI и кн. II, гл. VII, IX и X.

По поводу Фалея Халкедонскаго, предлагавшаго равенство имуществъ, какъ мѣру полезную, Аристотель снова нападаетъ на учрежденія Платона, и замѣчаетъ, что кто желаетъ установить такимъ образомъ имущества, тотъ долженъ знать, что слѣдуетъ въ то же самое время установить число дѣтей. Ибо, прибавляетъ онъ, если число дѣтей превыситъ средства, имѣющіяся для ихъ содержанія, то законъ по необходимости будетъ нарушенъ, и многія семейства немедленно впадутъ изъ довольства въ нищету, а это всегда бываетъ опасно для общественнаго спокойствія.

Итакъ, Аристотель ясно видѣлъ, что неудержимое стремленіе человѣческой породы къ размноженію, если не противупоставить ему преграды, должно опрокинуть всякую систему, основанную на равенствѣ имуществъ. И лучшій доводъ противъ такихъ системъ состоитъ въ вызываемой ими необходимости прибѣгать къ средствамъ, предлагаемымъ Аристотелемъ.

Дальнѣйшее замѣчаніе относительно Спарты, еще яснѣе показываетъ, что онъ прекрасно понималъ законъ народонаселенія. По непредусмотрительности законодательства этой страны относительно наслѣдованія, всѣ земли ея очутились въ рукахъ небольшаго числа людей, вслѣдствіе чего, населеніе страны значительно уменьшилось. Для отстраненія этого неудобства и для замѣщенія гражданъ, постоянно уносимыхъ войной, цари, предшествовавшіе Ликургу, стали принимать въ число гражданъ иностранцевъ. Но лучше было бы, по мнѣнію Аристотеля, увеличить число гражданъ нѣкоторымъ уравненіемъ поземельной собственности. Между тѣмъ законы о наслѣдствѣ находились въ полномъ противурѣчіи съ такимъ улучшеніемъ. Законодатель, желая имѣть больше гражданъ, поощрялъ всѣми способами размноженіе: гражданинъ, имѣвшій троихъ сыновей, освобождался отъ ночной сторожевой службы, а отецъ четырехъ сыновей — отъ всякой общественной службы. Но очевидно, какъ справедливо замѣчаетъ Аристотель, что пока не измѣнялось распредѣленіе зе-

мель, рожденіе бо́льшаго числа дѣтей только усиливало бѣдность.

Философъ этотъ ясно видѣлъ также ошибки, сдѣланныя многими другими законодателями, жившими послѣ Ликурга. Онъ чувствовалъ, повидимому, что поощреніемъ рожденія дѣтей, безъ заботъ о средствахъ для ихъ содержанія, можно было достигнуть только самаго ничтожнаго увеличенія населенія цѣною огромнаго увеличенія нищеты и страданій.

Законодатель Крита, подобно Солону, Федону, Платону и Аристотелю, видѣлъ необходимость въ задержаніи роста населенія для предупрежденія всеобщей бѣдности. Мы имѣемъ право предположить, что мнѣнія этихъ людей и законы, изданные подъ ихъ вліяніемъ, имѣли большое значеніе. А потому, кажется, что предупреждающія препятствія, представляемыя поздними супружествами и другими условіями, служили весьма дѣятельнымъ средствомъ въ свободныхъ государствахъ Греціи для уменьшенія ихъ населенія.

Что же касается до разрушительныхъ препятствій, то достаточно пробѣжать исторію ихъ войнъ, чтобы составить себѣ понятіе о нихъ. Къ этому бичу присоединялась чума, по крайней мѣрѣ хоть одинъ разъ, въ Аѳинахъ. А Платонъ, какъ мы видѣли, предполагаетъ, что въ его республикѣ населеніе можетъ быть уменьшено болѣзнями. Народы эти вели нетолько безпрерывныя, но и кровопролитныя войны. Маленькія ихъ арміи, сражавшіяся въ рукопашную, вѣроятно теряли больше убитыми, сравнительно съ огромными арміями новѣйшаго времени, бо́льшая часть которыхъ остается здравой и невредимой *. Сверхъ того, такъ какъ въ этихъ маленькихъ свободныхъ республикахъ всѣ граждане были воинами, и участвовали во всѣхъ военныхъ предпріятіяхъ, то легко себѣ представить, какъ велики были ихъ потери, и съ какимъ трудомъ онѣ возстановлялись.

* Hume, *Essai* XI, стр. 451.

ГЛАВА XIV. — О препятствіяхъ для размноженія населенія между древними римлянами.

Опустошенія, производимыя войной въ небольшихъ государствахъ Италіи во время усилій римлянъ получить надъ ними господство, кажется, были значительнѣе, чѣмъ въ маленькихъ республикахъ Греціи. Въ *Диссертаціи о численности людей* Валласъ говоритъ, «что слѣдя внимательно за исторіей Италіи въ эту эпоху, удивляешься, какимъ образомъ она могла выставлять такое огромное число армій, непрекращавшихъ войны, пока вся Италія не была покорена окончательно.» Титъ Ливій удивляется, что неоднократно побѣждаемые эквы и вольски постоянно находили возможность выступить въ походъ съ новой арміей. Эти удивительныя явленія объясняются весьма правдоподобнымъ предположеніемъ, что постоянныя потери, причиняемыя войной, породили обычай не налагать никакихъ стѣсненій на законъ народонаселенія, и что вслѣдствіе этого, число молодыхъ людей, достигавшихъ возраста, годнаго для военной службы, сравнительно съ общимъ населеніемъ, было гораздо значительнѣе между ними, чѣмъ между менѣе воинственнымъ народомъ. Быстрая смѣна одного поколѣнія другимъ, безъ всякаго сомнѣнія, давала имъ возможность выставлять, подобно германцамъ, новыя арміи вслѣдъ за уничтоженными, такъ что они казались нестощимыми.

Тѣмъ неменѣе, мы имѣемъ право предположить, что въ первыя времена въ Италіи, какъ и въ Греціи, существовало обыкновеніе умерщвлять дѣтей. Закономъ Ромула запрещалось подкидывать дѣтей ранѣе трехлѣтняго возраста *; а это доказываетъ, что прежде ихъ подкидывали нерѣдко тотчасъ послѣ появленія на свѣтъ. Но съ этихъ поръ къ этому обыкновенію прибѣгали въ такомъ только случаѣ, когда потери, причиненныя войной, не были настолько значительны, чтобы открыть свободное мѣсто новому поколѣнію. Поэтому, хотя

* Діонис. Галикарнас., кн. II, 15.

на это обыкновеніе и можно смотрѣть, какъ на одно изъ разрушительныхъ препятствій для свободнаго размноженія населенія, тѣмъ неменѣе, при существовавшемъ порядкѣ вещей, оно скорѣе способствовало размноженію населенія, чѣмъ останавливало его.

Разрушительное препятствіе, представляемое войной, дѣйствовало съ необыкновенной силой, особенно между римлянами, которые, съ самаго учрежденія республики, вели постоянныя и кровопролитныя войны. Но какъ бы ни была дѣятельна эта причина, безъ содѣйствія другихъ, еще болѣе дѣятельныхъ, она никогда не вызвала бы такого недостатка въ людяхъ, какой почувствовался во времена императоровъ, что и побудило Августа и Траяна къ изданію разныхъ законовъ для поощренія браковъ и многочисленныхъ семействъ.

Когда равенство имуществъ, установленное въ первыя времена на римской территоріи, мало по малу было уничтожено, и земли скопились въ рукахъ небольшаго числа крупныхъ собственниковъ, то у гражданъ, лишенныхъ, вслѣдствіе такой перемѣны, средствъ существованія, оставался одинъ только путь спастись отъ голодной смерти, это—продавать богатымъ свой трудъ, какъ это дѣлается въ новѣйшихъ государствахъ. Но и это средство отнималось у нихъ огромнымъ числомъ рабовъ, размножавшихся, вмѣстѣ съ распространеніемъ роскоши, и удовлетворявшихъ всѣмъ требованіямъ земледѣлія и ремеслъ. При такихъ условіяхъ нетолько нѣтъ ничего удивительнаго въ уменьшеніи числа свободныхъ гражданъ, но трудно понять, какъ еще уцѣлѣло хоть небольшое ихъ число, кромѣ собственниковъ. И дѣйствительно, многіе существовали только въ силу страннаго обычая, породившаго натянутое положеніе въ этомъ политическомъ обществѣ; я говорю объ обычаѣ отпускать гражданамъ даромъ огромные запасы хлѣба. Въ царствованіе Августа двѣсти тысячъ народу пользовалось такими щедротами. Въ высшей степени вѣроятно, что бо́льшая часть изъ нихъ не имѣла другихъ средствъ существованія. Полагаютъ, что раздача эта производилась только взрослымъ людямъ; но выдаваемаго количества было недостаточно для цѣлаго семейства и слишкомъ много для одного человѣка *. Мѣра эта не могла, слѣдовательно, содѣйствовать размноженію населенія между бѣдными гражданами. Судя по тому, что́ говоритъ Плутархъ объ обычаѣ подкидывать дѣтей, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ между бѣдными **, должно полагать, что гибло много дѣтей, несмотря на льготы, предоставленныя отцу трехъ дѣтей ***. То мѣсто у Тацита, въ которомъ, говоря о германцахъ, онъ упоминаетъ объ этомъ обычаѣ между римлянами, даетъ право сдѣлать такое же заключеніе ****. Въ самомъ дѣлѣ, чего можно было ожидать отъ такого закона между народомъ, лишеннымъ всѣхъ средствъ существованія, кромѣ подаянія, состоящимъ изъ людей, которые не въ состояніи были прокормить самихъ себя, нетолько что содержать жену и двоихъ или троихъ дѣтей. Еслибы изъ страны выслана была половина рабовъ, а римскій народъ получилъ бы, вслѣдствіе этого, возможность заниматься земледѣліемъ и ремеслами, то число гражданъ стало бы быстро увеличиваться; такая мѣра была бы болѣе дѣйствительной, чѣмъ всевозможныя поощренія, предоставляемыя законами.

Весьма возможно, что льготы, предоставленныя отцу трехъ дѣтей и нѣкоторыя другія, подобныя же постановленія производили нѣкоторое дѣйствіе между высшими классами римскихъ гражданъ, и дѣйствительно, законы эти, по самой сущ-

* Юмъ, *Essai* XI, стр. 488.

** Плутархъ, *О любви родителей къ дѣтямъ*.

*** Такъ называемое право *jus trium liberorum*.

**** *De moribus Germanorum*, 19. Въ какомъ пренебреженіи находились законы, покровительствовавшіе заключенію супружествъ и рожденію дѣтей, можно видѣть изъ рѣчи Минуція Феликса въ его разговорѣ *Октавій*, гл. 30: «Ибо я вижу, что вы бросаете въ настоящее время дѣтей на съѣденіе птицамъ и звѣрямъ, или предаете ихъ жестокой смерти посредствомъ удушенія; есть также и такія матери, которыя, принявъ лекарство, въ самой утробѣ убиваютъ зародышъ будущаго человѣка, и наносятъ ему смерть прежде, чѣмъ онъ явится на свѣтъ.»

Преступленіе это было до того обыкновенно въ Римѣ, что Плиній рѣшается даже оправдывать его: «До такой степени плодовитость нѣкоторыхъ женщинъ, имѣющихъ много дѣтей, нуждается въ снисхожденіи.» Кн. XXIX, гл. IV. Прим. автора.

ности своей, представлявшіе привилегіи, даютъ поводъ предположить, что они были изданы преимущественно для этихъ классовъ. Но порочныя привычки всякаго рода, оказывающія предупреждающее дѣйствіе на возрастаніе населенія *, до такой степени были распространены въ эту эпоху, что не могли быть искоренены никакими законами. Монтескье весьма справедливо замѣчаетъ, «что развращеніе нравовъ упразднило цензорство, установленное противъ развращенія нравовъ; но если это развращеніе, прибавляетъ онъ, дѣлается всеобщимъ, то цензорство становится безсильнымъ.» Тридцать четыре года спустя по обнародованіи закона Августа о супружествахъ, римскіе всадники потребовали его отмѣны. Сдѣлавъ перепись всѣхъ женатыхъ и холостыхъ, оказалось, что число послѣднихъ увеличилось, что̀ служитъ яснымъ доказательствомъ безсилія закона **.

Во многихъ странахъ развратные обычаи, предупреждающіе размноженіе населенія, представляютъ скорѣе слѣдствіе, чѣмъ причину рѣдкихъ супружествъ. Но развращеніе нравовъ въ Римѣ оказывало, кажется, непосредственное вліяніе на уменьшеніе числа браковъ, по крайней мѣрѣ между высшими классами. Нельзя читать безъ негодованія и омерзѣнія рѣчи, сказанной Метелломъ Нумидійскимъ во время своего цензорства. «Еслибы мы могли вовсе не имѣть женъ, говорилъ этотъ цензоръ, то никто изъ насъ не рѣшился бы взять на себя такую обузу. Но такъ какъ таковъ естественный законъ природы, что съ ними нельзя жить удобно, а безъ нихъ жить совсѣмъ невозможно, то позаботимся лучше о томъ, что̀ составляетъ наше постоянное благополучіе, чѣмъ о мимолетныхъ удовольствіяхъ ***.»

* Но на позлащенномъ ложѣ (т. е. между знатными матронами) почти не бываетъ роженицъ; такое дѣйствіе оказываетъ искуство и снадобья той (т. е. повивальной бабки, занимающейся искуство и снадобья той (т. е. повивальной бабки, занимающейся вытравленіемъ зародышей), которая за извѣстную плату дѣлаетъ женщинъ безплодными, и умерщвляетъ зараждающихся въ утробѣ людей. *Ювеналъ*, сат. VI.

** *Esprit des lois*, кн. XXIII, гл. XXI.

*** Авлъ Геллій, кн. I, гл. VI.

Положительные законы, поощряющіе браки и размноженіе населенія, изданные въ минуту необходимости и несопровождающіеся, какъ въ Китаѣ и другихъ мѣстахъ, внушеніями религіи, рѣдко достигаютъ предполагаемой цѣли, и потому, выказываютъ только невѣжество законодателя. Но кажущаяся необходимость такихъ законовъ почти всегда служитъ доказательствомъ сильнаго упадка нравственнаго и политическаго; такъ что въ странѣ, въ которой настаиваютъ на приведеніи ихъ въ исполненіе, смѣло можно предположить, что, независимо отъ господствующихъ въ ней развратныхъ обычаевъ, существуютъ еще и политическія учрежденія, неблагопріятныя для труда и промышленности, а потому, и для размноженія населенія.

Вслѣдствіе этого, я полагаю, согласно съ Валласомъ, что Юмъ ошибается, предполагая, что міръ, подчиненный римлянамъ, никогда не былъ такъ густо заселенъ, какъ въ продолжительную мирную эпоху царствованія Траяна и Антониновъ. Всякому хорошо извѣстно, что войны не могутъ значительно уменьшить населенія въ странѣ, въ которой трудъ и промышленность остаются въ прежней силѣ, и что мирное время не можетъ увеличить населенія народа, который лишенъ средствъ существованія. Возстановленіе законовъ относительно супружествъ въ царствованіе Траяна свидѣтельствуетъ о непрекращеніи развратныхъ нравовъ и о жалкомъ состояніи труда; поэтому, оно рѣшительно противурѣчитъ предположенію о значительномъ увеличеніи народонаселенія.

Мнѣ сдѣлаютъ, можетъ быть, возраженіе, что огромное число рабовъ вознаграждало незначительное количество римскихъ гражданъ; но трудъ этихъ рабовъ вовсе не былъ такъ дѣятельно направленъ къ земледѣлію, чтобы его достаточно было для прокормленія особенно многочисленнаго населенія. Каково бы ни было положеніе провинцій, всѣми признается, что въ Италіи земледѣліе находилось въ состояніи упадка; пагубный обычай ввозить въ нее огромное количество хлѣба для раздачи народу нанесъ земледѣлію ея такой ударъ, отъ котораго оно никогда не могло оправиться. Юмъ замѣчаетъ, «что когда римскіе писатели жалуются, что Италія, вывозив-

шая прежде хлѣбъ, впала въ ихъ времена въ зависимость отъ провинцій относительно этого важнѣйшаго изъ предметовъ необходимости, то они никогда не приписываютъ этой перемѣны увеличенію населенія, но объясняютъ ее упадкомъ земледѣлія». Въ другомъ мѣстѣ того же этюда онъ говоритъ: «Древніе свидѣтельствуютъ, что наплывъ рабовъ въ Италію ни на минуту не прекращался; ихъ доставляли изъ самыхъ отдаленныхъ провинцій, въ особенности изъ Сиріи, Киликіи, Каппадокіи, Малой Азіи, Фракіи и Египта. И несмотря на это, число жителей Италіи не увеличивалось, а писатели постоянно жаловались на упадокъ земледѣлія и труда». Нельзя предположить, чтобы мирное время въ царствованіе Траяна и Антониновъ могло до такой степени подѣйствовать на привычки народа, чтобы совершенно измѣнить весь этотъ порядокъ вещей.

По этому поводу можно замѣтить, что непрекращавшійся наплывъ рабовъ служитъ самымъ сильнымъ доказательствомъ истины, что рабство неблагопріятно для размноженія народа. Этой необходимости въ постоянномъ привозѣ рабовъ достаточно и для опроверженія замѣчанія Валласа, что между древними рабы имѣли большее вліяніе на размноженіе населенія, чѣмъ низшіе классы между новѣйшими народами. Не подлежитъ сомнѣнію, какъ говоритъ этотъ писатель, что не всѣ наши работники женятся, что большое число ихъ дѣтей умираетъ, заболѣваетъ и становится безполезнымъ, вслѣдствіе нищеты и нерадѣнія родителей; но, несмотря на всѣ эти препятствія, я не знаю, можно ли привести хоть одинъ случай, когда бы низшіе классы, предоставленные свободѣ, не населили бы страны настолько, насколько это допускалось требованіями на ихъ трудъ.

Чтобы понять, какъ слѣдуетъ, препятствіе, противупоставляемое размноженію рабствомъ и принуждающее постоянно пополнять число рабовъ, слѣдуетъ сравнить замѣчанія, приводимыя Валласомъ и Юмомъ: одинъ доказываетъ, что личная выгода побуждаетъ рабовладѣльца заботиться о своихъ рабахъ и о воспитаніи ихъ дѣтей; другой утверждаетъ, что рабовладѣльцу чаще выгоднѣе бываетъ препятствовать размноженію своихъ рабовъ, чѣмъ поощрять его. Если справедливо мнѣніе Валласа, то рабы легко поддерживали бы свою численность собственными рожденіями. Но всѣмъ извѣстно, что они не могли поддержать ее этимъ средствомъ. Поэтому, мнѣніе Юма должно быть справедливо. «Разумѣется, стоило бы гораздо дороже воспитать человѣка въ Лондонѣ до того возраста, какъ можно будетъ воспользоваться его услугами, чѣмъ купить человѣка тѣхъ же лѣтъ въ Шотландіи или Ирландіи, вскормленнаго на бѣдной фермѣ, въ лохмотьяхъ, на овсяной кашѣ и картофелѣ. Поэтому, рабовладѣльцы богатой и населенной страны старались воспрепятствовать своимъ рабынямъ дѣлаться матерями, предупреждали ихъ беременность и роды, или, наконецъ, убивали ихъ плодъ». Валласъ соглашается, что между рабами число мужчинъ значительно превосходило число женщинъ; а это обстоятельство тоже должно было препятствовоть ихъ размноженію. Слѣдовательно, предупреждающія препятствія дѣйствовали, повидимому, съ большею силой въ Римѣ, чѣмъ въ Греціи, на уменьшеніе рабскаго населенія. А такъ какъ обращались съ ними сурово, кормили ихъ вѣроятно дурно, нерѣдко заключали въ большомъ числѣ въ тюрьмы, рабочіе и исправительные дома, тѣсные и нездоровые, то можно предположить, что и разрушительныя препятствія, представляемыя болѣзнями, дѣйствовали также съ большой силой, и что повальныя болѣзни производили большія опустошенія между рабами, чѣмъ между прочими классами общества.

Но для рѣшительнаго приговора о безусловной населенности страны, въ которой существуетъ рабство, и для окончательнаго рѣшенія болѣе сложнаго вопроса о населеніи древняго и новаго мира, еще недостаточно положенія, что рабство дѣйствуетъ неблагопріятно на размноженіе человѣческой породы. Мы знаемъ, что нѣкоторыя страны могутъ постоянно выставлять огромныя массы невольниковъ безъ всякаго ущерба. Еслибы эти невольники ввозились въ страну, принимающую ихъ, въ числѣ, соотвѣтствующемъ требованію на трудъ, то вопросъ о населеніи такого народа рѣшался бы точно такъ, какъ онъ рѣшается для народовъ новѣйшаго

времени. Такимъ образомъ, въ странахъ, въ которыхъ установлено домашнее рабство, какъ и всюду, если принять такое протяженіе территоріи, чтобы мы могли знать ея привозъ и вывозъ, можно принять за общее правило, что за исключеніемъ незначительныхъ колебаній, вызываемыхъ привычками къ роскоши или къ воздержности, населеніе постоянно соразмѣряется съ количествомъ продовольствія, доставляемаго почвой. Никакая физическая или нравственная причина, если только она не дѣйствуетъ съ безпримѣрной и необычайной силой *, не можетъ оказывать на населеніе значительнаго и непрерывнаго дѣйствія, кромѣ ея вліянія на производство и на распредѣленіе средствъ существованія.

На это не было обращено должнаго вниманія при изслѣдованіи вопроса о населеніи древнихъ и новыхъ народовъ. Съ той и другой стороны приводились физическія и нравственныя условія, изъ которыхъ нельзя было вывести никакого заключенія въ пользу того или другаго мнѣнія. Въ спорахъ этихъ забывалось, повидимому, еще то, что чѣмъ населеннѣе въ настоящее время и чѣмъ производительнѣе страна, тѣмъ менѣе вѣроятности, чтобы увеличивалось ея населеніе. Препятствія для размноженія ея населенія, по необходимости, многочисленнѣе въ ней, и дѣйствуютъ сильнѣе чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Эти то препятствія и держатъ ее въ неподвижномъ состояніи или въ состояніи незамѣтнаго роста. Изъ этого слѣдуетъ, что обнаруженіе различныхъ препятствій такого рода, какъ между древними, такъ и между новыми народами, ничего не говоритъ о величинѣ населенія. Поэтому, оспа и другія болѣзни, неизвѣстныя древнимъ и

* На необыкновенную нездоровость Батавіи, или на чуму, господствующую въ нѣкоторыхъ странахъ, можно смотрѣть, какъ на физическія причины, дѣйствующія съ необыкновенной силой. Чрезвычайная склонность римлянъ къ развратной безбрачной жизни, и безпорядочныя отношенія между полами на Отаити представляютъ такого рода нравственныя причины. Эти необыкновенные случаи, къ которымъ, быть можетъ, можно присоединить нѣкоторые другіе, заставили меня измѣнить первоначальный текстъ этого мѣста.

Прим. автора.

производящія въ настоящее время жестокія опустошенія, ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить доказательствомъ меньшаго населенія новѣйшаго времени. А между тѣмъ, Юмъ и Валласъ придавали большое значеніе этимъ обстоятельствамъ.

Такую же ошибку сдѣлали они и относительно дѣйствія нравственныхъ условій. Непосредственное поощреніе супружествъ Валласъ принимаетъ за одну изъ главнѣйшихъ причинъ большей населенности древняго міра. А между тѣмъ, потребность въ положительномъ законодательствѣ для поощренія браковъ скорѣе говоритъ о недостаточномъ, чѣмъ избыточномъ населеніи. Судя по мѣсту, приведенному изъ Аристотеля въ предъидущей главѣ, кажется, что законы, поощряющіе супружество, на которые преимущественно опирается Валласъ, изданы были, въ особенности въ Спартѣ, именно въ цѣлью отстранить недостатокъ населенія. Въ густо населенной странѣ законодателю никогда не придетъ въ голову прибѣгнуть къ закону, имѣющему цѣлью поощрить браки, и вызвать большее число рожденій. Остальные доводы Валласа имѣютъ не большую силу.

Нѣкоторыя изъ объясненій, приводимыхъ Юмомъ, столь же неудовлетворительны, и представляютъ доводы скорѣе противъ него же самого. Большое число прислуги, мужской, какъ и женской, и другихъ лицъ, живущихъ у новѣйшихъ народовъ внѣ брачной жизни, служитъ для него доводомъ противъ болѣе густаго населенія этихъ народовъ. Но если изъ этого факта можно вывести какія нибудь заключенія, то скорѣе противуположные тѣмъ, которыя дѣлаетъ авторъ. Когда содержать семью становится до такой степени трудно, что многія лица того и другаго пола отказываются отъ супружества, то естественно предположить, что населеніе находится въ неподвижномъ состояніи; но изъ этого вовсе нельзя заключать, что оно безусловно велико. Въ дѣйствительности, затрудненіе содержать семью можетъ вытекать именно изъ того обстоятельства, что безусловное населеніе слишкомъ велико, и потому, всѣ средства прокормить семью заняты; однако же, можетъ случиться, что затрудненіе это обнаружится и въ

*

слабо населенной странѣ, но приведенной въ такое же неподвижное состояніе. Отношеніе между числомъ людей, живущихъ внѣ брачной жизни, и общимъ числомъ жителей служитъ какъ бы признакомъ, по которому мы можемъ судить о неподвижномъ, состояніи населенія, поступательномъ или обратномъ его движеніи; но отношеніе это ничего не говоритъ о безусловной населенности страны. Да и въ первомъ случаѣ признакъ этотъ можетъ быть ошибочнымъ. Въ нѣкоторыхъ южныхъ странахъ женятся вообще въ раннемъ возрастѣ; въ нихъ встрѣчается мало дѣвушекъ, невыходящихъ замужъ, а между тѣмъ, населеніе ихъ нетолько слабо, но и неподвижно. Это объясняется тѣмъ, что дѣйствіе предупреждающихъ препятствій усиливается необыкновенной энергіей препятствій разрушительныхъ. Сумма всѣхъ препятствій того и другаго рода, безъ сомнѣнія, составляетъ непосредственную причину, сдерживающую населеніе. Но ни въ одной странѣ нельзя надѣяться точно опредѣлить эту сумму. А оцѣнка двухъ или трехъ отдѣльныхъ препятствій не даетъ права дѣлать никакихъ заключеній, ибо нерѣдко случается, что чрезвычайное дѣйствіе одного препятствія уравновѣшивается слабымъ дѣйствіемъ другаго. Причины, дѣйствующія на число родившихся и умершихъ, смотря по обстоятельствамъ, то оказываютъ, то не оказываютъ вліянія на среднюю цифру населенія. Но причины, дѣйствующія на производство и на распредѣленіе средствъ существованія, необходимо оказываютъ вліяніе на величину населенія. Поэтому, однѣ только эти причины и могутъ доставить намъ въ этомъ отношеніи точныя данныя въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ мы не можемъ воспользоваться цифрами, доставляемыми непосредственною переписью.

Всѣ препятствія для размноженія населенія, разсмотрѣнныя въ этомъ краткомъ очеркѣ общества, очевидно могутъ быть приведены къ слѣдующимъ главнымъ отдѣламъ: нравственному обузданію *, пороку и несчастію.

* Слову этому придано здѣсь самое широкое значеніе; повидимому, подъ нимъ подразумѣвается обузданіе, обусловливаемое однимъ только благоразуміемъ, то есть, несопровождающееся безусловнымъ цѣломудріемъ, а потому, съ примѣсью порока, хотя само по себѣ оно и не порочно. Фран. перев.

Такой смыслъ придаетъ общество словамъ: *нравственное обузданіе*. Такое значеніе, придаваемое этимъ словамъ, ставили въ упрекъ Мальтусу; но во первыхъ, ничто не доказываетъ, чтобы знаменитый писатель принималъ ихъ въ томъ смыслѣ, какой, повидимому, придается имъ въ предъидущемъ примѣчаніи. Слѣдовало бы замѣтить, напротивъ того, что онъ постоянно имѣлъ въ виду обузданіе нравственное и *добродѣтельное*. А во вторыхъ, еще не доказано, чтобы такой видъ воздержанія, предупреждающій нищету, безъ нарушенія физіологическихъ законовъ, былъ безнравственъ. Гарнье.

Послѣднее выраженіе такъ же понято и Прудономъ, и вызвало съ его стороны жестокое нападеніе на Мальтуса въ его *Экономическихъ противурѣчіяхъ* и въ сочиненіи *О справедливости*. См. *Приложенія* ко второму тому этого сочиненія. Рус. перев.

* Слѣдуетъ исключить Тибетъ, въ которомъ дѣйствіе нравственнаго обузданія, даже въ строгомъ значеніи этого слова, значительно. См. гл. XI. Фран. пер.

Предупреждающее препятствіе, обозначенное мною словами нравственное обузданіе, безъ сомнѣнія, всегда существовало, и было бы слишкомъ смѣло утверждать, что оно не принимало участія въ ограниченіи закона народонаселенія; но нельзя не согласиться, что оно оказывало, повидимому, слабѣйшее дѣйствіе, сравнительно съ прочими препятствіями *. Между послѣдними, предупреждающее препятствіе, представляемое развратными нравами, производило значительное дѣйствіе въ римскомъ обществѣ въ послѣднее время его существованія и между нѣкоторыми другими народами. Тѣмъ не менѣе, такого рода препятствія оказывали, повидимому, меньшее дѣйствіе, чѣмъ разрушительныя препятствія. Поэтому, законъ народонаселенія дѣйствовалъ съ необыкновенной силой, и вызывавшееся имъ избыточное населеніе уничтожалось насильственными причинами. Въ число послѣднихъ слѣдуетъ помѣстить прежде всего войны, преобладающія надъ всѣми остальными и прежде всего бросающіяся въ глаза. Непосредственно за ними слѣдуютъ голодъ и жестокія болѣзни. Въ большей части странъ, разсмотрѣнныхъ нами, населеніе, повидимому, рѣдко опредѣлялось точнымъ соотвѣтствіемъ съ

среднимъ и постояннымъ количествомъ продовольствія. Вообще же, оно представляетъ колебанія между двумя крайними предѣлами. Вслѣдствіе этого, переходы отъ урожайныхъ къ голоднымъ годамъ были весьма рѣзки; это мы и должны были встрѣтить, описывая состояніе народовъ, сдѣлавшихъ наименьшіе успѣхи въ цивилизаціи.

КНИГА ВТОРАЯ.

О ПРЕПЯТСТВІЯХЪ ДЛЯ РАЗМНОЖЕНІЯ НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ ВЪ РАЗЛИЧНЫХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ НОВОЙ ЕВРОПЫ.

ГЛАВА I. — О препятствіяхъ для размноженія населенія въ Норвегіи.

При разсмотрѣніи различныхъ государствъ новой Европы, наши изслѣдованія значительно облегчаются статистическими свѣдѣніями о числѣ родившихся, умершихъ и вступившихъ въ бракъ. Если такія свѣдѣнія полны и точны, то они могутъ служить довольно вѣрнымъ указаніемъ, принадлежатъ ли къ числу предупреждающихъ или къ числу разрушительныхъ существующія препятствія для размноженія населенія. Обычаи большей части европейскихъ народовъ одинаковы, ибо они вызываются довольно сходными условіями. Можно, стало быть, ожидать, что статистическія книги ихъ дадутъ почти одинакіе результаты. Тѣмъ неменѣе, нѣкоторые изслѣдователи, увлекшись чрезъ мѣру этимъ совпаденіемъ, сдѣлали ошибочное предположеніе, что законъ смертности во всѣхъ странахъ одинаковъ. Законъ этотъ, напротивъ того, повидимому, значительно измѣняется; онъ не одинаковъ для различныхъ частей даже одной и той же страны, и въ извѣстныхъ предѣлахъ зависитъ отъ обстоятельствъ, которыя могутъ быть измѣнены человѣкомъ.

Норвегія, впродолженіи цѣлаго почти вѣка, не испытывала потери людей, причиняемой войной. Климатъ ея противодѣйствуетъ распространенію повальныхъ болѣзней, а средняя смертность въ ней менѣе, чѣмъ въ какой либо иной европейской странѣ, въ которой правильно ведутся метрическія книги*. Среднее число ежегодно умирающихъ относится ко

* Русскія книги представляютъ меньшую смертность, но онѣ не заслуживаютъ довѣрія. Франц. перев.

всему населенію страны, какъ 1 къ 48 *. И тѣмъ неменѣе, населеніе Норвегіи никогда, кажется, не возрастало особенно быстро. Оно усилилось нѣсколько въ послѣднія десять или пятнадцать лѣтъ; но до этого времени, движеніе его было крайне медленно, ибо мы знаемъ, что страна эта населена съ самыхъ древнихъ временъ, и въ 1769 имѣла все таки не болѣе 723,141 жителей.

Прежде чѣмъ войти въ подробное изслѣдованіе внутренняго устройства Норвегіи, мы можемъ сказать уже заранѣе, что такъ какъ разрушительныя препятствія для размноженія населенія въ этой странѣ были незначительны, то тѣмъ сильнѣе дѣйствовали препятствія предупредительныя. И дѣйствительно, по приходскимъ книгамъ видно, что число ежегодныхъ браковъ относится къ числу всего населенія, какъ 1 къ 180 **, что̀ представляетъ самое малое отношеніе, какое только

Со времени Мальтуса, экономисты обратили особенное вниманіе на этотъ вопросъ. Во всѣхъ почти странахъ предпринято было множество статистическихъ работъ, обнародованныхъ частными изслѣдователями или правительственными учрежденіями; но собраны далеко еще не всѣ необходимые факты. Тѣмъ неменѣе, работы эти подтвердили, что смертность измѣняется, смотря по полу, климату, временамъ года, мѣстности, занятіямъ, цѣнѣ продовольствія, мирному или военному времени, и проч. Для справокъ по этимъ вопросамъ мы можемъ указать на отчеты берлинскаго статистическаго комитета, находившагося подъ управленіемъ сначала Гофмана, а потомъ—Дитриха; на статистику, обнародованную въ Парижѣ министерствомъ торговли, подъ редакціей Моро де Жонеса; на статистику, изданную бельгійскимъ статистическимъ комитетомъ, президентомъ котораго Кетле, а секретаремъ—Гейшлингъ; на статистику сардинскаго комитета и на труды Бенуатона де Шатонефа, Моро де Жонеса, Кетле, Вилерме и проч. Относительно послѣднихъ выводовъ о смертности и средней жизни, см. таблицы, обнародованныя Вюреромъ въ *Journal des Économistes*, т. XXVI. Гарнье.

* Что касается до статистическихъ свѣдѣній о Норвегіи, приводимыхъ въ этой главѣ, то см. Тааруна, *Statistik der Daenischen Monarchie*.

** Отношеніе ежегодно заключаемыхъ браковъ ко всему населенію служитъ очевиднѣйшимъ признакомъ дѣйствія предупредительныхъ препятствій; но это указаніе не имѣетъ необходимой точности. Предупредительныя препятствія вообще дѣйствуютъ сильнѣе, чѣмъ можно предположить на основаніи этого признака. Причина этого заключается въ томъ, что въ самыхъ здоровыхъ странахъ Европы, въ которыхъ отношеніе числа браковъ ко всему населенію невелико, число людей, достигающихъ супружескаго возраста, сравнительно, больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. И дѣйствительно, остальное населеніе состоитъ изъ лицъ выше и ниже этого возраста. Правда, что въ такихъ странахъ болѣе стариковъ; стало быть, болѣе лицъ, по лѣтамъ превышающихъ супружескій возрастъ; но съ другой стороны, въ нихъ меньше людей, недостигшихъ еще этого возраста. Поэтому, число людей, находящихся внѣ брачнаго возраста, сравнительно, меньше въ этихъ, чѣмъ въ прочихъ странахъ; а число людей, имѣющихъ опредѣленный возрастъ для брака, значительнѣе. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что одно и то же число браковъ показываетъ въ этихъ странахъ болѣе сильное дѣйствіе предупредительныхъ препятствій. Такимъ образомъ, въ Норвегіи людей отъ двадцати до пятидесяти лѣтъ, то есть, имѣющихъ вѣроятный возрастъ для брака, больше, чѣмъ въ какой либо другой европейской странѣ, сравнительно съ остальнымъ населеніемъ. Поэтому, въ этой странѣ отношеніе числа браковъ ко всему населенію, сравнительно съ тѣмъ же отношеніемъ въ прочихъ странахъ, не выражаетъ полнаго дѣйствія предупредительныхъ препятствій. Прим. автора.

извѣстно намъ въ какой либо другой странѣ, за исключеніемъ Швейдаріи.

Въ число причинъ, дѣйствовавшихъ въ этой странѣ на уменьшеніе браковъ, слѣдуетъ помѣстить способъ пополненія арміи, который введенъ тамъ въ послѣднее время. Въ Даніи и Норвегіи каждый сынъ земледѣльца или ремесленника есть солдатъ *. Въ прежнія времена военный начальникъ округа могъ принимать въ солдаты крестьянъ всякаго возраста, и онъ предпочиталъ вообще людей, имѣющихъ отъ двадцати пяти до тридцати лѣтъ. Какъ только человѣкъ записывался разъ въ солдаты, то онъ не могъ жениться безъ свидѣтельства приходскаго священника, подтверждавшаго, что онъ имѣетъ средства содержать жену и дѣтей. Но и имѣя такое свидѣтельство, ему необходимо было еще получить позволеніе своего офицера. Затрудненіе получить такое свидѣтельство и такое позволеніе, а иногда и сопряженные съ ними расходы отклоняли людей, нестоявшихъ въ особен-

* Эти немногочисленныя подробности, приводимыя мною по вопросу о народонаселеніи Норвегіи, собраны были мною во время краткаго путешествія въ эту страну, сдѣланнаго лѣтомъ 1799. Прим. автора.

но благопріятныхъ обстоятельствахъ, отъ намѣренія вступить въ бракъ ранѣе истеченія десяти лѣтъ своей службы. Но такъ какъ въ солдаты можно было записываться во всякій возрастъ до тридцати шести лѣтъ, и такъ какъ офицеры принимали на службу сначала менѣе молодыхъ людей, то оказывалось, что крестьяне, попавшіе въ солдаты, могли завестись семействомъ только уже въ значительно зрѣломъ возрастѣ.

Приходской священникъ не имѣлъ никакого законнаго права воспрепятствовать жениться человѣку, если только послѣдній не былъ записанъ въ солдаты. Но обычай, какъ кажется, освятилъ это право, и священникъ нерѣдко отказывался соединить бракомъ лица, неимѣющія вѣроятной возможности прокормить семью.

Въ настоящее время всѣ такого рода препятствія, представляемыя закономъ, какъ и обычаемъ, отстранены. Всякому предоставлена совершенная свобода вступать въ бракъ, когда ему заблагоразсудится, не испрашивая разрѣшенія ни у офицера, ни у священника. Въ армію поступаютъ сначала молодые люди двадцати лѣтъ, потомъ двадцати двухъ, и такъ далѣе, пока опредѣленное число не будетъ пополнено.

Офицеры вообще недовольны такой перемѣной. Они говорятъ, что молодой, двадцатилѣтній норвежецъ еще не имѣетъ достаточныхъ силъ, и не можетъ быть хорошимъ солдатомъ. Многія лица высказываютъ опасеніе, что крестьяне будутъ вступать въ бракъ слишкомъ рано, и что будетъ раждаться болѣе дѣтей, чѣмъ сколько можетъ быть прокормлено страной.

Но и помимо различныхъ постановленій относительно набора, особенныя условія препятствуютъ въ Норвегіи заключенію раннихъ супружествъ. Страна эта не имѣетъ ни одного большаго фабричнаго города, который бы поглощалъ излишнее населеніе; и такъ какъ каждая деревня сама доставляетъ себѣ потребное число работниковъ, то рѣдко можетъ случиться, чтобы перемѣною мѣста человѣкъ могъ надѣяться на значительное улучшеніе своего положенія. Поэтому, если не представится какого либо удобнаго случая выселиться за границу, норвежскій крестьянинъ проводитъ вообще всю свою жизнь въ той деревнѣ, въ которой онъ родился. А такъ какъ свободныя мѣста открываются тамъ весьма рѣдко, какъ въ домахъ, такъ и въ ремеслахъ вообще, вслѣдствіе незначительной смертности, то ему нерѣдко приходится ожидать весьма долго, прежде чѣмъ онъ достигнетъ такого положенія, которое бы дало ему возможность завестись семьей.

Въ Норвегіи вообще содержатъ на фермахъ извѣстное число женатыхъ работниковъ. Число ихъ соотвѣтствуетъ величинѣ фермы. Они получаютъ отъ фермера хижину и опредѣленное количество земли для содержанія семейства. Взамѣнъ этого, они обязаны работать по условленной низкой платѣ, какъ только потребуется ихъ работа. За исключеніемъ окрестностей городовъ и мѣстностей, лежащихъ на берегу моря, такого рода мѣсто есть единственное средство для содержанія семьи. Число людей, живущихъ вмѣстѣ, такъ незначительно, а занятія такъ мало разнообразны, что каждый человѣкъ ясно видитъ собственныя свои средства, и сознаетъ необходимость ждать вакантнаго мѣста, прежде чѣмъ рѣшится завестись семьей. Еслибы, искушаемый обиліемъ находящихся въ его распоряженіи строительныхъ матерьяловъ, онъ вздумалъ самъ построить себѣ жилище, то фермеръ, имѣющій уже достаточное число работниковъ, не дастъ ему мѣста для постройки. Разумѣется, что онъ нашелъ бы себѣ работу на три или на четыре лѣтнихъ мѣсяца, но этого недостаточно для прокормленія семейства въ теченіи всего года. Вѣроятно, въ случаяхъ такого рода, когда желаніе жениться побуждало молодыхъ людей строить хижину и положиться на свое счастіе, приходскіе священники пользовались своею властью, и отказывали имъ въ своемъ согласіи на бракъ.

Вслѣдствіе этого, молодые люди и дѣвушки обязаны жить у фермеровъ въ качествѣ безбрачной прислуги, пока не очистится мѣсто женатыми. Поэтому, число такой безбрачной прислуги, какъ на фермахъ, такъ и въ частныхъ домахъ гражданъ, превышаетъ дѣйствительную необходимость. Раздѣленіе труда въ Норвегіи весьма незначительно. Каждое семейство снабжаетъ себя почти всѣмъ необходимымъ для

домашняго хозяйства. Дома приготовляется нетолько пиво и хлѣбъ, стирается бѣлье, но дѣлается масло и сыръ, бьются быки и бараны для домашняго употребленія, и запасаются бакалейными товарами. Фермеры и вообще всѣ поселяне прядутъ для себя ленъ, ткутъ полотна и сукна. Въ самыхъ большихъ городахъ страны, какъ Христіанія и Дронтгеймъ, нѣтъ ничего похожаго на рынокъ: въ нихъ трудно достать фунтъ свѣжаго мяса, а лѣтомъ нельзя купить фунта свѣжаго масла. Въ извѣстное время года въ нихъ бываютъ ярмарки: на нихъ и закупаются всякаго рода запасы, которые могутъ быть сохранены. Кто не воспользуется такимъ случаемъ, тотъ подвергается большимъ неудобствамъ, ибо рѣдко случается, чтобы товары эти продавались враздробь. Люди, временно посѣщающіе эти города, какъ мелкое купечество, неимѣющее фермъ, сильно жалуются на эти неудобства. Жены купцовъ, владѣющихъ значительными землями, разсказываютъ, что хозяйство норвежскаго семейства до такой степени обширно и сложно, что надзоръ за нимъ требуетъ самаго неусыпнаго вниманія, и поглощаетъ все ихъ время.

Такой порядокъ вещей очевидно предполагаетъ значительное число прислуги. Кромѣ того, говорятъ, что прислуга эта не отличается особенною рачительностью, и что ея требуется больше противъ другихъ странъ для той же работы. Вслѣдствіе этого, въ каждомъ заведеніи въ два или въ три раза больше прислуги, чѣмъ въ Англіи; такъ что фермеръ, внѣшнимъ видомъ не отличающійся отъ простыхъ своихъ работниковъ, содержитъ нерѣдко въ своемъ домѣ до двадцати человѣкъ, считая собственное семейство. Поэтому, въ Норвегіи гораздо больше источниковъ или средствъ для существованія для одинокаго человѣка, чѣмъ для женатаго.

Подъ вліяніемъ такихъ условій, низшіе классы народа не могутъ значительно размножаться; размноженіе ихъ станетъ возможно только тогда, когда торговые капиталы или раздѣленіе и улучшеніе фермъ откроютъ новыя занятія женатымъ работникамъ. Въ странѣ, имѣющей болѣе густое населеніе, тотъ же вопросъ представляется въ болѣе смутномъ видѣ; въ ней каждый воображаетъ, что можетъ разсчитывать на такую же работу, какъ его сосѣдъ, и обольщаетъ себя надеждой, что если ему не повезетъ въ одномъ мѣстѣ, то удастся въ другомъ; а потому, онъ женится, и полагается на свое счастіе. Результатомъ такого самообольщенія нерѣдко бываетъ то, что явившееся, вслѣдствіе этого, излишнее населеніе уничтожается разрушительными препятствіями, нищетой и болѣзнями. Въ Норвегіи число прибывающихъ семействъ, которыя могутъ содержаться новымъ спросомъ на трудъ, рѣзче обозначается. Населеніе до того малочисленно, что даже въ городахъ трудно сдѣлать въ этомъ отношеніи значительную ошибку. По деревнямъ же, если земли раздѣляются или улучшаются, и если за этимъ слѣдуетъ открытіе новыхъ мѣстъ для женатыхъ работниковъ, то это становится всѣмъ извѣстно. Человѣкъ, получающій одно изъ такихъ мѣстъ, женится, и пріобрѣтаетъ средства для содержанія семейства; кто же не можетъ получить его, тотъ остается холостымъ. Поэтому, чрезмѣрное населеніе постоянно предупреждается; оно не является на свѣтъ, какъ въ другихъ странахъ, чтобы тотчасъ же подчиниться дѣйствію разрушающихъ причинъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что вліяніе предупредительныхъ обстоятельствъ, вытекающихъ изъ только что описаннаго мною общественнаго устройства, вмѣстѣ съ затрудненіями, производимыми способомъ пополненія арміи, оказало существенную услугу для улучшенія быта низшихъ классовъ народа въ Норвегіи, и довело ихъ до болѣе высокаго состоянія, чѣмъ на какое можно бы было разсчитывать на основаніи ея климата и почвы. По берегамъ моря, гдѣ средства существованія доставляются рыбной ловлей и гдѣ, поэтому, предупредительныя препятствія дѣйствуютъ съ меньшей силой, тамъ народъ бѣденъ и несчастенъ, и, безъ всякаго сравненія, стоитъ ниже крестьянъ внутри страны.

Бо́льшая часть почвы Норвегіи не можетъ производить хлѣба. Климатъ ея отличается внезапными и вредными перемѣнами. Жители въ особенности боятся въ августѣ мѣсяцѣ трехъ ночей, называемыхъ *жемзными ночами*, которыя иногда уничтожаютъ надежды на самую прекрасную жатву. Въ такомъ случаѣ народъ страдаетъ; но такъ какъ въ странѣ

вовсе почти нѣтъ независимыхъ работниковъ, за исключеніемъ женатыхъ, о которыхъ мы говорили выше, всегда имѣющихъ скотъ, то если имъ и случается примѣшивать къ мукѣ сосновую кору, то неудобство это выкупается употребленіемъ сыра, просоленнаго масла, солонины, соленой рыбы и свинаго сала, заготовляемыхъ ими для зимняго продовольствія. Недостатокъ хлѣба сильнѣе всего ощущается ими за два мѣсяца передъ жатвой; но въ это время коровы ихъ даютъ имъ молоко. Самыя бѣдныя семейства обыкновенно имѣютъ двѣ или три коровы; и это служитъ для нихъ важнымъ подспорьемъ, въ особенности для дѣтей. Въ лѣто 1799 норвежцы пользовались, повидимому, довольствомъ и изобиліемъ, между тѣмъ какъ сосѣди ихъ, шведы, умирали съ голоду. Я замѣтилъ, между прочимъ, что маленькіе сыновья фермеровъ и ихъ женатыхъ работниковъ были сытѣе, сильнѣе, имѣли болѣе толстыя ноги, чѣмъ мальчики того же возраста и того же класса общества въ Англіи.

Несомнѣнно, тому же вліянію предупредительныхъ препятствій и здоровому воздуху обязана Норвегія такою незначительною смертностью. Ни въ почвѣ, ни въ климатѣ ея нѣтъ ничего особеннаго, чему можно было бы приписать такое благопріятное дѣйствіе на здоровье. Какъ во всякой другой странѣ, наибольшая смертность существуетъ въ ней между дѣтьми; но, по причинѣ незначительнаго вообще числа дѣтей въ Норвегіи, и смертность между ними должна быть менѣе въ ней, чѣмъ въ какой либо другой странѣ, пользующейся одинаковымъ съ нею климатомъ.

Мнѣ могутъ замѣтить, и весьма справедливо, что одна изъ главныхъ причинъ, уменьшающихъ смертностью въ Норвегіи, состоитъ въ незначительномъ числѣ городовъ въ этой странѣ; существующіе же въ ней города невелики, и въ нихъ мало людей употребляется на убійственныхъ для здоровья фабрикахъ. И въ другихъ странахъ существуютъ деревни, исключительно занимающіяся земледѣліемъ, въ которыхъ предупреждающія препятствія дѣйствуютъ съ меньшею силой, чѣмъ въ Норвегіи, и въ которыхъ смертность, тѣмъ неменѣе, столь же незначительна. Но не слѣдуетъ забывать, что небольшою

смертностью будутъ отличаться въ такомъ случаѣ только эти деревни, между тѣмъ какъ въ Норвегіи отношеніе 1 къ 48 существуетъ для всей страны. Излишнее населеніе деревень постоянно выселяется въ города, такъ что умершіе изъ наибольшаго числа родившихся въ деревняхъ не показываются въ приходскихъ книгахъ послѣднихъ. Въ Норвегіи, напротивъ того, книги деревенскихъ приходовъ показываютъ все число умирающихъ, и еслибы родилось въ ней больше людей, чѣмъ сколько можетъ прокормить страна, то за этимъ неизбѣжно послѣдовала бы бо́льшая смертность въ томъ или другомъ видѣ. Еслибы населеніе спаслось отъ болѣзней, то оно не было бы пощажено голодомъ. Всѣмъ извѣстно, что недостаточная или дурная пища порождаетъ болѣзни въ самыхъ здоровыхъ и благословенныхъ странахъ. Поэтому, при предположеніи, что не было никакихъ выселеній изъ страны, а внутри ея не было открыто никакихъ необыкновенныхъ источниковъ продовольствія, только великая сила предупредительныхъ обстоятельствъ можетъ быть причиной меньшей смертности въ Норвегіи, чѣмъ во всѣхъ прочихъ странахъ, какимъ бы благопріятнымъ климатомъ онѣ ни пользовались, и какъ бы здоровы ни были обычныя занятія народа.

Въ прежнія времена Норвегія раздѣлена была на весьма обширные участки или фермы, которые назывались *горами*. Такъ какъ по существующимъ законамъ, наслѣдства дѣлятся въ ней на ровныя части между братьями, то слѣдуетъ удивляться, что поземельная собственность не разбилась на меньшіе еще участки. Это подтверждаетъ медленный ростъ населенія. Многіе изъ такихъ первоначальныхъ участковъ раздѣлились на полу-горы и на четверть-горы; нѣкоторые же—на болѣе мелкія части. Вообще же, послѣ смерти отца семейства, особая комисія описываетъ его земли, и оцѣниваетъ ихъ весьма низко. Если по сдѣланной оцѣнкѣ, старшій сынъ въ состояніи выплатить меньшимъ и сестрамъ* приходящуюся на ихъ долю часть, заложивъ ли землю или какимъ либо другимъ

* Часть дочери составляетъ половину противъ части сына.
Прим. автора.

способомъ, то къ нему поступаетъ все имѣніе. Вслѣдствіе силы привычки и безпечности, онъ ведетъ свое хозяйство, какъ вели его отцы, и обыкновенно не производитъ никакихъ улучшеній.

Существуетъ въ Норвегіи другое важное препятствіе для улучшенія земель. Это—законъ, называемый *правомъ Оделя*, по которому всякій прямой наслѣдникъ можетъ выкупить землю, вышедшую изъ рода, внеся заплоченную за нее сумму. Въ прежнія времена право это простиралось и на боковыя линіи, а срока для выкупа не полагалось; такъ что покупатель никогда не могъ считать себя собственникомъ пріобрѣтенной земли. Впослѣдствіи назначенъ былъ двадцатилѣтній срокъ для такого выкупа. Въ 1771 срокъ этотъ сокращенъ до десяти лѣтъ, а у боковыхъ наслѣдниковъ отнято право выкупа. Но срокъ этотъ не былъ окончательнымъ, ибо если въ теченіи этого времени наслѣдникъ, имѣющій право выкупа, заявитъ человѣку, купившему имѣніе, что онъ удерживаетъ за собою право, хотя и не можетъ еще имъ воспользоваться, то нужно еще шесть лѣтъ владѣнія, чтобы покупщикъ окончательно освободился отъ всякаго обязательства возвратить имѣніе. Къ этому слѣдуетъ еще присовокупить, что по прямой линіи старшій сохраняетъ право на имѣніе, выкупленное меньшимъ. Законы эти, хотя и исправленные, представляютъ большое препятствіе для улучшенія земель; а до ихъ измѣненія, когда выкупъ можно было производить во всякое время, и когда тѣмъ неменѣе, продавалось много земель, законы эти рѣшительно не дозволяли никакихъ улучшеній. Этого достаточно для объясненія, почему впродолженіи столькихъ вѣковъ населеніе такъ слабо возрастало въ Норвегіи.

Еще одно обстоятельство останавливаетъ обработку земель и успѣхи земледѣлія. Это—опасенія лѣсопромышленниковъ, чтобы не были истреблены лѣса. Когда имѣніе дѣлится между дѣтьми и внуками, то каждый изъ нихъ имѣетъ одинакое право на лѣсъ, и каждый старается повалить столько деревьевъ, сколько можетъ; вслѣдствіе этого, деревья вырубаются прежде, чѣмъ сдѣлаются годны для построекъ, и лѣса

портятся. Для предупрежденія такой потери, лѣсопромышленники закупаютъ большія пространства, покрытыя лѣсомъ, подъ условіемъ, что фермы не будутъ дѣлиться и заводить новыхъ построекъ для женатыхъ работниковъ, или, по крайней мѣрѣ, что если онѣ и разобьются, то не имѣютъ права на лѣсъ. Говорятъ, что лѣсопромышленники, заключающіе такіе договоры, не настаиваютъ на строгомъ ихъ выполненіи, лишь бы только мелкіе фермеры и работники не требовали лѣса для своихъ построекъ. Впрочемъ, крупные фермеры, продающіе обширные лѣса, обязаны закономъ сохранить за собой право пасти въ лѣсахъ свои стада, рубить дрова и валить деревья на постройку своихъ домовъ и на ихъ исправленіе.

Участокъ земли, окружающій жилище женатаго работника, можетъ быть огороженъ для обработки неиначе, какъ подъ двумя условіями: во первыхъ, требуется позволеніе владѣльца лѣса, которое бы свидѣтельствовало, что участокъ не годенъ для производства строеваго лѣса, а во вторыхъ, позволеніе мѣстной власти, вѣроятно, для подтвержденія и повѣрки дозволенія собственника.

Но и независимо отъ этихъ искуственныхъ условій, сама природа представляетъ неодолимыя препятствія, дѣлающія невозможнымъ, чтобы земледѣліе и населеніе этой страны соотвѣтствовали ея протяженію. Хотя норвежцы и не кочевой народъ, тѣмъ неменѣе, они, до нѣкоторой степени, не вышли еще изъ пастушескаго быта: существованіе ихъ находится въ большой зависимости отъ ихъ стадъ. Возвышенныя мѣста у подножія горъ не могутъ производить хлѣба; единственное употребленіе, какое можно сдѣлать изъ нихъ, это пасти на нихъ скотъ впродолженіи трехъ или четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Вслѣдствіе этого, фермеры посылаютъ на нихъ свои стада на это время года подъ присмотромъ нѣсколькихъ человѣкъ отъ фермы. Тамъ они приготовляютъ масло и сыръ, какъ для продажи, такъ и для собственнаго потребленія. Главное затрудненіе состоитъ для нихъ въ прокормленіи скота въ продолжительное зимнее время; для этого имъ необходимо отводить значительную часть лучшихъ сво-

ихъ земель подъ луга для полученія сѣна. Если они обратятъ много земли подъ хлѣбныя поля, то должны соотвѣтственно уменьшить число своихъ стадъ, вслѣдствіе чего, большая часть нагорныхъ земель становится для нихъ рѣшительно безполезной. А въ такомъ случаѣ еще подлежитъ сомнѣнію, могла ли бы страна прокормить болѣе значительное населеніе.

Несмотря на эти препятствія, Норвегіи тѣмъ неменѣе предстоитъ много еще улучшеній, и въ этомъ отношеніи страна сдѣлала весьма значительные успѣхи въ послѣднее время. Я слышалъ въ Копенгагенѣ отъ одного профессора, что въ Норвегіи земледѣліе замедляется главнымъ образомъ недостаткомъ фермеровъ, которые стояли бы выше простыхъ крестьянъ, и которые подавали бы имъ примѣръ лучшей обработки земли и отказались бы отъ слѣпой рутины, передающейся изъ поколѣнія въ поколѣніе между крестьянами. То, что я видѣлъ въ Норвегіи, подаетъ надежду, что на будущее время такія препятствія будутъ имѣть все меньшее вліяніе: многіе весьма образованные негоціанты и чиновные люди лично управляютъ своими имѣніями. Вокругъ Христіаніи земледѣліе сдѣлало весьма замѣтные успѣхи; даже въ окрестностяхъ Дронтгейма введены искуственные луга, имѣющіе весьма важное значеніе въ странѣ, требующей такихъ обильныхъ запасовъ сѣна на зиму. Воздѣлываніе картофеля распространено почти всюду; употребленіе этого растенія дѣлается съ каждымъ днемъ повсемѣстнымъ, хотя въ нѣкоторыхъ захолустьяхъ народъ относится еще съ недовѣріемъ къ этой пищи.

Раздѣленіе фермъ въ послѣднее время случалось рѣже, чѣмъ въ предшествующіе годы; а какъ Норвегія не имѣетъ достаточнаго сбыта для поощренія широкой обработки обширныхъ фермъ, то раздѣленіе послѣднихъ вообще содѣйствовало улучшенію земель. Люди, знакомые съ дѣломъ, говорятъ, что вообще земледѣліе въ Норвегіи съ нѣкотораго времени дѣлаетъ успѣхи. Приходскія книги показываютъ, что и народонаселеніе слѣдовало тѣмъ же путемъ, и даже быстрѣе: среднимъ числомъ за десять лѣтъ между 1771 и 1784, на 100 умершихъ приходилось 141 родившихся. Но такое отношеніе

было, повидимому, слишкомъ велико, ибо въ слѣдующій, 1785 годъ, голодъ и болѣзни унесли болѣе людей, чѣмъ сколько ихъ родилось. Въ слѣдующіе четыре года, особенно въ 1789, избытокъ родившихся былъ незначителенъ, но въ послѣдующія пять лѣтъ, отъ 1789 по 1794, число родившихся къ числу умершихъ относилось почти какъ 150 къ 100 *.

Многіе свѣдующіе и здравомыслящіе люди выражаютъ опасенія, какъ по этому поводу, такъ и относительно новыхъ законовъ о пополненіи арміи и всей вообще правительственной датской системы, склоняющейся, повидимому, ко всевозможному поощренію размноженія населенія. Съ 1785 въ Норвегіи не было особенно сильнаго неурожая. Но еслибы случился неудачный годъ, то опасаются непомѣрной смертности вслѣдствіе столь быстраго размноженія.

Я полагаю, что Норвегія есть единственная страна Европы, въ которой путешественникъ услышитъ опасенія чрезмѣрнаго населенія и въ которой сознаютъ опасность, грозящую въ такомъ случаѣ низшимъ классамъ народа. Это очевидно происходитъ отъ того, что населеніе страны весьма ма незначительно, а потому, все, касающееся этого вопроса, не ускользаетъ отъ всеобщаго вниманія. Если сосредоточить вниманіе на одномъ только приходѣ, при предположеніи, что выселеніе изъ него невозможно, то самый неопытный наблюдатель вскорѣ замѣтилъ бы, что еслибы всѣ люди, достигающіе двадцати лѣтъ, заводились бы семьей, то фермеры не были бы въ состояніи, несмотря ни на какія улучшенія, до-

---

* Таарупъ, *Statist. der Daenis. monarchie*, т. II, стр. 4. По обнародованной впослѣдствіи *Статистической таблицѣ датскаго государства*, общее число родившихся въ пять лѣтъ, послѣ 1794 года, было 138,799, умершихъ 94,530, а число браковъ 34,313. Числа эти даютъ для отношенія между родившимися и умершими, какъ 146 ко 100, родившихся къ числу браковъ, какъ 4 къ 1, и умершихъ къ числу браковъ, какъ 275 ко 100. Среднее число ежегодныхъ рожденій 1 на 35, а умирающихъ 1 изъ 49. Прим. автора.

По свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ *Сравнительной статистикѣ* Кольба (т. II, стр. 192), приводимая выше цифра соотвѣтствуетъ 1845 году; по переписи же 1855, населеніе Норвегіи показано въ 1,490,786. Рус. перев.

ставить работу и средства существованія всѣмъ лицамъ, достигающимъ зрѣлаго возраста. Но если разсматривать великое множество приходовъ, связанныхъ другъ съ другомъ и составляющихъ большое и населенное государство, то, по обширности предмета и по возможности перемѣнять мѣстопребываніе, сужденія наши необходимо должны быть смутны и неопредѣленны. Въ такомъ случаѣ, самая очевидная истина можетъ отвергаться, и породить странное и непослѣдовательное мнѣніе, будто бы вся страна въ состояніи прокормить большее число жителей, чѣмъ всѣ отдѣльныя ея части, каждая порознь *.

ГЛАВА II. — О препятствіяхъ для размноженія населенія въ Швеціи.

Положеніе Швеціи во многихъ отношеніяхъ сходно съ положеніемъ Норвегіи. Подобно тому какъ въ послѣдней, значительная часть населенія занимается земледѣліемъ; во многихъ мѣстностяхъ женатые работники, работающіе на фермахъ, надѣляются, какъ въ Норвегіи, опредѣленнымъ участкомъ земли для своего прокормленія, а молодые люди и дѣвушки живутъ въ семействахъ фермеровъ въ качествѣ при-

* По слабости своего населенія и по замкнутости своихъ границъ, Исландія могла бы представить любопытный примѣръ въ подтвержденіе общаго закона. Въ моемъ распоряженіи находится только нежденіе общаго закона. Въ моемъ распоряженіи находится только небольшая замѣтка, доставленная мнѣ моимъ другомъ Бонштетеномъ. Хотя она и недостаточна для упомянутой цѣли, тѣмъ неменѣе, я считаю своимъ долгомъ привести эти данныя для политико-экономовъ.

Въ 1703 населеніе Исландіи состояло изъ 50,444 душъ; въ 1785 на островѣ считалось 17,848 мужчинъ и 22,775 женщинъ, всего 40,623 человѣка; а именно:

отъ 1 года до 10	3996	отъ 60 лѣтъ до 70	1414
10 лѣтъ 20	4750	70 80	497
20 30	3630	80 90	69
30 40	3145	90 100	2
40 50	2637	неизвѣстныхъ лѣтъ	194
50 до 60	2441	всего	22775

Число обрабатываемыхъ фермъ было 4,440; число оставленныхъ 776. Рогатаго скота числилось 17,567, овецъ 107,926, лошадей 12,786.

Фран. перев.

слуги. Но обычай этотъ не такъ строго соблюдается, и менѣе распространенъ въ Швеціи, чѣмъ въ Норвегіи. Вслѣдствіе этого, а также по причинѣ бо́льшаго пространства и населенія страны, болѣе значительныхъ городовъ и бо́льшаго разнообразія въ занятіяхъ, предупреждающія препятствія для сдержанія населенія дѣйствуютъ съ меньшей силой, а разрушительныя оказываютъ сильнѣйшее дѣйствіе; другими словами — смертность въ Швеціи болѣе значительна.

На основаніи записки Варгентина, помѣщенной въ *Краткихъ отчетахъ Стокгольмской королевской академіи наукъ*, средняя смертность для всего населенія Швеціи за девять лѣтъ до 1763, составляетъ отношеніе 1 къ $34^{3}/_{4}$. Варгентинъ доставилъ доктору Прайсу продолженіе этихъ таблицъ, по которымъ средняя цифра за 21 годъ даетъ отношеніе 1 къ $34^{3}/_{5}$, весьма близкое къ предъидущему *. Такая смертность, безъ сомнѣнія, весьма значительна для страны, въ которой такой значительный процентъ населенія занимается земледѣліемъ. По таблицамъ для Швеціи Канцлера, городское населеніе къ сельскому относится, какъ 1 къ 13 **, между тѣмъ какъ въ густо населенныхъ странахъ отношеніе это нерѣдко бываетъ, какъ 1 къ 3, а иногда и меньше. Поэтому, сильная смертность въ городахъ не можетъ имѣть особеннаго вліянія на общую смертность въ странѣ.

Средняя смертность по деревнямъ, по свидѣтельству Зюсмильха, составляетъ 1 изъ 40. Въ Пруссіи и Помераніи, въ которыхъ много большихъ и нездоровыхъ городовъ, и въ которыхъ городское населеніе къ сельскому относится, какъ 1 къ 4, смертность составляетъ менѣе какъ 1 изъ 37 ***. Я упоминалъ уже, что въ Норвегіи она не болѣе 1 изъ 48, и по-

* Прайса, *Observations on reversible payments*, т. II, стр. 126.

** *Mémoires pour servir à la connaissance des affaires politiques et économiques du royaume de Suède*, гл. VI. Сочиненіе это считается весьма добросовѣстнымъ по сообщаемымъ свѣдѣніямъ, и высоко цѣнится въ Стокгольмѣ. Прим. автора.

Факты и цифры, приводимые въ этой главѣ, почерпнуты главнымъ образомъ изъ этого сочиненія.

*** Зюсмильха, *Göttliche Ordnung*, т. I, гл. II.

тому, несравненно меньше, чѣмъ въ Швеціи, хотя отношеніе въ ней городскаго населенія къ сельскому городо больше*. Правда, что въ Швеціи города многолюднѣе и нездоровѣе, но мы не имѣемъ права предположить, чтобы и деревни ея были менѣе благопріятны для продолжительной жизни. Горы въ Норвегіи вообще не населены; населены однѣ только долины; послѣднія представляютъ большею частью глубокія и узкія ущелья, въ которыхъ воздѣлывается только самая ложбина, окаймляемая высокими остроконечными скалами, на многіе часы перехватывающими солнечные лучи: такое мѣстоположеніе, повидимому, должно быть менѣе здорово, чѣмъ почва Швеціи, болѣе открытая и сухая**.

Смертность въ Швеціи нельзя, поэтому, объяснить иначе, какъ предположеніемъ, что обычаи народа и поощренія правительства чрезмѣрно размножили населеніе, а потому, породили болѣзни, составляющія неизбѣжное слѣдствіе бѣдности и дурной пищи. Наблюденіе, повидимому, подтверждаетъ такое предположеніе.

Швеція не производитъ достаточно пищи для прокормленія своего насенія; ежегодный недостатокъ хлѣба, по вычисленію за періодъ съ 1768 по 1772, простирается до 400,000 тоннъ. Почти такое его количество ввозится изъ за границы, сверхъ значительнаго количества свинины, масла и сыру.

Полагаютъ, что въ Швеціи на приготовленіе вина употребляется болѣе 400,000 тоннъ хлѣба. Когда правительство запретило винокуреніе, то цифра ввоза нѣсколько уменьшилась*; но она незначительно увеличивалась въ неурожайные годы, которые, какъ извѣстно, случаются въ ней довольно часто. Въ самые благопріятные годы, въ которые дозволено было винокуреніе, говорятъ, что ввозилось обыкновенно 380,000 тоннъ. Изъ этого слѣдуетъ, что шведы потребляютъ то, что производится въ урожайные года, да сверхъ того, еще 400,000 тоннъ, и что въ неурожайные года потребленіе уменьшается почти на все недостающее количество урожая. Масса народа вообще слишкомъ бѣдна, чтобы покупать прежнее количество хлѣба, когда цѣна послѣдняго сильно повысится. Поэтому, сбытъ хлѣба не увеличивается на столько, чтобы побудить хлѣбопромышленниковъ ввозить его въ болѣе значительномъ количествѣ. Недостатокъ третьей и четвертой части всей жатвы побуждаетъ работника довольствоваться почти тремя четвертями или двумя третями того количества хлѣба, которое онъ потреблялъ прежде, а недостающую часть пополнять какимъ нибудь другимъ питательнымъ веществомъ, къ которому онъ прибѣгаетъ по необходимости. Я сказалъ почти, ибо трудно предположить, чтобы въ неурожайные годы не ввозилось хлѣба нѣсколько больше, хотя свѣдѣнія, приводимыя Канцлеромъ, и не указываютъ на это. По этимъ свѣдѣніямъ, наибольшій ввозъ былъ въ 1768, и составлялъ 590,265 тоннъ хлѣба. Но и этотъ наибольшій ввозъ только на 150,000 превосходитъ среднее количество недостающаго хлѣба. Но какое же значеніе могутъ имѣть эти 150,000 тоннъ въ случаѣ недобора четвертой или третьей части всей жатвы? Да и весь ввозъ, сравнительно съ такимъ недостаткомъ, имѣетъ ничтожное значеніе.

Населеніе Швеціи въ то время, какъ писалъ Канцлеръ,

---

* Тааруна, *Statist. der Daenisch. Monarchie*, т. II, табл. II.

** Многія изъ этихъ долинъ въ высшей степени живописны. Главная дорога изъ Христіаніи въ Дронтгеймъ идетъ около 180 англійскихъ миль по такой долинѣ, вдоль прелестной рѣки, въ одномъ мѣстѣ разливающейся и образующей большое озеро Миссенъ. Я думаю, что во всей Европѣ нѣтъ рѣки, которая представляла бы такой непрерывный рядъ прелестныхъ видовъ. Рѣка принимаетъ въ различныхъ мѣстахъ различныя названія. Въ долинахъ зелень отличается удивительною мягкостью, деревья густо покрыты листьями, и лѣтомъ ничто не напоминаетъ суроваго сѣвернаго климата.

Прим. автора.

* Я нигдѣ не нашелъ точной мѣры шведской тонны. Она нѣсколько меньше англійскаго куля (sack) или полуквартера. Прим. автора.

Квартеръ равенъ 2,9 гектолитрамъ, полуквартеръ 1,45 гектолитрамъ. Въ Швеціи существуетъ двѣ тонны (*tunna*): одна равна 1,465 гект., другая 1,258 гектол. См. *Diction. du com. et des march.*, ст. *Londres* et *Stockolm*. Гарнье.

Англійскій квартеръ почти равенъ 11 рус. четверикамъ.

Рус. перев.

составляло около двухъ съ половиной мильоновъ. Онъ разсчитываетъ на каждаго человѣка по четыре тонны. По такому разсчету, Швеція потребляетъ ежегодно до десяти мильоновъ тоннъ. Четыреста или пятьсотъ тысячъ составляютъ ничтожное количество сравнительно съ недостающими двумя съ половиною или тремя мильонами. А если принять въ разсчетъ только разность между среднимъ и чрезвычайнымъ ввозомъ, то Швеція очевидно получаетъ весьма незначительное пособіе отъ иностраннаго хлѣба въ неурожайные годы. Вслѣдствіе такого порядка вещей, различіе между урожайными и неурожайными годами должно быть весьма чувствительно для Швеціи.

Ничего нѣтъ, поэтому, удивительнаго въ одномъ замѣчаніи по этому вопросу Варгентина, столько же любопытномъ, какъ и поучительномъ. По приходскимъ книгамъ Швеціи онъ замѣтилъ, что число раждающихся, сочетающихся бракомъ и умирающихъ то возрастаетъ, то понижается, смотря по обильной или скудной жатвѣ. Изъ девяти лѣтъ, вошедшихъ въ его таблицы, онъ избираетъ для примѣра слѣдующія:

		Браковъ.	Родившихся.	Умершихъ.
Неурожайные годы. .	1757	18,799	81,878	68,054
	1758	19,584	83,299	74,370
Урожайные годы. . .	1759	23,210	85,579	62,662
	1760	23,383	90,635	60,083

Въ 1760 число родившихся къ числу умершихъ относилось, какъ 15 къ 10, между тѣмъ какъ въ 1758 отношеніе это было, какъ 11 къ 10. Изъ сравненія таблицъ всего населенія за 1757 и 1760, составленныхъ Варгентиномъ, оказывается, что въ 1760 число браковъ ко всему населенію относилось, какъ 1 къ 101, а въ 1757, только какъ 1 къ 124. Въ 1760 число умершихъ относилось ко всему населенію, какъ 1 къ 39, въ 1757, какъ 1 къ 32, а въ 1758, какъ 1 къ 31.

Говоря о смертности въ Швеціи, Варгентинъ замѣчаетъ, что въ годы, отличавшіеся болѣзнями, умираетъ ежегодно 1 изъ 29, а въ здоровые — одинъ изъ 39; и что среднее отношеніе для смертности можно принять, какъ 1 къ 36. Но выводъ этотъ, кажется, невѣренъ, ибо среднее число между 29 и 39 равно 34; да и таблицы, обнародованныя самимъ авторомъ, не допускаютъ отношенія 1 къ 36, и даютъ его почти какъ 1 къ $34\frac{3}{4}$.

Среднее число ежегодно заключаемыхъ браковъ относится ко всему населенію почти какъ 1 къ 112. Оно колеблется между двумя крайними отношеніями: 1 къ 101 и 1 къ 124, смотря по вѣроятности, представляемой каждымъ годомъ для прокормленія семьи. Впрочемъ, колебанія этого отношенія вѣроятно весьма значительнѣе, ибо приведенныя цифры выведены изъ таблицъ всего за девять лѣтъ.

Въ другомъ мемуарѣ, помѣщенномъ Варгентиномъ въ томъ же сборникѣ, онъ повторяетъ замѣчаніе, что въ Швеціи годы, отличающіеся особеннымъ изобиліемъ хлѣба, отличаются и большимъ числомъ раждающихся дѣтей.

Еслибы и въ другихъ странахъ собирались точныя свѣдѣнія, то вѣроятно и въ нихъ замѣтили бы такія же колебанія, хотя и менѣе значительныя *. Что же касается до Швеціи, то колебанія эти доказываютъ, что населеніе ея имѣетъ сильное стремленіе къ размноженію; что оно не только быстро идетъ за размноженіемъ средствъ существованія, но стоитъ только послѣднимъ случайно и временно усилиться, чтобы и населеніе тотчасъ же увеличилось въ такихъ же размѣрахъ: а изъ этого слѣдуетъ, что оно постоянно переходитъ за естественные свои предѣлы, и потому, насильственно приводится къ нимъ періодическимъ возвращеніемъ недостатка въ продовольствіи, недостатка, пораждающаго самую крайнюю нужду, за которой слѣдуютъ болѣзни.

Несмотря на это постоянное и поразительное стремленіе къ размноженію за естественныя границы, правительство (странное дѣло) и всѣ люди, занимающіеся въ Швеціи политиче-

* Это подтверждается обнародованными выписками изъ приходскихъ книгъ Англіи. 1795 и 1800 годы представляютъ замѣтное уменьшеніе числа браковъ и родившихся, и въ то же самое время значительное увеличеніе числа умершихъ. Прим. автора.

ской экономіей, стремятся къ одной только цѣли—еще сильнѣе поощрять населеніе къ размноженію. Канцлеръ говоритъ, что шведское правительство, не имѣя возможности вызвать колоніи иностранцевъ, ни увеличить, по своему произволу, числа рожденій, съ 1748 прибѣгало ко всѣмъ средствамъ, находящимся въ его распоряженіи для увеличенія населенія. Предположимъ на одну минуту, что правительство имѣетъ возможность пригласить иностранныхъ поселенцевъ, и что оно можетъ по своему произволу увеличить число рожденій; что же послѣдовало бы за этимъ? Если иностранные колонисты не введутъ новой системы обработки, то имъ придется умереть съ голоду, или увеличить число шведовъ, погибающихъ отъ недостатка продовольствія. Если же возрастетъ число раждающихся, то таблицы Варгентина, по моему мнѣнію, служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что это только усилитъ смертность. Можетъ случиться даже, что послѣдуетъ скорѣе уменьшеніе, чѣмъ увеличеніе всего населенія, ибо повальныя болѣзни, пораждаемыя дурной пищей и густымъ населеніемъ, невсегда останавливаются въ ту минуту, какъ уничтожатъ все излишнее населеніе, но уносятъ иногда весьма значительную часть того, которое могло бы быть безъ затрудненія прокормлено страной.

Въ странахъ, лежащихъ въ сѣверныхъ широтахъ, главныя земледѣльческія работы необходимо должны быть исполнены въ короткій промежутокъ времени. Въ лѣтніе мѣсяцы неизбѣжно долженъ чувствоваться недостатокъ рукъ. Но не слѣдуетъ смѣшивать такого временнаго спроса на трудъ съ дѣйствительнымъ и необходимымъ требованіемъ, которое должно доставить работу и содержаніе работнику впродолженіи цѣлаго года, а не на два или на три лѣтніе мѣсяца. При обыкновенныхъ условіяхъ, населеніе Швеціи постояно и вполнѣ удовлетворяетъ такому дѣйствительному спросу; такъ что всякое новое предложеніе, въ случаѣ прилива иностранцевъ или увеличенія числа родившихся, только увеличитъ общую бѣдность и страданія.

Многіе шведскіе писатели говорятъ, что въ Швеціи извѣстное число работниковъ въ данное число дней производитъ

третью часть работъ, исполняемыхъ работниками въ другихъ странахъ, и этимъ объясняютъ отсталое состояніе народной промышленности. Постороннему человѣку довольно трудно судить о такомъ обвиненіи; но мнѣ кажется, что въ такомъ случаѣ приходится сѣтовать не на недостаточное трудолюбіе народа, а на свойства почвы и климата. Впродолженіи значительной части года дѣятельность населенія неизбѣжно ослабляется суровымъ климатомъ; затѣмъ, впродолженіи тѣхъ мѣсяцевъ, въ которые они могутъ заниматься земледѣльческими работами, дурныя качества почвы и большое протяженіе поверхности, воздѣлываемой для даннаго произведенія, требуютъ сравнительно бо̀льшаго количества труда. Въ Англіи, всякій знаетъ, обширная ферма съ плохой землей требуетъ несравненно больше расходовъ для полученія извѣстнаго количества произведеній, чѣмъ небольшая ферма съ превосходной почвой; но нельзя отрицать, что почва Швеціи, говоря вообще, мало плодородна.

Я проѣхалъ по западному берегу Швеціи; потомъ, возвращаясь изъ Норвегіи, я проѣхалъ поперегъ страны до Стокгольма; отсюда я отправился по восточному берегу почти до самой Финляндіи. Я долженъ сказать, что мое путешествіе вовсе не подтвердило тѣхъ жалобъ на недостатокъ народнаго трудолюбія, о которомъ я слышалъ ранѣе. Насколько я могу судить, мнѣ весьма рѣдко попадались такіе участки земли, которые воздѣлывались бы и въ Англіи; но я безспорно встрѣтилъ множество участковъ, по которымъ въ Англіи ни въ какомъ случаѣ не прошли бы плугомъ: земли, о которыхъ я говорю, представляютъ почву, заваленную на каждыхъ пятнадцати или тридцати шагахъ громадными глыбами камня или скалами, вокругъ которыхъ слѣдовало проходить плугомъ или подымать и переносить его. Прибѣгаютъ обыкновенно къ тому или другому способу, смотря по величинѣ препятствія. Плугъ употребляется весьма легкій, и въ него впрягаютъ всего одну лошадь. При паханьи между кореньями и небольшими глыбами, плугъ переносятъ черезъ нихъ; человѣкъ, держащій рога плуга, чрезвычайно ловко дѣлаетъ это движеніе, вовсе не останавливая или едва останавливая лошадь.

*

Что касается до земель, покрытыхъ лѣсомъ, то норвежцевъ и шведовъ справедливо упрекаютъ въ слишкомъ поспѣшной ихъ разработкѣ, и въ пренебреженіи къ выгодамъ, которыя могутъ быть ими доставлены. Вслѣдствіе такого пренебреженія, ради хорошей жатвы ржи, доставляемой удобреніемъ золою, сожигаютъ деревья, губятъ превосходные лѣса, и нерѣдко дѣлаютъ почву безполезной для какого бы то ни было произведенія. Собравъ рожь, въ поле пускаютъ обыкновенно скотъ, который кормится взошедшей на немъ травою, и если почва хороша, то, выбивая сосновые отпрыски, не позволяетъ лѣсу снова подняться; но если она дурна, то скотъ не остается на ней, и тогда вѣтромъ заносятся на нее сѣмена съ сосѣднихъ деревьевъ, и поле покрывается густымъ кустарникомъ.

Глядя на эти безполезно обработываемые участки, какъ въ Швеціи, такъ и въ Норвегіи, мнѣ невольно пришло въ голову нѣсколько соображеній о древнемъ населеніи этихъ странъ. Населеніе это, по совершенно инымъ причинамъ, едва ли превосходило то, которое существуютъ въ настоящее время; внѣшній видъ обнаженной земли скорѣе говоритъ въ пользу противуположнаго предположенія, такъ что врядъ ли почва, покрытая въ настоящее время лѣсами, тысячу лѣтъ тому назадъ могла воздѣлываться. Войны, чума и самый разрушительный бичъ, тираническое правительство, могли оказать свое дѣйствіе и уничтожить населеніе естественною смертью или выселеніемъ. Достаточно двадцати или тридцати лѣтъ нерадѣнія, чтобы совершенно измѣнить внѣшній видъ Швеціи и Норвегіи. Мысли эти невольно пришли мнѣ въ голову въ настоящемъ случаѣ, но читателю уже извѣстно, что я не придаю имъ особеннаго значенія и не имѣю притязанія на ихъ вѣроятность.

Возвращаясь къ земледѣлію въ Швеціи, я замѣчу, что независимо отъ неудовлетворительности народнаго труда, въ политическихъ учрежденіяхъ страны существуютъ условія, препятствующія естественнымъ успѣхамъ земледѣлія; въ странѣ существуетъ еще тягостная барщина, наложенная на нѣкоторыя земли въ пользу коронныхъ владѣній. Почтовыя

сообщенія въ ней безспорно весьма дешевы и удобны для путешественниковъ, но они причиняютъ большіе убытки фермерамъ потерею труда работниковъ и лошадей. Люди, занимающіеся политической экономіей въ Швеціи, разсчитали, что трудъ, сохраненный отмѣной почтовой системы, ежегодно доставилъ бы 300,000 тоннъ хлѣба. Огромное разстояніе рынковъ въ Швеціи и потеря времени и труда, составляющая почти неизбѣжное слѣдствіе такого обстоятельства, причиняетъ тоже много убытковъ. Если шведскаго крестьянина нельзя упрекнуть въ недостаткѣ трудолюбія и дѣятельности, то нельзя сказать того же о его развитіи; ему положительно не достаетъ свѣдѣній относительно сѣвооборота или послѣдовательныхъ жатвъ съ одного и того же поля, а также относительно удобреній и другихъ средствъ для исправленія почвы.

Еслибы правительство занялось отстраненіемъ этихъ препятствій, еслибы оно поощряло и направляло трудъ фермера, еслибы оно распространяло здравыя понятія о земледѣліи, то оно сдѣлало бы гораздо больше для народа, чѣмъ учрежденіемъ пятисотъ воспитательныхъ домовъ.

Главныя мѣры, принятыя имъ въ этомъ направленіи, состояли, по мнѣнію Канцлера, въ учрежденіи врачебныхъ заведеній и воспитательныхъ домовъ для подкинутыхъ дѣтей и родильницъ. Врачебныя заведенія, предназначенныя для безплатнаго леченія бѣдныхъ, нерѣдко могутъ быть весьма полезны, и вѣроятно соотвѣтствовали особеннымъ условіямъ, въ которыхъ находится Швеція; но примѣръ больницъ, заведенныхъ съ тою же цѣлью во Франціи, пораждаютъ сомнѣніе, чтобы такого рода заведенія были всегда особенно полезны. Родильные дома, если и производятъ какое нибудь дѣйствіе, то вѣроятно вредное. Воспитательные дома, достигаютъ ли они своей цѣли или не достигаютъ, во всѣхъ отношеніяхъ противорѣчатъ общественному благу. Но я буду имѣть случай разбирать вліяніе такихъ учрежденій въ другой главѣ.

Шведское правительство не ограничилось одними такими учрежденіями; оно обратилось и къ другимъ мѣрамъ ради

поощренія размноженія населенія. Королевскимъ постановленіемъ 1776 хлѣбная торговля получила полную свободу внутри королевства; а въ Сканіи, производящей болѣе хлѣба, чѣмъ сколько его потребляется, вывозъ освобожденъ отъ всякихъ пошлинъ. До этого времени земледѣліе въ южныхъ провинціяхъ задерживалось отсутствіемъ сбыта для хлѣба, вслѣдствіе затрудненій при перевозкѣ и невозможности продать его по какой бы то ни было цѣнѣ. Сѣверныя провинціи до сихъ поръ испытываютъ эти затрудненія, хотя и въ меньшей степени, такъ какъ онѣ никогда не производятъ достаточнаго количества хлѣба для собственнаго продовольствія. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что самое вредное препятствіе для успѣховъ земледѣлія состоитъ въ отсутствіи сообщеній, по которымъ могли бы разливаться произведенія земли; ибо отсутствіе сообщеній принуждаетъ фермера довольствоваться въ урожайные годы цѣнами, значительно ниже среднихъ.

Но, что́ способствовало, быть можетъ, болѣе всего умноженію населенія Швеціи, это уничтоженіе въ 1748 году закона, ограничивавшаго число лицъ для каждаго *гемана* или фермы. Цѣль закона состояла, повидимому, въ принужденіи дѣтей поземельнаго собственника разработывать и воздѣлывать новые участки, такъ какъ думали, что это было лучшее средство для быстраго занятія всѣхъ земель страны; но опытъ показалъ, что дѣти, за отсутствіемъ капиталовъ, необходимыхъ для такихъ предпріятій, принуждены были искать счастія на сторонѣ; вслѣдствіе чего, много, говорятъ, народу выселилось. Теперь отецъ можетъ раздѣлить свою землю на столько участковъ, на сколько заблагоразсудитъ; правительство поощряетъ даже такіе раздѣлы; а если принять во вниманіе, что фермы въ Швеціи такъ велики, что не могутъ быть обработаны трудами одного семейства, то очевидно, что раздѣленіе ихъ было во всѣхъ отношеніяхъ полезно.

Въ 1751 населеніе Швеціи состояло изъ 2,229,661 души. Въ 1799, по цифрамъ, сообщеннымъ мнѣ въ Стокгольмѣ профессоромъ Никандеромъ, занявшимъ мѣсто Варгентина, оно достигло 3,043,731. Такое увеличеніе населенія безспорно весьма значительно; оно произошло вслѣдствіе соотвѣтственнаго умноженія произведеній земли, ибо ввозъ хлѣба не усилился, и нельзя предположить, чтобы средній уровень народнаго благосостоянія понизился*.

Это размноженіе встрѣчало однако періодическія препятствія, останавливавшія или замедлявшія его. По свѣдѣніямъ, находящимся у меня подъ рукой, я не могу сказать опредѣлительно, сколько разъ обнаруживалось такое замедленіе впродолженіи послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, но я могу указать по крайней мѣрѣ на нѣкоторые изъ такихъ періодовъ, неблагопріятныхъ для народонаселенія. Вышеупомянутый мемуаръ Варгентина доказываетъ, что 1757 и 1758 годы были неурожайными, что смертность въ эти годы была выше средней. 1768 годъ, судя по увеличенію ввоза, кажется, тоже былъ неблагопріятнымъ. Добавочныя таблицы, сообщенныя Варгентиномъ доктору Прайсу, показываютъ чрезвычайную смертность въ 1771, 1772 и 1773. Въ 1789 году тоже была значительная смертность, ибо, по свѣдѣніямъ, полученнымъ мною отъ профессора Никандера, годъ этотъ замѣтно измѣняетъ среднее отношеніе родившихся къ умершимъ за двадцать лѣтъ до 1795 года. Отношеніе это, при участіи 1789 года, составляетъ 100 къ 77, а при выключеніи его, 100 къ 75: это весьма значительное измѣненіе, производимое однимъ годомъ на выводъ изъ двадцати лѣтъ. Въ заключеніе этихъ чиселъ, я скажу еще, что 1799 годъ, въ который я посѣтилъ Швецію, долженъ быть однимъ изъ самыхъ неблагопріятныхъ. Въ провинціяхъ, сосѣднихъ съ Норвегіей, крестьяне говорили, что они не запомнятъ такого дурнаго года. Скотъ значительно пострадалъ зимою вслѣдствіе засухи предшествовавшаго лѣта. Въ іюлѣ, за мѣсяцъ до жатвы, значительная часть народа питалась хлѣбомъ изъ сосновой коры и высушеннаго щавелю, безъ всякой примѣси къ нему муки, которая бы увеличила его питательныя свойства. Блѣдный и грустный видъ крестьянъ служилъ яснымъ доказательствомъ

---

* Перепись 1845 дала для Швеціи 3,316,536 душъ. Гарнье.
По переписи 1850 въ Швеціи 3,482,541 душа. Рус. пер.

нездоровыхъ качествъ такой пищи. Хотя много уже было умершихъ, но послѣдствія такихъ условій жизни еще не вполнѣ обнаружились; вѣроятно они разовьются впослѣдствіи въ видѣ какой нибудь повальной болѣзни.

Низшіе классы народа въ Швеціи переносятъ съ удивительнымъ терпѣніемъ такого рода несчастіе. Терпѣніе это можетъ быть объяснено только сознаніемъ, что имъ негдѣ искать помощи, кромѣ своего труда, и увѣренностью, что они подчиняются закону необходимости, а не произволу правительственныхъ лицъ. Выше я сказалъ, что бо́льшая часть женатыхъ работниковъ имѣетъ небольшой участокъ земли. Когда, вслѣдствіе неблагопріятной погоды, имъ не хватаетъ жатвы или падаетъ ихъ скотъ, то они ясно видятъ причину претерпѣваемой ими нужды, и переносятъ ее, какъ рѣшеніе самого Провидѣнія. Всякій готовъ терпѣливо перенесть бѣдствія, представляющіяся слѣдствіемъ естественныхъ законовъ природы. Но если тщеславіе и лицемѣрная заботливость правительства и высшихъ классовъ убѣдитъ низшіе слои народа, путемъ постояннаго вмѣшательства въ его интересы, что народъ получаетъ отъ правительства и богатыхъ людей, въ видѣ благодѣяній, все, чѣмъ онъ только пользуется, то онъ естественно станетъ приписывать имъ и всѣ свои несчастія: тогда нельзя ожидать значительнаго терпѣнія отъ низшихъ классовъ народа. Хотя бы дозволено было, ради предупрежденія бо́льшихъ бѣдствій, подавлять силой насиліе, вызываемое отсутствіемъ терпѣнія, сама непокорность оправдывается, а въ послѣдствіяхъ ея слѣдуетъ обвинить тѣхъ, которые ее вызвали.

Хотя шведы перенесли съ удивительнымъ терпѣніемъ страшный голодъ въ 1799, говорятъ, что послѣдовавшее затѣмъ запрещеніе правительства истреблять хлѣбъ на куреніе вина произвело родъ возстанія. Мѣра эта несомнѣнно имѣла въ виду благо народа; но вызванное ею неудовольствіе служитъ поразительнымъ доказательствомъ различнаго впечатлѣнія, производимаго на народъ бѣдствіемъ, вытекающимъ изъ естественныхъ законовъ природы, и простымъ лишеніемъ, вмѣняемымъ правительствомъ.

Періоды болѣзней, замедлявшіе движеніе народонаселенія въ Швеціи, вообще должны быть, повидимому, приписаны дурной пищѣ, къ которой принуждены были обращаться жители вслѣдствіе неурожаевъ. Неурожайные годы должны производить жестокое бѣдствіе въ народѣ, неимѣющемъ никакихъ запасовъ ни въ избыткѣ продовольствія, предназначеннаго къ вывозу, ни въ обильной обычной долѣ продовольствія, получаемаго работниками, которые могли бы сдѣлать какое нибудь сбереженіе: вслѣдствіе этого, страна населена обыкновенно такъ густо, какъ это дозволяется среднимъ урожаемъ, такъ что въ случаѣ недостаточной жатвы, народъ остается въ безпомощномъ состояніи. Такой порядокъ вещей служитъ очевиднымъ доказательствомъ, что если Швеція можетъ прокормить отъ девяти до десяти мильоновъ населенія, какъ полагаютъ политико-экономы этой страны, то цѣль эта можетъ быть достигнута только такими средствами, которыя заставили бы почву доставлять количество произведеній, необходимое для такого населенія. Какъ только это будетъ достигнуто, то можно быть увѣреннымъ, что для потребленія этихъ произведеній не встрѣтится недостатка въ желающихъ, и для этого вовсе не встрѣтится необходимости въ воспитательныхъ и родильныхъ домахъ.

Несмотря на чрезвычайную смертность въ 1789, таблицы, сообщенныя мнѣ профессоромъ Никандеромъ, доказываютъ, что общее благосостояніе возрастаетъ, средняя смертность за двадцать лѣтъ до 1795 была, какъ 1 къ 37, вмѣсто 1 къ 35, бывшей въ предшествующія двадцать лѣтъ. Въ послѣднія двадцать лѣтъ число рожденій не увеличивалось; стало быть, уменьшеніе смертности слѣдуетъ объяснять дѣйствіемъ предупредительныхъ препятствій. Другое вычисленіе, доставленное мнѣ тѣмъ же профессоромъ, приводитъ къ тѣмъ же выводамъ. По мнѣнію Варгентина, приводимому Зюсмильхомъ, пять существующихъ супружествъ ежегодно доставляютъ одного ребенка, между тѣмъ какъ въ послѣдній двадцатилѣтній періодъ отношеніи существующихъ супружествъ къ ежегоднымъ рожденіямъ было, какъ 51 къ 10, а отбрасывая незаконныя рожденія, какъ 53 къ 10. Это служитъ доказатель-

ствомъ, что въ теченіе этого періода супружества не были, ни такъ ранновременны, ни такъ плодовиты, какъ въ предъидущій періодъ.

ГЛАВА III. — О препятствіяхъ для размноженія населенія въ Россіи.

Русскія таблицы родившихся, умершихъ и сочетавшихся бракомъ представляютъ такія необычайныя данныя, что вызываютъ невольное къ нимъ недовѣріе; тѣмъ неменѣе, правильность ихъ и согласіе таблицъ за различное время побуждаютъ обратить на нихъ вниманіе.

Въ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ въ 1768 въ Петербургскую Академіи Германомъ и обнародованныхъ въ *Запискахъ* этой Академіи*, помѣщено отношеніе числа родившихся, умершихъ и вступившихъ въ бракъ въ различныхъ провинціяхъ и городахъ имперіи, представляющее слѣдующіе выводы:

Отношеніе между родившимися и умершими было:

Въ Петербургѣ. . .	13	къ 10	Въ Вологодс. эпарх.	23	къ 10
Московс. губер.	21	10	Костромѣ	20	10
Московск. уѣзд.	21	10	Архангельскѣ . .	13	10
Твери	26	10	Тобольск. губ . .	21	10
Новгородѣ . . .	20	10	Тобольскѣ (гор.).	13	10
Псковѣ	22	10	Вологдѣ.	12	10
Рязани.	20	10	Ревелѣ	11	10
Воронежѣ. . . .	29	10			

Нѣкоторыя изъ этихъ цифръ непонятно велики. Въ Воронежѣ, напримѣръ, число родившихся къ умершимъ было почти какъ 3 къ 1. Такого огромнаго отношенія, я полагаю, никогда не замѣчалось, даже въ Америкѣ. А между тѣмъ, средняя величина этихъ отношеній подтверждается нѣкоторымъ образомъ послѣдующими наблюденіями. Въ своемъ Описаніи Россійской имперіи Тукъ утверждаетъ, что общее отношеніе родившихся къ умершимъ въ этой обширной странѣ составляетъ 225 ко 100, то есть, какъ $2^{1}/_{4}$ къ 1; отношеніе это выведено изъ таблицъ и поголовной переписи, сдѣланной въ 1793.

Изъ сравненія ежегодныхъ рожденій и ежегодныхъ браковъ Германъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы:

Число дѣтей раждающихся отъ одного брака:

Въ Петербургѣ.	4	Въ Архангельскѣ.	4
Московск. губер. . . .	3	Ревелѣ	4
Твери	3	Тобольс. губер.	4
Псковѣ	3	Вологдѣ	4
Рязани.	3	Тобольскѣ 1768—1778. .	3
Воронежѣ.	4	1779—1783. .	5
Новгородѣ	3	1783	6
Костромѣ	3		

Германъ замѣчаетъ, что въ Россіи браки не плодовитѣе, чѣмъ другихъ мѣстахъ, но смертность въ ней гораздо менѣе, какъ это доказывается слѣдующими цифрами, основанными на вычисленіи приблизительнаго числа жителей каждой губерніи:

Умираетъ ежегодно:

Въ Петербургѣ. .	1	изъ 28	Въ Вологодс. эпарх.	1	изъ 65
Московс. губ.	1	32	Костромѣ	1	59
Московс. уѣз.	1	74	Архангельскѣ. .	1	$28^{1}/_{5}$
Твери	1	75	Ревелѣ.	1	29
Новгородѣ . .	1	$68^{6}/_{7}$	Тобольск. губ. .	1	44
Псковѣ.	1	$70^{4}/_{5}$	Тобольскѣ. . . .	1	32
Рязани.	1	50	въ 1783.	1	$22^{1}/_{4}$
Воронежѣ. . .	1	79			

Изъ этой таблицы, говоритъ Германъ, можно заключить, что въ большей части русскихъ провинцій ежегодная смертность выражается отношеніемъ 1 изъ 60.

Эта средняя цифра такъ высока, а отдѣльныя отношенія для нѣкоторыхъ провинцій до того необыкновенны, что нель-

* *Nova acta Academiae, Mémoires de W. Krafft*, т. IV.—Кромѣ записокъ Академіи, авторъ пользовался еще сочиненіемъ Tooke's, *View of the Russian Epmire*, т. III, ч. II. Нечего и говорить, что всѣ приводимыя въ этой главѣ цифры весьма сомнительны; что доказывается уже тѣмъ, что онѣ даютъ наименьшую смертность, какая существуетъ въ Европѣ. Послѣдующія свѣдѣнія рѣшительно опровергаютъ ихъ. Рус. перев.

зя не заподозрить ихъ точности. Но они, тѣмъ не менѣе, подтверждаются послѣдующими таблицами и переписями, по которымъ, по вычисленію Тука общая смертность въ Россіи составляетъ отношеніе 1 къ 58; но, кажется, самъ Тукъ относится съ недовѣрчивостью къ этой части таблицъ; а я слыхалъ отъ человѣка свѣдущаго и заслуживающаго довѣрія, что пропуски въ спискахъ умершихъ, по всей вѣроятности, случались чаще, чѣмъ въ спискахъ родившихся; вслѣдствіе чего, необыкновенный перевѣсъ рожденій и незначительная смертность оказываются совершенно иными въ дѣйствительности. Полагаютъ, что большое число дѣтей въ Украйнѣ тайно погребается родителями, не давая знать священнику. Безпрестанные и многочисленные наборы отнимаютъ большое число людей, о смерти которыхъ не отмѣчается въ приходскихъ книгахъ; вслѣдствіе частыхъ переселеній цѣлыми семействами въ различныя части имперіи и ссылки преступниковъ въ Сибирь, многіе умираютъ на пути или въ мѣстахъ, въ которыхъ не ведется приходскихъ книгъ. Наконецъ, нѣкоторые пропуски объясняются небрежностью приходскихъ священниковъ, которымъ выгодно тщательно отмѣчать родившихся, и нѣтъ никакой пользы записывать умершихъ.

Къ этимъ объясненіямъ я прибавлю, что населеніе каждой провинціи вѣроятно опредѣляется числомъ крестьянъ, приписанныхъ къ каждой землѣ; но не подлежитъ сомнѣнію, что многіе изъ нихъ получаютъ позволеніе жить въ городахъ. Вслѣдствіе чего, рожденіе ихъ внесено въ приходскія книги, а смерти не отмѣчается. Въ городахъ смертность оказывается, сравнительно, болѣе значительной, ибо она вычисляется на основаніи болѣе вѣрныхъ данныхъ. Таблицы смертности въ городахъ болѣе точно указываютъ на число умирающихъ въ нихъ людей на данное количество населенія; но въ провинціяхъ, хотя и считается, что таблицы показываютъ число умершихъ изъ всего населенія, но въ дѣйствительности онѣ показываютъ смертность на меньшее количество всего населенія, ибо значительная часть послѣдняго находится въ отсутствіи.

По переписи 1784, въ Петербургѣ число мужчинъ простиралось до 126,827, а число женщинъ только до 65,619; поэтому, мужчинъ было почти въ два раза больше чѣмъ женщинъ. Это объясняется тѣмъ, что многіе приходятъ въ городъ на заработки, оставляя свои семейства въ деревняхъ; отчасти же это происходитъ вслѣдствіе обычая господъ содержать у себя въ Петербургѣ и Москвѣ огромное число дворни въ видѣ прислуги.

Отношеніе раждающихся ко всему населенію не отличается отъ средней цифры для прочихъ странъ, и составляетъ 1 къ 26.

По вышеупомянутой запискѣ Германа, отношеніе дѣтей, умирающихъ ранѣе годоваго возраста, въ Петербургѣ $^1/_5$, въ Тобольской губерніи $^1/_{10}$, въ городѣ Тобольскѣ $^1/_8$, въ Вологодской эпархіи $^1/_{14}$, въ Новгородѣ $^1/_{31}$, въ Воронежѣ $^1/_{24}$, въ Архангельскѣ $^1/_5$. Изъ этого видно, что смертность между дѣтьми непонятно мала въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, а какъ вычисленіе ея не подлежитъ большимъ ошибкамъ, то она отчасти подтверждаетъ незначительность общей смертности. Въ Швеціи отношеніе дѣтей, умирающихъ, не достигнувъ годоваго восраста, составляетъ для всей страны $^1/_5$ и даже больше *.

Отношеніе браковъ ко всему населенію, по мнѣнію Германа, составляетъ для Россіи 1 на 100 для городовъ, и 1 на 70 или 80 для провинцій. По вычисленію Тука, изъ списковъ пятнадцати губерній, бывшихъ въ его распоряженіи, отношеніе это составляетъ 1 бракъ на 92 жителя.

Отношеніе это совершенно непохоже на то же отношеніе въ прочихъ странахъ. Правда, что въ Петербургѣ оно составляетъ 1 на 140, но это объясняется безъ труда вышеупомянутымъ перевѣсомъ мужскаго населенія надъ женскимъ.

Приходскія книги Петербурга считаются данными точными, на которыя можно положиться. Онѣ говорятъ вообще въ пользу здороваго климата; но въ нихъ встрчается фактъ, прямо противуположный тому, который существуетъ во всѣхъ другихъ странахъ: между дѣтьми умираетъ гораздо больше дѣ-

* *Mémoires abrégés de l'Académie de Stockholm*, стр. 28.

вочекъ, чѣмъ мальчиковъ. Съ 1781 по 1785 на 1,000 раждавшихся мальчиковъ умирало въ первый годъ всего 147, между тѣмъ какъ изъ того же числа дѣвочекъ умирало 310, то есть, въ отношеніи 10 къ 21. Фактъ этотъ рѣшительно непонятенъ, и долженъ быть приписанъ отчасти какой либо случайности, ибо въ предшествующій періодъ отношеніе это было, какъ 10 къ 14; но и послѣднее въ высшей степени удивительно, ибо замѣчено вообще, что во всѣ эпохи жизни, за исключеніемъ беременности, смертность между женщинами менѣе, чѣмъ между мужчинами. Климатъ Швеціи, кажется, мало чѣмъ отличается отъ климата Россіи; а Варгентинъ замѣчаетъ, по поводу шведскихъ таблицъ, что меньшая смертность между женщинами является нетолько слѣдствіемъ болѣе правильной и менѣе тягостной ихъ жизни, но и какъ естественный законъ природы, обнаруживающій свое дѣйствіе постоянно съ дѣтскаго возраста до старости.

По мнѣнію Крафта, половина всѣхъ дѣтей, раждающихся въ Петербургѣ, достигаетъ 25 лѣтняго возраста. Фактъ этотъ говоритъ въ пользу болѣе благопріятныхъ для жизни условій для дѣтскаго и юношескаго возраста, чѣмъ какія встрѣчаются обыкновенно въ большихъ городахъ; но послѣ 20 лѣтняго возраста смертность становится болѣе значительной, сравнительно съ другими европейскими городами. Различіе это приписывается не безъ основанія неумѣренному употребленію водки. Между 10 и 15 годами смертность до того незначительна, что въ этотъ возрастъ умираетъ неболѣе какъ 1 изъ 47 мальчиковъ и 1 изъ 29 дѣвушекъ; а отъ 20 до 25 лѣтъ, напротивъ того, смертность такъ велика, что умираетъ 1 изъ 9 мужчинъ и 1 изъ 13 женщинъ. Таблицы показываютъ, что эта необыкновенная смертность причиняется главнымъ образомъ воспаленіями, горячками и изнурительными лихорадками. Воспаленія уносятъ почти $^1/_4$, горячки $^1/_3$ и изнурительныя лихорадки $^1/_6$. Всѣ три болѣзни вмѣстѣ губятъ три четверти всѣхъ умирающихъ.

Общая смертность съ 1781 по 1785, по мнѣнію Крафта, составляла 1 изъ 37; въ предшествовавшій періодъ она составляла 1 изъ 35, а въ послѣдующій, ознаменованный повальными болѣзнями, 1 изъ 29. Такая средняя смертность весьма незначительна для большаго города; но одно мѣсто въ запискѣ Крафта даетъ поводъ думать, что умершіе въ больницахъ, тюрьмахъ и въ воспитательномъ домѣ не внесены въ списки, или внесены въ нихъ невѣрно; между тѣмъ какъ внесеніе ихъ несомнѣнно должно значительно подорвать кажущія здоровыя условія города.

Уже смертность одного воспитательнаго дома громадна. Заведеніе это не публикуетъ своихъ отчетовъ, а на одни только словесныя показанія положиться невозможно. Я не рѣшусь, поэтому, сдѣлать никакихъ заключеній изъ находящихся въ моихъ рукахъ свѣдѣній; но точныя данныя, которыя удалось мнѣ собрать отъ лицъ, служащихъ при воспитательномъ домѣ, доказываютъ, повидимому, что въ заведеніи умираетъ ежемѣсячно среднимъ числомъ 100 дѣтей. Въ зиму, предшествовавшую настоящимъ изысканіямъ, то есть 1788 года, нерѣдко погребалось по 18 младенцевъ въ день. Среднимъ числомъ въ заведеніе поступаетъ ежедневно по 10 дѣтей. Черезъ три дня по поступленіи, ихъ разсылаютъ для вскормленія по деревнямъ; но такъ какъ бо́льшая часть ихъ приносится въ самомъ жалкомъ состояніи, то смертность между ними естественно должна быть весьма значительна. Трудно повѣрить, какъ велико число поступающихъ дѣтей; однако же, то, что́ я видѣлъ собственными глазами, даетъ мнѣ право думать, что нѣтъ особеннаго преувеличенія ни въ огромномъ числѣ приносимыхъ дѣтей, ни въ чрезвычайной ихъ смертности. Я посѣтилъ воспитательный домъ около полудня; не задолго предъ этимъ принесено было четыре ребенка, изъ которыхъ одинъ очевидно находился при смерти, а другому тоже оставалось не долго жить.

Часть воспитательнаго дома служитъ больницей для родильницъ. Всякая приходящая женщина принимается безъ всякихъ распросовъ. Раждающіяся такимъ образомъ дѣти поручаются кормилицамъ заведенія, и не разсылаются, подобно прочимъ, по деревнямъ. Мать можетъ сама кормить своего ребенка, если пожелаетъ; но ей не позволяется унести дитя съ собою. Ребенокъ, воспитывающійся въ заведеніи, можетъ

быть потребованъ, когда угодно, родителями, если они докажутъ, что имѣютъ средства для его содержанія. При пріемѣ всѣ дѣти обозначаются и перенумеровываются, чтобы могли быть узнаны родителями, и показаны имъ по ихъ востребованію; ибо, если послѣдніе не въ состояніи взять ихъ къ себѣ, то имъ дозволено по крайней мѣрѣ навѣщать ихъ.

Деревенскія кормилицы получаютъ въ мѣсяцъ неболѣе двухъ рублей. Такъ какъ бумажный рубль, представляющій ходячую монету, рѣдко стоитъ болѣе полу-кроны, то плата эта равняется пятнадцати пенсамъ въ недѣлю. А между тѣмъ, утверждаютъ, что общіе расходы по заведенію простираются до 100,000 рублей въ мѣсяцъ. Постоянные, принадлежащіе ему доходы рѣдко бываютъ достаточны для его содержанія. Управленіе воспитательнымъ домомъ лежитъ на правительствѣ, которое и принимаетъ на себя добавочные расходы; а какъ воспитательный домъ принимаетъ всѣхъ дѣтей, безъ исключенія, то расходы его не могутъ быть ограничены. Еслибы число дѣтей не было ограничено, между тѣмъ какъ были бы ограничены суммы на ихъ содержаніе, то это породило бы самыя печальныя послѣдствія; поэтому, такого рода заведенія, если они хорошо управляются, или, если расходы ихъ не уменьшаются чрезмѣрной смертностью, могутъ существовать только подъ покровительствомъ весьма богатаго правительства. Но и при такой поддержкѣ мы имѣемъ право предсказать близкое ихъ паденіе.

Достигнувъ 6 или 7 лѣтняго возраста, дѣти, разосланныя по деревнямъ, возвращаются въ заведеніе, въ которомъ ихъ пріучаютъ къ различнаго рода работамъ. Для занятій назначено время отъ 6 до 12 и отъ 2 до 4 часовъ. Дѣвушки оставляютъ воспитательный домъ 18, а мальчики 21 или 22 лѣтъ. Когда въ заведеніи становится слишкомъ тѣсно, то часть дѣтей, отосланныхъ въ деревни, не возвращается.

Наибольшая смертность существуетъ между дѣтьми, только что принесенными и еще невысланными изъ воспитательнаго дома; она все еще весьма значительна между дѣтьми, возвратившимися изъ деревень въ болѣе раннемъ возрастѣ. Я былъ тѣмъ болѣе пораженъ такою необыкновенной смертностью, что удивлялся чистотѣ и кроткому обращенію, господствующими въ заведеніи и обнаруживающимися на каждомъ шагу. Само зданіе имѣетъ видъ скорѣе дворца; комнаты обширны, хорошо провѣтриваются, даже изящны. Я присутствовалъ при обѣдѣ 180 мальчиковъ; все было чрезвычайно опрятно, столовое бѣлье было чисто, у каждаго ребенка была своя салфетка. Пища показалась мнѣ превосходной, въ столовой не слышно было и слѣда какого либо непріятнаго запаха. Въ спальняхъ у каждаго ребенка была отдѣльная постель, кровати были желѣзныя, безъ пологовъ, одѣяла и простыни были безукоризненной бѣлизны.

Заботы о чистотѣ, доведенной до такой степени въ такомъ громадномъ заведеніи, удивительны и непостижимы. Онѣ объясняются главнымъ образомъ вліяніемъ вдовствующей императрицы, которая входитъ въ малѣйшія подробности управленія, и, во время пребыванія въ Петербургѣ, рѣдкую недѣлю не посѣщаетъ заведенія. Смертность, господствующая въ воспитательномъ домѣ, несмотря на всѣ эти заботы, ясно доказываетъ, что дѣтское сложеніе не выноситъ такой затворнической жизни и ежедневнаго восьмичасоваго труда. Всѣ дѣти, которыхъ я видѣлъ, отличались болѣе или менѣе блѣднымъ и болѣзненнымъ цвѣтомъ лица; если судить о національной красотѣ по этимъ дѣвочкамъ и мальчикамъ, то составишь о ней весьма невыгодное понятіе.

Таблицы смертности для Петербурга, въ которыхъ не показываются умершіе въ этомъ заведеніи, очевидно не могутъ дать точнаго понятія объ условіяхъ здоровости этого города; но не должно забывать, что часть наблюденій, говорящихъ въ пользу этой здоровости, какъ число умирающихъ на тысячу человѣкъ населенія, и проч., находится внѣ зависимости отъ этого обстоятельства; по крайней мѣрѣ, если не утверждать, въ чемъ нѣтъ, впрочемъ, невозможности, что всѣ почти родители, которымъ трудно содержать дѣтей, отсылаютъ ихъ въ воспитательный домъ; ибо, въ такомъ случаѣ, остальныя дѣти, принадлежащія родителямъ, находящимся въ довольствѣ, выростая въ домахъ чистыхъ и просторныхъ, несомнѣнно должны представить смертность го-

раздо ниже средней, существующей для всѣхъ дѣтей, доставляемыхъ населеніемъ.

Воспитательный домъ въ Москвѣ существуетъ совершенно на такихъ же основаніяхъ, какъ и въ Петербургѣ. Тукъ представляетъ отчетъ о смертности, по истинѣ удивительной, этого заведенія въ тридцатилѣтній періодъ, со времени его учрежденія до 1786 года. При этомъ случаѣ онъ замѣчаетъ, что еслибы точно было извѣстно число умирающихъ дѣтей немедленно послѣ поступленія ихъ въ воспитательный домъ, или такихъ, въ которыхъ уже существовалъ зародышъ смертельной болѣзни, то вѣроятно оказалось бы, что смертность только незначительнаго числа дѣтей можно приписать пребыванію въ заведеніи. Ибо, прибавляетъ этотъ писатель, безразсудно было бы обвинять въ смерти этихъ несчастныхъ жертвъ благотворительное учрежденіе, ежегодно снабжающее страну постоянно возрастающимъ числомъ дѣятельныхъ, здоровыхъ и трудолюбивыхъ гражданъ.

Я полагаю, напротивъ, что въ большей части случаевъ вина въ преждевременной смерти дѣтей должна пасть на эти такъ называемыя филантропическія заведенія. Если заслуживаютъ какого либо довѣрія таблицы смертности дѣтей въ русскихъ городахъ и провинціяхъ, то смертность эта оказывается весьма малою. Поэтому, огромная смертность въ воспитательныхъ домахъ должна быть приписана этимъ заведеніямъ, которыя поощряютъ матерей покидать своихъ дѣтей въ ту минуту, когда послѣднія болѣе всего нуждаются въ ихъ попеченіи. Вслѣдствіе безпомощнаго состоянія этого возраста, дѣти не могутъ быть оставлены безнаказанно, хотя бы на нѣсколько только часовъ.

Огромная смертность въ Петербургскомъ и Московскомъ воспитательныхъ домахъ, пользующихся всевозможными попеченіями, кажется мнѣ, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ, что учрежденія эти не удовлетворяютъ своему назначенію; ибо цѣль ихъ состоитъ, безъ сомнѣнія, въ сохраненіи государству извѣстнаго числа гражданъ, которое, безъ такой помощи, сдѣлалось бы жертвою нищеты или безславія. Еслибы дѣти, принимаемыя въ воспитательные дома, оставались на попеченіи своихъ родителей, то какія бы опасности ни угрожали имъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что несравненно большее ихъ число оставалось бы въ живыхъ, и достигало бы возраста, въ который они могутъ быть полезными членами общества.

Если проникнуть нѣсколько глубже въ этотъ вопросъ, то нетрудно убѣдиться, что такія учрежденія нетолько не достигаютъ непосредственной своей цѣли, но поощряютъ развращеніе нравовъ, отвращаютъ отъ брака, и этимъ ослабляютъ великое и главное средство для размноженія населенія. Всѣ свѣдущіе люди, съ которыми случилось мнѣ бесѣдовать въ Петербургѣ, согласны были со мной, что учрежденіе въ немъ воспитательнаго дома произвело такое дѣйствіе самымъ поразительнымъ образомъ. Проступокъ дѣвушки, сдѣлавшейся матерью, сталъ дѣломъ до того обыкновеннымъ, что на него смотрятъ, какъ на бездѣлицу. Одинъ англійскій негоціантъ разсказывалъ мнѣ въ Петербургѣ, что одна дѣвушка, жившая въ семействѣ, подъ надзоромъ матери, считавшейся строгой женщиной, отдала въ воспитательный домъ шестерыхъ своихъ дѣтей, не потерявъ при этомъ занимаемаго ею мѣста.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что вообще рѣдко случается, чтобы женщина прижила шестерыхъ дѣтей въ незаконной связи. Тамъ, гдѣ господствуютъ свободные нравы, незаконнорожденные не находятся въ такомъ значительномъ отношеніи ко всему населенію, въ какомъ находилось бы къ нему число рожденныхъ въ законномъ бракѣ. Отвращеніе отъ супружества и слѣдующее за нимъ уменьшеніе числа рожденій болѣе чѣмъ вознаграждаются поощреніемъ браковъ, вытекающимъ изъ надежды, доставляемой родителямъ, что они могутъ освободиться отъ дѣтей, если будутъ не въ состояніи содержать ихъ.

Если принять во вниманіе необыкновенную смертность въ такого рода заведеніяхъ и очевидное стремленіе ихъ къ поощренію развратныхъ нравовъ, то можно сдѣлать весьма правдоподобное заключеніе, что для удержанія населенія отъ чрезмѣрнаго размноженія, человѣкъ, въ особенности равнодушный къ средствамъ для достиженія такой цѣли, не можетъ при-

думать лучшаго средства, какъ учрежденіе достаточнаго числа воспитательныхъ домовъ, которые бы принимали безразлично и неограниченно всѣхъ дѣтей. Но если взглянуть затѣмъ съ другой точки зрѣнія на эти заведенія, то трудно представить себѣ, чтобы мало по малу не исказились нравственныя чувства между народомъ, въ которомъ матерей поощряютъ покидать своихъ дѣтей, и убѣждаютъ ихъ, что привязанность ихъ къ существамъ, которымъ онѣ дали жизнь, неболѣе какъ пустой предразсудокъ, который онѣ должны принести въ жертву ради блага своей страны. Небольшое число дѣтоубійствъ, изрѣдка совершаемыхъ изъ боязни позора, выкуплены будутъ слишкомъ дорогою цѣной, если, для предупрежденія ихъ, приходится подрывать въ массѣ всего народа самыя благородныя чувствованія, заслуживающія наибольшаго поощренія.

Предположивъ, что воспитательные дома достигаютъ цѣли, имѣвшейся въ виду при ихъ учрежденіи, существующее рабство болѣе оправдываетъ эти заведенія въ Россіи, чѣмъ въ прочихъ странахъ; ибо всякій ребенокъ, воспитанный въ нихъ, становится свободнымъ, и въ качествѣ свободнаго человѣка, безъ сомнѣнія, долженъ быть болѣе полезенъ государству, чѣмъ еслибы принадлежалъ частному человѣку. Но въ странѣ, незнающей рабства, полнѣйшій успѣхъ такихъ учрежденій не отстранилъ бы несправедливости ихъ относительно всего населенія. Дѣйствительнымъ образомъ супружества поощряются высокой заработной платой и спросомъ на людей, готовыхъ трудиться. Но если всѣ мѣста, требующія трудолюбія и ловкости, какъ обученіе мастерству, и проч., будутъ наполняться пріемышами воспитательныхъ домовъ, то неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого будетъ соотвѣтствующее уменьшеніе спроса на трудъ людей, рожденныхъ въ законномъ бракѣ; вслѣдствіе этого, содержаніе семьи затруднится для такихъ людей, и они лишены будутъ самаго дѣйствительнаго поощренія для вступленія въ бракъ.

Естественныя богатства Россіи весьма велики. Уже въ настоящемъ своемъ положеніи она производитъ болѣе, чѣмъ потребляетъ; для болѣе быстраго развитія своего населенія

ей не достаетъ только большей свободы труда и болѣе удобныхъ сообщеній для распространенія своихъ произведеній изъ внутреннихъ провинцій. Наибольшее препятствіе для размноженія населенія этой страны представляетъ крѣпостное состояніе или, вѣрнѣе, настоящее рабство крестьянскаго населенія и неизбѣжно почти слѣдующее за нимъ невѣжество и безпечность. Богатство русскаго барина измѣряется числомъ принадлежащихъ ему мужиковъ; крестьяне продаются вообще, какъ скотъ, и не представляютъ собственно крѣпостныхъ, которые были бы прикрѣплены къ землѣ. Доходъ господина состоитъ въ оброкѣ съ каждой мужской души. Когда число крестьянъ, занимающихъ извѣстный участокъ земли, станетъ слишкомъ велико, то поля передѣляются между ними; иногда занимаются новыя земли, а иногда довольствуются уже воздѣлываемыми, и каждому семейству отрѣзываютъ столько земли, сколько оно можетъ обработать, чтобы заплатить оброкъ. Личная выгода крестьянина очевидно состоитъ въ томъ, чтобы не улучшать въ значительной степени вышавшій на его долю участокъ, и не показывать виду, что онъ получаетъ болѣе, чѣмъ сколько ему необходимо для внесенія оброка и для содержанія семьи; въ противномъ случаѣ, при слѣдующемъ передѣлѣ, участокъ его разобьется на два семейства, и онъ потеряетъ половину. Нетрудно понять, до какой степени такое положеніе вещей должно уменьшать трудолюбіе земледѣльца. Когда у крестьянина отрѣжутъ часть земли, которою онъ пользовался съ давняго времени, то онъ жалуется, что не въ состояніи заплатить оброка, и испрашиваетъ, для себя или для своихъ сыновей, дозволеніе отправиться въ городъ на заработки. Такое дозволеніе испрашивается вообще съ большимъ усердіемъ, и разрѣшается господами безъ особенныхъ затрудненій, ибо оно даетъ имъ надежду на нѣкоторое увеличеніе ихъ дохода, состоящаго въ оброкѣ. Вслѣдствіе такихъ условій, земли обрабатываются вполовину, и такимъ образомъ начинаетъ изсякать главный источникъ населенія.

Я предлагалъ нѣсколько вопросовъ одному землевладѣльцу въ Петербургѣ объ управленіи его имѣніями. Онъ отвѣчалъ,

что никогда не заботился о томъ, хорошо или дурно они обработываются, и выражался при этомъ, какъ человѣкъ, которому рѣшительно нѣтъ до этого никакого дѣла. «Мнѣ это все равно, говорилъ онъ по французски, это не причиняетъ мнѣ ни вреда, ни пользы.» Онъ позволялъ своимъ крестьянамъ заработывать свой оброкъ, какъ и гдѣ имъ угодно; если они вносили его исправно, то онъ ничего больше не требовалъ отъ нихъ, и былъ совершеноо доволенъ. Такою беззаботностью онъ очевидно приносилъ въ жертву будущее населеніе своихъ земель, а поэтому, и будущее увеличеніе своихъ доходовъ соображеніямъ, внушеннымъ безпечностью и временными выгодами.

Тѣмъ неменѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что въ послѣднее время многіе русскіе помѣщики стали обращать большее вниманія на улучшеніе и на заселеніе своихъ земель, увлекаемые примѣромъ и желаніями императрицы Екатерины, которая всѣми силами старалась поощрять земледѣліе въ своемъ государствѣ. Огромное число нѣмецкихъ переселенцевъ, вызванныхъ ею для заведенія колоній, нетолько послужило къ замѣщенію рабовъ свободными людьми, но, что, быть можетъ, гораздо важнѣе, послужило примѣромъ труда и способовъ его приложенія, о которыхъ русскіе не имѣли никакого понятія.

Усилія эти вообще были увѣнчаны успѣхомъ; не подлежитъ сомнѣнію, что въ царствованіе этой государыни и въ эпоху, слѣдовавшую за ея смертью, земледѣліе и населеніе сдѣлали значительные успѣхи во всѣхъ почти провинціяхъ русской имперіи.

Перепись, произведенная въ 1763 году, дала населеніе въ 14,726,696 душъ. По такой же переписи, сдѣланной въ 1783, населеніе достигло до 25,677,000. Если цифры эти вѣрны, то онѣ показываютъ необыкновенное возрастаніе населенія; но говорятъ, что послѣдняя перепись заслуживаетъ бо̀льшаго довѣрія, чѣмъ предъидущая. Принимая въ разсчетъ провинціи, которыя не подлежатъ подушной подати, все населеніе считалось въ 1763 году въ 20,000,000, а въ 1796 въ 36,000,000 душъ.

Въ послѣдующемъ изданіи сочиненія Тука о Россіи помѣщена таблица умершихъ, родившихся и сочетавшихся бракомъ, принадлежащихъ къ греческому исповѣданію, за 1799 годъ, изъ повременнаго нѣмецкаго изданія, пользующагося большимъ довѣріемъ. Таблица эта составлена весьма тщательно, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ синодъ; въ нее вошли всѣ *эпархіи*, исключая Брацлавской, которая не могла въ нее войти по случаю нѣкоторыхъ затрудненій, свойственныхъ этой эпархіи, что̀ касается до списковъ умершихъ. Вотъ общіе выводы изъ этой таблицы:

	Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.
Родившихся . .	531,015	460,900	991,915
Умершихъ . . .	275,582	264,807	540,389
Число браковъ		257,513	
Излишекъ родившихся	мальчиковъ. . 255,433		451,526
	дѣвочекъ. . . 196,093		

Для полученія числа населенія Тукъ умножаетъ число умершихъ на 58; но такъ какъ эта таблица, повидимому, отличается большей точностью, чѣмъ предшествовавшія ей, и такъ какъ отношеніе въ ней числа умершихъ къ родившимся болѣе значительно, то вѣроятно 58 представляетъ въ настоящемъ случаѣ слишкомъ большаго множителя. Мы можемъ замѣтить, что въ этой таблицѣ число родившихся къ числу умершихъ относится почти какъ 183 ко̀ 100, число родившихся къ числу браковъ, какъ 385 ко 100, а число умершихъ къ числу браковъ, какъ 210 ко 100.

Всѣ эти числа заслуживаютъ бо̀льшаго довѣрія, чѣмъ цифры, выводимыя изъ предъидущихъ таблицъ *.

* Въ настоящее время, 65 лѣтъ спустя послѣ того, какъ писалъ Мальтусъ, статистика Россіи представляетъ такія же шаткія данныя. О причинахъ см. *Руководство къ сравнительной статистикѣ Кольба*, переведенное на русскій языкъ А. Корсакомъ, т. II, изъ котораго привожу только нѣсколько общихъ цифръ. Все населеніе, по ревизіи 1858 года, показано въ 73½ мильона душъ, по свѣдѣніямъ Центральнаго стат. комитета. Число раждающихся принимается 1 на 21—23 жителя, умирающихъ 1 изъ 30—33, средняя прибыль 1%. Въ 1858 году показано родившихся 2,756,128, умершихъ 1,925,781, излишекъ родившихся 830,347, браковъ заключено 563,599. Рус. перев.

ГЛАВА IV. — О препятствіяхъ для размноженія народонаселенія въ среднихъ частяхъ Европы.

Быть можетъ, меня упрекнутъ, что я посвятилъ изслѣдованію сѣверныхъ странъ Европы больше времени, чѣмъ онѣ заслуживаютъ это по своему политическому значенію. Я поступилъ такимъ образомъ, потому что политическія учрежденія въ этихъ государствахъ, во многихъ отношеніяхъ, существенно отличаются отъ Англіи, и потому что личное, хотя и поверхностное знакомство съ этими странами могло доставить мнѣ новыя замѣчанія. Въ среднихъ частяхъ Европы раздѣленіе труда, распредѣленіе занятій и отношеніе городскаго населенія къ сельскому мало чѣмъ отличаются отъ того, что̀ мы видимъ въ Англіи; такъ что безполезно было бы искать въ господствующихъ въ нихъ нравахъ и обычаяхъ отличительныя черты только имъ свойственныхъ препятствій для размноженія населенія. Поэтому, я обращу вниманіе читателя главнымъ образомъ на нѣкоторые выводы, какіе можно сдѣлать изъ таблицъ раждающихся, умирающихъ и вступающихъ въ бракъ; такія данныя по многимъ, весьма важнымъ вопросамъ проливаютъ больше свѣта на внутреннее хозяйство народа, чѣмъ замѣчанія самаго добросовѣстнаго путешественника.

Самое любопытное и поучительное явленіе, представляемое этими таблицами, это, по моему мнѣнію, зависимость числа браковъ отъ числа умирающихъ. Монтескье справедливо замѣтилъ, что гдѣ два лица могутъ прожить безбѣдно, тамъ тотчасъ составляется супружество*. Но въ большей части европейскихъ странъ, при настоящемъ состояніи этой части свѣта, нельзя ожидать, на основаніи опыта, чтобы средства для содержанія семьи могли увеличиваться быстро и значительно. Поэтому, возникновеніе новаго супружества вообще возможно только при уничтоженіи уже существующаго. Вотъ причина, почему, за исключеніемъ случаевъ чрезвычайной смертности, и какихъ либо особенныхъ причинъ, благопріятныхъ для земледѣлія и торговли, число ежегодно заключаемыхъ браковъ обусловливается главнымъ образомъ числомъ ежегодно умирающихъ. Обѣ цифры оказываютъ одна на другую взаимное вліяніе. Въ немногихъ странахъ люди, составляющіе массу народа, настолько предусмотрительны, чтобы откладывать бракъ до того времени, когда у нихъ явится вѣрная надежда воспитать, какъ слѣдуетъ, всѣхъ своихъ дѣтей. Вслѣдствіе этого, всюду почти часть смертности причиняется слишкомъ большимъ числомъ браковъ, и всюду большая смертность, вызывается ли она этой причиной, чрезмѣрнымъ числомъ городовъ и фабрикъ, или нездоровымъ климатомъ, непремѣнно увеличиваетъ число браковъ.

Замѣчаніе это подтверждается самымъ поразительнымъ образомъ нѣкоторыми голландскими деревнями. Зюсмильхъ полагаетъ, что среднее отношеніе ежегодно заключаемыхъ браковъ ко всему населенію составляетъ 1 къ 107 или 1 къ 113 въ странахъ, въ которыхъ населеніе не уменьшается чумой или войной, и въ которыхъ не происходитъ внезапнаго увеличенія средствъ существованія**. Кромъ, писавшій позже его о статистикѣ, полагаетъ, что это среднее отношеніе колеблется между 1 къ 92 и 1 къ 122, и принимаетъ отношеніе браковъ къ числу всѣхъ жителей, какъ 1 къ 108***. Но, по книгамъ 22 голландскихъ деревень, точность которыхъ признана Зюсмильхомъ, ежегодно заключается одно супружество на 64 человѣка населенія****. Отношеніе это сильно расходится съ приведенными средними числами. Я былъ крайне уди-

* *Esprit des lois*, кн. XXIII, гл. X.

* Зюсмильхъ, *Goetliche Ordnung*, т. I, гл. IV. Всѣ факты, приводимые въ этой главѣ, безъ указанія, откуда они взяты, заимствованы изъ сочиненія Зюсмильха.

** Кромъ, *Ueber die Groesse und Bevoelkerung der Europ. Staaten*, стр. 88.

*** Такое отношеніе не можетъ существовать въ странѣ, подобной Голландіи, между туземнымъ ея населеніемъ. Оно должно доставляться главнымъ образомъ притекающими въ нее иностранцами. И дѣйствительно, до революціи, прибывало ихъ такое множество, что Голландію называли могилой Германіи. Прим. автора.

вленъ, когда встрѣтилъ его въ первый разъ, ибо мнѣ не была еще извѣстна необыкновенная смертность въ этихъ деревняхъ, и меня вовсе не удовлетворяли объясненія этого явленія Зюсмильхомъ. Этотъ писатель приписываетъ его большему разнообразію занятій и промысловъ, и вообще многочисленными способами заработковъ, представляемыхъ Голландіей; но такъ какъ страна находится въ одномъ и томъ же положеніи съ давняго времени, то очевидно нельзя предположить, чтобы въ ней ежегодно открывалось много новыхъ занятій или новыхъ средствъ для существованія: поэтому, всѣ мѣста въ существовавшихъ уже промыслахъ должны быть заняты. Но всякое затрудненіе исчезло, какъ только я обратилъ вниманіе на смертность въ этихъ деревняхъ, представляющую отношеніе 1 къ 22 и 1 къ 23, вмѣсто одного къ 36, какъ это бываетъ обыкновенно тамъ, гдѣ браки относятся ко всему населенію, какъ 1 къ 108. Число раждающихся почти равнялось числу умирающихъ. Чрезвычайное число браковъ вытекало, не изъ новыхъ источниковъ, открывающихъ средства существованія для народа, и потому, оно не производило увеличенія населенія; оно вытекало единственно изъ быстраго разрушенія существующихъ уже супружествъ, производимаго смертью, и изъ освобожденія чрезъ это новыхъ мѣстъ, открывавшихъ средства существованія для новой семьи.

Въ такомъ случаѣ представляется вопросъ: которое изъ двухъ условій оказываетъ сильнѣйшее вліяніе на другое? Большее ли число браковъ, то есть, чрезмѣрное ли размноженіе населенія оказываетъ сильнѣйшее дѣйствіе на увеличеніе смертности, или же, смертность, естественно вызываемая нездоровыми условіями занятій и климата, оказываетъ большее вліяніе на увеличеніе числа браковъ? Въ исключительномъ случаѣ, о которомъ идетъ рѣчь, послѣднее предположеніе кажется мнѣ болѣе близкимъ къ истинѣ, въ особенности по той причинѣ, что въ Голландіи, по общему мнѣнію, народъ не находится въ бѣдственномъ состояніи. Большая смертность въ ней вѣроятно вызывается болотистыми свойствами почвы, пересѣкающими ее многочисленными каналами, большимъ числомъ людей, предающихся сидячимъ занятіямъ и небольшимъ

числомъ такихъ, которые посвящаютъ себя здоровымъ земледѣльческимъ работамъ.

То, что я сказалъ выше о Норвегіи, представляетъ любопытный и поразительный контрастъ съ Голландіей. Въ первой смертность представляетъ отношеніе 1 къ 45, а браки 1 къ 130, между тѣмъ какъ въ деревняхъ послѣдней первое отношеніе 1 къ 23, а второе 1 къ 64, то есть, въ томъ и другомъ случаѣ въ два раза большее. Зависимость между обоими отношеніями не подлежитъ сомнѣнію, и показываетъ, до какой степени они дѣйствуютъ одно на другое. Изъ нихъ можно вывести заключеніе, если только не окажется неожиданнаго улучшенія въ земледѣліи, которое бы открыло новыя средства для существованія, что увеличеніе числа браковъ не можетъ произвесть другаго дѣйствія, кромѣ усиленія смертности, и обратно, что усилившаяся смертность увеличиваетъ число заключаемыхъ браковъ.

Такое внезапное улучшеніе въ земледѣліи случилось до нѣкоторой степени въ Россіи; вслѣдствіе этого, число браковъ въ ней довольно значительно при небольшой смертности; но, по мѣрѣ того, какъ населеніе начнетъ размножаться, если отношеніе браковъ останется прежнее, то смертность неизбѣжно должна усилиться; а если не измѣнится смертность, то должно уменьшиться число заключаемыхъ браковъ.

Зюсмильхъ представилъ нѣсколько поразительныхъ примѣровъ постепеннаго уменьшенія соотвѣтствующаго числа супружествъ, по мѣрѣ размноженія населенія и замѣщенія всѣхъ мѣстъ, доставляющихъ человѣку возможность прокормить себя.

Въ 1700 году, въ Галле ежегодное число браковъ относилось ко всему населенію, какъ 1 къ 77. Впродолженіи слѣдующихъ 55 лѣтъ отношеніе это постепенно уменьшалось, пока не достигло, по вычисленію Зюсмильха, до 1 къ 167. Такая перемѣна, безъ всякаго сомнѣнія, поразительна. Если давшее ее вычисленіе вѣрно, то оно служило бы доказательствомъ, съ какою силой дѣйствуютъ обстоятельства, задерживающія бракъ, и до такой степени послѣднія находятся

*

въ зависимости отъ средствъ существованія; но такъ какъ число жителей получено въ настоящемъ случаѣ изъ вычисленія, а не непосредственною переписью, то и приведенныя отношенія могутъ быть не вполнѣ точны, и находиться въ зависимости отъ какихъ нибудь случайныхъ обстоятельствъ.

Въ Лейпцигѣ, въ 1620 ежегодное число браковъ было, какъ 1 къ 82, а съ 1741 по 1756, какъ 1 къ 120. Въ Аугсбургѣ, въ 1510 отношеніе это было, какъ 1 къ 86, а въ 1750, какъ 1 къ 123. Въ Данцигѣ, въ 1705 отношеніе это было, какъ 1 къ 89, а въ 1745, какъ 1 къ 118. Въ герцогствѣ Магдебургскомъ, въ 1700 отношеніе это было, какъ 1 къ 87, а съ 1752 по 1755, какъ 1 къ 125. Въ княжествѣ Гальберштадскомъ, въ 1690 отношеніе это было, какъ 1 къ 88, а въ 1756, какъ 1 къ 112. Въ герцогствѣ Клевскомъ, въ 1705 отношеніе это было, какъ 1 къ 83, а въ 1755, какъ 1 ко 100. Въ мархіи Бранденбургской, въ 1700 отнешеніе это было, какъ 1 къ 76, а въ 1755, какъ 1 къ 108.

Я могъ бы привести еще большее число примѣровъ того же рода, но для нашей цѣли достаточно и этихъ. Когда въ странѣ внезапно возрастаютъ средства существованія, вслѣдствіе ли необыкновенной смертности или вслѣдствіе быстрыхъ успѣховъ земледѣлія, промышленности и торговли, то открываются новыя мѣста для браковъ, и послѣднихъ заключается болѣе, чѣмъ сколько уничтожается смертью. Но, по мѣрѣ замѣщенія открывающихся мѣстъ, число браковъ уменьшается, а число супружествъ, превысившее количество, требовавшееся для замѣщенія, мало по малу исчезаетъ; это ясно доказывается приведенными нами фактами.

Въ странѣ, съ давнихъ временъ вполнѣ населенной, въ которой не открывается новаго источника для средствъ существованія, число браковъ опредѣляется главнымъ образомъ числомъ умирающихъ, и число это остается почти неизмѣннымъ для всякой эпохи.

Такое же постоянство замѣчается и въ странахъ, въ которыхъ ежегодно нѣсколько возрастаетъ количество продовольствія, если возрастаніе послѣдняго идетъ непрерывно и равномѣрно. Предположимъ, что оно идетъ такъ правильно

и постоянно, что впродолженіи полустолѣтія доставляетъ возможность ежегодно увеличиваться числу браковъ, сверхъ того количества, которое уничтожается смертностью: населеніе непремѣнно будетъ возрастать, быть можетъ, даже быстро; но не трудно понять, что въ такомъ случаѣ отношеніе числа браковъ ко всему населенію будетъ держаться почти на одномъ уровнѣ во все продолженіе этого періода.

Зюсмильхъ старался опредѣлить это отношеніе для различныхъ странъ и для различныхъ обстоятельствъ. Въ сельскомъ населеніи Бранденбургской мархіи совершается ежегодно 1 бракъ на 109 жителей. Въ сельскихъ общинахъ отношеніе это, по мнѣнію этого писателя, колеблется между 1 къ 108 и 1 къ 115. Въ небольшихъ городахъ мархіи смертность болѣе значительна, и можетъ быть принята, какъ 1 къ 98. Въ вышеприведенныхъ голландскихъ деревняхъ отношеніе для смертности 1 къ 64, въ Берлинѣ 1 къ 110, въ Парижѣ 1 къ 137. По мнѣнію Крома, въ Парижѣ и Римѣ, городахъ *съ наибольшимъ холостымъ населеніемъ*, отношеніе это болѣе 1 къ 160.

Но во всякомъ случаѣ, дѣлать заключенія на основаніи такого рода среднихъ отношеній слѣдуетъ съ крайней осторожностью, такъ какъ весьма рѣдко случается, чтобы продовольствіе и населеніе возрастали равномѣрно. Но какъ только измѣнятся въ какой либо странѣ условія, вслѣдствіе колебаній въ населеніи или въ продовольствіи, или вслѣдствіе перемѣны въ благоразумныхъ и порядочныхъ привычкахъ народа, то отношеніе, существовавшее для одной эпохи, очевидно будетъ не годиться для другой.

Ничего нѣтъ труднѣе, какъ установить въ этомъ отношеніи правила, которыя не допускали бы исключеній. Можно положить вообще, что *если становится легче пріобрѣтать средства для своего существованія*, будетъ ли это вызвано увеличившеюся смертностью, или успѣхами земледѣлія и торговли, *болѣе легкое пріобрѣтеніе средствъ существованія стремится увеличить отношеніе числа браковъ къ населенію*. Но можетъ случиться, что такого дѣйствія и не воспослѣдуетъ. Предположимъ, напримѣръ, что какой нибудь

народъ находится въ состояніи крайняго упадка; что смертность вызывается въ немъ главнымъ образомъ непредусмотрительностью, сопровождающею обыкновенно такое состояніе: внезапное улучшеніе его положенія можетъ возбудить въ немъ чувство достоинства и стремленіе къ порядочности и приличію; въ такомъ случаѣ, число браковъ можетъ не увеличиться, но большее число дѣтей останется въ живыхъ, и добавочное населеніе, вызванное новымъ порядкомъ вещей, доставлено будетъ уменьшеніемъ смертности, а не увеличеніемъ числа раждающихся.

Такимъ же точно образомъ, если въ какой либо странѣ населеніе долго находилось въ неподвижномъ состояніи, такъ что оно будто утратило способность къ размноженію, то можетъ случиться, что измѣненіе нравовъ, вслѣдствіе какой либо другой причины, вызоветъ соотвѣтственное уменьшеніе числа браковъ. Въ такомъ случаѣ, такъ какъ болѣзни, сопровождающія нищету, унесутъ меньшее противъ прежняго число дѣтей, то уменьшеніе числа браковъ уравновѣсится уменьшеніемъ смертности, и населеніе будетъ держаться на своемъ уровнѣ меньшимъ числомъ рожденій.

Изъ этого слѣдуетъ, что такія перемѣны въ привычкахъ очевидно должны приниматься въ соображеніе.

Быть можетъ, самое общее правило, какое можно принять въ этомъ отношеніи, состоитъ въ томъ, что *всякое прямое поощреніе браковъ неизбѣжно влечетъ за собой увеличеніе смертности*. Стремленіе къ супружеству всюду до такой степени сильно, что и безъ всякихъ поощреній, какъ только опростится свободное мѣсто, можно быть увѣрену, что оно немедленно будетъ занято; поэтому, поощренія оказываются либо безполезными, либо они вызываютъ супружества, когда вакантныхъ мѣстъ не имѣется. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого должно быть увеличеніе нищеты и смертности. Монтескье говоритъ въ *Персидскихъ письмахъ*, что во Франціи, во время войнъ, предшествовавшихъ той эпохи, въ которую онъ писалъ, опасеніе попасть въ солдаты побуждало многихъ молодыхъ людей вступать въ бракъ, вслѣдствіе чего явилось множество дѣтей, «которыхъ до сихъ поръ не досчитывается Франція, ибо они погибли отъ нищеты, голода и болѣзней *.»

Послѣ такого поразительнаго примѣра неизбѣжнаго результата прямыхъ поощреній къ супружеству, нельзя не удивляться, какъ тотъ же писатель утверждаетъ въ другомъ своемъ сочиненіи, *Духъ законовъ*, что Европа еще до настоящаго времени нуждается въ законахъ, поощряющихъ размноженіе человѣческой породы **.

Зюсмильхъ придерживается того же мнѣнія. Онъ разбираетъ случай, когда число браковъ перестаетъ возрастать вслѣдствіе того, что не можетъ быть увеличено количество продовольствія; онъ указываетъ на нѣкоторыя страны, въ которыхъ число заключаемыхъ браковъ точно соотвѣтствуетъ числу браковъ, разрушаемыхъ смертью, и въ то же время онъ упорствуетъ въ мысли, что одно изъ главнѣйшихъ обязанностей правительства состоитъ въ поддержаніи числа заключающихся браковъ. Онъ приводитъ въ примѣръ Августа и Траяна, и полагаетъ, что государь или государственный человѣкъ заслужилъ бы названіе отца народа, еслибы онъ увеличилъ отношеніе числа браковъ ко всему населенію, такъ что, вмѣсто 1 къ 120 или къ 125, оно обратилось бы въ 1 къ 80 или 90. Но такъ какъ изъ примѣровъ, имъ самимъ приводимыхъ, оказывается, что въ странахъ, съ давнихъ временъ достаточно населенныхъ, смерть *** представляется самымъ могущественнымъ поощреніемъ для браковъ, то государь или государственный человѣкъ, которому удалось бы увеличить въ такой же степени число браковъ, быть можетъ, скорѣе заслужилъ бы имя разрушителя, чѣмъ отца.

Отношеніе ежегодно раждающихся ко всему населенію зависитъ главнымъ образомъ отъ соотвѣтствующаго числа браковъ. Такимъ образомъ, въ странахъ, неспособныхъ къ значи-

---

* Письмо CXXII.

** Кн. XXIII, гл. XXVI. — И Монтескье совершенно правъ, если всякое улучшеніе, всякое движеніе впередъ, несомнѣнно сопровождается увеличеніемъ населенія и его благосостоянія. Рус. перев.

*** Съ точки зрѣнія Мальтуса — смерть, съ точки зрѣнія Зюсмильха — всякое экономическое улучшеніе. Рус. перев.

тельному увеличенію своего населенія, число рожденій, какъ и число браковъ, зависитъ главнымъ образомъ отъ числа умирающихъ; тамъ, гдѣ населеніе не уменьшается, рожденія пополняютъ убыль, производимую смертью, и сверхъ того, доставляютъ избытокъ, какъ разъ соотвѣтствующій увеличенію населенія, допускаемому улучшеніями въ земледѣліи, промышленности и торговлѣ. Во всей почти Европѣ, въ промежутки между чумой, повальными болѣзнями, убійственными войнами, которыя по временамъ производятъ въ ней свои опустошенія, число раждающихся превосходитъ число умирающихъ; но такъ какъ смертность весьма неодинакова въ различныхъ странахъ и при различныхъ обстоятельствахъ, то и число рожденій такимъ же образомъ измѣняется, хотя и не въ одинаковой степени, ибо страны допускаютъ неодинаковый избытокъ населенія.

Въ 39 голландскихъ деревняхъ, въ которыхъ умираетъ 1 изъ 23 человѣкъ населенія, то же отношеніе существуетъ и для раждающихся. Въ 15 деревняхъ въ окрестностяхъ Парижа отношеніе раждающихся ко всему населенію такое же, и даже нѣсколько больше, вслѣдствіе нѣсколько большей въ нихъ смертности. Какъ раждающіеся, такъ и умирающіе представляютъ отношеніе 1 къ $22^{7}/_{10}$. Въ небольшихъ городахъ Браденбургіи, находящихся въ состояніи роста, умираетъ 1 изъ 29 человѣкъ, а раждается 1 на $24^{7}/_{10}$. Въ Швеціи, въ которой умираетъ почти 1 изъ 35, раждается 1 на 28. Въ 1,056 деревняхъ Браденбургіи смертность равна 1 къ 39 или 40, а рожденія 1 къ 30. Въ Норвегіи умираетъ 1 изъ 48, а раждается 1 на 34. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ число раждающихся очевидно обусловливается числомъ умирающихъ, разумѣется, принимая во вниманіе излишекъ рожденій, допускаемый состояніемъ каждой страны. Послѣднее условіе оказываетъ особенно сильное вліяніе въ Россіи, ибо въ ней умираетъ неболѣе 1 изъ 48 или 50, а раждается тѣмъ неменѣе, 1 на 26 человѣкъ, до того быстро идетъ въ ней размноженіе населенія.

Писатели по статистикѣ старались опредѣлить среднюю величину смертности для всѣхъ странъ вообще; но еслибы

и можно было получить ее, то я не вижу, какую бы она доставила пользу. Она была бы безполезна для вычисленія населенія всей Европы или всего земнаго шара; а еслибы мы хотѣли воспользоваться ею для отдѣльныхъ случаевъ и мѣстностей, то очевидно, она ввела бы насъ въ грубыя ошибки. Такъ какъ въ различныхъ странахъ и при различныхъ условіяхъ смертность человѣческаго рода измѣняется въ такихъ далекихъ предѣлахъ, какъ 1 къ 20 и 1 къ 60, то нѣтъ возможности ни въ какомъ данномъ случаѣ пользоваться среднимъ отношеніемъ, не имѣя въ то же самое время свѣдѣній объ условіяхъ, въ которыхъ находится страна, о количествѣ въ ней городовъ, о привычкахъ народа, о здоровости климата; свѣдѣнія эти дѣлаютъ безполезнымъ среднее и общее отношеніе, и въ замѣнъ его, доставляютъ такое, которое окажется болѣе пригоднымъ для каждой данной страны.

Существуетъ, впрочемъ, условіе, которое увеличиваетъ смертность страны и которое можно принять за явленіе общее; но оно вполнѣ доступно наблюденію. Это — число городовъ и отношеніе числительности городскаго населенія къ сельскому. Неблагопріятное дѣйствіе на здоровье человѣка тѣсныхъ и закрытыхъ помѣщеній, а также сидячихъ городскихъ занятій, обнаруживается вездѣ и во всякое время; слѣдовательно, общая смертность должна всюду зависѣть въ значительной степени отъ числа людей, работающихъ при такихъ условіяхъ, и отъ числа людей, преданныхъ земледѣльческимъ занятіямъ. На этомъ основаніи вычислено, что при отношеніи городскаго населенія къ сельскому, какъ 1 къ 3, смертность составляетъ 1 изъ 36; послѣдняя составляетъ 1 изъ 35 или изъ 33, когда отношеніе между обоими населеніями, какъ 2 къ 5 или 3 къ 7. Отношеніе это менѣе 1 изъ 36, когда городское населеніе къ сельскому относится, какъ 2 къ 7 или какъ 1 къ 4. Согласно съ этимъ вычисленіемъ, по переписи 1756 года, найдено, что отношеніе смертности для Пруссіи составляетъ 1 къ 38, для Помераніи — 1 къ $37^{1}/_{2}$, для новой Мархіи — 1 къ 37, для избирательной Мархіи — 1 къ 35.

Ближайшая къ истинѣ средняя величина смертности для

всѣхъ странъ, принимая въ разсчетъ, какъ городское, такъ и сельское населеніе, представляетъ, по мнѣнію Зюсмильха, отношеніе 1 къ 36. Но Кромъ полагаетъ, что это отношеніе, быть можетъ, и близкое къ дѣйствительности во времена Зюсмильха, въ настоящее время не соотвѣтствуетъ ей, ибо въ большей части европейскихъ государствъ число городовъ увеличилось, а сами города стали многолюднѣе. Онъ полагаетъ, къ тому же, что цифра Зюсмильха была нѣсколько мала и въ свое время, и что отношеніе 1 къ 30 гораздо ближе къ истинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, есть поводъ думать, что отношеніе, выведенное Зюсмильхомъ, было ниже дѣйствительнаго, потому что писатель этотъ, подобно многимъ другимъ статистикамъ, склоненъ былъ выключать изъ своихъ вычисленій годы, отличающіеся повальными болѣзнями. Но Кромъ, въ свою очередь, не подкрѣпляетъ удовлетворительными доводами отношеніе, которымъ предлагаетъ замѣнить вычисленіе Зюсмильха. Онъ основывается на авторитетѣ Бюшинга, устанавливающаго отношеніе 1 къ 30 для всего Прусскаго государства; но это отношеніе выведено, повидимому, изъ трехлѣтнихъ наблюденій, періода слишкомъ краткаго для вывода, который бы заслуживалъ довѣрія. Что касается до Прусскаго государства, то это отношеніе совершенно опрокидывается даже нѣкоторыми послѣдующими наблюденіями, приводимыми Кромомъ. По спискамъ за пять лѣтъ, заключающихся 1784 годомъ, смертность въ немъ не превышала 1 изъ 37. Впродолженіи того же періода раждающіеся относились къ умирающимъ, какъ 131 ко 100. Въ Силезіи смертность, съ 1781 по 1784, была 1 изъ 30, а родившіеся къ умершимъ, какъ 128 ко 100. Въ Гельдернѣ, съ 1776 по 1781, смертность была 1 изъ 27, а рождаемость 1 на 26. Эти двѣ провинціи Прусской монархіи имѣютъ наибольшую смертность; но въ другихъ она чрезвычайно мала. Съ 1781 по 1784, средняя смертность въ Невшателѣ и Валангинѣ * была неболѣе, какъ 1 къ 44, а рождаемость 1 на 31. Въ княжествѣ Гальберштадскомъ, съ 1778 по 1784, смертность была

* Съ 1815 оба — кантонъ Швейцарскаго союза.

еще менѣе, а именно, умиралъ 1 изъ 45 или 46, а отношеніе родившихся къ умершимъ было, какъ 137 ко 100.

Какъ общее заключеніе изъ этихъ фактовъ, Кромъ приводитъ, что по величинѣ смертности европейскія государства могутъ быть раздѣлены на три разряда.

Въ самыхъ богатыхъ и населенныхъ странахъ, въ которыхъ городское населеніе и сельское находятся въ отношеніи 1 къ 3, смертность можно принять 1 изъ 30. Въ странахъ, находящихся на средней степени населенія и цивилизаціи, смертность можно принять 1 изъ 32. Наконецъ, для слабонаселенныхъ странъ можно принять отношеніе Зюсмильха 1 изъ 36.

Отношенія эти, повидимому, представляютъ вообще слишкомъ большую смертность, даже принимая въ разсчетъ годы, отмѣченные повальными болѣзнями. Вѣроятно, привычки къ порядочности, распространившіяся въ послѣднее время во всѣхъ почти европейскихъ городахъ, болѣе чѣмъ вознаграждаютъ за пагубное дѣйствіе, производимое на здоровье человѣка увеличеніемъ числа городовъ.

ГЛАВА V. — О препятствіяхъ для размноженія населенія въ Швейцаріи.

Швейцарія находится во многихъ отношеніяхъ въ положеніи, до такой степени различномъ съ положеніемъ прочихъ европейскихъ государствъ; факты, собранные въ ней, до такой степени любопытны и пригодны для подтвержденія законовъ, излагаемыхъ въ настоящемъ сочиненіи, что страна эта заслуживаетъ отдѣльнаго изслѣдованія и особеннаго вниманія.

Тридцать пять или сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ Швейцаріи распространилась, повидимому, тревога по вопросу о ея населеніи. Записки Бернскаго экономическаго общества, незадолго предъ тѣмъ основаннаго, наполнены были замѣтками, которыя указывали на упадокъ труда, промышленности, земледѣлія и фабрикъ, и которыя предсказывали неизбѣжный недостатокъ рукъ. Бо́льшая часть ученыхъ, писавшихъ объ этомъ предметѣ, считала уменьшеніе населенія дѣломъ до та-

кой степени очевиднымъ, что оно не требовало доказательствъ; поэтому, все свое вниманіе они обратили на изысканіе средствъ для отстраненія такого зла, какъ на призваніе изъ за границы повивальныхъ бабокъ, учрежденіе воспитательныхъ домовъ, установленіе приданнаго молодымъ дѣвушкамъ, прекращеніе выселеній и призывъ переселенцевъ изъ чужихъ странъ *.

Въ то же время издана была записка Мюре, правителя въ Веве, изъ которой можно получить самыя точныя свѣдѣнія и въ которой, прежде чѣмъ отыскивать средства, авторъ считаетъ необходимымъ убѣдиться въ существованіи зла. Добросовѣстныя изслѣдованія, тщательно провѣренныя по книгамъ различныхъ приходовъ со времени ихъ первоначальнаго заведенія, доставили ему возможность сравнить число рожденій за три различные періода, по семидесяти лѣтъ въ каждомъ: первый простирается до 1620, второй—до 1690 и третій —до 1760 года. Результатомъ этого сравненія было то, что число рожденій во второмъ періодѣ было нѣсколько менѣе, чѣмъ въ первомъ, а предположивъ нѣкоторые пропуски во второмъ и нѣкоторыя добавленія въ третьемъ, число рожденій въ послѣднемъ оказывается тоже нѣсколько менѣе, чѣмъ во второмъ. Изъ чего авторъ заключаетъ, что уменьшеніе населенія въ странѣ съ 1550 не подлежитъ сомнѣнію.

Но и принявъ положенія, послужившія основаніемъ для выводовъ, послѣдніе, быть можетъ, все таки менѣе вѣрны, чѣмъ воображаетъ авторъ. Другіе факты, приводимые въ его же запискѣ, порождаютъ во мнѣ убѣжденіе, что впродолженіи этого періода Швейцарія находилась въ положеніи, описанномъ въ предъидущей главѣ: то есть, населеніе ея постоянно возрастало. Привычки къ благоразумію и къ порядочности постепенно распространялись по всей странѣ; благопріятныя для здоровья условія умножались; большее число дѣтей стало достигать зрѣлаго возраста, и меньшимъ числомъ рожденій нетолько населеніе поддерживалось на своемъ уровнѣ, но даже еще увеличивалось, какъ только это

* См. *Mémoires de la Société économique de Berne* pour 1766, изъ которыхъ заимствованы всѣ факты, приводимые въ этой главѣ.

дозволялось обстоятельствами. Вслѣдствіе этого, отношеніе раждавшихся ко всему населенію, впродолженіи послѣдняго періода, должно было быть меньше, чѣмъ въ предъидущемъ.

Мюре показываетъ, на основаніи точныхъ вычисленій, что впродолженіи перваго періода смертность была чрезвычайно мала, и что число дѣтей, достигавшихъ отрочества, было весьма значительно. Этого не могло быть въ такой же степени въ предшествующіе періоды. Самъ Мюре замѣчаетъ, что «бывшее тогда слабое населеніе страны должно быть приписано чумѣ, которая опустошала ее въ прежнія времена.» И прибавляетъ: «Если населеніе поддерживалось, несмотря на частое посѣщеніе такого страшнаго зла, то это можетъ быть объяснено только здоровымъ климатомъ и надежными средствами для пополненія убыли въ своемъ населеніи.» Но онъ не прилагаетъ этого замѣчанія, какъ это слѣдовало бы сдѣлать, и не принимаетъ въ соображеніе, что для быстраго пополненія понесенныхъ потерь необходимо было чрезвычайное увеличеніе числа рожденій, что страна могла предохранить себя отъ грозившаго ей обезлюденія только тѣмъ, что между раждающимся и всѣмъ населеніемъ устанавливалось большее отношеніе, чѣмъ какое существовало въ послѣдующіе періоды, когда причины смертности почти прекратили свое дѣйствіе.

Въ одной изъ таблицъ, помѣщенныхъ въ томъ же сочиненіи, мы находимъ списокъ всѣхъ чумныхъ заразъ, опустошавшихъ Швейцарію. Изъ него видно, что въ первый періодъ страшный бичъ этотъ обнаруживался чрезъ краткіе промежутки времени, а впослѣдствіи все рѣжѐ и рѣже, остановивъ свое дѣйствіе за двадцать два года до конца втораго періода.

Предположеніе, что въ періодъ весьма частаго возвращенія такихъ болѣзней страна пользовалась большею здоровостью и что смертность въ ней была весьма незначительна, противурѣчило бы всѣмъ законамъ вѣроятности. Допустимъ, что смертность была въ то время такою, какая существуетъ теперь во многихъ странахъ, незнающихъ этого бѣдствія, то есть, что ежегодно умиралъ 1 изъ 32, вмѣсто 1 изъ 45, какъ это оказывается въ послѣднемъ періодѣ. Въ такомъ случаѣ

и рожденія должны находиться въ соотвѣтствующемъ отношеніи, и вмѣсто 1 къ 36, они были, какъ 1 къ 26. Поэтому, желая вычислить населеніе страны по числу рожденій, мы должны избирать въ различные періоды различные множители; а бо́льшее число рожденій въ первомъ періодѣ вовсе не даетъ права заключать, что и населеніе въ то время было болѣе многочисленно.

Такимъ образомъ, въ случаѣ, приводимомъ авторомъ, сумма родившихся въ 17 приходахъ впродолженіи первыхъ 70 лѣтъ, составляетъ 49,860; откуда, среднее ежегодное число рожденій будетъ 712. Число это, помноженное на 26, дало бы для всего населенія 18,512 душъ. Въ послѣднемъ періодѣ, сумма рожденій показана въ 43,910, или ежегодно почти 626. Число это, помноженное на 36, даетъ населеніе въ 22,536 душъ. Если, поэтому, множители избраны нами вѣрно, то вмѣсто уменьшенія, которое имѣлось въ виду доказать, изъ этихъ данныхъ вытекаетъ значительное увеличеніе населенія.

Я полагаю по многимъ причинамъ, что я назначилъ не очень высокую смертность для перваго періода. Я въ особенности опираюсь на разсчетъ, сдѣланный для Женевы, близкое сосѣдство которой даетъ право принять его, какъ мѣру для сравненія. Въ 16 вѣкѣ вѣроятность жизни для этого города, то есть, возрастъ, котораго достигаетъ половина раждающихся*, составляла неболѣе 4,888, или нѣсколько менѣе четырехъ лѣтъ и девяти десятыхъ; средняя жизнь была 18,511, или почти восемнадцать съ половиною лѣтъ. Въ 17 вѣкѣ вѣ-

* Выраженіе *вѣроятность жизни* необходимо постоянно сопровождать объясненіемъ, ибо подъ этими словами можно разумѣть нѣсколько видовъ вѣроятности. Та, о которой идетъ рѣчь въ настоящемъ случаѣ, по моему мнѣнію, могла бы быть обозначена словами *предѣлъ сомнительной жизни* или, короче, *сомнительною жизнью*. Вѣроятность жизни, вытекающая изъ вычисленія среднихъ лѣтъ всѣхъ жизней, удержала бы названіе *средней жизни*, а вѣроятность жизни, относящаяся къ опредѣленному возрасту, слѣдовало бы называть *вѣроятностью достигнуть* такихъ то лѣтъ. Необходимо отличать точными выраженіями предметы изслѣдованія, въ особенности такіе, которые, по природѣ своей, имѣютъ близкое отношеніе къ точнымъ наукамъ. Фран. перев.

роятность жизни была 11,607, или немного болѣе одинадцати лѣтъ съ половиной, а средняя жизнь 23,258. Въ 18 вѣкѣ вѣроятность жизни увеличилась до 27,183, или почти до двадцати семи лѣтъ и одной пятой, а средняя жизнь — до тридцати двухъ лѣтъ и одной пятой.

Въ высшей степени вѣроятно, что и въ Швейцаріи произошло такого же рода уменьшеніе смертности, хотя, быть можетъ, и не такое значительное. Но мы уже знаемъ изъ таблицъ прочихъ странъ, о которыхъ мы говорили выше, что періоды, отличающіеся наибольшею смертностью, отличаются обыкновенно и наибольшею раждаемостью.

Фактъ, что число рожденій находится въ зависимости отъ числа умершихъ, признается самимъ Мюре, который приводитъ множество примѣровъ его. Но такъ какъ онъ не обратилъ своего вниманія на истинный законъ народонаселенія, то онъ ограничивается только удивленіемъ по этому случаю, и не дѣлаетъ никакихъ выводовъ изъ своего замѣчанія.

По поводу малаго плодородія швейцарскихъ женщинъ, онъ говоритъ, что Пруссія, Бранденбургъ, Швеція, Франція и прочія страны, таблицы которыхъ были въ его рукахъ, представляютъ большее отношеніе между раждающимися и всѣмъ населеніемъ, чѣмъ Ваадтландъ, въ которомъ отношеніе это равно 1 къ 36. Онъ прибавляетъ, что вычисленія, сдѣланныя въ послѣднее время въ Ліоннэ, даютъ отношеніе рожденій для города Ліона, какъ 1 къ 28, для маленькихъ городовъ 1 къ 25, а для сельскихъ приходовъ 1 къ 23 или къ 24. Какая громадная разница, восклицаетъ онъ, между провинціей Ліоннэ и Ваадтомъ*, въ которомъ наибольшее отношеніе, и только въ двухъ маленькихъ приходахъ, отличающихся необыкновенною плодовитостью, не ниже 1 къ 26, а въ большей части другихъ значительно менѣе 1 къ 40! Такое же различіе, замѣчаетъ онъ, существуетъ и для средней жизни: въ Ліоннэ она нѣсколько болѣе двадцати пяти лѣтъ, между тѣмъ

* Ваадтъ, Ваадтландъ, по французски Pays de Vaud, отдѣлился отъ Берна, и вошелъ, какъ самостоятельный кантонъ, въ Швейцарскій союзъ въ 1798. Рус. перев.

какъ въ Ваадтландѣ наименьшая средняя жизнь, и только въ одномъ приходѣ, отличающемся нездоровою, болотистою почвой, составляетъ двадцать девять съ половиной лѣтъ, а для весьма многихъ мѣстъ она даетъ сорокъ пять и болѣе лѣтъ.

«Что же за причина, спрашиваетъ онъ, что страна наша, въ которой дѣти лучше переживаютъ кризисы своего возраста, въ которой средняя жизнь, какъ бы ни вычислялась она, значительнѣе, чѣмъ гдѣ либо, отличается именно наименьшею плодовитостью женщинъ? Что за причина, что изъ всѣхъ нашихъ приходовъ тотъ, который даетъ наибольшую среднюю жизнь, находится въ то же самое время позади всѣхъ относительно своего населенія? Для объясненія этого вопроса, я рѣшаюсь высказать предположеніе, которое и прошу считать неболѣе какъ предположеніемъ. Для повсемѣстнаго поддержанія равновѣсія въ населеніи не установлено ли мудростью Творца закона, чтобы живучесть находилась въ каждой странѣ въ обратномъ отношеніи съ плодовитостью?

«Въ самомъ дѣлѣ, я полагаю, что наблюденіе подтвердитъ мое предположеніе. Въ альпійской деревнѣ Лейзинѣ, состоящей изъ 400 душъ, раждается ежегодно нѣсколько болѣе 8 младенцевъ. Въ Ваадтландѣ на такое же число жителей приходится вообще 11, а въ Ліоннэ 16 рожденій. Но если изъ 8, 11 и 16 достигаетъ 20 лѣтняго возраста одинакое число, то живучесть даетъ для одного мѣста то, что̀ плодовитость даетъ для другаго, и такимъ образомъ, самыя здоровыя страны, отличаясь меньшею плодовитостью, удерживаются отъ чрезмѣрной населенности, а нездоровыя страны, по причинѣ большей плодовитости, поддерживаютъ свое населеніе на прежнемъ уровнѣ.»

По этому мѣсту можно судить объ удивленіи Мюре, вызванномъ противурѣчіемъ между здоровьемъ и плодовитостью. Для объясненія этого явленія онъ прибѣгаетъ къ чуду. Но это явленіе вовсе не нуждается въ такомъ пріемѣ, и замѣченный фактъ вовсе не требуетъ страннаго предположенія, будто бы плодовитость женщинъ находится въ обратномъ отношеніи съ ихъ здоровьемъ.

Между различными странами, безъ сомнѣнія, существуетъ

огромное различіе, вытекающее изъ неодинаковыхъ свойствъ почвы и климата, а также изъ различныхъ занятій и привычекъ населенія. Если вслѣдствіе дѣйствія этихъ, или какихъ бы то ни было другихъ условій, появляется большая смертностность, то за нею немедленно слѣдуетъ соотвѣтствующее увеличеніе числа рожденій, такъ какъ съ одной стороны, усиливается спросъ на трудъ и заключается больше браковъ, а съ другой стороны, супружества, заключаемыя въ болѣе раннемъ возрастѣ, оказываются болѣе плодовиты.

Напротивъ того, гдѣ противуположныя условія благопріятны для сохраненія жизни и здоровья, при предположеніи, что народъ не отличается расположеніемъ къ выселенію, тамъ необходимость въ предупрежденіи чрезмѣрнаго населенія обнаруживается съ необыкновенной силой: приходится или гибнуть, или противупоставлять препятствія для размноженія. Вслѣдствіе этого, супружества заключаются позже, число ихъ постепенно уменьшается, по мѣрѣ увеличенія населенія, а болѣе поздніе браки естественно менѣе плодовиты.

Въ Лейзинскомъ приходѣ, о которомъ говоритъ Мюре, встрѣчаются, повидимому, всѣ эти условія. Деревня, по положенію своему, пользуется самымъ чистымъ воздухомъ; жители ея, занимающіеся скотоводствомъ, подвергаются весьма немногимъ условіямъ, неблагопріятнымъ для здоровья. Вотъ почему, по вычисленію Мюре, въ точности котораго сомнѣваться нѣтъ повода, вѣроятность жизни въ этомъ приходѣ доходитъ до 61 года, предѣла дѣйствительно изумительнаго. Но въ этой мѣстности, впродолженіи 30 лѣтъ, число рожденій было почти равно числу умирающихъ; а изъ этого можно заключить, что населеніе не имѣло склонности къ выселенію*, и что средства прихода для поддержанія своего на-

* Это, безъ сомнѣнія, правдоподобно. Но такъ какъ населеніе прихода, городскаго или сельскаго, можетъ оставаться неподвижнымъ по двумъ причинамъ, то авторъ долженъ былъ, повидимому, упомянуть и о той, которой онъ не допускаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, если выселенія вознаграждаются прибывающими поселенцами, то населеніе то же не измѣнится. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ нельзя предположить, чтобы такое круговое движеніе имѣло мѣсто.

Фран. перев.

селеніе оставались почти въ неподвижномъ состояніи. Мы имѣемъ, стало быть, право предположить, что пастбища этого прихода были ограничены, и что безъ особеннаго труда они не могли быть увеличены или улучшены; этимъ самымъ ограничивалось количество скота, какое могло быть прокормлено ими, и число людей, необходимое для присмотра за нимъ.

При такихъ условіяхъ, какимъ же образомъ могли молодые люди, достигшіе брачнаго возраста, оставлять родительскій домъ, чтобы жениться, ранѣе чѣмъ откроется смертью мѣсто пастуха, молочника или кого либо другаго? По причинѣ всеобщаго здоровья, мѣста эти открывались весьма рѣдко, и потому, значительное число людей должно было проводить молодость въ безбрачной жизни, или подвергнуться очевидной опасности погибнуть отъ голода и погубить семью. Настоящій случай сходенъ съ тѣмъ, который мы разбирали, говоря о Норвегіи, и къ нему тѣмъ ближе прилагаются защищаемые нами принципы, чѣмъ большее равенство замѣчается между числомъ умирающихъ и числомъ раждающихся.

Если отецъ семейства въ этой деревнѣ, по несчастію, имѣлъ больше дѣтей, противъ обыкновеннаго, то изъ этого вытекало скорѣе уменьшеніе, чѣмъ увеличеніе число браковъ. При бережливости, отцу можно еще было воспитать всѣхъ своихъ дѣтей, хотя вѣроятно онъ не былъ въ состояніи пристроить ихъ на собственныя средства, но очевидно, что дѣти могли оставить его весьма поздно. Вѣроятно, первому изъ нихъ, заводившемуся семьей, удавалось сдѣлать это только по смерти своего отца. Если же, напротивъ того, у послѣдняго было не болѣе двухъ сыновей, то одинъ изъ нихъ, быть можетъ, женился, не оставляя родительскаго дома, а другой по смерти отца. Кажется, можно принять за общее правило, что возможность или невозможность новаго супружества или возникновенія новой семьи обусловливается существованіемъ или несуществованіемъ въ семьѣ четырехъ лицъ, находящихся внѣ брачной жизни.

Такъ какъ въ этомъ приходѣ браки, за немногими исключеніями, заключались весьма поздно, и такъ какъ въ то же самое время, по причинѣ здоровыхъ условій мѣстности, эти

поздніе браки разрушались смертью тоже весьма поздно, то очевидно, значительное число всѣхъ, существовавшихъ въ данный моментъ супружествъ оказывалось безполезно для размноженія населенія, вслѣдствіе перезрѣлаго возраста женщинъ. Вотъ почему число одновременно существовавшихъ супружествъ находилось съ числомъ ежегодныхъ рожденій въ отношеніи, выходящемъ изъ ряду обыкновенныхъ, а именно, какъ 12 къ 1. Число раждающихся составляло 49-ую часть населенія, а число лицъ, перешедшихъ за 16 лѣтній возрастъ, къ числу лицъ, недостигшихъ его, относилось почти какъ 3 къ 1.

Въ противуположность этому, чтобы показать, какъ мало можно довѣрять цифрѣ населенія, выведенной изъ числа раждающихся, Мюре приводитъ приходъ Св. Церга въ Юрскихъ альпахъ, въ которомъ число существующихъ супружествъ къ числу ежегодныхъ рожденій относится, какъ 4 къ 1, въ которомъ рожденія составляютъ 26-ую часть населенія, и въ которомъ число людей по одну и другую сторону 16 лѣтняго возраста совершенно то же.

Если вычислять населеніе обоихъ приходовъ по ежегодному числу рожденій, говоритъ этотъ писатель, то можно подумать, что населеніе Лейзинскаго прихода превосходитъ населеніе прихода Св. Церга на одну пятую, между тѣмъ какъ непосредственная перепись даетъ для перваго 405 душъ, а для втораго 171.

«Я выбралъ, говоритъ онъ, приходы, отличающіеся наиболишею противуположностью; но хотя различіе это и менѣе бросается въ глаза въ прочихъ приходахъ, тѣмъ неменѣе, постоянно встрѣчается, что двѣ мѣстности, нерѣдко весьма близкія одна къ другой и находящіяся, повидимому, въ одинаковыхъ условіяхъ, представляютъ отношенія весьма несходныя.»

Странно, что послѣ такихъ замѣчаній и многихъ другихъ, которыхъ я не привожу, писатель этотъ только изъ отношенія раждающихся заключаетъ объ уменьшеніи населенія въ Ваадтѣ. А между тѣмъ, нѣтъ никакого повода думать, чтобы отношеніе это тоже не измѣнялось въ различные періоды, какъ оно измѣняется въ другихъ мѣстахъ. Различіе, замѣчен-

ное въ плодородіи Лейзинскаго прихода и прихода Св. Церга, зависитъ отъ причинъ, которыя могутъ быть измѣнены временемъ и различными обстоятельствами. Большое число дѣтей, достигающихъ зрѣлаго возраста въ послѣднемъ, доказываетъ, что онъ пользуется такимъ же здоровымъ климатомъ, какъ и деревня Лейзинъ. Отношеніе въ немъ между раждающимися и умирающими какъ 7 къ 6; но такъ какъ общее число жителей не превышаетъ 171 души, то очевидно, такой излишекъ рожденій не присоединялся постоянно къ населенію всего прихода впродолженіи двухъ предшествовавшихъ столѣтій. Слѣдовательно, избытокъ этотъ могъ быть вызванъ только какимъ либо внезапнымъ развитіемъ земледѣлія или торговли, или же выселеніями. Послѣдняя причина представляетъ больше вѣроятности, и мнѣ кажется, что она подтверждается вышеупомянутымъ замѣчаніемъ о незначительномъ числѣ взрослыхъ, сравнительно со всѣмъ населеніемъ. Приходъ этотъ лежитъ въ Юрскихъ горахъ на большой дорогѣ изъ Парижа въ Женеву. Такое положеніе должно было способствовать выселенію; въ самомъ дѣлѣ, оно доставило, повидимому, возможность выселить въ города и на равнину часть жителей плодовитаго прихода, и освободиться отъ многихъ взрослыхъ людей, которые открыли такимъ образомъ мѣста новымъ супружествамъ, и своимъ удаленіемъ содѣйствовали увеличенію числа семействъ.

Привычка къ выселенію въ какомъ либо приходѣ находится въ зависимости не исключительно отъ одного только его положенія, но вѣроятно и отъ многихъ случайныхъ обстоятельствъ. Я не сомнѣваюсь, что трехъ или четырехъ удачныхъ выселеній могло быть достаточно, чтобы возбудить во всей деревнѣ духъ предпріимчивости, а неудачный исходъ такого же числа попытокъ могъ произвесть совершенно противуположное дѣйствіе. Еслибы въ Лейзинѣ возникла привычка къ выселенію, то не подлежитъ сомнѣнію, что отношеніе рожденій немедленно измѣнилось бы въ немъ, а черезъ двадцать лѣтъ изслѣдованіе приходскихъ книгъ доставило бы данныя, столь же несходныя съ выводами Мюре, сколько послѣднія несходны съ данными, представляемыми приходомъ

Св. Церга. Мы имѣемъ право заключить изъ этого, что помимо большей смертности, существуютъ еще другія условія, по которымъ вычисленіе всего населенія въ различные періоды можетъ оказаться весьма сомнительнымъ, если оно сдѣлано на основаніи отношенія числа рожденій.

Собирать факты, замѣченные Мюре, весьма полезно, но нельзя сказать того же о выводахъ, какіе онъ дѣлаетъ изъ нихъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько вычисленій для Веве, которыя, въ сущности, подтверждаютъ самые справедливые законы относительно плодородія супружествъ, и доказываютъ ошибочность обыкновенной оцѣнки, хотя онъ имѣлъ въ виду совершенно противуположную цѣль. Онъ нашелъ, что 375 матерей родили 2,093 живыхъ дѣтей; откуда слѣдуетъ, что каждая мать произвела на свѣтъ $5^{10}/_{12}$ или почти 6 дѣтей. Въ дѣйствительности, въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ о матеряхъ, а не о замужнихъ женщинахъ. Не всѣ замужнія женщины становятся матерями. Но и по выключеніи числа, выведеннаго для безплодныхъ браковъ, (которое для Веве составляетъ 20 на 478), на каждую замужнюю женщину придется среднимъ числомъ $5^1/_3$ ребенка*: и это въ городѣ, на который авторъ сѣтуетъ, повидимому, за то, что населеніе его слишкомъ поздно женится изъ опасенія многочисленной семьи. Среднее отношеніе ежегодныхъ браковъ къ ежегоднымъ рожденіямъ въ Ваадтѣ 1 къ 3,9; поэтому, по общепринятому пріему для вычисленія, каждое супружество даетъ въ немъ 3,9 ребенка.

Раздѣливъ Ваадтскую страну на восемь округовъ, Мюре нашелъ, что въ семи городахъ средняя жизнь составляетъ 36 лѣтъ, а вѣроятность жизни, или возрастъ, до котораго достигаетъ половина дѣтей, 37 лѣтъ. Въ тридцати шести деревняхъ средняя жизнь дала 37 лѣтъ, а вѣроятность жизни 42 года. Въ девяти альпійскихъ приходахъ средняя жизнь дала 40, а вѣроятность жизни 47 лѣтъ; въ двѣнадцати земледѣль-

* Второй и третій бракъ объясняютъ, почему плодородіе, супружествъ, всегда менѣе плодородія замужнихъ женщинъ? Въ приведенномъ вычисленіи рѣчь идетъ объ однѣхъ только матеряхъ, не обращая вниманія на число ихъ мужей. Прим. автора.

ческихъ приходахъ 37 и 40 лѣтъ; въ восемнадцати исключительно винодѣльныхъ приходахъ, внутри страны, 34 и 37; въ шести смѣшанныхъ приходахъ, земледѣльческихъ и винодѣльныхъ, 33,9 и 36; въ одномъ болотистомъ приходѣ 29 и 24 года.

Изъ другой таблицы оказалось, что въ удивительномъ Лейзинскомъ приходѣ число дѣтей, умирающихъ, недостигнувъ отроческаго возраста, менѣе одной пятой, а въ другихъ альпійскихъ и юрскихъ приходахъ число это менѣе четверти. Для Ваадтланда вообще оно составляетъ около трети.

Въ нѣкоторыхъ изъ многолюднѣйшихъ городовъ, какъ въ Лозаннѣ и Вевe, вслѣдствіе наплыва значительнаго числа иностранцевъ, отношеніе взрослаго населенія къ населенію, недостигшему 15 лѣтняго возраста, почти такъ же велико, какъ въ Лейзинѣ, и приближается къ отношенію 3 къ 1. Въ приходахъ, отличающихся большимъ выселеніемъ, оно близко подходитъ къ равенству.

Все населеніе Ваадта Мюре полагаетъ въ 113,000, изъ которыхъ взрослыхъ людей 76,000 душъ. Поэтому, для всей страны отношеніе зрѣлаго населенія къ населенію, недостигшему возмужалости, какъ 2 къ 1. Между 76,000 взрослыхъ считалось 19,000 супружествъ, слѣдовательно, 38,000 женатыхъ и столько же неженатыхъ, въ числѣ которыхъ находилось, впрочемъ, по вычисленію Мюре, вѣроятно около 9,000 вдовцевъ или вдовъ. При такомъ числѣ безбрачныхъ, нечего опасаться, чтобы возможныя выселенія и наборы въ армію могли значительно измѣнить число ежегодно заключаемыхъ браковъ и остановить движеніе населенія.

Число браковъ ко всему населенію Ваадской страны относилось, по вычисленію Мюре, неболѣе какъ 1 къ 140, то есть, меньше, чѣмъ въ Норвегіи.

Всѣ эти вычисленія Мюре даютъ поводъ предположить, что вліяніе препятствій, предупреждающихъ или предохраняющихъ населеніе отъ чрезмѣрнаго размноженія, весьма значительны во всей изслѣдованной имъ мѣстности, и мы имѣемъ право предположить, что тѣ же условія преобладаютъ и въ прочихъ частяхъ Швейцаріи, хотя они и колеблются, быть

можетъ, смотря по здоровости мѣста, по занятіямъ населенія, и смотря по тому, доставляетъ ли или не доставляетъ страна средства для размноженія населенія.

Въ городѣ Бернѣ, съ 1583 по 1654, верховный совѣтъ внесъ въ число гражданъ 487 семействъ, изъ которыхъ 379 угасло впродолженіи двухъ столѣтій; такъ что въ 1783 изъ нихъ осталось только 108. Въ теченіи истекшаго столѣтія, съ 1684 по 1784, угасло 207 бернскихъ семействъ. Съ 1654 по 1712 права гражданства дарованы были 80 семействамъ. Въ 1623 верховный совѣтъ призналъ гражданами 112 семействъ; изъ которыхъ осталось неболѣе 58 *.

Число безбрачныхъ лицъ въ Бернѣ, считая вдовцевъ и вдовъ, гораздо болѣе половины всѣхъ взрослыхъ; а отношеніе числа людей, недостигшихъ 16 лѣтняго возраста, къ числу перешедшихъ за него, почти какъ 1 къ 3 **. Это весьма сильные доводы въ пользу вліянія препятствій, предупреждающихъ или предохраняющихъ населеніе отъ чрезмѣрнаго размноженія.

Крестьяне Бернскаго кантона всегда считались людьми достаточными, и не подлежитъ сомнѣнію, что они обязаны своимъ благосостояніемъ главнымъ образомъ вышеприведенному обстоятельству. Однимъ изъ законовъ, долгое время сохранявшимъ свою силу ***, требовалось, чтобы крестьянинъ доказалъ, что обладаетъ вооруженіемъ и снаряженіемъ ополченца, прежде чѣмъ будетъ просить о разрѣшеніи вступить въ бракъ. Подобный законъ нетолько отстранялъ отъ брака людей, находящихся въ нищетѣ, но онъ воспитывалъ во всѣхъ гражданахъ благоразумную предусмотрительность, вселяя въ нихъ убѣжденіе, что только трудомъ и бережливостью они могутъ достигнуть предмета своихъ желаній. Молодой человѣкъ, принявшій на себя такого рода обязательства, у себя ли дома или на сторонѣ, неизбѣжно долженъ былъ развивать въ себѣ болѣе высокія чувства, и не довольствоваться

---

* *Statistique de la Suisse* par Durand, т. IV, стр. 405.

** *Beschreibung von Bern*, т. II табл. I.

*** Онъ былъ въ силѣ еще въ 1797. Фран. пер.

заработкомъ только суммы, требуемой для вступленія въ бракъ, но стараться идти далѣе, и скопить больше для содержанія своей семьи.

Мнѣ очень досадно, что во время моего проѣзда чрезъ Швейцарію, я не могъ собрать подробныхъ свѣдѣній о малыхъ кантонахъ. Мнѣ помѣшали господствовавшія въ нихъ въ то время смуты*. Такъ какъ почти всѣ они представля-

* Находясь въ близкомъ сосѣдствѣ съ малыми швейцарскими кантонами, изучить населеніе которыхъ, къ сожалѣнію, не удалось автору, я постарался собрать по этому вопросу хоть нѣсколько достовѣрныхъ свѣдѣній. Но я скоро убѣдился, что такое изслѣдованіе было гораздо затруднительнѣе, чѣмъ это казалось мнѣ съ перваго взгляда.

Вотъ нѣсколько замѣтокъ о кантонѣ Гларисѣ, принадлежащихъ ландаману Гееру.

По переписи 1801 года, кантонъ Гларисъ содержалъ 22,137 душъ. Гееръ думаетъ, что эта цифра менѣе дѣйствительной, и что дѣйствительное его населеніе состоитъ по крайней мѣрѣ изъ 23,000 душъ. Съ этимъ населеніемъ можно сравнить числа слѣдующей таблицы:

Въ 1803	531 умершихъ	850 родившихся
1804	577	792
1805	663	912
1806	657	832
1807	686	823

Поэтому, средняя смертность за пять лѣтъ, выведенная изъ числа, полученнаго переписью, была 1 изъ 35½. Но если принять цифру, болѣе вѣрную, предложенную Геeромъ, то получимъ среднюю смертность почти 1 изъ 37.

Для рожденій получимъ средніе отношенія 1 къ 26¼ или 1 къ 27¼, смотря по тому, примемъ ли мы цифру, данную переписью, или болѣе близкую къ дѣйствительной.

Поэтому, число родившихся относилось къ числу умершихъ, среднимъ числомъ, почти какъ 19 къ 15, или почти какъ 4 къ 3: отношеніе это представляетъ чрезвычайно быстрое размноженіе населенія; такъ что число родившихся и умершихъ, вычисленное по населенію 1801, должно быть слишкомъ велико.

О числѣ ежегодно заключаемыхъ браковъ нельзя было собрать точныхъ свѣдѣній, кромѣ того, что въ 1807 записано ихъ 152. Равнымъ образомъ, нельзя было ничего узнать о среднемъ числѣ дѣтей, доставленныхъ каждымъ супружествомъ. Главная болѣзнь, убивающая въ кантонѣ наибольшее число дѣтей обоего пола, сухотка или изнурительная лихорадка.

ютъ страну, богатую пастбищами, то можно сдѣлать предположеніе, что они должны быть сходны съ альпійскими приходами Ваадтланда, какъ относительно климатическихъ условій, такъ и относительно необходимости предупрежденія размноженія населенія, разумѣется, за исключеніемъ мѣстностей, гдѣ эти условія видоизмѣнены привычкой къ выселенію или учрежденіемъ какихъ либо фабрикъ.

Пока жители этой страны занимались скотоводствомъ и земледѣльческими работами, они находили въ своихъ горахъ средства для удовлетворенія своихъ потребностей; они отличались чистотою нравовъ, здоровьемъ и независимостью. Но въ настоящее время они испытываютъ судьбу фабричнаго населенія. Промышленность ихъ обратилась почти исключительно къ хлопчатобумажному производству. Они обработывали хлопокъ отъ приготовленія пряжи до приготовленія ситцевъ. Но фабрики ихъ упали, и большая часть населенія осталась безъ хлѣба. Были попытки завести двѣ суконныя фабрики и одну — соломенныхъ шляпъ. Но эти попытки не оказали еще большаго вліянія.

Я приведу нѣсколько мѣстъ изъ рѣчи, произнесенной Геeромъ въ Гларискомъ экономическомъ обществѣ.

«Въ эту долину принесено было искуство обработывать хлопчатую бумагу. Легкая работа и высокая задѣльная плата не замедлили привлечь работниковъ на такого рода фабрики. Прялка сдѣлалась приданнымъ. Ткачъ считался человѣкомъ обезпеченнымъ. Къ этимъ занятіямъ бросились съ большимъ рвеніемъ: настоящимъ были довольны, и не думали о будущемъ. Куда же дѣвалось это богатство? Четвертая часть нашего населенія получаетъ или проситъ милостыню (у кого?) Честные отцы семействъ, ихъ жены и дѣти ведутъ тяжелую борьбу съ нищетой и голодомъ, твердо перенося свою участь среди постоянныхъ лишеній и страданій. Новыя привычки породили новыя потребности; мы стали неспособны къ суровымъ работамъ предковъ; сидячая жизнь, дурная пища, постоянное пребываніе въ сырыхъ и нездоровыхъ помѣщеніяхъ погубили здоровье и силу, отличавшія нашъ народъ».

«Мнѣ тягостно останавливаться на этой картинѣ, но я долженъ обратить ваше вниманіе на неизбѣжныя послѣдствія такого порядка вещей: я хочу указать на размноженіе населенія, на легкія средства для заработковъ (?), на болѣе свободныя сношенія между обоими полами, на преждевременныя супружества, заключаемыя дѣтьми, которымъ въ высшей степени необходимъ еще родительскій надзоръ.»

«По мнѣнію знаменитѣйшихъ писателей по политической экономіи, размноженіе населенія представляетъ источникъ обогащенія для боль-

Въ странѣ, исключительно занимающейся скотоводствомъ, предѣлы для народонаселенія ясны сами собою. Изъ всякаго рода земель горныя пастбища менѣе всего способны къ улучшеніямъ. Они почти цѣликомъ должны быть предоставлены на произволъ природы, и если они покрыты достаточнымъ числомъ скота, то не остается ничего болѣе дѣлать. Въ этихъ частяхъ Швейцаріи, какъ и въ Норвегіи, главное затрудне-

---

шаго государства. Но государство маленькое, въ особенности наше отечество, можетъ быть богато въ такомъ только случаѣ, когда населеніе соотвѣтствуетъ въ немъ средствамъ существованія, доставляемымъ почвой. Оно неизбѣжно обѣднѣетъ, какъ только уничтожится это соотвѣтствіе. Но въ какомъ отношеніи увеличивается наше населеніе? На основаніи данныхъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія, все наше сельское населеніе составляло въ 1701 году 3,700 человѣкъ, въ 1771 — 4,632, въ 1797 — 6,502. И съ тѣхъ поръ населеніе постоянно возрастало.»

Мнѣ кажется, что здравый швейцарскій умъ и патріотическое увлеченіе, отличающіе эту рѣчь, указали автору на дѣйствительную причину оплакиваемаго имъ зла. Его воззрѣнія мало расходятся съ принципами, которые старался проводить Мальтусъ.

(1821). Къ сказанному нами (въ 1809) мы прибавимъ нѣсколько новыхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ того же источника о настоящемъ положеніи того же кантона.

Въ федеральномъ договорѣ населеніе кантона Гларуса показано въ 24,000 душъ. Вѣроятно оно увеличилось, но не превышаетъ 25,000. Всякое вычисленіе, а особенно перепись, даютъ неточныя цифры вслѣдствіе многочисленныхъ выселеній.

Съ 1803 по 1819 было 14,373 родившихся и 11,419 умершихъ, доставивъ такимъ образомъ излишекъ въ 2,954 въ пользу родившихся. «Такое размноженіе вызываетъ на серьезныя размышленія — говоритъ благородный гражданинъ, доставившій намъ эти свѣдѣнія—если принять во вниманіе средства существованія, находящіяся въ распоряженіи населенія, небольшое протяженіе кантона, безплодіе почвы и существующее число нищихъ».

Что касается до числа браковъ, то они не записывались правильно изъ году въ годъ, но въ 1807 ихъ было 152, а въ 1819 — 225. Мы не можемъ также представить среднее число дѣтей, приходящихся на каждое супружество.

Сухотка продолжаетъ губить еще много дѣтей въ раннемъ возрастѣ, но болѣзнь эта производитъ меньше опустошеній. Осушеніе Линтскихъ болотъ и перемѣна въ пищѣ и въ занятіяхъ части населенія не могли не оказать въ этомъ отношеніи благопріятнаго дѣйствія.

ніе состоитъ въ заготовленіи сѣна для прокормленія зимою скота, проводящаго лѣто въ горахъ. Съ этою цѣлью тщательно скашивается трава всюду, гдѣ только будетъ найдена. Въ мѣста, недоступныя для скота, крестьяне идутъ нерѣдко заготовлять сѣно, подковавъ свою обувь шипами. Косятъ траву невыше трехъ дюймовъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по три раза въ годъ. Въ долинахъ всѣ луга выкашиваются

Перемѣна въ пищѣ вызвана была болѣе широкимъ пользованіемъ общественными пастбищами, распредѣленными между всѣми жителями. Каждое семейство получило въ пользованіе 200 кв. туазовъ, а въ нѣкоторыхъ общинахъ отъ 5 до 600. На этихъ земляхъ весьма часто воздѣлывается картофель, овощи, различные виды зернового хлѣба, отчасти конопля и другія полезныя растенія. Перемѣна эта послужила большимъ подспорьемъ въ послѣдніе годы, доставила здоровую и дешевую пищу, и въ то же самое время, здоровыя и укрѣпляющія занятія.

Въ фабричной промышленности совершились тоже важныя перемѣны, главнымъ образомъ вслѣдствіе болѣе дѣятельнаго производства, вызваннаго введеніемъ новыхъ прядильныхъ машинъ. Плата за ручную работу весьма низка. Дешевизна продовольствія и вспоможенія, сдѣлавшіяся неизбѣжными, поддерживали работниковъ. Но число бѣдныхъ значительно, а легкомысленно заключаемые браки только содѣйствуютъ ихъ размноженію.

Выселенія совершаются временныя или безповоротныя. Первыя предпринимаются рабочимъ людомъ, отправляющимся на заработки въ различныя мѣста, особенно во Францію и Италію. Другія совершаются съ цѣлью окончательно поселиться въ новой мѣстности, главнымъ образомъ въ Россіи, гораздо рѣже въ Америкѣ.

Всѣ эти факты относятся, правда, къ одному только кантону; но они могутъ дать нѣкоторое понятіе объ остальныхъ, о которыхъ мы не можемъ сообщить точныхъ свѣдѣній. Фран. перев.

Выселенія изъ Гларискаго кантона и другихъ бѣдныхъ мѣстностей Швейцаріи приняли впослѣдствіи направленіе въ Америку.

Гарнье.

Въ настоящее время населеніе Гларискаго кантона состоитъ изъ 30,200 душъ, а города Гларуса 4,082. Цифры эти говорятъ сами за себя, и служатъ оцѣнкой опасеній, какъ Мальтуса, такъ и его защитника, въ особенности, если сравнить ихъ съ населеніемъ времени Мальтуса (6,500 душъ), когда, по его теоріи, страна по естественнымъ условіямъ, уже не въ состояніи была прокормить бо́льшаго населенія. Рус. перев.

*

до гола, такъ что всѣ неровности остригаются будто ножницами. Поэтому, въ Швейцаріи и Норвегіи искуство косить траву доведено до высшей степени совершенства. Но такъ какъ въ долинахъ улучшеніе луговъ зависитъ главнымъ образомъ отъ удобреній, доставляемыхъ скотомъ, то количества скота и сѣна находятся въ очевидной взаимной зависимости другъ отъ друга; а какъ само населеніе ограничивается произведеніями стадъ, то, повидимому, и оно не можетъ перейти ни за извѣстные предѣлы, ни за извѣстное разстояніе отъ долинъ. Поэтому, хотя въ низменныхъ мѣстностяхъ Швейцаріи количество населенія и увеличилось въ послѣднее столѣтіе, но есть поводъ предположить, что въ горахъ оно осталось неподвижнымъ. Если согласиться съ Мюре, то оно значительно уменьшилось въ Ваадтландскихъ альпахъ; но мы видѣли, что доказательства его не выдерживаютъ критики. Нѣтъ повода думать, чтобы на альпахъ паслось меньше скота противъ прежняго; если же они населены меньше, то это можетъ быть объяснено только тѣмъ, что у жителей меньше раждается дѣтей, и что они живутъ въ большемъ довольствѣ.

Въ нѣкоторыхъ изъ малыхъ кантоновъ заведены фабрики. Послѣднія доставили работу большему числу рукъ, и увеличили сбытъ многихъ предметовъ для покупки хлѣба, а вслѣдствіе этого, значительно увеличили населеніе; но швейцарскіе писатели, повидимому, единогласно признаютъ, что положеніе фабричныхъ округовъ ухудшилось относительно здоровья, нравственности и благосостоянія.

Страны, богатыя пастбищами, по природѣ своей, могутъ прокормить больше людей, чѣмъ сколько требуется для занятій по скотоводству. Поэтому, въ пастушескихъ странахъ всегда много людей досужихъ или мало занятыхъ. Такой порядокъ вещей естественно располагаетъ къ выселеніямъ. Это одна изъ главныхъ причинъ, побудившихъ швейцарцевъ поступать въ иностранную службу. Когда у отца семейства было нѣсколько сыновей, то тѣ изъ нихъ, которымъ не было работы на отцевской фермѣ, естественно стремились въ солдаты, или вообще къ выселенію изъ страны, ибо это былъ единственный путь, открывавшій имъ возможность жениться.

Возможно, хотя и мало вѣроятно, что въ странѣ, находящейся подъ необыкновеннымъ гнетомъ предупреждающихъ препятствій, чрезвычайное выселеніе остановило возрастаніе населенія, когда непомѣрное размноженіе породило особенно сильныя опасенія. А если это дѣйствительно было такъ, то положеніе низшихъ классовъ народа должно было замѣтно улучшиться. Всѣ путешественники, вскорѣ послѣ этого посѣтившіе эту страну, показываютъ единогласно, что положеніе крестьянина въ Швейцаріи лучше, чѣмъ въ какой либо иной странѣ. Въ краткое путешествіе, сдѣланное мною въ эту страну въ недавнее время, ожиданія мои въ этомъ отношеніи, къ сожалѣнію, невполнѣ оправдались. Обстоятельство это, слѣдуетъ, впрочемъ, приписать отчасти бѣдствіямъ и потерямъ, причиненнымъ послѣдними смутами, отчасти же, быть можетъ, неблагоразумно направленнымъ усиліямъ различныхъ правительствъ къ поощренію народонаселенія, и даже отдаленнымъ послѣдствіямъ усилій, лучше направленныхъ и дѣйствительно имѣвшихъ въ виду увеличить, хоть на время, благосостояніе и счастіе народа.

Я былъ пораженъ такого рода фактомъ во время путешествія на озеро Жу въ небольшой долинѣ Юры. Тотчасъ послѣ нашего прибытія въ маленькую гостинницу, расположенную на берегу озера, хозяйка дома разразилась жалобами на нищету всѣхъ сосѣднихъ приходовъ. Она говорила, что страна доставляла мало произведеній, и что она была переполнена населеніемъ; что молодые люди и дѣвушки вступали въ супружество, когда имъ слѣдовало еще ходить въ школу, и что пока не искоренится обычай вступать въ бракъ въ такомъ раннемъ возрастѣ, до тѣхъ поръ они не избавятся отъ бѣдности и лишеній.

Крестьянинъ, провожавшій насъ къ источнику Орбы, вошелъ въ большія подробности, и повидимому, понималъ законъ народонаселенія лучше, чѣмъ кто либо, съ кѣмъ случалось мнѣ говорить о немъ. Жены наши, говорилъ онъ, плодовиты, а воздухъ нашихъ горъ чистъ и здоровъ; дѣтей мало умираетъ у насъ, развѣ только отъ бѣдности. Почва, по безплодности своей, мало доставляетъ работы и продо-

вольствія; вслѣдствіе этого, заработная плата весьма низка и недостаточна для содержанія семейства: тѣмъ неменѣе, нищета и голодъ, составляющіе удѣлъ большей части населенія, не отвращаютъ остальныхъ отъ женитьбы и отъ рожденія дѣтей, которыхъ они не въ состояніи прокормить. Обычай жениться въ раннемъ возрастѣ, прибавлялъ онъ, можно назвать *туземнымъ порокомъ*. Онъ до того сознавалъ неизбѣжныя слѣдствія этого обычая, что видѣлъ необходимость въ изданіи закона, который запрещалъ бы мужчинамъ жениться ранѣе сорока лѣтъ, и чтобы даже въ такомъ возрастѣ они брали бы себѣ въ жены только *пожилыхъ дѣвушекъ*, отъ которыхъ могли бы имѣть неболѣе двухъ или трехъ дѣтей, вмѣсто шести или восьми.

Я не могъ не улыбнуться на его горячее краснорѣчіе и на его заключеніе. Должно быть, человѣку этому пришлось близко видѣть и жестоко испытать послѣдствія, вызываемыя чрезмѣрнымъ населеніемъ, чтобы рѣшиться предложить такую насильственную мѣру. Впослѣдствіи я узналъ, что самъ онъ женился въ крайне молодомъ возрастѣ.

Единственная ошибка, какую онъ дѣлалъ въ философскихъ разсужденіяхъ по этому вопросу, состояла въ приложеніи своихъ разсужденій только къ безплоднымъ и гористымъ странамъ и въ непримѣненіи ихъ къ равнинамъ. Быть можетъ, онъ полагалъ, что въ плодородной странѣ изобиліе хлѣба и работы отстраняло затрудненіе, и дозволяло раннія супружества. Такъ какъ ему не случалось жить долго въ равнинѣ, то такое заблужденіе тѣмъ болѣе понятно, что въ плоской странѣ затрудненіе это обыкновенно менѣе замѣтно (вслѣдствіе большаго протяженія наблюдаемой мѣстности), и дѣйствительно уменьшается большею смертностью въ низменныхъ мѣстахъ, въ городахъ и на фабрикахъ.

Я спросилъ его о причинѣ такъ называемаго имъ *туземнаго порока*, и онъ объяснилъ мнѣ ее съ точностью, по истинѣ философскою. Онъ сказалъ, что нѣсколько времени тому назадъ учреждена была въ странѣ гранильная фабрика, которая находилась въ началѣ въ цвѣтущемъ состояніи, и доставляла всей окрестной мѣстности работу и высокую плату за нее.

Легкое средство заработать, сколько нужно для содержанія семьи, и найти занятіе для дѣтей всякаго возраста, дало необыкновенное поощреніе раннимъ бракомъ; обычай этотъ сохранился, между тѣмъ какъ фабрика закрылась вслѣдствіе измѣненій моды и другихъ причинъ. Въ послѣдніе годы, говорилъ онъ, сдѣлано было множество выселеній; но принятый обычай возобновлялъ населеніе съ такою скоростью, что никакое выселеніе не могло помочь злу. Все, сказанное имъ, а также, и все, видѣнное мною, доказывало гибельныя его послѣдствія.

Въ другихъ бесѣдахъ, которыя я имѣлъ съ народомъ въ различныхъ мѣстностяхъ Швейцаріи и Савои, я встрѣчалъ многихъ людей, которые, хотя и менѣе были свѣдущи, чѣмъ пріятель мой съ озера Жу, относительно закона народонаселенія и слѣдствій его для общества, тѣмъ неменѣе, судили о немъ весьма здраво по отношенію къ самимъ себѣ, и хорошо понимали, какимъ бѣдствіямъ они подвергали себя супружествомъ, если заблаговременно не обезпечатъ себя хоть какими нибудь средствами для содержанія семьи. Размышляя о различныхъ понятіяхъ по этому вопросу, всюду почти распространенныхъ, я пришелъ къ убѣжденію, что объясненіе народу закона народонаселенія и дѣйствія его на пониженіе заработной платы не встрѣтило бы особенныхъ затрудненій.

Швейцарія не имѣетъ капиталовъ, предназначенныхъ на вспомоществованіе бѣднымъ, но каждый приходъ пользуется господскими правами на какіе нибудь участки и владѣетъ общинными землями, которыми и полагается, что онъ можетъ помочь своимъ бѣднымъ. Но средства эти весьма ограничены, и часто оказываются недостаточны, такъ что приходы прибѣгаютъ по временамъ къ добровольнымъ сборамъ и приношеніямъ; а такъ какъ вспоможенія эти болѣе рѣдки и менѣе надежны, чѣмъ налогъ въ пользу бѣдныхъ въ Англіи, то они и не сопровождаются такими неудобствами. Въ послѣднее время многія общинныя земли раздѣлены между лицами, имѣвшими на нихъ право. Мѣра эта послужила къ улучшенію земель и увеличила населеніе; но по способу приведенія въ исполненіе, быть можетъ, она оказала чрезмѣрное

поощреніе супружествамъ, и тѣмъ самымъ содѣйствовала увеличенію числа бѣдныхъ. Въ сосѣдствѣ самыхъ богатыхъ общинъ я замѣтилъ болѣе всего нищихъ.

Тѣмъ неменѣе, мы имѣемъ право предположить, что усилія Бернскаго экономическаго общества для поощренія земледѣлія сопровождались нѣкоторымъ успѣхомъ, и что вызванное ими увеличеніе средствъ существованія удовлетворило потребностямъ умножившагося населенія, и прокормило, если не все, то бо́льшую часть его.

Населеніе всего Бернскаго кантона, вмѣстѣ съ Ваадтландомъ, считалось въ 1764 году въ 336,689 душъ; въ 1791 оно достигло 414,420; съ 1764 по 1767 ежегодное приращеніе населенія составляло 2,000 душъ, а съ 1778 по 1791—3,100 *.

ГЛАВА VI.—О препятствіяхъ для размноженія населенія во Франціи.

Таблицы смертности во Франціи до революціи не представляютъ ничего замѣчательнаго, ни относительно выводовъ, ни относительно своей точности и давности, такъ что я не посвятилъ бы имъ отдѣльнаго изслѣдованія, еслибы одно обстоятельство, находящееся въ связи съ революціей, не вызывало особеннаго удивленія: я говорю о настоящемъ состояніи ея населенія, которое, послѣ такой продолжительной и гибельной катастрофы, не испытало, повидимому, никакого уменьшенія.

Въ Парижѣ работаютъ надъ національной статистикой на основаніи свѣдѣній, доставляемыхъ префектами. Трудъ этотъ еще не приведенъ къ окончанію, но я знаю изъ вѣрнаго источника, что собранныя уже свѣдѣнія подтверждаютъ, что населеніе страны, впродолженіи революціи, скорѣе увеличилось, чѣмъ уменьшилось въ своемъ числѣ.

Если выводы эти вѣрны, то они удивительно подтверждаютъ законы, излагаемые въ настоящемъ сочиненіи; такъ что изслѣдованіе причины этого явленія весьма небезполезно.

Во всякой странѣ существуетъ многочисленный классъ людей, живущихъ въ безбрачной жизни. Классъ этотъ составляется мало по малу ежегоднымъ избыткомъ людей, достигающихъ возмужалаго возраста, надъ людьми, вступающими въ бракъ. Этотъ избытокъ достигаетъ своихъ предѣловъ, когда ежегодная смертность уноситъ изъ этого класса столько людей, сколько онъ получаетъ. Мы видѣли, что въ Ваадской странѣ числительностью своей классъ этотъ, если причислить къ нему вдовыхъ, равенъ числу людей, живущихъ въ бракѣ. Но въ такой странѣ, какъ Франція, въ которой, съ одной стороны, смертность, а съ другой, стремленіе къ супружеству несравненно значительнѣе, чѣмъ въ Швейцаріи, классъ холостыхъ людей долженъ быть въ гораздо меньшемъ отношеніи ко всему населенію.

Въ *Опытѣ статистики*, изданномъ въ 1800 въ Парижѣ, Пёше полагаетъ, что во Франціи число людей между 18 и 50 лѣтнимъ возрастомъ, живущихъ въ безбрачной жизни, простирается до 1,451,063 на 5,000,000 общаго числа женатыхъ и холостыхъ въ томъ же возрастѣ *. Нельзя сказать съ точностью, къ какой именно эпохѣ относится это вычисленіе, но такъ какъ авторъ называетъ эти выводы *средними*, то вѣ-

---

* *Beschreibung von Bern*, т. II, стр. 40.

Въ настоящее время въ Бернскомъ кантонѣ и Ваадскомъ считается 650,146 душъ. Настоящее населеніе Швейцарскаго союза (25 кантоновъ) 2,390,116 душъ. Среднее число браковъ 16,270 или 1 на 147; раждающихся 70,000 или 1 на 34; умирающихъ 55,500 или 1 изъ 43. Среднее число выселяющихся 6—7,500. Въ 1854 выселилось 16—18,000, изъ которыхъ 12,098 въ Америку. Съ каждымъ годомъ страна утрачиваетъ исключительно пастушескій бытъ, замѣченный Мальтусомъ, и становится столько же земледѣльческою, какъ и промышленною. Въ ней господствуетъ *система свободной торговли*, при содѣйствіи которой, несмотря на самыя неблагопріятныя условія, вдали отъ моря и большихъ рынковъ, окруженная со всѣхъ сторонъ государствами съ запретительнымъ тарифомъ, стѣсняемая дороговизною продовольствія, высокой заработной платой и недостаткомъ каменнаго угля, страна эта обогнала во всѣхъ отношеніяхъ государства, охраняемыя тарифами. Главныя отрасли промышленности: шелковая, хлопчатобумажная, часовая, соломенныхъ издѣлій и игрушекъ. Кольбъ, *Сравнит. Статистика*, т. II, стр. 157. Рус. перев.

* Peuchet, *Essai de Statistique*. — Тѣ же выводы повторяются и въ *Statistique de la France* въ 7 т., изд. Гербина, 1803.

роятно они относятся ко времени, предшествовавшему революціи. Итакъ, допустимъ, что цифра 1,451,063 представляетъ весь классъ холостыхъ людей, годившихся для военной службы предъ началомъ революціи.

До войны населеніе Франціи принималось Національнымъ собраніемъ въ 26,363,074 души *. Нѣтъ причины думать, что число это преувеличено. Неккеръ, принимавшій только 24,800,000, твердо убѣжденъ, что въ то время, какъ онъ писалъ, число ежегодныхъ рожденій было болѣе 1,000,000; слѣдовательно, взявъ его же множитель $25^3/_4$, все населеніе простиралось до 26,000,000 **. Вычисленіе это сдѣлано было имъ за десять лѣтъ до вычисленія Учредительнаго собранія.

Итакъ, предположивъ, что число ежегодныхъ рожденій превышаетъ 1,000,000, и что $^2/_5$ раждающихся умираетъ ранѣе 18 лѣтъ, какъ это показываетъ вычисленіе Пёше, мы найдемъ, что этого возраста ежегодно достигаетъ 600,000 душъ.

По вычисленію Неккера, во Франціи совершается ежегодно 213,774 брака; но такъ какъ цифра эта средняя за десять лѣтъ, впродолженіи которыхъ населеніе все время возрастало, то вѣроятно она слишкомъ мала. Если мы примемъ ее въ 220,000, то найдемъ, что изъ 600,000 человѣкъ, достигающихъ брачнаго возраста, вступаетъ въ супружество около 440,000; слѣдовательно, избытокъ людей, достигающихъ 18 лѣтъ, надъ числомъ, требующимся для пополненія ежегодно совершающихся браковъ, будетъ 160,000 или 80,000 мужчинъ. Изъ этого явствуетъ, что скопившійся классъ изъ 1,461,063 душъ, представляющій холостыхъ людей, годныхъ для военной службы, и сверхъ того, ежегодный излишекъ въ 80,000 молодыхъ людей, достигающихъ 18 лѣтняго возраста, могли поступать на государственную службу, нисколько не уменьшая ежегоднаго числа браковъ; но мы не можемъ представить, чтобы весь классъ холостыхъ людей потребованъ былъ единовременно; кромѣ того, въ рядахъ арміи много женатыхъ солдатъ, которые не могутъ быть совершенно безполезны для народонаселенія. Предположимъ, что изъ всего класса холостыхъ людей на службу потребовано разомъ 600,000, и что эта армія пополняется ежегоднымъ наборомъ въ 150,000, доставляемыхъ, какъ 80,000 человѣкъ 18 лѣтняго возраста, безполезныхъ для поддержанія ежегоднаго числа заключающихся браковъ, такъ и 851,063, остающихся изъ класса холостыхъ людей, существовавшаго до войны *; очевидно, что обоими источниками могло быть доставлено ежегодно впродолженіи 10 лѣтъ по 150,000 человѣкъ, оставляя еще 10,000 на увеличеніе числа браковъ.

Правда, что въ теченіи этихъ 10 лѣтъ много неженатыхъ, принадлежавшихъ къ первоначальному классу холостыхъ людей, перейдетъ за возрастъ, годный для военной службы; но эта убыль будетъ вознаграждена, даже съ избыткомъ, прибылью населенія отъ вступленія многихъ изъ нихъ въ бракъ, ибо 50-лѣтній мужчина легко можетъ быть отцемъ. Мы имѣемъ право предположить, что бо́льшая часть ежегоднаго набора въ 150,000 взята будетъ изъ 300,000 мужчинъ, ежегодно достигающихъ 18 лѣтняго возраста, а ежегодное число браковъ будетъ пополнено большею частью изъ остатковъ первоначальнаго класса безбрачныхъ людей; вдовымъ и холостымъ людямъ отъ 40 до 50 лѣтъ, которымъ до этого трудно было завестись семьей, теперь открывалась дорога поступленіемъ молодыхъ людей въ армію; наконецъ, удаленіе 600,000 человѣкъ должно было открыть мѣста для новыхъ семействъ. Все говоритъ въ пользу предположенія, что количество ежегодно заключаемыхъ браковъ дѣйствительно увеличилось: нетолько многіе холостые люди изъ первоначальнаго класса безбрачныхъ людей, которымъ, при другихъ обстоятельствахъ, и въ голову не пришло бы завестись семьей, теперь женились; но и многіе молодые люди, недостигшіе 18

* До войны, окончившейся Амьенскимъ миромъ. Цифра, приводимая въ настоящемъ случаѣ авторомъ, взята у Артура Юнга (*Travels in France*, т. I, стр. 466), и представляетъ результатъ второй работы комитета для раздѣленія страны при Національномъ собраніи.

Фран. пер.

** Necker, *De l'administration des finances*, т. I, гл. IX, стр. 256.

* Понятно, что дѣло идетъ все о той же первой войнѣ революціи, окончившейся Амьенскимъ миромъ.

лѣтняго возраста, вступили преждевременно въ бракъ, чтобы избавиться отъ конскрипціи. Существованіе такихъ фактовъ и вызванное ими уменьшеніе числа безбрачныхъ людей до такой степени не подлежатъ сомнѣнію, что уже вначалѣ 1798 года потребовалась отмѣна закона, освобождавшаго отъ конскрипціи женатыхъ людей: вслѣдствіе чего, женившіеся послѣ этого года, брались на службу, какъ и холостые, и подчинены были конскрипціи. Съ этихъ поръ наборы отнимали отчасти и людей, полезныхъ для увеличенія народонаселенія, но вѣроятно супружества, которыхъ наборы эти не коснулись, превышали число супружествъ, существовавшихъ до революціи. Сверхъ того, супружества, прерывавшіяся пребываніемъ мужей въ рядахъ арміи, нельзя считать совершенно безплодными.

Сэръ Франсисъ д'Ивернуа, отличавшійся несомнѣннымъ стремленіемъ преувеличить потери Франціи, и вѣроятно, на самомъ дѣлѣ, сильно преувеличившій ихъ, утверждаетъ, что французская армія потеряла, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ до 1799 года, полтора мильона человѣкъ *. Предложенныя мною для разъясненія этого вопроса круглыя числа превышаютъ эту цифру на 600,000 человѣкъ. Писатель этотъ прибавляетъ, правда, еще 1,000,000 на погибшихъ во время революціи другими путями; но такъ какъ причины, дѣйствовавшія этими путями, губили безразлично всѣ возрасты и оба пола, то онѣ и не могли измѣнить до такой степени состояніе населенія, какъ предъидущая причина, и болѣе чѣмъ вознаграждались избыткомъ въ 600,000 человѣкъ въ полной силѣ возраста, представляемымъ вычисленіемъ самаго сэра

* *Tableau de pertes*, и проч., гл. II, стр. 7. Жерменъ Гарнье, въ замѣчаніяхъ своихъ къ Ад. Смиту, полагаетъ, что на войнѣ погибло не болѣе $^1/_{60}$ населенія Франціи. Онъ принимаетъ, что поднято было разомъ 500,000 человѣкъ, которые пополнены были во время войнъ 400,000. За выключеніемъ тѣхъ, которые были бы унесены естественною смертью, онъ находитъ, что смертность, причиненная войной, составляла ежегодно 45,000. Но если потеря не была больше, то для пополненія ея требовалось весьма незначительное увеличеніе числа рожденій. Я не думаю, чтобы эта цифра настолько была ниже дѣйствительной, насколько сэра Франсиса выше ея. Прим. автора.

Франсиса. Сверхъ того, слѣдуетъ замѣтить, что въ концѣ революціонной войны, конскрипція вѣроятно производилась съ большею строгостью во вновь пріобрѣтенной территоріи, населеніе которой принимаютъ въ 5 или 6,000,000, и на долю которой, поэтому, должно отнести значительную часть людей, погибшихъ на войнѣ въ числѣ означеннаго полутора мильона. Законъ, облегчавшій разводъ, хотя и дурной самъ по себѣ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, тѣмъ неменѣе, долженъ былъ оказывать, въ періодъ, отличающійся недостаткомъ людей, почти такое же дѣйствіе, какъ многоженство, и увеличить число дѣтей, сравнительно съ числомъ мужей. Прибавимъ, что число незаконорожденныхъ, до революціи представлявшее $^1/_{47}$ всѣхъ рождавшихся, возросло до $^1/_{11}$. Хотя фактъ этотъ свидѣтельствуетъ о развращеніи нравовъ, безъ сомнѣнія, достойномъ сожалѣнія, тѣмъ неменѣе, справедливо, что результатомъ его должно было бы быть увеличеніе числа рожденій: а такъ какъ деревенскія женщины зарабатывали во время революціи больше, чѣмъ въ обыкновенное время, вслѣдствіе недостатка рукъ, то вѣроятно довольно значительное число этихъ дѣтей оставалось въ живыхъ.

При такихъ условіяхъ, населеніе Франціи могло и не уменьшиться; и несмотря на дѣйствіе такихъ разрушительныхъ условій, это вовсе не представляется невозможнымъ, по крайней мѣрѣ если земледѣліе поддерживалось въ ней настолько, что количество продовольствія не уменьшалось. Но всѣми, повидимому, признается, что хотя фабрики и упали, но земледѣліе находилось скорѣе въ цвѣтущемъ состояніи. Нельзя предположить, чтобы въ какой либо періодъ войны, число людей, находившихся въ ея арміи, превышало число людей, употреблявшихся до революціи на ея фабрикахъ. Поэтому, когда послѣднія пали, то работники, лишенные занятій и непоступившіе въ армію, необходимо должны были возвратиться къ земледѣлію. Сверхъ того, во Франціи женщины всегда принимали участіе въ полевыхъ работахъ; мы имѣемъ поводъ думать, что этотъ обычай усилился во время революціи. Въ то же самое время, удаленіе лучшихъ и опытнѣйшихъ сель-

скихъ работниковъ не могло не поднять заработной платы; такъ какъ пришлось обрабатывать новые участки, а большое число потребителей оставило Францію *, то цѣна продовольствія не могла подняться въ соотвѣтствующей степени. Это должно было служить поощреніемъ для браковъ: крестьяне должны были пользоваться бо̀льшимъ довольствомъ, и могли воспитывать большее число дѣтей.

Во Франціи всегда было множество маленькихъ фермъ и мелкихъ собственниковъ. Такой порядокъ вещей не очень благопріятенъ для чистаго дохода или для національнаго богатства, которымъ можно было бы располагать; но онъ нерѣдко увеличиваетъ количество сырыхъ произведеній, и сильно благопріятствуетъ размноженію населенія. Продажа и раздробленіе земель, принадлежавшихъ дворянству и духовенству, увеличили число поземельныхъ собственниковъ; сверхъ того, такъ какъ часть этихъ раздробленныхъ земель состояла изъ парковъ и пустошей, предназначенныхъ для охоты, то количество разрабатывавшихся земель увеличилось. Правда, что поземельные сборы съ земледѣльцевъ были нетолько очень велики, но и распредѣлены весьма неравномѣрно; но это неудобство, по всей вѣроятности, вознаграждалось отмѣной нѣкоторыхъ стѣснительныхъ законовъ, такъ что въ окончательномъ результатѣ продажа этихъ имѣній дала нѣкоторый толчекъ земледѣлію, или по крайней мѣрѣ увеличила количество сырыхъ произведеній, которое опредѣляетъ количество населенія.

Можно, стало быть, предположить, что количество продовольствія если не увеличилось, то и не уменьшилось во время революціи; ибо общій взглядъ на земледѣліе во Франціи подтверждаетъ это заключеніе.

Я не могу, поэтому, допустить предположенія сэра Франсиса д'Иверноа, полагающаго, что во время революціи число ежегодныхъ рожденій уменьшилось во Франціи на $^1/_7$. Гораздо вѣроятнѣе, что оно настолько же увеличилось. По мнѣнію Неккера, до революціи число раждающихся относилось ко всему населенію страны, какъ 1 къ $25^3/_4$. Изъ донесеній нѣкоторыхъ префектовъ видно, что во многихъ мѣстностяхъ отношеніе это было, какъ 1 къ 21, къ $22^1/_2$ и къ 23; и хотя на это обстоятельство могло оказывать нѣкоторое вліяніе отсутствіе многихъ людей, находящихся въ арміи, я тѣмъ пеменѣе полагаю, что это отношеніе слѣдуетъ объяснять главнымъ образомъ увеличеніемъ числа рожденій. Если общій результатъ всѣхъ префектскихъ донесеній показываетъ, съ одной стороны, что число раждающихся не увеличилось соотвѣтственно съ населеніемъ, а съ другой, что населеніе не уменьшилось, то слѣдуетъ заключить, или что множитель, предложенный Неккеромъ для рожденій, слишкомъ малъ (что̀ въ высшей степени вѣроятно, такъ какъ цифра для всего населенія, выведенная имъ на основаніи этой данной, оказалась слишкомъ мала), или что смертность людей, не подвергавшихся насильственной смерти, была менѣе противъ обыкновеннаго, что̀ тоже не невѣроятно, если принять во вниманіе высокую заработную плату и переселеніе городскаго населенія въ деревни.

По мнѣнію Неккера и Мого (Moheau), смертность во Франціи до революціи была 1 изъ 30 или $30^1/_8$. Если принять въ соображеніе, что городское населеніе относится къ сельскому, какъ $3^1/_2$ къ 1, то такая смертность должна показаться огромной, и вѣроятно она была причинена нищетой, вызванной чрезмѣрнымъ населеніемъ. Замѣчанія Артура Юнга о состояніи крестьянъ во Франціи *, вполнѣ подтверждаемыя свидѣтельствомъ Неккера, показываютъ, что эта причина дѣйствительно имѣла большое вліяніе. Если предположить, что за уничтоженіемъ части этого избыточнаго населенія, смертность уменьшилась настолько, что вмѣсто 1 изъ 30, сталъ умирать 1 изъ 35 человѣкъ, то такая благопріятная перемѣна должна

* Предположимъ, что въ данный моментъ число дѣтей, увеличившихъ все населеніе, равнялось числу отсутствующихъ людей, находящихся въ арміи: понятно, что малолѣтнія дѣти не потребятъ столько, сколько необходимо для такого же числа взрослыхъ людей.
Прим. автора.

* См. всю гл. XVII, т. I, *Travels in France*, и основательныя замѣчанія по этому предмету, разбросанныя въ различныхъ мѣстахъ этого полезнаго сочиненія. Прим. автора.

была оказать большую услугу для пополненія потерь, произведенныхъ войной.

Вѣроятно обѣ указанныя мною причины дѣйствовали одновременно. Число раждающихся увеличивалось, а смертность уменьшалась между населеніемъ, остававшимся дома. Поэтому, вслѣдствіе дѣйствія этой двойной причины, можно предположить, что во время революціи число умиравшихъ, какъ отъ войны, такъ и отъ всякой другой насильственной смерти, не превышало числа раждающихся.

Донесенія префектовъ за IX годъ республики слѣдовало бы сравнить съ цифрами 1789 года; но если имѣются донесенія о родившихся только за одинъ IX годъ, то изъ нихъ нельзя сдѣлать точныхъ заключеній о среднемъ отношеніи ихъ за весь періодъ революціи. Нельзя предположить, чтобы въ это смутное время приходскія книги велись съ особенною правильностью. Поэтому, если довѣриться теоретическимъ соображеніямъ, то я склоненъ думать, что вскорѣ послѣ открытія войны и во все ея продолженіе, отношеніе рожденій ко всему населенію было больше, чѣмъ въ 1800 и 1801 годахъ *.

Если донесенія показываютъ, что число ежегодныхъ браковъ не увеличилось во время революціи, то фактъ этотъ объясняется упомянутымъ выше чрезвычайнымъ числомъ незаконорожденныхъ, которое достигало до $^1/_{11}$ части всѣхъ раждающихся, вмѣсто $^1/_{47}$, принимаемой Неккеромъ до революціи **.

Сэръ Франсисъ д'Ивернуа замѣчаетъ, «что нужно не знать первыхъ правилъ арифметики, чтобы вообразить, что на поляхъ сраженій и въ госпиталяхъ слѣдуетъ собирать свѣдѣнія о числѣ погибшихъ жертвою революціи или войны. Въ кровавый списокъ этотъ слѣдовало бы внести, прежде всего не убитыхъ, а тѣхъ, которыхъ она не допустила и не допуститъ родиться. Вотъ самая глубокая рана, нанесенная французскому народу.... Предположимъ, говоритъ онъ, что вся масса погибшихъ, хотя бы только въ 2,000,000, соединилась бы брачными узами съ такимъ же числомъ женщинъ; по вычисленію Бюфона, эти 2,000,000 паръ должны дать жизнь 12,000,000 дѣтей, изъ которыхъ 39-лѣтняго возраста достигнетъ число, равное числу ихъ отцевъ и матерей. Съ этой точки зрѣнія, послѣдствія такой потери людей становятся какъ бы неисчислимы, ибо они простираются гораздо болѣе, чѣмъ на 12,000,000 дѣтей, которыя могли бы родиться отъ $2^1/_2$ мильоновъ народа, оплакиваемаго въ настоящее время Франціей. Только въ отдаленномъ будущемъ она можетъ залечить эту страшную рану.»

Безъ всякаго сомнѣнія, Франція имѣетъ весьма основательныя причины оплакивать потерю $2^1/_2$ мильоновъ, отнятыхъ у нея такимъ жестокимъ образомъ; но она не можетъ смотрѣть съ такой же точки зрѣнія на ихъ потомство; ибо, еслибы эти люди не погибли для своего отечества, то соотвѣтствующее имъ число дѣтей, родившихся отъ другихъ родителей и живущихъ въ настоящее время во Франціи, не появилось бы на свѣтъ. Еслибы пришлось оплакивать дѣтей, рожденіе которыхъ было предупреждено различными обстоятельствами, то въ самыхъ благословенныхъ даже европейскихъ странахъ слѣдовало бы не покидать траура.

Очевидно, что постоянная возможность числомъ раждающихся пополнить потери каждой страны, причиненныя смертью,

---

* См. ниже, *Прим. I*, стр. 356.

** Peuchet, *Essai*, стр. 28. Весьма вѣроятно, что увеличеніе числа незаконорожденныхъ вызвало поступленіе огромнаго числа дѣтей въ убійственныя заведенія, извѣстныя подъ именемъ *воспитательныхъ домовъ*, какъ полагаетъ д'Ивернуа. Но столь же вѣроятно, что обычай этотъ не выходилъ за предѣлы нѣкоторыхъ только мѣстностей; поэтому, число оставляемыхъ дѣтей, сравнительно съ числомъ всѣхъ раждающихся, не могло быть значительно.

Въ *Statistique élémentaire de la France* par Peuchet, стр. 270, мы находимъ, что въ парижскомъ воспитательномъ домѣ для покинутыхъ младенцевъ, извѣстномъ подъ именемъ *de la Créche* (Ясли), въ X году принято было 4,450 дѣтей, изъ коихъ умерло 1,620.—Въ § IV гл. V этого сочиненія, разбирающемъ *отношеніе незаконорожденныхъ дѣтей къ законнымъ*, не встрѣчается никакихъ общихъ выводовъ, кромѣ замѣчанія, что въ городахъ отношеніе это принимается авторомъ, какъ 1 къ среднему числу между 6 и 9. Фран. перев.

съ нравственной точки зрѣнія, не можетъ служить и тѣнью для извиненія безумнаго пожертвованія людьми, уже существующими. Положительное зло, причиняемое ихъ гибелью, страданія, нищета, несчастіе, разореніе, вызываемыя такимъ преступленіемъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть уравновѣшены соображеніемъ, что числительная потеря людей вскорѣ можетъ быть пополнена. Мы не можемъ имѣть никакого права, ни нравственнаго, ни политическаго, если этого не требуетъ дѣйствительно крайняя необходимость, жертвовать людьми, пользующимися жизнью и находящимися въ цвѣтущемъ возрастѣ, ради такого же числа безпомощныхъ дѣтей.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что если Франція дѣйствительно понесла такія значительныя потери, какъ это полагаютъ, то онѣ должны были отразиться и на ея военныхъ силахъ. Въ населеніи ея должны преобладать въ настоящее время женщины и дѣти въ большемъ отношеніи противъ прежняго, а число холостыхъ людей, годныхъ для военной службы, вѣроятно уменьшилось поразительнымъ образомъ: это и подтверждается уже доставленными донесеніями префектовъ.

Наборы начинаютъ оказывать существенное вліяніе на населеніе данной страны тогда, когда истощается первоначальный классъ холостыхъ людей, и когда армія начинаетъ поглощать больше людей, чѣмъ сколько представляетъ избытокъ возмужалаго населенія надъ числомъ, необходимымъ для пополненія ежегодно заключающихся браковъ.

Вѣроятно, въ концѣ войны Франція не находилась еще въ такомъ положеніи; но при настоящемъ состояніи ея населенія, при соотвѣтствующемъ увеличеніи числа женщинъ и дѣтей, при значительномъ уменьшеніи числа людей, годныхъ, по возрасту, для военной службы, она была бы неспособна къ такимъ гигантскимъ усиліямъ, какъ въ предшествующую эпоху, не истощая самого источника своего населенія.

Во Франціи число людей, годныхъ, по возрасту, къ военной службѣ, всегда было незначительно, сравнительно со всѣмъ населеніемъ. Это слѣдствіе общей склонности въ ней къ супружеству, а вслѣдствіе этого, и большаго числа рождающихся

въ ней дѣтей*. Неккеръ обращаетъ особенное вниманіе на это обстоятельство. Онъ замѣчаетъ, что между крестьянами нищета причиняетъ большую смертность дѣтей 3 и 4 лѣтняго возраста; а потому, число младенцевъ находится постоянно въ огромномъ отношеніи къ взрослымъ людямъ. Изъ этого онъ весьма справедливо заключаетъ, что 1,000,000 такихъ бѣдняковъ вовсе не представляютъ ни той военной, ни той рабочей силы, какъ такое же число болѣе зажиточныхъ гражданъ.

Швейцарія, до революціи, могла выставить въ поле, или на какое либо предпріятіе, требующее взрослыхъ людей, на третью часть больше, сравнительно съ своимъ населеніемъ, чѣмъ Франція въ ту же самую эпоху**.

Что касается до населенія Испаніи, то я отсылаю читателя къ добросовѣстному и интересному путешествію въ эту страну Тоунзенда***. Онъ найдетъ въ немъ самые удачные примѣры въ подтвержденіе закона народонаселенія. Я посвятилъ бы этой странѣ особенную главу, еслибы не опасался, съ одной стороны, чрезмѣрно разширить предѣлы этой части моего сочиненія, а съ другой—утомить читателя повтореніемъ того, что уже было сказано неоднократно при описаніи прочихъ странъ. Сверхъ того, я не смѣлъ разсчиты-

---

* По мнѣнію Неккера, во Франціи число браковъ относится ко всему населенію, какъ 1 къ 113. Прим. автора.

** Въ 1859 году Швейцарія могла выставить въ поле, кромѣ 150 т. ландштурма (выше 44 лѣтъ), молодыхъ людей (20—34 лѣтъ) 77,439 чел.; резервовъ (35—40 л.) 43,282 и ландвера (до 44 л.) 57,465, всего 178,186 чел., то есть, въ 4½ раза болѣе Франціи, которая въ томъ же году, при 36 мил. населеніи, могла выставить 600 т. войска. Или Швейцаріи такъ же легко выставить въ поле 1 изъ 14 чел. населенія, какъ Франціи 1 изъ 60. Если же принять въ соображеніе военные расходы, то приведенное отношеніе пришлось бы помножить почти на 20 въ пользу Швейцаріи. Рус. перев.

*** Авторъ упоминаетъ въ другомъ мѣстѣ объ одной изъ главнѣйшихъ причинъ обезлюденія Испаніи; въ примѣчаніи къ этому мѣсту мы перечисляемъ и прочія причины, приводимыя Тоунзендомъ. См. кн. III, гл. XIV. А ко 2-му тому этого сочиненія прилагаются и главнѣйшія положенія этого писателя. Рус. перев.

вать, чтобы мнѣ удалось прибавить многое къ тому, что̀ такъ хорошо исполнено Тоунзендомъ *.

Примѣч. I. Въ изданной въ послѣднее время *Общей и частной статистикѣ Франціи и ея колоній* помѣщены донесенія префектовъ за IX годъ (1800—1801), которыя, повидимому, подтверждаютъ сдѣланное мною предположеніе. Число родившихся показано 955,430, умершихъ 821,871, а число браковъ 202,177. Числа эти отчасти не согласны съ вычисленіями Неккера; тѣмъ неменѣе, всѣ цифры, вошедшія въ это сочиненіе, какъ относящіяся ко всему населенію, такъ и опредѣляющія среднее населеніе на квадратную милю, доказываютъ, что территорія прежней Франціи имѣетъ большее

* Авторъ приводитъ причины, воспрепятствовавшія ему разсмотрѣть Испанію съ той точки зрѣнія, съ которой онъ изслѣдовалъ, одну за другою, многія страны сѣверной и средней Европы. Отчасти этими же причинами, но вѣроятно и нѣкоторыми другими, слѣдуетъ объяснить то обстоятельство, что въ настоящемъ сочиненіи ни слова не говорится и о состояніи новой Италіи. Мы далеки отъ мысли восполнить этотъ, болѣе кажущійся, чѣмъ дѣйствительный пробѣлъ, но мы полагаемъ, что читателю небезъинтересно будетъ встрѣтить здѣсь отдѣльную замѣтку о Тосканѣ, извлеченную изъ одного письма автора *Conversations sur l'économie politique* (Г-жи Марсе) къ переводчику своего сочиненія на французскій языкъ (къ тому же Прево, который сдѣлалъ переводъ на тотъ же языкъ настоящаго сочиненія Мальтуса).

«Болѣе всего удивляетъ меня въ этой странѣ положеніе крестьянъ, представляющихъ живое подтвержденіе теоріи Мальтуса. Опасеніе быть отосланнымъ съ фермъ, (на которыхъ они работаютъ вмѣстѣ съ собственниками), въ случаѣ увеличенія ихъ семействъ до такой степени, что ферма не можетъ прокормить ихъ, породило обычай женить одного только сына. Обычай этотъ соблюдается, впрочемъ, не очень строго. Если крестьяне богаты, или, если меньшіе сыновья имѣютъ какіе либо иные заработки, то они женятся, но на фермѣ остается только одинъ. Одинокіе братья и сестры работаютъ на фермѣ, и ею содержатся. Дѣвушки выходятъ замужъ, если представится случай; но понятно, что при такой системѣ женихъ долженъ быть явленіемъ довольно рѣдкимъ, такъ что бѣдныя дѣвушки иногда тщетно скопляютъ себѣ приданое (состоящее обыкновенно изъ жемчужнаго ожерелья), которое бы, при содѣйствіи ихъ природной красоты, могло доставить имъ мужа. Впрочемъ, онѣ, повидимому, до такой степени счастливы, находясь подлѣ родителей, работая вмѣстѣ съ ними и раздѣляя съ ними заботы по уходу за дѣтьми, что лишеніе личнаго семейнаго счастія гораздо менѣе тягостно здѣсь, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Я нигдѣ не встрѣчала крестьянъ, которые находились бы въ такомъ завидномъ положеніи: они сильны, здоровы, хорошо одѣты, живутъ въ хорошихъ помѣщеніяхъ, хорошо ѣдятъ; поля ихъ прекрасно обработаны; они кротки, честны, понятливы. Какъ пріятно, особенно въ такія смутныя времена (писано 21 марта 1821), встрѣтить народъ, находящійся въ такомъ счастливомъ положеніи! И это подъ управленіемъ деспотическаго правительства, между тѣмъ какъ въ Англіи крестьяне живутъ въ нищетѣ, а во Франціи далеко не пользуются такимъ довольствомъ, какъ въ Тосканѣ.»

«Жемчужныя ожерелья, показавшіяся мнѣ сначала суетною роскошью, представляютъ ту выгоду, что служатъ какъ бы сберегательной кассой на случай нужды, и пріучаютъ молодыхъ дѣвушекъ къ трудолюбію и бережливости. Привычка къ послѣднимъ составляетъ единственный доходъ, приносимый ими, кромѣ удовольствія доставляемаго роскошью. Ожерелья эти стоятъ отъ 8 или 10 до 100 лундоровъ.»

Въ Англіи крестьяне находятся въ полной зависимости отъ фермеровъ (Sismondi, *Nouv. princ. d'Écon. pol.*) Впрочемъ, судьба рабочихъ классовъ находится въ зависимости отъ многихъ другихъ условій, кромѣ правительства, хотя послѣднее во многихъ отношеніяхъ оказываетъ на нее весьма значительное косвенное вліяніе.

Фран. перев.

населеніе, чѣмъ какое она имѣла до революціи. Я упоминалъ выше о числѣ ея жителей въ эпоху Учредительнаго собранія; на каждое квадратное льё приходилось въ это время 996 чел. Въ VI годъ республики, по вычисленію Кадастроваго бюро, населеніе простиралось до 26,048,254 или до 1,020 на кв. лье. Въ VII году Деперъ принимаетъ населеніе Франціи въ 33,501,094, изъ которыхъ 28,810,694 или по 1,101 на кв. лье, причиталось на старую Францію. Въ IX и X годахъ присоединеніе Пьемонта и острова Эльбы увеличило все населеніе до 34,376,313, въ числѣ которыхъ на прежнюю Францію приходилось почти столько же, сколько и въ VII году, то есть, по 1,086 на кв. лье *.

* Тѣ же цифры и нѣкоторыя другія приводятся и въ Статистикѣ Пёше. Въ примѣчаніи, приводимомъ ниже, на основаніи неопровержимыхъ соображеній, я уменьшаю цифру 1,086 до 1,014.

Фран. перев.

При этихъ вычисленіяхъ авторъ принимаетъ для рожденій меньшій множитель, чѣмъ множитель Неккера. Онъ говоритъ, что послѣдній еще могъ быть пригоденъ для городовъ, но, что касается до деревень, то онъ увеличился до 1 къ 21, 22, $22^1/_2$ или 23. Авторъ объясняетъ это увеличеніе ранними супружествами, заключавшимися для избѣжанія военной службы, и окончательно принимаетъ множителя 25. Но и при такой цифрѣ, мы все таки получимъ населеніе въ 25,000,000 вмѣсто 28. Нельзя, правда, вывести точныхъ заключеній изъ цифры рожденій за одинъ только годъ; но такъ какъ авторъ опирается исключительно на нихъ, то онъ очевидно противурѣчитъ самому себѣ. Быть можетъ, отчеты, которые будутъ обнародованы впослѣдствіи, разъяснятъ это обстоятельство, и для слѣдующихъ лѣтъ дадутъ большее число рожденій *; но я полагаю, какъ сказалъ выше, что увеличеніе отношенія раждающихся случилось до IX года, и вѣроятно въ шесть или семь первыхъ лѣтъ республики, когда женатые были еще освобождены отъ конскрипціи. Если революція улучшила положеніе земледѣльца, то я увѣренъ, что отношеніе, какъ раждавшихся, такъ и умиравшихъ, должно оказаться меньшимъ противъ прежняго. При такихъ благопріятныхъ для здоровья условіяхъ, какими пользуется Франція, только крайняя нищета низшихъ классовъ народа можетъ причинить смертность 1 изъ 30, и дать отношеніе 1 къ $25^3/_4$ для рождающихся, какъ это принимаетъ Неккеръ **. Слѣдовательно,

* Авторъ вѣроятно желаетъ сказать, что при томъ же множителѣ 25, число рожденій будетъ настолько больше, что дастъ населеніе въ 28 мильоновъ. Въ примѣчаніи, помѣщенномъ ниже, указано мною дѣйствительное отношеніе, выведенное изъ донесеній префектовъ.

Фран. перев.

** Небезполезно привести здѣсь отношеніе родившихся, умершихъ и сочетавшихся бракомъ изъ таблицъ за IX и X годы, помѣщенныхъ въ *Statistique générale et particulière de la France, par une Société de gens des lettres et de savants, publiée par P. E. Herbin, à Paris, l'an XII* (1803), *en 7 vol., auxquels est joint un atlas de cartes et de tableaux*. Въ т. I, стр. 125 помѣщена таблица населенія Франціи по 102 департаментамъ, всего 33,111,962 души. На стр. 120 говорится, что таблица эта составлена изъ донесеній префектовъ въ IX и X годахъ въ министерства юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, не считая Пьемонта и острова Эльбы. Въ атласѣ подъ № 1 мы находимъ таблицу народонаселенія, заключающую родившихся, умершихъ и браковъ сочетавшихся за IX годъ. Общій итогъ даетъ:

Родившихся.	Браковъ.	Умершихъ.	Избыт. родивш.
955,430	202,177	821,871	133,559

Это тѣ самыя числа, которыя приводятся авторомъ въ началѣ этого примѣчанія. Они же встрѣчаются и въ Статистикѣ Пёше, за исключеніемъ родившихся, число которыхъ въ IX году Пёше принимаетъ 955,977. Я впрочемъ не знаю, на чемъ основано это небольшое различіе.

Прежде чѣмъ сравнивать эти цифры съ цѣлымъ населеніемъ, слѣдуетъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія. Во первыхъ, таблицы за оба года не вполнѣ согласны между собою: одна относится къ IX и X,

при такомъ предположеніи, число рожденій за IX годъ можетъ быть и вѣрно, а относительное число раждающихся и умирающихъ могло уменьшиться въ послѣдующее время. Франція находится въ этомъ отношеніи въ полной противуположности съ Англіей.

Часть этого сочиненія, относящаяся къ народонаселенію, исполнена такимъ образомъ, что не показываетъ большаго знакомства съ предметомъ. Въ ней помѣщено странное примѣчаніе, въ которомъ говорится, что число браковъ относится ко всему населенію, какъ 1 къ 110, а число родившихся, какъ 1 къ 25, изъ чего дѣлается заключеніе, что четвертая часть раждающихся достигаетъ брачнаго возраста. Но если такое заключеніе справедливо, то Франція вскорѣ должна совершенно обезлюдѣть.

Для опредѣленія вѣроятной жизни, авторъ прибѣгаетъ къ таблицамъ Бюфона, которыя совершенно невѣрны, ибо составлены только на приходскихъ книгахъ деревень, лежащихъ въ окрестностяхъ Парижа. По этимъ таблицамъ, вѣроятность жизни при рожденіи неболѣе 8 лѣтъ, цифры, значительно меньшей, чѣмъ средняя цифра для городовъ и деревень, взятыхъ вмѣстѣ.

Въ этомъ сочиненіи мало можно найти, чего бы не было въ книги Пёше, на которую я нерѣдко ссылался. Говоря вообще, я не нашелъ нужнымъ измѣнить что либо въ предположеніяхъ, заключающихся въ этой главѣ, хотя и нельзя

думать, чтобы всѣ они были вполнѣ вѣрны. Когда я дѣлалъ выводы изъ цифръ, приводимыхъ д'Ивернуа, относительно потерь, понесенныхъ населеніемъ Франціи во время революціи, я вовсе не имѣлъ въ виду возможности подтвердить мои мнѣнія числами. Читатель легко пойметъ, что я обратился къ этимъ цифрамъ только какъ къ примѣрамъ для разъясненія моей мысли, а вовсе не какъ къ дѣйствительнымъ и точнымъ даннымъ.

Примѣч. II. Послѣ того, какъ написана эта глава, я имѣлъ случай видѣть *Изслѣдованіе протоколовъ общихъ департаментскихъ совѣтовъ*, заключающее весьма интересныя подроб-

---

другая къ IX году. Но такъ какъ число родившихся превышаетъ число умершихъ, то должно послѣдовать увеличеніе населенія. Поэтому, прежде чѣмъ принять окончательную цифру для населенія въ IX году, изъ нея слѣдуетъ выключить весь избытокъ родившихся надъ умершими или часть его. Я выключаю весь этотъ избытокъ, вслѣдствіе чего получаю для населенія въ IX году 32,978,403 души. Во вторыхъ, должно принять во вниманіе, что таблица, заключающая родившихся, умершихъ и бракомъ сочетавшихся, составлена изъ донесеній 98 департаментовъ. Поэтому, изъ цифры населенія слѣдуетъ еще выключить число жителей 4 пропущенныхъ департаментовъ, то есть, присоединенныхъ департаментовъ на лѣвомъ берегу Рейна съ населеніемъ:

Монъ-Тонера	342,316
Рейна и Мозеля	203,290
Рэра	516,287
Сарры	219,049
Всего въ 4 пропущенныхъ департаментахъ	1,280,942

Если выключить это число, то окончательная цифра населенія въ IX году, которую уже можно сравнивать съ числомъ родившихся, умершихъ и сочетавшихся бракомъ въ томъ же году, будетъ 31,697,461.

Теперь, намъ остается воспользоваться этими числами, раздѣливъ исправленную цифру населенія на вышеприведенное число родившихся, сочетавшихся бракомъ и умершихъ. Мы получимъ слѣдующія отношенія, которыя, безъ сомнѣнія, покажутся слишкомъ малыми.

Родившіеся	Браки	Умершіе
1 къ 33	1 къ 157	1 къ 38½

Авторы упомянутой статистики ничего не говорятъ о нихъ, и не

ности о внутреннемъ состояніи Франціи въ VIII году*. Что касается до народонаселенія, то изъ 69 изслѣдованныхъ въ немъ департаментовъ, въ 16 населеніе увеличилось, въ 42 уменьшилось, въ 9 оставалось неподвижнымъ, а въ 2 хотя числительность и не уменьшилась, но въ возмужаломъ населеніи замѣчается уменьшеніе. Какъ бы то ни было, эти отчеты основаны, кажется, не на непосредственной переписи. Но, при отсутствіи такихъ положительныхъ данныхъ, ходячія мнѣнія всегда склонны уменьшить количество народонаселенія, или цифру людей, годныхъ для военной службы. Если судить объ этомъ по внѣшнимъ признакамъ, то 100 дѣтей,

---

потрудились даже представить такія нетрудныя приблизительныя цифры, хотя они настаиваютъ (стр. 130) на ихъ необходимости и повторяютъ объ этомъ (стр. 132), какъ бы желая показать, что не приводятъ ихъ вовсе не по недосмотру.

Если мнѣ позволено будетъ сдѣлать предположеніе, то я скажу, что вѣроятно, или въ спискахъ умершихъ, или въ спискахъ родившихся сдѣланы были пропуски, и что приходскія книги велись вообще съ большею небрежностью, чѣмъ тѣ, которыми пользовался Неккеръ. Предположеніе мое, повидимому, подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ *Analyse des procès-verbaux*, etc. за IX годъ упоминается о жалобѣ трехъ департаментовъ на небрежное веденіе гражданскихъ книгъ. Впрочемъ, я не придаю особеннаго значенія моему замѣчанію, и прошу людей, имѣющихъ возможность справиться съ сырымъ матерьяломъ, послужившимъ основаніемъ для этихъ таблицъ, подтвердить или исправить сдѣланные мною выводы.

По поводу настоящаго замѣчанія, Мальтусъ писалъ мнѣ, что находитъ весьма правдоподобнымъ мое предположеніе о пропускахъ, существующихъ въ приходскихъ книгахъ. Но еслибы предположеніе мое оказалось ошибочно, а выводы были бы вѣрны, то изъ этого слѣдовало бы заключить, что отношенія родившихся и умершихъ ко всему населенію значительно уменьшились во Франціи со времени вычисленій Неккера. Слѣдовательно, мнѣніе Мальтуса по этому поводу, тоже полагающаго, что отношенія эти уменьшились, сравнительно съ первыми годами революціи, вполнѣ подтверждается опубликованными таблицами. Но не подлежитъ сомнѣнію, что послѣднія оправдываютъ его еще болѣе, чѣмъ сколько можно было ожидать.

Франц. перев.

* Авторъ вѣроятно ошибочно указалъ на VIII годъ вмѣсто IX. Всѣ его ссылки очевидно относятся къ *Analyse des procès-verbaux des conseils généraux de départements* за IX годъ. Фран. перев.

замѣняющихъ 100 человѣкъ взрослыхъ, менѣе бросаются въ глаза. Я не нашелъ бы, поэтому, ничего удивительнаго, еслибы, по произведеніи переписи за IX годъ, въ населеніи вообще не оказалось бы никакого уменьшенія*. Въ нѣкоторыхъ донесеніяхъ, какъ на одну изъ причинъ увеличившагося населенія, указываютъ на *общее довольство, разлившееся между народомъ, и на раздробленіе крупной поземельной собственности*, и почти во всѣхъ упоминается *о раннихъ супружествахъ* и *объ увеличеніи числа браковъ изъ опасенія конскрипціи*.

Что же касается до состоянія земледѣлія, то изъ донесеній 78 департаментовъ оказывается, что въ 6 оно сдѣлало успѣхи, въ 10 пришло въ упадокъ, въ 70 требуетъ вообще поощреній, въ 32 жалуются на *чрезмѣрную разработку новыхъ участковъ*, а въ 12 требуютъ *поощреній для такой разработки*. Въ одномъ изъ донесеній говорится *объ огромномъ количествѣ незанятыхъ земель, поступившихъ въ обработку въ послѣднее время, и о множествѣ работъ, превышающихъ число рукъ, которымъ можетъ располагать земледѣліе;* другіе говорятъ *о множествѣ незанятыхъ земель, поступившихъ въ обработку уже съ давняго времени*, что въ началѣ казалось выгоднымъ, но впослѣдствіи оказалось, что выгоднѣе обработывать меньше земли, но обработывать какъ слѣдуетъ. Многія донесенія упоминаютъ о низкой цѣнѣ хлѣба и о недостаткѣ сбыта для него. Что касается до раздѣленія *общинныхъ владѣній*, то о немъ говорится, «что раздѣлъ ихъ, вызовомъ разработки новыхъ участковъ, безъ сомнѣнія, со-

* Предъ глазами моими, какъ я только что упомянулъ, *Analyse*, и проч. за IX годъ, и я нахожу въ немъ, въ заключеніи 7-й главы (стр. 807), именно тѣ выводы, на которые ссылается авторъ. Въ *Analyse* не встрѣчается, впрочемъ, ни таблицъ народонаселенія, ни выводовъ изъ нихъ. А между тѣмъ, таблицы эти требовались *Инструкціей министра* (стр. 10) въ такихъ выраженіяхъ: «Должно быть представлено состояніе народонаселенія, сравнительно съ населеніемъ 1789 и VIII года, съ объясненіемъ причинъ, увеличившихъ или уменьшившихъ его. При этомъ должны быть приняты всевозможныя мѣры, чтобы внесенные факты были вѣрны и несомнѣнны.» Вѣроятно этими таблицами и воспользовались авторы *Statistique de la France, publiée par Herbin en l'an XII* (1803). Послѣдніе выводы этой Статистики показываютъ (стр. 120, т. I) большое приращеніе населенія; ибо, между тѣмъ какъ Неккеръ полагаетъ въ 1785 году не болѣе 916 жителей на кв. льё, цифры IX и X года даютъ 1086. Въ эти таблицы не вошелъ Пьемонтъ и островъ Эльба, но вошли многіе новые департаменты, которые очевидно должны быть выключены, чтобы возможно было сравненіе между 1785 и 1800 годами. Исключеніе это тѣмъ затруднительнѣе, что въ нѣкоторыхъ новыхъ департаментахъ преднамѣренно перепутаны старыя и новыя границы. Для сколько нибудь удовлетворительнаго разъясненія этого вопроса я сдѣлаю приблизительное исчисленіе.

Въ департаментѣ Лиса показано на кв. льё 2,274 души, Шельды—3,865, Двухъ-Нетъ—1,743, Жеманскомъ—1,872, Маса—867, Рэра—1,993, Самбры-и-Маса 721, Урты—1,474, Лѣсномъ—663, Сарры—906, Рейна-и-Мозеля—700, Монъ-Тонера—1,239, Лемана—1,673, Монъ-Блана—858; Авиньонъ и Венесенское графство включены въ Воклюзскій департаментъ, въ которомъ на кв. льё показано 1,639 душъ. Въ этихъ пятнадцати департаментахъ (считая Воклюзскій), присоединенныхъ къ прежней Франціи, приходится на кв. льё, среднимъ числомъ, по $1{,}499^{9}/_{15}$ душъ. Откуда вытекаетъ, что въ 87 департаментахъ старой Франціи на одно кв. льё приходилось въ 1800 (IX и X) $1{,}014^{67}/_{87}$ душъ. Слѣдовательно, на основаніи этихъ данныхъ, населеніе Франціи съ 1785 увеличилось на 99 душъ на каждое кв. льё, то есть, почти на *одну девятую*.

Вотъ какіе результаты даютъ лучшія свѣдѣнія, находящіяся въ нашемъ распоряженіи. Они сильно подтверждаютъ предположенія Мальтуса; но еще разъ, они даже слишкомъ подтверждаютъ ихъ и, повидимому, выходятъ за предѣлы возможнаго. Предъидущее вычисленіе породило въ насъ подозрѣніе въ существованіи пропусковъ въ спискахъ родившихся, умершихъ и сочетавшихся бракомъ. Послѣднее вычисленіе вызываетъ подозрѣніе въ преувеличеніи цифры дѣйствительнаго населенія. Еслибы пришлось сдѣлать добавленія въ таблицахъ родившихся, умершихъ и сочетавшихся бракомъ, и въ то же самое время сдѣлать исключенія изъ цифры всего дѣйствительнаго населенія, то мы очевидно получили бы, съ одной стороны, большее и вѣроятнѣйшее отношеніе для родившихся, умершихъ и сочетавшихся бракомъ, а съ другой—меньшее населеніе на каждое кв. льё. Я еще разъ выражаю желаніе, чтобы свѣдущіе люди, имѣющіе въ своемъ распоряженіи матерьялы, послужившіе основаніемъ для обнародованныхъ чиселъ, а также, свѣдѣнія о населеніи за послѣдующіе годы, разрѣшили бы поставленные мною вопросы, и пролили бы свѣтъ на этотъ интересный предметъ. Но до этого, представленные мною выводы только подтверждаютъ предположеніе Мальтуса, въ томъ видѣ, какъ оно выражено въ текстѣ, а именно, что общая числительность населенія не уменьшилась. Франц. перев.

дѣйствовалъ увеличенію количества получаемаго хлѣба, но съ другой стороны, лишеніемъ даровыхъ пастбищъ, онъ вѣроятно уменьшилъ количество скота *.» Говоря вообще, я полагаю, что если земледѣліе и не велось такимъ образомъ, чтобы могло доставить *чистый доходъ*, то количество *сырыхъ произведеній* не уменьшилось со времени революціи, а разработка новыхъ земель вызвала недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. Если согласиться, что количество продовольствія не уменьшилось во время революціи, то всѣми признаваемая высокая заработная плата не могла не служить сильнымъ поощреніемъ къ размноженію рабочихъ классовъ общества.

• На налоги на землю или поземельные сборы жаловались всѣ департаменты. Повидимому, налоги были очень велики и неравномѣрны. При установленіи ихъ имѣлось въ виду взимать пятую часть чистаго дохода. Но, вслѣдствіе отсталаго состоянія земледѣлія, многочисленности мелкихъ собственниковъ, и сверхъ того, вслѣдствіе обработки бо́льшаго количества земель, чѣмъ какое допускалось обращавшимися въ странѣ капиталами, налогъ доходилъ до четвертой, третьей а иногда и половинной части чистаго дохода, съ котораго имѣлось въ виду взимать неболѣе пятой части. Когда поземельная собственность раздроблена до такой степени, что приходится соединять ренту съ прибылью фермера, чтобы доставить одному семейству возможность содержать себя произведеніями участка, то поземельный налогъ необходимо долженъ наносить большой вредъ земледѣлію; между тѣмъ какъ вредъ этотъ будетъ мало или вовсе незамѣтенъ въ странѣ, раздѣленной на большіе участки, необработываемые самимъ собственникомъ, а отдаваемые имъ въ аренду, какъ это существуетъ большею частью въ Англіи. Между препятствіями, затрудняющими земледѣліе, донесенія упоминаютъ о чрезмѣрномъ раздробленіи земель, причиняемомъ новыми законами о наслѣдствахъ. Весьма вѣроятно, что раздѣленіе нѣкоторыхъ

* Авторъ дѣлаетъ только краткое заключеніе по этому вопросу изъ донесеній, помѣщенныхъ въ *Analyse*. Онъ приводитъ подлинныя слова изъ донесенія одного только департамента; но сущность такого заключенія встрѣчается во многихъ. Фран. пер.

большихъ имѣній могло бы оказать содѣйствіе успѣхамъ земледѣлія; но такое раздробленіе, на какое жаловались въ настоящемъ случаѣ, несомнѣнно должно было вызвать противуположные результаты; оно въ особенности должно было содѣйствовать уменьшенію чистаго дохода, а потому, сдѣлать всякій поземельный налогъ болѣе обременительнымъ и менѣе производительнымъ. Еслибы вся территорія Англіи раздѣлена была на фермы, дающія 20 фунтовъ или 500 франковъ дохода, то вѣроятно Англія была бы болѣе населена, противъ теперяшняго, но какъ нація, она была бы несравненно бѣднѣе. Она не имѣла бы почти никакого свободнаго дохода, и очутилась бы въ безусловной невозможности содержать теперешнее число фабрикъ и выплачивать такіе налоги, какіе она выплачиваетъ въ настоящее время. Всѣ департаменты просятъ объ уменьшеніи поземельныхъ сборовъ, какъ о мѣрѣ, безусловно необходимой для процвѣтанія земледѣлія.

Всѣ почти донесенія свидѣтельствуютъ о жалкомъ состояніи больницъ и другихъ благотворительныхъ заведеній, объ усиленіи нищенства и огромной смертности между подкидываемыми дѣтьми. Съ перваго взгляда должно показаться, что бѣдность и страданія чрезвычайно увеличились между низшими классами народа; но слѣдуетъ припомнить, что больницы и прочія благотворительныя заведенія потеряли почти всѣ свои доходы во время революціи; что огромное число людей внезапно лишилось такимъ образомъ единственныхъ средствъ существованія; что паденіе фабрикъ поставило рабочихъ въ безвыходное положеніе, и что въ то же самое время число незаконнорожденыхъ дѣтей сильно увеличилось. Совокупнаго дѣйствія столькихъ условій достаточно для объясненія страданій, о которыхъ говорится въ донесеніяхъ; но изъ этихъ страданій нельзя заключать, что положеніе сельскихъ рабочихъ или вообще крестьянъ не стало лучше. Послѣднее доказывается несомнѣннымъ повышеніемъ заработной платы и сравнительнымъ пониженіемъ цѣны хлѣба. Но дѣйствительное населеніе страны поддерживается и обновляется главнымъ образомъ, сельскими работниками или вообще крестьянами. Предположимъ, что въ Англіи вдругъ отмѣняется

налогъ въ пользу бѣдныхъ; мѣра эта, безъ всякаго сомнѣнія, повергла бы въ страшное бѣдствіе тѣхъ, кто въ настоящее время содержится этимъ налогомъ; но я не думаю, чтобы отъ нея пострадали бы вообще рабочіе класы общества, или чтобы населеніе страны уменьшилось. Такъ какъ число незаконнорожденныхъ дѣтей увеличилось во Франціи до $^1/_{11}$ части всѣхъ раждающихся, вмѣсто $^1/_{47}$, какъ это было въ прежнее время*, то очевидно, число дѣтей, поступавшихъ въ воспитательные дома, тоже должно было увеличиться, и большее число умирало между ними. Но въ то же время большее число незаконнорожденныхъ дѣтей должно было воспитываться родителями, и большее число ихъ избѣгало смерти въ этихъ гибельныхъ заведеніяхъ. Кажется, что за отсутствіемъ денежныхъ средствъ, воспитательные дома не въ состояніи были платить кормилицамъ, вслѣдствіе чего огромное число дѣтей умирало съ голоду. Наконецъ, нѣкоторые воспитательные дома весьма благоразумно отказывались принимать дѣтей.

Какъ бы то ни было, донесенія эти представляютъ далеко не удовлетворительную картину внутренняго состоянія Франціи; но не слѣдуетъ упускать изъ виду свойства этихъ донесеній. Это были замѣчанія на состояніе департаментовъ, а нерѣдко и особенныя ходатайства, имѣвшія цѣлью выговорить отъ правительства какія либо вспомоществованія или облегченія. Поэтому, отъ нихъ и нельзя ожидать представленій въ радужномъ цвѣтѣ. Какъ только подымается вопросъ о новомъ налогѣ или о сложеніи его, люди, которые несутъ налогъ, всегда готовы жаловаться на свою бѣдность. И дѣйствительно, все, что́ относится къ налогу, оказывается обременительнымъ. Хотя и предложено было департаментскимъ совѣтамъ

* Въ 1848 родилось во Франціи 948,748 дѣтей, въ томъ числѣ 880,957 законныхъ и 67,791 незаконнорожденныхъ, т. е. послѣднія составляли $^1/_{13}$ всѣхъ родившихся. Но число покинутыхъ дѣтей несравненно меньше. Въ 1845 считался одинъ покинутый на 39 родившихся. Гарнье.

Среднее годовое число рожденій за 1851—1855 годы было 941,015, изъ которыхъ незаконнорожденныхъ 68,687 или 7,29% всѣхъ рожденій. Рус. перев.

не предаваться неопредѣленнымъ жалобамъ, приводить затрудненія отдѣльныя и несомнѣнныя, указывать на самыя удобныя средства для ихъ отстраненія, въ особенности же не ходатайствовать объ отмѣнѣ налога, если не представляется на его мѣсто другой, равносильный, все же мнѣ кажется, нѣтъ налога, который не вызвалъ бы ропота, и большею частью въ выраженіяхъ общихъ и безъ упоминанія о замѣнѣ его другимъ. Поземельный налогъ, какъ и налогъ на движимость, заставныя, какъ и таможенныя пошлины вызываютъ одинаково горькія жалобы. Единственная, замѣченная мною пошлина, предлагавшаяся для замѣны, была пошлина на дичь; но въ настоящее время дичь до такой степени переведена во Франціи, что пошлиной на нее нельзя замѣстить тѣхъ налоговъ, объ отмѣнѣ которыхъ испрашивалось. Какъ бы то ни было, донесенія эти весьма любопытны. Они указываютъ на похвальное стремленіе правительства знать о состояніи департаментовъ и выслушивать замѣчанія и указанія, которыя могутъ принести имъ пользу. Нѣкоторое время они обнародывались во всеобщее свѣдѣніе, но вскорѣ обращеніе ихъ было стѣснено, и ограничено министрами, членами департаментскихъ совѣтовъ и проч. Да и на самомъ дѣлѣ, это скорѣе частные документы, повидимому, вовсе непредназначенные для обращенія въ публикѣ*.

ГЛАВА VII.—О препятствіяхъ для размноженія населенія во Франціи.

(*Продолженіе.*)

Я не нашелъ нужнымъ измѣнять цифры и предположенія, помѣщенныя въ предъидущей главѣ, несмотря на то, что

* Въ настоящее время Мальтусу пришлось бы справиться со множествомъ документовъ. Должно отдать справедливость администраціи въ томъ отношеніи, что она разумно пользуется помѣщенными въ нихъ свѣдѣніями. Въ-особенности же Мальтусу доставилъ бы богатый матерьялъ первый томъ большой статистики, посвященный пространству и населенію, изданный подъ редакціей Моро-де-Жонеса; знаменитый писатель оставилъ бы намъ научную оцѣнку всѣхъ этихъ добросовѣстныхъ работъ. Гарнье.

донесенія префектовъ за IX годъ и нѣкоторые отчеты, опубликованные правительствомъ послѣ 1813 года, даютъ меньшее отношеніе для родившихся, чѣмъ какое я считалъ вѣроятнымъ, во первыхъ, потому что таблицы эти не даютъ свѣдѣній за первые годы революціи, въ которые можно предположить большее поощреніе браковъ и большее отношеніе родившихся; а во вторыхъ, потому что эти таблицы еще очевиднѣе подтверждаютъ главное положеніе, которое я старался доказать въ этой главѣ, именно, что населеніе Франціи не уменьшилось, несмотря на понесенныя ею потери во время революціи; и такого рода явленіе слѣдуетъ объяснять скорѣе сравнительнымъ уменьшеніемъ числа умиравшихъ, чѣмъ увеличеніемъ числа раждавшихся.

По донесеніямъ за IX годъ, отношеніе ко всему населенію числа родившихся, умершихъ и сочетавшихся бракомъ было:

Родившихся	Умершихъ	Сочет. бракомъ
1 къ 33	1 къ $38^1/_2$	1 къ 157 *

Въ сущности, это—отношенія для одного только года, изъ которыхъ нельзя сдѣлать точнаго вывода. Они же прилагаются къ населенію, на 3 или на 4 мильона превосходящему населеніе старой Франціи, а для этого избытка всегда могло существовать меньшее отношеніе родившихся, умершихъ и сочетавшихся бракомъ; кромѣ того, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ *Изслѣдованія протоколовъ*, весьма вѣроятно, что приходскія книги велись съ недостаточною рачительностью. Вслѣдствіе этого, онѣ не могутъ служить подтвержденіемъ выводовъ, дѣлаемыхъ на основаніи ими же представляемыхъ данныхъ.

Въ *Элементарной статистикѣ* Пёше, изданной имъ послѣ *Опыта*, говорится, что въ XI году, по распоряженію Шапталя, произведены были изысканія, имѣвшія цѣлью изслѣдовать и вычислить именно отношеніе числа раждающихся къ населенію; такое изысканіе, предпринятое вскорѣ по полученіи донесеній за IX годъ, ясно доказываетъ, что правительство не считало эти донесенія точными.

Для достиженія предположенной цѣли избрано было въ 30 различныхъ департаментахъ извѣстное число общинъ, которыя, надѣялись, доставятъ самыя точныя данныя. Послѣднія дали для VIII, IX и X года слѣдующія отношенія: для родившихся 1 къ 28,35, для умершихъ 1 къ 30,09 и для браковъ 1 къ 132,078.

Пёше замѣчаетъ, что отношеніе для родившихся оказалось гораздо больше того, какое предполагали, но такъ какъ оно получено изъ непосредственной переписи, то заслуживаетъ предпочтенія.

Таблицы, обнародованныя правительствомъ въ 1813, даютъ населеніе для старой Франціи въ 28,786,911 душъ, то есть, сравнительно съ населеніемъ IX года (28 мильоновъ), представляютъ увеличеніе слишкомъ на 800,000 душъ въ 11 лѣтъ, съ 1802 по 1813.

Число браковъ въ нихъ не показано, а число родившихся и умершихъ показано только для 50 департаментовъ.

Въ этихъ 50 департаментахъ число родившихся впродолженіи 10 лѣтъ, съ 1802 по 1811 простирается до 5,478,669, а число умершихъ до 4,696,857, что̀, при населеніи ихъ въ 16,710,719, даетъ 1 родившагося на $30^1/_2$, и 1 умершаго изъ $35^1/_2$.

Естественно предположить, что избранные 50 департаментовъ были тѣ, которые дали наибольшее увеличеніе населенія.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣднее почти равно увеличенію населенія во всѣхъ департаментахъ со времени переписи въ IX году; поэтому, населеніе прочихъ департаментовъ оставалось почти неподвижнымъ. Сверхъ того, можно предположить, что число заключенныхъ браковъ не было обнародовано, потому что оно было найдено неудовлетворительнымъ, такъ какъ показывало уменьшеніе ихъ и увеличеніе числа незаконнорожденныхъ дѣтей.

Изъ этихъ донесеній и сопровождавшихъ ихъ обстоятельствъ

* Прево предполагаетъ пропуски въ таблицѣ родившихся, умершихъ и сочетавшихся бракомъ за IX годъ. Сверхъ того, онъ доказываетъ, что населеніе старой Франціи на кв. льё составляло 1,014, а не 1,086 душъ. Но если въ таблицахъ дѣйствительно существуютъ пропуски, а населеніе въ нихъ преувеличено, то приведенныя отношенія должны значительно измѣниться. Прим. автора.

можно вывести заключеніе, что каково бы ни было дѣйствительное отношеніе для раждавшихся до революціи и въ шесть или семь слѣдующихъ лѣтъ*, отношеніе для родившихся, умершихъ и сочетавшихся бракомъ оказалось значительно меньше, чѣмъ это предполагалось**.

Но если это справедливо, то не имѣемъ ли мы права предположить, что вычисленіе народонаселенія до революціи ошибочно, и что количество населенія скорѣе уменьшилось, чѣмъ увеличилось съ 1792 года? Я полагаю, что на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣчать отрицательно. Въ предъидущихъ главахъ мы видѣли, что отношенія для раждающихся, умирающихъ и вступающихъ въ бракъ бываютъ весьма различны въ различныхъ странахъ, но мы имѣемъ весьма основательныя причины думать, что они могутъ быть различны и въ одной и той же странѣ, смотря по времени и по обстоятельствамъ.

Можно считать почти доказаннымъ, что такого рода колебанія происходили въ Швейцаріи. Можно принять за фактъ, неподлежащій сомнѣнію, подобное же явленіе въ Англіи, вызванное улучшеніемъ условій, благопріятныхъ для здоровья. А по мнѣнію лучшихъ авторитетовъ по этому вопросу, врядъ ли можно сомнѣваться въ уменьшеніи смертности въ послѣднія одно или два столѣтія во всѣхъ почти европейскихъ странахъ. Ничего, поэтому, нѣтъ удивительнаго въ томъ, что населеніе не уменьшилось, или даже замѣтно увеличилось при меньшемъ отношеніи родившихся, умершихъ и сочетавшихся бракомъ. Вопросъ состоитъ только въ томъ, чтобы узнать, возможно ли такое явленіе при тѣхъ условіяхъ, какія существуютъ въ настоящее время во Франціи.

* Въ послѣдніе годы въ донесеніяхъ нерѣдко упоминается о раннихъ бракахъ, а въ общей статистикѣ приводится отношеніе для родившихся, какъ 1 къ 21, 22 и 23. Прим. автора.

** Въ 1792 изданъ былъ законъ, въ высшей степени поощрявшій ранніе браки: онъ отмѣненъ былъ въ XI году, и замѣненъ закономъ, по мнѣнію Пёше, крайне стѣснительнымъ для браковъ. Оба закона могутъ служить подтвержденіемъ малаго отношенія рожденій и браковъ впродолженіи десяти лѣтъ до 1813, и въ то же время дѣлаютъ возможнымъ большее отношеніе впродолженіи шести или семи лѣтъ, слѣдовавшихъ за началомъ революціи. Прим. автора.

Всѣми признается, что низшіе классы народа во Франціи находились до революціи въ самомъ жалкомъ положеніи. Заработная плата не превышала въ ней 20 су въ день, между тѣмъ какъ въ Англіи она была въ два раза больше, при одинаковой почти цѣнѣ хлѣба въ обѣихъ странахъ. Это подтверждаетъ и Артуръ Юнгъ, который говоритъ, что предъ самымъ началомъ революціи рабочіе классы во Франціи кормились, одѣвались и содержались, какъ во время болѣзни, такъ и въ здоровомъ состояніи, хуже, чѣмъ тѣ же классы въ Англіи, въ отношеніи 76 ко 100. И хотя отношеніе это, можетъ быть, и слишкомъ велико, а авторъ не обратилъ достаточнаго вниманія на дѣйствительное различіе цѣнъ, тѣмъ неменѣе, сочиненіе его переполнено замѣчаніями, подтверждающими бѣдственное состояніе рабочихъ классовъ во Франціи и доказывающими, что населеніе этой страны стремилось выйти за предѣлы, допускаемые средствами существованія.

Съ другой стороны, всѣми принимается, что положеніе французскихъ крестьянъ было улучшено революціей и продажей государственныхъ имуществъ. Всѣ писатели, обращавшіе вниманіе на этотъ предметъ, замѣчаютъ, что заработная плата значительно поднялась, какъ вслѣдствіе разширенія земледѣлія, такъ и вслѣдствіе наборовъ людей въ армію. Изъ *Элементарной статистики* Пёше видно, что заработная плата поднялась во Франціи съ 20 до 30 су, между тѣмъ какъ цѣна хлѣба почти не измѣнилась; а Бирбекъ, въ своемъ *Послѣднемъ земледѣльческомъ путешествіи по Франціи**, говоритъ, что заработная плата, кромѣ харчей, составляетъ въ ней болѣе 40 су, или *20 пенсовъ* въ день, и что всякаго рода съѣстные припасы также дешевы въ ней, какъ въ Англіи; такъ что французскій работникъ имѣетъ такое же количество продовольствія, какое англійскій имѣлъ бы, получая ежедневно по 4 франка *(three shillings and four pences)*; но въ Англіи заработная плата простаго поденщика никогда не достигала такой величины.

Допустивъ даже, что въ эти вычисленія могли вкрасться

* Birbeck, *Dernier voyage agricole en France.*

ошибки, тѣмъ неменѣе, нельзя отрицать, что эти цѣны достаточно говорятъ въ пользу сильнаго улучшенія положенія низшихъ классовъ во Франціи; но физически невозможно, чтобы такое уменьшеніе бѣдности не сопровождалось уменьшеніемъ смертности; а если уменьшнніе смертности не сопровождалось быстрымъ умноженіемъ населенія, то необходимо сдѣлать заключеніе, что отношеніе раждающихся сдѣлалось меньше. Въ промежутокъ между 1802 и 1813 населеніе, повидимому, возрастало, хотя и въ слабой степени; поэтому, меньшее отношеніе раждающихся, умирающихъ и вступающихъ въ бракъ, или болѣе широкое дѣйствіе благоразумія есть именно то, что̀ слѣдовало ожидать отъ измѣнившихшихся обстоятельствъ. Быть можетъ, нѣтъ болѣе справедливаго положенія, какъ слѣдующее: *При равныхъ условіяхъ приращенія, естественной здоровости климата и состоянія городовъ и фабрикъ, та изъ двухъ странъ, которая отличается большею смертностью, должна отличаться и большимъ числомъ раждающихся, умирающихъ и вступающихъ въ бракъ.*

Поэтому, изъ того, что отношеніе раждающихся во Франціи съ 1802 было 1 къ 30, вовсе нельзя дѣлать заключенія, какъ это было однако же сдѣлано, что при вычисленіи населенія Неккеру слѣдовало взять множителемъ 30 вмѣсто $25^3/_4$.

Если свѣдѣнія о состояніи рабочихъ классовъ во Франціи, до и послѣ революціи, хоть сколько нибудь справедливы, то, такъ какъ движеніе населенія было почти одинаково въ обѣ эпохи, то отношеніе раждающихся въ настоящее время нельзя прилагать къ эпохѣ, въ которую писалъ Неккеръ. Скорѣе можно предположить, что онъ взялъ слишкомъ малый множитель. По многимъ соображеніямъ, трудно повѣрить, чтобы въ промежутокъ отъ 1785 по 1820 населеніе Франціи возрасло съ $25^1/_2$ до 28 мильоновъ. Если же мы допустимъ множитель 27, вмѣсто $25^3/_4$, то выйдемъ за предѣлы всякаго благоразумія; но и тогда даже мы получимъ приращеніе около 2 мильоновъ съ 1785 по 1813, приращеніе, гораздо меньшее, сравнительно съ приращеніемъ населенія Англіи, но вполнѣ достаточное для подтвержденія могущественнаго дѣйствія закона народонаселенія и легкости, съ которой онъ побѣждаетъ самыя неодолимыя, повидимому, препятствія.

Что же касается до увеличенія числа раждавшихся въ первыя шесть или семь лѣтъ революціи, то вѣроятно вопросъ этотъ такъ и останется неразрѣшеннымъ.

Нельзя предположить, чтобы въ такія смутныя времена приходскія книги велись съ особенною рачительностью; а какъ необходимыя свѣдѣнія не были собраны въ IX году, то и нельзя ожидать, чтобы они могли быть исправлены впослѣдствіи *.

---

* Первый томъ упомянутой *Статистики Франціи*, изданный въ 1837 министерствомъ торговли подъ редакціей Моро-де-Жонеса, содержитъ на 350 страницахъ: 1) прежнее населеніе; 2) населеніе съ начала XIX вѣка по переписямъ 1801, 1806, 1821, 1826, 1831 и 1836; 3) движеніе населенія съ 1804; 4) разность между числами родившихся и умершихъ того и другаго пола за 35 лѣтъ; 5) число умершихъ, распредѣленное по причинамъ смерти и по общественнымъ учрежденіямъ, въ которыхъ они записаны; 6) распредѣленіе населенія по пространству территоріи; 7) населеніе по общественному положенію; 8) населеніе по городамъ; 9) населеніе по общинамъ.

Результаты переписи 1841, 1846, 1851 дополнили собою рядъ вышеприведенныхъ фактовъ. Они показываютъ, что если въ 1801 число родившихся относилось ко всему населенію, какъ 1 къ 30, то въ 1846 оно было только, какъ 1 къ 36; въ 1801 все населеніе составляло 27,349,000, а въ 1846—35,400,000 душъ.

Точность вычисленія Неккера оспаривалась въ послѣднее время профессоромъ математики Файе (Fayet) въ мемуарѣ, прочитанномъ въ Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ (помѣщенномъ въ *Journal des Économistes* т. XII) и депутатомъ Родо (Raudot) въ замѣчательномъ сочиненіи объ устройствѣ Франціи до революціи (*La France avant la révolution*). По мнѣнію этихъ писателей, населеніе Франціи въ 1789 превышало 30 мильоновъ. Гарнье.

Къ этому примѣчанію французскаго экономиста слѣдуетъ присовокупить, что Франція послѣдняго времени отличается замѣчательно *слабымъ* приращеніемъ населенія; на 36 мил. населенія среднее число рожденій за 5 лѣтъ, съ 1851 — 1856, было 940,995, или 1 на 38,26, сравнительно съ Англіей въ 9 разъ меньше. Такое явленіе объясняютъ, какъ застоемъ страны вообще, такъ и окончательно сложившимися политико-экономическими условіями страны.

Рус. перев.

ГЛАВА VIII.—О препятствіяхъ для размноженія населенія въ Англіи.

Достаточно одного бѣглаго взгляда на состояніе Англіи, чтобы убѣдиться, что препятствія, предупреждающія размноженіе населенія, дѣйствуютъ въ ней съ большою силой во всѣхъ сословіяхъ. Въ высшихъ классахъ мы нерѣдко встрѣчаемъ людей, живущихъ въ городахъ и недумающихъ о женитьбѣ по той причинѣ, что они находятъ для себя болѣе удобнымъ удовлетворять своимъ вкусамъ беззаконными связями съ развратными женщинами; другіе боятся, что должны будутъ прекратить траты, къ которымъ привыкли, и отказаться отъ образа жизни, несовмѣстнаго съ обязанностями, налагаемыми семействомъ. Если на богатыхъ людей оказываютъ вліяніе такого рода соображенія, то на людей небогатыхъ дѣйствуютъ болѣе могущественныя побужденія, вызываемыя благоразуміемъ.

Человѣкъ, получившій хорошее воспитаніе и пользующійся ровно такимъ доходомъ, какой необходимъ для поддержанія связей съ высшими слоями общества, не можетъ не видѣть, что, женившись, ему пришлось бы отказаться отъ нихъ. Онъ, безъ сомнѣнія, постарается выбрать себѣ жену, которая получила такое же воспитаніе и отличается такими же привычками. Согласится ли онъ, чтобы она отказалась, подобно ему, отъ своихъ знакомыхъ и завела новыхъ, съ которыми у нея нѣтъ ничего общаго? Спуститься ступенью или двумя ниже, туда, гдѣ кончается образованность и начинается невѣжество, представляется настоящимъ несчастіемъ для человѣка, котораго постигнетъ такая перемѣна, или которому она угрожаетъ. Мы любимъ общество въ такомъ только случаѣ, когда въ немъ господствуетъ нѣкоторое равенство и когда оно основано на взаимномъ обмѣнѣ услугъ.

Такого рода соображенія останавливаютъ весьма многихъ людей съ небольшими средствами. Другіе, одаренные менѣе трезвымъ взглядомъ, или увлекаемые страстью, идутъ на встрѣчу грозящей имъ опасности; но вѣроятно многимъ изъ нихъ приходится раскаиваться въ своемъ безразсудствѣ.

Сыновей фермеровъ и мелкаго купечества родные стараются удержать отъ брака, пока они не пріобрѣтутъ, первые — фермы, а вторые — какихъ либо занятій, которыя дали бы имъ средства для содержанія семьи. Чаще всего они слѣдуютъ такому совѣту, и женятся поздно. Вакантныя фермы встрѣчаются обыкновенно весьма рѣдко; а во всѣхъ отрасляхъ промышленности существуетъ такое дѣятельное соперничество, что нѣтъ возможности каждому достигнуть своей цѣли. Поэтому, нигдѣ, быть можетъ, предупреждающія препятствія не дѣйствуютъ съ такою силой, какъ между молодыми людьми торговаго и ремесленнаго званія.

Работникъ, зарабатывающій въ день 18 пенсовъ или 2 шиллинга и живущій безбѣдно, пока онъ одинъ, задумается, прежде чѣмъ рѣшится раздѣлить между четырьмя или пятью лицами свой заработокъ, котораго едва хватаетъ на него одного. Онъ охотно согласился бы на болѣе тяжкій трудъ и на лишенія, чтобы соединить свою судьбу съ судьбою любимой женщины; но онъ не можетъ не видѣть, что при многочисленной семьѣ или при малѣйшей неудачѣ, ни воздержаніе ни трудолюбіе не спасутъ его отъ несчастія—видѣть нужду своихъ дѣтей или прибѣгнуть къ общественной благотворительности. Боязнь попасть въ такого рода зависимость есть чувство полезное, заслуживающее поощренія, хотя, сказать по правдѣ, англійскіе законы о бѣдныхъ сильно подрываютъ его.

Прислуга богатыхъ людей, вступая въ бракъ, подвергается тоже большой опасности. Служители пользуются почти такими же удобствами, какъ и ихъ господа, отъ которыхъ они получаютъ нетолько все необходимое, но и то, что̀ дѣлаетъ жизнь пріятною и легкою: работа ихъ не тяжела, а пища гораздо лучше пищи рабочихъ классовъ. Сознаніе зависимости для нихъ менѣе тягостно, вслѣдствіе возможности перемѣнить господина. Если они вступятъ въ бракъ, не зная какого либо ремесла, или не скопивъ небольшаго капитала, то не могутъ ни арендовать фермы, ни взяться за торговлю, ни работать поденно. Единственный выходъ для нихъ, это—открыть кабакъ, но, разумѣется, въ этомъ нѣтъ ничего

привлекательнаго; вотъ почему бо́льшая часть ихъ ведетъ жизнь безбрачную.

Изъ этого краткаго очерка явствуетъ, что препятствія, недопускающія чрезмѣрнаго размноженія и названныя нами предупредительными, дѣйствуютъ въ Англіи съ большою силой. Такое же заключеніе можно сдѣлать и изъ таблицъ, обнародованныхъ въ 1800 году, вслѣдствіе послѣдняго парламентскаго акта относительно народонаселенія. Таблицы эти показываютъ, что въ Англіи и въ княжествѣ Валійскомъ число ежегодныхъ браковъ относится ко всему населенію, какъ 1 къ $123^{1}/_{5}$ *, то есть меньше, чѣмъ въ какой либо странѣ, въ которой отношеніе это извѣстно, за исключеніемъ Норвегіи и Швейцаріи.

До средины XVIII вѣка докторъ Шортъ считалъ это отношеніе, какъ 1 къ 115 *. Вѣроятно эта цифра была справедлива для того періода. Поэтому, относительное число вступающихъ въ бракъ значительно уменьшилось, и въ то же время, вслѣдствіе развитія торговли и земледѣлія, населеніе возрастало быстрѣе, чѣмъ когда либо. Уменьшеніе числа браковъ составляетъ отчасти причину, а отчасти слѣдствіе замѣченнаго въ послѣднее время уменьшенія смертности.

Донесенія о числѣ браковъ, сдѣланныя вслѣдствіе послѣдняго парламенскаго акта (1800), представляютъ часть отчетовъ, заслуживающую наибольшаго довѣрія.

---

* *Obs. on the results of the population Act.* Отчеты, представленные вслѣдствіе этого акта, разсѣяли наконецъ мракъ, покрывавшій вопросъ о населеніи страны, и доставили плодотворныя данныя для политико-экономa. Тѣмъ неменѣе, слѣдуетъ замѣтить, что они не настолько полны, чтобы исключить возможность соображеній и предположеній, относительно выводовъ, какіе можно сдѣлать изъ нихъ. Весьма желательно, чтобы не остановились на этой первой попыткѣ. Теперь, послѣ того какъ побѣждены первыя трудности, можно было бы производить перепись черезъ каждыя десять лѣтъ, и каждый годъ или, по крайней мѣрѣ, каждыя пять лѣтъ справляться съ списками родившихся, умершихъ и сочетавшихся бракомъ. Я увѣренъ, что изъ этихъ списковъ можно извлечь болѣе заключеній относительно внутренняго положенія страны, чѣмъ это до сихъ поръ полагалось.

Прим. автора.

Докторъ Шортъ, въ *Новыхъ замѣчаніяхъ на таблицы смертности въ городахъ и селахъ*, говоритъ, что онъ приводитъ въ заключеніе замѣчаніе, сдѣланное однимъ просвѣщеннымъ судьей: «что размноженіе человѣческаго рода останавливается благоразумною предусмотрительностью и опасеніемъ супружества и сопровождающихъ его расходовъ сильнѣе, чѣмъ какою бы то ни было другой причиной.» Вслѣдствіе этого, докторъ Шортъ предлагаетъ обложить налогомъ и даже пеней всѣхъ холостыхъ людей въ пользу вступающихъ въ бракъ бѣдныхъ людей.

Замѣчаніе просвѣщеннаго судьи совершенно справедливо, что касается до предупрежденія рожденій; но нельзя сказать того же о заключеніи, дѣлаемомъ изъ него авторомъ, что холостыхъ людей слѣдуетъ подвергать наказанію. Безъ сомнѣнія, многаго еще не достаетъ для полнаго развитія въ Англіи силы размноженія. Но если принять въ соображеніе, что заработная плата въ этой странѣ слишкомъ еще мала и недостаточна для содержанія многочисленнаго семейства; что бѣдность въ ней служитъ прямой или косвенной причиной погибели многихъ людей; въ особенности же, если припомнить, что огромное число дѣтей уносится въ ней преждевременною смертью въ городахъ, на фабрикахъ и въ мастерскихъ, то нельзя не согласиться, что еслибы эта чрезвычайная ежегодная смертность не предупреждала результаты чрезмѣрнаго числа рожденій, то слѣдовало бы, чтобы запасы, предназначенные на содержаніе труда, возрастали несравненно быстрѣе, чѣмъ это происходило до настоящаго времени, и чтобы ихъ достаточно было для удовлетворенія потребностей нарастающихъ поколѣній, непереживающихъ теперь дѣтскаго возраста.

Поэтому, холостые или поздно вступающіе въ бракъ люди образомъ своей жизни вовсе не уменьшаютъ населенія страны; они уменьшаютъ только количество преждевременно умирающихъ, число которыхъ возросло бы до ужасныхъ размѣровъ, еслибы всѣ вступали въ бракъ. Съ этой точки зрѣнія, холостые люди вовсе не заслуживаютъ упрека.

---

* Short, *New observ. on bills of mortality*, стр. 265.

Полагаютъ, и не безъ основанія, что таблицы умершихъ и родившихся не отличаются полнотой, и что вслѣдствіе пропусковъ въ нихъ, нельзя положиться на дѣлаемые изъ нихъ выводы.

Если раздѣлить все населеніе Англіи и княжества Валійскаго на среднее число умершихъ за пять лѣтъ до 1800, то мы получимъ смертность 1 изъ 49 *. Отношеніе это такъ мало, если принять во вниманіе число большихъ городовъ и фабрикъ въ странѣ, что оно очевидно грѣшитъ противъ дѣйствительности.

Каково бы ни было дѣйствительное отношеніе городскаго населенія къ сельскому, не подлежитъ сомнѣнію, что южная часть острова должна быть причислена къ странамъ, въ которыхъ отношеніе это больше чѣмъ 1 къ 3. Мы имѣемъ даже основательный поводъ думать, что отношеніе это болѣе чѣмъ 1 къ 2. Поэтому, на основаніи правила, предложеннаго Кромомъ, смертность должна быть въ ней больше, чѣмъ 1 изъ 30 **, а по мнѣнію Зюсмильха, болѣе чѣмъ 1 изъ 33 ***. Въ *Замѣчаніяхъ на результаты акта о народонаселеніи* упоминается о многихъ вѣроятныхъ причинахъ неточности въ спискахъ умирающихъ; но въ нихъ ничего не говорится о приблизительной цифрѣ пропуска, причиненнаго этой неточностью, а я не имѣю никакихъ данныхъ, чтобы пополнить этотъ пробѣлъ. Вслѣдствіе этого, я ограничусь замѣчаніемъ, что если, по причинѣ пропусковъ и ошибокъ, принять ежегодную смертность въ Англіи 1 изъ 40, то отношеніе это будетъ гораздо ниже дѣйствительнаго, при условіяхъ, въ которыхъ находилась страна. Еслибы дѣйствительно существовало такое отношеніе, то оно свидѣтельствовало бы о необыкновенномъ превосходствѣ Англіи предъ всѣми почти прочими странами, какъ относительно привычекъ къ благоразумію и къ порядочности, такъ и относительно естественныхъ

* Населеніе принимается въ 9,168,000, а число ежегодно умирающихъ 186,000. Прим. автора.

** Crome, *Ueber die Bevölk. der Europ. Staaten*, стр. 127.

*** Süssmilch, *Göttl. Ordnung*, т. III, стр. 60.

условій климата и почвы, благопріятныхъ для здоровья *. И дѣйствительно, вѣроятно та и другая причина дѣйствуютъ въ Англіи съ необыкновенной силой на уменьшеніе смертности. Вышеупомянутое отношеніе для ежегодно заключаемыхъ браковъ до такой степени мало **, что оно подтверждаетъ привычки къ благоразумію, оказывающія благопріятное дѣйствіе на благосостояніе, несмотря на противуположное вліяніе, необходимо производимое законами о бѣдныхъ. Что же касается до условій, благопріятныхъ для здоровья, то ими пользуются почти всѣ сельскіе приходы. Докторъ Прайсъ приводитъ одно вычисленіе доктора Перспваля, составленное изъ данныхъ, доставленныхъ священниками различныхъ приходовъ, и основанное на непосредственной переписи, изъ котораго явствуетъ: что ежегодная смертность для нѣкоторыхъ деревень представляетъ 1 изъ 45, 50, 60, 66 и даже 75 человѣкъ; что во многихъ деревняхъ число родившихся относилось къ числу умершихъ, какъ 2 къ 1, а въ одномъ приходѣ, какъ 3 къ 1 ***. Какъ бы то ни было, все это отдѣль-

* Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что населеніе Англіи оказалось слишкомъ малымъ, по крайней мѣрѣ по вычисленіямъ, основаннымъ на числѣ родившихся или умершихъ. До послѣдняго акта о народонаселеніи, никто не воображалъ, чтобы донесенія о числѣ ежегодно умирающихъ, которымъ не было причины быть менѣе вѣрными, чѣмъ отчеты другихъ странъ, дали бы въ результатѣ 49-ю часть всего населенія. Если помножить число умирающихъ во Франціи на 49, то цифра населенія всей страны дала бы болѣе 40 милліоновъ, такъ какъ среднее число ежегодно умирающихъ 188,491. Necker, *De l'administ. des finances*, т. I, гл. IX. Прим. автора.

Въ примѣчаніи къ предъидущей главѣ я показалъ, что донесенія за IX и X годы, выводы изъ которыхъ были обнародованы, даютъ для Франціи отношеніе умирающихъ ко всему населенію 1 къ 38½. Вѣроятно, что вычисленія, какъ Франціи, такъ и Англіи, ошибочны, и что тѣ и другія показываютъ меньшую смертность. Фран. перев.

** Если цифры французскихъ отчетовъ за IX и X годы заслуживаютъ довѣрія, то онѣ тѣмъ сильнѣе подтверждали бы соображенія автора, ибо онѣ даютъ отношеніе браковъ ко всему населенію, какъ 1 къ 157. См. прим. къ VI главѣ книги II. Фран. перев.

*** Price's, *Obs. on revers. paym.*, т. II, first addit. *Essay*. Въ отдѣльныхъ приходахъ, быть можетъ, слѣдуетъ больше довѣрять свѣдѣ-

ные случаи, которые нельзя примѣнять ко всему земледѣльческому населенію королевства. Въ нѣкоторыхъ низменныхъ мѣстностяхъ страны, въ особенности вблизи болотъ, отношеніе далеко иное; существуетъ даже нѣсколько такихъ приходовъ, въ которыхъ число умершихъ превосходитъ число родившихся. Въ 54 сельскихъ приходахъ, книгами которыхъ пользовался докторъ Шортъ, и избранныхъ имъ нарочно въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ, средняя смертность была 1 изъ 37. Отношеніе это, безъ сомнѣнія, гораздо больше дѣйствительной смертности въ сельскихъ приходахъ Англіи. Періодъ, избранный докторомъ Шортомъ для средняго вывода, заключалъ нѣсколько лѣтъ, въ которыя свирѣпствовали повальныя болѣзни, быть можетъ, причинившія смертность болѣе обыкновенной; впрочемъ, при такого рода изслѣдованіяхъ необходимо включать и такіе исключительные годы, чтобы не впасть въ значительныя ошибки. Въ 1,056 деревняхъ Бранденбурга, изслѣдованныхъ Зюсмильхомъ, смертность въ шестилѣтній періодъ составляла 1 изъ 43, а за 10 смѣшанныхъ лѣтъ она оказалась 1 изъ $38\frac{1}{2}$. Въ англійскихъ деревняхъ, приводимыхъ Эденомъ, смертность была, повидимому, 1 изъ 47 или 48 *, а по послѣднимъ отчетамъ, доставленнымъ вслѣдствіе акта о народонаселеніи, смертность оказалась еще меньше. Принявъ въ разсчетъ всѣ эти соображенія, мы найдемъ, что наименьшая смертность, какую только можно допустить въ земледѣльческихъ округахъ страны, считая и годы, неблагопріятные для здоровья, не можетъ быть ниже 1 изъ 46 или 48; но эта смертность необходимо должна достигнуть до 1 изъ 40, если принять въ разсчетъ города и фабричные округа страны, для полученія средней смертности для всего королевства.

Смертность Лондона, заключающаго столь значительную часть

ніямъ, доставляемымъ частными лицами, чѣмъ донесеніямъ правительству, ибо частные люди обращаются въ такомъ случаѣ обыкновенно къ пасторамъ, близко принимающимъ къ сердцу этотъ вопросъ, и потому, старающимся доставить болѣе точныя цифры.

Прим. автора.

* *Eden, Estimate of the number of inhabitants in Great Britain.*

всего населенія страны, по мнѣнію Прайса, въ то время какъ онъ дѣлалъ свои вычисленія, была 1 изъ $20\frac{3}{4}$; Норвича — 1 изъ $24\frac{1}{2}$; Нортгамптона — 1 изъ $26\frac{1}{2}$; Ньюбюри — 1 изъ $27\frac{1}{2}$; Манчестера — 1 изъ 28; Ливерпуля — 1 изъ $27\frac{1}{2}$, и проч. Онъ замѣчаетъ, что число ежегодно умирающихъ въ городахъ рѣдко бываетъ менѣе 1 изъ 28, за исключеніемъ случая, когда населеніе города быстро возрастаетъ наплывомъ людей въ возрастѣ, отличающемся наименьшею смертностью, какъ Манчестеръ, Ливерпуль и другіе города съ цвѣтущими фабриками. Писатель этотъ полагаетъ, что общую смертность для большихъ городовъ можно положить среднюю между 1 изъ 19 и 1 изъ 22 или 23 *; для небольшихъ городовъ—между 1 изъ 24 и 1 изъ 28; а для селъ и деревень —между 1 изъ 40 и 1 изъ 50.

Противъ этихъ цифръ, быть можетъ, сдѣлаютъ возраженіе, что докторъ Прайсъ имѣлъ склонность къ преувеличенію нездоровости городовъ; но это возраженіе можетъ имѣть силу только относительно населенія Лондона. Отчеты прочихъ городовъ основаны на документахъ, на которые докторъ Прайсъ не могъ имѣть никакого вліянія **. Тѣмъ неменѣе, слѣдуетъ замѣтить, что есть основаніе думать, что Лондонъ и нѣкоторые другіе города Англіи, а вѣроятно и нѣкоторыя деревни отличались менѣе здоровыми условіями во время этихъ вычисленій, сравнительно съ настоящимъ временемъ. Докторъ Эберденъ замѣчаетъ ***, что книги за десятилѣтній періодъ, съ 1759 по 1768, на основаніи которыхъ Прайсъ вычислялъ вѣроятность жизни для Лондона, указываютъ на высшую степень нездоровости, чѣмъ книги за по-

* Смертность въ Стокгольмѣ, по мнѣнію Варгетина, 1 изъ 19.

** Опредѣленіе населенія и смертности въ Лондонѣ, до послѣдней переписи, составляло предметъ предположеній и споровъ, вслѣдствіе пропусковъ, оказывавшихся въ книгахъ: но нельзя предположить, чтобы то же самое случилось въ другихъ городахъ, о которыхъ мы упоминали выше. Докторъ Прайсъ, желая доказать показавшееся ему уменьшеніе народонаселенія, въ чемъ онъ, повидимому, жестоко ошибался, наивно оправдывается, что онъ могъ быть незамѣтно увлеченъ желаніемъ доказать разъ высказанное мнѣніе. Прим. автора.

*** *Heberden, Increase and decrease of diseases*, стр. 32; изд. 1801.

слѣдніе истекшіе года. А донесенія, сдѣланныя вслѣдствіе акта о народонаселеніи, принимая даже въ разсчетъ пропуски въ числѣ умершихъ, свидѣтельствуютъ о несравненно высшей степени здоровости провинціальныхъ городовъ и деревень, чѣмъ та, которая вытекаетъ изъ вышеприведенныхъ цифръ. Съ другой стороны, я не могу не предположить, что смертность 1 изъ 31, приписываемая Лондону въ *Новыхъ замѣчаніяхъ на результаты акта о народонаселеніи*, должна быть ниже дѣйствительной. Вѣроятно число 5,000, принятое для пополненія пропуска въ числѣ умершихъ, недостаточно; затѣмъ, мало обращено вниманія на число отсутствующихъ по военнымъ и торговымъ надобностямъ. Когда дѣло идетъ о вычисленіи относительной смертности, то слѣдуетъ обращать вниманіе только на постоянное населеніе той мѣстности, о которой идетъ рѣчь.

Кажется, что *въ большихъ городахъ, и даже въ среднихъ, есть что то неблагопріятное для перваго возраста жизни.* Классъ людей, болѣе всего страдающій отъ этой причины смертности, указываетъ, повидимому, что послѣдняя зависитъ скорѣе отъ дѣйствія спертаго и испорченнаго воздуха на нѣжныя дѣтскія легкія, въ соединеніи съ недостаткомъ движенія, чѣмъ отъ роскоши, разврата и невоздержности, составляющихъ отличительную черту городовъ. Рѣдко случается, чтобы родители, одаренные крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и отличающіеся самою правильной жизнью, имѣли въ городахъ дѣтей столь же здоровыхъ и крѣпкихъ, какъ деревенскія дѣти.

По вышеприведеннымъ вычисленіямъ, въ Лондонѣ половина дѣтей должна умирать, не достигнувъ 3 лѣтняго возраста; въ Вѣнѣ и Стокгольмѣ—ранѣе 2 лѣтъ, въ Манчестерѣ —ранѣе 5 и въ Нортгамптонѣ—ранѣе 10 лѣтъ. И напротивъ того, въ деревняхъ половина дѣтей достигаетъ 30, 35, 40, 46 и болѣе лѣтъ. Въ Аквортскомъ приходѣ въ Іоркширѣ, изъ точной таблицы умершихъ въ каждомъ возрастѣ за 20 лѣтъ, составленной докторомъ Лейемъ, явствуетъ, что половина населенія доживаетъ до 46 лѣтъ. А еслибы изслѣдовали съ этой точки зрѣнія вышеупомянутые приходы, въ которыхъ смертность составляетъ 1 изъ 60 или 1 изъ 66, то, безъ сомнѣнія, нашли бы, что половина раждающихся въ нихъ дѣтей, доживаетъ до 50 или до 55 лѣтняго возраста.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что такого рода вычисленія, основанныя болѣе на числѣ умершихъ и родившихся, внесенныхъ въ списки, чѣмъ на непосредственной переписи населенія, менѣе подвержены ошибкамъ, чѣмъ выводы, сдѣланные изъ отношенія числа ежегодно умирающихъ ко всему населенію.

Для замѣщенія потерь, вызываемыхъ въ населеніи городовъ свойственною имъ смертностью, для того чтобы города постоянно имѣли такое населеніе, какое ими требуется, необходимо, чтобы они непрерывно пополнялись новыми притоками изъ деревень: это и обозначается чрезмѣрнымъ числомъ раждающихся, замѣчаемымъ въ послѣднихъ. Даже въ городахъ, въ которыхъ число умирающихъ менѣе числа раждающихся, происходитъ то же явленіе, вслѣдствіе того, что въ нихъ вступаютъ въ бракъ лица, родившіяся въ другомъ мѣстѣ. Въ эпоху, когда провинціальные города Англіи возрастали съ гораздо меньшею быстротой противъ теперешняго, по вычисленію доктора Шорта, $^{9}/_{19}$ женатыхъ людей, живущихъ въ городѣ, оказывались родившимися внѣ его. Изъ 1,618 женатыхъ мужчинъ и столькихъ же замужнихъ женщинъ, свѣдѣнія о которыхъ доставлены Вестминстерской больницей въ Лондонѣ, только 329 мужчинъ и 495 женщинъ родилось въ Лондонѣ.

Докторъ Прайсъ полагаетъ, что Лондонъ съ окрестными приходами, въ которыхъ число умирающихъ превосходитъ число раждающихся, для пополненія своего населенія, требуетъ ежегодно 10,000 человѣкъ, вмѣсто 6,000, какъ это принималъ въ свое время Граунтъ. Послѣдній писатель замѣчаетъ, сверхъ того, что какъ бы велика ни была смертность въ столицѣ, будетъ ли она причинена повальной болѣзнью или какимъ нибудь другимъ бѣдствіемъ, для этого города всегда достаточно было двухъ лѣтъ, чтобы пополнить свои потери.

Такъ какъ полненіе это производится деревнями, то оче-

видно было бы жестокимъ заблужденіемъ опредѣлять отношеніе раждающихся къ умирающимъ для всего королевства на основаніи цифръ, доставленныхъ деревенскими приходами, высылающими такое огромное число выселенцевъ.

Какъ бы то ни было, нѣтъ никакой причины раздѣлять опасенія доктора Прайса, полагающаго, что эти выселенія могутъ истощить населеніе деревень, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не начнутъ уменьшаться средства, предназначающіяся на оплату труда земледѣльца. Отношеніе раждающихся, какъ и отношеніе браковъ ясно показываютъ, что несмотря на развитіе городовъ и фабрикъ, требованіе новыхъ людей мало обременяетъ деревенское населеніе.

Если раздѣлить настоящее населеніе Англіи и княжества Валійскаго на среднее число родившихся за послѣднія пять лѣтъ *, то мы получимъ отношеніе, близкое 1 къ 36 **. Но полагаютъ весьма основательно, что въ спискахъ родившихся существуютъ большіе пропуски. Обыкновенно принимается, что въ нихъ больше пропусковъ, чѣмъ въ спискахъ умершихъ.

Докторъ Шортъ принималъ отношеніе рожденій ко всему населенію Англіи, какъ 1 къ 28. Въ сельскихъ округахъ Суффолька, число рожденій ко всему населенію относится, какъ 1 къ 30, а для всего графства отношеніе это, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, немного меньше 1 къ 33 ***. По точному вычисленію населенія 13 деревень, основанному на непосредственной переписи и обнародованному Эденомъ, отношеніе рожденій ко всему населенію оказалось, какъ 1 къ 33; а по другому вычисленію, основанному на такихъ же данныхъ, но относящемуся къ городамъ и фабричнымъ приходамъ, отношеніе это дало 1 къ $27^3/_4$. Сравнивъ эти выводы и принявъ въ соображеніе, какъ всѣми признаваемые пропуски въ метрическихъ книгахъ, такъ и столь же несомнѣнное увеличеніе населенія Англіи въ послѣднее время, можно, не нарушая благоразумія, принять отношеніе раждающихся ко всему населенію, какъ 1 къ 30. Поэтому, взявъ для дѣйствительной смертности вышеприведенное отношеніе 1 къ 40, можно получить весьма близкое къ истинѣ отношеніе между крестившимися и погребенными, выведенное изъ послѣднихъ обнародованныхъ списковъ. При такомъ предположеніи, число родившихся относится къ числу умершихъ, какъ 4 къ 3, или какъ $13^1/_3$ къ 10, чего болѣе чѣмъ достаточно для объясненія прибыли въ населеніи со времени американской войны, выключая умершихъ въ чужихъ земляхъ.

---

* Это было написано прежде исправленія пропусковъ въ 1810. Съ такими добавленіями число родившихся въ 1800 принимается 263,000 вмѣсто 255,426, и даетъ для рожденій, внесенныхъ въ метрическія книги, отношеніе 1 къ 35. — См. предъидущую главу. Прим. автора.

** Среднее число родившихся за послѣднія пять лѣтъ 235,426, а все населеніе 9,168,000 (*New Obs. on results*). Прим. автора.

*** При изслѣдованіи частныхъ людей въ общее число населенія входятъ, какъ диссиденты, такъ и всѣ, неимѣющіе обыкновенія крестить своихъ дѣтей. Вслѣдствіе этого, такого рода изслѣдованія, въ извѣстной степени, выражаютъ болѣе точное отношеніе рожденій. Этимъ достаточно оправдываются наши ссылки на нихъ для оцѣнки несомнѣнныхъ пропусковъ, существующихъ въ спискахъ раждающихся, составленныхъ официальнымъ путемъ. Прим. автора.

Въ *Замѣчаніяхъ на результаты акта о народонаселеніи* можно замѣтить, что съ 1780 года средняя продолжительность человѣческой жизни въ Англіи, повидимому, увеличилась въ отношеніи 117 ко 100. Такая значительная перемѣна въ такой короткій промежутокъ времени представляется явленіемъ необыкновеннымъ; но я полагаю, что уменьшеніе, замѣченное въ числѣ умирающихъ, вызвано не однимъ только улучшеніемъ здоровья, но причинено отчасти и большимъ числомъ туземцевъ, умершихъ внѣ страны. Обстоятельство это должно было быть слѣдствіемъ быстраго развитія англійской торговли въ этотъ періодъ, и большаго числа людей, поглощенныхъ военной и морской службой впродолженіи послѣдней войны, считая въ этомъ числѣ и наборы, сдѣланные для пополненія понесенныхъ потерь. Причины эти естественно должны были произвесть замѣченные результаты, то есть, дать неподвижное число умирающихъ, и въ то же самое время, довольно быстрое возрастаніе числа раждающихся. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что въ 1780 населеніе увеличилось, а смертность была весьма не-

значительна, то я не могу не признать, что эти явленія слѣдуетъ приписать главнымъ образомъ вообще улучшенію здоровья.

Отношеніе 1 къ 36, быть можетъ, слишкомъ мало для смертности впродолженіи всего столѣтія; но если принять его, и положить, что раждающіеся относились къ умирающимъ, какъ 12 къ 10, то въ 125 лѣтъ населеніе должно было удвоиться. Изъ этого можно заключить, что такое среднее отношеніе раждающихся къ умирающимъ есть самое большое, какое можно принять для истекшаго столѣтія. Ни одно изъ вычисленій, обнародованныхъ въ послѣднее время, не допускаетъ болѣе быстраго размноженія.

Тѣмъ не менѣе, ошибочно было бы думать, что это отношеніе раждающихся къ умирающимъ, ни какое бы то ни было другое постоянное отношеніе, существовало неизмѣнно въ теченіи всего столѣтія. Метрическія книги всѣхъ странъ, гдѣ онѣ велись впродолженіи значительнаго времени, свидѣтельствуютъ о значительныхъ колебаніяхъ въ различные періоды. Въ половинѣ столѣтія докторъ Шортъ полагалъ, что раждающіеся къ умирающимъ относились, какъ 11 къ 10; если въ то же время раждался 1 на 28, то смертность не могла быть менѣе 1 изъ $30^4/_5$. Въ настоящемъ случаѣ мы принимаемъ, что раждающіеся къ умирающимъ относились, какъ 13 къ 10; но еслибы мы приняли это отношеніе за общее правило при вычисленіи прибыли населенія за 30 или 40 послѣднихъ лѣтъ, то впали бы въ грубыя ошибки. Дѣйствіе послѣднихъ неурожаевъ ясно обнаружилось въ *Результатахъ акта о народонаселеніи* уменьшеніемъ числа родившихся и увеличеніемъ числа умершихъ. Еслибы эти неурожаи часто повторялись, то они вскорѣ уничтожили бы избытокъ, данный рожденіями за послѣднія 20 лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы не имѣемъ права предположить, чтобы средства страны могли возрастать долгое время съ быстротой, достаточной для удовлетворенія постояннаго избытка раждающихся въ отношеніи 13 къ 10, если только избытокъ этотъ не состоитъ главнымъ образомъ изъ лицъ, умирающихъ внѣ предѣловъ своей страны.

На основаніи всѣхъ данныхъ, какія только могли быть собраны нами для Англіи и княжества Валійскаго, отношеніе рожденій ко всему населенію оказалось 1 къ 30. Отношеніе это меньше всѣхъ, найденныхъ нами для другихъ странъ, за исключеніемъ Швейцаріи и Норвегіи *. До настоящаго времени политико-экономы принимали большое отношеніе рожденій, какъ самый вѣрный признакъ въ пользу благосостоянія страны: слѣдуетъ надѣяться, что предразсудокъ этотъ исчезнетъ. Въ малонаселенныхъ странахъ, какъ Америка и Россія, или въ болѣе населенныхъ странахъ, послѣ чрезвычайной смертности, большое число рожденій можетъ служить довольно вѣрнымъ признакомъ; но при обыкновенномъ состояніи населенной страны, это самый печальный признакъ, а весьма малое отношеніе для раждающихся, напротивъ того, можетъ считаться самымъ благопріятнымъ указаніемъ благосостоянія.

Сэръ Франсисъ д'Иверруа весьма справедливо замѣчаетъ, «что еслибы различныя европейскія государства составляли и обнародывали точныя ежегодныя таблицы своего населенія, съ тщательнымъ обозначеніемъ дѣйствительнаго возраста умирающихъ дѣтей, то таблицы эти могли бы служить основаніемъ для сравненія заслугъ правительствъ и благоденствія подданныхъ. Простая арифметическая выкладка была бы краснорѣчивѣе всѣхъ возможныхъ разсужденій.» Что касается до значенія выводовъ, какіе можно было бы сдѣлать изъ такихъ таблицъ, то я раздѣляю мнѣніе этого писателя. Для такихъ выводовъ оказали бы услугу нестолько цифры родившихся, сколько цифры, показывающія число дѣтей, достигающихъ зрѣлаго возраста. Но послѣднія неизмѣнно будутъ болѣе значительны тамъ, гдѣ будетъ наименьшее отношеніе числа рожденій ко всему населенію. Въ этомъ отношеніи Англія слѣдуетъ непосредственно вслѣдъ за Норвегі-

* Слѣдовало бы помѣстить въ число исключеній и Францію, если отношеніе, выведенное нами выше изъ статистическихъ таблицъ, находившихся въ нашемъ распоряженіи, заслуживаетъ довѣрія, такъ какъ отношеніе это 1 къ 33. См. наше примѣчаніе въ предъ дущей главѣ. Фран. перев.

ей и Швейцаріей, а если принять въ разсчетъ число ея городовъ и фабрикъ, то фактъ этотъ получаетъ еще большее значеніе. Такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ требованія этой страны, что касается до населенія, вполнѣ удовлетворяются ею, и притомъ, при весьма маломъ отношеніи раждающихся, то это служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ и малой смертности въ ней. Такая выгода заслуживаетъ особеннаго вниманія. Если послѣдующія изслѣдованія покажутъ, что предположенія мои о пропускахъ, какъ относительно родившихся, такъ и относительно умершихъ, преувеличены, то я буду счастливъ мыслью, что Англія пользуется въ высшей степени, чѣмъ я могъ думать, столь драгоцѣнными выгодами, служащими самымъ вѣрнымъ признакомъ благостоянія народа и мудрости правительства. Въ государствахъ деспотическихъ, бѣдныхъ или отъ природы нездоровыхъ, отношеніе рожденій ко всему населенію вообще очень велико.

Среднимъ числомъ, за 5 лѣтъ до 1800, отношеніе числа рожденій къ числу браковъ было, какъ 347 ко 100, а въ 1760 оно доходило до 362 ко 100. Это подало поводъ къ заключенію, что списки родившихся, хотя безспорно неполные, отличались не бо́льшими пропусками въ прежнее время сравнительно съ теперешнимъ; но такого рода кажущееся противурѣчіе выводовъ, представляемыхъ списками, можетъ быть вызвано причинами, совершенно постороннимъ пропускамъ въ спискахъ. Всѣми признано, что послѣдніе годы истекшаго столѣтія, что касается до здоровья, были благопріятнѣе для Англіи, чѣмъ средина этого столѣтія. Поэтому, если большее число дѣтей достигало зрѣлаго возраста, то большее число изъ оставшихся въ живыхъ могло жениться; а это обстоятельство должно было увеличить отношеніе браковъ къ числу рожденій. Съ другой стороны, если въ прежнее время супружества были нѣсколько болѣе плодовиты противъ теперешняго, потому что прежде, быть можетъ, ранѣе вступали въ бракъ, то слѣдствіемъ этого должно было быть и большее отношеніе раждающихся къ числу браковъ. Дѣйствіе одной изъ этихъ причинъ, а можетъ быть и обѣихъ, необходимо

должно было произвесть именно то слѣдствіе, которое замѣчено изъ сравненія списковъ за оба періода. Поэтому, существованіе такого факта вовсе нельзя обратить въ доводъ въ пользу того, что мы не имѣемъ права предположить большей правильности въ новѣйшихъ спискахъ, чѣмъ въ прежнихъ. Я объясню болѣе подробно въ другой главѣ вліяніе обѣихъ причинъ, о которыхъ идетъ рѣчь, на отношеніе браковъ къ числу ежегодныхъ рожденій *.

Что касается вообще до вопроса о точности новѣйшихъ списковъ, сравнительно со списками средины и начала столѣтія, то я замѣчу, что донесенія послѣдняго времени усиливаютъ сомнѣніе въ неточности предъидущихъ; они показываютъ, что книги первой половины столѣтія представляютъ во всѣхъ отношеніяхъ весьма сомнительныя данныя для оцѣнки населенія этого періода. Въ 1710, 1720 и 1730 таблицы, составленныя изъ метрическихъ книгъ, показываютъ перевѣсъ умершихъ надъ родившимися. Если ограничиться шестью десятилѣтіями до 1750, заключающими первую половину столѣтія **, и сравнить сумму браковъ съ числомъ умершихъ, то получится такой ничтожный избытокъ, которымъ нельзя объяснить приращеніе въ 1,000,000 душъ, вытекающее изъ однихъ только рожденій за этотъ промежутокъ времени. Поэтому, или книги крайне невѣрны и пропуски въ числѣ родившихся значительнѣе пропусковъ въ числѣ умершихъ, или десятилѣтніе періоды не даютъ вѣрной средней цифры. Возможно, что эти годы менѣе пригодны, чѣмъ другіе, для сравненія отношенія между родившимися и умершими; и дѣйствительно, извѣстно, что по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ, именно 1710, былъ годомъ голода и большихъ бѣдствій. Если допустить это предположеніе, и придать ему такое значеніе, что оно могло исказить средній выводъ за всѣ шесть періодовъ, то съ другой стороны, быть можетъ, слѣдовало бы допустить противуположное предположеніе относительно трехъ слѣдующихъ десятилѣтій до 1780. Сдѣлавъ такое же вычисленіе, мы най-

---

* См. гл. XI этой книги.

** *Popul. abstract Parish Register Final summary.*

демъ, что впродолженіи этихъ 30 лѣтъ населеніе возросло на полтора мильона. По крайней мѣрѣ, пришлось бы согласиться, что три года изъ всего числа лѣтъ, взятые отдѣльно для такого же вычисленія, ни въ какомъ случаѣ не могутъ дать вѣрной средней цифры; мы даже имѣемъ право думать, что годы эти были болѣе благопріятны для рожденій противъ обыкновеннаго: ибо съ 1780 по 1785, приращеніе числа рожденій было менѣе средняго, что̀ естественно должно было случиться, если въ 1780 число рожденій случайно было выше средняго и для чего вовсе нѣтъ необходимости въ предположеніи, что приращеніе шло болѣе медленно противъ прежняго.

Поэтому, принявъ въ соображеніе вѣроятную неточность прежнихъ списковъ и возможность ошибки въ выводахъ, дѣлаемыхъ на основаніи нѣсколькихъ отдѣльныхъ цифръ за нѣсколько лѣтъ, я полагаю, что вычисленія народонаселенія на основаніи числа рожденій вообще заслуживаютъ довѣрія только послѣ 1780, ибо съ этихъ только поръ мы имѣемъ рядъ ежегодныхъ отчетовъ, и потому, можемъ выбирать болѣе вѣрныя среднія числа. Въ подтвержденіе этого замѣчанія, я привожу окончательные выводы изъ приходскихъ книгъ Англіи и княжества Валійскаго, дающіе для рожденій слѣдующія числа:

Въ 1790	248,774
Въ 1795	247,218
Въ 1800	247,147

Если, стало быть, вычислять населеніе по числу рожденій, на основаніи цифръ, представляемыхъ тремя годами, раздѣленными пятилѣтними промежутками, то слѣдовало бы заключить, что впродолженіи послѣднихъ десяти лѣтъ населеніе постепенно уменьшалось, между тѣмъ какъ мы имѣемъ весьма основательныя причины думать, что оно, напротивъ того, значительно возросло.

Въ *Замѣчаніяхъ на результаты акта о народонаселеніи* помѣщена таблица населенія Англіи и княжества Валійскаго, составленная на основаніи числа рожденій для всего 17 вѣка. По причинамъ, изложеннымъ выше, я полагаю, что таблица эта не заслуживаетъ довѣрія; я думаю даже, что для населенія этой страны въ эпоху революціи, древнія вычисленія, основанныя на числѣ домовъ, заслуживаютъ предпочтенія.

Разумѣется, весьма возможно, какъ бы это ни казалось мало правдоподобнымъ, что такія вычисленія населенія въ различные періоды столѣтія могли быть довольно близки къ дѣйствительности, ибо противуположныя ошибки могли взаимно уравновѣшиваться; но предположеніе объ одномъ неизмѣнномъ отношеніи числа раждающихся, которое могло бы служить основаніемъ для вычисленія, ложно, и сами вычисленія доказываютъ это. Въ самомъ дѣлѣ, на основаніи такого вычисленія, приращеніе населенія шло быстрѣе между 1760 и 1780, чѣмъ между 1780 и 1800; а между тѣмъ, оно даетъ сравнительно большее число умершихъ въ 1780, чѣмъ въ 1800, въ отношеніи 117 ко 100. Слѣдовательно, относительное число раждавшихся до 1780 необходимо должно быть больше раждавшихся въ 1800, ибо, въ противномъ случаѣ, было бы невозможно болѣе быстрое приращеніе населенія въ первомъ періодѣ, чѣмъ во второмъ. Уже это простое соображеніе опровергаетъ предположеніе объ одномъ неизмѣнномъ отношеніи относительнаго числа рожденій.

По аналогіи съ прочими странами, и на основаніи вычисленій Кинга и Шорта, самъ я готовъ бы былъ думать, что отношеніе раждавшихся было больше въ началѣ и въ срединѣ столѣтія, чѣмъ въ концѣ его. Но при такомъ предположеніи, вычисленіе населенія, на основаніи числа рожденій, дало бы меньшую цифру для начала столѣтія, чѣмъ какая показана въ *Результатахъ акта о народонаселеніи*, между тѣмъ какъ мы имѣемъ право думать, напротивъ того, что послѣдняя слишкомъ мала. Въ 1690, по вычисленію Давенанта, число домовъ было 1,319,215. Нѣтъ никакого повода думать, чтобы число это было преувеличено. Если на каждый домъ положить всего по 5 душъ, вмѣсто $5\frac{3}{5}$, принимаемыхъ для настоящаго времени, то мы получимъ населеніе болѣе

чѣмъ въ шесть съ половиною мильоновъ. Нельзя допустить, чтобы съ 1690 до 1710 народонаселеніе могло уменьшиться на полтора мильона*. Гораздо болѣе вѣроятности, что въ эту отдаленную эпоху въ метрическихъ книгахъ дѣлалось болѣе пропусковъ, чѣмъ въ настоящее время, а также болѣе пропусковъ и въ спискахъ умершихъ. Предположеніе это подтверждается, сверхъ того, замѣчаніемъ, приведеннымъ мною выше, а именно, что въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія, приращеніе населенія, вычисленное по числу рожденій, было гораздо больше, чѣмъ какое можетъ быть допущено отношеніемъ родившихся къ умершимъ. Поэтому, съ какой бы точки зрѣнія мы ни смотрѣли, вычисленія, основанныя на числѣ рожденій, не заслуживаютъ особеннаго довѣрія.

Изъ того, что было сказано нами до сихъ поръ, можно было замѣтить, что *списки родившихся и умершихъ, какъ бы они точны ни были, даютъ весьма ненадежное средство судить о величинѣ населенія*. Неодинакія условія, въ которыхъ находятся различныя страны, служатъ причиной ненадежности такого рода вычисленій: основанныя на числѣ рожденій, быть можетъ, еще болѣе шатки, чѣмъ выведенныя изъ числа умершихъ, хотя по кажущейся большей ихъ правильности имъ нерѣдко отдается предпочтеніе. Неккеръ, вычисляя населеніе Франціи, замѣчаетъ, что повальная болѣзнь или выселеніе могутъ причинить въ числѣ умершихъ случайныя и временныя измѣненія, и потому, таблицы родившихся представляютъ болѣе надеждую опору; но именно эта кажущаяся правильность въ спискахъ родившихся и вводитъ въ серьезныя ошибки. Возьмемъ списки умершихъ за два или за три года въ какой нибудь странѣ; чума или какая либо другая смертельная болѣзнь произведутъ въ ней временное увеличеніе смертности и еще болѣе замѣтное уменьшеніе смертности по прекращеніи болѣзни. Этого достаточно для предупрежденія,

* При такомъ предположеніи, вычисленіе на основаніи числа рожденій даетъ для 1710 всего пять мильоновъ населенія.

Фран. перев.

чтобы не принимали ее въ разсчетъ при опредѣленіи средней смертности въ этой странѣ. Но за то изъ списковъ родившихся мы ничего не можемъ узнать. Если страна потеряетъ отъ чумы восьмую часть своего населенія, то среднее число рожденій въ слѣдующіе пять или шесть лѣтъ вѣроятно увеличится; такъ что въ эпоху, когда населеніе болѣе всего уменьшилось, вычисленіе по числу рожденій покажетъ, что оно болѣе всего увеличилось. Это и доказываютъ таблицы Зюсмильха, въ особенности для Пруссіи и Литвы, какъ это разсмотрѣно будетъ мною въ главѣ о повальныхъ болѣзняхъ. Въ нихъ встрѣчается годъ, непосредственно слѣдующій за потерей третьей части населенія, и представляющій въ то же время значительное приращеніе рожденій, а средняя цифра за пять лѣтъ, слѣдовавшихъ за такой потерей, показываетъ весьма слабое уменьшеніе числа рожденій. А между тѣмъ, въ такой короткій промежутокъ времени движеніе населенія для пополненія своихъ потерь не могло не быть весьма значительно.

Правда, что съ 1700 года въ Англіи не было особенной смертности; мы имѣемъ поводъ думать, что отношеніе умирающихъ къ раждающимся, впродолженіи послѣдняго столѣтія, не испытало на этомъ островѣ такихъ колебаній, какъ въ большей части континентальныхъ странъ. Но неменѣе справедливо и то, что годы, отличавшіеся болѣзнями, должны были, хотя и въ меньшей степени, производить на немъ такое же дѣйствіе, какъ и повальныя болѣзни; а колебанія, замѣчаемыя въ смертности въ послѣдніе годы, даютъ поводъ предположить, что и въ прежнія времена были подобныя же явленія, оказывавшія вліяніе на число рожденій.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, мы должны быть крайне осмотрительны въ приложеніи провѣренныхъ отношеній настоящаго времени къ какой бы то ни было прошедшей или будущей эпохѣ.

ГЛАВА IX. — О препятствіяхъ для размноженія населенія въ Англіи.

(Продолженіе).

Цифры, представляемыя актомъ о народонаселеніи 1811 года, даютъ необыкновенные результаты. Они обнаруживаютъ быстрые успѣхи прогресса и значительное улучшеніе въ здоровьи народа, несмотря на развитіе городовъ и увеличеніе фабричнаго населенія. Они представляютъ еще одинъ поразительный примѣръ той легкости, съ какою возрастаетъ населеніе и преодолѣваетъ всякія преграды при быстромъ развитіи средствъ существованія.

Цифра всего населенія въ 1800 году, представляемая таблицами и отношеніемъ числа раждающихся, умирающихъ и вступающихъ въ бракъ, показываетъ, что населеніе возрастало нѣкоторое время въ большей пропорціи, чѣмъ какая дается отношеніемъ раждающихся къ умирающимъ, какъ 4 къ 3, при смертности 1 изъ 40.

Послѣднія отношенія дали бы для страны ежегодное приращеніе на $^1/_{120}$ населенія; еслибы отношенія эти держались непрерывно, то по II таблицѣ Эйлера (помѣщенной ниже, въ главѣ о плодородіи супружествъ), населеніе удваивалось бы чрезъ каждые $83^1/_2$ года. Въ богатой и густо населенной странѣ скорѣе можно ожидать уменьшенія, чѣмъ увеличенія такого приращенія; и тѣмъ неменѣе, оно, по всей вѣроятности, значительно возрастало до 1810 года.

Въ 1810, на основаніи приходскихъ книгъ, населеніе Англіи и княжества Валійскаго, съ присоединеніемъ къ нему $^1/_{30}$ для арміи и флота, составляло 10,488,000 душъ *; если сравнить эту цифру съ 9,168,000, составлявшими населеніе въ 1800 и вычисленными такимъ же путемъ, то получимъ приращеніе на 1,320,000 въ десять лѣтъ.

Впродолженіи десяти лѣтъ число внесенныхъ въ книги крещеній простиралось до 2,878,906, а число погребеній до

* См. Извлеченія изъ переписи, обнародованныя въ 1811, и дѣльныя предварительныя замѣчанія къ нимъ Рикмана. Прим. автора.

1,950,189. Поэтому, перевѣсъ перваго составлялъ 928,717, то есть, гораздо менѣе приращенія, показываемаго двумя переписями. Эта разница могла быть вызвана, какъ меньшей противъ дѣйствительности цифрой переписи, такъ и недостаточной точностью числа родившихся и умершихъ, или же совокупнымъ дѣйствіемъ обѣихъ этихъ причинъ; ибо, еслибы населеніе въ 1800 году было перечислено правильно, а въ книги внесены были всѣ крещенія и всѣ погребенія, то эта разница очевидно превысила бы дѣйствительное приращеніе, а не оказалась бы меньше его, такъ какъ она должна превысить его именно на число умершихъ внѣ страны солдатъ, матросовъ и проч.

Есть поводъ думать, что обѣ причины оказывали дѣйствіе на замѣченное явленіе, хотя послѣдняя, то есть, небрежное веденіе книгъ, оказывала, безъ сомнѣнія, большее вліяніе.

При вычисленіи населенія для всего столѣтія, принято было постоянное отношеніе числа раждающихся ко всему населенію. Мы уже показали, что такой пріемъ можетъ повести къ важнымъ ошибкамъ при вычисленіи населенія какой либо страны въ различныя и отдаленныя одна отъ другой эпохи. Тѣмъ неменѣе, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что съ 1800 по 1810 населеніе возрастало съ необыкновенной быстротой, то число рожденій вѣроятно не уменьшалось въ значительной степени впродолженіи этого періода. Но если, на основаніи послѣдней переписи, сравнить число родившихся въ 1800 и въ 1810 годахъ, то мы получимъ для 1800 большее приращеніе, чѣмъ какое дается переписью за этотъ годъ.

Поэтому, среднее число рожденій за послѣднія пять лѣтъ до 1810 оказывается 297,000 а среднее число рожденій за пять лѣтъ до 1800—263,000. Но 297,000 относится къ 263,000, какъ 10,488,000 (населеніе 1810) къ 9,287,000, которые и должны представлять населеніе въ 1800 (при предположеніи одинаковаго отношенія для рожденій), вмѣсто 9,168,000 доставленныхъ переписью; сверхъ того, слѣдуетъ замѣтить, что по таблицамъ, приращеніе населенія, съ 1795 по 1800, несравненно меньше приращенія, получаемаго для большей части предшествовавшихъ пятилѣтнихъ періодовъ. Достаточно од-

ного взгляда на списки, чтобы убѣдиться, что число рожденій за пять лѣтъ, слѣдовавшихъ за 1795, принимая меньшія цифры для 1796 и 1800, скорѣе было ниже, чѣмъ выше средняго. По этой причинѣ, а также на основаніи всей совокупности фактовъ, перепись 1800 года вѣроятно была ниже дѣйствительности; мы не сдѣлаемъ, поэтому, большой ошибки, принявъ населеніе для этой эпохи по меньшей мѣрѣ въ 9,287,000, то есть, на 19,000 больше противъ цифры, доставленной прямою переписью.

Но и при такомъ даже предположеніи, ни перевѣсъ числа родившихся надъ числомъ умершихъ за всѣ десять лѣтъ, ни отношеніе родившихся къ умершимъ, представляемое списками, не въ силахъ объяснить приращенія съ 9,287,000 до 10,488,000; а между тѣмъ нельзя предположить, чтобы приращеніе было значительно меньше того, какое дается числомъ родившихся въ обѣ эпохи. Слѣдовательно, должно принять во вниманіе пропуски, которые могли существовать въ книгахъ, въ особенности въ числѣ рожденій, всѣми признаваемомъ весьма неточнымъ.

Что же касается до числа браковъ, то мы имѣемъ причины думать, что въ нихъ мало или даже вовсе нѣтъ пропусковъ; если мы положимъ на пропуски въ спискахъ родившихся одну шестую часть, то получимъ отношеніе родившихся къ числу браковъ, какъ 4 къ 1; это отношеніе, повидимому, подтверждается и другими доводами. Но если будутъ оспоривать наше предположеніе, то придется вычислить пропускъ въ спискахъ умершихъ такимъ образомъ, чтобы перевѣсъ родившихся надъ умершими за десять лѣтъ согласовался съ приращеніемъ населенія, вычисленнымъ на основаніи увеличившагося числа рожденій.

Число рожденій, внесенныхъ въ метрики за десять лѣтъ, простирается, какъ мы упоминали выше, до 2,878,906; если прибавить къ этому числу шестую его часть, то получимъ 3,358,723. Число записанныхъ погребеній составляетъ 1,950,189; число это, увеличенное на одну двѣнадцатую, даетъ 2,112,704. Вычтя послѣднюю цифру изъ предъидущей, получимъ 1,246,019, число, выражающее перевѣсъ рожденій или приращеніе населенія за десять лѣтъ. Сложивъ его съ 9,287,000, исправленнымъ числомъ народонаселенія въ 1800 получимъ, 10,533,019, или на 45,000 больше противъ переписи за 1810; послѣдняя цифра можетъ служить весьма близкимъ къ истинѣ указаніемъ числа умершихъ за десять лѣтъ внѣ страны.

Цифра эта представляетъ вообще $4^1/_4$ процентовъ родившихся мальчиковъ; но въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ довольно вѣрное средство для вычисленія числа мужчинъ, умершихъ внѣ страны въ данный періодъ времени. Въ послѣднихъ донесеніяхъ о народонаселеніи родившіеся мальчики показаны отдѣльно отъ родившихся дѣвочекъ; а на основаніи перевѣса раждающихся мальчиковъ надъ дѣвочками, и по сравненіи умершихъ того и другаго пола, число умершихъ мужчинъ внѣ страны составитъ, повидимому, 45,000 *.

Итакъ, предположенные пропуски въ таблицахъ родившихся и умершихъ до сихъ поръ совершенно подтверждаются вычисленіями.

Намъ остается изслѣдовать, дадутъ ли тѣ же предположенія такое отношеніе для родившихся къ умершимъ и такую величину смертности, чтобы они могли объяснить и приращеніе населенія за десять лѣтъ съ 9,287,000 до 10,488,000.

Если раздѣлить населеніе 1810 года на среднее число рожденій за предшествующія пять лѣтъ, съ прибавленіемъ одной шестой, то мы получимъ для отношенія родившихся ко всему населенію 1 къ 30. Но очевидно, что если населеніе возрастаетъ съ такой быстротой, то среднее число рожденій за пять лѣтъ, сравнительно съ населеніемъ, по прошествіи такого періода, должно дать слишкомъ малое приращеніе числа родившихся; къ тому же, всегда можетъ случиться, что отношеніе, вѣрное для пятилѣтняго періода, окажется негоднымъ для десятилѣтняго. Для полученія дѣйствительнаго при-

* См. Извлеченіе изъ переписи 1811, стр. 196. Безъ сомнѣнія, можетъ показаться въ высшей степени удивительно, что сравнительное число мужчинъ, умершихъ внѣ страны съ 1800 по 1810, было менѣе обыкновеннаго; но такъ какъ фактъ этотъ подтверждается и списками, то я и принялъ его для моихъ вычисленій. Прим. Автора.

ращенія, которое можно бы было приложить ко всему населенію за данный періодъ, слѣдуетъ сравнивать ежегодное среднее число рожденій съ среднимъ ежегоднымъ населеніемъ во все продолженіе даннаго періода.

Вся сумма рожденій, съ прибавленіемъ $^1/_8$, какъ мы показали, равна 3,358,723, а ежегодная средняя цифра за десять лѣтъ—335,872. Среднее населеніе, или средняя цифра между 10,488,000 (населеніе 1810) и 9,287,000 (исправленное населеніе для 1800) есть 9,887,000; послѣднее число, по раздѣленіи на среднее число рожденій, даетъ меньшее отношеніе между родившимися и всѣмъ населеніемъ, чѣмъ 1 къ $29^1/_2$, вмѣсто 1 къ 30, что̀ представляетъ значительную разницу.

Такимъ же точно образомъ, если раздѣлить населеніе 1810 года на среднее число погребеній за предшествующія пять лѣтъ, съ прибавленіемъ одной двѣнадцатой, то получимъ смертность около 1 изъ 50. Но на основаніи тѣхъ причинъ, которыя были приняты въ соображеніе при вычисленіи рожденій, среднее число погребеній за пять лѣтъ, сравнительно съ населеніемъ въ концѣ взятаго періода, окажется менѣе дѣйствительнаго; и сверхъ того, не подлежитъ сомнѣнію, что въ настоящемъ случаѣ отношеніе числа умершихъ ко всему населенію не оставалось неизмѣннымъ впродолженіи всего періода. Въ сущности, списки ясно указываютъ на улучшеніе въ здоровьи страны и на возраставшее уменьшеніе смертности за десять лѣтъ; между тѣмъ какъ среднее ежегодное число рожденій возросло съ 263,000 до 297,000, то есть, бо̀лѣе чѣмъ на одну восьмую, число погребеній возросло всего съ 192,000 до 196,000, то есть, на одну сорокъ восьмую. Очевидно, стало быть, что для достиженія предположенной цѣли необходимо сравнивать среднюю смертность съ среднимъ населеніемъ.

Вся сумма погребеній за десять лѣтъ, съ прибавленіемъ одной двѣнадцатой, какъ мы уже упоминали, составляетъ, 2,112,704, а средняя цифра населенія равна 9,887,000. Раздѣливъ послѣднюю на первую, получимъ среднее ежегодное отношеніе умершихъ къ населенію менѣе 1 къ 47. Но отношеніе для раждающихся, какъ 1 къ $29^1/_2$, при смертности 1 изъ 47, даетъ ежегодное приращеніе населенія на $^1/_{79}$; при этомъ, населеніе въ 9,287,000, должно возрасти до 10,531,000, а 43,000 должно положить умершими внѣ страны; что̀ весьма близко подходитъ къ суммѣ, которую мы получили на основаніи цифры, представляющей избытокъ родившихся*.

Итакъ, мы можемъ принять, что предположенные нами пропуски въ спискахъ родившихся и умершихъ съ 1800 по 1810 близко подходятъ къ истинѣ.

Но если пропускъ одной шестой для родившихся и одной двѣнадцатой для умершихъ можно принять почти точнымъ для періода съ 1800 по 1810, то, по всей вѣроятности, мы не сдѣлаемъ большой ошибки, если приложимъ его и къ періоду съ 1780 по 1800, и такимъ образомъ исправимъ нѣкоторые изъ выводовъ, сдѣланныхъ на основаніи однихъ только рожденій. Послѣ тщательно сдѣланной переписи, наибольшаго довѣрія заслуживаютъ вычисленія, сдѣланныя на основаніи избытка родившихся надъ умершими. Въ самомъ дѣлѣ,

---

* Въ Основаніяхъ алгебры Бриджа (стр. 225) мы найдемъ общую формулу для вычисленія населенія страны во всякое время отъ опредѣленной эпохи, при данномъ числѣ родившихся и умершихъ. Вотъ она:

$$Log.\ A = log.\ P + n \times log.\left(1 + \frac{m-b}{mb}\right).$$

A выражаетъ населеніе, полученное по прошествіи извѣстнаго числа лѣтъ; n число лѣтъ; P дѣйствительное населеніе въ данную эпоху; $\frac{1}{m}$ отношеніе ежегоднаго числа умершихъ къ населенію, то есть, величину смертности; $\frac{1}{b}$ отношеніе ежегоднаго числа рожденій ко всему населенію, или величину раждаемости.

Въ настоящемъ случаѣ $P = 9{,}287{,}000$; $n = 10$; $m = 47$; $b = 29^1/_2$.

$$\frac{m-b}{mb} = \frac{1}{79};\ 1 + \frac{m-b}{mb} = \frac{80}{79};\ \text{а } log.\ \frac{80}{79} = 00546;$$

$$n \times log.\left(1 + \frac{m-b}{mb}\right) = 05460.$$

$Log.\ P = 6{,}96787$; присоединивъ къ этому числу 05460, получимъ 7,02247; $log.$ A даетъ соотвѣтствующее ему число 10,531,000.

Прим. автора.

если списки заключаютъ всѣхъ родившихся и всѣхъ умершихъ, то вычисленіе на основаніи такихъ данныхъ, при извѣстной цифрѣ населенія, очевидно должно дать такіе же результаты, какіе были бы получены непосредственною переписью; а если мы имѣемъ возможность принять почти точную поправку для пропусковъ въ спискахъ и для умершихъ внѣ страны, то такимъ образомъ мы можемъ получить болѣе близкую къ дѣйствительности цифру населенія, чѣмъ какая дается отношеніемъ родившихся къ умершимъ, отношеніемъ, колебаніе котораго ни для кого не подлежитъ сомнѣнію.

Число всѣхъ родившихся, по донесеніямъ за двадцать лѣтъ, съ 1780 по 1800, составляетъ 5,014,899, а число всѣхъ умершихъ за тотъ же періодъ 3,840,455. Если мы прибавимъ къ первому шестую, а ко второму двѣнадцатую часть, то получимъ цифры 5,850,715 и 4,160,492; вычтя вторую изъ первой, мы получимъ избытокъ родившихся надъ умершими 1,690,223. Прибавивъ этотъ избытокъ къ 7,953,000, выражающимъ населеніе 1780, показанное по таблицамъ Рикмана, составленнымъ по числу рожденій, мы получимъ 9,643,000. Эта цифра, исправленная числомъ умершихъ внѣ страны, значительно превышаетъ исправленную нами цифру населенія въ 1800, и еще болѣе цифру, показанную въ таблицахъ и полученную непосредственною переписью.

Но обратимся къ способамъ болѣе надежнымъ, чѣмъ приведенные выше, и взявъ за основаніе исправленную цифру населенія 1800 года, вычтемъ изъ нея избытокъ родившихся за двадцать лѣтъ, уменьшивъ его на вѣроятное число умершихъ внѣ страны, которое въ такомъ случаѣ будетъ около 124,000. Мы получимъ для населенія 1780—7,721,000, вмѣсто 7,953,000. Мы имѣемъ весьма основательныя причины думать, что эта цифра гораздо ближе къ истинной *, и что нетолько въ 1780, но и въ промежуточныя эпохи, вычисленіе, основанное на числѣ родившихся, даетъ большее населеніе и возрастающее менѣе правильно, чѣмъ то, какое получилось бы непосредственною переписью. Происходитъ это отъ того, что отношеніе раждающихся ко всему населенію измѣняется, и что вообще оно было больше, какъ въ 1780, такъ и въ послѣдующіе года двадцатилѣтняго періода, чѣмъ въ 1800 году.

* Весьма малое различіе между населеніемъ 1780 и населеніемъ 1785, показанное въ таблицѣ, можетъ служить сильнымъ доводомъ, что одна изъ этихъ цифръ ошибочна. Прим. автора.

Напримѣръ, населеніе 1795 показывается въ 9,055,000, а въ 1800—9,168,000; но если предположить, что первое вѣрно, и если приложимъ къ нему избытокъ родившихся надъ умершими за пять промежуточныхъ лѣтъ, не предполагая даже пропусковъ въ спискахъ, то населеніе 1800 должно оказаться въ 9,398,000, а не 9,168,000; или же, если мы примемъ за вѣрное число, доставленное переписью 1800, то, вычтя изъ него избытокъ родившихся за пять предшествующихъ лѣтъ, мы найдемъ, что населеніе 1795 должно быть 8,825,000, вмѣсто 9,055,000. Изъ чего мы должны заключить, что вычисленіе на основаніи числа родившихся въ 1795 не можетъ быть точно.

Самое вѣрное средство найти цифру населенія для этой эпохи—это приложить къ таблицамъ вышеприведенныя поправки; положивъ $4^1/_2$ процента родившихся мальчиковъ на умершихъ внѣ страны, остальной избытокъ родившихся слѣдуетъ вычесть изъ исправленныхъ донесеній за 1800. Въ настоящемъ случаѣ мы получимъ 8,831,086 для населенія 1795: вслѣдствіе чего, приращеніе оказывается 455,914 вмѣсто 113,000, какъ значится въ таблицахъ, вычисленныхъ на основаніи числа родившихся.

Поступимъ такимъ же образомъ и для періода съ 1790 по 1795, дѣлая тѣ же поправки и полагая $4^1/_2$ процента родившихся мальчиковъ на умершихъ внѣ страны. Мы найдемъ избытокъ родившихся надъ умершими 415,669; вычтя это число изъ 8,831,086, населенія 1795, вычисленнаго выше, мы получимъ для населенія 1790—8,415,417.

Такимъ же образомъ, избытокъ родившихся надъ умершими въ періодъ съ 1785 по 1790 будетъ 416,776, а населеніе 1785 будетъ 7,998,641. А для періода съ 1780 по 1785 избытокъ родившихся 277,544, а населеніе 1780—7,721,097.

Слѣдовательно, обѣ таблицы для населенія съ 1780 по 1810 покажутъ:

Таблица, вычисленная на основаніи однихъ только рожденій въ Предварительныхъ замѣчаніяхъ на Выписки изъ переписи, обнародованныя въ 1811.		Таблица, вычисленная на избыткѣ родившихся надъ умершими, по исправленіи пропусковъ въ спискахъ и по выключеніи умершихъ внѣ страны.	
	Цифра населенія		Цифра населенія
Въ 1780	7,953,000	Въ 1780	7,721,000
1785	8,016,000	1785	7,998,000
1790	8,675,000	1790	8,415,000
1795	9,055,000	1795	8,831,000
1800	9,168,000	1800	9,287,000
1805	9,828,000	1805	9,837,000
1810 . , . .	10,488,000	1810	10,488,000
А приращеніе населенія въ каждыя пять лѣтъ:			
Съ 1780 по 1785 . .	63,000	Съ 1780 по 1785 . .	277,000
1785—1790 . .	659,000	1785—1790 . .	417,000
1790—1795 . .	380,000	1790—1795 . .	416,000
1795—1800 . .	113,000	1795—1800 . .	456,000
1800—1805 . .	660,000	1800—1805 . .	550,000
1805—1810 . .	660,000	1805—1810 . .	651,000

Приращеніе населенія по второй таблицѣ, основанной на избыткѣ родившихся надъ умершими, по исправленіи списковъ и по выключеніи умершихъ внѣ страны, гораздо болѣе естественно и правдоподобно, чѣмъ приращеніе по первой, вычисленной на основаніи однихъ только родившихся.

Почти невозможно предположить, чтобы въ промежутокъ отъ 1780 по 1785 годъ приращеніе населенія было всего 63,000, и чтобы въ слѣдующій періодъ оно было 659,000; или чтобы въ пятилѣтіе 1795—1800 приращеніе было 113,000, а въ слѣдующее 660,000. Но нѣтъ никакой необходимости опираться на предположеніяхъ; мы можемъ привести несомнѣнныя доказательства, что справедлива ли вторая таблица или несправедлива, первая тѣмъ не менѣе не заслуживаетъ никакого довѣрія. Если не обращать вниманія на пропуски въ спискахъ, избытокъ родившихся надъ умершими въ періодъ 1780—1785 показываетъ приращеніе въ 193,000, вмѣсто 63,000. А съ другой стороны, исправленіе пропусковъ въ спискахъ, какъ бы велики они ни были, ни въ какомъ случаѣ не можетъ дать избытка родившихся надъ умершими въ періодѣ съ 1785 по 1790 годъ въ 659,000 Не обращая вниманія на пропуски, избытокъ этотъ не превышаетъ 317,406; а если мы предположимъ, что въ числѣ родившихся пропущена одна четвертая часть, вмѣсто шестой, что въ спискахъ умершихъ вовсе нѣтъ пропусковъ, и что не умерло ни одного человѣка внѣ страны, то и тогда избытокъ родившихся будетъ менѣе означенной цифры на многія тысячи душъ.

Мы получили бы такіе же результаты, еслибы вычисляли движеніе населенія впродолженіи этихъ періодовъ на основаніи отношенія родившихся къ умершимъ и величиною смертности. Въ первомъ періодѣ приращеніе оказалось бы гораздо больше означеннаго, а во вовторомъ гораздо меньше.

Подобныя же замѣчанія можно сдѣлать и на нѣкоторые другіе періоды таблицы за прежнее время, въ особенности же на разсмотрѣнный уже нами періодъ съ 1795 по 1800.

Съ другой стороны, мы увидѣли бы, что еслибы отношеніе родившихся къ умершихъ было вычислено хоть сколько нибудь точно, то, по сравненіи его съ среднимъ населеніемъ, приращеніе послѣдняго, опредѣленное такимъ путемъ, весьма близко подходило бы впродолженіи всего періода къ приращенію, полученному на основаніи избытка родившихся надъ умершими, исправленнаго вышеприведеннымъ способомъ. Слѣдуетъ, сверхъ того, замѣтить, что еслибы предложенныя поправки оказались мало точными, что возможно, то ошибки, порожденныя такою неточностью, вѣроятно будутъ гораздо менѣе значительны, чѣмъ ошибки, необходимо вытекающія изъ предположенія, легшаго въ основаніе древнихъ таблицъ, а именно, что число рожденій находится во всякое время въ неизмѣнномъ отношеніи ко всему населенію.

Я, разумѣется, не думаю отвергать цифръ населенія, полученныхъ такимъ образомъ, если не имѣется лучшихъ матерьяловъ; но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ списки крещеній и погребеній за всѣ годы, начиная съ 1780; а эти

списки, при надежномъ основаніи, представляемомъ послѣднею переписью, даютъ намъ возможность составить болѣе точную таблицу населенія за 1780, чѣмъ какую мы имѣли до этого, и въ то же самое время показать ненадежность цифръ, полученныхъ на основаніи однихъ только рожденій, въ особенности же, при вычисленіи движенія населенія въ данный періодъ. При вычисленіи всего населенія обширной страны двѣ или три сотни тысячъ не имѣютъ большаго значенія, но при опредѣленіи величины приращенія въ пяти или десятилѣтній періодъ, такого рода ошибка имѣетъ огромное значеніе. Я полагаю, что намъ позволено будетъ указать на существенную разницу въ выводахъ, станемъ ли мы при опредѣленіи величины приращенія за какой либо пятилѣтній періодъ прилагать ко всему населенію, впродолженіи даннаго числа лѣтъ, 63,000 или 277,000, 113,000 или 456,000, 659,000 или 417,000.

Что же касается до времени, предшествующаго 1780 году, то такъ какъ мы не имѣемъ списковъ крещеній и погребеній за каждый годъ, то и не можемъ сдѣлать въ нихъ тѣхъ же исправленій. Очевидно, что въ таблицѣ, составленной на основаніи числа раждавшихся до этой эпохи, если мы имѣемъ списки за отдаленные одинъ отъ другаго года, могутъ войти весьма грубыя погрѣшности, нетолько вслѣдствіе колебаній въ отношеніи средняго числа раждающихся къ населенію за каждыя пять лѣтъ, но и вслѣдствіе недостаточной вѣрности въ средней цифрѣ, полученной для каждаго отдѣльнаго года*.

Достаточно бѣглаго взгзяда на полезную таблицу крещеній, погребеній и браковъ, помѣщенную въ Предварительныхъ замѣчаніяхъ къ Извлеченіямъ изъ народной переписи, чтобы увидѣть, какъ мало можно довѣрять цифрамъ населенія, выведеннымъ изъ числа родившихся, умершихъ и сочетавшихся бракомъ за какой либо отдѣльный годъ. Сравнимъ, напримѣръ, населеніе 1800 и 1801 года съ населеніемъ 1802 и 1803 на основаніи отношенія числа заключаемыхъ браковъ ко всему населенію, при предположеніи, что отношеніе это остается неизмѣннымъ. Мы найдемъ, что если населеніе въ первые годы было 9,000,000, то во вторые оно должно быть 12,000,000, то есть, увеличиться на 3,000,000 или на третью часть въ такой короткій промежутокъ времени. Если мы сдѣлаемъ вычисленіе на сравненіи числа рожденій въ 1800 и 1801 съ числомъ рожденій въ 1803 и 1804, то придемъ къ такимъ же выводамъ; по крайней мѣрѣ такое вычисленіе даетъ приращеніе въ 2,600,00 за три года.

Читатель не долженъ быть удивленъ такими выводами, если припомнитъ, что числа рождающихся, умирающихъ и вступающихъ въ бракъ находятся въ небольшомъ отношеніи ко всему населенію, и потому, колебанія каждаго изъ нихъ, вызываемыя временными причинами, не могутъ сопровождаться соотвѣтственными колебаніями во всей массѣ населенія. Увеличеніе числа родившихся на треть въ какой либо годъ увеличиваетъ все населеніе не на треть же, а быть можетъ всего на одну восьмую или девятую.

Изъ этого вытекаетъ, стало быть, какъ это уже доказано было въ предъидущей главѣ, что таблица народонаселенія за прошедшій вѣкъ до 1780 года, составленная на основаніи однихъ только донесеній о числѣ родившихся за десятилѣтніе періоды, даетъ только приблизительныя цифры населенія, которыми можно пользоваться только за отсутствіемъ лучшихъ матерьяловъ, и что на нее едва ли можно положиться при опредѣленіи величины приращенія для какой либо отдѣльной эпохи.

Населеніе 1810, сравнительно съ населеніемъ 1800, исправленнымъ способами, предложенными нами въ настоящей главѣ, даетъ менѣе быстрое приращеніе, чѣмъ разность между двумя переписями; сверхъ того, предположенное отношеніе между родившимися и умершими, какъ 47 къ $29^1/_2$ оказывается скорѣе ниже, чѣмъ выше дѣйствительнаго. Тѣмъ неменѣе, отношеніе это все таки необыкновенно для страны

* Вслѣдствіе той или другой причины, я считаю весьма вѣроятнымъ, что въ таблицѣ за 1760 и 1770 годы числа, обозначающія такое быстрое приращеніе населенія въ этотъ промежутокъ времени находятся между собою въ невѣрномъ отношеніи. Я полагаю, что цифра приращенія для 1770 слишкомъ велика. Прим. автора.

богатой и густо населенной. Оно даетъ ежегодное приращеніе на $^1/_{79}$ населенія, и еслибы продолжалось постоянно, то по II таблицѣ Эйлера, помѣщенной въ XI главѣ о плодородіи супружествъ, оно удваивало бы населеніе менѣе чѣмъ пятьдесятъ пять лѣтъ.

Такое приращеніе, по самой сущности вещей, не можетъ продолжаться долго. Оно вызвано было чрезвычайнымъ требованіемъ на трудъ, въ соединеніи съ увеличеніемъ производительной силы, какъ въ земледѣліи, такъ и въ фабричной промышленности. А это суть самыя необходимыя условія для дѣйствительнаго поощренія быстраго приращенія населенія. Если не достаетъ одного изъ этихъ условій, то побудительная сила къ приращенію тотчасъ же ослабѣваетъ, какъ это оказывается весьма вѣроятнымъ для настоящаго времени.

Тѣмъ неменѣе, мы сдѣлали весьма важный выводъ относительно закона народонаселенія. Мы получили доказательство, что несмотря на большіе города и фабрики, несмотря на существующія привычки къ роскоши и расточительности, если средства страны допускаютъ быстрое размноженіе и если они распредѣляются такъ выгодно, что вызываетъ постоянно возрастающій спросъ на трудъ, то приращеніе населенія не заставитъ себя ожидать *.

ГЛАВА X. — О препятствіяхъ для размноженія населенія въ Шотландіи и Ирландіи.

Подробное разсмотрѣніе Шотландской статистики могло бы доставить множество примѣровъ для разъясненія закона народонаселенія. Но я до такой степени раздвинулъ границы этой части сочиненія, что не рѣшаюсь злоупотреблять терпѣніемъ читателя. Поэтому, я ограничусь въ настоящемъ случаѣ нѣсколькими замѣчаніями, заслуживающими, по моему мнѣнію, особеннаго вниманія.

* По переписямъ 1841, 1851 и 1861 годамъ, населеніе Англіи и княжества Валійскаго составляло: 15,906,829 — 17,922,768 и 20,061,725 душъ. Процентное приращеніе въ эти періоды было для Англіи 1,13, для Васила 0,91. Число родившихся (1857) въ обѣихъ странахъ 663,071, умершихъ 419,815, число браковъ 159,097. Рус. перев.

Въ приходскихъ книгахъ Шотландіи всѣми признаются такіе пропуски въ числѣ родившихся, умершихъ и сочетавшихся бракомъ, что изъ нихъ можно сдѣлать весьма немного точныхъ выводовъ. Въ Кросмихаельскомъ приходѣ *, въ Киркудбрейтѣ, смертность была, повидимому, 1 изъ 98, а ежегодное число браковъ 1 на 192. Такое отношеніе свидѣтельствовало бы о неслыханной здоровости и крайне необычайномъ дѣйствіи предупреждающихъ условій. Но не подлежитъ сомнѣнію, что явленіе это должно объяснять главнымъ образомъ значительными пропусками въ спискахъ умершихъ, и заключеніемъ множества браковъ внѣ своего прихода.

Но и по спискамъ, считающимся вѣрными, оказывается, что въ сельскихъ приходахъ смертность вообще незначительна, и что отношеніе 1 къ 45, къ 50 и къ 55 представляется нерѣдкимъ явленіемъ. По таблицѣ вѣроятности жизни, вычисленной Вильки на основаніи смертности въ приходѣ Кеттле, вѣроятность ** жизни для новорожденныхъ 46,6, то есть, чрезвычайно большая, а въ продолженіи перваго года умираетъ 1 изъ 10 младенцевъ. Вильки прибавляетъ, что по отчетамъ 36 приходовъ, обнародованнымъ въ первомъ томѣ Шотландской Статистики, вѣроятность жизни для новорожденнаго 40,3; а по таблицѣ, помѣщенной въ послѣднемъ томѣ, и вычисленной для всей Шотландіи докторомъ Вебстеромъ, вѣроятность жизни для новорожденнаго оказывается всего 31 годъ. Послѣдняя цифра кажется ему во всякомъ случаѣ слишкомъ малой, такъ она не превышаетъ цифры, вычисленной для одного только Эдинбурга.

Приходскія книги Шотландіи до такой степени неполны, что въ обнародованныхъ извлеченіяхъ изъ нихъ мы находимъ таблицы населенія только для 99 приходовъ. Если опереться на эти таблицы, то изъ нихъ слѣдовало бы заключить,

* *Statistical account of Scotland*, т. I, стр. 167.

** Надежда *(expectation)*. Дѣло идетъ, безъ сомнѣнія, о вѣроятности сомнительной жизни, или о предѣлѣ, достигаемомъ половиной раждающихся дѣтей.

что страна пользуется рѣдкимъ здоровьемъ, а число раждающихся въ ней чрезвычайно мало. Все населеніе этихъ приходовъ составляло въ 1801 году 217,873 *; среднее число погребеній за пять лѣтъ до 1800 было 3,815, а средне число рожденій 4,928. Изъ этого слѣдуетъ, что смертность въ этихъ приходахъ составляла всего 1 изъ 56, а рожденія 1 на 44. Отношенія эти до такой степени необыкновенны, что имъ рѣшительно нельзя вѣрить. По сравненіи этихъ выводовъ съ вычисленіями Вильки, оказывается, что отношеніе умирающихъ и раждающихся въ Шотландіи меньше, чѣмъ отношеніе, выведенное нами для Англіи и княжества Валійскаго, то есть, для умирающихъ оно менѣе, чѣмъ 1 изъ 40 и для раждающихся менѣе, чѣмъ 1 на 30. Вообще же, отношеніе раждающихся къ умирающимъ принимается, повидимому, какъ 4 къ 3.

Еще труднѣе сдѣлать какое либо заключеніе изъ цифры браковъ. Они записывались съ такой небрежностью, что въ *Извлеченіи изъ переписи* не помѣщены вовсе. На основаніи *Статистическаго обозрѣнія Шотландіи* я думалъ сначала, что стремленіе къ бракамъ сильнѣе въ этой странѣ, чѣмъ въ Англіи: но если справедливо, что въ обѣихъ странахъ отношеніе между умирающими и раждающимися одинаково, такъ же какъ одинаково отношеніе тѣхъ и другихъ ко всему населенію, то и отношеніе браковъ не можетъ значительно разниться. Во всякомъ случаѣ, замѣтимъ, что при предположеніи въ обѣихъ странахъ одинакаго дѣйствія предупреждающихъ условій и одинакой здоровости, Шотландія должна испытывать бо́льшую нужду и бѣдность, чтобы смертность находилась въ ней на одномъ уровнѣ съ Англіей, такъ какъ въ послѣдней гораздо болѣе городовъ и фабрикъ.

Статистическія свѣдѣнія Шотландіи свидѣтельствуютъ вообще объ улучшеніи быта низшихъ классовъ народа въ послѣдніе годы. Цѣна продовольствія повысилась въ ней, а требованіе на трудъ всюду почти усилилось еще въ большей степени. Во многихъ приходахъ замѣчается, что народъ

* *Population abstract, Parish Registers*, стр. 459.

сталъ употреблять въ пищу больше мяса противъ прежняго, что онъ имѣетъ лучшее помѣщеніе, лучшую одежду, и вообще сдѣлался опрятнѣе.

Эти успѣхи слѣдуетъ отчасти приписать возрастающему дѣйствію предупредительныхъ условій. Въ нѣкоторыхъ приходахъ замѣчено распространеніе обычая жениться позже; то же самое слѣдуетъ заключить и о многихъ другихъ, на основаніи отношенія числа раждающихся къ числу браковъ и нѣкоторыхъ другихъ соображеній. Авторъ, составившій таблицу для Эльгинскаго прихода, исчисляя общія причины обезлюденія Шотландіи, указываетъ на соединеніе фермъ, какъ на причину, затрудняющую браки и побуждающую молодежь къ выселенію изъ страны. Онъ упоминаетъ также и о роскоши, какъ о препятствіи, которое по меньшей мѣрѣ отдаляетъ вступленіе въ бракъ до того возраста, когда отъ него раждается уже разслабленное потомство. «Какое множество людей всякаго состоянія, говоритъ онъ, проводитъ, вслѣдствіе этихъ причинъ, безбрачную жизнь! сколько молодыхъ дѣвушекъ всѣхъ сословій вовсе не выходитъ замужъ, между тѣмъ какъ съ начала 18 столѣтія и до 1745 года * онѣ были бы матерями многочисленнаго и цвѣтущаго потомства!»

Такія послѣдствія въ особенности обнаружились въ частяхъ Шотландіи, населеніе которыхъ нѣсколько уменьшилось вслѣдствіе введенія луговаго хозяйства или усовершенствованной системы земледѣлія, требующей меньшаго числа рукъ. При вычисленіи населенія Шотландіи въ концѣ 18 и началѣ 19 вѣка, на основаніи числа родившихся въ различныя эпохи, вѣроятно сдѣланы были такія же ошибки, какія обнаружены были мною при изслѣдованіи Швейцаріи, и потому, уменьшеніе населенія принято было большее, чѣмъ какое существовало въ дѣйствительности **.

* Извѣстно, что это былъ годъ Кулоденскаго сраженія, составляющаго эпоху въ лѣтописяхъ Шотландіи. ФРАН. ПЕРЕВ.

** Одинъ изъ писателей, принимавшихъ участіе въ *Статис. обозрѣніи Шотландіи*, дѣлаетъ по этому поводу замѣчаніе. Онъ говоритъ, что рожденія находились, повидимому, въ большемъ отношеніи ко всему населенію въ прежнее время. Вѣроятно, замѣчаетъ

Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній о народонаселеніи можно заключить вообще, что въ Шотландіи браки начали заключаться въ болѣе позднемъ возрастѣ противъ прежняго. Есть, впрочемъ, и исключенія. Въ приходахъ, въ которыхъ заведены фабрики и въ которыхъ дѣти стали употребляться на работу съ шести и семилѣтняго возраста, женятся обыкновенно рано. Пока фабрика процвѣтаетъ, зло, причиняемое такимъ обычаемъ, мало замѣчается: человѣколюбивому человѣку больно думать, что одна изъ причинъ, скрывающихъ отъ глазъ подобное бѣдствіе, есть необыкновенная смертность между дѣтьми. Преждевременно умершіе открываютъ вакансію новымъ семействамъ.

Въ другихъ мѣстахъ, какъ на Гебридскихъ островахъ и въ горной Шотландіи, гдѣ раздѣленіе поземельной собственности увеличило населеніе, тоже случается, что женятся ранѣе прежняго, хотя тутъ вовсе не было заведено фабрикъ. Но за то эти мѣстности и отличаются наибольшею бѣдностью, причиняемой такимъ обычаемъ. Въ отчетахъ Дельтинскаго прихода, на Шетландскихъ островахъ, упоминается, что въ приходѣ этомъ женятся весьма рано и что обычай этотъ поощряется землевладѣльцами, которые стараются имѣть въ своемъ распоряженіи какъ можно болѣе народа для ловли трески; но люди, вступающіе въ такое преждевременное супружество, вообще обременены долгами, и испытываютъ всевозможныя лишенія, вызываемыя многочисленнымъ семействомъ. Авторъ прибавляетъ, что въ прежнія времена существовали особенные законы, называвшіеся сельскими уставами, и однимъ изъ нихъ запрещалось вступать въ бракъ человѣку, неимѣвшему имущества на 40 шотландскихъ фунтовъ. Въ настоящее время постановленіе это отмѣнено. А между тѣмъ, увѣряютъ, что законы, въ которые входило это постановленіе, были изданы и утверждены шотландскимъ парламентомъ въ царствованіе Маріи или Іакова VI.

Въ отчетахъ приходовъ Бресса, Бурры и Кварфа, на тѣхъ

онъ, при большемъ числѣ раждавшихся была и смертность значительнѣе. *Монктерскій приходъ*, т. V, стр. 121. Прим. автора.

же Шетландскихъ островахъ, говорится, что фермы въ нихъ весьма малы и что немногія изъ нихъ владѣютъ плугомъ. Главная цѣль землевладѣльцевъ состоитъ въ томъ, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи какъ можно больше рыбаковъ, что и останавливаетъ успѣхи земледѣлія. Люди эти ловятъ рыбу въ пользу хозяевъ, которые платятъ имъ менѣе, чѣмъ стоитъ ихъ трудъ, или покупаютъ у нихъ рыбу по низкой цѣнѣ. «Въ другихъ мѣстахъ, замѣчаетъ авторъ, приращеніе населенія справедливо принимается за признакъ благосостоянія народа, но на Шетландскихъ островахъ существуетъ нѣчто совершенно противуположное. Фермы раздроблены тамъ на мелкіе участки. Молодые люди, неимѣющіе никакихъ средствъ прокормить семью, поощряются къ вступленію въ бракъ. Этотъ безразсудный обычай пораждаетъ нищету и страданія. Полагаютъ, что эти острова имѣютъ въ два раза больше населенія, чѣмъ сколько они могутъ прокормить какъ слѣдуетъ.»

Составитель отчета Аухтердеранскаго прихода въ Файфскомъ графствѣ говоритъ, что скудной пищи работника недостаточно для поддержанія его тяжелаго труда, и потому, организмъ его преждевременно разстраивается. «Готовность, съ которою люди эти добровольно подчиняются такимъ тяжкимъ условіямъ, вступая въ супружество, служитъ доказательствомъ, до какой степени брачный союзъ и стремленіе къ независимости естественны въ человѣкѣ.» Вмѣсто стремленія къ независимости автору слѣдовало бы сказать желаніе видѣть свое потомство.

Островъ Юра переполненъ, повидимому, населеніемъ, несмотря на постоянныя и значительныя выселенія. Тамъ на каждой фермѣ можно встрѣтить отъ пятидесяти до шестидесяти душъ. Писатель, свидѣтельствующій объ этомъ, замѣчаетъ, что такое густое населеніе въ странѣ, неимѣющей фабрикъ, только обременяетъ землевладѣльцевъ, не доставляя государству никакой пользы.

Другой писатель удивляется быстрому размноженію населенія, несмотря на значительное выселеніе въ Америку въ 1770, и на поглощеніе молодыхъ людей послѣдней войной.

*

Онъ затрудняется объяснить это явленіе*. Онъ замѣчаетъ, что если населеніе будетъ размножаться въ такихъ же размѣрахъ и въ будущемъ, то страна скоро будетъ не въ силахъ прокормить своего населенія, если не откроется для народа какое либо новое занятіе. А говоря объ отчетѣ Каландерскаго прихода, составитель его говоритъ, что деревни этого прихода и нѣкоторыхъ другихъ, сходныхъ съ нимъ, переполнены нищими, нагими и умирающими отъ голода, которые умоляютъ о пристанищѣ и о кускѣ хлѣба. Онъ замѣчаетъ при этомъ, что всюду, гдѣ населеніе превышаетъ требованія на трудъ, слѣдуетъ ожидать быстраго упадка.

Необыкновенный примѣръ стремленія къ быстрому размноженію представляютъ намъ списки Дуттильскаго прихода въ Эльгинскомъ графствѣ. Такъ какъ прибавленія въ приходскихъ книгахъ менѣе вѣроятны, чѣмъ пропуски, то примѣръ этотъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Отношеніе раждающихся въ этомъ приходѣ ко всему населенію, какъ 1 къ 12, браковъ—какъ 1 къ 55, и такое же отношеніе для умирающихъ. Раждающіеся къ умирающимъ относятся въ немъ, какъ 70 къ 15 или какъ $4^2/_3$ къ 1. Можно заподозрить въ неточности число умирающихъ, въ которомъ, безъ сомнѣнія, существуютъ пропуски; но необыкновенное отношеніе раждающихся, достигающее до $^1/_{12}$ всего населенія, отношеніе, которое трудно предположить преувеличеннымъ, и другія обстоятельства, касающіяся этого прихода, повидимому, подтверждаютъ этотъ выводъ. На населеніе въ 830 душъ было только трое холостыхъ, и каждое супружество давало среднимъ числомъ семерыхъ дѣтей. Но, несмотря на это, полагаютъ, что съ 1745 населеніе прихода значительно уменьшилось. Кажется, что такое необыкновенное стремленіе къ размноженію было слѣдствіемъ чрезвычайной склонности къ выселенію. Авторъ отчета перечисляетъ много значительныхъ выселеній; онъ замѣчаетъ, что цѣлыя поколѣнія, жившія безбѣдно, оставили въ послѣднее время Шотландію безъ особенной причины, или изъ воображаемой надежды получить

* *Лохальшскаго прихода* въ Росскомъ графствѣ.

большую независимость и сдѣлаться поземельными собственниками.

Это необыкновенное отношеніе раждающихся, очевидно вызванное склонностью къ выселеніямъ, ясно показываетъ крайнюю трудность обезлюдить страну, отнимая у нея жителей. Но если погубить ея промышленность и средства существованія, то вскорѣ все неминуемо гибнетъ.

О томъ же самомъ приходѣ можно замѣтить, что среднее число дѣтей, доставляемыхъ каждымъ супружествомъ, говорятъ, достигаетъ 7, между тѣмъ какъ если вычислятъ его изъ отношенія ежегоднаго числа раждающихся къ числу ежегодно заключаемыхъ браковъ, то мы получимъ всего $4^2/_3$. Такое же различіе замѣчается и для многихъ другихъ приходовъ: изъ чего мы можемъ заключить, что писатели, составлявшіе таблицы населенія, при опредѣленіи числа послѣдняго, весьма разумно прибѣгали къ способу, независимому отъ отношенія числа ежегодныхъ рожденій къ числу ежегодныхъ браковъ. Вѣроятно выводы свои они сдѣлали на основаніи личныхъ изысканій или на тщательномъ пзслѣдованіи приходскихъ книгъ, которыя и доставили имъ весьма точныя свѣдѣнія о числѣ дѣтей, рожденныхъ каждой матерью во все продолженіе ея замужней жизни.

Женщины, повидимому, весьма плодовиты въ Шотландіи. Среднимъ числомъ по 6 дѣтей на семейство встрѣчается часто, но нерѣдко приходится и по 7, и даже по $7^1/_2$ дѣтей на семейство. Одно обстоятельство въ особенности заслуживаетъ вниманія. Таблицы населенія показываютъ, повидимому, что такое значительное число выражаетъ собою живыхъ дѣтей въ каждомъ семействѣ; но въ него не входятъ ни умершія, ни имѣющіяся родиться впослѣдствіи, такъ что настоящее число должно быть еще болѣе. Въ Нигскомъ приходѣ Кинкардинскаго графства на 57 семействъ показано 405 дѣтей, или на каждое семейство по $7^1/_2$, а въ 42 рыбачьихъ семействахъ числилось 314 дѣтей, или на каждое семейство по $7^1/_2$ дѣтей. Изъ земледѣльческихъ семействъ только 7 не имѣли дѣтей, изъ рыбачьихъ не было ни одного бездѣтнаго. Если факты эти вѣрны, то мнѣ кажется, что на каждое су-

пружество за все время его существованія должно положить неменѣе 9 или 10 рожденій.

Если непосредственная перепись даетъ по 3 живыхъ дѣтяти на супружество, или по 5 душъ, а иногда всего по $4^1/_2$ души на семейство, какъ это чаще всего случается, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ заключать, что среднее число рожденій на супружество не превышаетъ 3, и держится около этого числа. Не должно забывать, что браки, заключенные въ предшествовавшій годъ, могутъ дать всего по одному ребенку; что супружества, существующія уже два года, могутъ не дать или не сохранить двухъ дѣтей, и что супружества, заключенные за четыре года назадъ, по естественному порядку вещей, могли произвесть и сохранить менѣе 3 дѣтей. Если впродолженіи десяти лѣтъ потеряно будетъ только одно изъ пяти дѣтей, то такую смертность слѣдуетъ считать гораздо ниже средней. Поэтому, должно разсчитывать, что въ десятилѣтній періодъ старшій ребенокъ будетъ похищенъ смертью. Если, стало быть, предположить, что каждое семейство раждаетъ ровно по 5 дѣтей, то семейства, пополнившіяся рожденіями, будутъ имѣть только 4 ребенка, а весьма значительное число другихъ, еще непополненныхъ, будетъ имѣть менѣе 3 *. Сверхъ того, слѣдуетъ замѣтить, что во многихъ семействахъ окажутся умершими отецъ или мать. Принявъ въ соображеніе всѣ эти обстоятельства, я сомнѣваюсь, чтобы точная перепись такого населенія, въ которомъ каждое семейство раждало бы 5 дѣтей, дала бы хоть по $4^1/_2$ души на семейство. Въ только что упомянутомъ Дутгильскомъ приходѣ на каждое семейство приходится по 7 дѣтей, а все число душъ, причитающихся на семейство, составляетъ неболѣе 5.

Бѣдные вспомоществуются въ Шотландіи вообще добровольными пожертвованіями, распредѣляемыми подъ надзоромъ приходскихъ священниковъ, и говоря вообще, кажется, что

* Вычислено, что дѣти одного и того же семейства, по возрасту, отличаются другъ отъ друга среднимъ числомъ на два года.
Прим. автора.

распредѣленіе это дѣлалось съ большою разборчивостью. Такъ какъ эти вспомоществованія, сами по себѣ, умѣренны и ненадежны, а бѣдные сознаютъ, что они не имѣютъ на нихъ никакого права *, то они и смотрятъ на нихъ, какъ на послѣднее средство въ случаѣ крайняго бѣдствія, а не какъ на доходъ, на который они могутъ съ увѣренностью разсчитывать, или какъ на пособіе, принадлежащее имъ по закону, какъ только они почувствуютъ нужду.

Вслѣдствіе такого распространеннаго мнѣнія, люди, которымъ грозитъ бѣдность, дѣлаютъ чрезвычайныя усилія, чтобы оградиться себя отъ нея и избѣгнуть необходимости прибѣгать къ недостаточному и ненадежному вспомоществованію. Изъ отчетовъ многихъ приходовъ видно, что всѣ почти жители страны дѣлаютъ сбереженіе на старость или на случай болѣзни; какъ только человѣку начинаетъ грозить необходимость обратиться къ вспомоществованію прихода, дѣти его, способные работать, и всѣ родные стараются всѣми силами предупредить подобное униженіе, ложащееся позоромъ на все семейство.

Писатели, составлявшіе таблицы населенія для различныхъ приходовъ этой страны, нерѣдко осуждаютъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ систему, принятую въ Англіи подъ именемъ *налога въ пользу бѣдныхъ*, и отдаютъ рѣшительное предпочтеніе мѣрамъ, принимаемымъ въ Шотландіи. Въ отчетѣ по Пеблю, городу, имѣющему много фабрикъ и потому, изобилующему бѣдными, авторъ нетолько отвергаетъ англійскую систему, но дѣлаетъ по этому случаю замѣчаніе, въ которомъ, быть можетъ, нѣтъ ничего преувеличеннаго. Онъ говоритъ, что хотя изъ всѣхъ странъ въ Англіи собираются самыя значительныя суммы въ пользу бѣдныхъ, тѣмъ неме-

* Въ послѣднее время говорилось въ Парламентѣ, что въ Шотландіи законы о бѣдныхъ ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ такихъ же законовъ въ Англіи, и что въ первой изъ этихъ странъ они только иначе толкуются и приводятся въ исполненіе. Какъ бы ни понимались въ ней законы, но на практикѣ происходитъ такъ, какъ я описываю; а въ интересующемъ насъ случаѣ только обычай и имѣетъ значеніе.
Прим. автора.

нѣе, нигдѣ не встрѣчается такого огромнаго количества нищихъ и нигдѣ они не находятся сравнительно въ такомъ бѣдственномъ положеніи.

Въ отчетѣ по Керлаверокскому приходу, на вопросъ: Какимъ образомъ слѣдуетъ помогать бѣднымъ? дается весьма основательный отвѣтъ, «что нищета и бѣдствія возрастаютъ въ размѣрахъ сборовъ, предназначенныхъ для ихъ вспомоществованія; что благотворительныя мѣры должны быть незамѣтны до самой минуты вспомоществованія; что въ сельскихъ приходахъ Шотландіи небольшіе случайные сборы вообще достаточны; что правительству нечего въ нихъ вмѣшиваться для разширенія этого источника, который доставляетъ столько, сколько нужно; словомъ, что введеніе налога въ пользу бѣдныхъ нетолько безполезно, но вредно; что онъ обременилъ бы собственниковъ, не доставивъ никакой выгоды бѣднымъ.»

Это, повидимому, господствующее мнѣніе между шотландскимъ духовенствомъ. Оно представляетъ, впрочемъ, нѣсколько исключеній. Такого рода налогъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ одобряется и даже предлагается. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Во многихъ приходахъ съ нимъ незнакомы на дѣлѣ; а если не случалось ни размышлять о законѣ народонаселенія, ни быть свидѣтелемъ бѣдствій, вызываемыхъ такимъ налогомъ на практикѣ, то на первый взглядъ такое пособіе должно представляться самой естественной мѣрой, такъ какъ она представляетъ, повидимому, единственное средство заставить принять одинаковое участіе въ вспомоществованіи, какъ благотворительнаго, такъ и неблаготворительнаго человѣка въ размѣрахъ ихъ богатства, и такъ какъ такого рода сборъ, по мѣрѣ надобности, можетъ, повидимому, то увеличиваться, то уменьшаться.

Мѣстныя, какъ и повальныя болѣзни поражаютъ въ Шотландіи, какъ и въ прочихъ странахъ, преимущественно бѣдные классы. Въ нѣкоторыхъ округахъ цынга считается весьма опасною и трудно излечимою болѣзнью. Есть мѣстности, въ которыхъ она перераждается въ заразительную проказу, отличающуюся страшнымъ и смертельнымъ исходомъ. Одинъ

изъ составителей отчетовъ называетъ эту болѣзнь бичомъ и язвой человѣческой природы*. Причину ея приписываютъ вообще холоднымъ и сырымъ условіямъ, скудной и дурнаго качества пищѣ, нечистому воздуху въ помѣщеніяхъ, въ которыхъ скучено много народу, привычкамъ къ лѣни и къ нечистоплотности.

Тѣмъ же причинамъ слѣдуетъ приписать главнымъ образомъ и ревматизмы, всюду почти распространенные, а также изнурительныя лихорадки, господствующія въ низшихъ классахъ народа. Всюду, гдѣ особенныя обстоятельства ухудшаютъ положеніе бѣднаго, тамъ всѣ эти болѣзни, въ особенности послѣдняя, производятъ сильныя опустошенія.

Изнурительныя, нервныя и другія, еще болѣе жестокія и убійственныя лихорадки нерѣдко становятся повальными, и губятъ множество народа. Но изъ всѣхъ эпидемическихъ болѣзней, самая ужасная, съ тѣхъ поръ какъ чума не посѣщаетъ болѣе Шотландію, это — оспа. Во многихъ мѣстностяхъ она возвращается болѣе или менѣе періодически черезъ извѣстные промежутки времени, рѣдко болѣе семи или восьми лѣтъ. Производимыя ею опустошенія ужасны, хотя они нѣсколько и уменьшились въ послѣднее время. Предразсудокъ противъ прививанія оспы господствуетъ въ ней и теперь. А такъ какъ въ тѣсныхъ и густо населенныхъ помѣщеніяхъ леченіе этой болѣзни не можетъ быть удовлетворительно; такъ какъ, помимо этого, во многихъ мѣстностяхъ не боятся посѣщать людей, лежащихъ въ оспѣ, то можно себѣ представить, какія опустошенія производятся ею, въ особенности между дѣтьми бѣдныхъ классовъ. Въ нѣкоторыхъ приходахъ на Гебридскихъ островахъ и въ горной Шотландіи число лицъ, живущихъ въ отдѣльномъ помѣщеніи, простирается отъ $4^1/_2$ и 5 до 6 и 7 человѣкъ. Легко себѣ представить, что такое стѣсненіе, несопровождающееся никакимъ удобствомъ или благопріятнымъ для здоровья условіемъ, необходимо должно только усиливать заразу**.

* Въ Форбескомъ и Кирнскомъ приходахъ Абердинскаго графства.

** Это написано въ 1807, и относится къ отчетамъ за прежніе года.

Фран. перев.

Шотландія нерѣдко испытывала неурожай, а иногда и настоящій голодъ. 1635, 1680, 1688, послѣдніе года 17 вѣка, а въ истекшемъ столѣтіи 1740, 1756, 1766, 1778, 1782 и 1783 часто приводятся, какъ годы ужасныхъ бѣдствій, въ которыхъ нужда чувствовалась самымъ жестокимъ образомъ. Въ 1680 голодъ погубилъ столько народу, что мѣстность, прежде густо заселенная, не представляла и одного очага на шесть миль *. Семь лѣтъ, окончившія 17 столѣтіе, слывутъ подъ именемъ голодныхъ годовъ. По отчету Монкитерскаго прихода, изъ 16 семействъ, населявшихъ одну ферму, погибло 13; въ другой фермѣ, состоявшей изъ 169 душъ, осталось въ живыхъ всего три семейства, въ томъ числѣ семейство землевладѣльца. Обширныя фермы, на которыхъ живетъ въ настоящее время по сту человѣкъ, были до такой степени опустошены общимъ бѣдствіемъ, что обращены были въ пастбища подъ овецъ. Вообще, все населеніе прихода доведено было смертью до половиннаго числа, а по другимъ до четвертой части. До 1709 года многія фермы оставались въ запустѣніи. Въ 1740, по случаю неурожая, бѣдный народъ доведенъ былъ до крайней степени нищеты, хотя, впрочемъ, и не умиралъ съ голоду. Многіе предлагали свои услуги за кусокъ хлѣба, и не находили работы. Взрослые и сильные люди съ благодарностью принимали заработную плату въ два пенса въ сутки. Большія несчастія были и въ 1782 и 1783, хотя и никто не умеръ съ голоду. «Въ эту критическую эпоху, говоритъ авторъ, еслибы не кончена была американская война, еслибы обильно снабженные запасами магазины, особенно горохомъ, предназначенные для флота, не были открыты народу, то несчастная страна подверглась бы неописаннымъ ужасамъ и отчаянію.»

Такого рода извѣстія встрѣчаются во многихъ *Статистическихъ Обозрѣніяхъ;* но достаточно и этихъ примѣровъ, чтобы имѣть понятіе о томъ, какія жестокія бѣдствія вызывались иногда въ Шотландіи недостаткомъ средствъ существованія.

* *Дунтильскій приходъ.*

1783 годъ опустошилъ нѣкоторыя части горной Шотландіи; этому году приписываютъ отчасти уменьшеніе, замѣченное въ количествѣ населенія со времени переписи Вебстера. Большая часть мелкихъ фермеровъ, какъ и слѣдовало ожидать, была совершенно разорена неурожаемъ. Фермеры горной Шотландіи принуждены были оставить горы, спуститься въ низменную страну, и искать въ ней поденной работы, чтобы какъ нибудь перебиться въ это тяжкое время. Въ нѣкоторыхъ приходахъ слѣды этого бѣдственнаго года ощущались во многихъ разоренныхъ фермахъ, которыя не могли еще оправиться отъ нищеты, въ эпоху послѣдней переписи.

Въ отчетахъ Гранжскаго прихода, въ Банфскомъ графствѣ, говорится, что въ 1783 прекратились всякаго рода улучшенія въ луговомъ хозяйствѣ, и фермеры принуждены были заботиться только о воздѣлываніи зернового хлѣба. Почти всѣ они были разорены. До этой эпохи изнурительныя болѣзни были гораздо рѣже, чѣмъ послѣ нея. Причину этого слѣдуетъ, повидимому, приписать неурожаю 1783 и дурной пищѣ, которою долженъ былъ довольствоваться народъ; но ее приписываютъ также и дурной погодѣ во время уборки жатвы въ 1782, когда работники принуждены были впродолженіи цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ подвергаться непрерывному дѣйствію холода и сырости; но главнымъ образомъ перемѣнѣ, произшедшей въ образѣ жизни низшихъ классовъ народа. Въ прежнія времена каждый семьянинъ пользовался нѣкоторымъ довольствомъ, пилъ иногда пиво и убивалъ овцу для собственнаго потребленія, чего не бываетъ въ настоящее время. Недостатокъ самыхъ необходимыхъ предметовъ для жизни, испытываемый бѣднякомъ; сырой и зараженный воздухъ его помѣщенія; уныніе, въ которое погружены бѣдствіемъ тѣ, которые до этого не испытывали нужды; вотъ главныя причины болѣзней, господствующихъ въ этомъ приходѣ и замѣчаемой въ немъ огромной смертности. Молодые люди погибаютъ отъ изнурительныхъ болѣзней, а лица болѣе зрѣлаго возраста уносятся водяными и нервными лихорадками.

Положеніе этого прихода слѣдуетъ считать исключительнымъ, хотя въ Шотландіи, можно найти и другіе приходы,

находящіеся въ такихъ же условіяхъ. Такое печальное положеніе вызвано, безъ сомнѣнія, разореніемъ фермеровъ и съемщиковъ; и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо весьма нетрудно понять, что самое большое бѣдствіе, какое можетъ постигнуть страну, есть потеря ея запасовъ и земледѣльческаго капитала.

Здѣсь кстати замѣтить, что болѣзни, опустошившія приходъ, приписываются неурожаю и дурной пищѣ въ 1783. То же самое было и во многихъ другихъ приходахъ, въ отчетахъ которыхъ говорится, что хотя и немного людей погибло отъ непосредственнаго дѣйствія голода, тѣмъ неменѣе, недостатку продовольствія слѣдуетъ приписать слѣдовавшія за нимъ убійственныя болѣзни.

Замѣчено также, что во многихъ приходахъ число рожденій и число браковъ измѣнилось, смотря по хорошему или дурному урожаю.

Въ Дингвальскомъ приходѣ, въ Росскомъ графствѣ, за неурожаемъ 1783 было 16 рожденіями менѣе противъ средняго числа, и на 14 менѣе противъ наименьшаго числа за послѣдніе годы. 1787 былъ урожайный годъ, и въ слѣдующіе за нимъ годы было соотвѣтственное увеличеніе числа рожденій; ихъ было на 17 болѣе противъ средняго числа, и на 11 болѣе противъ наибольшаго числа за другіе годы.

Въ отчетахъ Дунроскаго прихода, на Оркадскихъ островахъ, составитель говоритъ, что ежегодное число браковъ находится въ тѣсной зависимости отъ урожаевъ. Въ хорошіе годы оно доходитъ до 30 и болѣе, а въ неурожайные не составляетъ и половины.

Все приращеніе населенія Шотландіи съ 1755 года, когда докторъ Вебстеръ дѣлалъ свои вычисленія, составляетъ 260,000 душъ*. Средства существованія для этого избытка доставляются соотвѣтствующими ему улучшеніями въ земледѣліи и ремеслахъ; воздѣлываніе картофеля распространилось до такой степени, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онъ составляетъ

* По послѣдней переписи, все населеніе Шотландіи превышаетъ 1,590,000, такъ что приращеніе его до настоящаго времени составляетъ 320,000. Прим. автора.

двѣ трети всей пищи народа. Считаютъ, что выселенія отнимаютъ у Шотландіи половину этого приращенія въ населеніи. Не подлежитъ сомнѣнію, что выселенія эти значительно облегчаютъ страну и улучшаютъ положеніе тѣхъ, которые остаются въ ней. Шотландія и въ настоящее время переполнена населеніемъ, хотя и въ меньшей степени, сравнительно съ тѣмъ, что было столѣтіе или полустолѣтіе тому назадъ, когда въ ней было меньше жителей*.

Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о населеніи Ирландіи. Я ограничусь замѣчаніемъ, что употребленіе картофеля сильно распространилось въ ней впродолженіи послѣдняго столѣтія**. Дешевизна этой пищи, незначительное количество земли, требующейся для воздѣлыванія этого растенія въ количествѣ, необходимомъ для прокормленія одной семьи, невѣжественное и варварское состояніе, отклоняющее всякую предусмотрительность въ удовлетвореніи склонностей, оказывали такое поощреніе бракамъ въ этой странѣ, что населеніе ея значительно перешло за границы, допускаемыя средствами ея существованія и трудомъ. За этимъ естественно послѣдовала крайняя нищета и совершенное паденіе низшихъ классовъ народа. По этой причинѣ, главныя препятствія для размноженія населенія въ Ирландіи суть разрушительныя препятствія, болѣзни, причиняемыя самою невѣроятною нищетой, сырыми и нездоровыми помѣщеніями, дурною и недостаточной одеждой и неопрятностью, объясняемой привычкой къ ней или отсутствіемъ средствъ. Къ этимъ разрушительнымъ дѣйствіямъ присоединились въ послѣднее время порокъ и всѣ бѣдствія, вызываемыя внутренними смутами, гражданской войной и военнымъ положеніемъ***.

* По переписямъ считалось

1811	1821	1831	1841	1851	1861
1,805,688	2,093,456	2,365,114	2,620,610	2,870,784	3,061,117.

Въ это число не вошло населеніе острововъ. Процентное приращеніе населенія въ послѣднее время 0,87, число раждающихся 103,632, умирающихъ 61,927, число браковъ 21,318. Рус. перев.

** Сэй утверждаетъ, что картофель одно время *утроилъ* населеніе Ирландіи! Гарнье.

*** Немногими словами Мальтусъ сказалъ много. Онъ не преувели-

ГЛАВА XI. — О плодовитости браковъ.

Если намъ извѣстно населеніе страны, законъ его приращенія, число раждающихся, умирающихъ и вступающихъ въ бракъ, то было бы полезно вывести изъ всѣхъ этихъ данныхъ дѣйствительное плодородіе супружествъ и соотвѣтствующее ему число людей, достигающихъ брачнаго возраста. Точное рѣшеніе такой задачи, быть можетъ, невозможно; тѣмъ неменѣе, при помощи нѣкоторыхъ соображеній, можно рѣшить ее по крайней мѣрѣ приблизительно, и исправить нѣкоторыя погрѣшности, нерѣдко представляемыя таблицами населенія.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ спискахъ всѣхъ почти странъ можно подозрѣвать болѣе пропусковъ въ таблицахъ раждающихся и умирающихъ, чѣмъ въ спискахъ браковъ. Вслѣдствіе этого, отношеніе браковъ всегда болѣе того, какое существуетъ въ дѣйствительности. Въ переписи, произведенной въ послѣднее время въ Великобританіи, число браковъ можно считать весьма близкимъ къ истинѣ; и напротивъ того, всѣмъ извѣстно, что въ таблицахъ родившихся и умершихъ сдѣлано множество пропусковъ. Такого же рода пропуски вѣроятно существуютъ и въ прочихъ странахъ, хотя, быть можетъ, и не въ такой степени.

чиваетъ. Чувство состраданія охватываетъ всякаго, кто посѣтитъ эту страну. Несчастная Ирландія испытала самыя ужасныя бѣдствія вслѣдствіе болѣзни картофеля въ 1846 и 1847. Населеніе, состоявшее въ 1845 изъ 8,175,000, въ 1851 считало всего 6,515,000 душъ!

Гарнье.

По переписямъ	1821	1831	1841	1851	1861
считалось	6,801,990	7,767,401	8,175,238	6,615,794	5,764,543.

Эта безпримѣрная въ исторіи убыль народонаселенія вызвана настоящимъ «переселеніемъ ирландскаго народа». Вмѣсто приращенія происходитъ на 1,91 процента уменьшеніе населенія. Въ теченіи 44 лѣтъ, съ 1815 по 1858, переселилось, главнымъ образомъ изъ Ирландіи, 4,797,166 душъ въ Соединенные Штаты (около 3 миль.), британскую Америку и Австралію. Рус. перев.

Чтобы составить себѣ понятіе о плодородіи показанныхъ супружествъ, принимая въ разсчетъ вторые и третьи браки, возьмемъ въ спискахъ какой либо страны опредѣленный періодъ, напримѣръ тридцатилѣтній, и посмотримъ, какъ велико число рожденій, произведенныхъ всѣми браками, вошедшими въ этотъ періодъ. Очевидно, что въ началѣ періода, при изслѣдованіи уже существующихъ супружествъ, мы найдемъ родившихся отъ нихъ дѣтей, которыя не вошли въ данный періодъ; такимъ же образомъ, мы найдемъ въ концѣ періода извѣстное число родившихся отъ браковъ, вошедшихъ въ періодъ, но эти родившіяся вступятъ въ супружество въ слѣдующій періодъ. Еслибы мы могли исключить первыхъ и присоединить вторыхъ, то мы получили бы именно число родившихся отъ всѣхъ браковъ, заключенныхъ въ данномъ періодѣ, а потому мы могли бы сдѣлать точное заключеніе о плодородіи этихъ браковъ. Если населеніе находится въ неподвижномъ состояніи, то число рожденій, которое слѣдовало бы прибавить, будетъ совершенно равно числу, подлежащему исключенію; а отношеніе родившихся къ числу заключенныхъ браковъ, выведенное изъ списковъ, точно выразитъ дѣйствительное плодородіе супружествъ. Но если населеніе возрастаетъ или убываетъ, то число, подлежащее сложенію, не будетъ равно числу, подлежащему выключенію, а отношеніе родившихся къ числу браковъ не выразитъ точнаго плодородія супружествъ. Если населеніе возрастаетъ, то число, подлежащее сложенію, будетъ болѣе числа, подлежащаго выключенію; слѣдовательно, отношеніе родившихся къ числу браковъ, полученное непосредственно изъ списковъ, будетъ показывать постоянно меньшее плодородіе. При уменьшающемся населеніи мы получимъ противуположные выводы. Итакъ, весь вопросъ обращается въ то, чтобы узнать: какое число слѣдуетъ присовокупить и какое выключить, если число раждающихся и умирающихъ не одинаково?

(Для Европы, среднее отношеніе раждающихся къ числу заключаемыхъ браковъ почти какъ 4 къ 1.) Для примѣра, предположимъ, что каждое супружество даетъ 4 дѣтей, имен-

но, по одному въ каждые два года *. Въ такомъ случаѣ, какой бы мы ни избрали періодъ въ спискахъ, супружества восьми предшествующихъ лѣтъ произведутъ только половину всѣхъ своихъ рожденій. Другая половина, которая родится впродолженіи этого періода, будетъ причислена неправильно къ бракамъ этого періода, и должна быть выключена изъ него. Такимъ же точно образомъ, супружества, заключенныя въ послѣднія восемь лѣтъ періода, дадутъ только половину рожденій, а другая половина должна быть присоединена къ нимъ. Но половину рожденій за каждыя восемь лѣтъ можно принять почти равной всѣмъ родившимся въ слѣдующіе $3^3/_4$ года. Въ случаѣ, если приращеніе идетъ весьма быстро, эта вторая половина превыситъ нѣсколько число рожденій за слѣдующіе $3^1/_2$ года; въ случаѣ же медленнаго приращенія, она будетъ близка къ числу родившихся за слѣдующіе 4 года. Поэтому, среднимъ числомъ можно взять $3^3/_4$ года **. Если, стало быть, выключить родившихся въ $3^3/_4$ первые года періода, и прибавить число родившихся въ $3^3/_4$ года, непосредственно слѣдующіе за даннымъ періодомъ, то мы получимъ почти точное число рожденій, данныхъ всѣми супружествами, вошедшими въ періодъ, а тѣмъ самымъ, и выраженіе плодородія для этихъ браковъ ***. Но если населеніе какой либо страны возрастаетъ правильно, если числа раждающихся, умирающихъ и вступающихъ въ бракъ находятся въ постоянномъ отношеніи, какъ между собой, такъ и ко всему населенію, въ два равные періода, раздѣленные извѣстнымъ числомъ лѣтъ, то можно быть увѣреннымъ, что число всѣхъ родившихся въ одномъ относится къ числу всѣхъ родившихся въ другомъ, какъ числа

* Въ *Статистическомъ описаніи Шотландіи* приводится, что въ каждомъ семействѣ дѣти раждаются среднимъ числомъ почти чрезъ каждые два года. Прим. автора.

** По закону приращенія, дѣйствующему въ настоящую минуту въ Англіи, періодъ этотъ, по вычисленіи, составляетъ около $3^3/_4$ лѣтъ. Прим. автора.

*** Или, другими словами, для опредѣленія плодородія супружествъ нужно сравнить число всѣхъ браковъ одного періода съ числомъ родившихся равнаго ему періода, взятаго вслѣдъ за первымъ черезъ $3^3/_4$ года. Франц. перев.

ежегодныхъ рожденій обоихъ періодовъ, если мы возьмемъ для сравненія два соотвѣтствующіе года, то есть, два года, взятые, одинъ въ первомъ періодѣ, а другой во второмъ, находящіеся одинъ отъ другаго въ разстояніи, равномъ разстоянію, раздѣляющему самые періоды. То, что мы сказали о раждающихся, можетъ быть приложено и къ вступающимъ въ бракъ. Поэтому, при предположеніи правильнаго возрастанія, для опредѣленія плодородія супружествъ достаточно сравнить число браковъ настоящаго или даннаго года съ числомъ родившихся въ послѣдующій годъ, находящійся отъ даннаго на разстояніи $3^3/_4$ лѣтъ *.

Въ избранномъ случаѣ мы предположили, что каждое супружество даетъ 4 рожденія; и дѣйствительно, замѣчено, что въ Европѣ среднее число рожденій къ числу браковъ относится, какъ 4 къ 1 **. Но всѣмъ извѣстно, что въ Европѣ населеніе находится въ возрастающемъ движеніи; поэтому, и плодородіе супружествъ должно превышать 4 дѣтей. По этой причинѣ, принявъ 4 года, вмѣсто $3^3/_4$, мы вѣроятно немного удалимся отъ истины. Безъ всякаго сомнѣнія, между различными странами должно существовать въ этомъ отношеніи нѣкоторое различіе, хотя и меньшее, чѣмъ это предполагается. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ супружества особенно плодовиты, тамъ рожденія должны происходить чрезъ меньшіе промежутки времени; и обратно, гдѣ они менѣе плодовиты, тамъ промежутки между рожденіями должны быть болѣе. А потому, и при неодинаковой степени плодородія принятый нами періодъ можетъ оставаться одинъ и тотъ же ***.

* Ибо два эти числа находятся между собою въ такомъ же отношеніи, какъ числа двухъ равныхъ періодовъ, находящихся въ разстояніи одинъ отъ другаго на $3^3/_4$ года. Франц. перев.

** Мнѣ кажется, что въ дѣйствительности среднее отношеніе нѣсколько больше. Въ самомъ дѣлѣ, мы имѣемъ поводъ думать, что пропуски гораздо чаще встрѣчаются въ спискахъ родившихся и умершихъ, чѣмъ въ спискахъ заключенныхъ браковъ. Прим. автора.

*** Для странъ, отличающихся большимъ приливомъ и отливомъ населенія, разсчетъ этотъ не годится, въ особенности для городовъ, въ которыхъ населеніе весьма часто смѣняется, и въ которыхъ заключается такъ много браковъ между лицами, живущими не въ го-

Изъ этихъ замѣчаній слѣдуетъ, что *тѣмъ быстрѣе размножается населеніе, тѣмъ болѣе плодородіе супружествъ будетъ превосходить отношеніе числа рожденій къ числу браковъ, непосредственно доставляемое списками.*

Вышепредложенное правило должно принимать, какъ попытку, имѣющую цѣлью опредѣлить плодородіе браковъ, взятыхъ безразлично, какъ ихъ представляютъ списки. Это плодородіе слѣдуетъ тщательно различать отъ плодородія супружествъ по первому браку, отъ плодородія замужнихъ женщинъ и вообще всѣхъ женщинъ, находящихся въ самомъ благопріятномъ возрастѣ. Естественное плодородіе женщинъ вѣроятно почти одинаково во всѣхъ странахъ земнаго шара; но плодородіе супружествъ можетъ быть измѣнено множествомъ отдѣльныхъ условій, свойственныхъ каждой странѣ, и между прочимъ, количествомъ позднихъ браковъ. Супружества по второму и третьему браку во всѣхъ странахъ заслуживаютъ вниманія, ибо они оказываютъ существенное вліяніе на среднее число всѣхъ браковъ. По вычисленію Зюсмильха, во всей Помераніи, съ 1748 по 1756 включительно, вступило въ бракъ 56,956 лицъ, между которыми находилось 10,586 вдовцевъ и вдовъ *. По мнѣнію Бушинга, въ Пруссіи и Силезіи, въ 1781, на 29,308 лицъ, вступившихъ въ бракъ, приходилось 4,841 вдовцевъ и вдовъ; слѣдовательно, число браковъ превышало число супружествъ на одну шестую **. Еслибы дѣло шло объ опредѣленіи плодородія замужнихъ женщинъ, то число незаконнорожденныхъ *** могло бы

родѣ, а въ окрестныхъ деревняхъ; такъ что къ нимъ нельзя приложить выводовъ, сдѣланныхъ изъ сравненія числа рожденій съ числомъ браковъ. Прим. автора.

* *Göttliche Ordnung*, т. I, таб. стр. 98.

** Если принять безъ измѣненія все число записанныхъ браковъ, съ цѣлью опредѣлить плодородіе супружествъ по первому браку. Фран. перев.

*** Во Франціи, до революціи, число незаконнорожденныхъ составляло $^1/_{47}$ всего числа рожденій; въ Великобританіи число это вѣроятно менѣе. Прим. автора.

За послѣдніе годы число незаконнорожденныхъ во Франціи составляло 7,25, а въ Англіи 6,5 процента всего числа рожденій. По-

восполнить, хотя и въ слабой степени, избыточное число супружествъ по второму и третьему браку. Сверхъ того, такъ какъ замѣчено, что во вторичный бракъ вступаетъ больше вдовцевъ, чѣмъ вдовъ, то вышеприведенная поправка не можетъ быть приложена цѣликомъ. Совершенно иное случилось бы, еслибы нужно было опредѣлить относительное число дѣтей, достигающихъ брачнаго возраста, или, еслибы для опредѣленія этого числа, мы взяли отношеніе числа браковъ къ числу умершихъ. Въ такомъ случаѣ, которымъ мы теперь займемся, вышеозначенная поправка должна быть приложена цѣликомъ.

Для опредѣленія относительнаго числа дѣтей, достигающихъ брачнаго возраста, слѣдуетъ вычесть сначала изъ числа браковъ одну шестую, потомъ сравнить исправленную цифру браковъ съ числомъ умершихъ, показанныхъ въ книгахъ, избравъ для этого годъ, удаленный отъ года, доставившаго число браковъ, на разность между среднимъ брачнымъ возрастомъ и среднимъ возрастомъ смерти.

Если, напримѣръ, число браковъ къ числу погребеній относится, какъ 1 къ 3, то, за вычетомъ одной шестой, отношеніе это обращается въ 5 къ 18; стало быть, ежегодное число лицъ, вступающихъ въ первый бракъ, относится къ числу умершихъ, какъ 10 къ 18. Предположимъ теперь, что средній возрастъ смерти отстоитъ отъ средняго брачнаго возраста на десять лѣтъ, и что впродолженіи этого періода число умершихъ увеличится на $^1/_9$; мы получимъ, что ежегодное число людей, вступающихъ въ первый бракъ, относится къ ежегодному числу умирающихъ, на разстояніи разности между брачнымъ возрастомъ и возрастомъ смерти, какъ 10 къ 20. Изъ чего слѣдовало бы заключить, что *ровно половина всѣхъ раждающихся дѣтей достигаетъ брачнаго возраста.*

Законъ этотъ можетъ быть разъясненъ слѣдующими соображеніями.

слѣднее отношеніе сильно колеблется, и въ самомъ Лондонѣ составляетъ почти 25 процентовъ, или 1 незаконнорожденный на 4,2. Но, безъ сомнѣнія, огромное число незаконнорожденныхъ въ той и въ другой странѣ вовсе не вносится въ книги. Рус. перев.

Въ странѣ съ неподвижнымъ населеніемъ число умирающихъ равно числу раждающихся, если для сравненія взять одинъ и тотъ же періодъ времени; а число браковъ, или, вѣрнѣе, число лицъ, живущихъ въ супружествѣ, по сравненіи съ числомъ родившихся или умершихъ, за исключеніемъ вторыхъ и третьихъ браковъ, точно выразитъ отношеніе числа людей, достигающихъ брачнаго возраста. Но если населеніе возрастаетъ или уменьшается, и въ такомъ же отношеніи увеличивается или уменьшается число браковъ, то число умирающихъ, сравнительно съ числомъ раждающихся, и число браковъ, сравнительно съ числомъ раждающихся, и умирающихъ, не будутъ выражать того, что они прежде выражали, такъ какъ факты, внесенные въ книги, какъ одновременные, въ дѣйствительности вовсе неодновременны.

Но, во первыхъ, очевидно, *нельзя предположить, чтобы смерть была явленіемъ одновременнымъ съ рожденіемъ*. Оба явленія слѣдуетъ считать раздѣленными на промежутокъ времени, равный средней жизни, или, другими словами, среднему возрасту смерти. Поэтому, хотя умершіе изъ всего числа родившихся дѣйствительно внесены въ списки, или будутъ внесены въ нихъ, (предполагая, что выселеній не будетъ), все же родившіеся и умершіе, помѣщенные въ списки, не дадутъ искомой цифры. Только взявъ изъ книгъ умершихъ на разстояніи отъ родившихся, равномъ средней жизни, можно надѣяться, что получишь необходимыя данныя. При такой предосторожности, постоянно будетъ обнаруживаться равенство между раждающимися и умирающими.

Въ вторыхъ, *браки какого либо года никогда не могутъ быть современны рожденіямъ, изъ которыхъ они произошли*. Они раздѣлены между собой промежуткомъ времени, равнымъ среднему брачному возрасту. Если населеніе возрастаетъ, то браки настоящаго года вытекаютъ изъ меньшаго числа рожденій противъ рожденій настоящаго года. Поэтому, число браковъ, сравнительно съ числомъ родившихся въ одномъ и томъ же году, будетъ слишкомъ мало для выраженія относительнаго числа дѣтей, достигающихъ брачнаго возраста. Если же населеніе убываетъ, то случится обратное. Для о-

предѣленія этого относительнаго числа, слѣдуетъ сравнивать число браковъ какого либо года съ числомъ рожденій одного изъ предшествующихъ лѣтъ, въ разстояніи числа, выражающаго средній брачный возрастъ.

Въ третьихъ, *средній брачный возрастъ всегда почти будетъ ближе къ среднему возрасту смерти, чѣмъ къ году рожденія*. Поэтому, годичное число браковъ, сравнительно съ годичнымъ числомъ умершихъ одного и того же года, ближе подходитъ къ дѣйствительному относительному числу дѣтей, достигающихъ брачнаго возраста, чѣмъ число браковъ, сравнительно съ числомъ рожденій*. Число браковъ, сравнительно съ числомъ рожденій, за выключеніемъ вторыхъ и третьихъ браковъ, никогда не выразитъ дѣйствительнаго относительнаго числа дѣтей, достигающихъ брачнаго возраста, если только населеніе не находится въ безусловно неподвижномъ состояніи. И напротивъ того, въ какомъ бы отношеніи ни возрастало или ни убывало населеніе, средній брачный возрастъ можетъ быть равенъ среднему возрасту смерти. Но

* Докторъ Прайсъ справедливо замѣчаетъ (*Observ. on revers, Paym.*, т. I, стр. 269), «что результатъ приращенія, пока послѣднее существуетъ въ какой либо странѣ, состоитъ вообще въ томъ, что приращеніе это *увеличиваетъ* отношеніе ежегоднаго числа браковъ къ числу ежегодно умирающихъ, и *уменьшаетъ* то же отношеніе къ числу ежегодныхъ рожденій, сравнительно съ дѣйствительнымъ отношеніемъ между браками и рожденіями. Послѣднее отношеніе вообще занимаетъ средину между двумя другими, но всегда стоитъ ближе къ первому.» Въ этомъ отношеніи я вполнѣ раздѣляю его мнѣніе; но въ замѣчаніи къ этому параграфу, мнѣ кажется, что онъ заблуждается. Онъ говоритъ, что если плодородіе супружествъ возрастаетъ, (при той же *вѣроятности жизни* и при тѣхъ же *побужденіяхъ къ браку*), то ежегодное число раждающихся и умирающихъ должно возрастать, то и другое—въ отношеніи ежегодныхъ браковъ. Я согласенъ, что отношеніе ежегодно раждающихся увеличится, и въ этомъ отношеніи я сознаю мою ошибку, сдѣланную въ послѣднемъ изданіи, при опроверженіи мнѣнія Г. Прайса; но я настаиваю на предположеніи, что въ данномъ случаѣ отношеніе умирающихъ къ бракамъ можетъ и не увеличиваться.

Причина, почему отношеніе раждающихся къ бракамъ возрастаетъ, заключается въ томъ, что по естественному порядку вещей, рожденія предшествуютъ тѣмъ бракамъ, которымъ они даютъ начало;

въ такомъ случаѣ записанные браки, сравнительно съ современными имъ погребеніями, за вычетомъ вторыхъ и третьихъ браковъ, выражаютъ дѣйствительное относительное число дѣтей, достигающихъ брачнаго возраста *. Вообще же, если населеніе возрастаетъ, то средній брачный возрастъ менѣе средняго возраста смерти. Въ такомъ случаѣ, отношеніе браковъ, сравнительно съ современными имъ погребеніями, болѣе дѣйствительнаго относительнаго числа дѣтей, достигающихъ брачнаго возраста. Для опредѣленія послѣдняго числа, должно сравнить число браковъ за какой либо годъ съ числомъ умершихъ въ одинъ изъ послѣдующихъ годовъ, отстоящихъ отъ него по книгамъ на разность между среднимъ брачнымъ возрастомъ и среднимъ возрастомъ смерти.

Говоря строго, между среднимъ брачнымъ возрастомъ и среднимъ возрастомъ смерти нѣтъ необходимой связи. Въ странѣ, изобилующей средствами существованія, населеніе которой, поэтому, весьма быстро возрастаетъ, средняя жизнь, или, что̀ одно и то же, средній возрастъ смерти, можетъ быть очень

вслѣдствіе чего, увеличеніе ихъ числа должно измѣнять списки рожденій въ болѣе значительной степени, чѣмъ списки рожденій, современныхъ заключеннымъ бракамъ. Но совсѣмъ иное представляютъ списки умершихъ. Средній возрастъ послѣднихъ вообще превышаетъ средній брачный возрастъ. При такомъ условіи, по истеченіи перваго промежутка времени между рожденіемъ и бракомъ, постоянно оказывалось бы, что списки браковъ будутъ болѣе измѣнены увеличившимся числомъ рожденій, чѣмъ списки умершихъ того же года; изъ чего слѣдуетъ, что отношеніе умершихъ къ бракамъ скорѣе уменьшится, чѣмъ увеличится. Вслѣдствіе того, что не было обращено вниманія на то обстоятельство, что средній брачный возрастъ можетъ быть гораздо менѣе средняго возраста смерти, общее заключеніе Прайса въ томъ же замѣчаніи оказывается не совсѣмъ вѣрно.

Прим. автора.

* Замѣтимъ, что такъ какъ всѣ раждающіеся умираютъ, то въ извѣстныхъ случаяхъ умершіе и родившіеся могутъ замѣнять другъ друга. Еслибы мы взяли всѣ внесенныя въ книги погребенія, соотвѣтствующія всѣмъ рожденіямъ за извѣстный періодъ, съ обозначеніемъ женатыхъ и неженатыхъ, то очевидно число умершихъ женатыхъ, сравнительно со всѣми умершими точно выразило бы относительное число родившихся, достигшихъ брачнаго возраста.

Прим. автора.

великъ, а браки заключаться тѣмъ не менѣе весьма рано. Въ такомъ случаѣ число браковъ и число умершихъ въ одинъ и тотъ же годъ, даже по исправленіи вторыхъ и треихъ браковъ, дадутъ слишкомъ большое относительное число дѣтей, доживающихъ до брачнаго возраста. Въ такой странѣ средній возрастъ смерти можетъ быть 40 лѣтъ, между тѣмъ какъ средній брачный возрастъ будетъ всего 20 лѣтъ. Въ такомъ случаѣ, въ сущности довольно рѣдкомъ, разстояніе между бракомъ и смертью было бы равно разстоянію между рожденіемъ и бракомъ.

Если теперь приложить эти замѣчанія къ спискамъ вообще, то мы найдемъ, что они въ рѣдкихъ только случаяхъ могутъ оказать содѣйствіе для точнаго опредѣленія сравнительнаго числа дѣтей, достигающихъ брачнаго возраста, потому что намъ неизвѣстенъ средній брачный возрастъ; тѣмъ неменѣе, они доставятъ намъ полезныя свѣдѣнія въ этомъ отношеніи и отстранятъ множество затрудненій. Мы найдемъ, что вообще въ странахъ, отличающихся большимъ отношеніемъ между числомъ браковъ и числомъ умирающихъ, можно предположить средній брачный возрастъ гораздо менѣе средняго возраста смерти.

По таблицамъ, относящимся къ Россіи, обнародованнымъ Тукомъ, на которыя я ссылался выше, браки относятся къ погребеніямъ, какъ 100 къ 210. Исправивъ ихъ относительно вторыхъ и третьихъ браковъ, то есть, вычтя шестую часть браковъ, отношеніе это обратится въ 100 къ 252. Изъ чего слѣдовало бы, повидимому, заключить, что изъ 252 раждающихся 200 человѣкъ доживаетъ до брачнаго возраста. Трудно повѣрить, чтобы существовала страна съ такими благопріятными условіями для сохраненія здоровья и жизни, въ которой бы изъ 252 раждающихся дѣтей 200 доживало бы до возраста, когда они могутъ жениться. Но если мы сдѣлаемъ предположеніе, довольно вѣроятное, что въ Россіи брачный возрастъ на 15 лѣтъ менѣе средняго возраста смерти, то для полученія относительнаго числа дѣтей, достигающихъ брачнаго возраста, слѣдовало бы сравнить число браковъ въ данный годъ съ числомъ умершихъ въ годъ, отстоя-

щій отъ даннаго на 15 лѣтъ. Положимъ, что родившіеся относятся къ умершимъ, (какъ показано на стр. 311), какъ 183 къ 100, и что смертность равна 1 изъ 50, а ежегодное приращеніе, поэтому, равно $^1/_{60}$ населенія. Слѣдовательно, въ 15 лѣтъ число умирающихъ увеличится на 0,28. Изъ этого получимъ, что число браковъ въ данный годъ къ числу умершихъ черезъ 15 лѣтъ будетъ относиться, какъ 100 къ 322; то есть, изъ 322 родившихся 200 человѣкъ доживаютъ до брачнаго возраста. Отношеніе это довольно согласно съ тѣмъ, что̀ намъ извѣстно объ условіяхъ, благопріятныхъ для здоровья дѣтей въ Россіи, и о раннихъ бракахъ, заключаемыхъ въ этой странѣ. Такъ какъ отношеніе браковъ къ числу раждающихся равно въ ней 100 къ 385, то плодородіе супружествъ, по вышеизложенному вычисленію, выразится отношеніемъ 100 къ 411, то есть, каждое супружество даетъ среднимъ числомъ, считая вторые и третьи браки, 4,11 рожденій.

Таблицы, приведенныя нами въ главѣ о Россіи, вѣроятно не отличаются точностью. Въ нихъ подозрѣваютъ весьма основательно много пропусковъ между родившимися и умершими, особенно между послѣдними. Поэтому, и выведенное изъ нихъ отношеніе для браковъ слишкомъ велико. Но существуетъ и другая причина, увеличивающая это отношеніе. Императрица Екатерина, въ своемъ наказѣ для составленія новаго уложенія, упоминаетъ о странномъ обычаѣ, господствующемъ между русскими крестьянами: они женятъ своихъ сыновей, почти малолѣтнихъ еще, на зрѣлыхъ уже дѣвушкахъ, чтобы избѣгнуть расхода на наемъ служанки, которая помогала бы имъ въ работахъ. Чаще всего случается, говорится въ инструкціи, что эти дѣвушки становятся любовницами отца своего мужа. Съ этой то точки зрѣнія императрица и порицаетъ этотъ обычай. Вслѣдствіе этого обычая, должно значительно увеличиваться число вторыхъ и третьихъ браковъ, а слѣдовательно, и отношеніе браковъ къ записаннымъ рожденіямъ должно переходить за естественные предѣлы.

Въ запискахъ Филадельфійскаго общества * помѣщенъ мемуаръ Бартона, подъ заглавіемъ *Замѣчанія на вѣроятность жизни въ Соединенныхъ штатахъ*, изъ котораго видно, что браки относятся къ рожденіямъ, какъ 1 къ $4^1/_2$. Хотя авторъ принимаетъ отношеніе 1 къ $6^1/_2$, но числа, изъ которыхъ онъ дѣлаетъ выводы, показываютъ только $4^1/_2$. Но такъ какъ отношеніе это дается преимущественно городскимъ населеніемъ, то число представляемыхъ имъ рожденій вѣроятно слишкомъ мало; я полагаю, что мы не сдѣлаемъ большой ошибки, если примемъ отношеніе 1 къ 5, какъ среднее для городскаго и сельскаго населенія. Тотъ же писатель принимаетъ смертность 1 изъ 45; поэтому, если населеніе удваивается каждыя 25 лѣтъ, то отношеніе раждающихся къ населенію будетъ, какъ 1 къ 20. При всѣхъ этихъ предположеніяхъ, отношеніе числа браковъ къ числу умирающихъ было бы, какъ 1 къ $2^2/_9$, а за выключеніемъ вторыхъ и третьихъ браковъ, почти какъ 1 къ 2,7. Безъ всякаго сомнѣнія, трудно предположить, чтобы изъ 27 родившихся 20 человѣкъ достигало брачнаго возраста. Но если брачный возрастъ на 10 лѣтъ меньше средняго возраста смерти, что̀ весьма возможно, то слѣдовало бы сравнить браки даннаго года съ числомъ умершихъ 10 лѣтъ спустя, чтобы опредѣлить дѣйствительное относительное число дѣтей, доживающихъ до брачнаго возраста. Принявъ вышеозначенное приращеніе, число умершихъ за 10 лѣтъ увеличится на 0,3, и мы получили бы, что изъ 351 родившихся дѣтей 200 достигаютъ брачнаго возраста; то есть, 20 изъ 35, вмѣсто 20 изъ 27 *. Сравнивъ

* *Transac. te Soc. at Philadelphia*, т. III, стр. 25.

* Если отношенія, представляемыя Бартономъ, вѣрны, то средняя жизнь въ Америкѣ гораздо менѣе, чѣмъ въ Россіи. Вотъ почему я взялъ только 10 лѣтъ различія между брачнымъ возрастомъ и возрастомъ смерти, тогда какъ для Россіи я принялъ его въ 15 лѣтъ. Способъ, предложенный докторомъ Прайсомъ (т. I, стр. 272) для опредѣленія средней жизни въ странахъ съ возрастающимъ населеніемъ, даетъ для Россіи около 38 лѣтъ (такъ какъ въ ней раждается 1 на 26, а умираетъ 1 изъ 50, то среднее отношеніе будетъ 1 къ 38). Принявъ, поэтому, брачный возрастъ въ 23 года, различіе между обоими будетъ 15 лѣтъ. На основаніи тѣхъ же законовъ, средняя жизнь въ Америкѣ будетъ всего $32^1/_2$ года (такъ такъ въ ней раждается 1 на 20, а умираетъ 1 изъ 45, то среднее отношеніе будетъ 1 къ $32^1/_2$).

число браковъ съ числомъ рожденій, бывшихъ черезъ 4 года, какъ это установлено нами выше, мы получимъ 5,58 для выраженія плодородія супружествъ. Вычисленія Бартона относительно возраста, котораго достигаетъ половина всѣхъ раждающихся дѣтей, не могутъ быть приложены вообще ко всей Америкѣ. Вычисленія эти основаны на метрикахъ Филадельфіи и одного или двухъ мѣстечекъ или селъ, которыя отличаются, повидимому, менѣе здоровыми условіями, чѣмъ европейскіе города средней величины, и потому, не могутъ дать понятія объ общемъ состояніи страны.

Въ Англіи среднее отношеніе браковъ къ рожденіямъ, въ послѣднее время было, повидимому, почти какъ 100 къ 350. Я принималъ въ $^1/_6$ пропуски, сдѣланные въ числѣ родившихся и умершихъ, но въ настоящемъ случаѣ я приму ихъ въ $^1/_7$, выключая часть рожденій, невытекающихъ изъ брака, то есть, незаконнорожденныхъ. Поэтому, число браковъ будетъ относиться къ числу рожденій, какъ 1 къ 4, а къ числу умирающихъ, какъ 1 къ 3 *. По выключеніи вторыхъ и третьихъ браковъ, отношеніе числа браковъ къ числу умирающихъ будетъ 1 къ 3,6. Предположивъ, что въ Англіи брачный возрастъ на 7 лѣтъ менѣе средняго возраста смерти, число умершихъ за 7 лѣтъ увеличится, при настоящемъ приращеній населенія, составляющемъ $^1/_{120}$ въ годъ, на 0,6. Поэтому, относительное число дѣтей, достигающихъ брачнаго возраста, можетъ быть принято какъ 200 къ 381, или немного болѣе половины **. По сравненіи числа браковъ съ числомъ рожденій спустя 4 года, мы получимъ для плодородія супружествъ 4,136.

Положимъ теперь что средній брачный возрастъ въ ней $22^1/_2$ года, различіе между нимъ и возрастомъ смерти будетъ 10 лѣтъ.

Прим. автора.

* Это прилагается къ состоянію населенія до 1800. Прим. автора.

** Если отношеніе для раждающихся 1 къ 30, а для умирающихъ 1 къ 40, то среднее отношеніе будетъ 1 къ 35. Если предположить брачный возрастъ въ 28 лѣтъ, то различіе между нимъ и среднимъ возрастомъ смерти, то есть, 35 годами, будетъ 7 лѣтъ. Что же касается до поправокъ, предложенныхъ, какъ здѣсь, такъ и въ предъидущей главѣ, относительно пропусковъ въ числѣ записанныхъ рожденій и погребеній, то я долженъ сознаться, что не имѣлъ въ этомъ случаѣ никакихъ вѣрныхъ данныхъ; поэтому, поправки эти гадательны и, быть можетъ, я приложилъ большее число, чѣмъ слѣдовало бы. Но и допустивъ это, смертность оказывается все таки слишкомъ малой для страны, находящейся въ такихъ условіяхъ, какъ Англія. Какъ бы то ни было, замѣтимъ, что для странъ, въ которыхъ приращеніе населенія не слѣдуетъ одному и тому же закону, ежегодная смертность представляетъ крайне ненадежный способъ для опредѣленія ихъ сравнительной здоровости. Если приращеніе идетъ быстро, то часть населенія, ежегодно уносимая смертью, весьма различна отъ средней жизни, какъ это ясно обнаруживается только что упомянутыми таблицами Россіи и Америки. Такъ какъ въ послѣднее время приращеніе населенія шло быстрѣе въ Англіи, чѣмъ во Франціи, то это обстоятельство, безъ сомнѣнія, оказывало нѣкоторое вліяніе на значительную разность, замѣченную въ ежегодной смертности обѣихъ этихъ странъ. Прим. автора.

* Нетрудно замѣтить всю шаткость и сомнительность выводовъ, получаемыхъ на основаніи этихъ сложныхъ пріемовъ, предлагаемыхъ авторомъ. Мнѣ кажется, что одинъ статистическій пріемъ, безъ содѣйствія естественныхъ и физіологическихъ условій человѣческаго организма, недостаточенъ для рѣшенія этого интереснаго и важнаго вопроса. Вотъ почему, пріемъ, употребленный и указанный г. Чернышевскимъ, въ его коментаріяхъ къ *Основаніямъ политической экономіи Милля*, и вкратцѣ приведенный въ моемъ этюдѣ о Мальтусѣ, еслибы даже въ немъ оказались ошибки, все же есть единственно возможный и раціональный для рѣшенія вопроса о плодовитости супружествъ. Рус. перев.

Этихъ примѣровъ достаточно для объясненія, какимъ образомъ слѣдуетъ пользоваться вышеизложенными правилами при опредѣленіи, на основаніи списковъ, съ одной стороны, плодородія супружествъ, а съ другой — относительнаго числа дѣтей, достигающихъ брачнаго возраста *.

Считаемъ нелишнимъ замѣтить, какое важное значеніе имѣетъ поправка, основанная на числѣ вторыхъ и третьихъ супружествъ. Если предположить, что каждое супружество даетъ 4 рожденія и что число рожденій равно числу умирающихъ, то при такомъ предположеніи половина раждающихся достигала бы брачнаго возраста. Но если для вторыхъ и третьихъ супружествъ выключить $^1/_6$ всѣхъ записанныхъ браковъ,

*

и затѣмъ, полученное число сравнить съ суммой всѣхъ умершихъ, то отношеніе обращается въ 1 къ $4^4/_5$, а вмѣсто половины, достаточно чтобы изъ числа $4^4/_5$ только двое родившихся достигало брачнаго возраста. На томъ же основаніи, еслибы рожденія относились къ бракамъ, какъ 4 къ 1, и ровно половина дѣтей достигала бы брачнаго возраста, то съ перваго взгляда показалось бы, что населеніе должно быть въ неподвижномъ состояніи. Но если сначала вычесть $^1/_6$ браковъ, и затѣмъ положить, что погребенія относятся къ бракамъ, какъ 4 къ 1, то мы нашли бы, что умирающіе относятся къ вступающимъ въ бракъ, какъ $3^1/_3$ къ 1; а раждающіеся относились бы къ умирающимъ, какъ 4 къ $3^1/_3$ или какъ 12 къ 10, что̀ обозначало бы довольно быстрое приращеніе.

Замѣтимъ еще, что такъ какъ въ новый бракъ вступаетъ гораздо болѣе вдовцевъ, чѣмъ вдовъ, то для опредѣленія числа раждающихся мальчиковъ, достигающихъ брачнаго возраста, слѣдовало бы вычитать изъ числа браковъ $^1/_5$ вмѣсто $^1/_6$ *. Послѣ такой поправки, если супружества даютъ 4 ребенка, то для поддержанія населенія достачно было бы, чтобы изъ 5 дѣтей только 2 доживало до брачнаго возраста. Если же каждое супружество даетъ 5 дѣтей, то для той же цѣли достаточно было бы менѣе третьей части мальчиковъ, которые бы достигали брачнаго возраста. При другихъ предположеніяхъ, нетрудно сдѣлать соотвѣтствующее имъ вычисленіе. При опредѣленіи отношенія числа мальчиковъ, достигающихъ брачнаго возраста, слѣдовало бы тоже обратить вниманіе на большее число мальчиковъ, записываемыхъ въ метрики.

Три, повидимому, причины оказываютъ дѣйствительное вліяніе на перевѣсъ раждающихся надъ умирающими: 1) плодо-

* Въ Помераніи на 28,473 брака приходилось 5,964 вдовцевъ (Süssmilch, т. I, стр. 98). По мнѣнію Бушинга, въ Пруссіи и Силезіи на 14,759 браковъ приходилось 3,071 вдовцевъ. По вычисленію Мюре, вообще 100 мужчинъ вступаютъ въ бракъ съ 110 женщинами. (*Mém. de la Soc. économ. de Berne*, pour 1766, ч. I, стр. 30).

Прим. автора.

родіе супружествъ; 2) относительное число дѣтей, достигающихъ брачнаго возраста; 3) ранновременность браковъ, сравнительно съ среднею жизнью, или, другими словами, непродолжительность періода со дня рожденія до брачнаго возраста, сравнительно съ періодомъ со дня рожденія до смерти. Послѣднюю изъ этихъ причинъ Прайсъ кажется не принималъ въ соображеніе; ибо, хотя онъ основательно замѣчаетъ, что приращеніе, при одинакомъ плодородіи, зависитъ отъ поощренія браковъ и отъ вѣроятности жизни для раждающихся дѣтей, но говоря это, онъ смотритъ, повидимому, на увеличеніе вѣроятности жизни, только съ точки зрѣнія на нее, какъ на условіе, измѣняющее число людей, достигающихъ зрѣлаго возраста и вступающихъ въ бракъ, но не измѣняющее, кромѣ того, промежутокъ между брачнымъ возрастомъ и возрастомъ смерти. А между тѣмъ, очевидно, что если существуетъ приращеніе населенія, то оно вызывается тѣмъ, что каждое существующее супружество производитъ въ слѣдующемъ поколѣніи болѣе одного супружества, считая вторые и третьи браки. Чѣмъ быстрѣе будутъ смѣнятся брачныя поколѣнія, сравнительно съ продолжительностью ихъ, прерываемою смертью, тѣмъ быстрѣе будетъ и приращеніе населенія.

Какая либо благопріятная перемѣна въ одной изъ этихъ причинъ, при неизмѣняемости двухъ остальныхъ, не можетъ остаться безъ вліянія на населеніе и не увеличить избытка родившихся надъ умершими, который и обнаружится списками. Что же касается до первыхъ двухъ причинъ, то онѣ оказываютъ такое же дѣйствіе на отношеніе раждающихся къ умирающимъ, такъ какъ возрастая, та и другая въ то же время увеличиваютъ это отношеніе; но на отношеніе браковъ къ раждающимся онѣ оказываютъ противуположное дѣйствіе. Чѣмъ плодовитѣе браки, тѣмъ болѣе отношеніе раждающихся къ умирающимъ; но чѣмъ большее число дѣтей достигаетъ брачнаго возраста, тѣмъ менѣе отношеніе раждающихся къ бракамъ *. Стало быть, если плодородіе браковъ и число людей,

* Докторъ Прайсъ самъ настаиваетъ на этомъ (т. I, стр. 270); а между тѣмъ, на стр. 275 говоритъ, что здоровость и плодородіе суть

достигающихъ брачнаго возраста, возрастаютъ одновременно въ опредѣленныхъ границахъ, то можетъ случиться, что отношеніе рожденій къ бракамъ, доставляемое книгами, останется неизмѣннымъ. Вотъ почему списки различныхъ странъ бываютъ иногда сходны по числу раждающихся и вступающихъ въ бракъ, между тѣмъ какъ населеніе ихъ возрастаетъ по современно различнымъ законамъ.

Говоря строго, *отношеніе рожденій къ бракамъ вовсе не представляетъ возможности судить о законѣ размноженія народонаселенія*. Населеніе страны можетъ находиться въ неподвижномъ состояніи или уменьшаться, между тѣмъ какъ это отношеніе будетъ 5 къ 1; и напротивъ того, оно можетъ быстро возрастать при отношеніи 4 къ 1. Если мы получили приращеніе населенія на основаніи другихъ данныхъ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что мы встрѣтимъ въ спискахъ большое отношеніе рожденій къ бракамъ; скорѣе можно ожидать, что оно будетъ невелико, ибо, чѣмъ оно меньше, тѣмъ больше людей достигаетъ брачнаго возраста, и

причины приращенія населенія, рѣдко дѣйствующія отдѣльно; въ доказательство, онъ указываетъ на списки раждающихся и вступающихъ въ бракъ. Но хотя и не подлежитъ сомнѣнію, что обѣ эти причины могутъ дѣйствовать совокупно, если только доводы доктора Прайса основательны, то подобное совокупное дѣйствіе нельзя вывести изъ списковъ рожденій и браковъ. И дѣйствительно, обѣ страны (Франція и Швеція), на книгахъ которыхъ онъ основываетъ доказательство плодородія супружествъ, вовсе не пользуются особенною здоровостью. А городскія книги, которыя, по его мнѣнію, указываютъ на недостатокъ плодородія, подтверждаютъ въ то же самое время условія, благопріятныя для здоровья, такъ что ихъ нельзя было приводить одновременно въ доказательство того и другаго. Общій фактъ, который старается доказать докторъ Прайсъ, можетъ оставаться вѣрнымъ, а именно, что *деревни въ одно и то же время и здоровые, и плодовитые городовъ*; но фактъ этотъ очевидно не можетъ быть выведенъ непосредственно изъ книгъ рожденій и браковъ. Что касается до различныхъ мѣстностей Европы, то вообще мы находимъ, что *самыя здоровыя отличаются наименьшею плодовитостью* и что *менѣе всего здоровыя суть болѣе всего плодовитыя*. Причина этого явленія въ нездоровыхъ странахъ состоитъ очевидно въ раннихъ бракахъ. Прим. автора.

потому, тѣмъ страна здоровѣе или благопріятнѣе для сохраненія жизни.

Кромъ говоритъ *, что если въ странѣ каждое супружество даетъ менѣе 4 рожденій, то населеніе находится въ весьма ненадежномъ положеніи, и опредѣляетъ плодородіе супружествъ отношеніемъ между ежегодными рожденіями и ежегодными браками. Еслибы выводъ, основанный на подобномъ вычисленіи, былъ вѣренъ, то населеніе многихъ европейскихъ странъ находилось бы дѣйствительно въ крайне ненадежномъ положеніи, ибо во многихъ изъ нихъ отношеніе рожденій къ бракамъ, непосредственно выведенное изъ книгъ, менѣе 4 къ 1. Я показалъ, какія слѣдуетъ сдѣлать поправки для полученія точнаго выраженія плодовитости супружествъ. Если относительное число людей, достигающихъ брачнаго возраста очень велико, если брачный возрастъ значительно менѣе средней жизни, то отношеніе числа родившихся къ числу браковъ, какъ 4 къ 1, представляемое списками, вполнѣ согласно съ быстрымъ приращеніемъ населенія. Въ Россіи отношеніе рожденій къ бракамъ менѣе 4 къ 1; а между тѣмъ, населеніе возрастаетъ въ этой странѣ быстрѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было другой европейской странѣ. Въ Англіи населеніе возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ во Франціи **, между тѣмъ какъ въ Англіи отношеніе рожденій къ бракамъ, принимая

* *Ueber die Bevölkerung der Europ. Staat.*, стр. 91.

** Размноженіе населенія можетъ считаться желательнымъ въ такомъ только случаѣ, когда оно сопровождается возрастаніемъ средствъ существованія. Предположивъ приращеніе того и другихъ въ двухъ странахъ при равно благопріятныхъ условіяхъ, разумѣется, небезъинтересно сравнить размноженіе населенія въ обѣихъ этихъ странахъ. Но ненадежность данныхъ можетъ породить въ этомъ отношеніи сомнѣніе въ точности выводовъ. Авторъ говоритъ въ этой главѣ, что ежегодное приращеніе населенія въ Англіи составляетъ въ настоящее время $^1/_{120}$. Я не знаю, на какихъ данныхъ можно было бы вывести приращеніе населенія во Франціи. Насколько можно довѣриться обнародованнымъ статистическимъ отчетамъ, мы видѣли, что въ пятнадцать лѣтъ, съ 1785 по 1800 (соотвѣтствующій IX году) приращеніе было нѣсколько болѣе чѣмъ на $^1/_9$ прежняго населенія. Ежегодное приращеніе на $^1/_{120}$ дало бы впродолженіи 15 лѣтъ больше.

въ разсчетъ пропуски, какъ 4 къ 1, а во Франціи *, какъ $4^1/_2$ къ 1. Въ сущности, чтобы вызвать такое быстрое приращеніе, какое существуетъ въ Америкѣ, необходимо одновременное дѣйствіе весьма многихъ благопріятныхъ условій; а если плодородіе супружествъ доходитъ до чрезвычайной степени, то отношеніе рожденій къ бракамъ необходимо должно быть больше 4 къ 1. Но въ обыкновенныхъ случаяхъ, когда сила размноженія сдерживается въ извѣстныхъ границахъ, разумѣется, бо̀льшаго предпочтенія заслуживаетъ приращеніе, вызываемое здоровьемъ молодыхъ людей и, вслѣдствіе этого, увеличеніемъ числа лицъ, достигающихъ брачнаго возраста, чѣмъ приращеніе, основанное на большей плодовитости супружествъ, сопровождающейся и большей смертностью. Поэтому, при обыкновенныхъ условіяхъ, отношеніе рожденій къ бракамъ, равное или меньшее 4 къ 1, не можетъ считаться признакомъ неблагопріятнымъ для размноженія населенія.

Если бо̀льшая часть всѣхъ раждающихся въ какой либо странѣ достигаетъ брачнаго возраста, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что браки заключаются въ ней рано, или что предупреждающія препятствія не дѣйствуютъ въ ней съ значительной силой. Въ странахъ, подобно Швейцаріи и Норвегіи, въ которыхъ половина раждающихся доживаетъ до 40 лѣтняго возраста, еслибы даже число людей, достигающихъ брачнаго

Ибо, не вычисляя даже приращенія на основаніи сложнаго процента, очевидно что 15, помноженные на $^1/_{120}$, даютъ $^1/_8$, то есть, болѣе чѣмъ $^1/_9$. Я не могу сказать, до какой степени можно опереться на эти данныя, и приложить ихъ къ обѣимъ странамъ. Но въ настоящемъ своемъ видѣ онѣ подтверждаютъ положеніе автора.

Фран. перев.

* Въ пятилѣтіе между переписями 1841 и 1846 ежегодное приращеніе составляло не болѣе $^1/_{190}$ всего населенія. Гарнье.

По переписямъ 1851 и 1856 приращеніе еще болѣе уменьшилось, и въ настоящее время населеніе Франціи неподвижно, между тѣмъ какъ населеніе Англіи находится въ поступательномъ движеніи, и составляетъ ежегодную прибыль для Англіи 1,13, для Валиса 0,91, для Шотландіи 0,87%, а для Ирландіи безпримѣрную убыль въ 1,91%.

Рус. перев.

возраста, нѣсколько превышало половину всѣхъ раждающихся, все же значительное число людей между 20 и 40 лѣтнимъ возрастомъ проводило бы жизнь внѣ брака, и предупреждающія препятствія дѣйствовали бы съ большою энергіей. Въ Англіи вѣроятно половина раждающихся переходитъ за 35 лѣтній возрастъ; и хотя число людей, достигающихъ брачнаго возраста, нѣсколько больше половины всѣхъ раждающихся, предупреждающія препятствія могутъ дѣйствовать, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ, съ значительною силой, хотя и меньшей, чѣмъ въ Норвегіи и Швейцаріи.

Вліяніе предупреждающихъ условій обозначается скорѣе меньшимъ отношеніемъ раждающихся ко всему населенію. Отношеніе ежегодныхъ браковъ ко всему населенію можетъ служить надежнымъ признакомъ только для странъ, находящихся въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ: но на него нельзя положиться, какъ только существуетъ различіе въ плодородіи супружествъ, или въ относительномъ числѣ людей, недостигающихъ брачнаго возраста, или же въ процентѣ приращенія населенія. Если въ какой либо странѣ всѣ супружества, все равно, многочисленныя или малочисленныя, заключаются очень молодыми людьми и, по тому самому, плодовиты, то, для полученія того же отношенія для раждающихся, понятно, что потребуется меньше браковъ, или что при томъ же количествѣ браковъ, получится большее отношеніе для раждающихся. Послѣдній случай можетъ, повидимому, быть приложенъ къ Франціи, въ которой раждается и умираетъ больше чѣмъ въ Швеціи, хотя отношеніе браковъ въ обѣихъ одинаково. И если, при сравненіи двухъ странъ, мы находимъ, что въ одной болѣе, чѣмъ въ другой, людей, недостигающихъ брачнаго возраста, сравнительно съ ихъ населеніемъ, то нетрудно понять, что одно и то же отношеніе ежегодныхъ браковъ ко всему населенію вовсе не говоритъ въ пользу одинакаго дѣйствія въ обѣихъ странахъ предупреждающихъ препятствій на людей, достигшихъ брачнаго возраста.

Большее число браковъ въ городахъ, чѣмъ въ деревняхъ, объясняется отчасти сравнительно меньшимъ въ нихъ числомъ

людей, недостигающихъ брачнаго возраста, отчасти наплывомъ пришлаго населенія, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что въ городахъ предупреждающія условія дѣйствуютъ съ большею силой. Неменѣе справедливо и обратное-положеніе; вслѣдствіе чего, въ странѣ, въ которой, какъ въ Америкѣ, половина населенія не достигаетъ 16 лѣтняго возраста, отношеніе ежегоднаго числа браковъ вовсе не служитъ надежнымъ признакомъ малаго дѣйствія предупреждающихъ препятствій.

Но если идти отъ предположенія, что женщины всѣхъ почти странъ одарены почти одинаковой естественной плодовитостью, то меньшее отношеніе раждающихся можетъ служить довольно точнымъ указателемъ дѣйствія предупреждающихъ препятствій, будутъ ли состоять послѣднія въ отсрочкѣ браковъ, и вслѣдствіе этого, въ уменьшеніи плодородія супружествъ, или въ значительномъ увеличеніи числа людей, умирающихъ внѣ брака, хотя и достигнувшихъ брачнаго возраста.

Читателю, быть можетъ, интересно бросить общій взглядъ на законъ размноженія народонаселенія и на періодъ удвоенія послѣдняго, при данномъ отношеніи раждающихся къ умирающимъ или при данномъ отношеніи тѣхъ и другихъ ко всему населенію. Поэтому, я привожу двѣ таблицы Зюсмильха, вычисленныя Эйлеромъ, которыя заслуживаютъ, по моему мнѣнію, полнѣйшаго довѣрія. Первая выведена при отношеніи для смертности, какъ 1 изъ 36, и поэтому, можетъ быть приложена только къ странамъ, въ которыхъ умираетъ 1 изъ 36 человѣкъ населенія. Другая, общая, выведена изъ одного только отношенія избытка раждающихся надъ умирающими ко всему населенію. Вслѣдствіе этого, она можетъ быть приложена ко всѣмъ странамъ, какова бы ни была ихъ смертность *.

* Просимъ читателя припомнить оцѣнку, какъ этихъ таблицъ, такъ и выводовъ, какіе можно сдѣлать изъ нихъ, приведенную въ этюдѣ о Мальтусѣ и его теоріи, приложенномъ къ настоящему сочиненію. Рус. перев.

Можно замѣтить, что при данномъ отношеніи раждающихся къ умирающимъ, чѣмъ больше смертность, тѣмъ короче періодъ удвоенія населенія. Это происходитъ отъ того, что при такомъ предположеніи, одновременно съ числомъ умирающихъ, возрастаетъ и число раждающихся. Тѣ и другіе находятся ко всему населенію въ большемъ отношеніи, чѣмъ было бы при меньшей смертности, и потому, большее число людей достигаетъ брачнаго возраста.

Въ Россіи, по вычисленію Тука, смертность составляетъ 1 изъ 58, а отношеніе для раждающихся, какъ 1 къ 26. Если, принявъ въ соображеніе пропуски въ спискахъ умершихъ, мы возьмемъ для смертности отношеніе 1 къ 52, то раждающіеся будутъ относиться къ умирающимъ, какъ 2 къ 1, а отношеніе избытка раждающихся надъ умирающими ко всему населенію будетъ, какъ 1 къ 52 *. По таблицѣ II, періодъ удвоенія будетъ въ такомъ случаѣ 36 лѣтъ. Но если, при томъ же отношеніи раждающихся къ умирающимъ, какъ 2 къ 1, предположить, что смертность будетъ 1 изъ 36, какъ въ таблицѣ I, то избытокъ раждающихся надъ умирающими будетъ относиться ко всему населенію, какъ 1 къ 36, а періодъ удвоенія составитъ всего 25 лѣтъ **.

* Числа эти отличаются отъ отношеній, выведенныхъ изъ таблицы, приложенной Тукомъ ко 2-му изданію своего сочиненія. Мы отдали имъ предпочтеніе, потому что они болѣе пригодны для разъясненія вопроса. Прим. автора.

** По обнародованіи, въ 1805, обширныхъ извлеченій изъ сочиненія Мальтуса (помѣщенныхъ въ т. 28, 29 и 30 *Bibliothèque Britanique*), я напечаталъ (въ томъ же сборникѣ, т. 31, стр. 169) замѣтку объ отношеніи между числомъ браковъ и числомъ раждающихся. Въ замѣткѣ я старался установить основанія для этого вопроса. Въ то время Мальтусъ не подвергалъ еще этого вопроса глубокому изслѣдованію. Его четвертое изданіе несравненно выше въ этомъ отношеніи втораго, надъ которымъ я въ то время работалъ. Послѣ 4-го изданія, Мальтусъ, узнавъ о существованіи моей замѣтки, писалъ мнѣ, что онъ принялъ ее во вниманіе, и я съ удовольствіемъ узналъ, что онъ нашелъ ее согласной съ результатами собственныхъ своихъ, вторичныхъ соображеній. «Прочитавъ вашу замѣтку по этому вопросу, говоритъ онъ, я нашелъ, что сдѣланныя мною исправленія основаны почти на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ и вы настаива-

Таблица I.

При населеніи какой либо страны въ 103,000 душъ и при смертности 1 изъ 36,

Если число родивш., относится къ умерш., какъ 10 къ:	То избытокъ родившихся будетъ:	Отношеніе избытка родивш. надъ умерш. ко всему населенію, будетъ какъ 1 къ:	Стало быть, періодъ удвоенія населенія будетъ:
11	277	360	250 лѣтъ.
12	555	180	125
13	833	120	$83^1/_2$
14	1,110	90	$62^3/_4$
15	1,388	72	$50^1/_4$
16	1,666	60	42
17	1,943	51	$35^2/_3$
18	2,221	45	$31^2/_3$
19	2,499	40	28
20	2,777	36	$25^3/_{10}$
22	3,332	30	$21^1/_8$
25	4,165	24	17
30	5,554	18	$12^4/_5$

те.» Такой отзывъ и весьма незначительный объемъ моей замѣтки побуждаютъ меня привести ее въ настоящемъ мѣстѣ. Значеніе ея состоитъ въ томъ, что она устанавливаетъ безошибочныя, для рѣшенія настоящаго вопроса, правила, которыя могутъ, поэтому, служить точкой опоры при такого рода изслѣдованіяхъ.

Замѣтка объ отношеніи браковъ къ раждающимся.

1. Представимъ себѣ островъ, населенный всего одною парой, и предположимъ, что въ немъ не бываетъ ни выселеній, ни вселеній, ни незаконныхъ рожденій; будемъ записывать на немъ всѣ рожденія и браки за опредѣленный періодъ. Сверхъ того, прослѣдимъ и запишемъ всѣ рожденія, данныя послѣдними браками, заключенными въ данномъ періодѣ: очевидно, что число всѣхъ рожденій, раздѣленное на число браковъ, дастъ среднее число рожденій на каждое супружество.

2. Удержимъ всѣ означенныя предположенія, за исключеніемъ послѣднихъ браковъ, оставивъ въ сторонѣ данныя ими рожденія. Въ такомъ случаѣ, если удвоить число браковъ и полученное число взять дѣлителемъ, а дѣлимымъ число всѣхъ родившихся, то частное выразитъ отношеніе всѣхъ вступившихъ въ бракъ къ числу всѣхъ родившихся. Поэтому, разность между ними покажетъ отношеніе брач-

Таблица II.

Отношеніе избытка ражд. надъ умир. ко всему населенію, какъ 1 къ:	Періодъ удвоенія населенія въ число лѣтъ:	Отношеніе избытка ражд. надъ умир. ко всему населенію, какъ 1 къ:	Періодъ удвоенія населенія въ число лѣтъ:
10	7,2722	110	76,5923
11	7,9659	120	83,5238
12	8,6595	130	90,4554
13	9,3530	140	97,3868
14	10,0465	150	104,3183
15	10,7400	160	111,2598
16	11,4333	170	118,1813
17	12,1266	180	125,1128
18	12,8200	190	132,0443
19	13,5133	200	138,9757
20	14,2066		
21	14,9000	210	145,9072
22	15,5932	220	152,8387
23	16,2864	230	159,7702
24	16,9797	240	166,7017
25	17,6729	250	173,6332
26	18,3662	260	180,5647
27	19,0594	270	187,4961
28	19,7527	280	194,4275
29	20,4458	290	201,3590
30	21,1391	300	208,2905
32	22,5255	310	215,2220
34	23,9119	320	222,1535
36	25,2983	330	229,0850
38	26,6847	340	236,0164
40	28,0711	350	242,9479
42	29,4574	360	249,8794
44	30,8438	370	256,8109
46	32,2302	380	263,7425
48	33,6165	390	270,6740
50	35,0029	400	277,6055
55	38,4687	410	284,5370
60	41,9345	420	291,4685
65	45,4003	430	298,4000
70	48,8661	440	305,3314
75	52,3318	450	312,2629
80	55,7977	460	319,1943
85	59,2634	470	326,1258
90	62,7292	480	333,0573
95	66,1950	490	339,9888
100	69,6607	500	346,9202
		1,000	693,4900

ныхъ къ безбрачнымъ (считая въ числѣ послѣднихъ, какъ умершихъ въ дѣтствѣ, такъ и взрослыхъ холостыхъ людей).

ГЛАВА XII.—Вліяніе повальныхъ болѣзней на списки раждающихся, умирающихъ и вступающихъ въ бракъ.

Прекрасныя таблицы смертности, составленныя Зюсмильхомъ за періоды въ 50 или 60 лѣтъ, ясно показываютъ, что всѣ европейскія страны подвергаются періодическому возвра-

---

3. Пусть будетъ теперь дано населеніе, въ которомъ за извѣстный періодъ времени велись списки всѣхъ рожденій и заключенныхъ браковъ. Если взять изъ списковъ среднее число ежегодныхъ рожденій и среднее число ежегодныхъ браковъ, и раздѣлить первое на второе, то для заключенія о среднемъ числѣ рожденій для каждаго супружества, придется сдѣлать двѣ поправки: первая будетъ состоять въ предварительномъ исключеніи изъ числа рожденій всѣхъ дѣтей, родившихся отъ браковъ, уже существовавшихъ въ ту эпоху, въ которую началось вычисленіе; другая—въ предварительномъ присовокупленіи къ числу рожденій всѣхъ дѣтей, родившихся послѣ того года, которымъ кончается періодъ, принятый для вычисленія.

4. Если сдѣлать то же самое для полученія отношенія женатыхъ къ холостымъ, то придется сдѣлать одну поправку. Ибо, при началѣ вычисляемаго періода, люди, вступающіе въ бракъ, родились въ то время, когда рожденія еще не записывались; поэтому, нельзя знать, какую часть одновременно родившихся составляютъ эти люди. Но если предположить, что въ эпоху, предшествовавшую той, въ которую заведены были списки, существовали въ этомъ отношеніи тѣ же условія, то поправка становится безполезной.—Что же касается до конца періода, то нѣтъ необходимости въ поправкѣ, если не предположить, что я не могу знать будущаго, и не смѣю утверждать, что поколѣніе, родившееся въ концѣ періода, пойдетъ по слѣдамъ предшествовавшихъ поколѣній. Но я полагаю, что ни одинъ изслѣдователь не станетъ утверждать что либо подобное.

Другъ мой Одье, профессоръ медицины въ Женевѣ, много занимавшійся этимъ предметомъ, предложилъ способъ опредѣлять плодородіе супружествъ на основаніи числа заключенныхъ браковъ, родившихся и умершихъ (См. *Bibl. Brit. littér.*, т. 31, стр. 181). Мальтусъ, познакомившись съ этимъ способомъ, нашелъ его пригоднымъ въ такомъ только случаѣ, когда средній брачный возрастъ совершенно равенъ среднему возрасту смерти. Я сообщилъ объ этомъ возраженіи Одье. Поразмысливъ, онъ согласился съ нимъ; и такъ какъ рѣдко должно случаться, чтобы брачный возрастъ не былъ на

щенію годовъ, отличающихся болѣзнями и останавливающихъ размноженіе населенія. Весьма немногія изъ странъ не знаютъ тѣхъ ужасныхъ и опустошительныхъ заразъ, которыя разъ или два раза въ столѣтіе похищаютъ четверть или треть ихъ населенія. Вліяніе этихъ убійственныхъ годовъ на отношенія раждающихся, умирающихъ и вступающихъ въ бракъ ясно вытекаетъ изъ таблицъ, составленныхъ для Пруссіи и Литвы съ 1692 по 1757 годъ *.

нѣсколько лѣтъ короче средняго возраста жизни, то изъ этого слѣдуетъ, что плодородіе супружествъ, опредѣленное по его способу, должно оказаться болѣе дѣйствительнаго.

Способъ Одье состоитъ въ слѣдующемъ: должно помножить отношеніе родившихся къ умершимъ на отношеніе родившихся къ бракамъ. Частное полученнаго отношенія выразитъ среднее число дѣтей для каждаго супружества.

Что касается до способа Мальтуса, состоящаго въ раздѣленіи на число браковъ даннаго года числа родившихся въ годъ, слѣдующій за нимъ черезъ $3^3/_4$ года, то Одье сдѣлалъ замѣчаніе, которое я привожу, припомнивъ предварительно слова, къ которымъ оно относится. Мальтусъ говоритъ слѣдующее: «Если населеніе какой либо страны возрастаетъ правильно, если числа раждающихся, умирающихъ и вступающихъ въ бракъ находятся въ постоянномъ отношеніи, какъ между собою, такъ и ко всему населенію, въ два равные періода, раздѣленные извѣстнымъ числомъ лѣтъ, то можно быть увѣреннымъ, что число всѣхъ родившихся въ одномъ относится къ числу всѣхъ родившихся въ другомъ, какъ числа ежегодныхъ рожденій обоихъ періодовъ, если мы возьмемъ для сравненія два соотвѣтствующіе года, то есть, два года, взятые, одинъ въ первомъ періодѣ, а другой во второмъ, находящіеся одинъ отъ другаго въ разстояніи, равномъ разстоянію, раздѣляющему самые періоды.» На это Одье замѣчаетъ, что «подобное предположеніе невозможно и никогда не можетъ быть приложимо, ибо повальныя болѣзни постоянно измѣняютъ по временамъ и неправильнымъ образомъ отношеніе умирающихъ къ раждающимся, къ бракамъ и ко всему населенію; такъ что нѣтъ возможности избрать какой либо годъ періода за типическій.»

Возраженіе свое онъ считалъ весьма вѣскимъ, и изъ всего этого дѣлалъ такое заключеніе, что *единственный вѣрный способъ опредѣлить среднее плодородіе супружествъ состоитъ въ точномъ обозначеніи въ спискахъ умершихъ всего числа дѣтей, умершихъ или оставшихся въ живыхъ, отъ каждой замужней женщины или вдовы.*

* Süssmilch, *Göttliche Ordnung*, т. I, табл. XXI, стр. 83.

Таблица III.

Средняя годовая.	Браки.	Родившіеся.	Умершіе.	Отношеніе браковъ къ рожденіямъ.	Отношеніе умершихъ къ родившимся.
За 5 л. до 1697	5,747	19,715	14,862	10 : 34	100 : 132
5 1702	6,070	24,112	14,474	10 : 39	100 : 165
6 1708	6,082	26,896	16,430	10 : 44	100 : 163
Въ 1709 и 1710	Чума	Неизвѣст.	247,733	—	—
Въ 1711	12,028	32,522	10,131	10 : 27	100 : 320
Въ 1712	6,267	22,970	10,445	10 : 36	100 : 220
За 5 л. до 1716	4,968	21,603	11,984	10 : 43	100 : 180
5 1721	4,324	21,396	12,039	10 : 49	100 : 177
5 1726	4,719	21,452	12,863	10 : 45	100 : 166
5 1731	4,808	29,554	12,825	10 : 42	100 : 160
4 1735	5,424	22,692	15,475	10 : 41	100 : 146
Въ 1736	5,280	21,859	26,371	новальныя болѣзни	
Въ 1737	5,765	18,930	24,480		
За 5 л. до 1742	5,582	22,099	15,255	10 : 39	100 : 144
4 1746	5,469	25,275	15,117	10 : 46	100 : 167
5 1751	6,423	28,235	17,272	10 : 43	100 : 163
5 1756	5,599	28,392	19,154	10 : 50	100 : 148
Въ 16 л. до чумы	95,585	380,516	245,763	10 : 39	100 : 154
Въ 46 л. послѣ чумы	248,777	1,083,872	690,324	10 : 43	100 : 157
Въ 62 счастл. года	344,361	1,464,388 936,087	936,087	10 : 43	100 : 156
Избытокъ родив. надъ умершими.	—	528,301	—	—	—
Въ 2 года чумы	5,477	23,977	247,733	—	—
За все время, считая и чуму.	340,838	1,488,365 1,183,820	1,183,820	10 : 42	100 : 125
Избытокъ родив. надъ умершими.	—	304,545	—	—	—

Эта таблица извлечена изъ другой, содержащей браки, родившихся и умершихъ за каждый годъ всего періода. Для

ея сокращенія я взялъ среднія цифры за болѣе краткіе періоды, въ 4 или 5 лѣтъ, если не встрѣчались года, заслуживающіе особеннаго вниманія. 1711 годъ, непосредственно слѣдовавшій за чумой, выключенъ Зюсмильхомъ при вычисленіи среднихъ чиселъ. Относящіяся къ нему цифры онъ показалъ отдѣльно. Если представленныя имъ данныя заслуживаютъ довѣрія, то онѣ показываютъ внезапное и по истинѣ изумительное вліяніе чрезвычайной смертности на число браковъ.

По вычисленію Зюсмильха, чума похитила болѣе трети всего населенія. Но, несмотря на это уменьшеніе общаго числа жителей, при первомъ взглядѣ на таблицу, оказывается, что число браковъ въ 1711 превосходитъ почти въ два раза среднее число за 6 лѣтъ, предшествовавшихъ чумѣ *. Для объясненія этого явленія, необходимо предположить, что всѣ почти люди, достигшіе зрѣлаго возраста, видя увеличившееся требованіе на трудъ и находя всюду свободныя мѣста и занятія, немедленно вступили въ бракъ. Это чрезвычайное число супружествъ не могло произвесть въ тотъ же самый годъ, сравнительно, такое же чрезвычайное число рожденій. Дѣйствительно, нельзя предположить, чтобы новыя супружества могли дать въ самый годъ своего заключенія болѣе одного ребенка на семью. Остальныя рожденія обязаны своимъ про-

* Число всѣхъ жителей до чумы, по вычисленію Зюсмильха, составляло 570,000 (т. I, гл. IX, отд. 173). Если вычесть изъ него 247,733, унесенныхъ чумой, то населенія оставалось всего 322,267 душъ. Если раздѣлить его на число браковъ въ 1711, и затѣмъ, на число родившихся въ томъ же году, то мы найдемъ, что число браковъ составляло $^1/_{36}$ всего населенія, а число родившихся около $^1/_{10}$. Такія необычайныя отношенія можетъ представить страна только въ исключительномъ случаѣ. Еслибы они удержались на одномъ и томъ же уровнѣ, то произвели бы удвоеніе населенія менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ. Но, быть можетъ, что въ этомъ мѣстѣ таблицы сдѣланы ошибки, и что въ 1711 проскользнули браки и рожденія, случившіяся во время чумы; однако же, такъ какъ умершіе тщательно показаны особо, то трудно предположить путаницу относительно числа рожденій и браковъ. Впрочемъ, это и не представляетъ особенной важности, такъ какъ цифра за прочіе года уже достаточно для указанія общаго закона.

Прим. автора.

исхожденіемъ прежнимъ супружествамъ, пощаженнымъ чумой. Нечего, поэтому, удивляться, что въ этотъ годъ отношеніе родившихся къ бракамъ было неболѣе, какъ 2,7 къ 1, или какъ 27 къ 10. Но, хотя на основаніи сказаннаго, большое отношеніе родившихся къ бракамъ было невозможно, тѣмъ неменѣе, принимая во вниманіе чрезвычайное число вновь заключенныхъ браковъ, безусловное число рожденій должно было быть очень велико. А какъ число умершихъ естественно было незначительно, то отношеніе родившихся къ умершимъ должно было быть непомѣрно велико, а именно, 320 на 100. Такой избытокъ рожденій, быть можетъ, превосходитъ все, что только замѣчалось въ этомъ отношеніи въ Америкѣ.

Въ слѣдующій, 1712 годъ, число браковъ должно было замѣтно уменьшиться. И дѣйствительно, такъ какъ всѣ почти люди, достигшіе зрѣлаго возраста, переженились въ предшествовавшемъ году, то новые браки заключены были въ этомъ году главнымъ образомъ между людьми, достигшими зрѣлаго возраста по прекращеніи чумы. Тѣмъ неменѣе, вѣроятно не всѣ люди зрѣлаго возраста переженились въ предшествовавшемъ году; поэтому, число браковъ въ 1712, относительно всего населенія, все еще значительно; и хотя оно едва превышаетъ половину браковъ предъидущаго года, все же оно выше средняго за періодъ, непосредственно предшествовавшій чумѣ. Отношеніе рожденій къ бракамъ въ 1712, хотя и большее, чѣмъ въ предъидущемъ годѣ, по причинѣ меньшаго числа браковъ, невелико, сравнительно съ такимъ же отношеніемъ въ другихъ странахъ, ибо составляетъ 3,6 къ 1, или 36 къ 10; но отношеніе родившихся къ умершимъ, хотя и меньшее, чѣмъ въ предъидущемъ году, когда заключено было столько браковъ, оказывается весьма значительно, если сравнить его съ такимъ же отношеніемъ въ другихъ странахъ, ибо составляетъ 220 на 100. Такое приращеніе, при смертности 1 изъ 36, удвоило бы населеніе (по таблицѣ I, стр. 444) въ $28^1/_8$ лѣтъ.

Съ этого года число ежегодныхъ браковъ начинаетъ соотвѣтствовать уменьшившемуся населенію. Вслѣдствіе этого, оно падаетъ гораздо ниже средняго числа браковъ, заключавшихся до чумы, такъ какъ оно опредѣляется главнымъ образомъ числомъ лицъ, ежегодно достигающихъ брачнаго возраста. Въ 1720, девять или десять лѣтъ спустя послѣ чумы, мы встрѣчаемъ наименьшее число браковъ, по причинѣ ли какого либо случайнаго обстоятельства, или вслѣдствіе того, что уже началось дѣйствіе предупреждающихъ препятствій. Въ тотъ же годъ встрѣчается наибольшее отношеніе родившихся къ бракамъ. Въ промежуткѣ между 1717 и 1721 отношеніе это составляетъ по таблицамъ 49 къ 10, а въ частности, въ 1719 и 1720 годахъ, оно было, какъ 50 и 55 къ 10.

Зюсмильхъ указываетъ на особенное плодородіе супружествъ въ Пруссіи послѣ чумы, опираясь на отношеніе 50 ежегодныхъ рожденій на 10 браковъ. Судя по среднимъ цифрамъ вообще, мы имѣемъ право думать, что супружества были очень плодовиты въ Пруссіи; но ни отношеніе собственно этого года, ни отношеніе за весь періодъ, вовсе не подтверждаютъ этого, такъ какъ величина этихъ отношеній очевидно обусловливается небольшимъ числомъ супружествъ этого года, а не бо́льшимъ числомъ рожденій. Въ два года, непосредственно слѣдовавшіе за чумой, между тѣмъ какъ число родившихся до такой степени превышало число умершихъ, отношеніе рожденій къ бракамъ было весьма незначительно. Вычисляя обыкновеннымъ способомъ, мы получили бы на каждое супружество неболѣе 2,7 или 3,6 дѣтей. Въ послѣднемъ періодѣ таблицы, съ 1752 по 1756 годъ, рожденія относятся къ бракамъ, какъ 5 къ 1, а въ 1756 въ частности, какъ 6,1 къ 1; а между тѣмъ, мы находимъ, что отношеніе родившихся къ умершимъ было въ томъ же періодѣ болѣе чѣмъ 148 ко 100. Этого не могло бы случиться, еслибы величина отношенія рожденій къ бракамъ указывала на болѣе значительное число родившихся противъ обыкновеннаго. Поэтому, значительное число родившихся обозначало только меньшее противъ средняго, число браковъ.

Колебанія въ отношеніи родившихся къ умершимъ впродолженіи 64 лѣтъ таблицы заслуживаютъ особеннаго вниманія. Если взять среднее число за 4 года, непосредственно

слѣдовавшіе за чумой, то мы найдемъ, что родившіеся находились въ большемъ отношеніи къ умершимъ, чѣмъ 22 къ 10. Отношеніе это, при смертности 1 изъ 36, удвоило бы населеніе менѣе чѣмъ въ 21 годъ. Если теперь взять 20 лѣтъ съ 1711 по 1731, то получимъ среднее отношеніе родившихся къ умершимъ почти какъ 17 къ 10. Отношеніе это (по таблицѣ I, стр. 444) удвоило бы населеніе въ 35 лѣтъ; но если вмѣсто 20 лѣтъ, мы возьмемъ весь періодъ въ 64 года, то среднее отношеніе родившихся къ умершимъ будетъ неболѣе какъ 12 къ 10. Отношеніе это удвоило бы населеніе неменѣе какъ въ 125 лѣтъ. Если включить въ небольшой періодъ времени годъ чумы, или даже годы повальныхъ болѣзней, 1736 и 1737, то число умершихъ можетъ даже перевысить число родившихся, и населеніе окажется убывающимъ.

Зюсмильхъ полагаетъ, что вмѣсто 1 къ 36, смертность можетъ быть принята для Пруссіи, какъ 1 къ 38. Быть можетъ, нѣкоторые читатели найдутъ, что изобиліе, послѣдовавшее по прекращеніи чумы, должно было вызвать еще болѣе чувствительное различіе. Докторъ Шортъ замѣтилъ, что за большою смертностью почти всегда наступаетъ замѣчательное здоровье*. Я не сомнѣваюсь въ справедливости этого замѣчанія, если сравнивать между собой одни и тѣ же возрасты; но всякому извѣстно, что при самыхъ благопріятныхъ даже условіяхъ, дѣти, недостигшія 3 лѣтъ, умираютъ въ большемъ числѣ противъ всякаго другаго возраста. Но въ случаѣ повальной болѣзни относительное число умирающихъ дѣтей гораздо менѣе обыкновеннаго; это обстоятельство уравновѣшиваетъ на первое время естественное здоровье этого времени, и дѣлаетъ менѣе замѣтнымъ увеличеніе въ общей смертности народа.

Если раздѣлить населеніе Пруссіи послѣ чумы на число умершихъ въ 1711, то мы получимъ смертность почти какъ 1 къ 31. Поэтому, она скорѣе увеличилась, чѣмъ уменьшилась. Это объясняется огромнымъ числомъ родившихся въ этотъ годъ дѣтей. Увеличившаяся смертность естественно должна была прекратиться, когда причинявшія ее дѣти достигли возраста, въ которомъ жизнь становится болѣе надежною: и тогда замѣчаніе Зюсмильха вѣроятно оказывалось справедливымъ. Впрочемъ, замѣчено вообще, что вліяніе чрезвычайной смертности на непосредственно слѣдующіе за ней годы сильнѣе обнаруживается на числѣ раждающихся, чѣмъ на числѣ умирающихъ. Изъ таблицы видно, что ежегодное число умирающихъ возрастаетъ правильно, если увеличивается населеніе, и слѣдуетъ за колебаніями послѣдняго. Но ежегодное число раждающихся не очень отличается въ различныя эпохи отъ цѣлаго періода, хотя во все его продолженіе населеніе болѣе чѣмъ удвоилось. Поэтому, отношеніе рожденій ко всему населенію необходимо должно было совершенно измѣниться отъ начала періода до его окончанія.

Изъ всего этого можно видѣть, какія ошибки можемъ мы сдѣлать, если примемъ опредѣленное отношеніе для раждающихся за основаніе при вычисленіи населенія какой либо страны въ прежнее время. Въ настоящемъ случаѣ подобный пріемъ привелъ бы насъ къ заключенію, что чума почти не уменьшила населенія, между тѣмъ какъ число умершихъ показываетъ, что населеніе уменьшилось на третью часть.

Подобнаго рода колебанія, хотя и менѣе замѣтныя, въ отношеніяхъ родившихся, умершихъ и вступившихъ въ бракъ, встрѣчаются во всѣхъ таблицахъ, составленныхъ Зюсмильхомъ. Такъ какъ люди, писавшіе по этому предмету, нерѣдко основывали свои заключенія о прошедшемъ или будущемъ на отношеніяхъ, доставляемыхъ небольшимъ числомъ лѣтъ, то небезполезно будетъ представить читателю нѣсколько примѣровъ тѣхъ колебаній, какія возможны въ этихъ отношеніяхъ.

Въ избирательной Бранденбургской Мархіи*, въ 15 лѣтній періодъ времени до 1712, отношеніе родившихся къ умершимъ было почти какъ 17 къ 10. Впродолженіи 6 лѣтъ до 1718, отношеніе это уменьшилось до 13 къ 10; впродолженіи 4 лѣтъ до 1756 оно было, какъ 12 къ 10; и наконецъ,

* *History of air, seasons*, и проч., т. III, стр. 344.

* Süssmilch, *Göttl. Ordnung*, т. I, табл., стр. 88 и слѣд.

впродолженіи 3 лѣтъ до 1759 число умершихъ значительно превышало число родившихся. Мы не имѣемъ отношенія родившихся ко всему населенію, но нельзя предположить, чтобы сильныя колебанія въ отношеніи родившихся къ умершимъ вызваны были исключительно колебаніями въ числѣ умершихъ. Отношеніе рожденій къ бракамъ оказывается довольно однообразнымъ, колеблясь между 38 къ 10 и 35 къ 10, такъ что среднее отношеніе составляетъ почти 37 къ 10. Таблицы не показываютъ особенныхъ повальныхъ болѣзней, за исключеніемъ развѣ 3 лѣтъ, начиная съ 1757. На этомъ годѣ таблицы прерываются.

Въ Померанскомъ герцогствѣ среднее отношеніе родившихся къ умершимъ за 60 лѣтъ, съ 1694 по 1756 включительно, было, какъ 138 ко 100. Но въ нѣкоторые 6 лѣтніе періоды отношеніе это подымалось до 177 ко 100 и до 155 ко 100; въ другіе оно падало до 124 ко 100 и до 130 ко 100. Крайнія отношенія рожденій къ бракамъ въ 5 и 6 лѣтніе періоды были 36 къ 10 и 43 къ 10, а среднее за 60 лѣтъ было около 38 къ 10. Впродолженіи всего періода, кажется, было нѣсколько лѣтъ повальныхъ болѣзней, и въ томъ числѣ 3 года, въ которые число умершихъ превышало число родившихся. Но это временное уменьшеніе населенія не сопровождалось соотвѣтствующимъ уменьшеніемъ числа родившихся; и 2 года, представляющіе наибольшее во всей таблицѣ отношеніе для браковъ, помѣщены, одинъ — непосредственно предъ эпидеміей, а другой — два года послѣ нея. Между тѣмъ, перевѣсъ умершихъ не былъ значителенъ до 3 лѣтняго періода, окончившагося въ 1759, когда прерывается таблица.

Въ новой Бранденбургской Мархіи, въ 60 лѣтній періодъ съ 1696 по 1755 включительно, среднее отношеніе родившихся къ умершимъ въ первыя 30 лѣтъ было 148 ко 100, въ послѣднія 30 лѣтъ—127 ко 100, а за всѣ 60 лѣтъ—136 ко 100. Въ нѣкоторые изъ 5 лѣтнихъ періодовъ оно подымалось до 171 и 167 ко 100, а въ другіе оно упадало до 118 и 128 ко 100. За 5 лѣтъ, окончившіяся въ 1726, среднее годовое число рожденій было 7,012, а за 5 лѣтъ до 1746 оно было

6,927. Если при такихъ данныхъ вычислять на основаніи рожденій, то должно заключить, что впродолженіи 20 лѣтъ населеніе убывало. Но среднее отношеніе родившихся къ умершимъ за этотъ періодъ доказываетъ, напротивъ того, что оно значительно возрастало, несмотря на нѣсколько лѣтъ повальныхъ болѣзней. Слѣдовательно, отношеніе родившихся ко всему населенію необходимо должно было измѣняться. Другой 20 лѣтній періодъ даетъ такіе же результаты, какъ для рожденій, такъ и для браковъ. Крайнія отношенія родившихся къ бракамъ 34 къ 10 и 42 къ 10, а среднее — около 38 къ 10. Три года, слѣдовавшіе за 1757, какъ и въ прочихъ таблицахъ, отличались смертностью и опустошеніями.

Въ герцогствѣ Магдебурскомъ, за 64 года, окончившіеся въ 1756, среднее отношеніе родившихся къ умершимъ было 123 ко 100; въ 28 первыхъ лѣтъ періода, какъ 142 ко 100, а въ 34 послѣднихъ, всего, какъ 112 ко 100. Въ одинъ пятилѣтній періодъ оно подымалось до 170 ко 100, а въ два періода число умершихъ превышало число родившихся. Таблица указываетъ хотя и на слабыя, но частыя повальныя болѣзни. Если встрѣчается сряду три или четыре года, въ которые населеніе уменьшалось ими, то за ними слѣдовало неизбѣжно увеличеніе числа браковъ и рожденій. Крайнія отношенія рожденій къ бракамъ 42 къ 10 и 34 къ 10, а среднее за 34 года, 39 къ 10. Зюсмильхъ замѣчаетъ на эту таблицу, что среднее число умершихъ показываетъ въ ней увеличеніе населенія на одну треть съ 1715 по 1720, между тѣмъ какъ число рожденій и браковъ показываетъ, напротивъ того, неподвижное состояніе населенія или даже убыль. Этотъ выводъ онъ прилагаетъ и къ 3 лѣтнему періоду, окончившемуся въ 1759, и отличавшемуся повальными болѣзнями, впродолженіи которыхъ число браковъ и рожденій, повидимому, уменьшилось.

Въ княжествѣ Гальберштадскомъ среднее отношеніе родившихся къ умершимъ впродолженіи 68 лѣтъ до 1756 года было 124 ко 100; но въ нѣкоторые 5 лѣтніе періоды оно подымалось до 160 ко 100, а въ другіе падало до 110 ко 100. Приращеніе впродолженіи всего 68 лѣтняго періода было зна-

чительно, и тѣмъ неменѣе, въ 5 лѣтъ до 1723 среднее число рожденій было 2,818, а въ 4 года до 1750 оно было 2,628, изъ чего слѣдовало бы заключить, что въ 27 лѣтъ населеніе значительно убавилось. То же самое представляется, если взять за основаніе число браковъ за 32 года. Въ 5 лѣтъ до 1718 заключено ихъ 727, а въ 5 лѣтъ до 1750 всего 689. Отношеніе умершихъ въ эти краткіе періоды говоритъ въ пользу значительнаго приращенія населенія. Повальныя болѣзни были, повидимому, часты. Всякій разъ какъ онѣ были настолько сильны, что число умершихъ превышало число родившихся, за ними слѣдовало неизбѣжно увеличеніе числа заключаемыхъ браковъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ возрастало и число раждающихся. Наибольшее число браковъ, показанное въ таблицѣ, падаетъ на 1751, вслѣдъ за эпидеміей 1750, во время которой число умершихъ на треть превосходило число родившихся, а 4 или 5 слѣдующихъ лѣтъ представляютъ наибольшее отношеніе для родившихся. Крайнія отношенія рожденій къ бракамъ были 42 къ 10 и 34 къ 10, а среднее за 68 лѣтъ 38 къ 10.

Другія таблицы даютъ такіе же результаты; но достаточно и указанныхъ мною для объясненія колебаній, постоянно встрѣчающихся въ отношеніяхъ числа родившихся, умершихъ и вступившихъ въ бракъ ко всему населенію.

Изъ всѣхъ отношеній менѣе всего измѣняется отношеніе рожденій къ бракамъ. Причина этого очевидно лежитъ въ томъ, что это отношеніе зависитъ главнымъ образомъ отъ плодородія супружествъ, которое естественно не можетъ испытывать значительныхъ колебаній. Нельзя даже предположить, чтобы плодородіе супружествъ могло измѣняться настолько, насколько измѣняется въ таблицахъ отношеніе рожденій къ бракамъ. Къ тому же, такое предположеніе было бы и безполезно, ибо существуетъ другая причина, которая должна производить такое же дѣйствіе. Рожденія, современныя бракамъ за какой нибудь отдѣльный годъ принадлежатъ главнымъ образомъ супружествамъ, заключеннымъ за нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Стало быть, если впродолженіи 5 или 6 лѣтъ отношеніе браковъ значительно, а вслѣдъ за этимъ періодомъ, впродолженіи года или двухъ, послѣдуетъ замѣтное уменьшеніе въ этомъ отношеніи, то по спискамъ за это время тѣмъ неменѣе окажется огромное отношеніе рожденій къ бракамъ. Обратно, если впродолженіи 4 или 5 лѣтъ заключено будетъ менѣе браковъ противъ обыкновеннаго, а затѣмъ, въ теченіи одного или двухъ лѣтъ число ихъ, напротивъ того, значительно увеличится, то по спискамъ окажется за это время весьма малое отношеніе рожденій къ бракамъ. Самый разительный примѣръ этого представляютъ таблицы для Россіи и Литвы. Но это подтверждается и другими таблицами, составленными Зюсмильхомъ. Онѣ показываютъ, что крайнія отношенія рожденій къ бракамъ измѣняются вообще сильнѣе числомъ браковъ, чѣмъ числомъ рожденій. Изъ чего можно заключить, что эти крайнія отношенія зависятъ менѣе отъ плодородія супружествъ, чѣмъ отъ стремленія къ супружеской жизни и отъ поощреній, побуждающихъ къ браку.

Годы повальныхъ болѣзней, разсѣянные по таблицамъ, разумѣется, не могутъ оказывать на число браковъ и рожденій такого вліянія, какое оказала чума на таблицы Пруссіи; но, сравнительно съ количествомъ причиненнаго ими вреда, дѣйствіе ихъ одинаково. Метрики многихъ другихъ странъ, въ особенности же городовъ, свидѣтельствуютъ, что въ концѣ 17 или 18 вѣка чума была довольно частымъ явленіемъ.

Изъ того, что за чумой и за нездоровыми годами слѣдовало быстрое приращеніе населенія, легко понять, что число жителей было такъ велико, сравнительно со средствами ихъ существованія, что здоровье ихъ не могло оказать сопротивленія бѣдствію. Главная масса народа необходимо отличалась недостаточнымъ благосостояніемъ, довольствовалась неудовлетворительной пищей и помѣщалась въ тѣсныхъ жилищахъ. Такія условія естественно должны были порождать болѣзни, хотя бы страна и не была заселена особенно густо, и возможно было увеличеніе населенія. Если относительное населеніе страны и невелико, но возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ количество продовольствія, необходимое для его существованія, и быстрѣе, чѣмъ приготовляется помѣщеніе для него, то

народъ неизбѣжно долженъ испытать многія бѣдствія вслѣдствіе недостатка мѣста и продовольствія. Еслибы въ горной Шотландіи, въ предстоящія десять или двѣнадцать лѣтъ, число браковъ увеличилось, или они стали бы плодовитѣе, чѣмъ теперь, то при малѣйшей помѣхѣ для выселеній, вмѣсто того чтобы жить по пяти человѣкъ въ хижинѣ, имъ пришлось бы помѣститься по семи. Это скопленіе, при содѣйствіи худшей пищи, чѣмъ та, къ которой они привыкли, несомнѣнно вызвало бы самыя печальныя послѣдствія, которыя неизбѣжно отразились бы на здоровьи народа.

ГЛАВА XIII. — Общіе выводы изъ представленной нами картины общества.

Нетрудно убѣдиться, что вышеизложенныя препятствія суть непосредственныя условія, замедляющія размноженіе населенія, и что препятствія эти вытекаютъ главнымъ образомъ изъ недостатка средствъ существованія. Для этого достаточно взглянуть, какъ быстро размножается населеніе, какъ только внезапное увеличеніе средствъ существованія отстранитъ эти препятствія.

Постоянно замѣчалось, что новыя колоніи, основываемыя въ здоровыхъ странахъ, въ которыхъ не встрѣчалось недостатка въ мѣстѣ и въ продовольствіи, быстро увеличивали свое населеніе. Многія колоніи древней Греціи, повидимому, сравнялись, и даже превзошли свои метрополіи уже черезъ два или три столѣтія. Сиракузы и Агригентъ въ Сициліи, Тарентъ и Локры въ Италіи, Ефесъ и Милетъ въ Малой Азіи равнялись во всѣхъ отношеніяхъ самымъ цвѣтущимъ городамъ древней Греціи. Всѣ эти колоніи основаны были въ странахъ, населенныхъ дикими и варварскими народами, которые безъ сопротивленія уступили мѣсто пришлецамъ, и предоставили въ ихъ распоряженіе большія пространства плодородныхъ земель. Вычислено, что израильтяне, размножавшіеся весьма медленно во время кочевой жизни въ Ханаанской землѣ, на плодородной почвѣ Египта расплодились до такой степени, что во время пребыванія ихъ въ этой странѣ

населеніе ихъ удваивалось каждыя 15 лѣтъ *. Но, не останавливаясь на примѣрахъ, представляемыхъ намъ древностью, мы видимъ, что европейскія колоніи въ Америкѣ подтверждаютъ самымъ поразительнымъ образомъ справедливость этого замѣчанія, которое, къ тому же, я полагаю, никогда и не подвергалось сомнѣнію.

Обиліе плодородныхъ земель, дешевыхъ или даже вовсе ничего не стоющихъ, представляетъ такое могущественное условіе для размноженія, что оно преодолѣваетъ вообще всѣ препятствія.

Трудно представить себѣ, чтобы новыя колоніи могли управляться хуже того, какъ управлялись колоніи, заведенныя испанцами въ Мексикѣ, Перу и Квито. Тиранія, суевѣріе, всѣ пороки метрополіи прибыли въ нихъ вслѣдъ за колонистами. Онѣ обременялись огромными налогами, торговля ихъ стѣснялась произвольными постановленіями, губернаторы грабили ихъ столько же въ свою собственную пользу, сколько въ пользу правительства. И тѣмъ неменѣе, несмотря на всѣ эти стѣсненія, населеніе колоній быстро возрастало. Городъ Квито, бывшій небольшой деревушкой во времена туземцевъ, представляется намъ Уллоа населеннымъ, 50 лѣтъ тому назадъ, 60,000 жителей **. Лима, основанная послѣ завоеванія страны, по свидѣтельству того же путешественника, имѣла такое же или большее населеніе до ужаснаго землетрясенія въ 1746 году. Мексико имѣетъ, говорятъ, 100,000 жителей, число, которое, несмотря на преувеличенія испанскихъ писателей, вѣроятно въ пять разъ превышаетъ населеніе, бывшее во времена Монтезумы ***.

Въ португальскихъ колоніяхъ въ Бразиліи, управляющихся съ неменьшей тираніей, 30 лѣтъ тому назадъ, считалось болѣе 600,000 жителей европейскаго происхожденія.

Голландскія и французскія колоніи, хотя и управлялись торговыми компаніями, пользовавшимися исключительными при-

---

* Short's, *New observ. on bills of mortality*, стр. 259.

** Ulloa, *Voyage*, т. I, кн. V.

*** Адамъ Смитъ, *Богатство народовъ*, т. II, стр. 426.

вилегіями, все таки возрастали и процвѣтали, несмотря на такія неблагопріятныя условія.

Но англійскія колоніи въ сѣверной Америкѣ, образовавшія могущественное государство подъ именемъ Соединенныхъ Штатовъ, превзошли всѣ остальныя быстрымъ размноженіемъ своего населенія. Кромѣ огромнаго количества самыхъ плодородныхъ земель, принадлежавшихъ этимъ колоніямъ, какъ и колоніямъ испанскимъ и португальскимъ, первыя пользовались въ высшей степени благами, доставляемыми свободой и равенствомъ. Хотя онѣ и подчинялись нѣкоторымъ стѣсненіямъ во внѣшней торговлѣ, тѣмъ неменѣе, имѣли полное право распоряжаться своими внутренними дѣлами. Политическія ихъ учрежденія благопріятствовали переходу и раздробленію поземельной собственности. Земли, обработкой которыхъ пренебрегалъ владѣлецъ впродолженіи извѣстнаго срока, объявлялись свободными, и могли переходить въ руки каждаго. Въ Пенсильваніи отмѣнено было право переворотства, а въ провинціяхъ Новой Англіи старшій сынъ получалъ только двойную долю. Десятина была неизвѣстна ни въ одной части страны, а налоговъ почти не существовало. Земли были всюду такъ дешевы, что самое выгодное употребленіе капитала представляли земледѣльческія предпріятія; а земледѣліе есть нетолько самое здоровое занятіе, но и занятіе, доставляющее обществу самыя полезныя произведенія.

Благопріятныя условія размножили населеніе съ безпримѣрною почти быстротой. Въ сѣверныхъ провинціяхъ число жителей удваивалось каждыя 25 лѣтъ. Въ дѣйствительности, въ Новую Англію переселилось въ 1643 неболѣе 21,000. Съ этого времени, не подлежитъ сомнѣнію, что изъ колоніи выселилось больше людей, чѣмъ сколько прибыло въ нее, а въ 1760 населеніе ея состояло изъ 1,000,000 душъ. Слѣдовательно, во весь этотъ продолжительный періодъ времени населеніе необходимо должно было правильно удваиваться каждыя 25 лѣтъ. Въ Нью-Джерзеѣ періодъ удвоенія неболѣе 22 лѣтъ, а въ Родъ-Исландѣ еще короче. Во внутреннихъ поселеніяхъ, въ которыхъ жители занимаются исключительно однимъ только земледѣліемъ, и не знаютъ роскоши, полагаютъ, что населеніе удваивается въ 15 лѣтъ. Прибрежныя страны, естественно заселившіяся раньше другихъ, удваиваютъ свое населеніе около 35 лѣтъ; а въ нѣкоторыхъ приморскихъ городахъ населеніе неподвижно*. По послѣднимъ переписямъ, кажется, что населеніе Соединенныхъ Штатовъ продолжаетъ удваиваться, попрежнему, въ 25 лѣтъ. Въ настоящее время населеніе ихъ до такой степени значительно, что европейскіе переселенцы не могутъ оказывать на него

* Price's, *Observ. on revers. paym.*, т. I, стр. 282, 283 и т. II, стр. 260. Въ послѣднее время мнѣ случилось видѣть нѣсколько выписокъ изъ рѣчи доктора Стиля, сообщившаго эти факты доктору Прайсу. Говоря о Родъ-Исландѣ, докторъ Стиль замѣчаетъ, что хотя періодъ удвоенія для всей колоніи 25 лѣтъ, но онъ не одинаковъ для различныхъ ея частей; что для внутреннихъ мѣстностей онъ составляетъ 20 и даже 15 лѣтъ. Въ 1748 населеніе пяти городовъ, Глочестера, Ситуата, Ковентри, Вельгриневича и Екзетера, составляло 5,033 души, а въ 1755 оно было 6,986, что даетъ періодъ удвоенія въ 15 лѣтъ. Онъ говоритъ затѣмъ, что въ графствѣ Кентскомъ населеніе удваивается въ 20, а въ Провиданскомъ въ 18 лѣтъ.

Я видѣлъ недавно также мемуаръ, содержащій *факты и цифры, относящіяся къ населенію Соединенныхъ Штатовъ;* въ немъ опредѣляется періодъ удвоенія населенія для всѣхъ штатовъ, со времени ихъ существованія, всего въ 20 лѣтъ. Я не могу сказать, до какой степени мемуаръ этотъ заслуживаетъ довѣрія; но, насколько онъ опирается на факты и на обнародованныя цифры, мнѣ кажется, что на него можно положиться. Одинъ періодъ представляетъ замѣчательное явленіе. По отчетамъ конгреса, въ 1782 населеніе состояло изъ 2,389,300 душъ; а по переписи 1790 оно состояло изъ 4,000,000. Приращеніе за 9 лѣтъ было 1,610,700. Изъ этого числа слѣдуетъ выключить по 10,000 въ годъ европейскихъ переселенцевъ, всего 90,000, съ прибавленіемъ 5 процентовъ въ $4\frac{1}{2}$ года, то есть, 20,250. Остатокъ, представляющій приращеніе въ 9 лѣтъ, вытекающее изъ естественнаго размноженія, составляетъ 1,500,450, то есть, почти 7 процентовъ. Слѣдовательно, періодъ удвоенія, при непрерывномъ дѣйствіи одного и того же закона, составитъ менѣе 16 лѣтъ.

Если это вычисленіе, относящееся ко всему населенію Соединенныхъ Штатовъ, справедливо, то не подлежитъ сомнѣнію, что въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ округахъ періодъ удвоенія, въ силу одного естественнаго размноженія, нерѣдко былъ менѣе 15 лѣтъ. Періодъ, непосредственно слѣдовавшій за прекращеніемъ войны, естественно долженъ отличаться особенно быстрымъ размноженіемъ.

Прим. автора.

замѣтнаго вліянія. Но такъ какъ въ нѣкоторыхъ городахъ и прибережныхъ мѣстностяхъ движеніе населенія было менѣе средняго, то необходимо предположить, что періодъ удвоенія внутри страны, вызываемый однимъ только естественнымъ размноженіемъ, вообще былъ гораздо менѣе 25 лѣтъ.

Послѣдняя перепись показываетъ населеніе Соединенныхъ Штатовъ въ 5,172,312 душъ*. Нельзя предположить, чтобы выселеніе колонистовъ, основавшихъ эти штаты, значительно уменьшило населеніе Великобританіи. Напротивъ того, умѣренное выселеніе способствуетъ размноженію населенія. Замѣчено, что провинціи Испаніи, отправившія наибольшее число колонистовъ въ Америку, принадлежатъ къ числу тѣхъ, населеніе которыхъ увеличилось.

Каково бы ни было первоначальное число выселенцевъ изъ Великобританіи, давшее начало такому необыкновенному населенію въ сѣверной Америкѣ, если мы спросимъ, почему такое же число людей не произвело такого же населенія въ Великобританіи, то увидимъ, что различіе это обусловливается однимъ только недостаткомъ продовольствія. Самыя великія бѣдствія, какъ война и чума, причиняютъ опустошенія, которыя быстро пополняются. Они ставятъ опустошенную страну въ положеніе, сходное съ новыми колоніями. Если трудолюбіе жителей остается неизмѣннымъ, то средства существованія превышаютъ ихъ потребности, и населеніе вскорѣ доходитъ до допускаемаго ими уровня.

Фландрія, отличающаяся весьма плодородной почвой, была театромъ продолжительныхъ и опустошительныхъ войнъ, но немногихъ лѣтъ мира всегда было достаточно для нея, что-

* Говорятъ, что въ это число не вошло населеніе одного штата, и вообще полагаютъ, что населеніе превышаетъ цифру, доставленную переписью. Увѣряютъ, что оно доходитъ до 6,000,000. Но нельзя полагаться на мнѣнія, хотя бы весьма распространенныя въ обществѣ.

Прим. автора.

Что касается до населенія сѣверо-американскихъ штатовъ, кажущееся размноженіе котораго играетъ такую важную роль во всемъ сочиненіи Мальтуса, то просимъ читателя обратить вниманіе на постановку этого вопроса въ III главѣ нашего этюда о Мальтусѣ.

Рус. перев.

бы пополнить свое населеніе. Мы видѣли, что самыя кровопролитныя войны не истощили населенія Франціи. Таблицы Зюсмильха свидѣтельствуютъ о быстромъ возрастаніи населенія послѣ необыкновенной смертности; таблица, относящаяся къ Пруссіи и къ Литвѣ, приведенная въ предъидущей главѣ, въ особенности служитъ поразительнымъ примѣромъ этого. Слѣды чумы, бывшей въ 1666 въ Лондонѣ, изгладились совершенно черезъ 15 или 20 лѣтъ. Мы имѣемъ право сомнѣваться въ томъ, чтобы этотъ бичъ, періодически опустошающій Турцію и Египетъ, значительно уменьшалъ ихъ населеніе. Если послѣднее оказывается въ нихъ слабымъ, то это слѣдуетъ приписать скорѣе деспотическому и притѣснительному правительству, давящему народъ, чѣмъ какой либо иной причинѣ. Самыя жестокія опустошенія, производимыя голодомъ въ Китаѣ, Индіи, Египтѣ и другихъ мѣстахъ, по свидѣтельству очевидцевъ, изглаживаются весьма скоро. Наконецъ, великіе естественные перевороты, волканическія изверженія, землетрясенія, если только они не повторяются такъ часто, что разгоняютъ населеніе, и уничтожаютъ въ немъ охоту къ труду, причиняютъ незамѣтное уменьшеніе народонаселенія.

Метрики различныхъ странъ показываютъ, что размноженіе ихъ населенія останавливается періодическими, хотя и неправильными возвращеніями чумы и повальныхъ болѣзней. Докторъ Шортъ, въ своихъ интересныхъ изслѣдованіяхъ о смертности, представляетъ таблицу всѣхъ чумныхъ болѣзней, заразъ и голодныхъ годовъ, какіе только могли быть имъ собраны, и замѣчаетъ, что эти бѣдствія слѣдуютъ постоянному и общему закону*.

Въ таблицѣ этой собрано 431 годъ повальныхъ болѣзней**. Это года, въ которые господствовала чума или какая нибудь другая, весьма опустошительная болѣзнь, ибо просто нездоровые годы, повидимому, не вошли въ нее. Изъ этого числа 32 относятся ко времени до начала христіанскаго лѣтосчи-

* *New observ. on bills of Mortality*, стр. 96.

** *Hist. of air, seasons*, и проч., т. II, стр. 366.

сленія. Если, стало быть, раздѣлить число лѣтъ, прошедшихъ отъ Р. Х. на 399, то мы найдемъ, что періодическое возвращеніе этихъ повальныхъ болѣзней, случалось въ нѣкоторыхъ странахъ, среднимъ числомъ, почти чрезъ $4^1/_2$ года.

Изъ 254 великихъ голодныхъ или неурожайныхъ годовъ, вошедшихъ въ таблицу, 15 упоминаются до Р. Х., начиная съ голода, испытаннаго Палестиной во времена Авраама. Если выключить эти 15 голодныхъ годовъ и раздѣлить на полученный остатокъ годъ нашей эры, въ который сдѣлано было это вычисленіе, то мы найдемъ, что средній промежутокъ времени между посѣщеніями этимъ бичемъ человѣческаго рода, не превышаетъ $7^1/_2$ лѣтъ.

Разумѣется, было бы весьма трудно опредѣлить точно, до какой степени чрезмѣрно быстрое размноженіе населенія было причиной этихъ бѣдствій. Причины большей части осаждающихъ насъ болѣзней до такой степени скрыты отъ нашихъ глазъ, и вѣроятно до такой степени разнообразны, что было бы слишкомъ смѣло приписывать ихъ одному и тому же происхожденію. Но быть можетъ, нечего и доказывать, что въ число этихъ причинъ слѣдуетъ помѣстить скопленіе людей въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ и дурную или недостаточную пищу. Но эти причины составляютъ естественное слѣдствіе болѣе быстраго размноженія населенія, сравнительно съ увеличеніемъ средствъ для помѣщенія и для продовольствія.

Исторія всѣхъ почти повальныхъ болѣзней подтверждаетъ это положеніе, ибо онѣ производятъ свои опустошенія вообще между низшими классами народа. Таблицы Шорта нерѣдко упоминаютъ объ этомъ обстоятельствѣ. Онѣ показываютъ также, что весьма значительное число годовъ, отмѣченныхъ повальными болѣзнями, слѣдовало за годами голода или дурной пищи, или сопровождало ихъ. А говоря о различнаго рода болѣзняхъ, авторъ замѣчаетъ, что болѣзни, вызванныя скверною и нездоровою пищей, вообще дольше продолжаются.

Мы знаемъ изъ постояннаго опыта, что горячки зарождаются въ тюрьмахъ, на фабрикахъ, въ многолюдныхъ мастерскихъ, въ тѣсныхъ улицахъ большихъ городовъ, то есть, среди условій, сопровождающихъ крайнюю нищету. Нельзя

не приписать этимъ условіямъ столь частое въ прежнія времена возвращеніе во всей Европѣ чумы и другихъ заразительныхъ болѣзней. И если болѣзни эти сдѣлались болѣе рѣдкими, или даже совершенно исчезли, то это слѣдуетъ приписать, безъ сомнѣнія, улучшенію, происшедшему въ условіяхъ жизни.

Такъ какъ приращеніе населенія идетъ постепенно, а человѣкъ не можетъ прожить безъ пищи даже весьма короткаго промежутка времени, то законъ народонаселенія и не можетъ вызвать непосредственнаго голода, но онъ приготовляетъ его, принуждая бѣдные классы народа довольствоваться крайне необходимымъ; въ такомъ случаѣ, достаточно одной плохой жатвы, чтобы поставить ихъ въ безвыходное положеніе. Къ числу признаковъ, угрожающихъ голодомъ, докторъ Шортъ относитъ одинъ или два года обильнаго урожая. И дѣйствительно, изобиліе, поощряя браки, вызываетъ избытокъ въ населеніи, потребности котораго не могутъ быть удовлетворены обыкновеннымъ годомъ.

Оспа, на которую можно смотрѣть, какъ на повальную болѣзнь, самую общераспространенную и самую опустошительную въ Европѣ настоящаго времени, есть въ то же время самая необъяснимая болѣзнь, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ она возвращается періодически черезъ извѣстные промежутки времени. Докторъ Шортъ замѣчаетъ, что изслѣдованіе этой болѣзни показываетъ, что она мало зависитъ отъ состоянія атмосферы, или отъ хорошей или дурной погоды; что она появляется подъ видомъ повальной болѣзни во всякое время года и при всякомъ состояніи воздуха, хотя и рѣже при особенно сильномъ холодѣ. Я полагаю, что нельзя привести несомнѣннаго доказательства въ пользу того, что болѣзнь эта зараждается безразлично между людьми всякаго состоянія. Я вовсе не имѣю въ виду утверждать въ настоящемъ случаѣ, что оспа самопроизвольно зараждается нищетой и тѣсными помѣщеніями; но я полагаю, что имѣю полное право замѣтить, что въ мѣстностяхъ, въ которыя она возвращается черезъ опредѣленные періоды, и производитъ жесточайшія опустошенія между дѣтьми, въ особенности меж-

ду простымъ народомъ, нищета и тѣсныя помѣщенія предшествуютъ ея появленію и сопровождаютъ ее; то есть, что со времени послѣдняго посѣщенія страны болѣзнью, число дѣтей увеличилось, и потому, жители стали бѣднѣе, помѣщеніе ихъ стало тѣснѣе, пока новое посѣщеніе страшнаго бича не унесетъ избыточнаго населенія.

Во всякомъ случаѣ, какую бы ничтожную силу ни приписать закону народонаселенія для непосредственнаго зарожденія болѣзней, мы не можемъ не признать вліянія его на предрасположеніе къ заразѣ, на распространеніе болѣзни и на ея усиленіе.

Докторъ Шортъ замѣчаетъ, что за повальными болѣзнями слѣдуютъ періоды необыкновеннаго здоровья, и объясняетъ это явленіе тѣмъ обстоятельствомъ, что болѣзнь уноситъ всѣхъ людей, отличавшихся нѣжнымъ тѣлосложеніемъ. Но вѣроятно къ этой причинѣ присоединяется еще другая. Поощаженному населенію остается больше мѣста и больше пищи, вслѣдствіе чего положеніе низшихъ классовъ улучшается. Тотъ же писатель говоритъ еще, что нерѣдко за весьма урожайнымъ годомъ слѣдуетъ годъ, отличающійся болѣзнями и большою смертностью, и обратно, вслѣдъ за бѣдственнымъ годомъ слѣдуетъ весьма изобильный; какъ будто природа старается предупредить или пополнить свои потери. Вообще, годъ, слѣдующій за болѣзнями и необыкновенной смертностью, бываетъ плодороденъ въ размѣрѣ количества людей, пережившихъ бѣдствіе и готовыхъ основать новыя семейства.

Послѣднее явленіе обнаруживается самымъ очевиднымъ образомъ въ таблицѣ населенія Пруссіи и Литвы. По изслѣдованіи этой таблицы, какъ и прочихъ таблицъ Зюсмильха, оказывается, что если, вслѣдствіе увеличенія количества произведеній и вызываемаго имъ большаго требованія на трудъ, положеніе работника улучшается настолько, что становится могущественнымъ поощреніемъ къ браку, то молодые люди вступаютъ въ ранніе супружества до того времени, пока населеніе не перейдетъ за предѣлы, допускаемые избыткомъ произведеній: естественнымъ слѣдствіемъ такого положенія вещей является годъ, отличающійся болѣзнями и большею

смертностью. Метрики различныхъ странъ европейскаго материка представляютъ множество примѣровъ быстраго размноженія населенія, прерываемаго повальными болѣзнями. Изъ этого можно, повидимому, заключить, что страны, въ которыхъ продовольствіе возрастаетъ въ достаточномъ количествѣ для поощренія народонаселенія, но въ недостаточномъ — для удовлетворенія всѣхъ его потребностей, должны чаще подвергаться періодическимъ повальнымъ болѣзнямъ, чѣмъ страны, въ которыхъ возрастаніе населенія ближе соотвѣтствуетъ среднему количеству произведеній.

Неменѣе справедливо и обратное явленіе. Въ странахъ, подвергающихся періодическимъ эпидеміямъ, приращеніе населенія, или избытокъ раждающихся надъ умирающими бываетъ значительнѣе въ промежуточные періоды, чѣмъ въ странахъ, менѣе подверженныхъ такимъ болѣзнямъ. Если впродолженіи послѣдняго вѣка среднее населеніе Турціи и Египта оставалось почти въ неподвижномъ состояніи, то необходимо предположить, что въ промежуточные періоды мѣжду возвращеніями чумы число рожденій превышало въ нихъ гораздо значительнѣе число умершихъ, чѣмъ во Франціи или въ Англіи.

Вотъ почему всѣ вычисленія будущаго населенія, на основаніи настоящаго его приращенія, весьма ненадежны. Сэръ В. Петти вычислилъ, что въ 1800 Лондонъ будетъ заключать 5,359,000 жителей, а онъ не имѣетъ и пятой доли *. Обратно, Итонъ предсказывалъ въ послѣднее время совершенное исчезновеніе населенія Турецкой имперіи къ концу 19 вѣка **; но предсказаніе это вѣроятно не сбудется. Еслибы населеніе Америки продолжало размножаться еще 150 лѣтъ въ той прогрессіи, въ какой размножалось до послѣдняго времени, то оно превзошло бы населеніе Китая. Но какъ бы опасно ни было высказывать такія пророчества, я тѣмъ не менѣе осмѣлюсь сдѣлать предсказаніе, что подобнаго размноженія не произойдетъ въ такой короткій промежутокъ вре-

---

* *Political Arithmetic*, стр. 17.

** *Survey of the Turkish Empire*, гл. VII, стр. 281.

мени, хотя и можетъ случиться, что оно осуществится въ болѣе длинный періодъ, напримѣръ, въ 500 или 600 лѣтъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ прежнія времена Европа чаще подвергалась опустошеніямъ, производимымъ чумой и другими повальными болѣзнями, чѣмъ въ настоящее время. Обстоятельство это можетъ служить объясненіемъ, почему въ прежнія эпохи отношеніе раждающихся къ умирающимъ, приводимое многими писателями, было больше, чѣмъ въ настоящее время; ибо такого рода отношенія выводились вообще изъ списковъ за весьма короткіе періоды, и при этомъ годы повальныхъ болѣзней обыкновенно выключались, какъ случайные.

Самое высокое среднее отношеніе раждающихся къ умирающимъ въ Англіи около 12 къ 10, или 120 ко 100. Во Франціи, за десять лѣтъ съ 1770 по 1780, отношеніе это было, какъ 115 къ 100*. Цифры эти, безъ сомнѣнія, измѣнялись въ различныя эпохи впродолженіи послѣдняго вѣка, хотя измѣненія не были, повидимому, особенно значительны. Изъ этого слѣдуетъ, что во Франціи и въ Англіи, болѣе чѣмъ гдѣ либо, народонаселеніе держалось на среднемъ уровнѣ, обусловливаемомъ средствами существованія. Вліяніе предупреждающихъ препятствій, войны, незамѣтное, но тѣмъ неменѣе дѣйствительное уничтоженіе человѣческой жизни, причиняемое тѣсными помѣщеніями и скудной пищей бѣднаго народа, препятствуютъ въ этихъ странахъ населенію подыматься выше уровня, допускаемаго средствами существованія. Условія эти предупреждаютъ, если позволено будетъ такъ выразиться, необходимость повальныхъ болѣзней для приведенія населенія въ надлежащія границы. Еслибы чума вдругъ уменьшила населеніе Англіи на 2,000,000, и населеніе Франціи на 6,000,000 душъ, то когда эти страны начнутъ пополнять свою убыль, не подлежитъ сомнѣнію, что отношеніе раждающихся къ умирающимъ подымется въ нихъ гораздо выше средняго отношенія, замѣченнаго впродолженіи 18 вѣка.

Въ Нью-Джерзеѣ среднее отношеніе родившихся къ умершимъ за семь лѣтъ, съ 1736 по 1743, было 300 ко 100. Во Франціи и Англіи наибольшее среднее отношеніе не превышаетъ 120 ко 100. Какъ бы велико ни было это различіе, въ немъ нѣтъ ничего удивительнаго и чрезвычайнаго. Причины этого явленія ясны, понятны, и не имѣютъ ничего таинственнаго. Онѣ лежатъ предъ нашими глазами, и подлежатъ нашимъ изслѣдованіямъ. Религія, безъ сомнѣнія, научаетъ насъ, что камень не падаетъ, что растеніе не растетъ безъ непосредственнаго вмѣшательства божественнаго всемогущества; но самый обыкновенный опытъ показываетъ намъ, что всѣ явленія природы подчинены неизмѣннымъ законамъ, и мы не имѣемъ никакого права думать, чтобы съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, законы, управляющіе населеніемъ, подверглись какимъ либо измѣненіямъ.

Страсть, связывающая оба пола, во всѣ времена была одинакова; видоизмѣненія ея до такой степени ничтожны, что на нее можно смотрѣть, употребляя выраженіе изъ алгебры, какъ на данную величину. Великій законъ необходимости, непозволяющій населенію выходить за предѣлы, допускаемые количествомъ продовольствія, доставляемымъ землею, до того очевиденъ, что не можетъ ни оставаться незамѣченнымъ, ни подлежать сомнѣнію. Средства, употребляемыя природой для поддержанія этого равновѣсія, не столь, правда, очевидны, и представляются въ различныхъ формахъ, но окончательный результатъ остается неизмѣннымъ. Если въ какой либо странѣ отношеніе раждающихся къ умирающимъ указываетъ на приращеніе населенія, значительно превышающее возрастаніе средствъ существованія, то мы можемъ смѣло утверждать, что если не случится выселенія, то умирающіе скоро начнутъ перевѣшивать раждающихся, и что замѣченное предъ тѣмъ отношеніе не представляетъ постоянной средней цифры. Если предупредительныя условія, удерживающія населеніе отъ чрезмѣрнаго разиноженія, прекратятъ или даже только замедлятъ свое дѣйствіе, и если прочія разрушительныя препятствія будутъ отстранены, то всѣ страны міра будутъ періодически опустошаться чумой или голодомъ.

Итакъ, единственный признакъ дѣйствительнаго и проч-

* Necker, *De l'administration des finances*, т. I, стр. 255.

наго размноженія населенія состоитъ въ приращеніи средствъ существованія; но и этотъ признакъ подверженъ извѣстнымъ колебаніямъ, и по правдѣ, довольно замѣтнымъ. Существуютъ страны, въ которыхъ населеніе поддерживается насильственно; народъ привыкъ въ нихъ довольствоваться наименьшимъ количествомъ пищи, необходимымъ для поддержанія жизни. Привычка эта пріобрѣтена исподоволь и, безъ сомнѣнія, въ такія эпохи, когда населеніе возрастало незамѣтно, не сопровождаясь приращеніемъ средствъ существованія. Китай, Индія, страны, населяемыя арабами-бедуинами, представляютъ, какъ мы видѣли, такое состояніе населенія. Среднее количество продовольствія этихъ странъ, повидимому, едва достаточно для поддержанія ихъ населенія. Поэтому, малѣйшее уменьшеніе въ немъ причиненное дурнымъ урожаемъ, вызываетъ въ нихъ самыя печальныя послѣдствія. Народы эти не могутъ не испытывать по временамъ всѣхъ ужасовъ голода.

Въ Сѣвероамериканскихъ соединенныхъ штатахъ, въ которыхъ трудъ оплачивается до такой степени хорошо, что самые низшіе классы народа могутъ безъ труда ограничить свое обычное потребленіе въ годъ дороговизны, голодъ оказывается невозможнымъ. Но, безъ сомнѣнія, наступитъ время, когда на работникахъ отзовется увеличеніе населенія; они будутъ вознаграждаться менѣе щедро, ибо средства существованія не поспѣютъ за размноженіемъ населенія.

Въ Европѣ встрѣчаются различія, зависящія отъ несходства обычаевъ. Замѣчено, что въ Англіи работники южной части острова привыкли употреблять въ пищу прекрасный пшеничный хлѣбъ, и скорѣе рѣшились бы умереть съ голоду, чѣмъ довольствоваться пищей шотландскаго крестьянина. Быть можетъ, со временемъ они научатся кормиться такою же скудною пищей, какою питаются китайскіе бѣдняки. Въ такомъ случаѣ, при томъ же количествѣ средствъ, страна прокормитъ болѣе многочисленное населеніе. Но это будетъ оскорбительно для человѣческаго чувства; будемъ надѣяться, что такого размноженія никогда не случится.

Мы видѣли, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ можетъ случиться, что населеніе постоянно возрастаетъ, не сопровождаясь какимъ бы то ни было приращеніемъ въ средствахъ существованія; но мы знаемъ также, что такое увеличеніе населенія всюду сдерживается въ самыхъ тѣсныхъ границахъ. Гдѣ населеніе не убываетъ, тамъ необходимо должно быть достаточное количество продовольствія для прокормленія рабочаго населенія.

Какъ бы то ни было, при равенствѣ всѣхъ условій, можно утверждать, что всѣ страны населены соразмѣрно съ количествомъ продовольствія, какое онѣ производятъ, или какое можно добыть въ нихъ, и что благосостояніе ихъ находится въ прямомъ отношеніи съ размѣромъ, въ которомъ распредѣляется въ нихъ это продовольствіе, или, другими словами, съ количествомъ пищи, какое можетъ быть получено работникомъ за день работы. Страны, производящія хлѣбъ, гуще заселены, чѣмъ пастбищныя страны, а рисовыя страны имѣютъ больше населенія, чѣмъ страны, питающіяся хлѣбомъ. Но благоденствіе этихъ странъ вовсе не зависитъ отъ числа ихъ жителей, ни отъ ихъ богатства или превосходства; оно зависитъ отъ отношенія народонаселенія къ количеству продовольствія. Отношеніе это вообще находится въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ въ новыхъ колоніяхъ. Въ нихъ познанія и трудолюбіе опытнаго уже народа прилагаются къ обширнымъ нетронутымъ и свободнымъ землямъ. Въ другихъ же отношеніяхъ, все равно, будетъ ли это старый или новый народъ. Въ Великобританіи настоящаго времени вѣроятно пища раздѣляется болѣе щедро, чѣмъ двѣ, три или четыре тысячи лѣтъ тому назадъ. Что же касается до числа жителей, мы имѣли уже случай замѣтить, что почти безлюдныя мѣстности горной Шотландіи болѣе обременены населеніемъ, чѣмъ самыя многолюдныя страны Европы.

Представимъ себѣ народъ, огражденный отъ вторженій и завоеваній чужеземцевъ и предоставленный естественному росту цивилизаціи. Съ той минуты, въ которую производство его почвы можетъ быть принято за единицу, до того времени, въ которое оно обратится въ мильонъ, въ теченіи многихъ тысячъ лѣтъ, нѣтъ возможности встрѣтить періода, въ который бы масса народа не ощущала никакого недостатка въ

продовольствіи. Во всѣхъ европейскихъ государствахъ, во всѣ доступныя намъ историческія времена, мы находимъ, что въ этомъ состояла причина, предупреждавшая рожденіе или вызывавшая смерть безчисленныхъ мильоновъ человѣческихъ существъ, хотя, быть можетъ, никогда въ этихъ государствахъ не было настоящаго голода.

Итакъ, прослѣдивъ внимательно исторію человѣческаго рода, наблюдатель убѣждается, что во всѣ времена и при всевозможныхъ условіяхъ, въ которыхъ жилъ или продолжаетъ жить человѣкъ, можно принять слѣдующія несомнѣнныя положенія:

Размноженіе населенія неизбѣжно ограничивается средствами существованія.

Населеніе возрастаетъ вмѣстѣ со средствами существованія, за исключеніемъ нѣсколькихъ особенныхъ препятствій, легко открываемыхъ.*

Препятствія эти, какъ и всѣ другія, удерживающія населеніе ниже уровня средствъ существованія, суть нравственное обузданіе, порокъ и нищета.

Если сравнить положеніе общества, составлявшее предметъ этой второй книги, съ состояніемъ общества, разсмотрѣннымъ въ первой, то становится очевиднымъ, что въ новѣйшей Европѣ разрушительныя препятствія оказываются менѣе сильными для прекращенія населенія, и напротивъ того, предупредительныя препятствія становятся болѣе сильными, сравнительно съ прежними временами этой части свѣта, или же, что послѣднія никогда не существовали между народами, сдѣлавшими менѣе всего успѣховъ въ цивилизаціи.

Война, главная причина обезлюденія между дикими народами, въ настоящее время сдѣлалась менѣе опустошительной, даже относя къ войнамъ и бѣдственныя революціонныя смуты. Съ тѣхъ поръ какъ распространилась опрятность, съ

* Подъ именемъ возрастанія средствъ существованія слѣдуетъ всегда разумѣть такое приращеніе, которымъ въ состояніи воспользоваться вся масса населенія; въ противномъ случаѣ, приращеніе это не можетъ имѣть никакого дѣйствія на размноженіе населенія.
Прим. автора.

тѣхъ поръ какъ города стали лучше строиться и улицы сдѣлались шире, съ тѣхъ поръ какъ болѣе здравыя политико-экономическія понятія установили лучшее распредѣленіе земныхъ произведеній, чума, повальныя болѣзни и голодъ становятся болѣе рѣдки и менѣе убійственны.

Что же касается до предупредительныхъ препятствій, или условій, недопускающихъ размноженія населенія, то тѣ изъ нихъ, которыя обозначены нами подъ именемъ нравственнаго обузданія*, при настоящемъ состояніи общества, не оказывали большаго вліянія, по крайней мѣрѣ на мужчинъ. Тѣмъ не менѣе, я остаюсь при убѣжденіи, что вліяніе ихъ, даже на мужчинъ, гораздо значительнѣе въ цивилизованныхъ европейскихъ государствахъ, чѣмъ въ странахъ, находящихся еще въ дикомъ состояніи. За то, не подлежитъ сомнѣнію, что число женщинъ, отличающихся этою добродѣтелью, гораздо значительнѣе въ наше время въ этой части свѣта, сравнительно съ тѣмъ, что было прежде, и съ тѣмъ, что существуетъ теперь между варварскими народами. Какъ бы то ни было, но если посмотрѣть на этотъ вопросъ вообще и независимо отъ нравственной точки зрѣнія, то воздержаніе, налагаемое на себя относительно брака, причисляя къ нему главнымъ образомъ всѣ случаи, когда воздерживаются отъ супружества изъ боязни обременить себя семействомъ, должно считать несомнѣнно за самое сильное препятствіе въ новѣйшей Европѣ для удержанія населенія на уровнѣ, допускаемомъ средствами существованія**.

* Просимъ читателя припомнить истинный смыслъ, придаваемый нами этому слову. Прим. автора.

** При изученіи Мальтуса, весьма полезно сопоставлять настоящую главу съ тѣми положеніями, которыя изложены и развиты въ этюдѣ, приложенномъ къ настоящему тому его Опыта. По мѣрѣ того, какъ положенія эти, съ каждымъ поколѣніемъ, привлекаютъ на свою сторону все болѣе и болѣе людей, печальное ученіе знаменитаго экономиста все болѣе и болѣе теряетъ довѣріе и окружавшее его обаяніе.
Рус. перев.

Конецъ перваго тома.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

СТРАН.

Жизнь и труды Мальтуса 5

Предисловія автора къ изданіямъ 1803 и 1817 89

КНИГА ПЕРВАЯ.

О ПРЕПЯТСТВІЯХЪ ДЛЯ РАЗМНОЖЕНІЯ НАСЕЛЕНІЯ ВЪ МЕНѢЕ ВСЕГО ЦИВИЛИЗОВАННЫХЪ СТРАНАХЪ ЗЕМНАГО ШАРА И ВЪ ДРЕВНІЯ ВРЕМЕНА.

Глава I. Изложеніе предмета. — Отношеніе между размноженіемъ населенія и приращеніемъ количества продовольствія 95

Глава II. Объ общихъ препятствіяхъ для размноженія населенія и о способѣ ихъ дѣйствія 103

Глава III. О препятствіяхъ для размноженія населенія при менѣе всего развитомъ состояніи человѣческаго общества 114

Глава IV. О препятствіяхъ для размноженія населенія между *тузелными племенами Америки* 120

Глава V. О препятствіяхъ для размноженія населенія на *островахъ Южнаго моря* 140

Глава VI. О препятствіяхъ для размноженія населенія между *древними обитателями Сѣверной Европы*. 158

Глава VII. О препятствіяхъ для размноженія населенія между *кочующими племенами настоящаго времени*... 177

Глава VIII. О препятствіяхъ для размноженія населенія въ различныхъ *странахъ Африки* 194

Глава IX. О препятствіяхъ для размноженія населенія въ *Сибири* 208

Глава X. О препятствіяхъ для размноженія населенія въ *Турціи и Персіи* 219

Глава XI. О препятствіяхъ для размноженія населенія въ *Индіи и Тибетѣ* 225

Глава XII. О препятствіяхъ для размноженія населенія въ *Китаѣ и Японіи* 235

Глава XIII. О препятствіяхъ для размноженія населенія между *древними Греками* 250

Глава XIV. О препятствіяхъ для размноженія населенія между *древними Римлянами* 259

КНИГА ВТОРАЯ.

О препятствіяхъ для размноженія народонаселенія въ различныхъ государствахъ новой Европы.

Глава I. О препятствіяхъ для размноженія населенія въ *Норвегіи* 271
Глава II. О препятствіяхъ для размноженія населенія въ *Швеціи* 284
Глава III. О препятствіяхъ для размноженія населенія въ *Россіи* 298
Глава IV. О препятствіяхъ для размноженія населенія въ *среднихъ частяхъ* Европы. Общія разсужденія о числѣ раждающихся, умирающихъ и вступающихъ въ бракъ 312
Глава V. О препятствіяхъ для размноженія населенія въ *Швейцаріи* 323
Глава VI. О препятствіяхъ для размноженія населенія во *Франціи* и въ *Испаніи* 344
Глава VII. О препятствіяхъ для размноженія населенія во *Франціи (продолженіе)* 367
Глава VIII. О препятствіяхъ для размноженія населенія въ *Англіи* 374
Глава IX. О препятствіяхъ для размноженія населенія въ *Англіи (продолженіе)* 394
Глава X. О препятствіяхъ для размноженія населенія въ *Шотландіи* и *Ирландіи* 406
Глава XI. О плодовитости *браковъ* 422
Глава XII. Вліяніе *повальныхъ болѣзней* на списки *раждающихся, умирающихъ* и *вступающихъ въ бракъ*. 446
Глава XIII. Общіе выводы изъ представленной нами картины общества 458